

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
МУЗЕЙ АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ им. ПЕТРА ВЕЛИКОГО
(КУНСТКАМЕРА)

НЕМЦЫ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ XVIII–XX вв.

Выпуск 15

Санкт-Петербург
2024

ББК 63.3(2)

УДК 94(470.23-25):929(=112.2)"17/21"

Н50

Утверждено к печати Ученым советом МАЭ РАН

Рецензенты:

*д-р ист. наук Н. Е. Мазалова (МАЭ РАН),
канд. ист. наук Е. Д. Юхнёва*

Ответственный редактор

канд. ист. наук Ю. В. Бучатская

Н50 Немцы в Санкт-Петербурге. XVIII–XX вв. Вып. 15 / отв. ред.
Ю. В. Бучатская. — СПб.: МАЭ РАН, 2024. — 484 с.

ISBN 978-5-88431-424-5

DOI

Сборник научных статей «Немцы в Санкт-Петербурге» (вып. 15) посвящен биографиям немцев, жителей Санкт-Петербурга, которые представляют разные сословия и профессии — от великих князей, секретарей посольств до библиотекарей, врачей и пасторов. Сборник имеет четыре раздела, соответствующих тематике исследований и посвященных духовной и культурной жизни немецкого Петербурга, немцам в высшем сословии Петербурга и профессионалам немецкого происхождения, отличившимся на службе Российскому государству, а также ленинградским немцам XX в.

Биографические портреты и судьбы немцев-профессионалов могут представлять интерес для самых разных специалистов — историков, этнографов, антропологов рода, историографов науки, историков промышленности, техники и искусства.

*Издание осуществлено при содействии Фонда поддержки и развития
русско-немецких отношений «Русско-немецкий центр встреч
при Петрикирхе Санкт-Петербурга» в рамках программы
по поддержке немецкого меньшинства.*

ISBN 978-5-88431-424-5

© МАЭ РАН, 2024

© Фонд поддержки и развития русско-немецких отношений
«Русско-немецкий центр встреч при Петрикирхе Санкт-Петербурга», 2024

© А. Ю. Харитоновна, обложка, 2024

К ЧИТАТЕЛЮ

Пятнадцатый выпуск сборника научных статей «Немцы в Санкт-Петербурге. XVIII– XX вв.» традиционно выходит в свет по результатам работы коллектива авторов и участников прошедшей в 2023 г. XXIII научной конференции «Немцы в Санкт-Петербурге». Как и предыдущие четырнадцать, он посвящен немецким страницам истории Санкт-Петербурга–Петрограда–Ленинграда, однако больше не содержит подзаголовка «Биографический аспект», расширяя тематику сборника и постепенно уходя от энциклопедического характера издания, собирающего исключительно биографии представителей немецкой диаспоры столицы Российской империи в период ее расцвета, к более широкой контекстуализации и проблематизации немецкую культуру и повседневность в изменившихся условиях радикальной национальной политики XX в.

Сборник содержит четыре тематических раздела, включающих 16 статей.

Его открывает раздел «Духовная и культурная жизнь немецкого Петербурга», в который вошли три статьи. Статья С. А. Лейермана «Немецкая мистика в России», написанная на основе текстов немецких мистиков и их предшественников, задает тон разделу, показывая читателю, как учения немецких христианских мистиков формировали просветительские идеи в России, создали предпосылки для зарождения русской интеллигенции, расцвета золотого и серебряного веков русской культуры и влияли на жизнь российского общества середины XVII — начала XX в. Статья А. С. Лисицыной «Камилл Бертольд (1825–1914) — пастор, редактор, издатель» посвящена биографии лютеранского пастора полунемецкого-полуитальянского происхождения, который был одной из самых важных фигур в истории евангелической церкви России XIX–XX вв. и много внимания уделял не только духовной жизни своей паствы, но и просветительской деятельности. Завершает раздел биографический очерк И. Л. Лейнонен и М. Т. Валиева о многогранной деятельности нашего современника, петербургского поэта, художника и краеведа немецкого происхождения Роберта Лейнонена (1921–2019).

Второй раздел сборника — «Немцы в высшем сословии Петербурга» — содержит две статьи: М. М. Сафонова «Автобиографическая записка» Екатерины II» и П. А. Головнина «Князя Гогенлоэ в Санкт-Петербурге». Историк М. М. Сафонов предпринял попытку проанализировать один из ранних мемуарных текстов Екатерины II и пришел к выводу, что скрупулезно изучаемый им текст «Автобиографической записки» выдержан в определенном стиле — автор называет его стилем резюме, — который представляет биографию автора с выгодной стороны, утаивая нелицеприятные нюансы, и в таком случае не подходит для реконструкций реальной биографии Екатерины II, но его внимательное прочтение «между строк» предоставляет ценный материал для изучения психологического портрета будущей императрицы, старавшейся скрыть свой подлинный образ. П. А. Головнин продолжает раздел статьей о представителях рода Гогенлоэ (Hohenlohe) в Петербурге и России.

Следующий раздел — «Немецкие профессионалы на службе Петербургу и России» — самый многочисленный. Он посвящен центральной теме сборника и конференций и знакомит читателя с жизненными и профессиональными траекториями профессионалов немецкого происхождения из разных областей знания и деятельности, послуживших своим квалифицированным трудом, стереотипной «немецкой» аккуратностью и усердием, европейским уровнем познаний и образования на пользу развитию науки, культуры, просвещения и благосостояния Петербурга и России. В раздел вошли статьи И. М. Могилевич о дипломате и соратнике А. С. Грибоедова по русскому посольству в Персии А. К. Амбургере («“Рыцарь солнца” — Андрей Карлович Амбургер»); О. В. Иодко об академике Абихе и его сложном и авантюрном геологическом исследовании Арарата в 1844–1845 гг. («Геолог, минералог, академик Герман Вильгельм Абих (1806–1886)»). Статья Н. Г. Кузьминой «Р. К. Шнейдер — основатель первого полиграфического журнала в России» посвящена деятельности издателя Рудольфа Шнейдера. На примере круга общения и жизни Шнейдера по архивным материалам автор статьи показывает, как функционировали связи между немцами Петербурга и проявлялась взаимопомощь бывших соотечественников. М. Т. Валиев в статье «Фамильная история

семьи Кранкенгаген» пишет о трех поколениях профессионалов из рода Кранкенгагенов, интерес к которым у исследователя возник благодаря связям этих персон с прославленной гимназией Карла Мая в Петербурге. Кранкенгагены прославились на музыкальном и книгоиздательском поприще. Е. В. Смирнова посвятила свое исследование «Работы архитекторов немецкого происхождения на участках благотворительных учреждений в начале XX в.» немецким архитекторам и их проектам санаториев и построек на землях Сестрорецка и побережья Финского залива, в известном курортном районе вблизи Петербурга, судьбе этих построек, которую автор прослеживает вплоть до настоящего времени. Две заключительные статьи раздела объединены ботаникой: Л. В. Никонорова и С. В. Шевчук посвящают свое исследование («Карл Фердинандович Гейн (1889–1964) — садовник») жизненному пути и профессиональной самоотдаче ленинградского садовника с немецкими корнями Карла Гейна, а Е. С. Соболева вводит в научный оборот архивные материалы профессиональной биографии ботаника и сотрудника Ботанического института РАН Александра Михельсона («Петербургский и среднеазиатский ботаник А. И. Михельсон»). Обе статьи акцентируют внимание на профессиональной повседневности и отношении к профессиональному долгу своих героев в условиях драматических событий советской истории XX в. и вопреки вызванному ими слоу привычных ориентиров.

Завершает пятнадцатый выпуск сборника «Немцы в Санкт-Петербурге» раздел «Ленинградские немцы XX в.: национальная политика СССР, репрессии и память». В него вошли статьи Е. В. Лебедевой «“Инстинкты колонистов грубо-кулаческие”: немецкие колонии под Петроградом и советская власть в период военного коммунизма (1918–1921)», И. В. Черказьяновой «Этническая идентичность ленинградских немцев накануне и в годы Великой Отечественной войны», Н. И. Ивановой «Немцы и австрийцы на Ленмясокомбинате им. С. М. Кирова. Из серии “Исчезнувшие музеи”» и Е. Т. Захаровой «Память — единственное оружие мертвых». Выдержки из дневника М. И. Гессе». Историк Е. В. Лебедева на основе анализа документов показывает, как политика военного коммунизма в немецких колониях Петроградского региона натал-

кивалась на активное противодействие со стороны колониального сообщества, влияла на уклад и хозяйство колоний и как трансформировалось отношение немецких колонистов к советской власти. И. В. Черказьянова посвящает свое исследование проблеме этнической идентичности немецкого населения Ленинграда и Ленинградской области 1920–1940-х гг., восприятию советских немцев в обществе в период антинемецких настроений времени Великой Отечественной войны, а также способам определения этнической идентичности на основе отрывочных данных. Н. И. Иванова, представляя свою концепцию «исчезнувших музеев», существовавших в Петербурге/Ленинграде и области в советские годы, пишет о примере советского предприятия, Ленинградском мясокомбинате им. С. М. Кирова и его некогда существовавшем музее, материалы архивов которого позволили ей не только восстановить утраченные имена немцев — работников предприятия, но и порассуждать на примере их судеб о реализации национальной политики СССР в отдельно взятой организации. Завершает сборник необычная публикация сотрудника Института экспериментальной медицины Е. Т. Захаровой, которая ставит перед собой задачу — дать голос своей героине — Маргарите Гессе, супруге репрессированного трансфузиолога и коллеги автора Эрика Гессе. Публикация предлагает вниманию читателя источник — выдержки из дневника Маргариты Гессе, где личные переживания героиней ее трагедии обретают форму цитат из произведений европейской литературы. Такой прием дает автору возможность поместить отдельные судьбы советских немцев в мировой культурный контекст.

Ю. В. Бучатская

**Духовная и культурная
жизнь немецкого
Петербурга**

С. А. Лейерман

НЕМЕЦКАЯ МИСТИКА В РОССИИ

В статье освещается значительное влияние немецкой мистики, в основном христианской, на жизнь российского общества середины XVII — начала XX в.: учений Экхарта, Таулера, Вейгеля, Беме, И. В. Андреа, Новалиса, Штейнера и других, а также носителей мистической традиции — от Сибеллиста, Шварца, Фесслера, Линдля, Госнера до Минцловой, Сиверс, Мебеса и др.

Данное исследование отражает участие немецких мистиков в российском просвещении, создании предпосылок зарождения русской интеллигенции, расцвете золотого и серебряного веков русской культуры. Раскрывается роль немецкой мистики в формировании мировоззрения идеологов и учителей русского Серебряного века: В. Иванова, М. Волошина, Д. Мережковского и З. Гиппиус.

На примере Г. Гейзелера, Р. Вальтера, Э. Метнера и других рассматривается обратное влияние русской мистики в Германии 1920–1930-х годов. Преимущественное внимание уделяется биографиям петербургских мистиков немецкого происхождения.

При подготовке материала использовались тексты немецких мистиков и их предшественников, был проанализирован широкий спектр религиозно-философских учений и относящихся к ним мистических практик.

Ключевые слова: петербургские немцы, немецкая мистика, пиетизм, религиозная философия, розенкрейцерство, русское масонство, мистическое богословие.

S. A. Leyerman

GERMAN MYSTICISM IN RUSSIA

The article highlights the significant influence of German mysticism, mainly Christian, on the life of Russian society in the mid-XVII — early XX centuries: the teachings of Eckhart, Tauler, Weigel, Boehme, I. V. Andrea, Novalis, Steiner and others, as well as the bearers of the mystical tradition — from Sibellist, Schwartz, Fessler, Lindl, Gosner to Mintslova, Sievers, Mebes and others.

Russian mystics' participation in the Russian enlightenment, in creating the prerequisites for the birth of the Russian intelligentsia, the heyday of the Golden and Silver Centuries of Russian culture is reflected in this study. The role of German mysticism in the formation of the worldview of ideologists and teachers of the Russian Silver Age: V. Ivanov, M. Voloshin, D. Merezhkovsky and Z. Gippius is revealed.

The reverse influence of Russian mysticism in Germany of the 1920s and 30s is considered on the example of G. Geiseler, R. Walter, E. Medtner and others. Primary attention is paid to biographies of St. Petersburg mystics of German origin.

When preparing the material, the texts of German mystics and their predecessors were used, a wide range of religious and philosophical teachings and mystical practices related to them were analyzed.

Keywords: St. Petersburg Germans, German mysticism, pietism, religious philosophy, Rosicrucianism, Russian Freemasonry, mystical theology.

Да будут все едино, как Ты, Отче, во Мне,
и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино.

(Ин. 17:21)

История многовековых связей между Россией и Германией включает аспект, важность которого до сих пор учитывается не всегда. Это существенное влияние немецкой мистики на мировоззрение образованного слоя русского общества в период с XVIII по начало XX в. В этом процессе петербургские немцы принимали непосредственное участие. В 20-е годы XX в. существовало обратное движение русской мистической философии и соответствующих практик из России в Германию, среди носителей которого тоже были петербургские немцы.

Истоки немецкой мистики

Религиозно-мистические, в основном христианские, учения и практики занимали важное место в жизни Германии, для которой было характерно стремление от внешней религиозности к живой вере и непосредственному религиозному переживанию. Это привело к расцвету немецкой мистики в XIII–XIV вв., а позже к религиозной Реформации. Немецкое Просвещение также оставалось в основном религиозным, пронизанным духом пиетизма, стремлением к непосредственному переживанию Божественного и внутреннему преображению человека¹. Ориентированным на мистическое познание было и немецкое масонство, относительно менее светское и политизированное, чем, например, английское. Эти особенности нашли живой отклик у заметной части русской европеизированной элиты, а позже у интеллигенции.

Существует большое количество определений мистики, но, с точки зрения самих мистиков, понять, что представляет собой мистический опыт, возможно, лишь пережив его. Можно сказать, что мистика — это непосредственное внутреннее переживание Божественного. Или что это познание, которое предполагает не столько понятийный, сколько экзистенциальный опыт². В несколько ином, более расхожем значении мистика, по определению Владимира Соловьева, — это «совокупность явлений и действий, особым образом

связывающих человека с тайным существом и силами мира, независимо от условий пространства, времени и физической причинности»³.

Термин «немецкая мистика» был введен в 1831 г. учеником Гегеля, Карлом Розенкранцем⁴, который определял им учения рейнских мистиков: Экхарта, Таулера и Сузо. В данной статье понятие «немецкая мистика» используется шире, под ней понимаются мистические учения и практики, имеющие немецкие корни или развившиеся в немецком культурном пространстве.

Мистика не противоречит христианству⁵, истоки христианской мистики содержатся в Евангелии от Иоанна, посланиях апостола Павла, Деяниях апостолов и у ранних Отцов Церкви⁶. Но одновременно существовал догмат, в соответствии с которым между тварной и нетварной природой, то есть человеком и Богом, существует онтологический разрыв, что означает непознаваемость и невыразимость Бога по Существу⁷.

Шаг к преодолению этого противоречия⁸ был сделан Дионисием (Псевдо-Дионисием Ареопагитом)⁹, развившим в Ареопагитиках, исходя из положения о непознаваемости Бога, путь апофатического богословия. По Дионисию, в обретенном посредством практики состоянии полного молчания ума и чувств, в котором нет не только проявлений ума и воли, но и познающего «я» (для которого Бог действительно непознаваем), возможно озарение — нисхождение Бога в душу безмолвствующего и единение с Ним. В этом состоянии Бог познается не по Его действиям или энергиям, а по Существу¹⁰. Максим Исповедник называл такое богопознание таинственным богословием.

В IX в. Эриугена, считающийся первым мистическим философом Запада, перевел Ареопагитики с греческого на латынь¹¹ и соединил учение Августина о внутреннем познании божественного с мистицизмом восточного христианства. А в XIII в. Альберт Великий, выдающийся немецкий ученый-схоласт, учитель Фомы Аквинского, основывал свое мистическое богословие на Дионисии. Он соединил в своем учении богословие, естественные науки и мистику, считал высшим состоянием, доступным человеку, растворение в мистическом созерцании Бога, слияние с ним, преображе-

ние в духовного человека, а не только временные переживания единства. Преемниками Альберта Великого были рейнские мистики, также являвшиеся последователями Дионисия, при этом сохранявшими философский интеллектуализм.

С начала XI в. в Западной Европе, на Балканах и Ближнем Востоке усилились мистические настроения, проявившиеся как у последователей гностических учений¹², так и среди ортодоксальных христиан, особенно женщин. В начале XIII в. в рейнском районе Германии появились бегинки¹³, и скоро тысячи женщин стали оставлять обычную жизнь в миру ради духовной, мистической жизни¹⁴. Их мистика была «мистикой любви», любовного союза человеческой души с Богом, но часто она сочеталась с философско-созерцательной, «метафизической мистикой». Одной из основных тем мистики бегинок было обожение через сыновство в Боге и рождение Бога в человеческой душе.

Вершиной средневековой немецкой мистики является учение Мейстера Экхарта (1260–1328), а также его ближайших учеников: Иоганна Таулера (1300–1361) и Генриха Сузо (1295–1366). Оставленные ими тексты — достояние человечества, они и сейчас способны изменить жизнь читателя, придать ей новый смысл¹⁵.

По форме трактаты Экхарта вполне соответствуют схоластическим канонам того времени, продолжая традиции Альберта Великого и Фомы Аквинского, но под покровом схоластики таится подлинный мистический опыт. Еще более он ощущается в проповедях, написанных на немецком языке. В описании мистического опыта Экхарт следует традиции мистического богословия Дионисия. «Тебе следует знать: быть пустым означает для всех творений быть полным Бога. Быть же наполненным — это для всех творений означает быть лишенным Бога»¹⁶. Эта радикальная, совершенная отрешенность отбрасывает все: знание, силу, желания, индивидуальность становится чистой восприимчивостью. Тогда Бог рождает в ней Сына, и Бог созерцает в нас Самого Себя. Но эта отрешенность не внешняя, а внутренняя, чему в русской литературе соответствует духовный путь старца Зосимы, в отличие от жизни отца Ферапонта¹⁷ у Достоевского¹⁸. Если мистика Экхарта вдохновенна, но интеллектуальна и философична, то чрезвычайно

сильные по воздействию проповеди Иоганна Таулера более просты и имеют скорее духовно-практическую направленность. Главное в них — передать свой личный опыт познания Божественного, объяснить ценность этого опыта, обратить внимание с внешнего в глубину души, чтобы обрести в себе живого Бога. Особо проникновенны и человечны сочинения Генриха Сузо¹⁹.

Стремление к живой, непосредственной религиозности, основанной на реальном переживании, протест против ученой схоластики, неудовлетворение внешним, формальным характером религиозной жизни, бюрократизацией церковной иерархии охватили множество людей в Германии и вылились в конце концов в реформацию. Ее приближали многие искренние, талантливые проповедники, а также движения, существовавшие в общем русле «Нового благочестия», такие как «Братья общей жизни»²⁰, к которым принадлежал Фома Кемпийский (1380–1471), автор популярной в России книги «Подражание Христу».

Сам Лютер хотел заменить схоластическую римскую теологию новой, основанной на живом мистическом опыте, и говорил, что не учил ничему другому и не хотел учить ничему другому, кроме как тому, что он почерпнул у Иоганна Таулера. В 1516 г., еще до издания своих «95 тезисов», он опубликовал «Немецкую теологию» — сборник проповедей, включающих проповеди Таулера и почти дословные выдержки из Мейстера Экхарта²¹.

Когда движение Реформации оформилось в новую церковь, оно само начало борьбу со столь широко распространившимися мистическими течениями. Так, был изгнан из страны страстный последователь Лютера Каспар Швенкфельд, проклят Андреас Озиандер. Но мистика не исчезла, и XVI в. оставил ряд значительных имен мистиков, среди которых — Себастьян Франк и Валентин Вейгель.

Одновременно происходило изменение отношения к природе, которую уже не считали греховной и недостойной внимания, как в Средневековье²². На природу начали смотреть как на откровение, которое надо уметь прочесть. Правда, открытие тайн природы и управление ее скрытыми силами связывали не с научным опытом и анализом, а с овладением неким тайным знанием, доступным

посвященным. На основе этого убеждения развивались тайные науки. До нас дошли многие имена их немецких адептов: Иоганна Рейхлина (1455–1522), каббалиста и основоположника серьезного изучения иудаизма в христианском мире; Теофраста Парацельса (1493–1541), врача, мага и алхимика; Агриппы Неттесгеймского (1486–1535), выдающегося ученого и исследователя магии. К последователям тайных наук можно отнести и Николая Кузанского (1401–1464), великого немецкого гуманиста, сына торговца рыбой, кардинала, в мировоззрении которого слились мистика, схоластика, естественные и тайные науки. Он был автором учения о мудром незнании, в котором созерцается *coincidentia oppositorum* — совпадение противоположностей — и исчезают все противоречия единичных вещей.

Связь религиозно-философской и натурфилософской мысли достигла вершины у Якоба Беме (1575–1624), учение которого оказало огромное влияние на умы в России. В те годы мистика была распространена в ремесленных гильдиях, и Беме, будучи странствующим учеником-ремесленником, познакомился с учениями Парацельса, Швенкфельда и Вейгеля. Спустя годы он создал собственное учение о Боге и мире, подобное сложным гностическим системам древности. Он отвергал опыт и презирал науку, стараясь разобраться в природных процессах, опираясь на борьбу добра и зла, смотря внутрь верующей души.

Беме считал грехопадением каждого человека его «влюбленность» в земной мир, а искуплением то, что противоположно миру: «Иди во всех вещах наперекор миру, тогда придешь ближайшей дорогой к добродетели»²³. Даже само «я», принадлежащее этому миру, тоже нужно оставить, полностью предав себя Богу.

Разработанные их предшественниками основы мистицизма были синтезированы и систематизированы в учении братства розенкрейцеров. Впервые о нем стало известно в Германии в 1610-х годах, когда появились списки первого манифеста розенкрейцеров, *Fama Fraternitatis*, а в 1614-м вышел первый тираж Манифеста. Вслед за ним появились сотни изданий, заложивших теоретическую базу масонства. Вероятно, автором текстов двух розенкрейцерских манифестов и «Алхимической свадьбы» был талантливый молодой

человек из Тюбингена, будущий известный писатель, теолог и алхимик, Иоганн Валентин Андреа²⁴.

В конце XVIII в. возникло связанное с ранним розенкрейцерством мистическое течение Злато-Розового Креста, оказавшее определяющее влияние на духовную и интеллектуальную жизнь в России. В русской художественной литературе образ идеального розенкрейцера отражен в герое «Творимой легенды» Ф. Сологуба, Георгии Сергеевиче Триродове.

Масонство, пришедшее в немецкие земли из Англии, стало популярным среди немецкой аристократии после того, как в 1738 г. в ложу вступил будущий король Пруссии Фридрих II²⁵.

Однако английские ложи представлялись многим ищущим лишенными мистических тайн, и они обратились к шотландским ложам, претендующим на происхождение от тамплиеров, а не найдя и там того, что искали, — к ложам шведской системы, возглавляемым фон Циннендорфом. Здесь считалось, что Христос, помимо евангельского учения, передал избранным апостолам некое тайное знание, перешедшее к тамплиерам, а от них к масонам шведской системы. Немецкая культурная элита тех лет была не просто религиозна, но крайне мистична, стремясь соединить интеллектуальное постижение действительности с непосредственным восприятием божественного. Такими были многие немецкие масоны, среди которых Гете, Лессинг, Гердер и Фихте.

Немецкая мистика в России

Тексты немецких мистиков попадают в Россию в XVII в. Среди них сочинения Якоба Беме, Парацельса, Валентина Вейгеля, Иоанна Арндта и манифесты братства розенкрейцеров.

В 1633 г. на одном корабле с Адамом Олеарием, немецким ученым, путешественником и дипломатом, автором «Описания путешествия в Московию», в Россию прибыл Венделин Сибеллиста, лейб-лекарь царя Михаила Федоровича, почитатель Пауля Фельгенауэра²⁶ и Якоба Беме. Известно, что еще до приезда в Россию Сибеллиста получил от Иоахима Морсия, доверенного лица Иоганна Валентина Андреа, экземпляр написанного Андреа розенкрейцерского манифеста «Imago или картина христианского обще-

ства»²⁷. Хотя о последователях Сибеллисты в России сведений нет, известно, что он привез с собой большое количество розенкрейцерских рукописей. Перед отъездом из России²⁸ Сибеллиста порекомендовал на свое место доктора Хартмана Грамана из Тюрингии, последователя Парацельса и знатока тайных наук. В стихотворении, написанном в 1635 г., друг Грамана, немецкий поэт Павел Флеминг, писал о нем: «То, что написал Гермес Трисмегист, что Луллий скрыл, что Кроллий передал, — все это тебе открыто»²⁹. В 1656–1666 гг. лейб-медиком при царе Алексее Михайловиче был Андреас Энгельхарт из Кетена, входящий в круг розенкрейцеров и последователей Беме. В 1676 г. уже новый царь Федор Алексеевич приказал отыскать Энгельхарта в Европе и пригласить в Москву, где тот и скончался в почете в 1683 г.³⁰ Около 1665 г. купец московской Немецкой слободы Конрад Нордеман познакомился в Архангельске с неким «доктором», от которого получил по завещанию книги, включающие труды Якоба Беме и другие мистические тексты. 27 апреля 1689 г. в Немецкую слободу приехал немецкий мистик и поэт Квириин Кульман (1651–1689), последователь Беме, мечтавший о воплощении в России своей идеи христианской монархии, в которой реализовывались идеи розенкрейцеров и Беме. Но в том же году Кульман, Нордеман и художник-портретист Хенин попали в тюрьму. Хенин покончил с собой, а Кульман и Нордеман, не пожелавшие отказаться от своих взглядов, 4 октября 1689 г. по указу царей-соправителей Петра I и Ивана V были сожжены на Красной площади в срубе вместе с сочинениями Кульмана³¹.

Несмотря на трагическую судьбу последователей Беме, его учение продолжило свой путь в Россию, появлялись переводы его сочинений сначала на церковнославянский, а позже на русский язык. Также уже в первой половине XVIII в. были популярны книги Иоганна Арндта³².

Первое упоминание масонства в России относится к 1731 г. В 1756 г. в Петербурге существовала ложа, к которой принадлежали 35 человек³³. В это время часть молодых дворян почувствовала, что модное тогда вольтеррианство³⁴ внесло разлад в их души³⁵. Некоторые из них поняли опасность безверия для русского общества,

предвосхитив мысль Достоевского: «Если Бога нет, то все позволено». Это привело их к богоискательству и стало мотивом общения к масонским ложам³⁶.

В 1770-е годы в Петербурге существовало как минимум две масонские системы. Одна — английского образца, возглавляемая Елагиным, а вторая — немецкая (шведско-берлинская или Циннендорфская). Первая ложа Циннендорфской системы была учреждена в Петербурге 12 марта 1771 г. фон Рейхелем, специально посланным в Россию с этой целью³⁷.

В конце 1770-х среди петербургских масонов росло разочарование шведско-берлинской системой масонства Рейхеля, которая была для них недостаточно мистична³⁸. Вскоре петербургские мистики обратились к шведской системе, и в 1778 г. в Петербурге был основан принадлежащий к ней «Капитул Феникса», но настоящий расцвет русского масонства связан с орденом розенкрейцеров, деятельностью Новикова и Шварца.

В 1779 г. Новиков переехал из Петербурга в Москву, где в этом же году поселился российский немец Иоганн Георг Шварц (1751–1784). В 1781 г. Шварц отправился за границу «искать степеней и статутах древнего истинного масонства, а не актов системы “строгого наблюдения” или французской или же вообще имеющей политический характер»³⁹.

22 октября 1781 г. Шварц представил герцогу Брауншвейгскому ходатайство о принятии российских лож под его власть и признании России отдельной самостоятельной провинцией. Так русское масонство приобрело относительную независимость. Кроме того, в том же году И. Х. Вельнером⁴⁰ и его другом, берлинским лейбхирургом, влиятельным масоном Иоанном Христианом Теденом Шварц был посвящен в орден розенкрейцеров⁴¹ и стал единственным верховным представителем теоретической степени Соломоновых наук в России⁴².

В ордено розенкрейцеров русские масоны нашли то, что давно искали: крайнюю религиозность, тайные знания и глубокие мистические практики. Мистические погружения не помешали русским розенкрейцерам под руководством Шварца и Новикова сыграть в России роль, сопоставимую с ролью французских философов-

просветителей — Вольтера, Дидро и др. — во Франции. Но характер русского Просвещения был совершенно иной. Его основой было религиозно-мистическое просвещение, которое дополнялось развитием светского образования. Такие определения, как «просвещенное общество» или «ученые мужи и любители российских писмен», впервые встречаются именно у Новикова⁴³, но основой просвещенного общества Шварц и Новиков считали мистическую религиозность.

С целью образования молодых людей и подготовки их к переводческой работе Шварцем было организовано Дружеское ученое общество. Масоны, члены общества, сами переводили многие десятки текстов, готовили их к изданию и печатали, в том числе в созданных ими же типографиях. При этом с 1781 г. Шварц издавал и «Московскую немецкую газету». Он видел свою миссию в создании русского образованного общества. Его ядром должна была стать университетская молодежь, с которой он постоянно работал. Здесь его цели совпадали с задачами Екатерины Великой, заложившей начала единой образовательной системы в России. Эта система была учреждена по образцу австрийской, а австрийская система — построена по прусскому образцу. Екатерина стремилась к умножению «среднего рода людей», «тех, кои не быв дворянином ни хлебопашцем, упражняются в художествах, в науках, в мореплавании, в торговле, в ремеслах»⁴⁴. Проект Екатерины не был осуществлен вполне, но по-своему его постарались реализовать масоны. Парадоксальным образом Екатерина же прервала их просветительскую деятельность, запретив масонство.

Шварц и Новиков сумели приобщить русскую элиту к книжной культуре, они подняли книжное дело в России на новый, более высокий уровень. Более того, есть все основания утверждать, что Новиков, Шварц и их сподвижники сыграли ведущую роль в зарождении русской интеллигенции⁴⁵.

С 1766 по 1790 г. Новиковым было издано 944 наименования книг, журналов, альманахов и др., причем некоторые представляли собой многотомные издания, а среди альманахов были выходящие каждую неделю⁴⁶. Надо отметить высокое качество изданий, это была литература, развивающая человека интеллектуально и нрав-

ственно. Были открыты книжные лавки и книжный магазин с первой в Москве библиотекой.

После смерти Шварца в 1784 г. главой русских розенкрейцеров стал Генрих Шредер, не столь искренний подвижник, как Шварц, и более склонный к политике. Постепенно доверие Екатерины к масонам падало, и в 1792 г. Новиков был заключен под стражу в Шлиссельбургской крепости.

Что касается петербургских лож Елагина, ими фактически было перенято учение розенкрейцеров, хотя на словах Елагин с этим не соглашался. С 1784 г. его ложи закрылись, а через два года возобновили свою работу уже на новых, близких к розенкрейцерству, основаниях.

При Павле I гонения на масонов прекратились. Едва вступив на престол (17 ноября 1796 г.), он немедленно освободил Новикова. Просветительская деятельность масонов продолжилась в александровское время⁴⁷. Например, ими были учреждены школы взаимного обучения, в том числе в армии среди офицеров. Развитие этих армейских школ способствовало поднятию культуры русского офицерства. Барон Андрей Евгеньевич Розен, декабрист, поручик лейб-гвардии Финляндского полка в Петербурге, вспоминал: «Между офицерами стали выказываться личности, занимавшиеся не одними только учениями, картами и уставом воинским, но чтением научных книг. Беседы шумные, казарменные о прелестьях женских, о поединках, попойках и охоте становились реже, и вместо них все чаще слышны были суждения о политической экономии, об истории и народном образовании. Место неугасимой трубки заменили на несколько часов в день книги и перо, и вместо билета в театр стали брать билеты на получение книг из библиотеки»⁴⁸.

В то время к масонству принадлежали многие петербургские немцы; среди них те, биографии которых еще не изучены, и такие известные люди, как, например, мыслитель, мистик, общественный деятель, проповедник, видный масон и автор многочисленных сочинений Игнац Аврелий Фесслер (1756–1839). В 1809 г. М. М. Сперанским он был приглашен в Петербург и с января 1810 г. преподавал восточные языки, церковные древности и философию

в Санкт-Петербургской духовной академии⁴⁹. Помимо работы в академии, Фесслер был управляющим ложи «Полярная звезда»⁵⁰, а также всячески способствовал утверждению истинного масонства, согласного с христианским учением⁵¹ и отвергающего масонскую иерархию высших степеней⁵². Его «истинное масонство» ставило целью создание нового общества, основанного на христианском учении, нравственном воспитании и сознании высокого предназначения человека⁵³. Среди сподвижников Фесслера были «известный медик Е. Е. Эллизен, богослов пастор Фольборт, деятель различных филантропических кружков П. П. Пезаровиус, библиофил, книгопродавец К. Вейгер и др.»⁵⁴ Вызвав нарекания церковных властей тем, что «вводит Платонову философию», «кроме Платоновой философии более 25 лет руководствуется учением Плотина (и вообще Александрийской школы)»⁵⁵ и т. п., в июле 1810 г. он был вынужден оставить службу в академии и перейти в комиссию составления законов под управлением М. М. Сперанского⁵⁶. С марта 1811 г. Фесслер жил в Вольске, в Саратове и Сарепте, центре немецких евангелических колоний⁵⁷. В октябре 1819 г. он был назначен суперинтендантом и духовным президентом Саратовской евангелической консистории⁵⁸, а с 1834 г. был церковным советником лютеранской общины Петербурга⁵⁹. Все эти годы продолжалась внутренняя религиозно-мистическая практика Фесслера, находящая внешнее выражение в проповедях и многочисленных сочинениях, написанных, по его словам, «для тех, для кого духовная жизнь точно так же, как для меня, имеет величайшую ценность»⁶⁰. Всю жизнь он был защитником истинного мистицизма, освобожденного от мифов и выдумок и не противоречащего науке. Такой мистицизм он считал «врожденным свойством разума, сродным религиозности и философии»⁶¹.

Император Александр I — наверное, самый влиятельный петербургский мистик немецкого происхождения. Из его дел отметим реформу образования, открытие пяти университетов, включая Петербургский, многих институтов, включая Лесной и Корпуса инженеров путей сообщения в Петербурге, лицеев, в том числе Царскосельского, гимназий, уездных и приходских училищ. О религиозно-мистических взглядах императора свидетельствует его

заметка «О мистической словесности»⁶². Переписка Александра говорит о его знакомстве с учением розенкрейцеров⁶³.

С конца XVIII в. в Германии происходило религиозное возрождение, сопровождавшееся расцветом мистики как среди католиков, так и протестантов. С некоторыми из немецких мистиков Александр поддерживал отношения. Известно, что в Бадене он встречался с мистическим философом Юнгом-Штиллингом (1740–1817)⁶⁴, предсказывавшим второе пришествие Христа на юге России⁶⁵. В 1808 г. с Юнгом-Штиллингом познакомилась баронесса Варвара Юлия фон Крюденер, прибалтийская немка, писательница, христианский мистик и предсказательница, проповедующая единую семью всех христиан и восстановление единой веры. А в 1815 г. Крюденер встретила с Александром и произвела на него сильное впечатление, после чего несколько лет имела влияние на императора⁶⁶. По ходатайству Крюденер Александр I разрешил въезд в Россию жертвам голода 1816–1817 гг. из Германии и Швейцарии⁶⁷, а заботу об организации эмиграции взял на себя барон Беркгейм⁶⁸. Помимо жертв голода, приехать в Россию тогда хотели многие недовольные заменой религиозных гимнов, предпринятой в соответствии с религиозной реформой, а также последователи религиозного философа, библиста Иоганна Бенгеля и Юнга-Штиллинга⁶⁹.

В 1817 г. барон Беркгейм посетил пастора Игнатия Линдля (1774–1846), находящегося под надзором католических властей. В 1812 г. Линдль пережил мистический опыт, изменивший его жизнь, и вскоре познакомился с лидерами движения «пробужденных»⁷⁰, М. Боосом и И. Госснером, а также с И. Г. Юнгом-Штиллингом. «Пробужденные» придерживались мистических взглядов, считали, что Св. Писание нельзя понять без помощи Св. Духа, а проповедовать можно лишь получив непосредственное озарение от Христа. Вскоре после посещения Бернгейма в переписку с Линдлем вступил князь А. Н. Голицын. После начала новых гонений на «пробужденных» со стороны католических властей русский посланник от имени императора пригласил Линдля приехать в Россию. В октябре 1819 г. Линдль прибыл в Петербург, где получил место проповедника в Мальтийской церкви. Он был принят Александром и произвел на императора сильное впечатление⁷¹. Проповеди

Линдля были мистичны: «Когда я говорю и утверждаю, что Христос — дух Христов в человеке обитает, им руководствует и управляет, то сие есть не мечтательство, но учение Библейское-Евангельское-православное»⁷². Его считали блестящим, глубоким оратором. Г. Далтон писал о его проповедях: «Подобные проповеди и такое искреннее служение Христу стали чем-то новым для петербургских христиан. Все желающие слушать вдохновенное слово Божье устремились в Мальтийскую церковь»⁷³. Вскоре в Россию стали прибывать последователи Линдля из Баварии. Линдлю было обещано разрешение переехать со своими последователями на юг России, как только он найдет нового проповедника для Мальтийской церкви. На это место Линдль порекомендовал своего духовного отца Госснера⁷⁴. По приезде в Петербург Госснера 10 июля 1820 г. Линдль отправился на юг, получив должность декана католических церквей Южной России, старшего пастора Одесской Римско-католической церкви и визитатора новороссийских колоний. Основав колонию в Сарту, Линдль, не ограничившись своей общиной, проповедовал во всех католических поселениях Новороссии⁷⁵. Пошли жалобы. Кроме того, австрийский канцлер Меттерних извещал Александра о том, что Линдль втайне женат. Наконец, Александр был вынужден направить в Сарту комиссию, которая подтвердила, что Линдль действительно женат и имеет ребенка⁷⁶. Одновременно прибыла нота от Папского Престола, где Лев XII требовал прекратить деятельность И. Линдля, так как он проповедует учение, несогласное с догмами католической церкви. В результате в декабре 1823 г.⁷⁷ Линдль был вынужден оставить Россию. В Германии Линдль перешел в Евангелическо-лютеранскую церковь, но в 1841 г. стал проповедовать учение апокалиптической Назарейской секты, за что в 1843 г. был лишен права проповедовать на территории Германии⁷⁸.

Иоганн Евангелиста Госснер (1773–1858) был сыном крестьянина из Швабии, набожного католика. Окончив гимназию в Аусбурге и семинарию в Диллингене, а затем в Ингольштадте, он был посвящен в пасторы, а затем стал капелланом. Вскоре он присоединился к движению «пробужденных». За свои проповеди, возвышенные, мистические и не совсем ортодоксальные, неоднократно подвер-

гался гонениям со стороны католических властей. И когда от Линд-ля поступило предложение приехать в Россию, он согласился. 30 июня 1820 г. Госснер впервые читал проповедь в петербургской Мальтийской церкви Пажеского корпуса⁷⁹. В Петербурге Госснер жил в доме в начале Толмачева переулка, соединяющего Аничков и Воронцовский дворцы. Там он читал домашние проповеди. «Часами он предавался такому чтению и разъяснял смысл Евангелия, исходя из своего духовного опыта. У слушавших проповедника было впечатление, что на них исходит Святой Дух»⁸⁰. Слушатели были благодарными. «У меня такое впечатление, — говорил Госснер, — что сам Христос построил для себя эти дворцы. Вчера я был в деревянном доме на Петербургской стороне, где живет семья из 30 человек. Они с огромным вниманием слушали мои слова о Боге. Две недели назад я был в Царском Селе, в царском дворце, где собрались некоторые придворные. Слушая проповедь, они вели себя так же, как и члены той большой семьи. Бог избрал эту землю. Это прекрасный, благословенный народ». «Я хочу остаться в России до тех пор, пока меня не заберет дьявол или не направят в рай. Здесь находятся огромные открытые врата, которые ведут в новый мир»⁸¹.

Вскоре, помимо Мальтийской церкви, Госснер получил разрешение проповедовать по четвергам в церкви Св. Екатерины на Невском проспекте⁸², потом по распоряжению Александра I на Большой Морской улице для него был приобретен дом с большим залом, где он мог проповедовать. Домашние проповеди читались каждый вечер. «Многие петербуржцы почитали И. Госснера, они были разбужены его словом»⁸³. Архимандрит Фотий (Спасский), противник Госснера, писал, что «у Госснера секта возрастает среди Санкт-Петербурга (по слухам) до 40.000 разного пола людей; ибо всеми средствами, а особенно на бедный и на черный народ старался действовать Госснер...»⁸⁴ Возможно, Фотий преувеличивал, но слушателей было много⁸⁵. Постепенно рос поток жалоб на Госснера сначала от католического, а затем от православного и лютеранского духовенства. Но серьезные неприятности начались после перевода на русский язык первой части его книги «Дух жизни и учения Иисуса Христа в Новом Завете», содержащей комментарии к Евангелию от Матфея.

В книге были места, направленные против официальной церкви вне зависимости от ее вероисповедания: «Истинно говоря вам, все это будет разрушено, так что не останется здесь камня на камне. Точно так будет со всеми наружными церквями и великолепными храмами, со всяким богослужением и со всеми пышными обрядами, отвергающими Христа живого и соделывающими его не нужным»⁸⁶. 22 апреля 1824 г. Комитет министров признал книгу «оскорбительной для господствующей у нас греко-российской веры и содержащей в себе мнения, касающиеся к разрушению общественного благоустройства», и 25 апреля 1824 г. Александр I подписал указ о высылке Гросснера из России. В Германии в 1826 г. он перешел в лютеранство и сдал в Берлине экзамен на сан лютеранского пастора⁸⁷. Собрания общины последователей Госснера в Петербурге происходили по субботам и воскресеньям в квартире купца Нотбека на 12-й линии Васильевского острова. На них консистория обязала присутствовать пастора прихода церкви Св. Екатерины, Яна, симпатизирующего Госснеру⁸⁸. Госснер до конца жизни переписывался со своими последователями в России. Последнее письмо он продиктовал, будучи тяжело больным, в 1857 г.⁸⁹

С начала XIX в. в Россию стали проникать тексты йенских романтиков. Основой их жизненного восприятия было глубокое мистическое чувство в переживании любого события, каждого мгновения существования. Жирмунский, перефразируя Фридриха Шлейермахера⁹⁰ и Карла Зольгера⁹¹, писал об этом чувстве как о «живом, положительном чувстве присутствия бесконечного, божеского во всем конечном»⁹².

Религия романтиков была непосредственным мистическим переживанием. А их жизнь не была отделена от религии. Мистическое восприятие природы восходило у романтиков к ее особому поэтическому восприятию у Гете⁹³ и далее к Якобу Беме⁹⁴. Но дыхание вечного чувствовалось ими не только в природе, оно входило в человека через все. Хотя оно было невыразимо в словах, создаваемое им настроение все же могло быть передано в символах, за которыми оно угадывалось. В этом основа символизма, унаследованного русским Серебряным веком от немецкого романтизма⁹⁵,

с которым русские мистики Серебряного века ощущали близкое родство⁹⁶.

Влияние немецких романтиков в России не ограничивалось мистиками. Пушкин, Лермонтов и Гоголь тоже испытали их воздействие. В 1834 г. Пушкин⁹⁷ писал о немецкой философии: «...влияние ее было благотворно: оно спасло нашу молодежь от холодного скептицизма французской философии и удалило ее от упоительных и вредных мечтаний, которые имели столь ужасное влияние на лучший цвет предшествовавшего поколения!»⁹⁸ Но, еще приступая к работе над «Борисом Годуновым», он просил брата прислать ему «Лекции о драматическом искусстве и литературе» Августа Шлегеля. Известно, что Пушкин серьезно изучал его работы⁹⁹. Приверженцем Шлегеля был Вильгельм Кюхельбекер, а С. П. Шевырев писал, что венские лекции Фридриха Шлегеля 1812 г. принесли русской эстетической мысли освобождение «от владычества галлов»¹⁰⁰. По словам Жирмунского, «немецкий романтизм оказал на нашу литературу большое воздействие: под его влиянием находятся Жуковский, Веневитинов, Вл. Одоевский и “архивные юноши” — первые русские “любомудры”, кружок Станкевича и философские журналы, Белинский и Тургенев в начале своей деятельности и старшее поколение славянофилов... новый свет восходит из Германии, в поэзии Гете и романтиков, в философии Шеллинга и, впоследствии, Гегеля. Величайший лирик этой поры, Тютчев, вырастает всецело на основе мироощущения и идей немецкого романтизма. От Тютчева через Фета и Вл. Соловьева эта струя романтической лирики подготавливает наступление символизма»¹⁰¹.

17 ноября 1875 г. в Нью-Йорке было основано Теософское общество. Его инициатором, вдохновителем и идейным руководителем была Елена Петровна Блаватская (урожденная Ган), дочь русского немца Петра Алексеевича фон Гана (1798–1883). В основном благодаря харизматичной энергии и своеобразным талантам своей основательницы общество и распространяемое им учение — теософия — оказали заметное влияние на мировоззрение западного мира, реабилитировав и возвысив в его глазах культуру Востока, особенно Тибета и Индии. Они зародили интерес к восточным

мистическим, религиозным и философским учениям, не угасший до сих пор. В Россию первой пришла не теософия, а ее авторская модификация, созданная австрийским доктором философии и мистиком Рудольфом Штейнером, которую он назвал антропософией. Различие двух учений в том, что теософия ориентировалась главным образом на восток, а Штейнер обращался больше к западной мистической традиции, особенно к немецкой, к христианской философии, а также к наследию Гете. Кроме того, в теософии основное внимание уделялось не личным практикам, а служению великим учителям, ведущим ученика к высшему познанию последовательным раскрытием его особых способностей через посвящения-инициации. В антропософии же духовное знание постигалось непосредственно в созерцании, сознательно, благодаря развитию сверхспособностей ученика, расширению диапазона его собственного восприятия¹⁰².

Штейнер сыграл важнейшую роль в формировании мировоззрения русского Серебряного века. В России у него оказалось много учеников и последователей. Среди самых близких: Мария Яковлевна фон Сиверс, Анна Рудольфовна Минцлова, Андрей Белый (Борис Николаевич Бугаев), Максимилиан Александрович Волошин, Ася (Анна Алексеевна) Тургенева, Клавдия Николаевна Васильева, Маргарита Васильевна Сабашникова, Ольга Николаевна Анненкова, Михаил Павлович Столяр, Вера Оскаровна Анисимова (Станкевич), Алексей Сергеевич Петровский¹⁰³.

Теософия приобрела популярность позднее, в Советском Союзе 1980-х годов, благодаря рериховскому движению¹⁰⁴, основанному на духовном учении, созданном Николаем Константиновичем Рерихом и его супругой, Еленой Ивановной. Учение Рерихов являлось продолжением теософии Е. П. Блаватской. Николай Константинович Рерих (1874–1947), крупный художник, общественный деятель, путешественник, писатель и мистик, родился в Петербурге. Предки его отца, Константина Федоровича Рериха, были прибалтийскими немцами. Среди последователей Рериха популярна версия, что его дальний предок был выходцем из Швеции и даже состоял в родстве с основателем Русского государства Рюриком¹⁰⁵. Матерью Николая Константиновича была купеческая дочь Мария Калашникова.

Перед знакомством с учением Штейнера многие мистики русского Серебряного века испытали мощное влияние Ницше, в котором они видели не атеиста, ниспровергателя божеств, а мистика и духовного учителя¹⁰⁶. Философия Ницше воспринималась ими не как отрицание религии вообще, а как отрицание старой религии ради утверждения новой, которая непременно должна возникнуть в результате личного богоискательства, возможно, соединяющего христианство с язычеством, Христа с Дионисом¹⁰⁷. Таким образом, под влиянием Ницше русская творческая элита не отказалась от христианства, но их христианство, вобрав ницшеанский дух трагедии, внимание к темным безднам души, идею вечного возвращения и «волю к жизни», трансформировалось в новую постницшеанскую форму¹⁰⁸.

Анна Минцлова

Анне Рудольфовне Минцловой (1865–1910) довелось сыграть роль посредника между европейскими масонами, антропософами и русской творческой элитой.

Происходила она из семьи обрусевших немцев. Ее дед, Рудольф Иванович, известный библиограф, преподавал немецкий язык будущему императору Александру III. Отец, Рудольф Рудольфович, был адвокатом и знаменитым библиофилом¹⁰⁹. Анна Рудольфовна тоже любила книги, была очень начитанна, знала несколько языков: французский, немецкий, итальянский, английский, греческий, латынь; входила в близкий круг не только литераторов и художников, но и московских ученых¹¹⁰. Минцлова переводила книги Штейнера, Новалиса, ей принадлежит первый перевод на русский язык романа Оскара Уайльда «Портрет Дориана Грея». В ноябре 1906 г. Анна Рудольфовна прибыла в Петербург¹¹¹ и с тех пор более или менее постоянно жила там, хотя часто находилась в разъездах.

Она состояла членом Теософического общества и была ученицей Рудольфа Штейнера, слушала его лекции, присутствовала в числе немногих представителей от России на Мюнхенском теософическом конгрессе 1907 г., где произошло размежевание теософии Анны Безант и антропософии доктора Штейнера¹¹².

В среде русских символистов Минцлова претендовала на роль духовного учителя, во многом копируя Блаватскую, на которую была удивительно похожа: «Что-то было в глазах А. Р. Минцловой, серых бездоннейших, — от глаз Е. Блаватской: пятитысячелетний сфинкс выступал из тумана “мешков”, предлагая глазами, колесами голубыми, — загадки и тайны; и не дивился бы я ничему из того, что я мог бы узнать о ее странной жизни...»¹¹³ Сабашникова писала о Минцловой Волошину: «Рядом с ней чувствуешь “небо отверзтым”»¹¹⁴.

Ей удалось увлечь идеей розенкрейцерства и оккультизмом многих представителей русской творческой элиты, очень многие считали ее своим Учителем. Сохранилась большая часть писем Минцловой к Валерию Брюсову, Андрею Белому¹¹⁵, Вячеславу Иванову¹¹⁶, Маргарите Сабашниковой, Максимилиану Волошину, Эмилию Метнеру, Михаилу Сизову, Алексею Петровскому, Николаю Киселеву, Екатерине Андреевой-Бальмонт¹¹⁷, но круг ее общения был гораздо шире: сестры Герцык, Михаил Кузьмин, Николай Бердяев, Эллис и многие, многие другие.

17 августа 1910 г. Анна Рудольфовна Минцлова исчезла. По дороге из Крыма она заехала к друзьям в Москву. На поезд в Петербург ее провожали Белый, Сизов, Эллис, Нилендер и Сабашникова. Как писал Белый: «Больше ее никогда не видели с тех пор: и — никто не видал»¹¹⁸.

Новая церковь Дмитрия Мережковского и Зинаиды Гиппиус, башня Вячеслава Иванова и дом Волошина

Это были три ключевых центра русского Серебряного века, в разное время становившиеся осью, задающей его движение, средоточием его сил. Здесь побывали чуть ли не все значительные деятели культуры Петербурга и Москвы, но их влияние распространялось шире, в той или иной степени охватывая весь образованный слой России. Все три центра являлись ареной мистического делания и были непосредственно связаны с немецкой культурой и мистикой.

Зинаида Николаевна Гиппиус (1869–1945) по отцу, Николаю Романовичу Гиппиусу, происходила из петербургской немецкой

семьи. Мать Максимилиана Волошина, Елена Оттобальдовна Кириенко-Волошина, урожденная Глазер (1850–1929), родом из обрусевших немцев, выпускница Института благородных девиц. Марина Цветаева, тоже имеющая немецкие корни, писала о ней: «...отброшенные назад волосы, орлиный профиль с голубым глазом... внешность явно германского происхождения... лицо старого Гете...»¹¹⁹ Вячеслав Иванов (1866–1949) немцем по рождению не был. Однако его мать, Александра Преображенская, осиротев, была взята чтицей и почти удочерена бездетной немецкой семьей фон Кеппенов «в благочестиво-чопорном, пиетистически-библейском доме»¹²⁰. Иванов окончил пятилетний курс в Берлинском университете и ко времени встречи со своей будущей женой, Лидией Дмитриевной Зиновьевой-Аннибал, выпускницей немецкого пансиона, имел вид «узкоплечего немецкого школяра-мечтателя»¹²¹. Первый европейский, добашенный, период в жизни Иванова продолжался 19 лет и был связан, в основном, с Германией: «немецкие профессора и студиозусы, позднее — *ragazzi Capitolini*, сиречь молодые археологи со всего света в Риме, и лишь наряду с ними — соотечественники на чужбине, например, историк И. М. Гревс...»¹²² Во-вторых, общение с Моммзеном принуждает остро амбивалентно переживать проблематику “германства”... в контрасте с Россией»¹²³.

Мережковские, Иванов и Волошин содействовали русскому религиозно-мистическому возрождению. По словам Бердяева о Мережковском: «В его лице новая русская литература, русский эстетизм, русская культура перешли к религиозным темам»¹²⁴. Мережковские и Иванов были создателями религиозно-мистических движений, которые можно назвать постнищенским христианством. Иванов даже называл Ницше родоначальником своей новой дионисийской религии¹²⁵. Их новые религии ориентировались на непосредственное мистическое переживание Божества, культивирование дионисийской свободы, идеал сверхчеловека и гностический дуализм. Важное место в них занимала идея высвобождения подавленной цивилизацией, но таящейся в человеке древней творческой силы, связанной с сексуальностью. Благодаря пробуждению этой силы должна была произойти трансформация индивидуаль-

ного человека и всего человечества. В менее явной форме эту идею можно встретить уже у романтиков йенской школы¹²⁶, в немецком народническом движении она обрела форму возврата к язычеству, а законченное выражение получила в учении К. Юнга¹²⁷.

Иванов и Волошин были последователями Штейнера (Иванов в основном через Минцлову), Мережковские тоже знали Штейнера и присутствовали на его лекциях, но их отношения не сложились¹²⁸.

Волошин не был творцом новой религии, возможно, потому, что его акмэ пришлось на более позднее, послереволюционное время, но его дом в Коктебеле одновременно служил приютом для беспечных отдыхающих, среди которых успели побывать чуть ли не все известные представители творческой культурной прослойки тех лет, и был подобен масонской ложе, а сам хозяин — алхимику, переплавляющему умы и сердца своих гостей. Дом Волошина стал подобием посвяtitельного центра, где ростки культуры Серебряного века прививались на новое дерево уже советской эпохи.

Масштаб влияния Мережковских, Иванова и Волошина огромен и ощущается по сей день, а список имен тех, на мировоззрение которых они повлияли, занял бы не одну страницу. Люди незаурядные, они умели «пленить» и повести за собой совершенно разных людей¹²⁹.

Мария фон Сиверс

Мария Яковлевна фон Сиверс (1867–1948), супруга Рудольфа Штейнера, была дочерью генерал-лейтенанта Якова Федоровича фон Сиверса, начальника гарнизона русских войск в Польше¹³⁰. Выйдя в отставку, отец Марии поселился с семьей в Петербурге. Здесь девочка получила приличное гуманитарное образование в частной школе «Институт Фельдмана». Она писала стихи, проявляла талант актрисы, помимо русского, свободно говорила на четырех европейских языках. Мария Яковлевна работала учительницей в школе для рабочих-немцев, потом преподавала крестьянским детям в воскресной школе, которую сама организовала в новгородской деревне рядом с имением брата. После смерти брата вернулась в Петербург. В 1900 г. в Берлине она слушала лекции Рудольфа Штейнера и присоединилась к берлинской секции Теософского

общества. В 1903 г. Мария Яковлевна уже была ближайшим учеником и сотрудником Штейнера. В этом году они вместе принимали участие в Лондонском теософском конгрессе¹³¹. Штейнер сетовал на то, что на теософских конгрессах не мог свободно говорить о том, что непосредственно переживал благодаря своему духовному видению и что складывалось у него в особое духовное учение. Для передачи этого учения нужны были другие площадки, отличные от теософских. Их организацией и занялась Мария Яковлевна. Так, Штейнер начал проповедовать свое учение в Берлине, Мюнхене, Штутгарте и других городах, а теософское содержание его докладов постепенно сменялось на новое, антропософское¹³².

Штейнер вспоминал, что благодаря деятельности фон Сиверс возникло Философско-теософическое издательство¹³³, которое скоро стало на ноги. Благодаря этому было издано большое количество трудов Штейнера. Фон Сиверс ставила пьесы Штейнера и Шюре, где сама играла главные роли. В 1914 г. Мария Яковлевна фон Сиверс и Рудольф Штейнер обвенчались. Штейнер писал, что «Мария фон Сиверс была именно той личностью, благодаря всему существу которой стало возможно удалять от того, что возникало через нас, всякий характер секты и придавать ему общедуховный и образовательный характер... Между Марией фон Сиверс и мною возникла вскоре глубокая дружба. Дружба эта послужила основанием для широкого круга совместной работы в различнейших духовных областях. Занятия же антропософией, а также поэтическим и рецитативным искусством сделались скоро содержанием всей нашей жизни. Только эта общность духовной жизни и могла стать центром, из которого антропософия могла быть вынесена сначала в рамки Теософского общества, а затем и в мир»¹³⁴. После смерти супруга Мария Яковлевна продолжила их общее дело. По воспоминаниям знавших Марию Яковлевну людей, личностью она была незаурядной. Последователи Штейнера считали ее равной своему учителю.

Борис Алексеевич Леман

Борис Алексеевич Леман (1882–1945), поэт, музыковед, антропософ, философ и мистик, родился в Петербурге в семье петербургского

бургских немцев. После окончания гимназии Борис Алексеевич служил, по выражению М. Сабашниковой, «в каком-то министерстве, где собственно ничем не был занят»¹³⁵. Основой его жизни была не служба, а поэзия, музыка, но особенно мистика и тайные науки, о чем говорила и внешность Лемана: «У Бориса странная внешность: темноволосая, чрезвычайно узкая голова, оливковый цвет лица, гортанный голос. Что-то от Древнего Египта соединялось в нем с ультрасовременной манерой держаться. В нем чувствовалось нечто таинственное, что можно, вероятно, объяснить врожденной способностью “второго зрения”»¹³⁶. Литературный авторитет Лемана был скромным. Однако в предисловии к сборнику его стихов, изданному в 1909 г. под псевдонимом Б. Дикс¹³⁷, Вячеслав Иванов отмечал их подлинность и присущее им «усилие смутной памяти приподнять полупрозрачный покров, легко и быстро заставшего внутренний взор вещественного бытия, отсюда сознание Тайны, вспыхивающее как вера, как мгновенное прозрение, как ясное знание...»¹³⁸ «Приподнять покров» — это и было главным в жизни Бориса Алексеевича: «...дружба моя с Блоком и Белым не на литературной подкладке. Ведь Диксом я был случайно... Антропософия, с одной стороны, с другой же — древний Восток...»¹³⁹ На мистике и оккультных практиках основывались и отношения Лемана с А. Минцловой, Вячеславом Ивановым, М. Л. Гофманом, М. Сабашниковой и М. Кузьминым¹⁴⁰. Дневник Кузьмина за конец 1907 — начало 1908 г. содержит записи: «Пришел Леман, говорил поразительные вещи по числам, неясные мне самому», или «Пришел Леман с предсказаниями. Я будто в сказке или романе»¹⁴¹. В дневнике В. К. Шварсалон¹⁴² лета 1909 г. читаем: «Маргарита¹⁴³ была у Л(еман)а и говорит, что он необыкновенно мудр и хороший и что он для нас “дар какой-то”»¹⁴⁴. В 1910 г. Леман дает письменные наставления М. Волошину¹⁴⁵, его изыскания в области магии чисел повлияли на Хлебникова¹⁴⁶.

Когда в 1910 г. в Петербурге образовался филиал московского штейнеровского кружка, во главе его стал Борис Леман¹⁴⁷. В 1911 г. он активно сотрудничал с журналом ордена маринистов «Изида»¹⁴⁸, а в 1917 г. вышло серьезное исследование Лемана о французском мистическом философе Сен-Мартене¹⁴⁹. Есть основания допустить связь Лемана с работой розенкрейцеров¹⁵⁰.

В 1920-е годы Леман продолжал руководить одной из штейнеровских групп в Ленинграде. Из показаний Астромова¹⁵¹ 1926 г.: «Знавал группу Лемана (живет на Адмиралтейском канале), занимающуюся также оккультизмом и принадлежащую к антропософии, то есть учеников Рудольфа Штейнера»¹⁵².

В апреле 1927 г. Лемана арестовали и приговорили к трем годам лагерей, а после освобождения выслали в Среднюю Азию. Умер он в 1945 г. в Алма-Ате¹⁵³.

Александр Мейер

Александр Александрович Мейер (1874–1939) — петербургский философ и мистик немецкого происхождения. Родился в Одессе, в 1906 г. поселился в Петербурге. Мейер организовал христианскую секцию Петербургского религиозно-философского общества, был близок с Мережковскими. Он преподавал философию, работал библиотекарем, был одним из учредителей Вольной философской ассоциации (Вольфила) в Петрограде. Вместе со своей помощницей и гражданской женой К. А. Половцевой организовал религиозно-философский кружок «Воскресение».

Д. С. Лихачев писал о нем: «А. Мейер — это колоссальная человеческая личность. Основной его ролью стало непосредственное влияние на окружающих. Он умел создавать интеллигентную атмосферу беседы... Мейер был в центре кружка петербургских интеллигентов “Воскресение” (1917–1929). Это была одна из наиболее значительных философско-религиозных организаций в Петербурге. Культурную историю Невской столицы трудно представить себе без его участников... Мейер воспитывался в лютеранской атмосфере, но считал себя православным (похоронен философ на лютеранском Волковском кладбище). В своем учении о слове, об имени он близок М. Бахтину, с одной стороны, а с другой — имяславческой традиции. Самое главное в Мейере — это гениальность самой его личности... Он больше состоял из мыслей, чем из тела, не распределяясь поровну меж телом и мыслью. Распространяя себя на других, он не терял себя, был энергетически собран, как шаровая молния. Он воздействовал на людей всем целостно организованным внешним обликом, внутренне сопряженным с миром его идей»¹⁵⁴.

Григорий Оттонович Мебес

Григорий Оттонович Мебес, прибалтийский немец, барон, родился в Риге в 1868 г., считался одним из самых серьезных оккультистов начала XX в. Его отцом был полковник Оттон Карлович Мебес, офицер лейб-гвардии Егерского полка, флигель-адъютант, матерью — дочь петербургского 1-й гильдии купца Ольга Григорьевна Жукова¹⁵⁵.

Григорий Оттонович закончил 2-ю Санкт-Петербургскую гимназию и физико-математический факультет Санкт-Петербургского университета. Работал учителем математики, все силы отдавая познанию тайных наук, в чем преуспел, и в 1913 г. вышел его «Курс энциклопедии оккультизма» — один из авторитетнейших трудов в данной области.

Мебес принадлежал к масонскому ордену мартинистов, имея полное мартинистское посвящение. С 1910 г. он стал Генеральным инспектором петербургского отделения ордена. Руководство же ордена мартинистов располагалось во Франции, главой ложи был известный оккультист Папюс. Но в 1912 г. Григорий Оттонович объявил о разрыве с Папюсом и учреждении самостоятельного русского ордена, который в 1916 г. преобразовался в «Орден мартинистов восточного послушания». Официальным органом ордена был журнал «Изида»¹⁵⁶.

По версии исследователя русского масонства, А. М. Асеева, в России начала XX в. существовали три ветви посвячительных движений: мартинизм, розенкрейцерство и собственно масонство. Но руководил всеми тремя ветвями один человек — Григорий Оттонович Мебес¹⁵⁷.

Возвращение. Русская мистика в Германии

Представители русской культурной элиты, особенно ее часть, склонная к религиозной философии и мистике, учась у немецких философов и мистиков, воспринимала Германию обителью духовной культуры, землей Канта и Гегеля, Экхарта и Беме, Гете и Новалиса. Однако, оказавшись в эмиграции, в Берлине 1920-х годов, они этой немецкой культуры не находили¹⁵⁸. Отсюда мысль А. Белого, что немецкая культура теперь перемести-

лась в Россию. Белый писал, что до переезда в Германию считал себя западником, но в Германии его убеждения изменились. «От хлеба я сыт и от пива я пьян, но... голоден, голоден: дайте мне хлеба духовного!»¹⁵⁹

То же чувствовали уехавшие после Октябрьской революции в Германию российские немцы¹⁶⁰. Так, петербургский немец, поэт и мистический философ Генри фон Гейзелер (1875–1928) с начала войны России с Германией в 1914 г. постепенно все более разочаровывался в России. Отчуждение особенно усилилось после прихода к власти большевиков. В 1920 г. он писал: «При первой же возможности я уеду в Германию, чтобы там окончательно оказаться “дома”. В душе я уже давно там». «Мне кажется, меня спасают только надежда и книги — если бы у меня их не было, я бы сошел с ума или покончил жизнь самоубийством», «...что я здесь забыл, в этой чужой, по сути, стране!»¹⁶¹ Но, оказавшись в 1923 г. в Германии, он не нашел там той немецкой духовной культуры, которую любил. Он видел, что в новой России «уличные шлягеры заглушили мелодии Моцарта» и русская религиозность покинула страну¹⁶², но и в Германии не встретил понимания¹⁶³. Поэтому в Германии он вновь обратился к русской духовной традиции, религиозной философии и православной мистике¹⁶⁴.

Тесная дружба связывала Гейзелера с другим петербургским немцем, переехавшим в Германию, Рейнгольдом (Романом Романовичем) фон Вальтером (1882–1965), поэтом, переводчиком и мистиком. Он имел богословское образование, изучал протестантское богословие летом 1902 г. в Эрлангене и в 1902–1906 гг. в Юрьеве (Тарту)¹⁶⁵. С 1918 г. фон Вальтер постоянно жил в Германии, до 1926 г. в Берлине, а с апреля 1926 г. в Кельне¹⁶⁶.

Рейнгольд подолгу жил в семье Генри и его жены Эмми фон Гейзелер в Фордерлейтене, переводил русские сочинения Генри на немецкий язык. Оба друга были увлечены православной мистикой, старчеством и русской религиозной философией: Бердяевым, Шестовым, Ивановым, Карсавиным, Франком, Ильиным и др. В доме Гейзелеров Рейнгольдом фон Вальтером при участии Генри фон Гейзелера была переведена одна из важных книг по православной мистике «Откровенные рассказы странника своему духовному

отцу». «По словам Эммануэля Юнгклаузена, публикация этой книги в 1925 г. сегодня считается началом “инкультурации” христианской молитвы на Западе»¹⁶⁷.

В Германии Рейнгольд общался с Эллисом¹⁶⁸. В 1938 г. в издательстве «Herder» вышел его перевод на немецкий язык «Размышлений о Божественной литургии» Гоголя с послесловием Эллиса¹⁶⁹. Также фон Вальтер перевел на немецкий язык мистический роман Брюсова «Огненный ангел»¹⁷⁰, действие которого связано со средневековым Кельном, городом, в котором жил Вальтер. Ему довелось сотрудничать с прототипом главной героини романа, Ренаты, Ниной Петровской. Газета «Накануне» писала, что 3 мая 1924 г. в ателье Николая Зарецкого, бывшего иллюстратора журнала «Весы»¹⁷¹ состоялось посвященное символизму заседание кружка художников, на котором Петровская читала свои воспоминания, а Вальтер — переводы¹⁷².

Вальтер перевел на немецкий язык роман Б. Л. Пастернака «Доктор Живаго». В связи с этим Пастернак писал о Вальтере: «Прекрасные переводы господина Р. фон Вальтера из Блока и Пушкина я видел, конечно, в двадцатые годы и рад, горд и уверен в его несомненно успешном участии в моей работе»¹⁷³. Советский писатель и библиофил Владимир Лидин (1834–1979) писал, что Вальтер — «один из лучших переводчиков с русского», что «за плечами, например, Вальтера переводы Достоевского, Толстого, Пушкина, всего Ключевского, Блока, Мережковского; музыку нашего ритма пытается он с большим вдохновением и трудолюбием переложить на немецкий язык»¹⁷⁴.

В плане влияния русской культуры на немецкую примечательна жизнь другого русского немца, Эмилия Карловича Метнера (1872–1936), литературного и музыкального критика, писателя, публициста, мистика, основателя издательства «Мусагет». В первой половине жизни Метнер многое сделал для вхождения немецкого культурного наследия в среду русского символизма, синтеза русской и немецкой культур¹⁷⁵. Шведский исследователь Магнус Юнггрен писал, что «Эмилий Метнер был центральной фигурой в движении русских символистов начала века»¹⁷⁶. И далее, имея в виду русскую и немецкую культуру: «Метнер, отли-

чающийся исключительной восприимчивостью и стоящий на стыке двух великих европейских культур, связанных друг с другом особыми историческими узами, был человеком, в котором преломлялись идеи эпохи»¹⁷⁷. Метнер был близким другом Андрея Белого, а позже, во вторую половину жизни, стал другом Карла Юнга, оказав влияние на развитие аналитической психологии. Валентин Балановский говорит о том, что «Метнеру удалось донести до Юнга преимущества трансцендентального идеализма в качестве одной из ключевых составляющих теоретического фундамента аналитической психологии»¹⁷⁸. И далее: «Впоследствии Метнер отмечал наличие глубокой связи неокантианства в форме русского символизма и аналитической психологии»¹⁷⁹. Юнгрен исследует связь русского символизма Серебряного века с концепцией архетипов у Юнга, делая вывод о том, что Юнг воспринял от Метнера теорию символов Вячеслава Иванова и Андрея Белого, используя ее в своем учении об архетипах. «Парадокс же заключается в том, что Метнер, стремившийся вдохнуть в Россию немецкий дух, в конечном счете внес нечто специфически русское в немецкую культуру»¹⁸⁰.

Судьба петербургских немцев-мистиков, оставшихся в России

До 1926 г. власть практически не преследовала ни мистиков, ни религиозных философов, ни масонов, решая более насущные для себя задачи. Поэтому в первой половине 1920-х в Ленинграде свободно существовало множество объединений, так или иначе связанных с мистикой. Преследования начались весной 1926 г. с дела ленинградских масонов¹⁸¹, и скоро стало небезопасным не только участвовать в собраниях, но и затрагивать мистические темы в частных разговорах. По делу масонов и сходным делам подверглись репрессиям многие ленинградские немцы, среди них — Григорий Оттонович Мебес¹⁸², Александр Александрович Мейер¹⁸³, Эдуард Карлович Розенберг¹⁸⁴, Иван Михайлович Андреевский¹⁸⁵. Хотя приговоры мистикам по большей части не были расстрельными¹⁸⁶, в 1930-е годы мистические объединения были уничтожены, а мистическая традиция ушла в глубокое подполье.

* * *

В этой статье упомянуты немногие имена из множества мистиков немецкого происхождения, живших в Петербурге. Среди не включенных в статью — фигуры масштаба Александра Блока¹⁸⁷ и менее известные, такие как сестры Аделаида и Евгения Герцык¹⁸⁸, а также многие забытые, но достойные люди. Они составляли значительную часть российского образованного общества, оказывая заметное влияние на жизнь страны и способствуя ее развитию. Их биографии еще ждут своих исследователей.

Заключение

С XVII в. популярно представление о том, что для благоденствия общества достаточно свободного рынка, невидимая рука¹⁸⁹ которого сама преобразует частные пороки граждан в гармонию интересов и общественное процветание. Этой концепции противостоит теория необходимости жесткого государственного регулирования. Но, похоже, любая модель работает лишь при условии достаточного уровня нравственного развития граждан. В Западной Европе христианская мораль веками подкреплялась глубинным религиозным чувством и связанными с ним трансцендентными смыслами, что составляло нравственную основу общественной жизни, в том числе и экономики.

Многие мыслители понимали, что для обретения внутренних моральных качеств нужна не только формальная сторона религии, но сознательное, живое переживание высшего начала, стремление к нему и готовность преобразовать себя ради возможности соприкосновения с ним. И напротив, исчезновения высшего начала из сердца человека достаточно для деградации общества¹⁹⁰.

Немецкая мистика в России более двух веков напоминала о существовании высшего начала и возможности единства с ним. Мистический опыт, как переживание высшего, понимание его ценности и стремление к нему, был подобен камертону, с которым русские мистики сверяли свои устремления, мысли, чувства и дела. Этот опыт нравственен по своей природе, так как связан с отрешением от «я» и переживанием единства, при котором возникает естественный психологический эффект отношения ко всему вокруг

как к себе. Без таких людей общество приходит в упадок, но сказано: «Аще обрящу десять праведных, не погублю града» (Быт. 18:24).

Библиография

Источники

Архимандрит Алипий (*Кастальский-Бороздин*), архимандрит Исаяя (Белов). Догматическое богословие: курс лекций. М.: Свято-Троицкая Сергиева лавра, 2012. 288 с.

Архимандрит Фотий. Автобиография Юрьевского архимандрита. Книга третья // Русская старина. 1895. Авг. Т. 84. С. 169–200.

Беме Я. AURORA или утренняя звезда в восхождении / пер. А. Петровского. М.: Мусагет, 1914. 406 с.

Бороздин А. Романтизм // Энциклопедический словарь. Т. XXVII. СПб.: Брокгауз–Ефрон, 1899. С. 59–66.

Волошина М. (*Сабашникова М. В.*). Зеленая Змея. История одной жизни / пер. с нем. М. Н. Жемчужниковой. М.: Энигма, 1993. 412 с.

Герцык Е. Воспоминания. Н. Бердяев, Л. Шестов, С. Булгаков, В. Иванов, М. Волошин, А. Герцык. Париж: YMCA-Press, 1973. 193 с.

Голицын А. Н. Князь А. Н. Голицын (в его письмах). К императору Александру Павловичу // Русский архив. Год сорок третий. 1905. Кн. III. М.: Университет. Тип., 1905. С. 360–376.

Госнер И. Е. Блаженство верующего, в сердце которого обитает Иисус Христос / пер. с нем. М. Позена. СПб.: Тип. Департамента народного просвещения, 1821. 101 с.

Император Александр I. Ее Императорскому Высочеству Великой Княгине Екатерине Павловне в собственные руки // Великий Князь Николай Михайлович. Переписка императора Александра I с сестрой Великой княгиней Екатериной Павловной. СПб.: Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1910. С. 286–290.

Леман Б. Сен-Мартен, неизвестный философ как ученик дома Мартиненса де Пасквалис. Опыт характеристики первого периода его творчества и его первого произведения «О заблуждениях и истине». М.: Духовное знание, 1917. 116 с.

Линдл И. Три проповеди Игнатия Линдля, произнесенные им в Германии. СПб.: Тип. Н. Греча, 1820. 120 с.

Лихачев Д. С. Воспоминания. СПб.: Logos, 1995. 519 с.

Мандевилль Б. Басня о пчелах / ред. и вступит. ст. Б. В. Мееровского; пер. Е. С. Лагутина. М.: Мысль, 1974. 376 с.

Метнер Э. Размышления о Гете. Разбор взглядов Р. Штейнера в связи с вопросами критицизма, символизма и оккультизма. М.: Мусагет, 1914. 525 с.

Панаев В. И. Воспоминания В. И. Панаева. Гл. III // Вестник Европы: журнал историко-политических наук. 1867. Дек. Т. IV. С. 72–181.

Пушкин А. С. Путешествие из Москвы в Петербург: беловая редакция // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 16 т. Т. XI: Критика и публицистика, 1819–1834. М.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 243–267.

Смит А. Теория нравственных чувств / вступ. ст. Б. В. Мееровского; подгот. текста, коммент. А. Ф. Грязного. М.: Республика, 1997. 351 с.

Соловьев В. С. Мистика и мистицизм // Христианство: энцикл. слов. Т. 2 / гл. ред. С. С. Аверинцев. М.: Большая рос. энцикл., 1995. С. 120–121.

Научная литература

Аверинцев С. С. «Скворешниц вольных граждан...» Вячеслав Иванов: путь поэта между мирами. СПб.: Алетейя, 2002. 167 с.

Архимандрит Августин (Никитин). Игнатий Фесслер (1756–1839) — филолог, философ, богослов // Немцы в Санкт-Петербурге: Биографический аспект. XVIII–XX вв. Вып. 12 / отв. ред. Т. А. Шрадер. СПб.: МАЭ РАН, 2019. С. 68–88.

Балановский В. В. Синтезирующая рациональность Э. К. Метнера и его вклад в развитие аналитической психологии // Философская мысль. 2019. Март. № 2. М.: ООО «НБ-Медма», 2019. С. 42–51.

Богомолов Н. А. Русская литература начала XX века и оккультизм. М.: Новое лит. обозрение, 2000. 560 с.

Бонецкая Н. К. Дух Серебряного века (феноменология эпохи). СПб.: ИП Курбанов И. В., 2016. 720 с.

Брачев В. С. Жизненный путь профессора И. М. Андреевского (1894–1976) // Общество. Среда. Развитие. 2019. № 3. СПб.: Астерион, 2019. С. 19–25.

Брачев В. С. Масоны, мистики и богоискатели в России. XX век. СПб.: Стомма, 2003. 312 с.

Виндельбанд В. Прелюдии. Философские статьи и речи / пер. со 2-го нем. изд. С. Франка. СПб.: Издание А. Е. Жуковского, 1904. 374 с.

Виндельбанд В. История новой философии в ее связи с общей культурой и отдельными науками. Т. I: От Возрождения до Канта / отв. ред. А. И. Введенский. СПб.: Тип. «В. Безобразов и К», 1908. 480 с.

Виноградов В. В. Проблема авторства и теория стилей. М.: Гос. изд-во худ. лит., 1961. 615 с.

Глухова Е. В. Письма А. Р. Минцловой к Андрею Белому: материалы к розенкрейцеровскому сюжету в русском символизме // Русская антропологическая школа. Труды. Вып. 4 (ч. 2). М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2007. С. 215–270.

Жирмунский В. М. Немецкий романтизм и современная мистика / предисл. и коммент. А. Г. Аствацатурова. СПб.: Аксиома. Новатор, 1996. XL + 232 с.

Заборов П. Р. Вольтерьянство: к истории слова и явления // Вольтер: pro et contra, антология / сост., вступ. ст., коммент. А. А. Златопольской. СПб.: РХГА, 2013. С. 624–646.

Златопольская А. А. Идейное наследие Вольтера в России (XVIII–XXI вв.) // Вольтер: pro et contra, антология / сост., вступ. ст., коммент. А. А. Златопольской. СПб.: РХГА, 2013. С. 7–28.

Иванов В. В. Россия и гнозис // 500 лет гнозиса в Европе. Гностическая традиция в печатных и рукописных книгах / под ред. Б-ки герметической философии. Амстердам: Ин де Пелиkaan, 1993. С. 12–21.

Карнович Е. П. Князь Александр Николаевич Голицын и его время // Исторический вестник: историко-литературный журнал. 1882. Апрель. Т. VIII. С. 5–39.

Кондаков Ю. Е. Эзотерическое движение в России конца XVIII — первой половины XIX в. М.: Кастилия, 2018. 670 с.

Лихачев Д. С. Об Александре Александровиче Мейере // Вопросы философии. 1992. № 7. С. 92–93.

Лиценбергер О. А. Исторический опыт самоорганизации религиозной жизни российских немцев и его востребованность в современных условиях // Немцы России: исторический опыт и современные проблемы самоорганизации: материалы междунар. науч.-практ. конф. / науч. ред. А. А. Герман. М.: МСНК-пресс, 2008. С. 96–102.

Лонгинов М. Н. Новиков и московские мартинисты. Исследование М. Н. Лонгинова. М.: Тип. Грачева и комп., 1867. 384 + 0176 с.

Мертон Т. Христианская мистика. Тринадцать лекций монаха-трапписта / пер. с англ. М.: ББИ, 2020. XX + 268 с. (Серия «Современное богословие»).

Невидимая рука рынка / под ред. Дж. Итуэлла, М. Милгейта, П. Ньюмена; пер. с англ. Н. А. Макашева. М.: Издат. дом ГУ ВШЭ, 2009. 388 с.

Никитин А. Л. Мистики, розенкрейцеры и тамплиеры в советской России. Исследования и материалы. М.: Интерграф Сервис, 1998. 344 с.

Нолл Р. Арийский Христос. Тайная жизнь Карла Юнга / пер. В. И. Менжулин. М.: Рефл-бук, Ваклер, 1998. 429 с.

Обгольц А. А. Пушкин и немцы России. Омск: Наследие. Диалог — Сибирь, 2005. 192 с.

Певцов В. Н. Немецкое масонство в XVIII веке // Масонство в его прошлом и настоящем: репринт. воспроизведение издания 1914 г. Т. I / под ред. С. П. Мельгунова, Н. П. Сидорова. М.: СП «ИКПА», 1991. С. 61–112.

Поляков Ф. Автографы символистского круга в архиве Рейнольда фон Вальтера // На рубеже двух столетий. Сборник в честь 60-летия Александра Васильевича Лаврова / сост.: В. Багно, Дж. Малмстад, М. Маликова. М.: Новое лит. обозрение; СПб: Ин-т русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, 2009. С. 574–582.

Поляков Ф. Русский Берлин в архиве Рейнгольда фон Вальтера // VADEMECUM: К 65-летию Лазаря Флейшмана. М.: Водолей, 2010. С. 291–306.

Пытин А. Н. Религиозные движения при Александре I // Пытин А. Н. Исследования и статьи по эпохе Александра I. Т. I: Религиозные движения / предисл. и примеч. Н. К. Пиксанова. Пг.: Огни, 1916. IX + 485 с.

Пытин А. Н. Русское масонство. XVIII и первая четверть XIX в. СПб.: Дмитрий Буланин, 2023. 560 с.

Ритман Й. Р. 500 лет гнозиса в Европе // 500 лет гнозиса в Европе. Гностическая традиция в печатных и рукописных книгах / под ред. Б-ки герметической философии. Амстердам: Ин де Пелиkaan, 1993. С. 5–11.

Сдвижков Д. Знайки и их друзья. Сравнительная история русской интеллигенции. М.: Новое лит. обозрение, 2021. 392 с.

Семека А. В. Русское масонство в XVIII в. // Масонство в его прошлом и настоящем: репринт. воспроизведение издания 1914 г. Т. I / под ред. С. П. Мельгунова, Н. П. Сидорова. М.: СП «ИКПА», 1991. С. 124–174.

Семенников В. П. Книгоиздательская деятельность Н. И. Новикова и типографической компании. Пг.: Гос. изд-во, 1921. 150 с.

Соколовская Т. О. Возрождение масонства при Александре I // Масонство в его прошлом и настоящем: репринт. воспроизведение издания 1915 г. Т. II / под ред. С. П. Мельгунова, Н. П. Сидорова. М.: СП «ИКПА», 1991. С. 153–202.

Соколовская Т. О. Капитул Феникса и другие русские масонские общества. 1778–1822 годы. М.: Ломоносовъ, 2021. 203 с.

Степун Ф. А. Сочинения / сост., вступ. ст., примеч. и библиография В. К. Кантора. М.: Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2000. 1000 с.

Степун Ф. А. Письма / [сост., археогр. работа, коммент., вступ. ст. к тому и разделам В. К. Кантора]. М.: Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2013. 683 с.

Тамке М. Западно-восточная идентичность: пример Генри фон Гейзелера / пер. с нем. И. А. Конева // Сибирские исторические исследования. 2017. № 1. С. 12–22.

Тиме Г. А. А. Блок и немецкая культура // Русская литература. 2005. № 4. С. 204–208.

Тиме Г. «Другой» в «танцующем» Берлине 1920-х годов // На рубеже двух столетий: сб. в честь 60-летия Александра Васильевича Лаврова / сост.: В. Багно, Дж. Малмстад, М. Маликова. М.: Новое лит. обозрение; СПб.: Ин-т русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, 2009. С. 703–709.

Титаренко С. Д. Вячеслав Иванов и Якоб Беме (теория религиозного символизма и актуализация наследия немецкого мистика) // Русская литература. 2021. № 2. С. 173–183.

Тукалевский В. Н. Н. И. Новиков и И. Г. Шварц. // Масонство в его прошлом и настоящем: репринт. воспроизведение издания 1914 г. Т. I / под ред. С. П. Мельгунова, Н. П. Сидорова. М.: СП «ИКПА», 1991. С. 175–226.

Хорьков М. Л. Майстер Экхарт: Введение в философию великого рейнского мистика. М.: Наука, 2003. 278 с.

Чавчанидзе Д. Л. Писатель и читатель: «немецкое» понятие Пушкина // Вестник Московского университета. Сер. 9 «Филология». 2013. № 2. С. 67–75.

Юнгрен М. Русский Мефистофель. Жизнь и творчество Эмилия Метнера. СПб.: Академ. проект, 2001. 287 с.

Художественная литература

Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы. М.: Гос. изд-во худ. лит., 1958. Т. I. 420 с.; Т. II. 536 с.

Зобнин Ю. В. Дмитрий Мережковский: Жизнь и деяния. М.: Мол. гвардия, 2008. 435 с. (Жизнь замечательных людей; Вып. 1291 (1091)).

Набоков В. В. Дар. М.: СП «Соваминко», 1990. 350 с.

Интернет-источники

Артемова Е. В., Валиев М. Т. Биографическая страничка Бориса Алексеевича Лемана. URL: http://www.kmay.ru/sample_pers.phtml?n=1809 (дата обращения: 12.07.2023).

Вер Г. Майстер Экхарт. История рецепции творчества / пер. с нем. Ю. А. Шабановой // *Aliter*. 2015. № 5. С. 10–23. URL: <http://sanscrit.su/aliter2015.pdf> (дата обращения: 12.07.2023).

Гилли К. Розенкрейцеры в России в XVII–XVIII веках. Некоторые моменты из истории европейской духовной реформации // Зов Розенкрейца. Четыре века живой традиции: сб. материалов к выставке / пер. с нидерланд. Ю. Г. Тележко; отв. ред. А. Г. Петров. М.: ВГБИЛ, 2004. С. 50, 51. URL: <http://www.rosycross.ru/pdf/4veka.pdf> (дата обращения: 12.07.2023).

Данилевский Р. Ю. Немецкая литература // ФЭБ (Фундаментальная электронная библиотека): Словарная часть: Пушкин: Исследования и материалы. Т. XVIII–XIX. URL: <http://feb-web.ru/feb/pushkin/isj-abc/isj/isj-2171.htm> (дата обращения: 10.07.2023).

Нилогов А. С., Богданова И. И. Откуда есть пошли Рерихи // *Genesis: исторические исследования*. 2015. № 5. С. 383–400. URL: https://e-notabene.ru/hr/article_17237.html (дата обращения 10.07.2023).

Пинаев С. М. Максимилиан Волошин, или себя забывший бог // Электронная библиотека Royallib.com. 2010–2023. URL: https://royallib.com/read/pinaev_sergey/maksimilian_voloshin_ili_sebya_zabivshiy_bog.html#0 (дата обращения 11.07.2023).

Попов Н. Игнатий-Аврелий Фесслер. Биографический очерк // *Вестник Европы: журнал истории, политики, литературы*. 1879. Дек. Т. VI, кн. 12. С. 586–643. URL: <https://wolgadeutsche.net/bibliothek/artikel/Fessler.pdf> (дата обращения: 07.07.2023).

Штейнер Р. Мой жизненный путь. Незавершенная автобиография, изданная Марией Штейнер в 1925 г. GA 028 / пер. с нем. М. О. Оганесяна. М., 2002. URL: <https://refdb.ru/look/1616099.html> (дата обращения: 12.07.2023).

Дополнительная литература

Андиа И., де. Восточные и западные мистики / пер. с фр. А. Серегина. М.: Ин-т философии, теологии и истории Св. Фомы, 2012. 376 с.

Андиа И., де. *Unio Mystica*. Единение с Богом по Дионисию Ареопагиту / пер. с фр. Д. Каратеева. М.: Ин-т философии, теологии и истории Св. Фомы, 2012. 184 с.

Башня Вячеслава Иванова и культура Серебряного века. СПб.: Филол. фак. С.-Петербург. гос. ун-та, 2006. 384 с.

Бейер де Рик Б. Мейстер Экхарт и мистика отрешенности / пер. с фр. Е. Шиловой. М.: Ин-т философии, теологии и истории Св. Фомы, 2019. 144 с.

Белый А. Воспоминания о Штейнере / подготов. текста, предисл. и примеч. Ф. Козика. Париж: La Presse Libre, 1982. 388 с.

Белый А. Рудольф Штейнер и Гете в мировоззрении современности. М.: Духовное знание, 1917. 344 с.

Бонецкая Н. К. В поисках Неведомого Бога. Мережковский-мыслитель. М.; СПб.: Центр гуманитар. инициатив. 2017. 400 с.

Дионисий Ареопагит. О божественных именах. О мистическом богословии / подгот. текстов, вступ. ст. Г. М. Прохоров. СПб.: Глагол, 1995. XXIII + 370 с.

Зольгер К.-В.-Ф. Эрвин. Четыре диалога о прекрасном и об искусстве. М.: Искусство, 1978. 431 с.

Иванов Вяч. Дионис и парадионисийство. СПб.: Алетейя, 1994. 343 с.

Мейстер Экхарт. Избранные проповеди / предисл. и пер. М. В. Сабашниковой. М.: Духовное знание, 1912. 60 с.

Обатнин Г. Иванов-мистик. Оккультные мотивы в поэзии и прозе Вячеслава Иванова (1907–1919). М.: Нов. лит. обозрение, 2000. 240 с.

Романовский С. И. Нетерпение мысли или исторический портрет радикальной русской интеллигенции. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2000. 368 с.

Сузо Г. Книга истины. Книга любви / пер. со ср.-верх.-нем. М. Л. Хорькова. СПб.: Алетейя, 2003. 174 с.

Царство божие внутри нас. Проповеди Иоханна Таулера / пер., вступ. ст. И. М. Прохоровой. СПб.: Изд-во РХГИ, 2000. 288 с.

Шлейермахер Ф. Д. Речи о религии к образованным людям ее презирующим. Монологи / пер. с нем. С. Л. Франк. СПб.: Алетейя, 1994. 335 с.

Штейнер Р. Духоведение. Введение в сверхчувственное познание мира и назначение человека / предисл. М. Я. Штейнер-Сиверс. Дорнах: Философ.-антропософ. изд-во при Гетеануме, 1927. 211 с.

¹ Также идеями улучшения всего христианского мира, религиозно ориентированного воспитания в духе Августа Германа Франке и др.

² *Хорьков М. Л.* Майстер Экхарт: Введение в философию великого рейнского мистика. М.: Наука, 2003. С. 135.

³ *Соловьев В. С.* Мистика и мистицизм // Христианство: энцикл. слов. Т. 2 / гл. ред. С. С. Аверинцев. М.: Большая рос. энцикл., 1995. С. 120, 121.

⁴ Уже в 1831 г. термин «немецкая мистика» употреблял Карл Розенкранц, ученик Гегеля, который преподавал в Кенигсберге и объяснял этот термин следующим образом: «Это понятие охватывает мистические спекуляции Майстера Экхарта и его окружения как начальную стадию развития “немецкого духа”, достигшего своего завершения в универсальной науке Гегеля» (*Вер Г.* Майстер Экхарт. История рецепции творчества / пер. с нем. Ю. А. Шабановой // *Aliter*. 2015. № 5. С. 15. URL: <http://sanscrit.su/aliter2015.pdf> (дата обращения: 12.07.2023).

⁵ Оксфордский словарь дает такое определение представителя мистического богословия: «Представитель мистического богословия; также тот, кто утверждает его значимость: стремится посредством созерцания и предания себя божеству достичь единения либо слияния с ним или же верит в духовное постижение истин, недоступное рассудку» (*Мертон Т.* Христианская мистика. Тринадцать лекций монаха-трапписта / пер. с англ. М.: Изд-во ББИ, 2020. С. 10. (Серия «Современное богословие»).

⁶ Развернутое представление об истинном христианском гностике — мистике и философе — есть у Климента Александрийского, мистиками были Ориген, Евагрий Понтийский, каппадокийские отцы, много мистических мест содержится

в трудах Блаженного Августина, разработавшего путь внутреннего познания Божественного.

⁷ Дело в том, что внутреннее переживание Божественного предполагает соприкосновение с Ним, то есть ту или иную степень единства человека и Божества. Но в соответствии с христианским учением Бог-творец трансцендентен своему творению-человеку, а значит, по своей сущности не может быть ни познан, ни выражен, так как Он выше всяких имен и определений. Человеку доступно лишь созерцание Его деяний в мире и понимание данного Богом откровения — Священного Писания.

⁸ Подобного противоречия не было, например, у неоплатоников, признающих человеческую природу эманацией природы божественной. Поэтому истолкование христианскими мистиками своего внутреннего опыта не всегда соответствовало догматам церкви. С этим связан парадоксальный факт: в зависимости от его интерпретации практически один и тот же внутренний опыт мог быть признан подтверждением святости или привести на костер.

⁹ Псевдо-Дионисий Ареопагит — автор «Ареопагитик» — корпуса богословских текстов, написанных на греческом языке, предположительно, в V в. и долгое время приписываемых епископу Афин, ученику апостола Павла, Дионисию Ареопагиту.

¹⁰ Однако для рассудка этот опыт остается отрицательным, то есть апофатическим. По словам св. Иоанна Дамаскина: «Бог беспределен и непостижим, и одно в Нем постижимо — Его беспредельность и непостижимость» (*Архимандрит Алипий (Кастальский-Бороздин), архимандрит Исайя (Белов). Догматическое богословие: курс лекций. М.: Свято-Троицкая Сергиева лавра, 2012. С. 74*).

¹¹ До Эриугены (в 832 г.) Дионисия переводил Гилдуин, аббат монастыря Сен-Дени, но перевод не был удачным. До появления латинских переводов западный мир знал Дионисия в греческом оригинале. Так, в 649 г. св. Максим видел список Дионисия в библиотеке св. Григория Великого в Риме (*Мертон Т. Указ. соч. С. 99*).

¹² Основным было учение катаров, признающее дуализм добра и зла и отрицающее власть церковной иерархии. Окружающий материальный мир они считали злом и стремились уйти от него в религиозные и мистические практики.

¹³ Бегинки — женское религиозное движение в Европе, достигшее расцвета в XIII в. В отличие от монахинь, бегинки не принимали пожизненных обетов и обладали большей свободой. В их среде были распространены мистические учения и практики.

¹⁴ От времени начала расцвета немецкой мистики до нас дошел ряд выдающихся имен. Среди них — Мехтильда Магдебургская (1207–1282), бегинка, а потом монахиня, написавшая первый мистический текст на средненемецком языке «Струющийся свет Божества». Хильдегарда Бингенская, бенедиктинская монахиня, в 1212 г. канонизированная Римско-католической церковью, помимо своего главного визионерского труда «*Scito vias Domini*», была автором многих медицинских книг, а также музыкальных сочинений, написанных на собственные стихи. Выдающимися мистиками были бенедиктинка Мехтильда Хакеборнская и св. Гертруда Великая Хельфтская (1256–1302). Среди мистиков мужчин заметный след оставили Давид Аугсбургский (1200–1272), писавший на латыни и немецком, а так-

же его спутник в странствиях Бертольд Регенбургский, тоже проповедовавший и писавший на немецком языке.

¹⁵ Немецкий философ Франц Хоффман вспоминал слова своего учителя Франца фон Баадера: «Я часто бывал у Гегеля в Берлине. Однажды я прочитал ему отрывки из Майстера Экхарта, которого он знал только по имени. Гегель был в таком восторге, что на следующий день прочитал мне лекцию об Экхарте, прибавив в завершение: “Это то, чего мы хотели”. Я скажу вам, продолжал Баадер, Экхарт по праву называется “Майстером”. Он превосходит всех мистиков» (*Вер Г.* Указ. соч. С. 14).

¹⁶ Хорьков М. Л. Указ. соч. С. 136.

¹⁷ У Зосимы сердечное пребывание в Боге естественно сочетается с деятельной любовью к человеку. У Ферапонта же отрешенная аскетическая самозамкнутость оказывается лишенной любви. Понимание смысла страдания у Экхарта и Достоевского также сходно. Оно служит испытанием и средством приобщения человека к божественной благодати.

¹⁸ *Достоевский Ф. М.* Братья Карамазовы. М.: Гос. изд-во худ. лит., 1958. Т. I. 420 с.; Т. II. 536 с.

¹⁹ Генрих Сузо — мистик-визионер, создатель учения о целостном обращении к Богу, являющемуся человеку в образе Вечной Премудрости, о внутреннем сораспятии Христу и внутреннем преображении посредством сораспятия Ему.

²⁰ «Братья общей жизни» находились в тесной связи с созерцательным орденом монахов-картузианцев, основанным в 1084 г. Бруно Гартенфаустом Кельнским, позже способствующим распространению трудов Экхарта (*Вер Г.* Указ. соч. С. 13).

²¹ Там же. С. 13, 14.

²² В природе, как в божьем творении, стали прозревать замысел и творческую силу Бога, как в картине — идею, характер и мастерство художника.

²³ *Виндельбанд В.* История новой философии в ее связи с общей культурой и отдельными науками. Т. I: От Возрождения до Канта / ред. А. И. Введенский. СПб.: Тип. «В. Безобразов и К», 1908. С. 99.

²⁴ По-видимому, манифесты были написаны в 1608–1610 гг. в Тюбингене в кругу друзей Тобиаса Гесса, уроженца Нюрнберга, получившего докторскую степень юриста в Тюбингене, мистика и алхимика-экспериментатора, ожидавшего прихода эпохи «евангельской свободы, когда религия, наука, политика, здоровье, язык и труд человека вновь сольются в гармонии с Небом и Землей, с Богом и природой». В его личных записях, заметках на полях книг и т. п. содержатся практически все основные положения будущих манифестов (*Гилли К.* Розенкрейцеры в России в XVII–XVIII веках. Некоторые моменты из истории европейской духовной реформации // Зов Розенкрейца. Четыре века живой традиции: сб. материалов к выставке) / пер. с нидерланд. Ю. Г. Тележко; отв. ред. А. Г. Петров. М.: ВГБИЛ, 2004. С. 50, 51. URL: <http://www.rosycross.ru/pdf/4veka.pdf> (дата обращения: 12.07.2023).

²⁵ *Певцов В. Н.* Немецкое масонство в XVIII веке // Масонство в его прошлом и настоящем: репринт. воспроизведение издания 1914 г. Т. I / под. ред. С. П. Мельгунова, Н. П. Сидорова. М.: СП «ИКПА», 1991. С. 67.

²⁶ Немецкий богослов, врач, автор многих книг, среди которых сочинения розенкрейцерской направленности.

²⁷ Гилли К. Указ. соч. С. 51.

²⁸ После отъезда из России Сиббелиста составил и издал комментарии к алхимическим трудам Гербера и Раймунда Луллия, опубликовал алхимическое завещание Джона Ди, полученное в Москве от его сына, Артура Ди, бывшего лейб-лекарем Михаила Федоровича до Сиббелисты, в 1621–1634 гг. С автором розенкрейцерских манифестов Иоганном Валентином Андреа он был знаком лично (Гилли К. Указ. соч. С. 52).

²⁹ Там же.

³⁰ Андреас Энгельхарт был одним из самых влиятельных деятелей теософского движения Европы. Его близким другом был розенкрейцер и поверенный Иоганна Арндта, Кристоф Хирш, он дружил с Абрахамом фон Франкенбергом, первым биографом Беме и с Абрахамом фон Байерландом, первым издателем его трудов, много лет переписывался с первым покровителем розенкрейцеров, курфюрстом Августом Ангальтским (Гилли К. Указ. соч. С. 52, 53).

³¹ Иванов В. В. Россия и гнозис // 500 лет гнозиса в Европе. Гностическая традиция в печатных и рукописных книгах / под ред. Б-ки герметической философии. Амстердам: Ин де Пеликаан, 1993. С. 12.

³² В первой половине XVIII в. был сделан первый перевод «Христософии или Пути ко Христу» Я. Беме на церковнославянский язык. В это же время существовал перевод на церковнославянский язык и «Четырех книг об истинном христианстве» немецкого лютеранского богослова-мистика Иоганна Арндта. Переводы на русский язык были сделаны масонами в последней четверти XVIII в. Так, перевод на русский язык Арндта был сделан масоном И. П. Тургеньевым в 1784 г. и издан в вольной типографии Лопухина. Тогда же С. Н. Гамалеей, тоже масоном, на русский язык был переведен ряд трудов Беме. Однако если книга Арндта не считалась эзотерической и предназначалась для учеников, то сочинения Беме служили в масонской ложе для внутреннего пользования, поэтому передавались в списках и не издавались. Надо отметить, что и мистические тексты, не имеющие немецкого авторства, переводились на русский язык в основном с немецкого. Так, немецкие издания Герметического корпуса послужили моделью для первых двух переводов его на русский язык (Иванов В. В. Указ. соч. С. 15, 16, 74, 173, 174).

³³ Семяка А. В. Русское масонство в XVIII в. // Масонство в его прошлом и настоящем: репринт. воспроизведение издания 1914 г. Т. I / под ред. С. П. Мельгунова, Н. П. Сидорова. М.: СП «ИКПА», 1991. С. 131.

³⁴ Заборов П. Р. Вольтерьянство: к истории слова и явления // Вольтер: pro et contra: антология / сост., вступ. ст., коммент. А. А. Златопольской. СПб.: РХГА, 2013. С. 624, 625.

³⁵ Как заметил масон Д. И. Фонвизин: «...я знаю, что Вольтер развратил множество молодых людей в Европе; однако верьте мне, что для развращения юношества нет нужды ни в Вольтеровом уме, ни в его дарованиях» (Златопольская А. А. Идейное наследие Вольтера в России (XVIII–XXI вв.) // Вольтер: pro et contra: антология / сост., вступ. статья, коммент. А. А. Златопольской. СПб.: РХГА, 2013. С. 13).

³⁶ Во время своего короткого царствования масонству покровительствовал Петр III (Карл Петер Ульрих), возможно, подражая Фридриху II. Он подарил дом в Петербурге ложе «Постоянство» и, предположительно, руководил масонскими

работами в Ораниенбауме. В 1762 г. в Петербурге возникла ложа «Счастливого согласия», получившая признание от берлинской ложи. Также в Петербурге существовала ложа «Строгого наблюдения», тоже пришедшая из Германии. Ее основал Штарк, проживавший в Петербурге в 1763–1765 гг. и в 1768 г. Ложа отправляла отчеты тайному комитету начальников Ордена в Германии (*Пыпин А. Н.* Русское масонство. XVIII и первая четверть XIX в. СПб.: Дмитрий Буланин, 2023. С. 97, 108–111).

³⁷ Там же. С. 114, 118.

³⁸ Н. И. Новиков присоединился к Циннендорфской системе в 1776 г. Уже будучи заключенным Шлиссельбургской крепости, в июне 1792 г. он писал, отвечая на вопросы Шишковского: «...привязанность всех к сему масонству умножилась, а барон Рейхель больше четырех или пяти не помню градусов не давал, отговариваясь тем, что у него нет больше позволения, а должно искать. Около сего времени отправлен был князь Куракин в Швецию и ему дано было от старшей ложи соединенных лож рекомендательное письмо к Шведским масонам, в котором прошено было князя Куракина во все градусы масонские принять и с ним прислать оные». Там же Новиков рассказал о своей просьбе к Рейхелю: «...прошу вас, дайте признак мне такой, по которому бы мог я безошибочно узнать истинное масонство от ложного...» Ответ Рейхлина Новиков запомнил на всю жизнь и всегда следовал ему. По Рейхлину, истинное масонство «через самопознание, строгое исправление самого себя, по стезям христианского нравоучения, в строгом смысле не раздельно ведущее; чужду всяких политических видов и союзов, пьянственных пиршеств, развратности нравов членов его; где говорят о вольности такой между масонами, чтобы не быть покорену страстям и порокам, но владеть оными...» (*Лонгинов М. Н.* Новиков и московские мартинисты. Исследование М. Н. Лонгинова. М.: Тип. Грачева и комп., 1867. С. 075, 076).

³⁹ *Тукалевский В. Н.* Н. И. Новиков и И. Г. Шварц // Масонство в его прошлом и настоящем: репринт. воспроизведение издания 1914 г. Т. I / под ред. С. П. Мельгунова, Н. П. Сидорова. М.: СП «ИКПА», 1991. С. 199.

⁴⁰ Иоганн Кристоф фон Вельнер (1732–1800) — поместный мастер берлинской ложи «Трех глобусов», розенкрейцер высокой степени посвящения (*Кондаков Ю. Е.* Эзотерическое движение в России конца XVIII — первой половины XIX в. М.: Касталия, 2018. С. 59, 60).

⁴¹ Хотя розенкрейцеров часто относят к масонам, в строгом смысле это не совсем правильно. Также отличаются от классических масонов мартинисты и иллюминаты. Среди них розенкрейцеры наиболее мистичны.

⁴² *Семека А. В.* Указ. соч. С. 156.

⁴³ *Сдвижков Д.* Знайки и их друзья. Сравнительная история русской интеллигенции. М.: Новое лит. обозрение, 2021. С. 78.

⁴⁴ Там же. С. 77.

⁴⁵ Понятие «интеллигенция» в его современном значении, по-видимому, было впервые использовано П. Д. Боборыкиным, который утверждал, что заимствовал термин из немецкого языка, но придал ему новый смысл: это не просто образованные люди, занимающиеся интеллектуальной деятельностью, но люди высокой умственной и этической культуры. Боборыкин считал интеллигенцию чисто русским явлением, с чем были согласны Д. С. Мережковский, Г. П. Федотов,

В. В. Вересаев и Д. С. Лихачев. Вскоре слово в его новом значении было переведено с русского на европейские языки. Характерная для лучших представителей интеллигенции идея самоотверженного служения общественному благу во многом была привита русскому обществу розенкрейцерами: Шварцем, Новиковым и их последователями, среди которых — Н. М. Карамзин, А. Н. Радищев, И. В. Лопухин и др. Академик В. В. Виноградов писал, что само слово «самоотвержение» было введено в русский язык масонами, например, в 1798 г. его использует Лопухин. А слово «общественность», которое принято считать изобретением Карамзина, встречается в масонской литературе ранее и обозначает заботу масонов об общем благе и духовном совершенствовании общества. Даже слово «интеллигенция» встречается уже в текстах И. Г. Шварца в значении «высшего состояния человека, как умного существа, свободного от всякой грубой, телесной материи» (Виноградов В. В. Проблема авторства и теория стилей. М.: Гос. изд.-во худ. лит., 1961. С. 298, 299, 301). О русской интеллигенции см. также: Вехи: сборник статей о русской интеллигенции. М.: Тип. В. М. Саблина, 1909. 211 с.; Сдвижков Д. Знайки и их друзья. Сравнительная история русской интеллигенции. М.: Новое лит. обозрение, 2021. 392 с.; Романовский С. И. Нетерпение мысли или Исторический портрет радикальной русской интеллигенции. СПб.: Изд.-во С.-Петербург. ун-та, 2000. 368 с.

⁴⁶ Семенников В. П. Книгоиздательская деятельность Н. И. Новикова и типографической компании. Пг.: Гос. изд.-во, 1921. 150 с.

⁴⁷ Изучая историю культурных, образовательных и благотворительных проектов тех лет, мы с большой долей вероятности встретим среди их организаторов и меценатов масонов, а также российских немцев. Так, среди главных меценатов-организаторов Императорского общества поощрения художников в Петербурге видные масоны: князь Иван Алексеевич Гагарин и Александр Иванович Дмитриев-Мамонов. Основные правила для руководства и деятельности Общества были составлены ими совместно с масонами Людвигом Карлом фон Килем и Теодором Фридрихом фон Шубергом.

⁴⁸ Соколовская Т. О. Капитул Феникса и другие русские масонские общества. 1778–1822 годы. М.: Ломоносовъ, 2021. С. 95, 96.

⁴⁹ Попов Н. Игнатий-Аврелий Фесслер. Биографический очерк // Вестник Европы: журнал истории, политики, литературы. 1879. Дек. Т. VI, кн. 12. С. 630. URL: <https://wolgadeutsche.net/bibliothek/artikel/Fessler.pdf> (дата обращения: 07.07.2023).

⁵⁰ Соколовская Т. О. Возрождение масонства при Александре I // Масонство в его прошлом и настоящем: репринт. воспроизведение издания 1915 г. Т. II / под ред. С. П. Мельгунова, Н. П. Сидорова. М.: СП «ИКПА», 1991. С. 173–174.

⁵¹ Пытин А. Н. Русское масонство. XVIII и первая четверть XIX в. С. 358.

⁵² Там же. С. 366.

⁵³ Соколовская Т. О. Указ. соч. С. 174.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Попов Н. Указ. соч. С. 633.

⁵⁶ Там же. С. 634.

⁵⁷ Там же. С. 634–635.

⁵⁸ *Архимандрит Августин (Никитин)*. Игнатий Феслер (1756–1839) — филолог, философ, богослов // Немцы в Санкт-Петербурге: Биографический аспект. XVIII–XX вв. Вып. 12 / отв. ред. Т. А. Шрадер. СПб.: МАЭ РАН, 2019. С. 81.

⁵⁹ *Архимандрит Августин (Никитин)*. Указ. соч. С. 83.

⁶⁰ Попов Н. Указ. соч. С. 642.

⁶¹ Там же. С. 640.

⁶² Заметка императора Александра I «О мистической словесности», адресованная Великой княгине Екатерине Павловне, была опубликована Великим князем Николаем Михайловичем, внуком императора Николая I. Из нее следует тяготение Александра к западной христианской мистике отрешенного созерцательного познания Божества в духе Иоганна Таулера, обретения Христа в собственном сердце. Учения же о познании Бога через натуру он называл «великой смесью истины с заблуждением». Во многом взгляды Александра близки розенкрейцерству (*Император Александр I*. Ее Императорскому Высочеству Великой Княгине Екатерине Павловне в собственные руки // Великий Князь Николай Михайлович. Переписка Императора Александра I с сестрой Великой Княгиней Екатериной Павловной. СПб.: Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1910. С. 286–290).

⁶³ Вероятна принадлежность Александра к розенкрейцерской «тройке», в которую входили сам император, А. Н. Голицын и Р. А. Кошелев. В «тройках» посвященные высших розенкрейцерских степеней занимались мистическими практиками. Из письма А. Н. Голицына императору Александру от 14 сентября 1818 г.: «Дозвольте мне, Ваше Величество, написать вам несколько строк в этот знаменательный для каждого христианина день. Не знаю, где вы провели его, но вы были нам очень близки духом во время святой литургии в моей церкви. Наш Третий был с нами и поручил мне свидетельствовать свое всенижайшее уважение...» (Князь А. Н. Голицын (в его письмах). К императору Александру Павловичу // Русский архив. Год сорок третий. 1905. Книга третья. М.: Университет. тип., 1905. С. 367).

⁶⁴ *Карнович Е. П.* Князь Александр Николаевич Голицын и его время // Исторический вестник. 1882. Апр. Т. VIII. С. 17.

⁶⁵ В России часть сочинений Юнга-Штилинга была переведена на русский язык видным петербургским масоном А. Ф. Лабзиным, издателем журнала «Синонский вестник».

⁶⁶ *Карнович Е. П.* Указ. соч. С. 14, 17–21.

⁶⁷ *Кондаков Ю. Е.* Эзотерическое движение в России конца XVIII — первой половины XIX в. М.: Касталия, 2018. С. 556.

⁶⁸ Барон Беркгейм, зять баронессы фон Крюденер и ее сподвижник, перешедший на русскую службу (*Карнович Е. П.* Указ. соч. С. 12).

⁶⁹ Среди немецкой эмиграции в Россию было значительное количество представителей различных религиозных течений, испытывавших некоторое давление на родине: пиетистов, анабаптистов, сепаратистов, гернгутеров, а с 1789 г. меннонитов. По-видимому, у Александра к практическим соображениям в пользу немецкой эмиграции добавился мотив защиты от гонений близких ему по взглядам христиан (*Кондаков Ю. Е.* Указ. соч. С. 556–558).

⁷⁰ «Это “пробуждение” (подразумевается — к новой, возвышенной, внутренней религиозности) нашло тогда немало последователей даже между аристокра-

тическими фамилиями в Германии. В конце прошлого [XVIII-го] и в начале нынешнего [XIX-го] столетия новые “пробужденные” явились в южной Германии, особенно в Баварии» (*Пытин А. Н. Религиозные движения при Александре I // Пытин А. Н. Исследования и статьи по эпохе Александра I. Т. I: Религиозные движения / предисл. и примеч. Н. К. Пиксанова. Пг.: Огни, 1916. С. 132–133.*

⁷¹ *Dalton H. Johannes Gossner ein Lebensbild aus der Kirche des neunzehnten Jahrhunderts. Friedenau, Berlin, 1878. S. 251 (Кондаков Ю. Е. Указ. соч. С. 559).*

⁷² *Линдль И. Три проповеди Игнатия Линдля, произнесенные им в Германии. СПб.: Тип. Н. Греча, 1820. С. 115.*

⁷³ *Dalton H. Op. cit. S. 238. (Кондаков Ю. Е. Указ. соч. С. 560).*

⁷⁴ *Ibid. S. 214. (Кондаков Ю. Е. Указ. соч. С. 559).*

⁷⁵ *Лиценбергер О. А. Исторический опыт самоорганизации религиозной жизни российских немцев и его востребованность в современных условиях // Немцы России: исторический опыт и современные проблемы самоорганизации: материалы междунар. науч.-практ. конф. / науч. ред. А. А. Герман. М.: МСНК-пресс, 2008. С. 96.*

⁷⁶ *Dalton H. Op. cit. S. 39. (Кондаков Ю. Е. Указ. соч. С. 567, 568).*

⁷⁷ По другим данным — в январе 1824 г. (*Лиценбергер О. А. Указ. соч. С. 97*).

⁷⁸ После высылки Линдля колония в Сарте до 1826 г. не имела собственного священнослужителя, а в феврале 1828 г. отказалась от услуг католического священника и в официальных бумагах стала именоваться лютеранской колонией. В 1831 г. колонисты обратились с прошением вернуть Линдля в евангелическо-лютеранскую консисторию, но получили отказ. После того как Линдль начал проповедовать в Германии учение Назарейской секты, часть колонистов в Сарте стали именовать себя назаретянами (*Лиценбергер О. А. Указ. соч. С. 97, 98*).

⁷⁹ Госснер учил тому, что человек при жизни может мистически соединиться со Христом: «И так существенное обстоятельство при возбуждении человека и пришествии в познание истины, состоит в том, чтобы Дух Святый Иисуса Христа создал Себе в нас жилище, дом, и Иисус Христос вошел в сердце так, чтобы пребыл с душою в истинном, вечном и неразрывном соединении...» (*Госснер И. Е. Блаженство верующего, в сердце которого обитает Иисус Христос / пер. с нем. М. Позена. СПб.: Тип. Департамента народного просвещения, 1821. С. 8*).

⁸⁰ *Dalton H. Op. cit. S. 239. (Кондаков Ю. Е. Указ. соч. С. 579).*

⁸¹ *Dalton H. Op. cit. S. 240. (Кондаков Ю. Е. Указ. соч. С. 579).*

⁸² *Dalton H. Op. cit. S. 242. (Кондаков Ю. Е. Указ. соч. С. 582).*

⁸³ *Dalton H. Op. cit. S. 243. (Кондаков Ю. Е. Указ. соч. С. 583).*

⁸⁴ *Архимандрит Фотий. Автобиография Юрьевского архимандрита. Книга третья // Русская старина. 1895. Авг. Т. 84. С. 188.*

⁸⁵ «Прием оказанный Госснеру был еще благосклоннее (чем прием Линдля), а красноречие еще блистательнее, так что жители столицы всех вероисповеданий, не исключая и православного, толпами собирались по вечерам в католическую церковь слушать его проповеди» (*Панаев В. И. Воспоминания В. И. Панаева. Гл. III // Вестник Европы. 1867. Дек. Т. IV. С. 135*).

⁸⁶ *Госснер И. Дух жизни и учения Иисуса Христа в Новом Завете. Евангелие от Матфея // РНБ. Отдел рукописей. ОСПК. Д. F I 484. С. 804. (Кондаков Ю. Е. Указ. соч. С. 599).*

⁸⁷ *Bethmann-Hollweg V. Johannes Gossner. Berlin, 1858. S. 21. (Кондаков Ю. Е. Указ. соч. С. 602).*

⁸⁸ Существует несколько версий ответа на вопрос, почему Александр уступил требованиям консерваторов, включающим и высылку Госснера: усталость царя, провал религиозной политики князя А. Н. Голицына и необходимость в поддержке православной оппозиции для сплочения русского общества, изменения в международной обстановке, требующие сближения с Римом и др. В письме Госснеру перед его отъездом из Петербурга Александр писал, что вынужден обстоятельствами прибегнуть к этой мере, и передал на дорогу дополнительные 1000 рублей. Общая сумма пожертвований оказалась внушительной. Провожали пастора с почетом. Преследования его последователей не были строгими: некоторое время находились под стражей и следствием художник Энгель и еще несколько молодых людей. Были попытки запретить собрания, которые Александр не одобрял, но и не пресекал решительно. Новый император, Николай I, под впечатлением восстания декабристов, отнесся к последователям Госснера с подозрением, но уже в 1826 г. отношение сменилось на благоприятное во многом благодаря находившемуся при русском дворе принцу Вильгельму Прусскому (*Dalton H. Op. cit. S. 280–282. (Кондаков Ю. Е. Указ. соч. С. 601, 603, 605, 606).*

⁸⁹ *Кондаков Ю. Е. Указ. соч. С. 607.*

⁹⁰ Религия, по взгляду Шлейермахера, заключается не в теоретических построениях догматов, не в добродетели, не в знании и действии, а исключительно в созерцании и чувстве; она есть благоговейное созерцание бесконечного в конечном или такое настроение, которое, подобно священной музыке, сопровождает всякое делание человека (Романтизм // Энциклопедический словарь. Т. XXVII. СПб.: Брокгауз — Ефрон, 1899. С. 61).

⁹¹ По словам Карла Зольгера, «бесконечное разворачивается перед нами в конечном, дабы непрестанно в себя возвращаться» (Романтизм // Энциклопедический словарь. Т. XXVII. СПб.: Брокгауз — Ефрон, 1899. С. 61).

⁹² *Жирмунский В. М. Немецкий романтизм и современная мистика / предисл. и коммент. А. Г. Аствацатурова. СПб.: Аксиома. Новатор, 1996. С. 3.*

⁹³ «Благочестие Гете состоит в углублении в эту всевластную силу, в слиянии души с божественной гармонией бесконечной мировой жизни. В этом чувстве нет ничего насильственного, ничего тягостного и боязливого, ничего вымученного; это слияние человека с Богом есть полная здоровая жизнь, естественное обнаружение души и радостная чистота... в созерцании “Бога-природы” Гете ищет успокоения от страстей, избавления от противоречий земной жизни и воли» (*Виндельбанд В. Прелюдии. Философские статьи и речи / пер. со 2-го нем. изд. С. Франка. СПб.: Изд. А. Е. Жуковского, 1904. С. 152, 153).*

⁹⁴ «...но если кто хочет говорить о Боге, о том, что есть Бог, то должен прилежно размыслить о силах в природе, и обо всем творении, о небе и земле, равно о звездах и стихиях, и о тварях, которые произошли из них, также и о святых ангелах, о дьяволах и людях, о небе и аде» (*Беме Я. AURORA, или утренняя звезда в восхождении / пер. А. Петровского. М.: Мусарет, 1914. С. 25).*

⁹⁵ В 1936 г. в статье «Символизм», написанной для итальянского Энциклопедического словаря, Вячеслав Иванов развивает мысль о том, что источниками

этого типа символизма являются не только творчество Гёте и немецких романтиков, но и тайные учения, восходящие к сочинениям Якоба Беме (*Титаренко С. Д.* Вячеслав Иванов и Якоб Беме (теория религиозного символизма и актуализация наследия немецкого мистика) // *Русская литература*. 2021. № 2. С. 180).

⁹⁶ Особенно близок был им Новалис. Минцлова первой перевела его роман «Генрих фон Офтердинген». Вслед за Минцловой переводами стихов Новалиса занимался Вячеслав Иванов, считавший его чуть ли не своим двойником по мировоззрению и судьбе. Флоренский в «Символе веры» цитировал из Новалиса: «Физический маг умеет животворить природу и обращаться с ней произвольно, как со своим телом». Эту же идею, говоря о поэтах-магах, развивал и Вячеслав Иванов (*Бонецкая Н. К.* Дух Серебряного века (феноменология эпохи). СПб.: ИП Курбанов И. В., 2016. С. 48, 200, 201, 404).

⁹⁷ Вспомним о немецких корнях самого Пушкина, его прабабке по материнской линии, Христине Регине фон Шебах (*Данилевский Р. Ю.* Немецкая литература // ФЭБ (Фундаментальная электронная библиотека): Словарная часть: Пушкин: Исследования и материалы. Т. XVIII–XIX. URL: <http://feb-web.ru/feb/pushkin/isj-abc/isj/isj-2171.htm> (дата обращения: 10.07.2023). По отцовской линии родоначальник Пушкиных происходил из немцев: «Мы ведем свой род от прусского выходца Радши или Рачи...» (*Пушкин А. С.* Родословная Пушкиных и Ганнибалов // *Пушкин А. С. Т. V / под ред. С. А. Венгерова*. СПб.: Изд. Брокгауза — Ефрона, 1911. С. 427). О немцах в жизни Пушкина см.: (*Обгольц А. А.* Пушкин и немцы России. Омск: Наследие. Диалог — Сибирь, 2005. 192 с.).

⁹⁸ *Пушкин А. С.* Путешествие из Москвы в Петербург: беловая редакция // *Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений: в 16 т. Т. XI: Критика и публицистика, 1819–1834. М.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 248.

⁹⁹ *Чавчанидзе Д. Л.* Писатель и читатель: «немецкое» понятие Пушкина // *Вестн. Московского ун-та, Сер. 9 «Филология»*. 2013. № 2. С. 68.

¹⁰⁰ *Шевырев С. П.* Теория поэзии в историческом развитии у древних и новых народов. М.: Тип. Н. Степанова, 1836. С. 300. (*Чавчанидзе Д. Л.* Указ. соч. С. 68).

¹⁰¹ *Жирмунский В. М.* Указ. соч. С. 205.

¹⁰² Бердяев писал про антропософию, что «она увлекала более культурных людей» (*Брачев В. С.* Масоны, мистики и богоискатели в России. XX век. СПб.: Стомма, 2003. С. 14).

¹⁰³ Там же. С. 15.

¹⁰⁴ Это было связано с тем, что авторитет Рериха признавался советским государством. Сыграла роль и советско-индийская дружба. Под защитой многочисленных рериховских обществ росла популярность так называемой эзотерической литературы, индийской философии, буддизма и йоги. Авторитет учения подкреплялся посланиями, полученными, по словам Рерихов, от учителей и водителей человечества.

¹⁰⁵ Происхождение Н. Рериха окутано мифами и до сих пор является предметом споров. Его немецкие корни обычно не вызывают сомнений, но нет единого мнения о социальном статусе семьи (*Нилогов А. С., Богданова И. И.* Откуда есть пошли Рерихи // *Genesis: исторические исследования*. 2015. № 5. С. 383–400. URL: https://e-notabene.ru/hr/article_17237.html (дата обращения 10.07.2023).

¹⁰⁶ Жирмунский писал в 1903 г.: «Быть может, именно в Ницше всего сильнее проявилось романтическое желание принять весь мир, во всем его индивидуальном многообразии, и сделать святым, божественным, непреходящим каждое мгновение жизни» (*Жирмунский В. М.* Указ. соч. С. 201).

¹⁰⁷ По словам Бердяева, «тема Ницше представлялась русским темой религиозной по преимуществу» (*Бонецкая Н. К.* Указ. соч. С. 10).

¹⁰⁸ Там же. С. 325.

¹⁰⁹ *Богомолов Н. А.* Русская литература начала XX века и оккультизм. М.: Новое лит. обозрение, 2000. С. 26.

¹¹⁰ Минцлова дружила с В. И. Танеевым, А. Н. Строгановым, ассистентом К. А. Тимирязева, с которым тоже была знакома (*Богомолов Н. А.* Указ. соч. С. 28).

¹¹¹ Там же. С. 45.

¹¹² Там же. С. 44.

¹¹³ Из воспоминаний А. Белого (Там же. С. 48).

¹¹⁴ Там же. С. 52.

¹¹⁵ Период особого сближения Белого с Минцловой начался с января 1909 г. Белый писал: «...я бы назвал этот период погружением в “оккультизм”» (*Богомолов Н. А.* Указ. соч. С. 70).

¹¹⁶ После смерти супруги Иванова, Лидии Дмитриевны Зиновьевой-Аннибал, с октября 1907 г. до лета 1908 г. Минцлова проводит Иванова по пути посвящения, которое она называет розенкрейцерским (*Богомолов Н. А.* Указ. соч. С. 53–61).

¹¹⁷ Глухова Е. В. Письма А. Р. Минцловой к Андрею Белому: материалы к розенкрейцерскому сюжету в русском символизме // *Русская антропологическая школа. Труды. Вып. 4 (ч. 2).* М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2007. С. 216.

¹¹⁸ *Богомолов Н. А.* Указ. соч. С. 105, 106.

¹¹⁹ Пинаев С. М. Максимилиан Волошин, или себя забывший бог // Электронная библиотека Royallib.com. 2010–2023. URL: https://royallib.com/read/pinaev_sergey/maksimilian_voloshin_ili_sebya_zabivshiy_bog.html#0 (дата обращения: 11.07.2023).

¹²⁰ *Аверинцев С. С.* «Скворещниц вольных граждан...» Вячеслав Иванов: путь поэта между мирами. СПб.: Алетейя, 2002. С. 25, 26.

¹²¹ *Герцык Е.* Воспоминания. Н. Бердяев, Л. Шестов, С. Булгаков, В. Иванов, М. Волошин, А. Герцык. Париж: YMCA-Press, 1973. С. 40.

¹²² Родом из петербургских немцев.

¹²³ *Аверинцев С. С.* Указ. соч. С. 37.

¹²⁴ *Зобнин Ю. В.* Дмитрий Мережковский: Жизнь и деяния. М.: Мол. гвардия, 2008. С. 8.

¹²⁵ *Бонецкая Н. К.* Указ. соч. С. 312–316.

¹²⁶ Ф. Шлейерахер: «Бог должен пребывать в любящих; их объятия — это Его соединение... я не принимаю чувственности в любви без такого воодушевления и без того мистического чувства, которое возникает отсюда» (*Жирмунский В. М.* Указ. соч. С. 84, 85).

¹²⁷ К. Юнг: «Сексуальность является необходимым условием духовности — одно не может существовать без другого» (*Нолл Р.* Арийский Христос. Тайная жизнь Карла Юнга / пер. В. И. Менжулин. М.: Рефл-бук, Ваклер, 1998. С. 388).

¹²⁸ *Богомолов Н. А.* Указ. соч. С. 29.

¹²⁹ Так, о ключевой роли Мережковского Белый вспоминал: «Здесь, у Мережковского, воистину творили культуру, и слова, произнесенные в квартире, развозились ловкими аферистами слова. Вокруг Мережковского образовался целый экспорт новых течений без упоминания источника, из которого все черпали. Все здесь когда-то учились, ловили его слова» (*Белый А.* Мережковский. Силуэт // Мережковский Д. С. В тихом омуте. Статьи и исследования разных лет. М., 1992. С. 9. (*Бонецкая Н. К.* Указ. соч. С. 494).

¹³⁰ Род Сиверсов известен в России со времен Петра I, когда один из его представителей в чине адмирала командовал русским флотом на Балтике.

¹³¹ Там они сблизились с председателем Теософского общества г-жой Безант. Штейнер ценил Безант, признавая в ней подлинный дар духовного познания, однако считал это познание не столько сознательным восприятием высшего, сколько чем-то подобным познанию в сновидении.

¹³² *Штейнер Р.* Мой жизненный путь. Незавершенная автобиография, изданная Марией Штейнер в 1925 году. GA 028 / пер. с нем. М. О. Оганесяна. М., 2002. URL: <https://refdb.ru/look/1616099.html> (дата обращения: 12.07.2023).

¹³³ Фон Сиверс основала издательство совместно с Джоанной Мюкке. Первой была издана рукопись берлинских докладов Штейнера, потом у его предыдущих издателей были выкуплены непроданные экземпляры и права на издание штейнеровской «Философии Свободы». Всем этим вместе со Штейнером занималась Мария Яковлевна. Штейнер вспоминал, что при их ограниченных финансовых средствах сделать это было непросто (*Штейнер Р.* Указ. соч.).

¹³⁴ Там же.

¹³⁵ *Волошина М. (Сабашникова М. В.).* Зеленая Змея. История одной жизни / пер. с нем. М. Н. Жемчужниковой. М.: Энигма, 1993. С. 146.

¹³⁶ Там же.

¹³⁷ В 1909 г. Леман издал сборник стихов под псевдонимом Б. Дикс, оформил книгу Г. Нарбут, предисловие к ней написал Вяч. Иванов. В том же 1909 г. он написал очерки о Бальмонте, Волошине и Кузьмине. В 1911 г. издательство Кнебеля напечатало его сказку «Игрушки», ее тоже оформил Г. Нарбут. А в 1912 г. была издана книга Лемана о Чюрленисе (*Богомолов Н. А.* Указ. соч. С. 337).

¹³⁸ Там же. С. 336.

¹³⁹ Там же. С. 337.

¹⁴⁰ Там же. С. 78, 149, 150, 314, 315, 337.

¹⁴¹ Там же. С. 150.

¹⁴² Вера Константиновна Шварсалон (1889–1920) — дочь Ларисы Дмитриевны Зиновьевой-Аннибал от первого брака, с которой Вячеслав Иванов обвенчался в 1913 г., через 6 лет после смерти Ларисы Дмитриевны. Венчание происходило у того же священника в той же церкви в Ливорно, где в 1889 г. венчались Вячеслав Иванов и Лариса Дмитриевна Зиновьева-Аннибал. Автор дневников, переводов. Ей посвящали стихи Вяч. Иванов, А. Ахматова, М. Кузьмин, Вл. Пяст, К. Эрберг.

¹⁴³ Маргарита Васильевна Волошина-Сабашникова.

¹⁴⁴ *Богомолов Н. А.* Указ. соч. С. 324.

¹⁴⁵ Там же. С. 352–359.

¹⁴⁶ Там же. С. 264–269.

¹⁴⁷ Там же. С. 460.

¹⁴⁸ Там же. С. 509.

¹⁴⁹ Леман Б. Сен-Мартен, неизвестный философ как ученик дома Мартинеса де Пасквалис. Опыт характеристики первого периода его творчества и его первого произведения «О Заблуждениях и Истине». М.: Духовное знание, 1917. 116 с.

¹⁵⁰ Это может следовать, например, из записи в дневнике В. К. Шварсалон от 10 июля 1909 г.: «Сегодня А(нны) Р(удольфовны) не было, но мудрая предосторожность, В(ячеслав) не оставлен ни на один день — и если нет письма, то к(а)к сегодня, является Л(ема)н. Сегодня даже В(ячеслав), кот(орый) в отсутствие А(нны) Р(удольфовны) в особенности очень мудр и ясно видит, признал, что “тройка” несомненна». Речь идет о розенкрейцерской «тройке» Иванов, Минцлова, Леман (Богомолов Н. А. Указ. соч. С. 329).

¹⁵¹ Астромов Борис Викторович — масон с сомнительной репутацией. В мае 1925 г. предложил ОГПУ предоставить всю информацию по масонству в стране в обмен на право отъезда за границу, а в 1926 г. рекомендовал себя в качестве создателя «красного масонства», состоящего на службе советской власти, в обмен на негласную легализацию масонства и собственную безопасность (Брачев В. С. Масоны, мистики и богоискатели в России. XX век. СПб.: Стомма, 2003. С. 49–71).

¹⁵² Там же. С. 67.

¹⁵³ Артемова Е. В., Валиев М. Т. Биографическая страничка Бориса Алексеевича Лемана. URL: http://www.kmay.ru/sample_pers.phtml?n=1809 (дата обращения: 12.07.2023).

¹⁵⁴ Лихачев Д. С. Об Александре Александровиче Мейере // Вопросы философии. 1992. № 7. С. 92, 93.

¹⁵⁵ Брачев В. С. Масоны, мистики и богоискатели... С. 26.

¹⁵⁶ Там же. С. 27, 28.

¹⁵⁷ Возможно, это преувеличение, однако оно дает представление о реальном авторитете Мебеса.

¹⁵⁸ Одно из лучших описаний жизни и душевного состояния интеллигентного эмигранта из России, оказавшегося в Берлине 1920-х годов, — роман В. В. Набокова «Дар».

¹⁵⁹ Тиме Г. «Другой» в «танцующем» Берлине 1920-х годов // На рубеже двух столетий: сборник в честь 60-летия Александра Васильевича Лаврова / сост.: В. Багно, Дж. Малмстад, М. Маликова. М.: Новое лит. обозрение; СПб.: Ин-т рус. литературы (Пушкинский Дом) РАН, 2009. С. 705.

¹⁶⁰ Федор Августович Степун, русско-немецкий философ, в 1922 г. высланный из России и до 1925 г. живший в Берлине, видел общее безумие, царящее как в России, так и в Германии. В 1920-е годы он писал, что европейцы все еще закрывают на это глаза, продолжая придерживаться плоской картины разумности. Но для переживших годы русского безумия уже очевидна сила третьего измерения, которое он видел как «измерение глубины,... качественность, сущность и субстанцию как разума, так и бытия» (Степун Ф. А. Сочинения / сост., вступ. ст., примеч. и библиография В. К. Кантора. М.: Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2000. С. 201, 202.

¹⁶¹ Тамке М. Западно-восточная идентичность: пример Генри фон Гейзелера / пер. с нем. И. А. Конева // Сибирские исторические исследования. 2017. № 1. С. 15.

¹⁶² Там же. С. 18.

¹⁶³ Там же. С. 16, 17.

¹⁶⁴ Не могли порвать с русской культурой многие российские немцы. В 1930-е годы они также не смогли принять завоевывающий Германию национал-социализм, который некоторые из них сравнивали с большевизмом. Ф. А. Степун в письме Кульману так комментировал свое увольнение из Дрезденской высшей технической школы: «Был я уволен, в сущности, по двум мотивам. Во-первых, за христианский антирасизм, во-вторых, за русскость, не позволяющую меня рубрицировать как “заграничного немца, вернее, как члена заграничной немецкой колонии”» (Степун Ф. А. Письма / сост., археогр. работа, коммент., вступ. статьи к тому и разделам В. К. Кантора. М.: Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2013. С. 241, 242).

¹⁶⁵ Поляков Ф. Автографы символистского круга в архиве Рейнольда фон Вальтера // На рубеже двух столетий: сборник в честь 60-летия Александра Васильевича Лаврова / сост. В. Багно, Дж. Малмстад, М. Маликова. М.: Новое лит. обозрение; СПб.: Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом) РАН, 2009. С. 576.

¹⁶⁶ Там же.

¹⁶⁷ Тамке М. Указ. соч. С. 19.

¹⁶⁸ Поляков Ф. Автографы символистского круга... С. 575.

¹⁶⁹ Там же. С. 577.

¹⁷⁰ Там же. С. 582.

¹⁷¹ «Весы» — московский ежемесячный журнал символистской направленности, выходящий с 1904 по 1909 г. С журналом сотрудничали лучшие представители творческой элиты русского Серебряного века. До конца 1908 г. его фактическим руководителем был В. Брюсов.

¹⁷² Поляков Ф. Автографы символистского круга... С. 581.

¹⁷³ Поляков Ф. Русский Берлин в архиве Рейнгольда фон Вальтера // VADEMECUM: К 65-летию Лазаря Флейшмана. М.: Водолей, 2010. С. 291.

¹⁷⁴ Там же. С. 292.

¹⁷⁵ В связи с этим известна, например, его книга: Метнер Э. Размышления о Гете. Разбор взглядов Р. Штейнера в связи с вопросами критицизма, символизма и оккультизма. М.: Мусaget, 1914.

¹⁷⁶ Юнгрен М. Русский Мефистофель. Жизнь и творчество Эмилия Метнера. СПб.: Академ. проект, 2001. С. 5.

¹⁷⁷ Там же. С. 6.

¹⁷⁸ Балановский В. В. Синтезирующая рациональность Э. К. Метнера и его вклад в развитие аналитической психологии // Философская мысль. 2019. Март. № 2. С. 42.

¹⁷⁹ Там же. С. 44.

¹⁸⁰ Юнгрен М. Указ. соч. С. 193.

¹⁸¹ Никитин А. Л. Мистики, розенкрейцеры и тамплиеры в советской России. Исследования и материалы. М.: Интерграф Сервис, 1998. С. 29, 30.

¹⁸² О том, что руководителем ленинградских мартинистов является Григорий Оттонович Мебес, ОГПУ стало известно летом 1924 г., но допросы его начались

только в апреле 1926 г. На допросе Мебес говорил, что стремился развить в человеке, «во-первых, сознательность, во-вторых, бодрое, мужественное отношение к жизни и спокойное довольство своим положением, как бы скромно оно ни было». Выдать имена своих учеников Мебес отказался. Не раскрыла их и его гражданская жена М. А. Нестерова, которая рассказала, что руководила школой при ордене, преследующей общеобразовательные и этико-эстетические цели. Мебес с Нестеровой «как социально опасные элементы» были высланы из Ленинграда сроком на три года. По прошествии трех лет Мебесу было добавлено дополнительные три года вольных поселений. Он был отправлен на Урал, в город Усть-Сысольск, где умер в 1930–1934 гг. Точная дата смерти неизвестна (*Брачев В. С.* Масоны, мистики и богоискатели... С. 59, 63, 66).

¹⁸³ 11 декабря 1928 г. в Ленинграде был арестован по делу «Воскресения» Александр Александрович Мейер. Постановлением Коллегии ОГПУ от 11 июля 1929 г. он был приговорен к расстрелу с заменой приговора десятью годами заключения на Соловках. В 1930 г. привезен в Ленинград и привлечен по делу «Академии наук». Отбывал срок на строительстве Беломоро-Балтийского канала и на канале Москва–Волга. Все это время он размышлял, писал философские тексты, занимался религиозно-духовными практиками. Умер Александр Александрович в 1939 г. в Ленинграде (*Брачев В. С.* Масоны, мистики и богоискатели... С. 98, 106, 107).

¹⁸⁴ Эдуард Карлович Розенберг (1903–1977?) — свободный исследователь жизни и религиозных истин, руководитель так называемой Космической академии наук и член Братства преподобного Серафима Саровского, был арестован в Ленинграде 8 февраля 1928 г. и осужден на пять лет лагерей. По делу Космической академии наук в тот же день подвергся аресту и будущий академик Дмитрий Сергеевич Лихачев. Лихачев вспоминал: «Моим самым большим и, пожалуй, единственным настоящим другом был Эдуард Карлович Розенберг... Его отец был директором императорской аптеки, типичный немец — полный, аккуратный, спокойный, как и многие аптекари. Мать — финка... по его идее и его инициативе стала организовываться “Космическая академия наук”» (*Брачев В. С.* Масоны, мистики и богоискатели... С. 118, 123). Он был освобожден в конце 1932 г., по воспоминаниям Лихачева, не получил паспорта и был вынужден уехать в Мурманск. Вернулся в Ленинград, во время войны был призван в ополчение, после войны был выслан в Лужский район Ленобласти. «На гроши ему удалось построить в Луге дом». Оглох, тяжело болел. Похоронили его на Серафимовском кладбище. «Загубленный, талантливый и добрый человек» (*Лихачев Д. С.* Воспоминания. СПб.: Logos, 1995. С. 288).

¹⁸⁵ Иван Михайлович Андреевский, сын архивариуса Михаила Петровича Андреевского и петербургской немки Ольги Адольфовны Нейман, философ-богослов по одному образованию и врач-психиатр — по другому. Руководитель Художественно-литературно-философско-религиозной научной академии, позже переименованной в Братство преподобного Серафима Саровского. По делу Братства был приговорен к пяти годам лагерей. Освободившись в 1932 г., жил в Волховстрое. Во время войны ему удалось попасть в англо-американскую зону оккупации Германии. Потом был лагерь для перемещенных лиц и переезд в США,

где под именем И. М. Андреева он опубликовал несколько работ по истории русской церкви. Умер Михаил Петрович в 1976 г. (*Брачев В. С.* Жизненный путь профессора И. М. Андреевского (1894–1976) // *Общество. Среда. Развитие.* 2019. № 3. С. 19–25).

¹⁸⁶ К сожалению, имелись исключения. Так, в 1930 г. были расстреляны ленинградские масоны Александр Сергеевич Гирс и Георгий Алексеевич Клодт, а в августе того же года — руководитель московской ложи «Гармония», преподаватель Московского института восточных языков, российский немец Петр Михайлович Кайзер-Ясман (*Брачев В. С.* Масоны, мистики и богоискатели... С. 71).

¹⁸⁷ О связи Блока, имеющего немецкие корни по линии отца, с немецкой культурой см.: *Тиме Г. А.* А. Блок и немецкая культура // *Русская литература.* 2005. № 4. С. 204–208; *Дьендьешти М. А.* Блок и немецкая культура. Новалис, Гейне, Ницше, Вагнер. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2004.

¹⁸⁸ Евгения Казимировна (1878–1944) и Аделаида Казимировна (1874–1925) Герцык — поэтессы, писательницы и переводчицы. Имели немецкие корни по матери, Софии Максимилиановне Тидебель, которая «вносила в семейную жизнь настроение немецкого пиетизма, несколько мечтательной мистики». Благодаря талантам, образованию, общительности и высоким душевным качествам сестры сыграли значительную роль в творческой и мистической жизни русского Серебряного века.

¹⁸⁹ Идея, лежащая в основе метафоры «невидимой руки», принадлежит Бернарду де Мандевиллю, изложившему ее в «Басне о пчелах», написанной в 1714 г. (*Мандевилль Б.* Басня о пчелах / ред. и вступит. Ст. Б. В. Мееровского; пер. Е. С. Лагутина. М.: Мысль, 1974). Саму метафору предложил Адам Смит (*Смит А.* Теория нравственных чувств / вступ. ст. Б. В. Мееровского; подгот. текста, коммент. А. Ф. Грязного. М.: Республика, 1997). Подробнее вопрос освещен в сборнике: *Невидимая рука рынка* / под ред. Дж. Итуэлла, М. Милгейта, П. Ньюмена; пер. с англ. Н. А. Макашева. М.: Издат. дом ГУ ВШЭ, 2009.

¹⁹⁰ У Достоевского черт говорит Ивану Карамазову: «Там новые люди, — решил ты еще прошлою весной, сюда собираясь, — они полагают разрушить все и начать с антропофагии. Глупцы, меня не спросились! По-моему, и разрушать ничего не надо, а надо всего только разрушить в человечестве идею о Боге, вот с чего надо приняться за дело!» (*Достоевский Ф. М.* Братья Карамазовы. Т. 2. М.: Гос. изд-во худ. лит., 1958. С. 382, 383).

А. С. Лисицына

КАМИЛЛ БЕРТОЛЬДИ (1825–1914) — ПАСТОР, РЕДАКТОР, ИЗДАТЕЛЬ

Статья посвящена биографии Камилла Антоновича Бертольди (1825–1914) — лютеранского пастора полунемецкого-полуитальянского происхождения, который был одной из самых важных фигур в истории евангелической церкви России XIX–XX вв. Более сорока лет посвятил он пасторскому служению, в том числе 36 лет проработал в петергофской церкви Св. Петра. Он запомнился современникам своими многочисленными выступлениями на синодах петербургских проповедников и активным участием в работе Вспомогательной кассы евангелиско-лютеранских приходов в России. Но главное, благодаря чему Бертольди вошел в историю и заслуживает внимания и памяти потомков, — это его полувековая деятельность на посту редактора-издателя «С.-Петербургского евангелического воскресного листка». История издания до сих пор не становилась предметом специального исследования, и настоящая статья призвана восполнить этот пробел. Публикация основана на материалах периодики, архивных источниках, справочной литературе, а также автобиографии Бертольди.

Ключевые слова: Бертольди, протестантское духовенство, Евангелиско-лютеранская церковь в России, лютеранский приход в Петергофе, «С.-Петербургский евангелический воскресный листок», дореволюционная немецкая печать, немецкая периодика в Санкт-Петербурге.

A. S. Lisitsyna

PASTOR, EDITOR AND PUBLISHER CAMILLO BERTOLDY (1825–1914)

Anton Camillo Bertoldy (1825–1914) was a Lutheran clergyman of half-German and half-Italian origin. The article explores the life and work of this multifaceted individual who was one of the most prominent and respected figures in the 19th- and 20th-century history of the evangelical community in Russia. Bertoldy received his theological training at Dorpat University and, after being ordained, went on to serve in a German colony in Transcaucasia. He then moved to St. Petersburg and spent 36 years working in the Lutheran church of the suburban area of Peterhof, where his efforts were of notable spiritual and practical benefit to the local parish. Besides pastoring, he was intensely involved in the social activities of the church through his engagement in meetings of St. Petersburg Consistorial district preachers as well as being a long-time member of the Support Fund for the poorer Lutheran congregations. Yet probably his greatest contribution was his work as publisher and editor-in-chief of the St. Petersburg *Evangelisches Sonntagsblatt*. The newsheet was launched in 1858 by his fellow pastor as a small-circulation publication. Bertoldy took the charge in 1861 and led the magazine up until his death, eventually expanding it into a media outlet with a broad appeal across the evangelical community all over Russia and beyond, as it provided

well-informed insights into church life and a range of other matters from a Christian perspective. This article is the first to trace the history and development of the periodical and to reveal Bertoldy's editorial achievements as well as his views and personality.

Keywords: Bertoldy, Protestant churchmen, Evangelical Lutheran Church in Russia, Lutheran congregation in Peterhof, «St. Petersburgisches Evangelisches Sonntagsblatt», German journalism in prerevolutionary Russia, German-language press in Saint Petersburg.

Введение

Камилл Бертольди принадлежал к числу наиболее заметных и авторитетных представителей лютеранского духовенства Петербургского консисториального округа. Биография его представляет интерес по нескольким причинам. Во-первых, это важнейшая фигура в истории кирхи Св. Петра в Петергофе, где Бертольди прослужил 36 лет. Во-вторых, он был одним из самых активных участников церковно-общественной жизни немецкого Петербурга XIX–XX вв. Наконец, особое значение имеет полувековая деятельность Бертольди как редактора-издателя «С.-Петербургского евангелического воскресного листка» — журнала, который был известен немецкоязычным протестантам во всех уголках России, а сегодня является незаменимым источником генеалогических сведений. История этого издания до сих пор не находила отражения в литературе. В ходе исследования удалось выявить и ввести в научный оборот ряд новых источников, позволивших осветить роль Бертольди как движущей силы «Воскресного листка», проследить основные этапы и общественно-политический контекст развития журнала и тем самым восполнить имеющийся пробел в изучении дореволюционной немецкой печати в России.

Детство и юность (1825–1843)

Антон Камилло Бертольди (Камилл Антонович) (*Anton Camillo Bertoldy*) родился 5 (17) февраля 1825 г. в Дрездене. Его предки с отцовской стороны — итальянцы. Прадед, Антонио Бертольди, происходивший из актерской семьи¹, переселился в Дрезден, став импресарио итальянской оперы. Он построил в центре города красивый дом и открыл в нем макаронную фабрику, изделия которой славились далеко за пределами Дрездена². Бизнес продолжил

его сын, Андреа Бертольди, пошедший по стопам отца также в деятельности импресарио³.

В упомянутом доме и появился на свет будущий пастор, младший из пяти детей. Отец его, Генрих Антон Бертольди (сын Андреа), управлявший семейной фабрикой, был католиком. Мать — лютеранка. Камилла, как и всех детей в семье, крестили по лютеранскому обряду⁴. Он рано лишился родителей. Отец, оказавшийся одним из предводителей народных волнений 1830 г., умер в тюрьме в 1833 г. В том же году скончалась мать. «Вырос я среди чужих людей... отсюда известная жесткость моего характера», — писал Бертольди⁵.

Сирота несколько лет провел в пансионе, а в 1839 г. его отдали в учение к купцу. Через год мальчику неожиданно сообщили, что у него есть дядя, который живет в Симферополе, своих детей не имеет и готов его приютить. О лучшем Камилл не мог и мечтать и в августе 1841 г. отправился в дальний путь.

У дяди с тетей в Симферополе был большой дом с садом, но прислугу не держали, и помощник оказался весьма кстати. Дядя, учитель музыки, поддерживал отношения с лучшими семьями города. Ввел он в этот круг и Камилла. Однако работа по хозяйству стала тяготить юношу. В возрасте 18 лет он сдал экзамен на учителя чистописания и рисования и начал самостоятельную жизнь.

«Второе рождение» (1843–1848)

В 1843 г. Камилл перебрался в Севастополь, где получил место в уездном училище⁶. Благодаря знанию немецкого и французского языков он попал в среду образованных людей и смог давать частные уроки. Дополнительный заработок приносило умение рисовать портреты (чем он начал заниматься еще в Симферополе)⁷. Бертольди приятно проводил время в обществе офицеров и вел беспечную жизнь. Ничто не предвещало в нем будущего священнослужителя.

Перелом произошел в 1844 г., когда Камилл познакомился с пастором Гильденгагеном⁸. Тот видел, что к христианским истинам молодой человек расположен скептически, — и ненавязчиво, но плодотворно сеял в его душе семена веры. С его разрешения Камилл сделал рисунок для украшения маленькой кирхи и расписал алтарь. Вскоре он стал каждый вечер читать Библию.

Знаток древних языков, Гильденгаген предложил Камиллу безвозмездные уроки по этой части — в надежде, что тот захочет заняться теологией. Бертольди согласился, хотя не был уверен, что хочет всерьез изучать эту науку. Затем желание посвятить себя религии созрело, и он решил поступать на богословский факультет в Дерпте. Дядя на это известие отреагировал недвусмысленно: «Раз тебе угодно быть таким ослом, чтобы изучать богословие, то я ослом быть не желаю — и не стану давать тебе на это деньги»⁹.

Камилл теперь старался набрать как можно больше учеников, экономил и откладывал часть заработка; много занимался, читал духовную литературу. Просвещенные знакомые пытались его обрассудить, считая религиозность родом слабоумия¹⁰. Но Бертольди стойко выдерживал все нападки. Упорство, целеустремленность и даже некоторая строптивость — характерные черты его натуры (в чем у нас еще будет случай убедиться). В 1848 г. он оставляет службу и едет в Дерпт.

В Дерпте Бертольди еще три месяца брал частные уроки и оказался в состоянии выдержать вступительные испытания. В августе его зачислили в университет¹¹. Привезенных с собой денег едва хватило на первые полгода. Небольшой доход по-прежнему приносило рисование: эпоха фотографии еще не наступила, и он был востребован как единственный в городе портретист. Но главным спасением от полуголодного существования стала казенная стипендия, которую Камилл начал получать в 1849 г.¹² Выдавалась она с условием, что по окончании учебы выпускник четыре года отслужит в приходе по назначению правительства.

Камилл был на несколько лет старше однокурсников и относился к занятиям более серьезно. Общительный и любознательный, он в то же время не желал подстраиваться под большинство, например не вступил ни в одну из студенческих корпораций, так как не хотел участвовать в попойках, бывших неотъемлемой частью корпорантской жизни. Куда больше его привлекало обрассуждение духовной литературы. В 1850 г. неформальный кружок любителей богословия организовался в полноценное студенческое общество *Theologischer Abend*. Бертольди стал одним из его учредителей¹³.

На богословском факультете в этот период работали выдающиеся преподаватели. Тон задавал профессор Ф. А. Филиппи, представитель «лютеранского правоверия», которое боролось с вульгарным рационализмом и утверждало живую евангелическо-христианскую веру — причем на научной основе, тогда как молодой Бертольди больше склонялся к пиетизму. Его тревожило, что «рассудочное постижение вероучения охлаждает теплоту религиозного чувства»¹⁴. Знакомство с философскими системами тоже не прошло бесследно: в какой-то момент его настолько захватили идеи неоплатоников, что он начал сомневаться в своей вере, — но в результате этой внутренней борьбы вновь вернулся к Богу. Постепенно Бертольди отошел от пиетизма и научился не пренебрегать теоретической стороной христианства, но при этом навсегда сохранил в себе ощущение сокровенной связи с Богом.

В 1852 г. Бертольди окончил университет со степенью кандидата богословия. Но чтобы получить право занимать церковные должности, предстояло отбыть «год испытания». Бертольди обратился к пастору петербургской Петрикирхе Фроману¹⁵ — и тот согласился взять его на этот год к себе и помог найти в столице место домашнего учителя¹⁶.

Практика в Петербурге (1853–1854)

Бертольди приехал в Петербург в 1853 г. и в марте прочел свою первую проповедь в Петрикирхе. В дальнейшем Фроман не раз поручал ему проводить богослужения в приходской богадельне на Васильевском острове.

В апреле 1853 г. Камилл обручился с 17-летней Маргаритой Карлблом¹⁷. Свадьбы пришлось подождать: в начале 1854 г. Бертольди окончил «практику», но власти не могли решить, в какой приход определить бывшего казенного стипендиата. Наконец, он узнал, что его отправляют в одну из немецких колоний в Грузии. Экзотическое назначение показалось Бертольди «не слишком правильным», но добиться пересмотра решения не удалось. Незадолго до отъезда Камилл Антонович был посвящен в сан: ординация состоялась 24 июня 1854 г. в Петрикирхе¹⁸. 23 июля того же года Бертольди и его невеста сочетались браком¹⁹. Вскоре молодожены

отправились в путь: сначала до Москвы по недавно построенной железной дороге, дальше — в тарантасе до Тифлиса.

Введение в должность на новом месте состоялось осенью 1854 г.

Служение в Закавказье (1854–1861)

Елизабетталь²⁰ была одной из семи закавказских колоний, основанных в 1817–1818 г. глубоко верующими и даже фанатически настроенными переселенцами из Вюртемберга, которые, разорвав отношения с официальной церковью, эмигрировали на Кавказ. Значительную их часть составляли хилиасты, стремившиеся на Восток в надежде пробраться в Палестину и там дожидаться «тысячелетнего царства»²¹.

Колонистские приходы в Закавказье ревниво оберегали свои традиции и сохраняли независимость от консистории. Колония Елизабетталь насчитывала 800 жителей. Вид на горы, опрятные домики, маленькая кирха в центре единственной улицы²² — внешнее впечатление было самое благоприятное. Однако в духовной области царила неупорядоченность, да и к священнослужителям тут относились без пиетета. Все это отчасти было свойственно всем местным общинам, но елизабеттальская имела репутацию «самой трудной»²³.

Мракобесие соседствовало здесь с выхолощенным благочестием. Отдельной проблемой было полнейшее невежество подрастающего поколения. Школа работала под руководством пастора и содержалась на счет общины. Но родители уделяли обучению детей минимум внимания, стараясь поскорее отправить их на полевые работы, а колонисты из числа сектантов вообще отказывались пускать отпрысков в школу. Пастору удалось сломить сопротивление и добиться прогресса в деле образования — благодаря все той же непреклонности и твердости характера²⁴.

Не столь однозначен другой эпизод, когда Бертольди счел нужным проявить жесткость. Члены одного местного семейства²⁵ увлекались гаданием, считая это невинной забавой «для домашнего употребления». Но нашлись соседи, которые решили на них донести. Выяснилось, что колонисты выведывали у высших сил, кто из жителей деревни колдун или ведьма. Гадали и на пастора,

причем «всеведущий ключ» признал его «мастером колдунства»²⁶. Церковный конвент (с пастором во главе) приговорил всех замешанных в «ворожбе» к крупному штрафу и публичному извинению. Те пожаловались смотрителю колоний, и он обвинил конвент в пристрастности и превышении полномочий, но высшее начальство оставило решение в силе²⁷. Была ли это «охота на ведьм», устроенная Бертольди из-за неоправданной суровости и личной неприязни? Или его заставила погорячиться простая нетерпимость к суеверию?²⁸ Судя по всему, некоторый деспотизм был и правда ему присущ.

В Елизабеттале у супругов Бертольди родилась дочь Елизавета, о которой будет сказано ниже. Там же появилось на свет еще трое детей, но они умерли в младенчестве²⁹. Здешний климат переносить было непросто даже взрослым. Пастор начал тревожиться за здоровье жены. В середине 1861 г. семья вернулась в Петербург (рис. 1). В сентябре того же года у Бертольди родилась дочь Елена.

Рис. 1. Бертольди с наперсным крестом
«В память войны 1853–1856 гг.».
Середина 1860-х годов, Петербург

Санкт-Петербург–Петергоф (1861–1898)

В столице Камилл Антонович сразу же приступил к поиску работы, и вскоре нашлась неожиданная вакансия.

Начало редакторской деятельности

Бертольди всегда привлекала журналистика. В годы учебы в Дерпте он отвечал за закупку периодических изданий для студентов-богословов, а после принятия сана сам начал печататься. С середины 1850-х годов его заметки появляются в журнале «Mittheilungen und Nachrichten für die evangelische Geistlichkeit Rußlands». В 1858 г.

выходит статья о закавказских колониях в петербургском «Evangelisches Sonntagsblatt». Бертольди и не догадывался, что через несколько лет возглавит это издание.

Журнал «St. Petersburgisches Evangelisches Sonntagsblatt»³⁰ («С.-Петербургский евангелический воскресный листок»), призванный «распространять благочестие... и любовь к ближнему и заменить полезным чтением безнравственное и дурное»³¹, основал и издавал с 1858 г. пастор Зеберг³². Первое в столице инославное периодическое издание духовной направленности выходило со строгими цензурными ограничениями: запрещалось печатать как собственно теологические, так и религиозно-полемические статьи³³.

В 1861 г. Зебергу по причине занятости стало трудно справляться с редакционно-издательскими делами. В поле его зрения попал Бертольди, который с радостью согласился принять у него журнал³⁴. Фактически он начал помогать Зебергу как редактор с августа 1861 г., а в октябре, когда было получено разрешение цензурного ведомства³⁵, полностью взял на себя как редакторскую (содержательную), так и издательскую (коммерческую) часть. Первый номер под его редакцией вышел 29 октября 1861 г.

«Sonntagsblatt» представлял собой еженедельное издание объемом в один печатный лист, предназначенное для самых широких кругов христиан евангелического исповедания (рис. 2). Принципи-

Рис. 2. «С.-Петербургский евангелический воскресный листок»

ально не отступая от первоначальной концепции Зеберга, Бертольди в то же время старался публиковать максимально разнообразный материал. Тримя важнейшими рубриками были: краткие общедоступные размышления на тексты Священного Писания (эти передовые статьи Бертольди чаще всего писал сам); статьи по разным предметам христианской жизни (рассказы о духовных деятелях различных конфессий, заметки религиозного и нравственного содержания и т. п.); церковные известия от евангелических приходов империи. Также печатались сообщения о церковных событиях за границей, новости о миссиях в языческих странах, рекомендации книг. Большое внимание уделялось известиям о нуждах бедных приходов, отчетам благотворительных обществ, извещениям о пожертвованиях в пользу протестантских учреждений. Миссию журнала Бертольди видел в том, чтобы «укреплять братскую любовь между единоверцами»³⁶. И действительно, до сих пор такого объединяющего органа не существовало, и многие приходы, особенно разрозненные общины внутренних губерний, находились в изоляции.

В конце каждого номера можно было найти расписание богослужений в евангелических приходах Петербурга и информацию об оглашениях, бракосочетаниях и смерти прихожан той или иной церкви за истекшую неделю³⁷. Этот раздел — уникальный источник генеалогических сведений, к которому сегодня обращаются историки, краеведы и все те, кто, имея немецкие корни, пытается восстановить свою родословную.

Петергофский пастор

Работа редактора-издателя была Бертольди по душе, но не приносила достаточного дохода, и он стал искать оплачиваемое занятие, которое можно было бы совмещать с журнальным поприщем.

В 1862 г. освободилось место пастора в Петергофе. Община насчитывала всего 250 душ³⁸ и располагала столь скудными средствами, что рисковала остаться вообще без пастора³⁹. Кандидатуру Бертольди охотно утвердили.

Приход лютеранской церкви Св. Петра в Петергофе существовал с 1848 г. Поначалу богослужения проводились в зале на втором

этаже деревянного дома по Кадетской улице⁴⁰. Первый этаж того же здания занимала пасторская квартира — малопригодная, впрочем, для жилья: летом тут было невыносимо жарко, а зимой — мучительно холодно⁴¹. Молитвенный зал тоже не удовлетворял потребностям общины: он вмещал всего 150 человек, что становилось серьезной проблемой летом, с наплывом дачников. С учетом этих обстоятельств церковный совет затеял возведение каменной кирхи. Участок для нее (на маленькой площади у северной оконечности Английского пруда⁴²) был подарен приходу императором в 1860 г.⁴³, но средства на постройку пришлось изыскивать самостоятельно. Основная сумма была собрана при пасторе Мюндере. Строительство храма по проекту А. Штакеншнейдера началось уже при Бертольди, в 1863 г., и велось под наблюдением архитектора Э. Гана⁴⁴. Одновременно на месте ветхого двухэтажного дома стали строить новый пасторат, а пастор с семьей временно поселился в частном доме.

К ноябрю 1863 г. церковь была вчерне закончена, но денег на внутреннюю отделку не хватало, и Бертольди обратился к Александру II с просьбой выделить 2000 руб. на окончание работ. В своем эмоциональном прошении он ссылаясь на то, что покойный Николай I, очень любивший Петергоф, обещал выстроить для здешних лютеран церковь, но кончина помешала ему осуществить задуманное⁴⁵. В январе 1864 г. император удовлетворил просьбу, и вскоре церковь — кирпичное здание в псевдогоготическом стиле, рассчитанное на 300 мест, — была готова⁴⁶ (рис. 3).

Освящение кирхи состоялось 23 августа того же года. К весне 1866 г. был закончен пасторат⁴⁷, и пастор смог въехать в новую квартиру (отопление и сама квартира предоставлялись бесплатно). При доме был небольшой сад, в котором супруги Бертольди почти ежедневно трудились. В этом доме они проживут 33 года. Здесь у них родятся еще пять детей.

Жизнь в Петергофе распадалась на две «резко непохожие части»⁴⁸. В течение «восьми зимних месяцев» было тихо и малолюдно. Летом, во время пребывания двора, сюда стекалось множество аристократических семей, и население увеличивалось в несколько раз. Пастор оказывался в парадоксальном положении: от него тре-

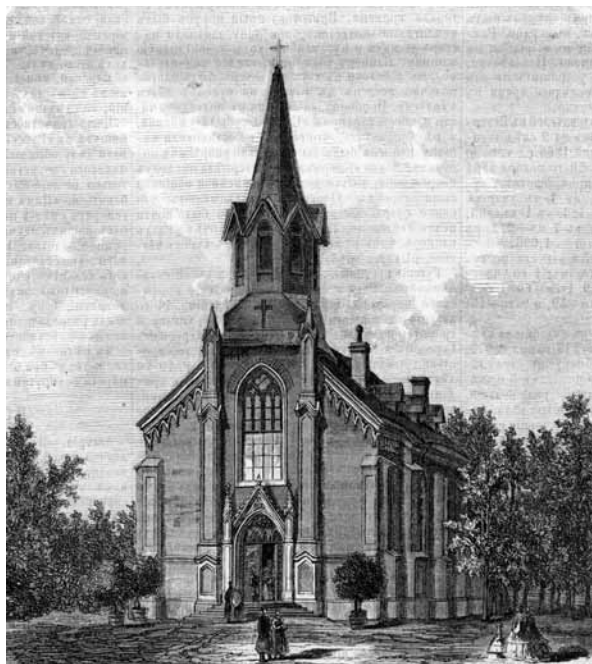

Рис. 3. Лютеранская церковь Св. Петра в Петергофе
(«Иллюстрированная газета», 1866 г.)

бывалось умение находить общий язык с разными слоями общества и быть в состоянии принимать у себя самых высоких гостей, а для этого нужно было располагать средствами, которые приход — вроде бы привилегированный, но маленький и небогатый — обеспечить не мог. Помогали доходы от издательской деятельности.

Первоначально пасторское жалованье составляло 800 руб. в год. После того как в 1872 г. приход был расширен за счет присоединения пяти колоний, располагавшихся в окрестностях Петергофа, и количество прихожан выросло более чем в два раза⁴⁹, пастор начал получать от колоний дополнительно 120 руб. Основное жалование было повышено до 1200 руб. (включая плату за преподавание Закона Божьего в приходской школе)⁵⁰.

Бертольди проповедовал в Петергофе все воскресные и праздничные дни и, кроме того, зимой раз в месяц проводил службу в Крон-

штадтской колонии. Не обладая большим даром красноречия, он тщательно готовился к проповедям⁵¹. В 1882 г. Бертольди начал проводить детские богослужения, которые стали прочной традицией общины⁵². Его отношения с церковным советом складывались благоприятно, но случались и конфликты. По собственному признанию пастора, виной всему был его темперамент: «Если бы я вел себя более сдержанно и благоразумно, неприятных инцидентов, вероятно, можно было бы избежать»⁵³.

То, что кирха располагалась в популярном «летнем приюте» богатой части столичного населения, отражалось на состоянии прихода двойственно. С одной стороны, «религиозный дух страдал от той суеты, что приносила с собой отдыхающая публика»⁵⁴, с другой — благодаря великосветским дачникам и другим состоятельным друзьям общины церковь получала ценные предметы убранства. Так, в 1888 г. директор Петергофской гранильной фабрики академик А. Гун подарил храму резной алтарь из дуба, выполненный по его собственному эскизу. В том же году на богослужении в кирхе побывал Вильгельм II⁵⁵. Сделанное им пожертвование в совокупности с другими приношениями позволило установить в церкви новый орган⁵⁶. Небогатый регистрами, но красивый по звучанию инструмент долгое время был единственным в Петергофе, и послушать его собиралось много любителей музыки⁵⁷. О концертах в кирхе писали столичные газеты, здесь выступали знаменитые музыканты: певица М. Долина, органист Л. Гомилиус, виолончелист Э. Гербек и др.

Большое внимание Бертольди уделял развитию образования. Он не только занимался подготовкой конфирмантов, но и руководил приходской школой, которая расцвела благодаря его заботам. Содержать заведение позволяли доходы от ежегодной вещевой лотереи⁵⁸. Лотереи продолжались до 1875 г., но за время их проведения успел составиться столь значительный капитал⁵⁹, что проценты с него еще долгие годы обеспечивали как школьные нужды, так и другие потребности прихода⁶⁰. Развитие школы затормозилось в начале 1890-х годов, с подчинением всех лютеранских школ Министерству народного просвещения и ужесточением курса на русификацию. Бертольди по обыкновению отреагировал крайне резко, не желая мириться с ослаблением церковного влияния на

управление школьными делами, что привело к столкновению с директором народных училищ⁶¹. Несмотря на все старания пастора, уровень обучения снизился, а число учащихся сократилось⁶².

Развитие «Sonntagsblatt» и цензура

Несмотря на загруженность приходскими делами, Бертольди усердно занимался журналом, стремясь расширить круг читателей. Поначалу число подписчиков оставалось в пределах 1100–1600 человек⁶³. Подвижки начались после того, как изданию решил помочь вице-президент Генеральной консистории Рихтер — по его инициативе в 1881 г. всем советам лютеранских приходов страны был разослан циркуляр с рекомендацией поддерживать «Sonntagsblatt».

Общительность и активность Бертольди также играли положительную роль в развитии издания. У редакции не было недостатка в сотрудниках и помощниках. В числе тех, кто регулярно предоставлял материалы, были петербургские пасторы Зеберг, Ферман и Финдейзен, профессор Гершельман из Дерпта, генерал-суперинтендент Пенгу, духовенство из Ревеля, Гельсингфорса, Берлина и других городов.

В 1882 г. «Sonntagsblatt» был освобожден от предварительной цензуры⁶⁴. Также власти позволили расширить программу издания и помещать в каждом номере краткий обзор политических новостей. Содержание журнала стало более разнообразным и светским, что способствовало дальнейшему росту тиража. Кроме того, раз в месяц стало выходить приложение о миссионерской деятельности.

Впрочем, приобретение журналом «бесцензурного» статуса не только не облегчило редактору жизнь, но даже добавило хлопот. Листок продолжал находиться в зависимости от цензуры, и в каком-то смысле контроль даже ужесточился. Не редкостью стали вызовы в цензурный комитет из-за спорных мест, которые цензор уже не имел права вычеркнуть или переписать, но считал «вредными». Наступила «эра Победоносцева», и Бертольди неизбежно вступал в конфликт с надзорными органами: «Не раз и не два представлял я перед сильными мира сего и выслушивал, что печатать подобные вещи недопустимо и впредь мне надлежит быть осмотрительнее», — вспоминал он⁶⁵.

Чаще всего дело ограничивалось предостережениями, но однажды дошло до серьезного выговора. Произошло это в 1884 г., когда репрессивные меры против «евангельского пробуждения», начавшегося в среде петербургской аристократии под влиянием проповедей лорда Редстока, достигли кульминации и лидеры этого движения — В. Пашков и граф М. Корф — были высланы из страны. Бертольди отозвался на эти события, написав об опасности возврата к временам жестоких религиозных преследований. Комментарий вызвал негодование всесильного обер-прокурора, и тот потребовал, чтобы цензурное ведомство вынесло Бертольди строгое устное внушение, а Консистория — внушение в письменной форме. Непокорный издатель писал: «Этот выговор я расценил скорее как знак почета, а не позора»⁶⁶.

Столкновения с цензурой были вполне обычны для тогдашней печати и не слишком смущали Бертольди. Он боролся за свободу совести, невзирая на колебания государственной политики, поскольку его натуре претила любая половинчатость. Пастор Дальтон как-то заметил: «Бертольди и сам не понимает, насколько он отважный человек, раз так открыто высказывает то, что думает»⁶⁷.

Петербург (1898–1914)

В 1898 г. Бертольди оставил церковное служение, но сохранил за собой редакцию «Воскресного листка». Теперь он проживал в Пе-

Рис. 4. Бертольди в преклонном возрасте

тербурге в статусе «заслуженного пастора» (рис. 4). Первоначально семья занимала квартиру в доме на углу Екатерининского и Крюкова канала, а с 1904 г. — по адресу: наб. Фонтанки, д. 101.

Редакторская и издательская деятельность на рубеже веков

Начало XX в. в России ознаменовалось принятием положений, отменивших наиболее стеснительные постановления о периодике. Свобода слова с переменным успехом отстаивала право на существование. В статьях и заметках этого периода Бертольди позволял себе критиковать действия властей в разных сферах, писал о несправедности Русско-японской войны⁶⁸, коррупции⁶⁹, реакционно-националистической политике правительства и нежелании последнего соблюдать обещанные Манифестом 1905 г. свободы⁷⁰. Отмена цензуры имела и обратную сторону: появился ряд конкурирующих изданий, и «Sonntagsblatt» потерял часть читателей⁷¹.

В целом редакторская деятельность Бертольди на рубеже веков была вполне успешна. Число подписчиков к 1905 г. достигло 8600, к 1907 г. — 9000 человек⁷². Издание приносило хороший доход, чему способствовали увеличение тиража, повышение стоимости подписки и рост объема рекламы. Имя пастора сделалось известным среди единоверцев по всей России и за ее пределами. Подписчики были даже в Африке. Журнал завоевал популярность и авторитет, став той объединяющей силой, какой и мечтал его видеть редактор.

На основе своих статей, заметок, проповедей Бертольди составил и издал ряд книг. Особый интерес представляет сборник «57 путевых писем» (1906) с автобиографией пастора и заметками о путешествиях (рис. 5). Незадолго до смерти вышли «Последние мысли 88-летнего» (1913).

Общественная активность и взгляды

Бертольди всю жизнь поддерживал тесные связи с коллегами и единомышленниками, оставаясь деятельным членом формальных и неформальных объединений.

В первую очередь следует отметить его участие в синодах проповедников Петербургского консисториального округа. С момента

Рис. 5. Книга Бертольди «57 путевых писем»

возвращения из Грузии пастор не пропустил ни одного (!) синода и даже после выхода в отставку продолжал участвовать в заседаниях и выступать с докладами⁷³. На синоде 1910 г. он произнес «прощальную речь», в которой выразил свое кредо, напомнив, что всегда сохранял верность традиционной протестантской теологии и не приемлет «новомодных» концепций в духе историко-критической школы⁷⁴.

Другой формой профессионального общения были пасторские вечера, в которых Бертольди почти еженедельно участвовал на протяжении более полувека. На этих собраниях, проходивших поочередно в домах разных пасторов столицы и пригородов, обсуждались вопросы богословской науки и новости церковной жизни, велись неформальные дискуссии. Бертольди был в числе самых активных членов этого кружка. Коллегам надолго запомнились его «энергичная и оригинальная личность» и «живая тяга к беседе»⁷⁵.

Еще одна сторона общественной активности Бертольди — участие в работе Вспомогательной кассы евангелическо-лютеранских приходов в России, которая оказывала существенную поддержку лютеранским приходам и их духовенству. В 1872–1883 гг. Бертольди занимал место делопроизводителя Петербургского окружного комитета, затем стал его членом, а в 1899 г. был выбран в число директоров Центрального комитета кассы, оставаясь в этой должности до 1912 г.⁷⁶ Бертольди поддерживал кассу еще и как издатель, размещая на страницах листка материалы о ее деятельности⁷⁷. В 1883 г. при Центральном комитете кассы по инициативе Бертольди был учрежден капитал им. Лютера, проценты с которого шли на различные вспомоществования. На 1909 г. капитал составил 270 тыс. руб.⁷⁸

Также Бертольди регулярно печатал в журнале сведения о других богоугодных проектах и нуждающихся общинах. Авторитет издания и широкая география читателей помогали привлекать немалые суммы. За первые 50 лет существования листка благодаря такому посредничеству было собрано свыше 300 тыс. руб. на благотворительные цели⁷⁹. Сам пастор всю жизнь отчислял на благотворительные дела десятую часть личных доходов⁸⁰.

Неожиданный штрих к портрету Бертольди — его участие в политической жизни страны в период Первой русской революции, когда он становится членом «Немецкой группы Союза 17 октября»⁸¹. На съездах группы его как минимум дважды избирали в состав ревизионной комиссии⁸², что говорит о доверии, которым пользовался 80-летний издатель.

Поддержка программы октябристов, в сочетании с некоторыми его высказываниями в печати, позволяет составить представ-

ление о политических взглядах Бертольди. Вопреки источникам советского времени⁸³, он не был противником царского режима как такового, но считал необходимым ограничить самодержавие на основе конституционных начал. Для него были неприемлемы как революционные, так и реакционные идеи. В отношении национального вопроса и языковой политики Бертольди разделял интересы немецкой диаспоры. Он настаивал, что немецкий должен оставаться для его единоверцев языком церковного и семейного общения, а усиление русификации расценивал как покушение на священное право каждого народа говорить на своем языке⁸⁴.

Семья

Самым близким человеком Камилла Антоновича всегда оставалась жена, которая, помимо прочего, была его редактором и «цензором»: все, что Бертольди писал, он читал сначала ей. Ближе к концу жизни супруги много путешествовали вдвоем, посещали Италию, Германию, старались каждое лето выезжать на воды. В 1904 г. они отпраздновали золотую свадьбу⁸⁵.

К тому времени все дети уже создали собственные семьи и разлетелись из гнезда, но часто навещали родителей. Старшая дочь, Елизавета Камилловна (1858–1940), после смерти мужа, генерала И. Берга, переехала из Оренбурга в Петербург. Ее сын Аксель Берг — будущий адмирал, кибернетик — рассказывал, что именно дед привил ему любовь к морю⁸⁶. Бертольди запомнился ему «маленьким, энергичным, деспотичным и в то же время добрым и отзывчивым»⁸⁷. Сама Елизавета Камилловна была женщиной талантливой и начитанной; окончив Училище технического рисования, она впоследствии занимала должность директрисы Царскосельской женской гимназии, давала уроки музыки и рисования. Любовь к искусству объединяла всю семью⁸⁸.

Вторая дочь, Елена (1861–1938), была пианисткой. После смерти своего первого супруга, Э. Сан-Галли, она вышла замуж за немецкого музыканта В. Томаса⁸⁹. Анна (1864–1939) стала женой пастора К. Гассельблата. Ида (1869–1924) вышла замуж за торговца предметами искусства М. Буша, Лидия (1872–1946) — за контор-

щика Р. Грейнерта⁹⁰. Младшая дочь, Маргарита (1878–?), была супругой петербургского архитектора Б. Гауптфогеля⁹¹.

Единственный доживший до зрелого возраста сын пастора, Рейнгольд Камиллович (1874–1936)⁹², преподавал различные предметы в Петришуле, занимал должность вице-директора Департамента народного просвещения, был разносторонне образованным человеком, отлично играл на органе, давал уроки музыки⁹³.

Последние годы

Бертольди до глубоких сединок сохранял удивительную работоспособность и ясность ума. Отпраздновав в 1911 г. полувековую юбилей редакторской деятельности, он еще несколько лет руководил «Воскресным листком», но в октябре 1914 г., предчувствуя скорую смерть, написал прощальное слово к читателям и сообщил, что передает журнал в другие руки⁹⁴. Согласно его воле, редактором стал епископ К. Фрейфельд⁹⁵, а издательскую часть взял на себя П. Кюгельген (издатель газеты «St. Petersburger/Petrograder Zeitung»)⁹⁶.

Бертольди скончался 19 октября 1914 г. на девяностом году жизни⁹⁷. Он работал до последнего дня и успел лично подготовить к печати номер, который вышел в свет через неделю⁹⁸.

Похороны прошли 22 октября (рис. 6). Утром состоялось заупокойное богослужение в Петрикирхе, на которое собралось множество желающих попрощаться с покойным⁹⁹. Из церкви процессия напра-

Рис. 6. Объявление о кончине Бертольди на первой полосе *Petrograder Zeitung*

вилась на Балтийский вокзал. В Петергофе гроб встретили члены церковного совета и многочисленные прихожане петергофской церкви, где и прошла церемония прощания. По желанию покойного он был погребен на петергофском кладбище¹⁰⁰. Надгробная надпись, составленная им самим, гласила: *Geboren, um zu sterben; gestorben, um zu leben* (нем. «Родился, дабы умереть; умер, дабы жить»)¹⁰¹.

Вдова пережила его на два месяца и скончалась 18 декабря 1914 г.¹⁰²

По завещанию Бертольди наследниками его имущества назначались в равных частях семеро его детей. Отдельно выплачивалось по 500 руб. петергофской церкви, Эмеритальной кассе пасторов С.-Петербургского консисториального округа, Кассе вдов и сирот пасторов и некоторым другим благотворительным учреждениям¹⁰³.

«Воскресный листок» после смерти Камилла Антоновича существовал лишь полгода. В условиях продолжавшейся Первой мировой войны и роста антинемецких настроений для немецкоязычной прессы наступили трудные времена. В 1915 г. издание «Sonntagsblatt» было прекращено.

Заключение

Камилл Бертольди был цельной личностью. Экспансивный и бескомпромиссный, он мог отстаивать свои убеждения с излишней резкостью и прямоотой, но никогда не изменял своим принципам. Главным для него было делиться верой с окружающими. При этом он достаточно скромно оценивал свои заслуги как пастора, считая, что важнейшие его достижения связаны более с областью печатного, нежели устного слова. Именно журнал, которому он отдал более полувека, Бертольди считал делом своей жизни.

Благодаря трудолюбию, журналистским и организаторским способностям ему удалось превратить «Sonntagsblatt» в современное издание, служившее объединяющим звеном для евангелических приходов в разных концах страны. Журнал стал трибуной, позволившей пастору наиболее полно исполнить свое призвание, которое он видел в том, чтобы «словом и пером проповедовать благодать Божию»¹⁰⁴.

Библиография

Источники

- Весь Петербург на 1910 год. СПб., 1910.
 Национальный архив Грузии (НАГр.). Ф. 226. Оп. 1. Д. 145.
 Новороссийский календарь на 1844 год. Одесса, 1843.
 Новороссийский календарь на 1847 год. Одесса, 1846.
 РГИА. Ф. 472. Оп. 15. Внутр. оп. 90/928. Д. 26.
 РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Д. 4070.
 РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 851.
 РГИА. Ф. 828. Оп. 14. Д. 80.
 РГИА. Ф. 1480. Оп. 1 Д. 2116.
 ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 8049.
 ЦГИА СПб. Ф. 2294. Оп. 1. Д. 135.
 Beiblatt des St. Petersburger Herold. 1904. № 205.
 Eesti Ajaloohiiv, EAA (Исторический архив Эстонии). 1253.1.39.
 Pernausche Zeitung. 1912. № 38; 1914. № 292.
 Revalsche Zeitung. 1906. № 250; 1907. № 247.
 St. Petersburger Evangelisches Sonntagsblatt. 1861. № 44.
 St. Petersburger Evangelisches Sonntagsblatt. 1904. № 32.
 St. Petersburger Evangelisches Sonntagsblatt. 1907. № 1.
 St. Petersburger Evangelisches Sonntagsblatt. 1909. № 38–41.
 St. Petersburger Evangelisches Sonntagsblatt. 1910. № 11, 45.
 St. Petersburger Evangelisches Sonntagsblatt. 1911. № 45.
 St. Petersburger Evangelisches Sonntagsblatt. 1913. № 45.
 St. Petersburger Evangelisches Sonntagsblatt. 1914. № 28, 41, 43.
 St. Petersburger Zeitung. 1904. № 179.
 Umständliche Beschreibung Dresdens. Leipzig, 1781.

Научная литература

- Бирюков Б. В. Отражение судьбы России. К 100-летию со дня рождения А. И. Берга // Вопросы философии. 1993. № 10. С. 152–168.
 Гущин В. А. История Петергофа и его жителей. Кн. 3: Новый Петергоф. СПб.: Нестор-История, 2005. 560 с.
 Деревнина Е. А., Князева Е. Е., Соловьева Г. Ф. Лютеранские церкви и приходы на Северо-Западе России XVIII–XX вв. СПб.: Аврора, 2021. 352 с.
 Известия Кавказского отдела Императорского русского географического общества. Тифлис, 1875–1877. Т. 4.
 Измайлов М. М. Путеводитель по Петергофу: к 200-летию Петергофа. СПб.: Тов-во Р. Голике и А. Вильборг, 1909. 246 с.
 Лукьянов С. М. О Вл. С. Соловьеве в его молодые годы: материалы к биографии: в 3 т. М.: Книга, 1990. Т. 1. 441 с.
 Немцы в России: Люди и судьбы / отв. ред. Л. В. Славгородская. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. 312 с.

Радунская И. Л. Аксель Берг — человек XX века. М.: Мол. гвардия, 1971. 496 с.
Радунская И. Л. Две эпохи — две судьбы // Вопросы истории естествознания и техники. 1980. № 3. С. 109–115.

Черказянова И. В. Ленинградские немцы: судьба военных поколений. 1941–1955. СПб.: Нестор-История, 2011. 400 с.

Чернова-Деке Т. Н. Немецкие поселения на периферии Российской империи. Кавказ: взгляд сквозь столетия (1818–1917). М.: МСНК-пресс, 2008. 208 с.

Album des theologischen Abends und der Arminia 1850–1900. Jurjew (Dorpat), 1902.
Bertoldy A. C. Siebenundfünfzig reisebriefe aus Russland, Finnland, Deutschland und Italien aus den Jahren 1864–1905. St. Petersburg, 1906.

Beschreibung der vorzüglichsten Merkwürdigkeiten der Churfürstlichen Residenzstadt Dresden und einiger seiner umliegenden Gegenden. Dresden: In der Waltherischen Hofbuchhandlung, 1782. 812 S.

Blume J. E. Verstümmelte Körper? Lebenswelten und soziale Praktiken von Kastratensängern in Mitteleuropa 1712–1844. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2019.

Busch E. H. Ergänzungen der Materialien zur Geschichte und Statistik des Kirchen und Schulwesens der Ev.-Luth. Gemeinden in Russland. Bd. 1. St. Petersburg, 1867.

Busch E. H. Materialien zur Geschichte und Statistik des Kirchen und Schulwesens der Ev.-Luth. Gemeinden in Russland. St. Petersburg, 1862. 696 S.

Die Evangelisch-Lutherischen Gemeinden in Russland: Eine historisch-statistische Darstellung. Bd. 1. St. Petersburg, 1909.

Dresden zur zweckmäßigen Kenntniß seiner Häuser und deren Bewohner / [Gottlob Wolfgang Ferber]. Dresden, 1797. 606 S.

Fehrman W. Beerdigung des Pastors emerit. C. Bertoldy // Petrograder Zeitung. 1914. № 292. S. 3.

Franz N., Kirjuchina L. St. Petersburg — der akkurate Deutsche. Frankfurt am Main; Berlin; Bern; Bruxelles; New York; Oxford; Wien, 2006. 398 S.

Freifeldt C. Pastor Anton Camillo Bertoldy // St. Petersburger Evangelisches Sonntagsblatt. 1914. № 43.

Fünfzigjähriger Jubiläumsbericht der Ev. Luth. St. Petri-Kirche zu Peterhof. Petrograd, 1915.

Gernet A., von. Geschichte der Allerhöchst bestätigten Unterstützungs-Kasse für Evangelisch-Lutherische Gemeinden in Russland. St. Petersburg, 1909.

Gottzmann C. L., Hörner P. Lexikon der deutschsprachigen Literatur des Baltikums und St. Petersburgs. Berlin; New York, 2007. Bd. 1. 1476 S.

Mittheilungen und Nachrichten für die evangelische Geistlichkeit Rußlands [afterw.] die evangelische Kirche in Russland, herausg. durch C.C. Ulmann. Riga, 1856.

Neues Archiv für sächsische Geschichte und Alterthumskunde. Dresden, 1880. Bd. 1. Neues Gemälde von Dresden. Dresden, 1820. Bd. 1.

Pantenius H., Grosberg O. Deutsches Leben im alten St. Petersburg. Riga, 1930.

Thomas-San-Galli // Deutsche biographische Enzyklopädie der Musik. Bd. 2: S–Z. München, 2003.

Walter M. Oper. Geschichte einer Institution. Stuttgart: J. B. Metzler Verlag, 2016. 470 S.

¹ Neues Archiv für sächsische Geschichte und Alterthumskunde. Bd. 1. Dresden, 1880. S. 293. Фамилия встречается в различном написании: *Bertoldi*, *Bertholdi*, *Bertoldy*.

² Здание вошло в историю под названием *Nudelmühle* («макаронная мукомольня»). См.: Umständliche Beschreibung Dresdens. Leipzig, 1781. S. 467–469; Beschreibung der vorzüglichsten Merkwürdigkeiten der Churfürstlichen Residenzstadt. Dresden, 1782. S. 107; Neues Gemälde von Dresden. Bd. 1. Dresden, 1820. S. 281.

³ Dresden zur zweckmäßigen Kenntniß seiner Häuser und deren Bewohner. Dresden, 1797. S. 333; Walter M. Oper. Geschichte einer Institution. Stuttgart, 2016. S. 206; Blume J. E. Verstümmelte Körper? Göttingen, 2019. S. 92–93.

⁴ Bertoldy A. C. Siebenundfünfzig Reisebriefe. St. Petersburg, 1906. (Далее — Bertoldy.) S. III–IV; Лукьянов С. М. О Вл. С. Соловьеве в его молодые годы: Материалы к биограф. Кн. 1. М., 1990. (Далее — Лукьянов.) С. 381.

⁵ Bertoldy. S. IV.

⁶ Новороссийский календарь на 1844 год. Одесса, 1843. С. 277; Новороссийский календарь на 1847 год. Одесса, 1846. С. 300.

⁷ Возможно, определенную роль в развитии этих способностей сыграл дядя: по некоторым данным, Фридрих Бертольди давал уроки не только музыки, но и рисования (а также итальянского языка). См.: Лукьянов. С. 381.

⁸ Франц Людвиг Гильденгаген (Хилденхаген) (*Hildenhausen*) (1804–1856) — дивизионный проповедник в Севастополе в 1842–1855 гг.

⁹ Bertoldy. S. XI.

¹⁰ Ibid. S. XV.

¹¹ Первоначально Бертольди был зачислен на филологический факультет, затем перевелся на богословский.

¹² Bertoldy. S. XVIII.

¹³ См.: Album des theologischen Abends und der Arminia 1850–1900. Jurjew (Dorpat), 1902. (Далее — Album.) S. 3–4, 14. Впоследствии объединение было переименовано в *Arminia* и стало корпорацией; функционирует по сей день.

¹⁴ Bertoldy. S. XX.

¹⁵ Георг Карл Людвиг Готлиб Фроман (*Georg Karl Ludwig Gottlieb Frommann*) (1809–1879) — в 1839–1865 гг. пастор Петрикирхе, в 1868–1875 гг. — вице-президент Петербургской консистории.

¹⁶ Bertoldy. S. XXIV.

¹⁷ Маргарита Карлблом (*Agnes Thekla Margaretha* или *Margot Carlblom*) родилась 13 октября 1835 г. в Дерпте. Ее отец — Эдуард Карлблом (сын пастора, преподавал в различных учебных заведениях, писал духовные стихи). См.: ЕАА.1253.1.39. Л. 28. Маргариту в некоторых источниках не совсем точно называют шведкой. Шведские предки ее отца в XVIII в. переселились на территорию нынешней Эстонии. См.: Gottzmann C. L., Hörner P. Lexikon der deutschsprachigen Literatur des Baltikums und St. Petersburgs. Bd. 1. Berlin; N. Y., 2007. S. 327–328.

¹⁸ Album. S. 14; St. Petersburger Evangelisches Sonntagsblatt. (Далее — St.Pbg. ev.Sonnt.Bl.) 1904. № 32. S. 250.

¹⁹ Bertoldy. S. XXVI; РГИА. Ф. 828. Оп. 14. Д. 80. Л. 90.

²⁰ Поселок Асурети в современной Грузии, в 30 км от Тбилиси. Историческое немецкое название *Elisabeththal* передается в русскоязычном написании по-разному: Елизаветталь, Елисабетталь, Елисаветталь, Элизабетталь.

²¹ Чернова-Деке Т. Н. Немецкие поселения на периферии Российской империи. М., 2008. С. 96–97, 101; Известия Кавказского отдела Императорского русского географического общества. Т. 4. Тифлис, 1875–1877. С. 108–113.

²² Эта церковь не сохранилась. В 1871 г. вместо нее был построен новый храм (отреставрирован в 2019 г.).

²³ Bertoldy. S. XXVII, XXXII.

²⁴ Bertoldy. S. XXVIII; Mittheilungen und Nachrichten für die evangelische Geistlichkeit Rußlands. 1856. S. 80, 86.

²⁵ НАГр. Ф. 226. Оп. 1. Д. 145. Автор выражает благодарность Олеся Димитриченко за предоставление материалов данного дела.

²⁶ Там же. Л. 15, 19.

²⁷ Там же. Л. 17–24.

²⁸ Здесь любопытно отметить, что в молодости (во время «практики» в Петербурге) Бертольд интересовался спиритизмом, но быстро от него отказался и впоследствии вел переписку на эту тему с дядей (убежденным спиритом), стараясь внушить ему, что всякое сношение с духами возбраняется нам Св. Писанием.

²⁹ Album. S. 14–15.

³⁰ С 1896 г. — *St. Petersburger Evangelisches Sonntagsblatt*. В ряде источников издание именуется газетой.

³¹ РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Д. 4070. Л. 11 об., 14 об.

³² Павел Зеберг (Зеебер) (*Paul Otto Alexander Seeberg*) (1823–1908) — пастор петербургской Анненкирхе в 1855–1878 гг.

³³ РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Д. 4070. Л. 35, 36.

³⁴ St.Pbg.ev.Sonnt.Bl. 1907. № 1. S. 3.

³⁵ Bertoldy. S. XXXII; РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Д. 4070. Л. 44, 45.

³⁶ St.Pbg.ev.Sonnt.Bl. 1861. № 44. S. 345–346.

³⁷ С середины 1860-х этот «церковный указатель» стала перепечатывать газета *St. Petersburger Zeitung*.

³⁸ *Busch E. H. Materialien zur Geschichte und Statistik des Kirchen und Schulwesens...* St. Petersburg, 1862. S. 73.

³⁹ Fünfzigjähriger Jubiläumsbericht der Ev.Luth.St.Petri-Kirche zu Peterhof. Petrograd, 1915. (Далее — Peterhof.) S. 6.

⁴⁰ Деревнина Е. А., Князева Е. Е., Соловьева Г. Ф. Лютеранские церкви и приходы на Северо-Западе России XVIII–XX вв. СПб., 2021. С. 258–259; РГИА. Ф. 472. Оп. 15. Внутр. оп. 90/928. Д. 26. Л. 9 об.

⁴¹ Bertoldy. S. XXXIII; *Busch E. H. Ergänzungen der Materialien zur Geschichte und Statistik...* Bd. 1. St. Petersburg, 1867. (Далее — Busch 1867.) S. 55.

⁴² См. расположение кирхи на плане в книге: *Измайлов М. М. Путеводитель по Петергофу*. СПб., 1909.

⁴³ *Гущин В. А. История Петергофа и его жителей*. Кн. 3: Новый Петергоф. СПб., 2005. (Далее — Гущин.) С. 113–114; *Die Evangelisch-Lutherischen Gemeinden in*

Russland: Eine historisch-statistische Darstellung. Bd. 1. St. Petersburg, 1909. (Далее — Gemeinden.) S. 79; РГИА. Ф. 472. Оп. 15. Внутр. оп. 90/928. Д. 26. Л. 10–10 об.

⁴⁴ Гушин. С. 113–114; Gemeinden. S. 79; Peterhof. S. 7.

⁴⁵ РГИА. Ф. 472. Оп. 15. Внутр. оп. 90/928. Д. 26. Л. 1. Разговор, во время которого было дано это обещание, произошел в 1850 г., после крещения сына барона Александра Дризена, которое проводил пастор петергофского прихода Шталь. Последний и несколько других свидетелей по просьбе Бертольди подтвердили этот факт. См.: РГИА. Ф. 472. Оп. 15. Внутр. оп. 90/928. Д. 26. Л. 5–5 об., 15–16.

⁴⁶ Здание разрушено в годы Великой Отечественной войны.

⁴⁷ Bertoldy. S. XXXIII.

⁴⁸ Ibid. S. XXXIV.

⁴⁹ На начало XX в. насчитывалось около 750 прихожан. См.: Gemeinden. S. 80.

⁵⁰ Gemeinden. S. 80.

⁵¹ Bertoldy. S. XXIX.

⁵² После ухода Бертольди детские богослужения на время прекратились: пастор Ганзен не мог их проводить по состоянию здоровья. Традицию возобновил по настоянию детей в 1901 г. его преемник пастор Бодунген. См.: Peterhof. S. 7.

⁵³ Bertoldy. S. XXXVII.

⁵⁴ Bertoldy. S. 124.

⁵⁵ St.Pbg.ev.Sonnt.Bl. 1914. № 28. S. 218–219. Внутри церкви затем была установлена мраморная доска, напоминавшая о посещении кайзера. См.: Измайлов М. М. Указ. соч. С. 188.

⁵⁶ Инструмент фирмы «Sauer» обошелся в 2850 руб. (см.: Peterhof. S. 7–8). Он заменил прежний небольшой орган мастера Лукаса (см.: Busch 1867. S. 56).

⁵⁷ Гушин. С. 115–116.

⁵⁸ Bertoldy. S. XXXVI. Все разыгрываемые вещи (мебель, посуда и т. п.) являлись пожертвованиями прихожан. Они выставлялись для ознакомления публики в Пассаже. Там же производилась продажа билетов.

⁵⁹ Из остатков доходов от лотереи составил школьный капитал в 36 тыс. руб. В 1890 г. капитал был разделен пополам (вторую часть направили на поддержку нуждающихся). См.: ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 8049. Л. 2 об.

⁶⁰ Peterhof. S. 5; Gemeinden. S. 79.

⁶¹ Bertoldy. S. XXXVI.

⁶² Новый этап в истории заведения начался в 1905 г., когда вместо школы было открыто четырехклассное коммерческое училище (торговая школа).

⁶³ St.Pbg.ev.Sonnt.Bl. 1907. № 1. S. 4.

⁶⁴ Ibid.

⁶⁵ Ibid.

⁶⁶ Ibid.

⁶⁷ St.Pbg.ev.Sonnt.Bl. 1911. № 45. S. 354.

⁶⁸ St.Pbg.ev.Sonnt.Bl. 1905. № 27. S. 213.

⁶⁹ См., например: Franz N., Kirjuchina L. St. Petersburg — der akkurate Deutsche. Frankfurt a. M., 2006. S. 201.

⁷⁰ St.Pbg.ev.Sonnt.Bl. 1913. № 45. S. 356.

⁷¹ St.Pbg.ev.Sonnt.Bl. 1909. № 41. S. 319.

⁷² Лукьянов. С. 382; St.Pbg.ev.Sonnt.Bl. 1907. № 1. S. 5.

⁷³ Petrograder Zeitung. 1914. № 292. S. 3; St. Petersburger Zeitung. 1904. № 179. S. 2.

⁷⁴ St.Pbg.ev.Sonnt.Bl. 1910. № 11. S. 82–83. Синод 1910 г. не стал для Бертольди последним. В качестве гостя он участвовал даже в 1913 г. См.: РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 851. Л. 279 об.

⁷⁵ Pantenius H., Grosberg O. Deutsches Leben im alten St. Petersburg. Riga, 1930. S. 36–37; St.Pbg.ev.Sonnt.Bl. 1911. № 45. S. 354.

⁷⁶ Gernet A. v. Geschichte der Allerhöchst bestätigten Unterstützungs-Kasse für Evangelisch-Lutherische Gemeinden in Russland. St. Petersburg, 1909. Anh. S. 33–35; Весь Петербург на 1910 год. СПб., 1910. Стб. 1034; St.Pbg.ev.Sonnt.Bl. 1911. № 45. S. 354–355; Pernausche Zeitung. 1912. № 38. S. 1.

⁷⁷ См., в частности, большой обзор к 50-летию кассы (с портретами членов Центрального комитета): St.Pbg.ev.Sonnt.Bl. 1909. № 38–41.

⁷⁸ St.Pbg.ev.Sonnt.Bl. 1909. № 39. S. 305; № 41. S. 322.

⁷⁹ St.Pbg.ev.Sonnt.Bl. 1907. № 1. S. 5.

⁸⁰ St.Pbg.ev.Sonnt.Bl. 1914. № 41. S. 323; Лукьянов. С. 382.

⁸¹ Самостоятельная организация в рамках партии октябристов; разделяла всю программу партии и присылала двух делегатов в Центральный комитет.

⁸² Revalsche Zeitung. 1906. № 250. S. 1; 1907. № 247. S. 2.

⁸³ О Бертольди упоминается в советских биографиях его внука А. Берга (см.: Радунская И. Л. Аксель Берг — человек XX века. М., 1971. С. 13–14, 33; Она же. Две эпохи — две судьбы // Вопросы истории естествознания и техники. 1980. № 3. С. 109). Пастор предстает в них чуть ли не революционером. Искажены или мифологизированы и многие другие факты. Утверждается, например, что Бертольди говорил «на полунемецком-полуитальянском языке» и даже давал уроки итальянского (на самом деле он итальянского практически не знал). Допущены и другие неточности (жена Бертольди названа «дочерью пастора», ошибочно указано место их венчания и т. д.). Многие мифы перекочевали и в современные книги. См., например: Ерофеев Ю. Н. Аксель Берг. М., 2012.

⁸⁴ St.Pbg.ev.Sonnt.Bl. 1913. № 45. S. 356; 1914. № 28. S. 219.

⁸⁵ Beiblatt des St. Petersburger Herold. 1904. № 205; St.Pbg.ev.Sonnt.Bl. 1904. № 32. S. 250–253 (с портретами супругов).

⁸⁶ Бирюков Б. В. Отражение судьбы России. К 100-летию со дня рождения А. И. Берга // Вопросы философии. 1993. № 10. С. 152–153.

⁸⁷ Радунская И. Л. Аксель Берг — человек XX века. М., 1971. С. 21.

⁸⁸ По воспоминаниям Берга, дед Бертольди не только рисовал, но и играл на скрипке и рояле. Встречаются упоминания, что он даже давал уроки музыки, но это не находит подтверждения.

⁸⁹ См., например: Thomas-San-Galli // Deutsche biographische Enzyklopädie der Musik. Bd. 2: S–Z. München, 2003. S. 865, 1197.

⁹⁰ Основные сведения обо всех детях Бертольди см. в: Album. S. 14–16.

⁹¹ Расстрелян в 1937 г. Маргарита в 1941 г. осуждена на 10 лет исправительно-трудовых лагерей. См., например: Черказянова И. В. Ленинградские немцы. СПб., 2011. С. 142.

⁹² В ряде источников упоминается «Роман Камиллович Бертольди». Это то же лицо, что Рейнгольд Камиллович. Другого сына, дожившего до зрелого возраста, у пастора не было.

⁹³ В 1928 г. по сфабрикованному обвинению уволен из Петришуле. В 1930 г. арестован, приговорен к расстрелу, который был заменен 10-летним заключением. В 1933 г. досрочно освобожден и выслан на поселение в Вологду, где и скончался. См., например: Немцы в России: Люди и судьбы. СПб., 1998. С. 207.

⁹⁴ St.Pbg.ev.Sonnt.Bl. 1914. № 41. S. 324.

⁹⁵ Конрад Фрейфельд (*Conrad Raimund Freifeldt*) (1847–1923) в 1892–1920 гг. был генерал-суперинтендентом и вице-президентом, а затем президентом Генеральной консистории. Бертольди связывали с ним дружеские отношения.

⁹⁶ St.Pbg.ev.Sonnt.Bl. 1914. № 43. S. 337.

⁹⁷ ЦГИА СПб. Ф. 2294. Оп. 1. Д. 135. Л. 43 об. — 44.

⁹⁸ *Freifeldt C. Pastor Anton Camillo Bertoldy* // St.Pbg.ev.Sonnt.Bl. 1914. № 43. S. 340.

⁹⁹ *Fehrmann W. Beerdigung des Pastors emerit. C. Bertoldy* // Petrograder Zeitung. 1914. № 292. S. 3.

¹⁰⁰ Местом захоронения, предположительно, стало Свято-Троицкое кладбище. Надгробие не сохранилось. Кладбище было почти полностью разграблено в XX в.

¹⁰¹ Лукьянов. С. 382.

¹⁰² ЦГИА СПб. Ф. 2294. Оп. 1. Д. 135. Л. 48 об. — 49.

¹⁰³ РГИА. Ф. 1480. Оп. 1. Д. 2116. Л. 2.

¹⁰⁴ St.Pbg.ev.Sonnt.Bl. 1911. № 45. S. 355.

И. Л. Лейнонен, М. Т. Валиев

СЕМЕЙНЫЕ ПРЕДАНИЯ И РЕАЛИИ — СТРАНИЦЫ ФАМИЛЬНОЙ ИСТОРИИ ПЕТЕРБУРГСКОГО ПОЭТА, ХУДОЖНИКА И КРАЕВЕДА РОБЕРТА ЛЕЙНОНЕНА

Имя петербургского поэта, художника и краеведа Роберта Адольфовича Лейнонена (1921–2019) хорошо известно жителям Санкт-Петербурга, интересующимся историей немецкой диаспоры России. Его труд, посвященный Смоленскому лютеранскому кладбищу, по сей день служит непревзойденным источником информации и образцом для специалистов и любителей истории нашего города. Родился в Петрограде в семье с немецкими и финскими корнями. После окончания ленинградской средней школы был призван в марионеточную финскую армию просоветского правительства Куусинена. Перед началом Великой Отечественной войны Роберта демобилизовали, а в августе 1942 г. отправили из блокадного Ленинграда в ссылку на Урал уже как представителя немецкой нации. С детства проявлял склонность к творчеству — литературе, живописи и истории. Занимался историей немецкой диаспоры Петербурга. В 2000 г. был награжден Анциферовским дипломом в номинации «Зарубежные работы о Санкт-Петербурге». Последние годы провел на исторической родине. На основании обработки своих дневниковых записей, публикаций и писем привел в порядок свой литературный архив, написал книгу воспоминаний. Настоящая статья написана на базе материалов, подготовленных к 100-летию юбилею Роберта Лейнонена, и посвящена описанию немецкой фамильной линии и личной биографии Роберта.

Ключевые слова: Лейнонен, генеалогия, краеведение, немецкая диаспора России, Смоленское лютеранское кладбище.

I. L. Leinonen, M. T. Valiev

FAMILY LEGENDS AND REALITIES — PAGES OF THE FAMILY HISTORY OF THE ST. PETERSBURG POET, ARTIST AND LOCAL HISTORIAN ROBERT LEINONEN

The name of the poet, artist and local historian from Saint Petersburg Robert Adolfovich Leinonen (1921–2019) is well known to the residents of Saint Petersburg, who are interested in the history of the German diaspora in Russia. His work, dedicated to the Smolensk Lutheran cemetery, up to this day serves as an unsurpassed source of information and a sample for specialists and people interested in the history of Saint Petersburg. He was born in Petrograd in a family with German and Finnish roots. After graduating from the Leningrad secondary school, he was enlisted into the puppet Finnish army of the Kuusinen pro-Soviet government. Before the World War II started, Robert was demobilized, and in August 1942 he was sent from besieged Leningrad to exile in the Ural as a representative of the German nation. Since childhood, he showed a penchant

for creativity — literature, painting and history. He researched the history of the German diaspora in Saint Petersburg. In 2000 he was awarded the Antsiferov Diploma in the nomination “Foreign works about Saint Petersburg”. He spent his last years in his historical homeland. Based on the processing of his diary entries, publications and letters, he organized his literary archive, wrote a book of memoirs. This article is written on the basis of materials prepared for the 100th anniversary of Robert Leinonen and is devoted to a description of the German family line and Robert’s personal biography.

Keywords: Leinonen, genealogy, local history, German diaspora in Russia, Smolensk Lutheran cemetery.

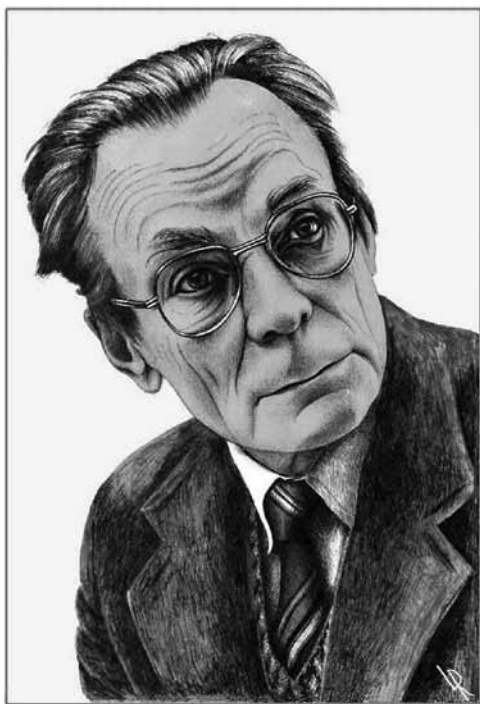

Рис. 1. Роберт Лейнонен. Автопортрет

Имя петербургского поэта, художника и краеведа Роберта Адольфовича Лейнонена (01.08.1921–09.10.2019) (рис. 1) хорошо известно жителям Санкт-Петербурга, интересующимся историей немецкой диаспоры России. Его труд, посвященный Смоленскому лютеранскому кладбищу, по сей день служит непревзойденным

источником информации и образцом для специалистов и любителей истории нашего города. К нашему стыду, этот уникальный двухтомник так и не был издан в России. Все наши старания найти источник финансирования остались безуспешными¹.

Роберт Лейнонен — человек с типично финской фамилией — вырос в семье с глубокими немецкими корнями, ощущал себя российским немцем и, к сожалению, разделил горестную судьбу многих тысяч своих соплеменников. Эта статья посвящена описанию немецкой фамильной линии и личной биографии Роберта Лейнонена.

Герой нашего рассказа родился 1 августа 1921 г. в Петрограде. Об этом событии сам Роберт писал следующее: «1-го августа 1921 года в полшестого утра я появился на свет Божий собственной персоной, о чем громогласно и заявил. К моменту моего рождения отец работал в пригороде Петрограда в Детском Селе. Но родился я не там! Родился я в Петрограде, в Гаванском родильном приюте, так что я — ленинградец! В начале 1990-х годов я внезапно услышал в свой адрес от одного историка: “Позвольте, какой же Вы ленинградец? Вы же в Петрограде родились!..” Действительно, в то время город еще не назывался Ленинградом»².

Свою семейную историю Роберт аккуратно записал уже в военное время, находясь в ссылке. Она изложена в первой книге его воспоминаний «Жизнь на полустанке» и в рассказе «Стеклодувы из Тюрингских лесов»³.

Немецкие предки-стеклодувы Роберта носили весьма распространенную в Германии фамилию Мюллеры и происходили из маленького немецкого городка Лауша в Тюрингии — родины стеклянных елочных игрушек. Прапрапрадед Роберта, стеклодув Иоганн Мюллер, переселился с семьей в Санкт-Петербург в 1832 г.

В своем рассказе «Стеклодувы из Тюрингских лесов» Роберт Лейнонен писал: «Семейные предания гласили, что как-то раз в конце 1820-х годов проездом из своего турне по Европе в одну из затерянных... в горах деревушку заехал переночевать какой-то датский граф. Попутно он хотел найти себе мастера-стеклодува высокого класса — граф строил себе новый дворец. Там нужно было много стекла. Выбор пал на старика Мюллера, который слыл

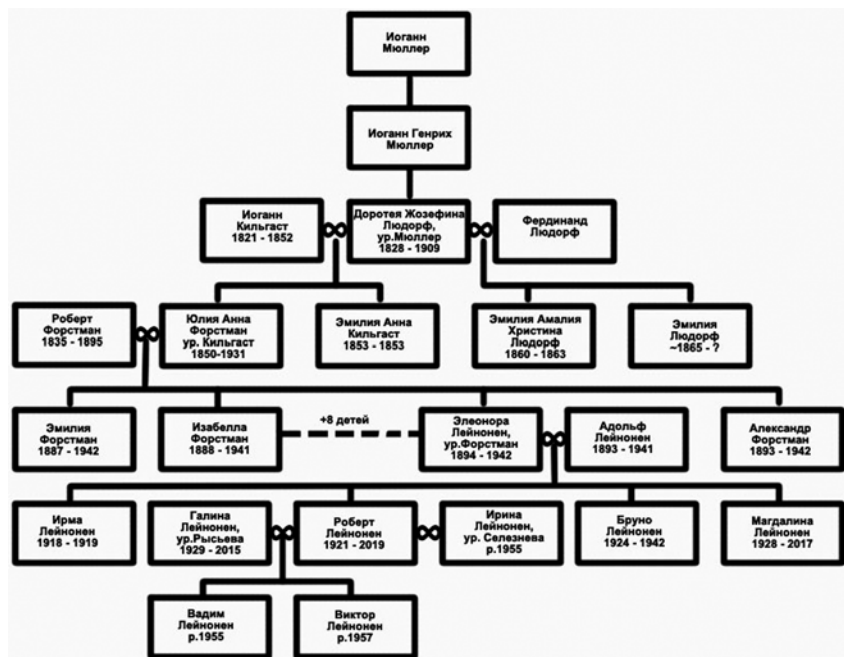

Рис. 2. Генеалогическое древо Роберта Лейнонена. Немецкая линия

в округе опытным мастером. А он и был моим прапрапрадедом (только не ошибитесь: трижды пра-!!!). В те годы в Германии, видно, жизнь не сладкая была. Собрал свои пожитки старый стеклодув, взял жену и сына Иоганна, и подался в поисках заработка в страну Данию. Вез туда дед Мюллер и свою маленькую внучку Анни, мою будущую прабабушку (она родилась в 1828 г. ...)⁴.

За хитросплетениями фамильной истории удобно следить по прилагаемой генеалогической схеме (рис. 2).

Продолжим цитату из статьи Роберта Лейнонена: «Родина Гамлета встретила пришельцев из Тюрингских гор неприветливо и сурово. Чужестранцев ждали неудачи. Говорят, вроде бы и года он там не прожил. Прежний мастер по стеклу, попавший в немилость у графа и ставший подмастерьем, портил дело старику Мюллеру. Работа не клеилась, стекло не получалось, граф прогнал Мюллера из своего поместья.

Рис. 3. Фрау Мюллер — жена стеклодува Иоганна Мюллера

Старый стеклодув не решился возвращаться на родину. То ли гордость тому причиной, то ли что другое, но поехал он в Петербург к своему родному брату, который уже давно, чуть ли не при Екатерине еще, нашел себе приют в России и работал стеклодувом где-то на стекольном заводе...»⁵

Первой нашей задачей была попытка найти какие-либо архивные документы, подтверждающие фамильные предания. В метрической книге лютеранского прихода немецкой колонии Ново-Саратовка (ныне — деревня Новосаратовка в Свердловском городском

поселении Всеволожского района Ленинградской области) была обнаружена запись о кончине Морица Мюллера: 12 декабря 1844 г. в 4 часа утра скончался 58-летний уроженец Лауши Мориц Мюллер (Moritz Müller), «стеклодув из Лауши в Саксен-Мейнинген»⁶. Отпели его в Ново-Саратовской лютеранской церкви Св. Екатерины и похоронили 15 декабря 1844 г. на церковном кладбище Ново-Саратовки. Согласно той же записи в метрической книге, на момент своей смерти он был женат, и можно утверждать, что эта запись относится к брату прапрапрадеда Роберта Лейнонена — Морицу Мюллеру (ок. 1786 — 12.12.1844).

Прапрадед Роберта Лейнонена, Иоганн Генрих Мюллер (Johann Heinrich Müller), унаследовал фамильную профессию. До наших дней чудом дошла старинная фотография прапрабабушки Роберта (рис. 3). Дочь Иоганна Генриха Мюллера, Анна Ивановна Мюллер, родилась в 1828 г. в городе Зоннеберге и при рождении была наречена Доротеей Жозефиной⁷ (Dorothea Josephina Müller, 1828–1909). Согласно семейным преданиям, маленькую девочку звали в семье «Анни», и это имя автоматически трансформировалось в семейном кругу в «Анну Ивановну», а «Доротеей» или «Доротеей Жозефиной» она оставалась лишь по документам⁸. Например, в переписи г. Рыбинска от 1897 г. она записана как «Людорф Доротея Андреевна, 68 лет, вдова, мещанка, родилась в Саксонии»⁹.

В 1832 г., в возрасте четырех лет, Анна попала с семьей родителей в Петербург.

Продолжим цитату из статьи Роберта: «К сожалению, в семейных устных преданиях почти ничего не сохранилось о тех далеких временах, кроме самых скудных сведений о нашей непосредственной родственной линии. Известно доподлинно, что Анна Иоганновна дважды была замужем: первый ее муж, Фридрих Людорф — Федька Людорф, как у нас пренебрежительно говорили дома, — спился и помер, оставив ее с дочерью Эмилией.

Второй — Иоганн Кильгаст, шлифовальщик стекла по профессии, — был более покладистым мужчиной, но и тот вскоре после женитьбы умер от холеры. От второго брака у Анны Иоганновны осталась дочь Юлия, будущая моя бабушка. Трудно было матери одной растить двух дочерей. С помощью крошечной горелки на-

Рис. 4. Анна Кильгаст, урожденная Мюллер (1828–1909)

плавляла она цветные стеклянные головки на поломанные иголки и эти булавки продавала. А за иголками ходила она пешком в далекое село Рыбацкое, что на берегу Невы, в немецкую колонию к дядюшке граверу»¹⁰ (рис. 4).

В результате проведенных исследований семейное предание о том, что Доротея Жозефина первым браком была замужем за «пьяницей Федькой Людорфом», а вторым — за Иоганном Кильгастом, оказалось ошибочным. В действительности все было в точности наоборот — первым мужем Доротеи Жозефины был шлифовальщик стекла из Рыбинска Иоганн Христоф Кильгаст (Johann Christoph Kilgast, 1821–1852), скончавшийся в конце 1852 г., вторым

ее мужем в 1859 г. стал слесарь Фердинанд Филипп Людорф (Ferdinand Philipp Lühdorf, ?–?). Подтверждение этому мы нашли в метрических книгах лютеранской церкви Св. Екатерины на Васильевском острове (в немецком просторечии «Катариненкирхе»), где были обнаружены записи о рождении и крещении Юлии Кильгаст (бабушки Роберта)¹¹, запись об отпевании Иоганна Кильгаста (первого мужа Доротеи Жозефины)¹², записи о рождении и смерти Эмилии Кильгаст (младшей сестры Юлии)¹³, запись о венчании Доротеи Жозефины (урожд. Мюллер, во вдовстве Кильгаст) с Фердинандом Филиппом Людорфом¹⁴, а также записи о рождении и смерти Эмилии Христины Августы Людорф (дочери Доротеи Жозефины от второго брака)¹⁵.

Кроме того, в евангелическом воскресном листке Санкт-Петербурга за 1859 г. мы обнаружили объявление о предстоящем венчании Доротеи Жозефины с Фердинандом Филиппом Людорфом¹⁶.

В первом браке Доротеи Жозефины Мюллер с Иоганном Кильгастом первенцем родилась будущая бабушка Роберта, Юлия Анна Кильгаст (Julie Anna Kilgast). Она родилась в Санкт-Петербурге 8 августа 1850 г. в два часа пополудни. Крестили ее в церкви Св. Екатерины на Васильевском острове 1 октября 1850 г.¹⁷

Спустя два года, 29 декабря 1852 г., в три часа пополудни в возрасте 31 года скоропостижно скончался глава семьи Иоганн Христоф Кильгаст. Отпели его 31 декабря 1852 г. в церкви Св. Екатерины и в тот же день упокоили на Волковском лютеранском кладбище¹⁸.

Через полгода, 19 июля 1853 г. в 4 часа утра, родилась вторая дочь Кильгастов, Эмилия Анна Кильгаст (Emilie Anna Kilgast). Крестили ее дома 30 августа в 8 часов вечера¹⁹. К сожалению, маленькая Эмилия Кильгаст скончалась 24 ноября того же 1853 г. Похоронили ее рядом с отцом на Волковском лютеранском кладбище²⁰.

Вдова Анна Ивановна (по документам — Доротея Андреевна) Кильгаст осталась с дочерью Юлией. Через семь лет после кончины первого мужа Доротея Жозефина Кильгаст, урожденная Мюллер из Зоннеберга в Саксонии, сочеталась браком со слесарем-подмастерьем Фердинандом Филиппом Людорфом из Санкт-Петер-

бурга — венчание состоялось 28 июня 1859 г. в церкви Св. Екатерины²¹. Важно отметить, что именно в этой записи зафиксированы второе официальное имя прабабушки Роберта — Жозефина и место ее рождения — город Зоннеберг²².

Через год после бракосочетания, 3 мая 1860 г. в 3 часа пополудни, в семье Людорфов родилась дочь Эмилия Христина Августа Людорф (Emilie Christine Auguste Lühdorff), крестили ее 29 мая все в той же Катариненкирхе. Восприемниками были записаны слесарь-мастер Август Кипп (August Kipp) и незамужняя барышня Эмилия Пензер (Jungfrau Emilie Penser). К сожалению, 14 мая 1863 г. и она умерла в возрасте трех лет и десяти дней²³.

Вероятно, в следующем 1864 г. (к сожалению, метрические книги за 1864 и 1865 гг. отсутствуют) у супругов Людорф родилась еще одна дочь, которую вновь называли Эмилией. Это предположение основано на двух фактах. Во-первых, на обороте старинной семейной фотографии «Анны Ивановны с дочерью Эмилией» четко выведено: «Эмилия Оедоровна Людорфъ». Во-вторых, 8 февраля 1881 г. «незамужняя девица Эмилия Людорф» была восприемницей у своей племянницы Марты Форстман, родившейся в Рыбинске 30 декабря 1880 г. О дальнейшей судьбе Эмилии нам ничего неизвестно — проработка метрических книг Рыбинска вплоть до 1885 г. никаких новых данных относительно ее судьбы не принесла, кроме того, что она и далее оставалась незамужней восприемницей у своих племянников Форстманов²⁴.

Роберт Форстман (Robert Johann Forstmann, 03.01.1835–27.03.1895) — дедушка Роберта — до приезда в Рыбинск трудился в мастерских Московско-Рязанской, Курской и Варшавской железной дороги, далее на Тульском заводе Мальцева и других фабриках, а с 1 июля 1875 г. служил рессорщиком в механической мастерской Общества Рыбинско-Бологовской железной дороги: «От простого молотобойца, подмастерья, до паровозных рессор дошел Роберт Иванович. И получал за работу в 1894 г. по два рубля в день. Работа в кузне нелегка — из огня да в полымя, а с жару на сквознячок, на холодок передохнуть. Простудился Роберт Форстман и внезапно умер от воспаления легких 27 марта 1895 г., когда ему перевалило за шестьдесят»²⁵.

Рис. 5. Юлия и Роберт Форстман

Первым браком он был женат на Юлиане Доротее Панневиц (Juliana Dorothea Pannewitz, 20.06.1842–07.04.1876). В этом браке родились две дочери: Каролина (Karolina Forstmann, 1872–1942) и София Ида (Sophie Ida Forstmann, 07.11.1873–02.10.1877).

В 1876 г. после кончины жены Роберт остался с двумя дочерьми на руках.

Будущая бабушка Роберта, Юлия Кильгаст (рис. 5), дочь рыбинского шлифовальщика стекла Иоганна Кильгаста, ездила в гости к бабушке с дедушкой в Рыбинск и, вне всякого сомнения, была

знакома с семьей Роберта Форстмана. И когда он обратился к Кильгастам с просьбой руки их внучки Юлии, предложение было встречено благосклонно.

29 августа 1876 г. было подано прошение на венчание пастору Израиль-Беку Долуханянцу (08.04.1840, Шуша — 26.11.1915, Цюрих)²⁶, окормлявшему приходы Ярославля, Рыбинска, Костромы и Вологды. 12 сентября 1876 г. пастор Долуханянец обвенчал в Рыбинске 40-летнего уроженца мызы Нейсатен Курляндской губернии, мастера железнодорожных мастерских Роберта Ивановича Форстмана²⁷ и 26-летнюю Юлию Кильгаст. «Иоганн Роберт Форстман, железнодорожный служащий в Рыбинске, венчается с Юлией Анной Кильгаст, дочерью рыбинского шлифовальщика стекла Иоганна Кильгаста, оба евангелическо-лютеранского вероисповедания»²⁸. Впоследствии героя нашего рассказа Роберта Лейнонена назовут именно в честь дедушки — Роберта Форстмана.

Вот как описана история женитьбы Роберта Форстмана в первом томе неопубликованного романа Роберта Лейнонена «Жизнь на полустанке»: «В 1870-х годах Роберт Иванович Форстман внезапно овдовел. Остались без матери две дочери. Одну из них звали Каролиной, имя другой дочери, умершей в детстве, неизвестно... Не побоялась Юлия поехать в Рыбинск и выйти за вдовца с двумя детьми, который к тому же был на 15 лет ее старше. Из метрических книг г. Рыбинска известно, что Юлия Анна родилась в 1850 г. и вышла замуж в 1876 г. Венчались Юлия Кильгаст и Роберт Форстман в Рыбинске, о чем сообщалось в С.-Петербургском евангелическом “Воскресном листке”²⁹. В Рыбинске же они прожили долгие годы»³⁰.

В переписи г. Рыбинска от 1897 г. о семье Роберта Форстмана говорится следующее: «Покровская улица — против Вокзала, дом 25: Форстман Юлия Ивановна — хозяйка — 46 лет — вдова — мещанка — родилась в СПб. — приписана к г. Шлок Лифляндс. губ. — исповед. лютеранство — обучалась в нем. приюте — домовладелица...» Далее перечислены ее дети, включая Каролину, приемную дочь от первого брака Роберта Форстмана, родившуюся в Москве. Упоминание города Шлока появилось благодаря Роберту Форстману, согласно архивным документам города Рыбинска, в 1893 г. «строение: деревянный двухэтажный флигель и земли 200 кв. са-

жень перешло в принадлежность мещанину гор. Шлока, Лифляндской губ., Роберту Иогану Форстману». Из семейных воспоминаний известно, что Юлия Ивановна Кильгаст училась в Анненшуле — церковной школе при лютеранской церкви Анненкирхе в Санкт-Петербурге. Завершает эту запись уже упомянутая выше Доротея Андреевна Людорф — мать Юлии, которая переехала в Рыбинск в 1876 г. после венчания Юлии Кильгаст с Робертом Ивановичем Форстманом. Анна Ивановна жила у старшей дочери и помогала ей по хозяйству до конца своей жизни³¹.

По рассказу Роберта «в домике на Покровской улице Рыбинска очень много читали. По вечерам — как это было и много лет спустя в далекой Гавани, в городе Санкт-Петербурге — Юлия Ивановна открывала книгу и читала вслух на немецком языке своему мужу и детям. Она сумела создать в доме тот самый семейный очаг, к которому все стремились, который все любили и вспоминали всю жизнь»³².

Двенадцать детей родилось у четы Форстманов в Рыбинске, но большинство из них умерли в детстве. В живых остались четыре дочери — Эмилия (1887–1942), Изабелла (1888–1941), Алида (1891–1918), Элеонора (1894–1942) — и сын Александр (1893–1942). Согласно переписи на 1897 г., детям было соответственно 10, 9, 6, 2 и 4 года³³.

Мама Роберта Лейнонена, Элеонора Вильгельмина Форстман, родилась незадолго до кончины своего отца, в самом конце 1894 г., — она была последним ребенком в семье. После кончины главы семейства вдове, Юлии Ивановне, пришлось продать дом и огород с садом. Чтобы прокормиться, она стала шить на продажу. Но всех детей вырастила и поставила на ноги.

В начале XX в. из Рыбинска в Санкт-Петербург стали перебираться подрастающие Форстманы. В 1907–1908 гг. Юлия Ивановна с дочерьми и старенькой матерью тоже переехала в родной город. «Так завершился рыбинский период семьи Форстманов... В Питере первые годы жили на Симанской улице в доме 16 (сейчас это улица Шевченко в Гавани), на шестом этаже окнами на море... В годы революции Форстманы переехали в дом 17 по этой же улице. Это была трехкомнатная квартира на втором этаже окнами на улицу.

Рис. 6. Элеонора Лейнонен,
урожд. Форстман (1894–1942)

Рис. 7. Адольф Лейнонен
(1893–1941)

Здесь всегда царил порядок. Юлия Ивановна была большая аккуратистка»³⁴.

Прабабушка Роберта, Доротея Жозефина Андреевна Людорф, умерла в Санкт-Петербурге в возрасте 81 года в самом начале мая 1909 г. Отпели ее как «рыбинскую вдову-мещанку» в церкви Св. Екатерины, о чем извещалось в Санкт-Петербургском воскресном листке³⁵.

Роберт Лейнонен писал: «В полученных из Национального архива Финляндии бумагах значится, что мои родители <Элеонора Вильгельмина Робертовна Форстман, и Адольф Фердинанд Акселевич Лейнонен (1893–1941)> (рис. 6, 7) венчались 5 ноября 1917 г.

Рис. 8. Изабелла Форстман
(1888–1941)

Рис. 9. Эмилия Форстман
(1887–1942)

в Финской церкви тогдашнего Петрограда, но в этой же церкви отсутствуют данные об их детях, в том числе и обо мне. Этот факт объясняется просто: большая немецкая родня мамы, что называется, настояла на своем, и всех нас — мою старшую рано умершую сестричку <Ирму Адольфовну Лейнонен, 1918–1919>, меня и брата <Бруно Адольфовича Лейнонена, 1924–1942> с сестрой <Магдалиной Адольфовной Лейнонен, 1928–2017> — крестили уже не в Финской, а в Немецкой лютеранской церкви Св. Екатерины на Васильевском острове. Поскольку в конце 1927 г. или в самом начале 1928 г. состоялся мой переезд из родительского дома к тетюшкам-сестрам мамы, Эмилии <1887–1942> и Изабелле <1888–1941> Форстман, то я и воспитывался дальше в немецком окружении (рис. 8, 9).

В январе 1928 г. родилась моя сестричка Магдалина, но в родительский дом я ходил только в гости. Поэтому я очень сожалею,

что не владею финским языком, которым великолепно владел мой папа. Сперва одинокие тетушки, может быть, думали взять меня действительно на время, а потом я настолько к ним привык, а они ко мне, что было решено меня оставить вообще. Так я и прожил у них до конца, до их смерти в блокаду»³⁶.

«Вечерами тетушки много читали вслух. Чтение было всякое: и специально для меня, и для взрослых. Тут и бабушка всегда с большим удовольствием слушала. Конечно, все эти чтения и разговоры шли на немецком языке, чистейшем немецком языке. Тетушки мои были необычайно увлеченными романтическими натурами. Очень много читали!

Рос я в двуязычной семье и учился говорить сразу на двух языках. Это возможно и очень полезно. И познавал я дома в совершенстве немецкий литературный язык и русский классический...

Когда в комнате (рис. 10) загоралась настольная лампа с прозрачным зеленым абажуром и свет ее вырывал из зеленоватого сумрака желтый круг паркета возле стола, для меня наступали долгожданные часы. Это было время, когда кончалась дневная работа и танте Изя, садясь за свой столик, за каким-нибудь рукоделием рассказывала мне сказки, пересказывала мне что-то из прочтенных книг, а иной раз просто читала мне вслух книжки, которые танте Миля приносила из библиотеки иностранных языков. Была такая в Ленинграде. Сколько же я их прослушал — рассказов, книг! Дай бы бог всем детям таких матерей, какими были мои тетушки!

...Стивенсон и Фенимор Купер, “Хижина дяди Тома” и “Том Сойер”, “Робинзон Крузо” и “Гулливер” — все это я услышал впервые на немецком языке длинными зимними вечерами в далекой Гавани в маленькой комнатке, погруженной в зеленоватый полумрак.

Тут я, махонький мальчуган, которому не было еще и шести лет, впервые на немецком языке услышал о Фритьофе Нансене, великом норвежце. Я сопровождал его на лыжах в Гренландию, плыл с ним на “Фраме” по северным морям и вместе с Иогансеном мы пытались пробраться пешком на полюс»³⁷.

Статья о фамильной истории Роберта Лейнонена будет не полной без краткого описания его незаурядной судьбы, которой уже

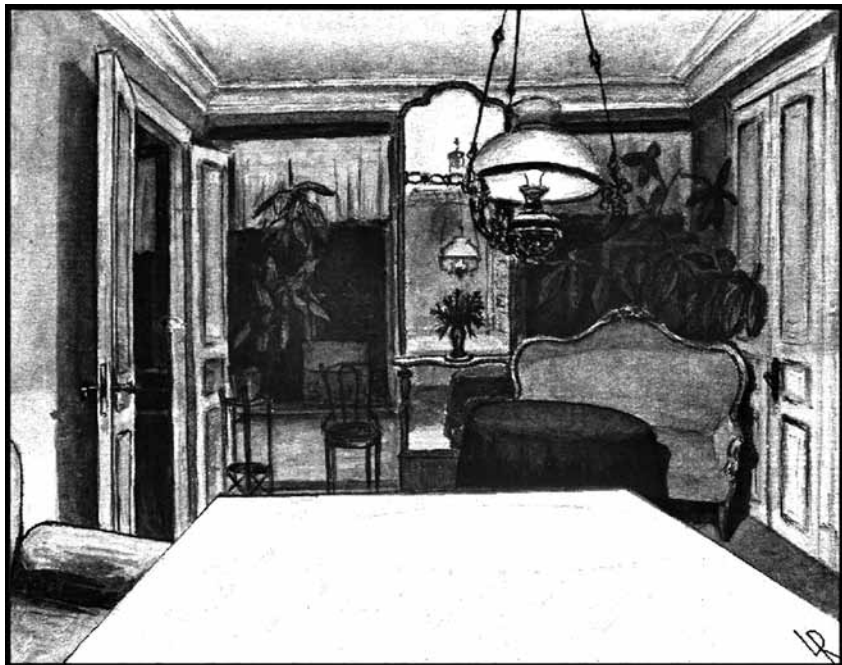

Рис. 10. Комната на Симанской улице.
Рисунок Роберта Лейнонена. 1938 г.

была посвящена подробная публикация о биографии Роберта Лейнонена³⁸.

Как уже было отмечено выше, Роберт рос и воспитывался в среде трех культур: немецкой, финской и русской. В семье Роберта говорили по-немецки, в школе все общение и обучение проходило на русском языке, лето он проводил в деревушке ингерманландских финнов Березнево под Ленинградом, общаясь со сверстниками по-фински. Уже в детстве Роберт решил, что национальности у него нет. Но при получении паспорта анкету заполняли тетушки, и поскольку они были немками до мозга костей, то и Роберта записали немцем.

Способный талантливый ученик с седьмого класса начал вести дневники. Во время учебы в школе были отмечены его склонности к рисованию. Окончив в 1939 г. школу с «золотым аттестатом»,

Роберт был зачислен на математико-механический факультет Ленинградского университета — он с детства мечтал стать астрономом.

Мечте не суждено было воплотиться в жизнь. Перед началом Советско-финской войны в октябре 1939 г. Роберта как финна по фамилии вызвали повесткой в военкомат и отправили в Петрозаводск, где под руководством Отто Куусинена формировалась марионеточная армия Народной Республики Финляндии. Позднее «армия» дислоцировалась в Терийоки (ныне — г. Зеленогорск), где Роберт пробыл до окончания советско-финского вооруженного конфликта в марте 1940 г.

После роспуска «финской народной армии» Роберт продолжил службу в рядах Красной армии, но в феврале 1941 г. после устроенного ему экзамена по немецкому языку был демобилизован без объяснения причин.

Летом 1941 г. Роберт трудился на оборонных работах под Ленинградом. Во время первой блокадной осени и в начале зимы параллельно с учебой дежурил в команде местной противовоздушной обороны на специальной вышке в университетском дворе, а потом очутился в больнице, спасшей его от смерти. В первую блокадную зиму 11 родных Роберта умерли от голода.

В конце июля 1942 г. Роберта Лейнонена вызвали в паспортный стол, перечеркнули прописку и предложили эвакуироваться — так началась его ссылка из родного любимого города, продолжавшаяся почти 40 лет.

Сначала по совету других эвакуируемых он отправился в хлебный край — на Алтай. Именно там он впервые встретился с немцами Поволжья, узнал, что республики больше нет, что немцев разбросали по Средней Азии и другим отдаленным районам страны, что мужчины находятся в трудармии. В это время Роберт стал интересоваться историей и сложной судьбой поволжских немцев, услышал и непонятные для него диалекты. Проработав в колхозе три месяца, попал под вторую волну мобилизации в трудармию³⁹.

В телячьих вагонах его вместе со стариками и юнцами отправили в угольные копи на Урал. Так и он сам стал бесправным немцем в маленьком Челябинском городе Копейске. После аварии на

буровом снаряде и повреждения руки Роберт был отстранен от работ на холоде и переведен в помещение Спецконторы на должность лаборанта и чертежника. Именно тут во внеурочное время он воспользовался пишущей машинкой секретарши и начал работу над своими дневниками.

Позднее эти записи дали богатейший материал для описания истории не только семьи, но и страны. Исподволь рождалась мысль об автобиографическом романе под названием «Жизнь на полустанке» с эпиграфом: «Наш паровоз вперед летит, в Коммуне останова...»

Благодаря режиму жизни без охраны и безупречному знанию русского языка Роберт часто посещал библиотеку, зачитывался стихами и прозой русских и зарубежных мастеров слова. После окончания войны он попытался восстановиться в правах студента Ленинградского университета и получил вызов на учебу. Но Копейские городские власти отказали в выезде — в отношении российских немцев продолжал действовать ряд запретов⁴⁰.

С 1950 г. Лейнонен начал работать нормировщиком на Копейском машиностроительном заводе им. С. М. Кирова по выпуску горнодобывающих машин, через 31 год, в 1981-м, ушел на пенсию начальником отдела автоматизированных систем управления производством(!).

Несмотря на то что вся сознательная жизнь была связана с производством, Роберт не прекращал писать, живо интересовался архитектурой родного города, все свои отпуска проводил в Ленинграде и его пригородах, трепетно следил за литературными новинками о городе Петра, создал огромную картотеку строителей Петербурга.

В 1954 г. Роберт женился. В 1955 и 1957 гг. в семье Лейноненых родились сыновья Вадим и Виктор.

Не имея возможности учиться в Ленинграде, Роберт в 1959 г. без отрыва от работы окончил с отличием Копейский горный техникум и получил за дипломный проект серебряную медаль ВДНХ. Но мечта о высшем образовании не давала покоя. Семья, работа и возраст становились серьезными преградами для очной учебы в вузе, и Роберт выбрал заочное образование на немецком отделе-

нии Башкирского университета, который успешно окончил в возрасте 49 лет.

Во время учебы в университете Роберт начал серьезно заниматься исследованием сложностей и особенностей перевода. Сохранившиеся записи, наброски, копии писем позволили позднее, уже в Германии, написать «Размышления по поводу переводов» — солидный труд в помощь переводчикам с большим разделом, посвященным лирике Генриха Гейне на русском языке⁴¹.

Пробовал свои силы Роберт и на поприще поэзии — появились и собственные стихи, и переводы с немецкого. Период наиболее плодотворного поэтического творчества пришелся на 1980-е годы: с выходом на пенсию у него появилось свободное время⁴².

В 1981 г. Роберт на собственный страх и риск возвратился в родной Ленинград и в течение пяти лет скитался по родственникам, друзьям и знакомым без прописки. Только в 1985 г. ему удалось получить постоянную прописку и обосноваться в любимом городе. Именно в это время Роберт серьезно пробовал себя в живописи: все основные живописные работы были созданы им в период с 1985 по 1988 г. А началось все с оформления стихов набросками фломастером на полях, а потом и с использованием различных цветов шариковых ручек. Роберт с головой ушел в создание галереи ярких живых портретов на мелованной бумаге: лишь она выдерживала подобную технику — смешение фломастера и шариковой ручки.

В общей сложности его рисунки — в бывшем СССР и Германии — выставлялись 34 раза. И всегда благодарные посетители оставляли многочисленные записи в «Книге отзывов».

В 1989 г. Роберт Лейнонен получил, наконец, собственную жилплощадь — маленькую комнату в коммунальной квартире. Это стало возможным благодаря ходатайству московской газеты советских немцев «Neues Leben» («Новая жизнь»), вступившей за своего корреспондента. В этом же 1989 г. Роберт женился во второй раз.

С 1988 г. Роберт фактически навсегда забросил рисование. Он с головой погрузился в более важную, по его мнению, работу — за три года по собственной инициативе провел инвентаризацию разоренного немецкого Смоленского лютеранского кладбища, зафиксировал все сохранившиеся надгробия и надписи на них.

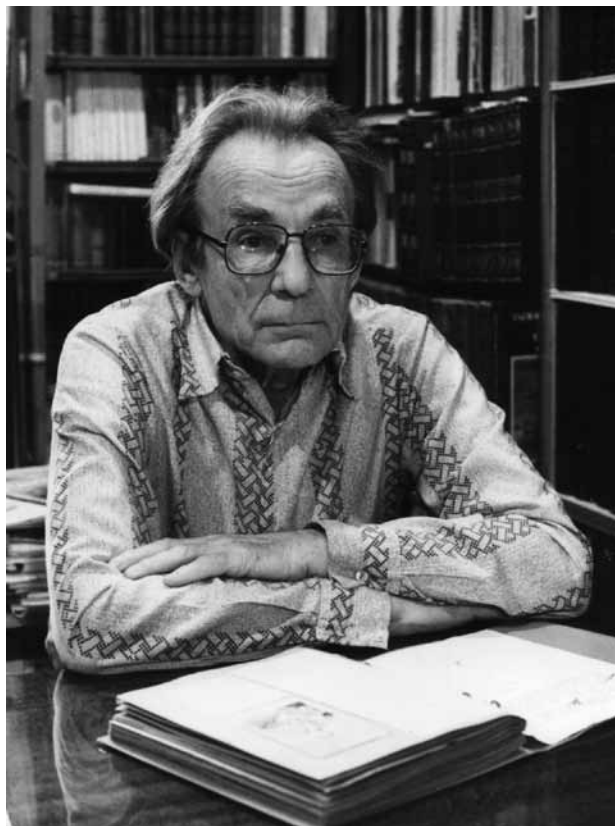

Рис. 11. Роберт Лейнонен. Ленинград, 1991 г.

В это же время, отдавая дань любви родному городу, Роберт выпустил цикл передач на телевидении о немецких архитекторах, строивших Петербург⁴³, немецких кладбищах Петербурга и Немецком обществе. Кроме этого, стал одним из создателей возродившегося Ленинградского немецкого общества, участвовал в конференциях общества «Возрождение» и съездах советских немцев в Москве, явился одним из научных консультантов и участником фильма «Петербургские немцы» (режиссер Г. Манюк).

В ночь с 17 на 18 августа 1991 г. Роберт (рис. 11) среди других 19 членов Немецкого общества Ленинграда выехал на пять дней

в Германию по приглашению одного из католических монастырей. А через день, 19 августа, в Москве грянул путч, и Роберт решил не возвращаться в Россию: он слишком много пережил и не захотел еще раз повторить свою же судьбу.

Через восемь месяцев к нему смогла приехать жена и привезти архивы, стихи и картины.

Роберт вместе с немецким историком из Берлина Эрикой Фогт взялись за написание книги «Deutsche in St. Petersburg» («Немцы в Санкт-Петербурге»). В первом томе кратко описана история кладбища и приведены примеры жизни и деятельности иностранцев (в основном немцев) в царской России. Во втором томе систематизирована собранная в течение трех лет информация и оформлена картотека сохранившихся надгробий. Академическое издание двухтомника увидело свет в Люнебурге в 1998 г.⁴⁴

В 2000 г. книга Р. Лейнонена и Э. Фогт была отмечена дипломом Анциферовской премии в номинации «Зарубежные работы о Санкт-Петербурге». Гражданский подвиг Лейнонена по отношению к памяти представителей немецкого этноса в Петербурге нашел благодарный отклик и в его родном городе.

Благодаря изданному труду была установлена связь с Национальным архивом Финляндии в Хельсинки, где был создан «Частный архив Роберта Лейнонена». Сейчас в этом архиве находятся не только копии изданных публикаций, но и рукописи книг «Жизнь на полустанке», «Публицистика», «Размышления по поводу переводов», «Походы и путешествия», а также видеофильмы с творческими вечерами и все рисунки Роберта.

Умер Роберт Лейнонен дома в Лауше, на родине своих предков, 9 октября 2019 г. — на 99-м году жизни.

Светлая память!

Авторы выражают сердечную благодарность Наталье Борисовне Валиевой за самоотверженную помощь в подготовке публикации и волонтеру Рыбинского историко-родословного общества Ольге Крейн за присланные материалы переписи г. Рыбинска от 1897 г. и данные о захоронении первой жены Роберта Форстмана.

Библиография

Источники

Государственный Архив Ярославской области

ГАЯО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 1020. Л. 371–372.

ГАЯО. Ф. 114. Оп. 2. Д. 4. Л. 152.

ГАЯО. Ф. 419. Оп. 1. Д. 87. Л. 55.

ГАЯО. Ф. 642. Оп. 3. Д. 993. Л. 14–15.

Российский государственный исторический архив

РГИА. Ф. 828. Оп. 14. Д. 101. Л. 223.

РГИА. Ф. 828. Оп. 14. Д. 106. Л. 221.

РГИА. Ф. 828. Оп. 14. Д. 128. Л. 236.

РГИА. Ф. 828. Оп. 14. Д. 212. Л. 317.

РГИА. Ф. 828. Оп. 14. Д. 61. Л. 212.

РГИА. Ф. 828. Оп. 14. Д. 73. Л. 235.

РГИА. Ф. 828. Оп. 14. Д. 75. Л. 218.

РГИА. Ф. 828. Оп. 14. Д. 75. Л. 279.

Бем В. Г. Волковское лютеранское кладбище Санкт-Петербурга: справочник-путеводитель на нем. и рус. яз. СПб.: Рус.-Балт. информ. Центр БЛИЦ, 2004. Т. 3. 522 с.

Лейнонен И. Роберт // Литературные страницы: альманах Литературного общества немцев из России. Херфорд: Edition Россия, 2020. С. 403–412.

Лейнонен Р. Гавань и вечерние чтения // Литературный европеец. Франкфурт-на-Майне, 2003, июнь. № 64. С. 48–50.

Лейнонен Р. Гавань и вечерние чтения // Литературные страницы: альманах Литературного общества немцев из России. Бонн, 2006. С. 139–145.

Лейнонен Р. Жизнь на полустанке (фрагмент) // Рыбинская среда. 2011. Ноябрь. № 10 (90). С. 28–31.

Лейнонен Р. Лирика Генриха Гейне на русском языке // Феникс. Алматы, 1999. № 25. С. 177–211; № 26. С. 179–206.

Лейнонен Р. Мой родной город! Как я тебя всегда любил!: Из писем и дневников // Дипломатический курьер. Гамбург, 2003. Май. № 5 (55). С. 5.

Лейнонен Р. Потому что я — немец: [Из воспоминаний] // Историко-литературный альманах / Землячество российских немцев, группа Лейпциг. Leipzig: Grif & Co Verlag, 2006. С. 95–126.

Лейнонен Р. Стеклодувы из Тюрингских лесов // Литературные страницы: альманах Литературного общества немцев из России. Vechta-Langförden: Geest-Verlag, 2005. С. 147–153.

Лейнонен Р. Тебе писал я строки эти... Избранная лирика на русском языке. Германия. Ларе: BMV Verlag Robert Burau, 2011. 248 с.

Лейнонен Р. Трудармия // Deutsche Allgemeine Zeitung. Алматы, 2005. 19 авг. С.-Петербургский евангелический воскресный листок. 1859. 17 мая. № 20.

С.-Петербургский евангелический воскресный листок. 1876. 29 авг. № 35.

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г. «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья».

Amburger E. Die Pastoren der evangelischen Kirchen Russlands vom Ende des 16. Jahrhunderts bis 1937: Ein biographisches Lexikon. Erlangen: Martin-Luther-Verlag, 1998.

Leinonen R., Voigt E. Deutsche in St. Petersburg. Ein Blick auf den Deutschen evangelisch-lutherischen Smolenski-Friedhof und in die europäische Kulturgeschichte. Lüneburg: Verlag Nordostdeutsches Kulturwerk, 1998.

Научная литература

Лейнонен Р., Фогт Э. Архитекторы и художники Санкт-Петербурга // Немцы в Санкт-Петербурге (XVIII–XX века): биографический аспект / отв. ред. Т. А. Шрадер. Вып. 4. СПб.: МАЭ РАН, 2008. С. 206–227.

★ ★ ★

¹ *Leinonen R., Voigt E.* Deutsche in St. Petersburg. Ein Blick auf den Deutschen evangelisch-lutherischen Smolenski Friedhof und in die europäische Kulturgeschichte. Lüneburg: Verlag Nordostdeutsches Kulturwerk, 1998.

² Петроград был переименован в Ленинград 26 января 1924 г. после смерти В. И. Ленина.

³ *Лейнонен Р.* Стеклодувы из Тюрингских лесов // Литературные страницы: альманах Литературного общества немцев из России. Vechta-Langförden: Geest-Verlag, 2005. С. 147–153.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Саксен-Мейнинген (Sachsen-Meiningen) — одно из герцогств, управлявшееся Веттинской династией и существовавшее на территории современной Тюрингии до 1918 г.

⁷ РГИА. Ф. 828. Оп. 14. Д. 101. Л. 223.

⁸ С.-Петербургский евангелический воскресный листок. 1859. 17 мая. № 20; РГИА. Ф. 828. Оп. 14. Д. 101. Л. 223.

⁹ ГАЯО. Ф. 642. Оп. 3. Д. 993. Л. 14–15.

¹⁰ *Лейнонен Р.* Стеклодувы из Тюрингских лесов...

¹¹ РГИА. Ф. 828. Оп. 14. Д. 61. Л. 212.

¹² РГИА. Ф. 828. Оп. 14. Д. 73. Л. 235.

¹³ РГИА. Ф. 828. Оп. 14. Д. 75. Л. 218, 279.

¹⁴ РГИА. Ф. 828. Оп. 14. Д. 101. Л. 223.

¹⁵ РГИА. Ф. 828. Оп. 14. Д. 106. Л. 221; Д. 128. Л. 236.

¹⁶ С.-Петербургский евангелический воскресный листок. 1859. 17 мая. № 20.

¹⁷ РГИА. Ф. 828. Оп. 14. Д. 61. Л. 212.

¹⁸ ГИА. Ф. 828. Оп. 14. Д. 73. Л. 235; *Бем В. Г.* Волковское лютеранское кладбище Санкт-Петербурга: справочник-путеводитель на нем. и рус. яз. СПб.: Рус.-Балт. информ. центр БЛИЦ, 2004. Т. 3. 522 с.

¹⁹ РГИА. Ф. 828. Оп. 14. Д. 75. Л. 218.

²⁰ РГИА. Ф. 828. Оп. 14. Д. 75. Л. 279; *Бем В. Г.* Указ. соч.

²¹ С.-Петербургский евангелический воскресный листок. 1859. 17 мая. № 20; РГИА. Ф. 828. Оп. 14. Д. 101. Л. 223.

- ²² Город Зоннеберг находится в Тюрингии, в 18 км от Лауши.
- ²³ РГИА. Ф. 828. Оп. 14. Д. 106. Л. 221; С.-Петербургский евангелический воскресный листок. 1863. 26 мая. № 21; РГИА. Ф. 828. Оп. 14. Д. 128. Л. 236.
- ²⁴ ГАЯО. Ф. 419. Оп. 1. Д. 87. Л. 55.
- ²⁵ ГАЯО. Ф. 114. Оп. 2. Д. 4. Л. 152; Лейнонен Р. Жизнь на полустанке (фрагмент) // Рыбинская среда. 2011. Нояб. № 10 (90). С. 29 (далее — Лейнонен Р. Жизнь на полустанке (фрагмент)).
- ²⁶ Amburger E. Die Pastoren der evangelischen Kirchen Russlands vom Ende des 16. Jahrhunderts bis 1937: Einbiographisches Lexikon. Erlangen: Martin-Luther-Verlag, 1998. S. 298.
- ²⁷ ГАЯО. Ф. 419. Verzeichniss der Verlobten, Aufgebotenen und Getrauten in der Gemeinde zu Rybinsk. 1873–1883. Л. 4–5; ГАЯО. Ф. 114. Оп. 2. Д. 4. Д. 152.
- ²⁸ С.-Петербургский евангелический воскресный листок. 1876. 29 авг. № 35; РГИА. Ф. 828. Оп. 14. Д. 212. Л. 317.
- ²⁹ С.-Петербургский евангелический воскресный листок. 1876. 29 авг. № 35.
- ³⁰ Лейнонен Р. Жизнь на полустанке (фрагмент).
- ³¹ ГАЯО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 1020. Л. 371–372; ГАЯО. Ф. 642. Оп. 3. Д. 993. Л. 14–15.
- ³² Лейнонен Р. Жизнь на полустанке (фрагмент).
- ³³ ГАЯО. Ф. 642. Оп. 3. Д. 993. Л. 14–15.
- ³⁴ Лейнонен Р. Жизнь на полустанке (фрагмент).
- ³⁵ С.-Петербургский евангелический воскресный листок. 1909. 17 мая. № 20.
- ³⁶ Лейнонен Р. Потому что я — немец: [Из воспоминаний] // Земляки: историко-литературный альманах / Землячество российских немцев, группа Лейпциг. Leipzig: Grif&CoVerlag, 2006. С. 95–126.
- ³⁷ Лейнонен Р. Гавань и вечерние чтения // Литературный европеец. Франкфурт-на-Майне, 2003, июнь. № 64. С. 48–50; Он же. Гавань и вечерние чтения // Литературные страницы: альманах Литературного общества немцев из России. Бонн, 2006. С. 139–145.
- ³⁸ Лейнонен И. Роберт // Литературные страницы: альманах Литературного общества немцев из России. Херфорд: Edition Россия, 2020. С. 403–412.
- ³⁹ Лейнонен Р. Трудармия // Deutsche Allgemeine Zeitung. Алматы, 2005. 19 авг.
- ⁴⁰ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г. «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья»; Согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР № 133/12 д. № 111/45 от 26 ноября 1948 г., все выселенные в годы Великой Отечественной войны были приговорены к ссылке навечно, с наказанием в виде 20 лет каторжных работ за побег с мест обязательного поселения.
- ⁴¹ Лейнонен Р. Лирика Генриха Гейне на русском языке // Феникс. Алматы, 1999. № 25. С. 177–211; № 26. С. 179–206.
- ⁴² Лейнонен Р. Тебе писал я строки эти... Избранная лирика на русском языке. Лаге: BMV Verlag Robert Burau, 2011. 248 с.
- ⁴³ Лейнонен Р., Фогт Э. Архитекторы и художники Санкт-Петербурга // Немцы в Санкт-Петербурге: биографический аспект (XVIII–XX века). СПб.: МАЭ РАН, 2008. Вып. 4. С. 206–227.
- ⁴⁴ Leinonen R., Voigt E. Deutsche in St. Petersburg...

Немцы в высшем сословии Петербурга

М. М. Сафонов

«АВТОБИОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАПИСКА» ЕКАТЕРИНЫ II

Автор статьи предпринял попытку проанализировать один из ранних мемуарных текстов Екатерины II, условно названный им «Автобиографической запиской». Важнейшая особенность этого текста заключается в том, что, в отличие от мемуаров Екатерины II, он написан великой княгиней Екатериной Алексеевной при жизни императрицы Елизаветы Петровны и еще живом муже, великом князе Петре Федоровиче. Автор статьи пришел к выводу, что текст «Автобиографической записки» напоминает некое резюме, которое представляют работодателю желающие поступить на службу. Естественно, в таком документе личные качества автора и его биография выглядят так, чтобы максимально удовлетворять требованиям будущего патрона. Разумеется, нарисованный в этом документе портрет автора не является зеркальным отражением его подлинного образа. Поэтому использовать «Автобиографическую записку» для восстановления реальной биографии Екатерины II можно только с крайней осторожностью. На самом же деле этот документ гораздо важнее для изучения личности будущей императрицы, старавшейся скрыть свой подлинный образ.

Ключевые слова: Екатерина II, великая княгиня Екатерина Алексеевна, императрица Елизавета Петровна, великий князь Петр Федорович, «Автобиографическая записка», мемуары, С. А. Понятовский, С. В. Салтыков.

М. М. Safonov

“THE AUTOBIOGRAPHICAL NOTE” OF CATHERINE II

The author of the article made an attempt to analyze one of the early memoir texts of Catherine II, conditionally called by him “Autobiographical Note”. The most important feature of this text is that, unlike the memoirs of Catherine II, it was written by Grand Duchess Ekaterina Alekseevna during the lifetime of Empress Elizabeth Petrovna and her still living husband, Grand Duke Peter Fedorovich. The author of the article came to the conclusion that the text of the “Autobiographical note” resembles a kind of resume that is presented to an employer who wants to enter the service. Naturally, in such a document, the personal qualities of the author and his biography look so as to satisfy the requirements of the future patron as much as possible. Of course, the portrait of the author drawn in this document is not a mirror image of his true image. Therefore, use the “Autobiographical Note” to restore the real biographies of Catherine II can only be done with extreme caution. In fact, this document is much more important for studying the personality of the future empress, who tried to hide his true image.

Keywords: Catherine II, Grand Duchess Ekaterina Alekseevna, Empress Elizabeth Petrovna, Grand Duke Peter Fedorovich, “Autobiographical Note”, memoirs, S. A. Ponyatovsky, S. V. Saltykov.

Среди мемуарных текстов Екатерины II это сочинение занимает особое место. Этот небольшой опус в 32 страницы типографского текста никак не озаглавлен автором. Будем называть его «Автобиографическая записка»¹. Принято считать его наиболее ранним из сохранившихся мемуарных текстов императрицы². Однако такое определение не совсем точно. Хотя автобиографический характер текста не подлежит никакому сомнению, однако было бы неверно называть его мемуарами в обычном смысле слова. В некотором роде это резюме. Такие документы сегодня представляют работники своему будущему потенциальному руководителю, предлагая себя в сотрудники. Такого рода документы, как исторические источники, обладают определенными особенностями, отличающими их от мемуаров в собственном смысле слова. Эти особенности заключаются в том, что авторы таких своеобразных резюме задаются целью показать себя с самой выгодной стороны (и этим они вряд ли принципиально отличаются от мемуаристов как таковых), однако вовсе не такими, какими они желали бы видеть себя в собственных глазах, но стремятся предъяснить портрет человека, в полной мере обладающего качествами, кои потенциальный «патрон» непременно хотел бы увидеть в том, кого он намерен сделать своим партнером или подчиненным.

«Автобиографическая записка» датируется концом 1754 — 1756 гг.³ Она составлена в виде письма и носит интимный характер. В ней имеются обращения к тому, кому она предназначена, хотя прямо адресат не назван по имени. Историки совершенно верно определили, что этим лицом был английский посол в Петербурге Г. Вильямс или состоявший у него секретарем польский князь С. А. Понятовский. С Вильямсом Екатерина состояла в секретной переписке, Понятовский же стал ее фаворитом. Впрочем, это не так важно: они оба служили британским интересам.

Скорее всего, именно молодой польский аристократ был адресатом послания великой княгини, хотя мы и не знаем, было ли оно отправлено. Неверно считать это резюме, составленное для, говоря современным языком, сотрудника британского Foreign Office, а выражаясь правильно — Сент-Джеймского кабинета, самым ранним мемуарным опытом Екатерины II еще по той простой при-

чине, что оно не было первым документом такого рода, вышедшим из-под пера великой княгини. В 1745 г., еще не достигнув 16 лет, бывшая немецкая принцесса, готовившаяся стать женой наследника российского престола, великого князя Петра Федоровича, уже написала нечто подобное. Это самый ранний из известных автобиографических опусов, текст которого до нас, к сожалению, не дошел и был адресован в Петербурге шведскому дипломату графу Г.-А. Гюлленборгу⁴. Опус назывался «Набросок начерно характера философа в пятнадцать лет»⁵. Разумеется, в «Автобиографической записке», претендовавшей на почти исповедальную искренность, о первом политическом резюме не упоминалось. «Набросок», в котором были изображены «все изгибы и тайники души» пятнадцатилетней девочки, тоже был адресован дипломату, представителю шведской короны, с которой мать Ангальт-Цербстской принцессы вела тайную переписку в надежде использовать возможности дипломатии этой страны в своих личных целях. Так что свой «товар лицом» в середине 1750-х Екатерина предъявляла уже не в первый раз. Можно даже сказать, что к этому времени у великой княгини накопился определенный опыт, необходимый княгине для успешного составления таких, условно говоря, резюме. Поэтому, используя данные, которые приводятся в «Автобиографической записке» великой княгини для верификации первой (начала 1770-х годов) и второй (первой половины 1790-х годов) редакций мемуаров императрицы Екатерины II и воссоздания ее подлинной биографии, ни в коем случае нельзя забывать об особенностях этого документа. Ознакомление с этим резюме должно было убедить читателя в том, что с автором такого опуса можно иметь дело. Написавший его вполне обладает теми качествами, которыми можно воспользоваться для решения задач, стоявших перед английской дипломатией. Ведь перед нами самохарактеристика — автопортрет, создаваемый из фактов автобиографии.

Какой же Екатерина предстает со страниц этого сочинения?

Отмечу сразу, в самом конце помещена примечательнейшая фраза. Она выглядит примерно так, как если бы автор предварил бы ее таким восклицанием: «О, да я совсем забыла сказать в своем месте, поэтому спешу сделать это сейчас». Ключевая фраза звучит

так: «...чем больше я себя образовала, [начинала] видеть, что интересы России очень далеки от интересов Франции»⁶. Можно ли придумать что-либо в большей степени ласкающее слух английского дипломата? Но это еще не все. В качестве заключительного вывода после изложения жизненных перипетий жены наследника российской короны следует такое многообещающее заявление: «...и так как я думаю, что в настоящее время я действую правильно, то мне кажется, одна смерть может заставить меня измениться; я полагаю, что в настоящем моем поведении я имею истинный интерес России и великая слава улыбается мне в будущем...»⁷

Что же касается жизненных удач женщины, декларирующей свои внешнеполитические симпатии, то в «Автобиографической записке» они представлены так. В последней редакции своих мемуаров, написанных в первой половине 1790-х годов, Екатерина сформулировала свое кредо: жизненный успех человека прежде всего зависит от его личных качеств и характера⁸. Хотя эта жизненная максима сформулирована уже в самом конце жизненного пути императрицы, по-видимому, к такому заключению она пришла гораздо ранее. Более того, на протяжении всей ее долгой жизни эта максима служила ей руководством к действию. Когда великая княгиня сочиняла «Автобиографическую записку», она уже руководствовалась этим правилом. Во всяком случае ее опус написан с позиций человека, для которого это убеждение — жизненное кредо.

Из сочинения следует, что в три года девочка уже читала по-французски. В шесть лет писала письма матери и отцу. Правда, их сочиняли за нее, но она их переписывала. В семь лет во время визита к герцогине Брауншвейг-Вольфенбюттельской девочка уже привлекала внимание взрослых своими достоинствами: «...меня ласкали, — писала Екатерина, — мне льстили. Хотя я была очень маленькой; я так часто слышала, что я умна, что я большая девочка, что я это и вообразила себе, я не спала, как другие, на балах-маскарадах, праздниках. Я во всем принимала участие, трещала, как сорока, и была чрезмерно смела». Для подтверждения этого великая княгиня рассказала такой эпизод. В четыре года, когда в Штеттин приехал прусский король, ей сказали, что следует поцеловать его камзол. Когда девочку привели, она сразу отправилась

к нему и старалась поймать край его камзола. Но король не позволил сделать это. Тогда девочка повернулась к матери и угрюмо сказала ей: «Его камзол так короток, что я не могу его достать». Король спросил, что она сказала. Ему передали слова ребенка. Тогда король произнес: «Das Mädchen ist naseweis» («Девочка умничает»)⁹. С тех пор, когда король приезжал в Штеттин или ее отец отправлялся в Берлин, монарх требовал девочку к себе. В 1737 г., когда восьмилетняя Екатерина была в первый раз в Берлине, королева захотела ее видеть. «Мы поехали ко двору, меня заставили болтать, играть, я ужинала с королевой, а потом у наследного принца». Рассказывая о первой встрече со своим будущим супругом, который произвел на нее очень хорошее впечатление, и о разговорах о возможном брачном союзе, Екатерина сопровождает рассказ такой репликой: «Я не чувствовала никакого к тому отвращения; я знала, что рано или поздно он должен быть королем шведским; хотя я и была еще ребенком, но титул королевы приятно звучал в моих ушах»¹⁰. В тринадцать лет будущая Екатерина была «больше ростом и более развита физически, чем это бывает» в такие годы. Не удивительно, что сам Генрих Прусский был не прочь жениться на ней¹¹.

А вот как девочку принимали в Берлине, когда она готовилась поехать в Россию на смотрины: «...король полюбопытствовал взглянуть на меня, он велел пригласить меня к обеду, отец и мать не взяли меня; увидав их без меня, он снова послал за мной и ждал меня к обеду до трех часов. Наконец я приехала. Он стал со мной говорить. Ласкал меня, хвалил и велел мне сказать, что я буду ужинать с ним на балу. Вечером он посадил меня за стол рядом с собою. Все время говорил со мной, расспросил меня о тысяче вещей, говорил об опере, комедии, стихах, танцах и уже не знаю, о чем еще, словом, беседовал о тысяче предметов, о которых можно беседовать с четырнадцатилетней девочкой. Вначале я была очень застенчива с ним, но мало-помалу я приручалась, и в конце концов мы разговаривали очень серьезно, так что все общество с изумлением смотрело, как Его Величество беседует с ребенком. Под конец не знаю, кто именно прошел сзади нас. Он его позвал и протянул руку, чтобы взять тарелку с вареньем, которая стояла передо мной;

я взяла ее и подала ему, он мне сказал: “Дайте ее тому человеку”, которого он мне назвал, но имя которого я забыла; он обратился к этому человеку и сказал: “Примите этот дар из рук амуров и граций”. Я покраснела; мы встали из-за стола¹². Описывая подробно почести, которые им оказали во время путешествия в Россию, Екатерина не преминула заметить, что народ по дороге говорил: «Это везут невесту для великого князя»¹³. В Москве, когда Екатерину вели, чтобы представить императрице, «некоторые влезли на стулья», чтобы ее видеть. «Я понравилась, — пишет Екатерина, — как государыне, так и народу». Она «так понравилась великому князю, что он целую ночь от этого не спал». Его воспитатель велел ему сказать вслух, что он «не хочет никого другого», кроме нее. При ее представлении при дворе «была такая давка», какой она никогда не видела. Дворец был настолько переполнен, что «негде было ступить»¹⁴. Одним словом, принцесса произвела неизгладимое впечатление на российский двор. Но это произошло не само собой, а благодаря верно выбранной манере поведения. «Я присоединяла к очень веселой физиономии много поклонов и вежливости, и очень далекая от того, чтобы принимать гордый вид, я почти впадала в противоположную крайность»: кланялась одинаково канцлеру и истопнику. «...я немного говорила, но так кричали, что я умна, что этому поверили, не имея никаких доказательств»¹⁵. Екатерина не подвела тех, кто пришел к такому заключению. «За день до Петрова дня я прочла свое исповедание веры и приняла св. причастие в общей придворной церкви в присутствии неисчислимой толпы народа: я прочла на русском языке, которого даже не понимала, очень бегло и с безукоризненным произношением 50 листов в четверку, после чего прочла наизусть Символ веры»¹⁶. В это можно было бы поверить, особенно относительно «безукоризненного произношения», но только в том случае, если не знать о том, что даже после тридцатилетнего пребывания принцессы Ангальт-Цербстской в России на вершине власти ее русский «пронанс» оставлял желать лучшего!

Представляется несомненно важным, что автор «Автобиографической записки» подспудно проводит мысль о том, что именно она устроила свою судьбу столь блестящим образом. Ведь, когда

пришло известие из России, что Елизавета выбрала принцессу в жены своего наследника, родители Екатерины, по ее словам, не считали нужным ехать в Россию и были склонны отказаться от этого рискованного предложения, даже не посвятив дочь в это дело. Но девочка поняла, что речь идет о ее будущей судьбе, и посредством гадания сумела незатейливым образом склонить родителей согласиться на предложение и при этом выразила готовность безоговорочно подчиниться родительской воле¹⁷. Нельзя не отметить, что в первой редакции, где существует совсем иная система образов главных персонажей, этот эпизод изложен по-другому. И способ гадания представлен иным образом, и позиция дочери представлена иначе. Там она — главный герой, довольно-таки настойчиво убеждавший родителей отправиться в Россию¹⁸. Столь различное описание этого важнейшего эпизода ее жизни позволяет усомниться в том, что описанные в обоих текстах сцены имели место в действительности.

Подробно описывая все дворцовые церемонии во время пребывания в Москве, Екатерина не забывает указать, какие дорогие подарки и в какую цену она получала от жениха, а потом и мужа, а главное — от Елизаветы Петровны. Такое внимание к дарам государыни отнюдь не случайно. Автор «Автобиографической записки» считает важным показать, как нежно она была любима Елизаветой и насколько трепетно она сама относилась к государыне. «...меня считали ребенком, я очень боялась не угодить и делала все возможное, чтобы располагать к себе тех, с кем должна была проводить жизнь. Мои уважение и благодарность к императрице были чрезвычайны, я смотрела на нее как на божество, лишённое недостатков; а потому она и говорила, что любит меня почти больше великого князя. Ей приятно было слышать, когда хорошо обо мне говорили, но я была очень застенчива с ней...»¹⁹

Читая эти строки, невольно возникает вопрос, как же могло получиться, что столь расположенная к Екатерине императрица впоследствии могла переменить свое отношение к ней, сменив милость на гнев. Великая княгиня дает этому такое объяснение: во всем виновата ее мать, Иоганна Елизавета, чье нетактичное и неумное поведение испортило первоначальное впечатление и при-

вело к тому, что Елизавета Петровна желала, чтобы после свадьбы дочери она уехала из России как можно скорее²⁰.

Описывая конфликты императрицы со своей матерью, великая княгиня открыто осуждает поведение своей родительницы. При этом всячески подчеркивает, что к конфликту Елизаветы с ее матерью она, великая княжна, не имела никакого отношения. А вот мать обвиняла ее в том, что она поддерживала хорошие отношения со статс-дамой М. А. Румянцевой, приставленной к ней во время болезни. Мать считала графиню шпионкой и требовала, чтобы дочь делала ей «кислое лицо». Но это в корне противоречило принятой манере поведения великой княжны. Она считала необходимым поддерживать с ней дружеские отношения, полагая это наиболее целесообразным. К тому же она исповедовала идеал героических добродетелей²¹.

Интересным образом описывает Екатерина свои отношения с великим князем Петром Федоровичем, ее женихом. Она пишет, что он любил ее страстно и счастье им улыбалось. Так продолжалось до тех пор, пока жених не заболел оспой на обратном пути из Москвы в Петербург. Оспа обезобразила Петра. Екатерина эмоционально описывает свою реакцию на изменение его внешности. Она дает понять читателю, что именно это обстоятельство явилось главной причиной, из-за которой она полностью разочаровалась в своем будущем муже и стала мечтать не о замужестве, а о том, чтобы уехать домой вместе с матерью²². Этот мотив служит прологом для истории довольно странных отношений Екатерины с одной русской горничной, назначенной в штат великой княжны. Екатерина прямо об этом не пишет, но ясно дает понять, что ее подозревали в лесбийских отношениях с этой молодой особой. Понятно, внешнее безобразие еще недавно такого прекрасного жениха служит как бы оправданием этих странных отношений. Поскольку между Вильямсом и Понятовским существовала гомосексуальная связь, Екатерина ничего лучше не придумала, чтобы как-то объяснить свою близость с этой девушкой. Такое объяснение было бы понятным и естественным для двух читателей с нетрадиционной ориентацией. Ясно и то, почему Екатерина изображает мать в нелцеприятном свете. Именно Иоанна Ели-

завета становится главным обвинителем своей дочери в нетрадиционных отношениях с горничной. Именно мать невесты требует прекратить близкую связь с горничной, а потом после свадьбы умоляет императрицу Елизавету удалить эту опасную особу от своей дочери. И Елизавета Петровна буквально и в довольно грубой и резкой форме исполняет эту просьбу матери невестки: отлучает камер-юнгферу М. П. Жукову от двора и высылает ее из Петербурга²³.

Для создания имиджа в глазах своих корреспондентов автору «Автобиографической записки» было бы гораздо выгоднее обойти этот эпизод полным молчанием. Екатерина, отдавая себе отчет в том, что об этом досадном для биографии жены наследника эпизоде было бы лучше вовсе не упоминать, в то же время понимала, что другие могли рассказать о нем иностранным дипломатам, и тогда она выглядела бы неискренней, намеренно опускавшей в этой своеобразной политической «исповеди» неприглядные моменты своей биографии. Дело камер-юнгферы Жуковой сохранилось. Из него мы узнаем, что Екатерина «по-царски» одаривала эту девицу за то, что та пользовалась полным доверием своей госпожи и выполняла ее секретные поручения²⁴. То, как этот очень важный для характеристики эпизод трактован в «Автобиографической записке», дает возможность воссоздать подлинные черты портрета великой княгини Екатерины. Это один из ключевых моментов биографии будущей Екатерины Великой. Дело в том, что на этом эпизоде связан еще целый ряд проблем ее потаенной жизни. За удалением Жуковой последовало и отстранение М. А. Румянцевой, исполнявшей обязанности обер-гофмейстерины. Хотя Екатерина упомянула об удалении графини²⁵, но по понятным причинам никак не связала это удаление с делом Жуковой, с тем, что призванная наблюдать за Малым двором Румянцева допустила связь великой княжны с камер-юнгферой. Правда, в самом конце «Автобиографической записки» Екатерина сочла нужным как-то (разумеется, очень далеко от истины) объяснить, почему Румянцева была удалена после ее свадьбы. Объяснение лживое: ее недолюбливал канцлер А. П. Бестужев, желавший пристроить на теплое местечко свою протеже камер-фрау М. Ф. Крузе).

Наконец, описывая отъезд матери, Екатерина упоминает о том, что ее родительница имела долгов на 70 тыс. и ей пришлось взять эту сумму на себя²⁶. Этот похвальный поступок любящей дочери как бы объяснял происхождение долгов жены Петра, в действительности щедро оплачивавшей своих осведомителей, прежде всего верно служившую ей Жукову. В первой и второй редакциях мемуаров Екатерина упоминает о разное из-за непомерных долгов, который ей устроила Елизавета по возвращении в Москву осенью 1744 г.²⁷ Но в «Автобиографической записке» Екатерина предпочла обойти этот неприятный эпизод полным молчанием. Ведь он никак не вписывался в те теплые отношения, которые, по словам автора, существовали между императрицей и ее невесткой. Напротив, он ярко свидетельствовал об остром конфликте между Елизаветой и Екатериной. Автор не только не пишет об этом противостоянии, но всячески старается убедить читателя в том, как императрица была ей довольна, и рисует некую идиллию, существовавшую между ними.

Тем не менее после свадьбы к великой княгине приставили М. Ф. Крузе. С этого времени Екатерина была подвергнута унижительному надзору. Крузе запретила горничным великой княгини говорить с ней тихо. За ней подсматривали в замочную скважину «две карлицы», отслеживавшие ее малейшее движение. Мемуаристка подчеркивает: она не подавала никакого повода и была очень удивлена таким обращением с ней. Но решила: пусть подсматривают, так они еще лучше смогут удостовериться в том, что ее подозревают совершенно напрасно²⁸. Однако читателю надо как-то объяснить, причину этого надзора. И Екатерина объяснила: обергофмаршал Петра О. Брюммер и лейб-медик И. Г. Лесток сообщили ей, что ее подозревают в тайных сношениях с прусским королем. Мол, она пишет матери о петербургских делах, а та переправляет эти сведения королю. Екатерина готова была поклясться, что этот монарх никогда не видел ее почерка.

Мемуаристка придумала этот ход, чтобы как-то объяснить метаморфозу ее отношений с Елизаветой Петровной. С одной стороны, государыня любит ее, даже чуть ли не обожает, с другой стороны, допускает со стороны преданных императрице слух такое

возмутительное обращение с любимой невесткой. Мемуаристка дает понять читателю: все дело в наговорах недоброжелателей, которым верила обожаемая ее государыня. Екатерина воздерживается от того, чтобы это сказать прямо, но достаточно прозрачно намекает. Одним из своих тайных врагов со слов Брюммера и Лестока она называет канцлера А. П. Бестужева, противника брака Петра с принцессой Ангальт-Цербстской. По словам Екатерины, они советовали ей откровенно объясниться с Елизаветой. Однако ее «застенчивость» и сознание «правоты ее дела» помешали это сделать. Влияние же мудрых советников, доброхотов принцессы «падало с каждым днем».

На положении же самой Екатерины по ее словам это отражалось следующим образом: «...не было также дня, чтобы меня не бранили и не ябедничали на меня: то я вставала слишком поздно или одевалась слишком долго, иной раз я недостаточно была около великого князя, а когда я туда чаще ходила, говорили, что это вовсе не для него, но для тех, кто приходит к нему. Я очень огорчалась и поминутно худела; когда видели, что я опечалена, говорили: “Она ничем не довольна, а когда я была весела, подозревали во мне хитрость”, — писала Екатерина²⁹. По словам мемуаристки, это выглядело особенно унижительно от того, что не сама императрица произносила эти филиппики, но поручала это делать лакеям, грубым и невоспитанным людям. Дошло даже до того, что стали убеждать Петра в том, что его жена любит Брюммера. Таким образом пытались настроить великого князя против супруги. Одним из пунктов обвинений было то, что Екатерина изменяла интересам мужа в пользу шведского короля. В этой интриге использовали брата матери великой княгини, Августа Фридриха Голштинского, специально выпущенного в Петербург для этой цели.

Поразительно, как Екатерина старается представить себя совершенно невинной и политически девственной. При этом она избегает объяснений, зачем Елизавете и ее окружению понадобилось настраивать великого князя Петра против жены и тем самым разрушать гармонию в великокняжеском семействе. Ведь императрица была кровно заинтересована в том, чтобы в семье ее племянника, наследника российского престола, царили мир и покой

и супружеская пара произвела на свет наследника, упрочив тем самым престолонаследие. Нельзя не признать, что описание беспричинных гонений на Екатерину в ее сочинении выглядит не только неубедительно, потому что представляется немотивированным, но и отчасти и нелепо. Дело в том, что юная великая княжна, еще не вступив в брак, пыталась вместе с матерью добиться того, чтобы штатгальтером Голштинии, герцогом которой являлся Петр Федорович, стал старший брат Иоганны Елизаветы, Адольф Фридрих, впоследствии занявший шведский престол. Такая политическая комбинация более соответствовала интересам Пруссии и Франции. Однако канцлер А. П. Бестужев и державшая его сторону Елизавета Петровна делали ставку на младшего брата матери Екатерины, полагая, что в роли штатгальтера он лучше станет защищать интересы России, и в конце концов добились своего. Такого же мнения был и муж Екатерины. Так что причина размолвки в великокняжеском семействе крылась вовсе не в том, что Петр сильно «подурнел» после перенесенной оспы. Причина была политического свойства. Надзор же за его женой был спровоцирован самой Екатериной. Она тайно собирала интересующие ее сведения посредством, если можно так выразиться, «обслуживающего персонала» Малого двора.

Среди ее тайных агентов был камер-лакей А. Г. Чернышев, любимец великого князя, располагавший информацией, получаемой, что называется, из первых рук³⁰. Историю его «разоблачения» Екатерина пытается представить в своем сочинении, как некую квази-любовную интригу, выдуманную недоброжелателями великой княгини и повлекшую за собой дальнейшие притеснения совершенно невинной женщины, преданной своему мужу. Мемуаристка старается подчеркнуть, насколько она предана своим союзникам. Она абсолютно чужда какому-то ни было политиканству и всегда руководствуется «чувством чести». Вот как, по ее словам, она отстаивала позиции своего союзника О. Брюммера. По мнению Екатерины, Петра убедили заставить ее отказаться от дружбы с Брюммером. Великий князь «очень грубо» заговорил с ней об этом «и не преминул передать» слова Елизаветы. Реакция великой княгини на такой выпад представлена следующим образом: «...я была так этим

возмущена, что очень твердо ему возразила, что никакие соображения в мире не могут меня заставить пренебрегать обязательствами, которые я имела по отношению к другу, которого уважала; что ни интриги, ни недовольство не заставят меня поступиться чувствами чести, какие я считала мне присущими; великий князь и все ко мне придирались, но твердость моя от этого только увеличивалась»³¹. Резкий контраст представляет собой реплика Екатерины относительно отставки Брюммера во второй редакции «Записок»: «...что касается Брюммера, то я о нем не очень-то и жалела; он мне надоедал своими вечными разговорами о политике, которые отзывались интригой, тогда как открытый и военный характер князя Репнина внушал мне доверие»³². Это выглядит как разворот на 180 градусов.

Итак, с одной стороны, «чувство чести», с другой — необыкновенная «твердость» духа, только крепнущая по мере усиления притеснений. Через такую репрезентацию себя в тексте мемуаров Екатерина создает образ наиболее подходящего союзника и потенциального партнера. Она старается подчеркнуть, как была любима всеми достойными уважениями людьми и что эти симпатии только усиливали недоброжелательство ее недоброхотов. Рассказав, как Брюммер был заменен генералом В. А. Репниным, великая княгиня особо подчеркнула, что новый глава Малого двора благоволил к ней, старался мирить с великим князем и защищал «открыто». Эти «чувства честности и бескорыстия» несколько утешили Екатерину, помогли ей смириться с потерей человека, который любил ее «как свою дочь». Но расположение Репнина вызвало недоверие Елизаветы и ненависть тех, «кто был противоположных мнений». Императрица удалила от невестки М. Ф. Крузе.

Старшая камер-фрау «напивалась каждый вечер» и тем самым не оправдала доверие государыни. Но самая главная вина Крузе заключалась в том, что у нее были «приступы благосклонности» к Екатерине, за которой она должна была бдительно следить. Поэтому Елизавета назначила обер-гофмейстериной М. С. Чоглокову. Ее исчерпывающую характеристику Екатерина определила одной фразой: «Если бы знали еще более злую, то эта, конечно, не получила бы места»³³. Чоглокова начала с того, что передала приказ

Елизаветы, чтобы Екатерина писала матери и отцу только через Коллегию иностранных дел. Затем последовал запрет посещать уборную императрицы, на что у великой княгини ранее было монаршее разрешение. Все просьбы к императрице теперь должны передаваться непосредственно через Чоглокову. Екатерина пишет, что такие распоряжения ее удивили, хотя, как мы увидим ниже, она прекрасно понимала, почему именно такие меры последовали. Далее великая княгиня описала скандал, который ей устроила Елизавета: утром императрица дважды спрашивала, встала ли с кровати невестка, а потом вошла в ее комнату с «разгневанным видом» и приказал следовать за ней; в комнате, где их никто не мог слышать, Елизавета обвинила Екатерину в том, что она вместе со своей матерью изменяет ей ради прусского короля, что она действует по инструкциям, полученным от родительницы; заявила, что «плутовские проделки хитрости» невестки ей хорошо известны. Далее, по словам автора записки, Елизавета дошла до того, что заявила, будто она, Екатерина, ходит к Петру не ради него самого, а из-за его камердинеров. Более того, в записке значится, что государыня считала свою невестку главной причиной того, что брак Екатерины «не завершен»: если та не любит великого князя, то это не вина императрицы, ведь она не выдавала Екатерину замуж против воли. Кроме того, по утверждениям Екатерины, Елизавета высказала ей «тысячу гнусностей» и была настолько разгневана, что великая княгиня даже опасалась, что императрица начнет ее бить. Критическая ситуация разрешилась с приходом великого князя. В его присутствии Елизавета переменила тему и умело скрыла происходивший между женщинами конфликт. Екатерина, излагая подробности этой эмоциональной сцены, отмечает, что Елизавета «больше всего походила на фурию» и все ее попытки оправдаться пресекала словами: «Молчите, я знаю, что вы ничего не можете мне ответить».

Читая эти пассажи, читатель должен был бы испытать некоторое недоумение. Ранее автор утверждала, что Елизавета не только благосклонно относилась к невестке, но даже любила ее, чуть ли не боготворила. Отчего же произошла эта необыкновенная метаморфоза, как это могло случиться? Екатерина, видимо, осознавала, что дать этому правдоподобное и убедительное объяснение довольно

сложно и возложить вину на вздорный характер Елизаветы Петровны не удастся. Иначе как же объяснить прежнюю любовь и восхищение невесткой, о которой было заявлено? Мемуаристка, очевидно, не смогла найти этому разумного объяснения и потому сообщила читателю: «Я с тех пор много думала и передумала об этой сцене и считаю еще, что вся эта сцена была только для того, чтобы запугать или держать меня в страхе, потому что, кроме этого, я в ней ничего не понимаю»³⁴.

Зачем же императрице требовалось «запугать» невестку или держать ее «в страхе» — семнадцатилетнюю принцессу Ангальт-Цербстскую, прибывшую в Россию, где у нее не было никаких родственников, и лишенную какой-либо поддержки, девушку, которая и без того была в ее полной власти? Мемуаристка внятно не объясняет этого. Очевидно, что она лукавила. Из текста следует, что Екатерине было известно, что она сама спровоцировала эти «репрессии», и были известны причины, по которым она подверглась унижительным ограничениям, однако рассказывать о них откровенно не входило в ее планы. Но поскольку Петр мог знать об этих преследованиях от других лиц, гонения было необходимо хоть как-то объяснить. И Екатерина, очевидно, воспользовалась выдуманной ею самой историей о «любви» к лакею ее мужа. По ее словам, у Петра был камердинер. Крузе, склонная к выпивке, его очень любила за то, что он часто приносил ей вина и напивался вместе с ней. В такие моменты камердинер выпытывал у Крузе, что она делает и замышляет против Малого двора. Затем полученные сведения лакей передавал великой княгине. Но поскольку, чтобы не возбуждать подозрений, это могло происходить только в покоях великого князя, Екатерина часто приходила туда и узнавала, что ее интересовало. Три-четыре раза Крузе застала их за разговором. Камер-фрау, пишет Екатерина, «приревновала меня к нему и выдумала сказку»³⁵. То есть, как бы мы сказали сегодня, некую love-story. Она довела это до сведения Елизаветы и постаралась, чтобы об «измене» узнал и великий князь. Петр был «очень разгневан», но после объяснения с женой, которая рассказала ему, что было на самом деле, сердиться перестал. Супруга объяснила ему, что «метили» на то, чтобы их «поссорить». Вся эта история и «такая

полная волнений жизнь и столько со всех сторон несправедливостей и никакого впереди выхода» настолько потрясли Екатерину, по ее словам, что она испытала «сильное отчаяние». Усугубленное «героическими чувствами», это отчаяние привело ее к мысли расстаться с жизнью, и она чуть не совершила самоубийство, которому помешала внезапно вошедшая служанка. Та будто бы увидела, как лежавшая на канаве в полном отчаянии великая княгиня пытается вонзить себе в сердце большой нож, который «не был ни очень остер, ни очень отточен и с трудом проходил через корсет», и схватилась за оружие. Так, благодаря случаю Екатерина была спасена. Спасительница «пустила в ход все утешения», на которые была способна, и великая княгиня «раскаялась» в своем поступке. Свидетельница того, как Екатерина едва не стала самоубийцей, поклялась хранить молчание об этом инциденте³⁶.

Весь этот эпизод, несомненно, выдуман мемуаристкой, еще недостаточно опытной в мемуаротворчестве. Мы не можем поверить в то, что у Екатерины с ее жаждой власти, силой воли и редким самообладанием могла даже возникнуть мысль о самоубийстве. Но для чего Екатерина выдумала его? Очевидно, для того чтобы ярко подчеркнуть благородство своего облика, личности, исповедовавшей идеалы героических добродетелей и чуждой интригам, настолько, что даже малейшее сомнение в ее порядочности могло привести к мысли о самоубийстве.

Правда, мемуаристка чрезмерно преувеличила пафосность этой истории, так, что полтора десятилетия спустя, когда она работала над первой редакцией своих мемуаров, этот неправдоподобный эпизод ей пришлось сильно отредактировать. В тексте первой редакции мемуаров Екатерина также сообщает, что после разговора с Елизаветой легла на канаве, однако не с ножом в руках, а с книгой. В этот момент в комнату тоже вошли, но это была не горничная, а великий князь. Он был очень смущен и, помолчав, сказал, что хотел бы быть любим Екатериной так же, как тот лакей. Впрочем, в этой сцене упоминается и нож, правда, в фигуральном смысле: после неприятного разговора с императрицей Екатерина была, «так сказать, с ножом в груди», «не смея довериться ни одной живой душе»³⁷. Очевидно, создавая этот текст, мемуаристка уже приоб-

рела некий опыт и не стала поражать воображение читателя душевнораздирающей сценой предотвращенного самоубийства. Во второй же редакции середины 1790-х годов от этой сцены и вовсе пришлось отказаться.

Характерно, что, рассказывая о гонениях, Екатерина старается в записке представить дело так, будто бы они происходили от «вредного характера» Чоглоковой и, стало быть, ничем иным, кроме этого, мотивированы не были. После неудавшегося самоубийства ее «дурное обращение» «шло своим чередом». «Она всем запрещала, — писала Екатерина, — со мной говорить, и не только дамам и кавалерам, окружавшим меня, но даже, когда я выезжала на куртаги, она всем говорила: “Если вы будете говорить ей больше, чем “да” и “нет”, то я скажу императрице, что вы интригуете с нею, потому что ее интриги известны”. Так что все меня избегали, приближалась ли я, или отступала».

Екатерина сообщает, будто делала вид, что не знает об этих происках Чоглоковой, продолжая вести себя по-прежнему, разговаривая со всеми; она «была чрезвычайно любезна и старалась расположить к себе всех до самой Чоглоковой». Далее узнаем, что во время поездки в Ревель императрица заметила, что ее невестка начала «заметно чахнуть», и спросила о причине. К тому же ее любимица М. Е. Шувалова вместе с Румянцевой и Репниным рассказали Елизавете обо всех «дурных поступках» Чоглоковой по отношению к великой княгине «во всей их правде». При этом они еще сами пожаловались на Чоглокову и Петра Федоровича. За этим последовал выговор императрицы великому князю. Ему было сказано, что если он «будет себя плохо вести», «то его посадят на корабль, чтобы отвезти в Голштинию», а Екатерину оставят. Более того, Елизавета будто бы заявила, что «может выбрать, кого захочет, чтобы заместить его», в то время как самой Екатерине государыня сделала несколько подарков³⁸.

Эти пассажи особенно интересны тем, что в них демонстрируется желание мемуаристки убедить читателя в своей абсолютной невинности и в том, что недоброжелатели Екатерины намеренно вводили Елизавету в заблуждение, преследуя ее именем великую княгиню. Сама же императрица, по словам мемуаристки, была

иного мнения о своей невестке. Более того, как бы невзначай Екатерина наводит читателя на важную для нее мысль: Петр в роли наследника может быть замещен на троне его супругой, и такая возможная комбинация была озвучена самой государыней, от которой зависело, будет ли осуществлена такая замена. В чем же «провинился» Петр в глазах придворных и самой императрицы, Екатерина не сказала в тексте записки ни слова.

Приступы благоволения государыни к невестке, по словам Екатерины, лишь усугубили козни Чоглоковой против жены Петра. Обер-гофмейстерина решила, что «дурное расположение духа», которое ей пришлось вытерпеть со стороны Елизаветы, было спровоцировано жалобами самой Екатерины. После того как «шквал прошел», она так повернула дело, что по возвращении в Петербург Екатерину «больше бранили» и обращались с ней еще «хуже»: «...каждый месяц кого-нибудь прогоняли и лишь только видели мужчину или женщину, на кого я приветливо посмотрела, — жаловалась в записке великая княгиня, — как их наверняка удаляли»³⁹. В начале 1747 г. от дел был отстранен Репнин, «друг» великой княгини и «слишком ей преданный», «чтобы его терпеть». Репнина заменили мужем Чоглоковой. Он «начал с того, что запретил кому бы то ни было входить в комнату великого князя без его [Чоглокова] позволения, и так как он был самым невежливым и резким человеком на свете, то никто не подвергался тому, чтобы добровольно получить от него отказ». Лишившись всякого общества, Екатерина стала заниматься чтением книг, а Петр — музыкой. Нетрудно заметить: мемуаристка старается каждый раз подчеркнуть различие между ней и ее мужем, наследником престола. Она все выносила «с мужеством, без унижений и жалоб», а вот великий князь — «с большим нетерпением, с ссорой, угрозами». Противопоставив себя мужу-престолонаследнику, Екатерина пошла еще дальше. Она дала понять читателю, что лишенный свободы Петр буквально деградировал как личность: «И это-то и ожесточило его характер и испортило его совершенно; доведенный до того, чтобы только и видеть и иметь вокруг себя своих камердинеров, он усвоил их речи и нравы»⁴⁰. Естественно, вину за деградацию его личности она возложила на власть предрежащих.

При внимательном прочтении этого опуса Екатерины не может не броситься в глаза факт, что преследования Петра, из-за которых престолонаследник опустился до уровня камердинера, не только ничем не мотивированы, а представляются труднообъяснимой глупостью лиц, поставленных во главе Малого двора и давших полную волю своему властолюбию и интриганству.

Между тем архив Тайной канцелярии исчерпывающе объясняет нам, почему Репнин был удален, отчего Чоглоков установил «режим политической тюрьмы» для Малого двора и по какой причине пресекались любые, несанкционированные контакты Екатерины с кем бы то ни было. Дело в том, что Елизавета, опасаясь дворцового переворота со стороны своего наследника Петра, фактически отстранила его от непосредственных контактов с военными. Великий князь обожал военное дело и жаждал практической деятельности на этом поприще. С этой целью из лакеев, обслуживавших Малый двор, он тайно создал так называемую «комнатную гвардию»⁴¹, или «полк Его Высочества»⁴². Она имела свою систему чинов, собственную форму и вооружение. Все это требовало денежных средств. Екатерина была членом этой секретной военной единицы, тайно проводившей экзерции в покоях великого князя, имела свой чин и помогала доставать деньги для существования «комнатной гвардии». Секретное подразделение было создано при Малом дворе для самообороны, но могло быть использовано и для проведения дворцового переворота⁴³. Отстранение «благородного» Репнина и назначение «самого невежливого и резкого человека на свете»⁴⁴ вполне объясняется этими обстоятельствами, вскрывшись во время следствия, о котором «Автобиографическая записка», разумеется, не говорит ни слова.

Но для характеристики Екатерины как автора очень существенно, что она не находит нужным раскрывать перед своим потенциальным политическим союзником всю правду. Стараясь предстать в глазах того, кому адресовано это сочинение, вполне пригодным партнером для совместных политических акций, то есть тайного взаимовыгодного сотрудничества, Екатерина поддерживается, однако, раскрывать в полной мере свои незаурядные способности к политической интриге. Видимо, она полагала, что,

раскрывая перед потенциальным политическим союзником свои «лучшие качества», она тем самым может отпугнуть его от совместной деятельности. Ведь, имея такого искушенного в политических интригах партнера, репутация которого в глазах власти уже сильно пострадала, можно было оказаться обманутой. Поэтому Екатерина предпочитала предстать в глазах читателя невинной жертвой, которую преследовали и унижали мелкие и ничтожные люди в силу независящих от нее обстоятельств, поставленных над ней.

Примечательно, что, рассказывая далее о событиях своей жизни за последующие годы, которые мы не имеем возможности проверить по материалам Тайной канцелярии, потому что таковых нет в архиве этого учреждения, Екатерина старается подчеркнуть свои выдающиеся личные качества, противопоставляя их мужниным. Рассказывая об обрушении дома в Гостилицах, великая княгиня не упускает случая упомянуть о том, что при известии об обрушении фундамента Петр сразу же «соскочил с постели и убежал». Его же супруга не испугалась вовсе, «встала, не торопясь... оделась» и разбудила Крузе в соседней комнате. Великая княгиня все делала «не торопясь». Даже пришлось за ней послать унтер-офицера, чтобы ее поторопить. Красочно описывая, как на них падали печи, как под ними ломались ступени лестницы, Екатерина подчеркивает, что все это не причинило ей никакого вреда, хотя было 16 убитых и смертельно раненых⁴⁵. Следует особо отметить, что в первой редакции мемуаров, где представлен совсем иной образ великой княгини, картина обрушения дома в Гостилицах изображена в другом виде. Здесь описан невероятный испуг Екатерины и полученные ею травмы. «После обеда я прилегла, но от малейшего шума я вздрагивала и внезапно просыпалась — такое впечатление на мои чувства произвел утренний испуг; после этого происшествия я находилась в таком состоянии несколько месяцев; встав с постели около шести вечера, я заметила много синяков в разных местах на теле и, между прочим, очень порядочный в углублении на правом боку, в котором чувствовала боль; не говорю уже о том, что ушибла себе руки и ноги»⁴⁶. В таком же духе описан этот эпизод и во второй редакции мемуаров императрицы⁴⁷. В «Автобиографической записке», надо

понимать, обошлось без малейших травм. Когда ей пустили кровь, она не испытывала «от этого другой боли»⁴⁸.

Характерная особенность опуса Екатерины заключается в том, что она все время дает понять своему читателю, насколько была ценна и значима сама по себе и как ее расположения старались добиться даже те люди, что были враждебно к ней настроены. В таком духе она рассказывает, как ей удалось освободиться от тягостной опеки Чоглоковых. «По временам он стал ко мне хорошо относиться», — пишет Екатерина, которая, по ее словам, постаралась максимально использовать изменение отношения к себе со стороны главного «надзирателя», положение которого, в свою очередь, пошатнулось из-за романа с фрейлиной М. И. Кошелевой. Его чуть не отставили от Малого двора, продолжает мемуаристка, к тому же он имел глупость поссориться со своим покровителем — канцлером Бестужевым. Екатерина сочла возможным пожаловаться Чоглокову на притеснения со стороны канцера. В итоге Малый двор с каждым днем стал получать «больше свободы». Чоглоков начал заигрывать с великокняжеской четой, стал стараться ей «угодить». Дошло до того, что он «вздумал влюбиться в Екатерину» или «разыгрывать влюбленного». Из текста записки мы далее узнаем, что великая княгиня даже жаловалась на Чоглокова императрице⁴⁹.

Стараясь поправить свое пошатнувшееся положение, Чоглоковы решились на авантюру. Поскольку у великокняжеской четы не было детей в течение шести лет после свадьбы, обер-гофмейстерина и ее супруг приложили все усилия, чтобы у Екатерины появился наследник. Чоглоковы «употребили все на свете, чтобы привлечь к себе» Екатерину и Петра. Придворные интерпретировали это таким образом: «планы Чоглоковых состояли в том, чтобы войти в фавор, впоследствии имея виды» на великую княгиню⁵⁰. (Заметим, не на Петра, а на Екатерину!) Далее великая княгиня излагает мало-правдоподобную историю появления на свет своего сына Павла. Это якобы исповедальное откровение преследовало несколько целей. Объяснить Понятовскому, какую роль играл камергер Петра Федоровича С. В. Салтыков в интригах, развернувшихся при Малом дворе, и так представить рождение Павла Петровича, чтобы никто не мог однозначно сказать, чей он сын.

Последнее стоит выделить особо. Мальчику в момент написания «Автобиографической записки» было не более полутора-двух лет. Но уже тогда Екатерина прекрасно понимала, что этот младенец может послужить либо ее ступенькой к власти в случае отстранения Петра от престолонаследия, либо же стать ее прямым политическим соперником на этом пути. Именно поэтому дальновидная Екатерина настолько запутала вопрос о происхождении Павла, что он может быть истолкован в любом из этих вариантов выгодным для нее образом. Поэтому то, что написала Екатерина, никак не может служить надежным материалом для восстановления исторической истины, но ярко характеризует будущую императрицу, отстранившую от престола не только мужа, но и своего семилетнего сына. Едва ли можно воспринимать ее описание интриг вокруг будущего престолонаследия как изложение фактов, имевших место в действительности. Ведь из анализа всего описанного ею прежде прекрасно видно, как она умела скрывать истинное положение вещей и правдоподобно представить их в выгодном для себя свете.

Согласно Екатерине, Чоглоков действовал «единственно для обеспечения законных наследников». Он склонялся к тому, чтобы реализовать план Салтыкова, то есть заставить Петра «прибегнуть к врачебной помощи». Чоглокова же хотела сделать «пакость своему мужу», старалась «причинить ему досаду» и покровительствовала чувствам Салтыкова к Екатерине. Наконец, ввиду «крайней невинности» Петра ему «должны были приискать женщину». Выбор пал на вдову художника Г. Х. Грота. Это надо понимать так, что она сделала целомудренного великого князя мужчиной. Но, вопреки расчетам Чоглоковых получить за эту «услугу» благодарность, они подверглись поношению. Чоглоковы полагали, что, оказав подобную услугу великому князю, он отблагодарит их, однако вышло иначе: они не только вызвали неудовольствие со стороны императрицы, но даже стали опасаться ссылки. Поэтому решено было возложить ответственность за содеянное прелюбодеяние на Салтыкова. Но об «истинной роли» последнего Чоглоков «даже не догадывался». Супруга же его «из ревности к своему мужу» и дружбы с Салтыковым «покровительствовала» молодому человеку и «использовала все, какие можно представить увещевания, чтобы

увлечь» Екатерину. «И это в соединении с прелестью наружности и ума» Салтыкова «встретило бы во всяком другом», кроме, конечно, Екатерины, меньше сопротивления. Далее следует фраза, виртуозно составленная для сокрытия истины: «...это подлинно и несомненно, что я отличалась благоразумием и невинностью образцовой»⁵¹. Затем великая княгиня рассказывает, что она забеременела и у нее случился вначале выкидыш, а через год с небольшим родился сын Павел. Примечательно, что Екатерина так формулирует здесь свой текст, что читателю неясно, кто был его отцом.

Далее Екатерина рассказывает неправдоподобную историю о том, как Чоглоков «влюбился» в Елизавету или разыгрывал влюбленного; как это ему не удалось, вследствие чего он был изгнан от двора и вскоре не без помощи докторов умер. Но при этом великая княгиня забыла сообщить, что гофмаршалом Малого двора был сделан А. И. Шувалов, глава Тайной канцелярии. Понятно, почему упоминание об этом важном для биографии Екатерины факте опущено. Очевидно, отставка и крах дальнейшей карьеры Чоглокова были вызваны вовсе не его неудачными «амурными проектами». Назначение главы учреждения политического сыска на пост гофмаршала Малого двора могло свидетельствовать о том, что «влюбчивый» Чоглоков, добивавшийся расположения то великой княгини, то самой императрицы, не справился с надзором над своими подопечными и поэтому был заменен профессионалом своего дела. Едва ли следует сомневаться, что приобретающая с каждым годом все больший опыт Екатерина дала к этому повод.

Рассказывая, как она боролась с недоброжелателями за своего сторонника Салтыкова, мемуаристка не упустила (и в который уже раз) случай подчеркнуть свою нестигаемую волю. По ее словам, она «столько хлопотала у канцлера» за возвращение посланного в Швецию Салтыкова, «что он вернулся сюда прежде, чем его курьер достиг Стокгольма». Салтыков уехал из России потому, что они вместе решили, что так будет лучше «для собственной пользы». «Я поддерживала, — пишет Екатерина, — не столько по склонности, сколько по стойкости то, что начала, и старалась без отдыха, побеждая все трудности и сражаясь изо всех сил против всяких пре-

пятствий, чтобы добиться его возвращения, и это мне удалось, сверх того, что следовало ожидать»⁵². Едва ли кто-либо еще мог сочинить такой панегирик Екатерине, кроме нее самой. Но зато каждый захотел бы иметь на своей стороне такого нестигаемого борца. В самом конце своего опуса Екатерина еще раз особо выделила то обстоятельство, что не она спровоцировала все репрессии, которые на нее обрушились. Она сообщала, что многократно просила аудиенции, чтобы поговорить по душам с Елизаветой, но всегда получала отказ. Великая княгиня заключает, что антипатия Елизаветы росла с каждым годом, несмотря на то что единственной целью Екатерины «было во всем ей угождать». Екатерина делала все, чтобы и ее супруг Петр также относился к своей тетке.

«Мое уважение к ней, — патетически восклицала Екатерина, — доходило до крайних пределов, до каких человек может их довести»⁵³. Это заклинание становится еще выразительнее, если сопоставить его с упоминавшимися выше материалами Тайной канцелярии, вскрывших много конкретных фактов, как именно это уважение великой княгини к «своей тетке» проявлялось в реальной жизни. Описывая Чоглоковых и им подобных уничижительными словами, великая княгиня тем самым рисует и отталкивающий портрет самой императрицы. Ведь это был осознанный выбор государыни, подбиравшей своих слуг для выполнения возложенных на них функций. Как бы ни были убоги эти люди, они прежде всего выполняли волю императрицы, которую обводили вокруг пальца ее приближенные, преследуя свои мелкие корыстные цели. Такая трактовка, неизбежно вытекающая из текста екатерининского опуса, претендовавшего на то, чтобы выглядеть откровенной «исповедью», не входила в планы автора, который дорожил тезисом: императрица очень любила великую княгиню. Чтобы избежать этого противоречия Екатерина нашла выход в том, чтобы переложить часть вины на другое лицо — канцлера А. П. Бестужева. Как бы мимоходом она бросила фразу о том, «какие нелепости канцлер выделывал» с ней. Все преследовавшие ее были его ставленниками и выполняли волю Бестужева, наущениям которого, писала Екатерина, «я была обязана частью горестей и страданий, которые он мне причинял»⁵⁴.

Отведя удар от Елизаветы и определив «главного злодея», Екатерине предстояла трудная задача: объяснить свою «тесную дружбу с канцлером», как она стала союзницей своего основного «врага» — англомана Бестужева. Она представила такое объяснение. Ранее благоволивший к ней «галломан» вице-канцлер М. И. Воронцов, антипод А. П. Бестужева, стал употреблять «свое восходящее влияние» не в ее пользу. Тогда она решила согласоваться с его образом действий и осознала, что интересы России очень далеки от интересов Франции. Сделав Бестужеву первые предложения, она была принята канцлером «с распростертыми объятиями»⁵⁵. На самом же деле великая княгиня нашла общий язык с канцлером, когда встал вопрос об уступке Голштинии Дании, лишившей Петра Федоровича и его сына Павла наследственного владения и в конечном счете спровоцировавшей падение Бестужева и временную опалу великой княгини⁵⁶. Но на их тайный союз, направленный против Петра, разумеется, в «Автобиографической записке» нет даже намека.

Из вышеизложенного понятно, что использовать «Автобиографическую записку» как исторический источник для исследования биографии Екатерины II следует столь же осторожно, как и другие мемуарные тексты императрицы, прежде всего ее «Записки» в двух редакциях.

Библиография

- Записки императрицы Екатерины Второй. М.: Орбита, 1989. 748 с.
- Корнилович О. Ф. Записки императрицы Екатерины II. Внешний анализ текста. [Томск]: Тип. Сиб. Т-ва печ. дела, [1912]. 30 с.
- Писаренко К. А. Повседневная жизнь русского двора в царствование Елизаветы Петровны. М.: Мол. гвардия, 2003. 873 с.
- Сафонов М. М. Ангальт-Цербстская девственница // Нестор: ежеквартальный журнал истории и культуры России и Восточной Европы. Технологии власти. Источники, исследования, историография. 2005. № 7 (1). С. 208–242.
- Сафонов М. М. «Комнатная» гвардия // Военное дело России и ее соседей в прошлом, настоящем и будущем: Междунар. науч.-практ. конф., 29–31 марта 2005 г., Санкт-Петербург. СПб.; М.: [б. и.], 2006. С. 559–564.
- Сафонов М. М. Екатерина II и дело камер-юнгферы М. П. Жуковой // Проблемы истории России и стран Северной Европы от Средних веков до наших дней (к 90-летию со дня рождения И. П. Шаскольского). СПб.: АИК, 2009. С. 154–162.

Сафонов М. М. Иоганна Елизавета Ангальт-Цербстская по «Запискам» Екатерины II // Немцы в Санкт-Петербурге: Биографический аспект. XVIII–XIX в. Вып. 5. СПб.: МАЭ РАН, 2009. С. 92–112.

Сафонов М. М. Екатерина II — солдат Петра III // Петербургский исторический журнал. 2014. № 1. С. 41–59.

Сафонов М. М. «Полк Его Высочества» // Петербургский исторический журнал. 2014. № 2. С. 16–37.

Сафонов М. М. Презентация образа великой княгини Екатерины Алексеевны в первой редакции «Записок» Екатерины II // Петербургский исторический журнал. 2018. № 4. С. 26–64.

Сафонов М. М. Презентация образа великой княгини Екатерины Алексеевны во второй редакции «Записок» Екатерины II // Немцы в Санкт-Петербурге: Биографический аспект. XVIII–XX вв. Вып. 12. СПб.: МАЭ РАН, 2019. С. 35–67.

Сафонов М. М. Великая княгиня Екатерина Алексеевна vs великий князь Петр Федорович (вопрос об обмене Голштинии) // Немцы в Санкт-Петербурге: Биографический аспект. XVIII–XX вв. СПб.: МАЭ РАН, 2022. С. 7–49.

* * *

¹ Записки императрицы Екатерины Второй. М., 1989. С. 467–499. (Далее — Записки).

² Корнилович О. Ф. Записки императрицы Екатерины II. Внешний анализ текста. Томск, 1912. С. 4–5.

³ Там же.

⁴ Так он назван в первой редакции «Записок» (Записки. С. 62). Во второй редакции он имеет другое название: «Портрет философа в пятнадцать лет» (Записки. С. 223–224).

⁵ Сафонов М. М. 1) Презентация образа великой княгини Екатерины Алексеевны в первой редакции «Записок» Екатерины II // Петербургский исторический журнал. 2018. № 4. С. 33–34; 2) Презентация образа великой княгини Екатерины Алексеевны во второй редакции «Записок» Екатерины II // Немцы в Санкт-Петербурге: Биографический аспект. XVIII–XX вв. Вып. 12. СПб., 2019. С. 43–45.

⁶ Записки. С. 498.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 203.

⁹ Там же. С. 469.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. С. 470.

¹² Там же. С. 473.

¹³ Там же. С. 475.

¹⁴ Там же. С. 476.

¹⁵ Там же. С. 477.

¹⁶ Там же. С. 479.

¹⁷ Там же. С. 470–471.

¹⁸ Там же. С. 29–31.

¹⁹ Там же. С. 482.

²⁰ Сафонов М. М. Иоганна Елизавета Ангальт-Цербстская по «Запискам» Екатерины II // Немцы в Санкт-Петербурге: Биографический аспект. XVIII–XIX вв. Вып. 5. СПб., 2009. С. 92–112.

²¹ Записки. С. 478, 481–482, 484.

²² Там же. С. 483.

²³ Там же. С. 484–485.

²⁴ РГАДА. Ф. VII. Оп. 1. Д. 193. Л. 1–130; Сафонов М. М. Екатерина II и дело камер-юнгферы М. П. Жуковой // Проблемы истории России и стран Северной Европы от Средних веков до наших дней (к 90-летию со дня рождения И. П. Шаскольского). СПб., 2009. С. 154–162; Ср.: Писаренко К. А. Повседневная жизнь русского двора в царствование Елизаветы Петровны. М., 2003. С. 815.

²⁵ Записки. С. 485.

²⁶ Там же. С. 484.

²⁷ Там же. С. 57–58, 218–219.

²⁸ Там же. С. 485.

²⁹ Там же. С. 486.

³⁰ РГАДА. Ф. VII. Оп. 1. Д. 1062. Л. 80–81; Сафонов М. М. Ангальт-Цербстская девственница // Нестор: ежеквартальный журнал истории и культуры России и Восточной Европы. Технология власти. Источники, исследования, историография. 2005. № 7 (1). С. 222–229.

³¹ Записки. С. 487.

³² Там же. С. 246.

³³ Там же. С. 487.

³⁴ Там же. С. 488.

³⁵ Там же. С. 489.

³⁶ Там же. С. 489–490.

³⁷ Там же. С. 87.

³⁸ Там же. С. 490.

³⁹ Там же. С. 491.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Сафонов М. М. «Комнатная» гвардия // Военное дело России и ее соседей в прошлом, настоящем и будущем : Междунар. науч.-практ. конф., 29–31 марта 2005 г., Санкт-Петербург. СПб.; М., 2006. С. 559–564.

⁴² Сафонов М. М. Полк Его Высочества // Петербургский исторический журнал. 2014. № 2. С. 16–37.

⁴³ Сафонов М. М. Екатерина II — солдат Петра III // Петербургский исторический журнал. 2014. № 1. С. 41–59.

⁴⁴ Записки. С. 491.

⁴⁵ Там же. С. 492.

⁴⁶ Там же. С. 126.

⁴⁷ Там же. С. 265–267.

⁴⁸ Там же. С. 492.

⁴⁹ Там же. С. 493–494.

⁵⁰ Там же. С. 494.

⁵¹ Там же. С. 495–496.

⁵² Там же. С. 497.

⁵³ Там же. С. 499.

⁵⁴ Там же. С. 493.

⁵⁵ Там же. С. 497–498.

⁵⁶ Сафонов М. М. Великая княгиня Екатерина Алексеевна vs великий князь Петр Федорович (вопрос об обмене Голштинии) // Немцы в Санкт-Петербурге: Биографический аспект. XVIII–XX вв. СПб., 2022. С. 7–49.

П. А. Головнин

КНЯЗЬЯ ГОГЕНЛОЭ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Название Гогенлоэ носят несколько княжеств в Швабии и Баварии, которыми до 1806 г. правил одноименное семейство. Род Гогенлоэ ведет свое происхождение от герцога Эбергарда Франконского, брата короля Конрада I. Первым графом был Генрих (1192–1209). Он владел замком Хоэнлоэ близ Уффенхайма. Графы и князья Гогенлоэ ведут родословную с XII в. Они владели замками в Германии, принимали участие в многочисленных войнах с XIII по XX в. Канцлер Хлодвиг Гогенлоэ был женат на внучке фельдмаршала Витгенштейна, Марии Львовне, и владел имениями в западных губерниях России. Статья повествует о различных пересечениях представителей княжеского рода Гогенлоэ с русскими государственными деятелями и русским дворянством.

Ключевые слова: Гогенлоэ, князь, замок, канцлер, герб, Витгенштейн.

P. A. Golovnin

HOHENLOHE'S PRINCE IN SANKT-PETERSBURG

Several principalities in Swabia and Bavaria, ruled by a family of the same name until 1806, bear the name Hohenlohe. The Hohenlohe family traces its origins to Duke Ebergard of Franconia, brother of King Conrad I. The first count was Henry (1192–1209). He owned the castle of Hohenlohe near Uffenheim. The counts and dukes of Hohenlohe trace their lineage back to the XII century. They owned castles in Germany and took part in numerous wars from the XIII to the XX century. Chancellor Chlodwig Hohenlohe was married to Maria Lvovna, granddaughter of Russian Field Marshal Wittgenstein, and owned estates in Russia's western provinces. The article tells about various crossings of representatives of the princely family of Hohenlohe with Russian statesmen and Russian nobility.

Keywords: Hohenlohe, Prince, Arms, chancellor, Wittgenstein

Рис. 1. Герб князей
Гогенлоэ-Вальденбург-
Шиллингсфюрст

Немецкая княжеская династия Гогенлоэ управляла территорией в Священной Римской империи, которая была разделена между несколькими ветвями, ее представители стали имперскими графами в 1450 г. В 1806 г. площадь княжества Гогенлоэ составляла 1760 км² с населением 108 тыс. человек.

Муниципалитет Шиллингсфюрст в районе Ансбах в Баварии расположен в 12 км от города Ротенбурга-об-дер-Таубер, замок Шиллингсфюрст является родовым домом княжеской семьи Гогенлоэ-Шиллингсфюрст (рис. 1).

Городок Шиллингсфюрст находится в районе Ансбаха, в V–VII в. здесь были основаны первые поселения франков. В XII в. на вершине холма была построена крепость — владение фамилии Шиллингсфюрст (рис. 2). В начале XIII в. крепость перешла к семейству Гогенлоэ. В 1316 г. замок был захвачен войсками императора

Рис. 2. Замок Шиллингсфюрст

Священной Римской империи Людвига IV Баварского (1282–1347), еще дважды — в 1525 и 1632 гг. — крепость разрушали. В 1723–1750 гг. выстроили новый барочный дворец Шиллингсфюрст на высоте 525 м. В 1965 г. по инициативе князя Франца Иосифа Гогенлоэ были проведены реставрационные работы.

Род Шиллингсфюрст происходит от графа Людвига Густава (1634–1697), его потомок Филипп Эрнест получил право на возведение своих феодальных владений в княжество в Священной Римской Империи. Князь Карл I Иосиф цу Гогенлоэ-Вальденбург-Шиллингсфюрст (1814–1884), генерал-лейтенант русской службы, автор книг по геральдике, был сыном князя Карла Альбрехта III и его второй супруги Леопольдины, принцессы Фюрстенберг. Генрих граф Фрайбургский с 1250 г. стал именоваться графом фон Фюрстенберг по имени родового замка Фюрстенберг в окрестностях Хюфингена в Шварцвальде. Карл Иосиф получил образование в университетах Женевы, Гейдельберга и Тюбингена. 28 августа 1837 г. был определен на русскую службу поручиком в гусарский полк, принимал участие в экспедициях против горцев в 1838 г. и награжден за храбрость золотой саблей. За свою многолетнюю отличную военную службу 8 июня 1864 г. был произведен в генерал-лейтенанты, написал несколько трудов по геральдике и сфрагистике. 26 ноября 1840 г. в Лангебурге он женился на кузине, принцессе Терезе Амалии (1816–1891), дочери князя Франца Иосифа цу Гогенлоэ-Шиллингсфюрст и Каролины Фредерики Констанцы Гогенлоэ-Лангенбургской, которая приходилась сестрой одному из создателей Германской империи, князю Хлодвигу Гогенлоэ. В законном браке родились дети: Николай (1841–1886), Виктор (1842–1885), Александра (1844–1844), Фридрих (1845–1845), Фридрих Карл II (1846–1924), Хлодвиг (1848–1929), Карл Эгон (1849–1910), Тереза (1851–1923), Людвиг Густав (1856–1877). За свою службу Карл Иосиф получил награды: золотую саблю за храбрость в 1838 г., ордена Св. Владимира 4-й ст. с бантом в 1838 г., Св. Анны 1-й ст. в 1866 г.; Белого Орла в 1874 г.; Баденский орден Церингенского Льва, Прусский орден Красного Орла большого креста, Саксонский орден Альбрехта большого креста, орден Вюртембергской короны большого креста.

Родословная рода принцев Гогенлоэ-Шиллингсфюрст				
Карл Альбрехт I принц Гогенлоэ-Вальденбург-Шиллингсфюрст (1719–1793)				
Жена — принцесса Софи-Вильгельмина Левенштейн-Вертахайм-Рошфор (1721–1749)				
Карл Альбрехт II принц Гогенлоэ (1742–1796), 2-я жена с 15 августа 1773 г. — венгерская баронесса Юдит Ревички де Ревисны (1751–1836)				
Франц Иосиф V принц Гогенлоэ-Шиллингсфюрст (1787–1841) — основатель ветви герцогов Ратиборских и принцев Корви, жена с 29 марта 1815 г. — Каролина Фридерика Констанца Гогенлоэ-Лангенбургская				
Хлодвиг Карл Виктор VII принц Гогенлоэ-Шиллингсфюрст, принц фон Ратибор-унд-Корвей (1819–1901), жена с 16 февраля 1847 г. — принцесса Мария Сайн-Витгенштейн-Сайн (1829–1897), дочь Людвига Адольфа Фридриха II принца Сайн-Витгенштейн-Сайна, сына русского фельдмаршала Людвига Адольфа Петера I принца Сайн-Витгенштейн-Берлебург-Людвибург				
Филипп Эрнст VIII принц Гогенлоэ-Шиллингсфюрст (1853–1915), 1-я жена с 10 января 1882 г. — принцесса Харикле Ипсиланти (1863–1912); 2-я жена с 6 августа 1913 г. — Генриетта Гиндре фон Хеллберг (1884–1952)				
I				
I (1)-----I(1)-----I(2)-----I(2)-----I(2)				
Стефани (?–1882)	Мария (1886–1897)	Александр (1915–1944)	Филипп (?–1915)	Мориц
принц Гогенлоэ-Шиллингсфюрст				

Христиан Людвиг (1725–1797) принадлежал к роду Спонхеймов, происходил из семейства правителей графства Сайн-Витгенштейн-Берлебург, поступил на русскую службу в царствование Елизаветы Петровны и был женат на Амалии Людовике (1740–1771), дочери прусского графа Эрнста фон Финкенштейна. Сайн-Витгенштейн-Берлебург — одно из трех графств, образованных при разделе Вестфальского графства Сайн-Витгенштейн в 1607 г. Двумя другими

графствами были Сайн-Витгенштейн-Сайн и Сайн-Витгенштейн-Витгенштейн со столицей в городе Берлебург. В 1792 г. император Священной Римской империи превратил Берлебург в имперское княжество. В 1806 г. Берлебург и другие земли княжества вошли в состав Великого герцогства Гессенского. Сын Людвиг Франца (1694–1750) графа Берленбургского, Кристиан-Людвиг (1725–1797), поступил на прусскую военную службу и женился на дочери графа Финкенштейна, потом переехал в Россию, где второй женой стала невестка канцлера Бестужева (1693–1766), урожденная княжна Долгорукова. В первом браке у него родился сын Петр Христианович Витгенштейн (1768–1868), а его сын, Лев Петрович, в 1861 г. получил от прусского короля право именоваться князем Сайн-Витгенштейн-Сайн. Сайн-Витгенштейн-Сайн — имперское графство в Вестфалии, существовавшее в 1607–1648 гг. на землях графства Сайн. Графская резиденция находилась в границах города Бендорф (земля Рейнланд-Пфальц).

Описание герба графского рода Сайн-Витгенштейн-Берлебург (рис. 3): щит четырехчастный с вершиной, в которой в голубом поле лежит острием вправо золотой меч святого князя Гавриила Псковского, а над ним в серебряной ленте золотыми буквами написан девиз: «Честь моей никому не отдам». В первой и четвертой частях щита в серебряном поле — две черные вертикальные полосы. Во второй части в красном поле — белая крепость с двумя башнями, окна и черные ворота. В третьей части в черном поле диагонально положен серебряный брус, на котором изображены три черные бараньи головы. В центре герба — малый щиток с родовым гербом: в красном поле стоящий на задних лапах леопард. Над щитом — графская корона с тремя шлемами: из двух боковых выходящие львы, держащие в передних лапах ветвь и саблю, а из сред-

Граф Сайн-Витгенштейн-Берлебург.

Рис. 3. Герб графов Сайн-Витгенштейн-Берлебург

Рис. 4. П. Х. Витгенштейн

ней — выходящий государственный орел, под ним — знамена. Щитодержатели: справа — русский гусар со знаменем, слева — ратник с белым знаменем.

Людвиг Адольф Петер I принц Сайн-Витгенштейн-Берлебург-Людвигсбург (1768–1842) (Петр Христианович Витгенштейн, рис. 4) — немецко-русский фельдмаршал, во время Отечественной войны 1812 г. был назначен командиром отдельного корпуса на петербургском направлении. В июле 1812 г. остановил наступление маршала Удино в бою под

Клястицами, был дважды ранен и награжден орденом Св. Георгия 2-й ст. В апреле-мае 1813 г. был Главнокомандующим русско-прусской армией в Германии; в начале Русско-турецкой войны 1828–1829 гг. назначен Главнокомандующим русской армией, за ним числилось 70 тыс. крепостных крестьян и несколько богатых имений. Грамотой прусского короля Фридриха Вильгельма III от 19 апреля 1834 г. возведен с нисходящим потомством в княжеское королевство прусского достоинства с титулом светлости. Именным высочайшим указом от 16 июня 1836 г. император Николай I дозволил ему с нисходящим потомством принять и пользоваться в России титулом светлейшего князя. 11 июня 1843 г. князь скончался на руках жены Антонии Цецилии Снарской (1779–1855) в Лемберге (Львове) и был похоронен в имении Каменка Ольгопольского уезда Подольской губернии. 29 августа 2014 г. в городе Печоры Псковской области был открыт памятник герою Отечественной войны фельдмаршалу П. Х. Витгенштейну (рис. 5). Над скульптурой работал авторский коллектив под руководством народного художника РФ, действительного члена Российской академии художеств Альберта Чаркина. Наместник Псковско-Печерского монастыря, архимандрит Тихон освятил монумент, воины Псковского гарнизона отдали генерал-фельдмаршалу воинские почести.

Сын фельдмаршала, Людвиг Адольф Фридрих II принц цу Сайн-Витгенштейн-Берлебург-Людвигсбург (1799–1866) (Лев Петрович Витгенштейн), 14 июня 1828 г. в Санкт-Петербурге женился на принцессе Стефании Радзивилл (1809–1832) и унаследовал часть владений ее отца — князя Доминика Иеронима Радзивилл. Владел Мирским замковым комплексом и Веркяйским дворцом, восстановил в Пруссии родовой замок Сайн, за что получил от прусского короля княжеский титул, от него и происходит княжеский род Сайн-Витгенштейн-Сайн. В браке родились сын Петр (1831–1887) и дочь Мария Сайн-Витгенштейн-Сайн (1829–1897) (рис. 6). Ее мужем стал Хлодвиг Карл Виктор VII принц Гогенлоэ-Шиллингсфюрст (1819–1901) (рис. 7).

Хлодвиг Гогенлоэ являлся сторонником политического объединения Германии в государство, после создания Германской империи он перешел на государственную службу единой Германии, занимал пост первого вице-президента Рейхстага, посла Германии во Франции в 1874–1885 гг., статс-секретаря Имперского ведомства иностранных дел с апреля по август 1880 г., намест-

Рис. 5. Памятник П. Х. Витгенштейну

Рис. 6. Мария Львовна Витгенштейн

Рис. 7. Князь Хлодвиг Гогенлоэ-Шиллингсфюрст

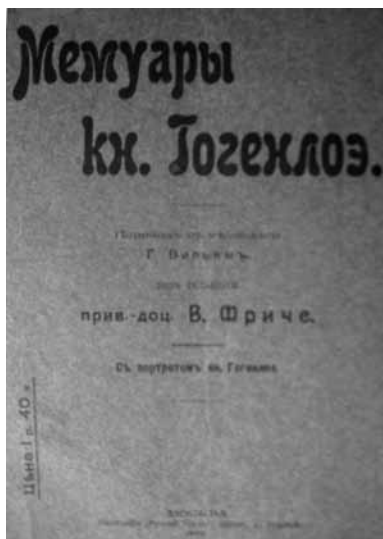

Рис. 8. Мемуары Хлодвиг Гогенлоэ

ника Эльзас-Лотарингии в 1885–1894 гг., канцлера Германии в 1894–1900 гг. С 1898 г. власть фактически перешла в руки статс-секретаря по иностранным делам фон Бюлова, сменившего Гогенлоэ на посту канцлера в 1900 г.¹

Князь Гогенлоэ, отказавшийся в марте 1901 г. от должности имперского канцлера, собирался остаток своих дней посвятить составлению и изданию своих мемуаров. По поручению сына князя Гогенлоэ, принца Александра, воспоминания князя были изданы Ф. Курциусом (рис. 8).

Князь Хлодвиг цу Гогенлоэ Шиллингсфюрст родился 31 марта 1819 г. в Ротенбурге на Фульде, семи лет от роду был отдан на воспитание в Парму в Институт францисканских монахов, по окончании курса в Терезианиуме в Вене поступил в венгерские гусары, но в 1804 г. оставил австрийскую службу, перешел на прусскую и был зачислен в стоящий в Ансбахе гусарский полк. Затем оставил военную службу и, получив звание потомственного рейхсрата и майора Баварии, принял от старшего брата Карла верховную власть над Шиллингсфюрстом. Женился в 1815 г. на принцессе Констанции Гогенлоэ-Лансенбург. Хлодвиг начал учиться одновременно со сво-

им братом Виктором, впоследствии герцогом фон Ратибор, в 1826 г. они поступили в Ансбахскую гимназию, потом перешли в Эрфурт, где 3 июня состоялся их торжественный выпуск. 23 июня Хлодвиг был зачислен в Геттингенский университет. 3 мая 1845 г. умер брат Хлодвиг, принц Филипп Эрнест. Хлодвиг стал владельческим князем в Шиллингсфюрст и решил выйти в отставку. 16 февраля 1847 г. во Франкфурте-на-Майне он обвенчался с княжной Марией Витгенштейн, а 29 июня состоялся его въезд в Шиллингсфюрст. В ноябре и декабре 1847 г. князь был занят составлением записки «О политическом состоянии Германии, угрожающих ему опасностях и средствах к обороне». Осенью 1851 г. князь решил переселиться в Россию и принять управление над имением своего тестя, князя Витгенштейна. Семейство провело зиму в Санкт-Петербурге и весной 1852 г. князь возвратился в имение Верки, в 1861–1863 гг. совершил путешествие в Баден, Силезию, Берлин, Париж, Карлсруэ.

В дневнике он писал о встрече с И. С. Тургеневым в Париже 13 апреля 1879 г., после того как Тургенев вернулся из России: «Вчера я встретил его, он высказывал удивление по поводу того, что его так чествовали, хотя он сам никогда политикой не занимался и объяснял этот факт тем, что у русского народа есть потребность найти точку объединения, которая позволила бы ему выразить свои либеральные воззрения. Он много рассказывал о русских делах. Правительство не понимает движения. По его мнению, оно поступает несправедливо, одинаково обращаясь с нигилистами-заговорщиками и либеральной частью населения. Он допускает, что тайные общества имеют радикальные тенденции, он сам говорил с подобными радикалами; они не имеют программы, а руководствуются идеей, что надо поджечь с четырех сторон старое, разваливающееся здание, чтобы вместо него построить новое. Молодые, совсем благомыслящие люди с ужасом признавались ему, что не могут в душе осуждать убийства, принципиально отрицаемые ими. Тургенев привел несколько фактов, являющихся причиной ожесточения, говорил, что теперь в России все сосредоточивается на внутренней политике; внешняя политика не интересует никого. В революцию Тургенев не верит, у правительства достаточно сил, чтобы восстановить порядок. Когда он спросил одного чиновника,

каким образом может быть улучшено настоящее положение, тот ответил ему: “*Vis medicatrix naturae*” (лат. “Насилие — лучший врач”). При убийствах нигилисты преследуют одну цель — наказывать чиновников, открыто нарушающих законы и справедливость, для устрашения их собратий. Тургенев намеревается написать политическую брошюру и изложить в ней мысли, пришедшие ему в голову во время пребывания в России. Если бы я был на месте императора Александра, я поручил бы Тургеневу составить министерство»¹.

Дневник 8 ноября 1882 г.: «Сегодня князь Бисмарк вспомнил о Тургеневе и заметил, что, по его мнению, он самый даровитый писатель из всех живущих в настоящее время на свете»². 10 августа 1888 г. князь Гогенлоэ поехал в Санкт-Петербург, чтобы уладить свои дела по унаследованию имения покойного князя Витгенштейна, там он увиделся с министром финансов И. А. Вышнеградским (1832–1895), который посоветовал, чтобы один из сыновей князя Гогенлоэ принял русское подданство для того, чтобы оставить огромное имение за собой. 25 августа министр иностранных дел Н. К. Гирс (1820–1895) представил его царю.

В августе 1890 г., перед посещением России, за несколько дней до отъезда Вильгельм II снова имел с князем Гогенлоэ продолжительный разговор о политике, высказав, что доволен общим политическим положением, но русским не доверяет и ему неприятно, что придется сойти на берег в Ревеле, так как там можно ожидать демонстраций со стороны немецкого населения; он хочет сделать все возможное, чтобы уклониться от этого, и намеревается ехать морем до Нарвы, но в Петербурге настояли на Ревеле.

Призванный в 1894 г., после ухода Каприви, на пост имперского канцлера, князь Гогенлоэ ездил на следующий год в Россию, чтобы представиться Николаю II. Князь Гогенлоэ пишет об этом в своем дневнике: «Меня встретил в Санкт-Петербурге Радомин с чинами посольства. В день приезда я был у Лобанова и получил от оберцеремониймейстера письменное уведомление, что император и императрица примут меня на следующий день, 11 сентября в 12½ часа дня в Петергофе. Я отправился в сопровождении Ромберга из посольства по железной дороге и в 9½ часа дня приехал в Петергоф

в четверть 11-го, меня ожидала на станции придворная карета, в которой меня отвезли в один из павильонов Петергофского парка. К назначенному часу я поехал на маленькую виллу, где живет император, там меня встретил Бенкендорф, и несколько минут спустя я был введен в кабинет императора, он принял меня весьма любезно и указал мне место возле своего письменного стола.

Я передал приветствия императора Вильгельма II. Он спросил меня, как долго я был в Страсбурге и, выслушав мой ответ, сказал, что вполне понимает, что я неохотно переселился в Берлин и т. д. Потом он начал расспрашивать меня о наших африканских колониях; что касается восточноазиатского вопроса, то император выразил свое удовольствие по поводу того, что мы действуем в этом вопросе в полном согласии, хотя и существуют некоторые разногласия, но... переговоры, ведущиеся в Токио, довершат остальное. Император сообщил, что японцы ему весьма симпатичны, несмотря на полученную им рану, следы которой сохранились и по сей час. Все виденное им в этой стране произвело на него большое впечатление, поражен царствующим там величайшим порядком, деятельностью и умом населения. Китайцы — это недисциплинированная орда, у них есть хорошее оружие, пушки и крепости, но они не умеют пользоваться всем этим. Государь писал Вильгельму весной, что не будет ничего иметь против, если мы захотим приобрести что-либо в Китае, чтобы иметь там укрепленный пункт или угольную станцию. Я ответил, что император сообщил мне об этом под секретом и упомянул затем об островах Чуза, на которые имеют виды и англичане. “Да, — сказал император, они всегда хотят все захватить”. В заключение он упомянул об Армении, которая ему надоела, и он надеется, что с этим вопросом покончено. Разбой случается везде, армян грабят и на Кавказе; там с ними вечные хлопоты, поэтому пора кончать с этим вопросом, иначе волнения распространятся дальше. Прощаясь со мной, Его Величество поручил мне передать от него привет императору и добавил: “Скажите императору, чтобы он и впредь писал мне лично, когда ему понадобится что-либо сообщить мне”.

В 7 часов был обед у императора, я сидел между наследным принцем Мейтингенским и Воронцовым против русского импе-

ратора и императрицы. Музыка играла громко, и о разговоре нечего было и думать. Речь императора Вильгельма, отметившего традиционные дружественные отношения к России, была очень хороша. Русский император отвечал, что он воодушевлен теми же исконными чувствами, как Вильгельм. После обеда беседовали, а в 9 часов была вечерняя заря, продолжавшаяся до 11 часов. Публика стояла и сидела у окна и на террасе перед замком на ветру и сквозняке, музыка всех оглушала. На другой день в 2 часа мне была назначена аудиенция у Николая. Разговор снова коснулся политики, он очень сожалел о смерти Лобанова, который был ему полезен. Теперь приходится ему самому принимать решения и работать. По мнению императора, в волнениях на Крите и Армении виновата Англия. Главной задачей своей политики император считает русскую политику в Китае и Восточной Азии и окончание Сибирского пути. Япония деятельно вооружается, но у нее нет денег, сказал император, хотя контрибуция с Китая и даст японцам средства, но когда эти ресурсы истощатся, неизвестно, как они кончат свои вооружения, на это понадобятся годы, до тех пор Сибирский путь будет окончен и Россия будет готовой на всякий случай, тем более что Англия стремится подчинить своей власти всю Африку — от мыса Доброй Надежды до Египта.

Прощаясь, император вручил канцлеру орден Св. Андрея Первозванного, и когда Гогенлоэ, изъявляя свою благодарность, выразил свое намерение содействовать по мере сил поддержанию добрых отношений между Германией и Россией, государь сказал: “Это будет вам не трудно, так как эти отношения всегда останутся дружественными”»³.

17 октября 1900 г. был издан высочайший приказ об увольнении князя Гогенлоэ и награждении него орденом Черного Орла с бриллиантами. В мае 1901 г. Хлодвиг посетил могилы своих предков, оттуда поехал в Париж, где заболел, но, несмотря на упадок сил, отправился в Рагац, где и скончался 6 июня 1901 г.

Супруга Хлодвига Карла Виктора VII принца Гогенлоэ-Шиллингсфюрст, княгиня Мария Львовна Гогенлоэ, владевшая имениями в Виленской и Минской губерниях, поручила своему доверен-

ному лицу Николаю Куломзину произвести их оценку и юридическое обеспечение.

Куломзин обращается к графу Арсению Аркадьевичу Голенищеву-Кутузову 1 февраля 1893 г.: «31 января я отправился в имение Верки княгини Марии Львовны Гогенлоэ для переговоров с главноуправляющим всеми ее имениями г-ну Кноре. От него и управляющего имениями по Минской губернии Клацо я узнал, что площадь всех нераспроданных еще земель составляет около 300 000 десятин, оцениваемых княгиней в 6 млн руб. Земли эти расположены так: главное имение Верки Виленского уезда — в 5 верстах от Вильно, 2300 десятин, оцениваются в 500 000 руб. ввиду ценностистроек, хорошего сада и парка. Затем — 35 000 десятин в Огимягском уезде Виленской губернии и до 260 000 десятин в Минской губернии в уездах: Слуцком, Бобруйском и частью в Новогрудском, оцениваются около 5 ½ млн руб. Кноре объяснил, что площадь проданных по настоящее время земель составляет до 550 000 десятин, за которые выручено уже около 10 млн руб. Из этой площади 65 000 десятин, составляющих имение Смолевичи в 8 верстах от Минска, проданы еще неокончательно и тянутся на большое пространство, захватывая Минский, Игуменский и Борисовский уезды, пересекаются в трех местах железной дорогой. Имение это обременено контрактом, срок которому истекает через 14 лет. Арендатор-еврей имеет право выборочной рубки леса на всем пространстве дачи»⁴.

Княгиня Гогенлоэ владела имением Копачевичи и подала прошение о ссуде под это имение в Виленское отделение Государственного дворянского земельного банка⁵. 30 августа 1895 г. слушали предложение управляющего Дворянского земельного банка от 8 августа проверить все оценочные данные по имению княгини Гогенлоэ под названием Копачевичи и командировать для оценки В. В. Парского.

Обстоятельства дела следующие: заявлением от 28 сентября 1884 г. коллежский асессор В. Э. Регель испрашивает на основании высочайше утвержденных 6 июня 1894 г. правил на покупку имений в Западном крае выдать ссуду в размере 300 000 руб. под залог приобретаемого им от княгини Марии Львовны Гогенлоэ имения

Минской губернии Слуцкого уезда под названием Копачевичи в общем составе 9507 десятин 1176 сажень земли. 15 октября 1894 г. для оценки имения был командирован А. А. Кофод, который установил чистую доходность имения в 12 244 руб., определил стоимость его в 204 700 руб. Совет Государственного дворянского земельного банка в заседании 23 декабря 1894 г. постановил: оценить имение Копачевичи в 189 690 руб. и разрешить ссуду в 75 % оценки, то есть в 142 200 руб., сроком на 66 лет и 6 месяцев. 23 сентября 1894 г. поверенный княгини М. Л. Гогенлоэ-Шиллингсфюрст, дворянин Павел Карлович Кнорре, выдал расписку коллежскому асессору Вильгельму Эдуардовичу Регелю в том, что княгиня Гогенлоэ соглашается на подачу им заявления в Земельный банк о выдаче ссуды под залог ее имения Копачевичи с землею 4497,35 десятин с присоединением к сему имению земельных участков из имений той же губернии и уезда: Гарильчицы или Величковичский обруб 164,16 десятин; Старжины-Старобинской 4344,08 десятин, Роман 511,90 десятин, а всего с землею 9517,49 десятин со всеми в том имении строениями⁶. Членом Совета Государственного Дворянского Земельного Банка был Александр Дмитриевич Головнин⁷. Он и принимал решения о выдаче ссуды Гогенлоэ.

По духовному завещанию генерал-адъютанта Петра Львовича Сайн-Витгейнштейн-Берлебурга, утвержденному Виленской судебной палатой 8 апреля 1888 г., принадлежащие ему имения, расположенные в губерниях Западного края 853 000 десятин, перешли к княгине М. Л. Гогенлоэ, но на основании высочайшего указа от 14 марта 1887 г. подлежали обязательной продаже в трехлетний срок. Было отмечено, что остаются непроданными в Виленской губернии 38 454 десятин и в Минской губернии 23 009 десятин. Непроданной земли в Виленской губернии в имении Налибоки 34 352 десятин и имении Верки 1902 десятин, а в имении Кассуто 2200 десятин состоит во владении помещика Тукалло по контракту, в имении Любча не продано 6786 десятин земли⁸.

Княгиня Мария Львовна Гогенлоэ-Шиллингсфюрст духовным завещанием, совершенным в Страсбурге 10 февраля 1892 г., все свое движимое и недвижимое имущество, расположенное в Виленской, Минской и Гродненской губерниях, а также в Седлецкой губернии

Царства Польского, отписала в пожизненное владение своего супруга, князя Клодвига Гогенлоэ-Шиллингсфюрст⁹.

В Минской губернии в Слуцком уезде княгиня Мария Гогенлоэ-Шиллингсфюрст владела имениями Старобинской волости при селах Забродские, Слива Царевской волости; Старина, Зауше, Хржаново, Грозовок, Погост, Некраши, Чаплиц, Ивань, Красный-Ратков, Прусы, Докторовичи, Замирье Новогрудского уезда; Докудово Лидского уезда Виленской губернии. Минское губернское присутствие с 1902 по 1912 г. регулярно направляло финансовые отчеты в Департамент окладных сборов, что разрешены земельные сборы между чиншевиками и православными арендаторами и утверждены выкупные акты на участки арендаторов земельных участков от 12 до 20 десятин в имениях наследников княгини М. Л. Гогенлоэ-Шиллингсфюрст: Клодвига, Филиппа Эрнеста, Морица, Александра и Елисаветы Гогенлоэ-Шиллингсфюрст: Еремичи, Таль, Закально, Заслуже Бобруйского уезда Минской губернии; имение Калибоки с землями в деревнях Янковичи, Рудня, Голендерня, Налибоки, Пруды и Нестеровичи, состоящие в Виленской губернии Отшмянского уезда. По купчей крепости князя Гогенлоэ продали Фальц-Фейнам собственное имение Любче с фольварком Краевщизна в Новогрудском уезде Минской губернии 7052 десятин, имение это досталось наследникам после смерти княгини М. Л. Гогенлоэ-Шиллингсфюрст по духовному завещанию, утвержденному Виленским окружным судом 26 марта 1898 г.¹⁰

Петр Львович Витгенштейн подал прошение в Виленскую казенную палату, что духовным завещанием своим все движимое и недвижимое имущество отписал родной сестре, княгине Марии Львовне Гогенлоэ, за исключением майоратных имений Дружноселье Санкт-Петербургской губернии и Каменка Подольской губернии, которые отписаны брату, Фридриху Витгенштейну. Это духовное завещание утверждено к исполнению определением Виленской судебной палаты 8 апреля 1888 г., который решением 1 сентября 1888 г. установил ценность имущества перешедших к княгине Гогенлоэ в 14 123 178 руб. 19 коп.¹¹

До ХХI в. сохранились княжеские линии: цу Гогенлоэ-Лангенбург, цу Гогенлоэ-Эринген, фон Гогенлоэ-Бартенштейн, фон Гоген-

лоэ-Ягстберг, цу Гогенлоэ-Вальденбург и цу Гогенлоэ-Шиллингс-фюрст. В настоящее время во главе княжеского дома Сайн-Витгенштейн-Сайн стоит Александр цу Сайн-Витгенштейн-Сайн (1943), прямой потомок фельдмаршала Петра Христиановича Витгенштейн и праправнук Льва Петровича Витгенштейн и его второй жены, Леониллы Барятинской (1816–1918).

Александр цу Сайн-Витгенштейн-Сайн женился на графине Габриэле Шенборн-Визентейд (1950), у супругов родились пятеро сыновей и две дочери.

Графы и князья Гогенлоэ оставили заметный след в истории не только Европы, но и России, где владели имениями и занимались хозяйственной и дипломатической деятельностью.

Библиография

Источники

Рукописный отдел Института русской литературы РАН

РО ИРЛИ РАН. Ф. 265. Оп. 2. Д. 692. Тимошук В. В. Перевод с французского яз. дневниковых записей Гогенлоэ Хлодвиг Карла-Виктора о пребывании его в России в 1895–1896 г.

Российский государственный исторический архив

РГИА. Ф. 573. Оп. 12. Д. 14253. О возврате из казны княгине Марии Гогенлоэ. РГИА. Ф. 573. Оп. 13. Д. 15763. О рассрочке уплаты крепостных пошлин на пять лет потомственным почетным гражданам Карлу и Фридриху Эдуардовичам Фальц-Фейнам.

РГИА. Ф. 573. Оп. 13. Д. 16383. Об освобождении княгини Марии Гогенлоэ от пошлин за переход к ней долгового имущества князя Витгенштейна.

РГИА. Ф. 593. Оп. 1. Д. 317. О покупке Крестьянским банком имения княгини Гогенлоэ в Виленской и Минской губерниях. 1893 г.

РГИА. Ф. 573. Оп. 20. Д. 1478. Прошение князей Александра и Григория Сайн-Витгенштейн-Берлебургом о пожаловании им непроданных имений покойной княгини Марии Гогенлоэ. 25 февраля 1898 г.

РГИА. Ф. 593. Оп. 27. Д. 56. О выдаче ссуды коллежскому ассессору В. Э. Регелю на покупку имения Копачевичи, принадлежащего М. Л. Гогенлоэ Минского губернии Слуцкого уезда. 1894 г.

РГИА. Ф. 593. Оп. 230. Д. 25. Формулярные списки чиновников Главного дворянского земельного банка «Г».

Гогенлоэ Х. Мемуары кн. Гогенлоэ / пер. с нем. Г. Вильям; под ред. приват-доцента В. Фриче; с портретом кн. Гогенлоэ. М.: Русский труд, 1907.

Литература

Гогенлоэ Х. Мемуары кн. Гогенлоэ / пер. с нем. Г. Вильям; под ред. приват-доцента В. Фриче; с портретом кн. Гогенлоэ. М.: Русский труд, 1907.

Baumgart W. Chlodwig zu Hohenlohe-Schillingsfürst // Die deutschen Kanzler. Von Bismarck bis Kohl. 2. Auflage / Hrsg. Wilhelm v. Sternburg. Berlin, 1998. S. 55–67.

* * *

¹ Гогенлоэ Х. Мемуары кн. Гогенлоэ / пер. с нем. Г. Вильям; под ред. приват-доцента В. Фриче; с портретом кн. Гогенлоэ. М.: Русский труд, 1907.

² Baumgart W. Chlodwig zu Hohenlohe-Schillingsfürst // Die deutschen Kanzler. Von Bismarck bis Kohl. 2. Auflage / Hrsg. Wilhelm v. Sternburg. Berlin, 1998. S. 57.

³ РО ИРЛИ. Ф. 265. Оп. 2. Д. 692. Тимошук Вера Васильевна. Перевод с фр. дневниковых записей Гогенлоэ Хлодвиг Карла-Виктора о пребывании его в России в 1895–1896 гг. Л. 1–2.

⁴ РГИА. Ф. 593. Оп. 1. Д. 317. О покупке Крестьянским банком имения княгини Гогенлоэ в Виленской и Минской губерниях. 1893 г. Л. 2–7.

⁵ Государственный дворянский земельный банк основан в 1885 г. для поддержания землевладельцев потомственных дворян, располагался в Санкт-Петербурге на Адмиралтейской набережной, д. 14. Действия банка распространялись на европейскую часть Российской империи, ссуды выдавались помещикам под залог их земельных владений в размере 60–75 % от стоимости земли. Максимальный срок погашения ссуды, достигавший в начале 48 лет 4 месяцев, позже был увеличен до 51 года, а затем — до 66 лет 6 месяцев. Процент, уплачиваемый по ссуде, составлял в 1880-х годах 5–6 %, а к 1897 г. был снижен до 3,5 %. В 1890 г. деятельность банка была распространена на Закавказье, в 1894 г. — на западные губернии империи. Банк был упразднен декретом Совета народных комиссаров РСФСР от 25 ноября 1917 г.

⁶ РГИА. Ф. 593. Оп. 27. Д. 56. О выдаче ссуды коллежскому асессору В. Э. Регелю на покупку имения Копачевичи, принадлежащего М. Л. Гогенлоэ, в Минской губернии Слуцкого уезда. 1894 г.

⁷ РГИА. Ф. 593. Оп. 230. Д. 25. Формулярные списки чиновников Главного дворянского земельного банка «г». Л. 80–84.

Александр Дмитриевич Головин (1865–?) был предком автора этой статьи. Он происходил из потомственных дворян; его отец владел в Липецком уезде 760 десятинами и в Усманском уезде 857 десятинами. По окончании курса наук в лицее цесаревича Николая А. Д. Головин выдержал в Московском университете экзамен из предметов, читанных на юридическом факультете, и определением университета 15 февраля 1886 г. был утвержден в степени кандидата. Липецким очередным уездным дворянским собранием он избран на должность почетного мирового судьи Липецкого округа на 1888–1891 гг. Тамбовским губернским собранием 1889 г. Головин избран неперменным членом Тамбовской губернского по крестьянским делам присутствия на три года с 1890 г. Указом Правительствующего Сената по Департаменту гродзии от 10 июня 1898 г. за № 84 произведен за

выслугу лет в титулярные советники и указом Сената от 30 мая 1894 г. — в коллежские асессоры. Награжден орденом Св. Станислава 2-й ст. 6 декабря 1895 г.; за выслугу лет произведен в надворные советники 16 января 1899 г.; произведен в коллежские советники 4 марта 1902 г. Награжден орденами Св. Анны 2-й ст. 2 декабря 1899 г.; Св. Владимира 4-й ст. 6 декабря 1904 г. Дворянством Липецкого уезда избран в должность депутата дворянства того же уезда и утвержден в этой должности губернатором 14 января 1906 г. Очередным губернским собранием дворянства избран в должность члена Тамбовского отделения Главного земельного банка 14 января 1906 г., во второй раз избран на эту должность 23 января 1909 г.; за избранием другого лица в должности депутата дворянства выбыл из этой должности в 1909 г. А. Д. Головнин 15-е, а автор статьи П. А. Головнин — 17-е поколение от новгородского боярина Никиты Головни (1370?–1410?), который, «предводительствуя новгородским войском, разбил в 1401 г. под Холмогорами войско Московского великого князя Василия Дмитриевича, сына Дмитрия Донского, под командою Анфала Никитина (?–1418) в борьбе за Двинскую землю» (Российская родословная книга, изданная в 1857 г. князем П. В. Долгоруковым. С. 364–369). Н. М. Карамзин в «Истории Государства Российского», ссылаясь на Новгородскую летопись попа Иоанна, отмечает: «Рать московская без объявления войны вступила в Двинскую землю, будучи предводима новгородскими изменниками Анфалом и братом его Герасимом, расстригою. Они пленили двинского посадника, многих бояр и везде грабили без милосердия, но, разбитые под Холмогорами, оставили пленников и бежали в самый Петров день. Степан Иванович, брате его Михайло и Микита Головня, скопив около себя важен и сугнав Анфала и Герасима на Колмогорах, освободили Новгородскую землю.

⁸ РГИА. Ф. 573. Оп. 20. Д. 1478. Прошение князей Александра и Григория Сайн-Виттештейн-Берлебургом о пожаловании им непроданных имений покойной княгини Марии Гогенлоэ. 25 февраля 1898 г. Л. 13.

⁹ РГИА. Ф. 573. Оп. 13. Д. 16383. Об освобождении княгини Марии Гогенлоэ от пошлин за переход к ней долгового имущества князя Витгенштейна. Л. 4.

¹⁰ РГИА. Ф. 573. Оп. 13. Д. 15763. О рассрочке уплаты крепостных пошлин на пять лет потомственным почетным гражданам Карлу и Фридриху Эдуардовичам Фальц-Фейнам.

¹¹ РГИА. Ф. 573. Оп. 12. Д. 14253. О возврате из казны княгине Марии Гогенлоэ.

Немецкие профессионалы на службе Петербургу и России

И. М. Могилевич

**«РЫЦАРЬ СОЛНЦА» —
АНДРЕЙ КАРЛОВИЧ АМБУРГЕР**

Русский дипломат Андрей Карлович Амбургер (1794–1830) был младшим сыном выходца из Гессена купца Карла Людвиг Амбургера. Благодаря высоким покровителям в 22 года А. К. Амбургер вышел из купеческого сословия и стал чиновником МИДа. Он (канцелярист) вместе с А. С. Грибоедовым (секретарь) были причислены к русскому представительству в Тавризе (Персия). Амбургер быстро овладел персидским языком; много ездил по стране, исполнял ответственные дипломатические поручения, сопровождал посольства. После окончания Персидской войны 1826–1827 гг. он стал генеральным консулом в Персии, где скончался в эпидемию холеры. В статье, кроме биографических сведений, приводится информация о предпринимательской деятельности его отца и братьев и описываются некоторые аспекты русско-персидских отношений первой трети XIX в.

Ключевые слова: Амбургеры, Вейкарды, Сперанские, А. С. Меншиков, С. И. Мазарович, И. С. Мальцов, Джон Макнейл, русско-персидские отношения первой трети XIX в.

I. M. Mogilevich

“KNIGHT OF THE SUN” — ANDREY KARLOVICH AMBURGER

Russian diplomat Andrey Karlovich Amburger (1794–1830) was the youngest son of a native of Hesse, merchant Karl Ludwig Amburger. Thanks to lofty patrons, at the age of 22 he left the merchant corporation and became an official of the Ministry of Foreign Affairs. He (clerk) together with A. S. Griboedov (secretary) were assigned to the Russian representation in Tabriz (Persia). Amburger quickly mastered the Persian language; traveled a lot around the country, carried out important diplomatic missions, accompanied embassies. After the end of the Persian War of 1826–1827 he became consul general in Persia, where he died in a cholera epidemic. In addition to biographical information, the article provides information about the business activities of his father and brothers and some aspects of Russian-Persian relations in the first third of the XIX century.

Keywords: Amburgers, Weikards, Speranskys, A. S. Menshikov, S. I. Mazarovich, I. S. Mal'tsov, John McNeil, Russian-Persian relations in the first third of the 19th century.

«Рыцарем солнца» назвал Андрея Карловича Амбургера выдающийся государственный деятель М. М. Сперанский¹ (1772–1839), сыгравший значительную роль в его судьбе. А. С. Грибоедов (1790–1829), чьим коллегой по службе в Персии был Амбургер, называл его «хороший малый»². Современные исследователи биографий живших в России немецких семей активно пользуются бесценным справочником Эрика Амбургера (1907–2001)³. Эрик Николаевич приходится дальним родственником Андрею Карловичу. Последний является родным племянником Фридриха Вильгельма Амбургера (1745–1820), а Эрик Николаевич — его прямой праправнук. Известен фундаментальный обзор жизни и деятельности Амбургеров в России⁴. И хотя большая часть этой работы посвящена прямым предкам самого Эрика Николаевича (то есть линии купца Фридриха Вильгельма), он не мог обойти молчанием такую примечательную фигуру, как Андрей Карлович. Учитывая, что семейная хроника Амбургеров доступна только по-немецки, а также то, что за три десятилетия, прошедших после ее публикации, выявлено немало относящихся к теме источников, будет полезно вновь обратиться к судьбе «рыцаря солнца».

Отец и дядя Андрея Амбургера

В России (в Москве, Петербурге, Архангельске и Прибалтике) в конце XVIII и начале XIX в. существовали несколько купеческих компаний с участием Амбургеров. В самом начале XIX в. крупнейшей торговой компанией Петербурга была *Amburger & Co*, принадлежащая Фридриху Вильгельму. В 1818 г. ее оборот достигал чуть более 1 млн руб. по экспорту и 340,5 тыс. руб. по импорту⁵, в то время как среднегодовой совокупный морской торговый оборот России того времени составлял чуть менее 100 млн руб.⁶ Европейские войны начала XIX в. привели к сокращению торговли, особенно морской, что отразилось на благосостоянии семьи Ф. В. Амбургера. В 1824 г. фамильным домом этой ветви семьи на Малой Морской владели сыновья основателя династии, уже перешедшие из первой во вторую купеческую гильдию⁷. Еще через 20 лет двое его внуков служили на Петербургской бирже маклером и браковщиком⁸. И если переход в другую гильдию мог состояться по фис-

кальным соображениям (ежегодный гильдейский сбор составлял 1 % с объявленного капитала)⁹, то маклерам петербургского порта становились обанкротившиеся купцы, чья добросовестность не вызывала сомнений в профессиональном сообществе («невинно упавшие»)¹⁰.

Коммерция была родовым делом Ф. В. Амбургера: его отец, Иоганн Андреас Амбургер (1696–1788), был купцом, купцом был и его старший брат, Карл Людвиг (1743–1817). Самый старший их брат, Иоганн Андреас (1741–1809), стал доктором медицины, что указывает на присущие этой семье широту взглядов и внимание к наклонностям детей¹¹.

Братья-купцы Карл и Фридрих Амбургеры приехали в Россию уже опытными предпринимателями в середине 1770-х годов из Франкфурта-на-Майне. В 3-й (1761) ревизской сказке имя К. Л. Амбургера отсутствует; 4-ю ревизскую сказку (1781) он пропустил из-за отлучки в Европу; по его словам, зафиксированным в 5-й сказке (1794), он приехал в Россию «в 795 г.», что является явной опиской и, очевидно, означает «в 1775 г.»¹², что неплохо согласуется с 1774 г., указанным летописцем семьи на основании членства в Английском клобе¹³. Трудно считать совпадением, но упростивший торговлю и предпринимательство в России указ «Манифест о высочайше дарованным разным сословиям милостей...» (17 марта 1775 г.) с дополнением (25 мая 1775 г.) появился в это же время.

Карл Людвиг сразу перешел в русское подданство, вступил в 1-ю купеческую гильдию Москвы и вскоре женился. (Возможно, быстрая смена подданства была вызвана коммерческой необходимостью: доступ к кредитам Купеческого банка был открыт только для русских¹⁴.) Видимо, первое время в России оба брата действовали сообща, так как в их первое «русское» десятилетие из страны выезжал только Фридрих Вильгельм (наверное, для заключения торговых и фрахтовых сделок¹⁵). Старший брат (Карл Людвиг) занимался экспортными товарами, более доступными в Москве, чем в столице; но с 1778 г. уже известна принадлежащая ему «Амбургерова артель» Санкт-Петербургской биржи¹⁶, занимавшаяся погрузкой-выгрузкой, складированием и охраной товаров в петербургском порту. В 1787 г. годовой оборот другой компании Карла

Людвига, «Амбургер & сын» (сыну было в тот год 9 лет), превысил 0,5 млн руб., и по этому показателю она была первой в столице¹⁷. Но далее оборот только снижался, и в 1795 г. (сыновьям было 17, 8, 5 и 1 год) он немного превышал 180 тыс.¹⁸ Кроме экспортно-импортных операций, Карл Людвиг Амбургер в Петербурге владел небольшими предприятиями и недвижимостью¹⁹.

К. Л. Амбургер связывал будущее своей семьи с Россией. Впрочем, и Фридрих Вильгельм Амбургер тоже, о чем свидетельствует его имя в списке крупнейших жертвователей (8 тыс. руб.) на земское ополчение 1806 г.²⁰ Карл Амбургер быстро освоил русский язык (как устный, так и письменный)²¹. Хотя несения выборной службы в Москве он избегал²², но в Петербурге был завсегдатаем Английского клуба и даже избирался его старшиной в 1798 г.²³, что свидетельствует об установлении им многочисленных неформальных связей. Его женой стала москвичка София Генриетта (Софья Ивановна) Лербасс (1759–1829), дочь столярного мастера, прибывшего в Россию еще в первой половине XVIII в.²⁴ О дате ее рождения историк *Amburger* не высказался определенно: в одном месте он указал 1759 г., в другом — на выход замуж 16-летней Софии Генриетты в 1775 г., в третьем — на 20-летнюю разницу в возрасте с мужем, что указывает на 1765 г. как год ее рождения. Удивительно, но 1763 г. указан в известном справочнике Саитова²⁵, что, судя по датам рождения детей, кажется несообразным.

В Петербурге выросли семеро их детей: Мария (1776–1855), Иоганн (1778–1811), Елизавета (1779–1836), София (1781–1866), Карл (1787–1824), Фридрих (1790–1858) и Андрей (1794–1830); еще две девочки скончались в младенчестве²⁶ (см. схему). Все дети окончили старейшую школу Петербурга — Петришуле (мальчики начинали учиться с 9 лет, девочки — с 11)²⁷. Судя по упоминаниям в известных летописцу семьи письмах, жена Карла Людвига была внешне привлекательной, воспитанной и общительной женщиной; благодаря русским няням первым языком ее детей был русский²⁸.

Собственный торговый флот России конца XVIII — начала XIX в. был ничтожен, поэтому торговля шла на фрахтуемых (в основном британских) судах. О кризисном состоянии торгового флота России рубежа XVIII–XIX вв. свидетельствует тот факт, что

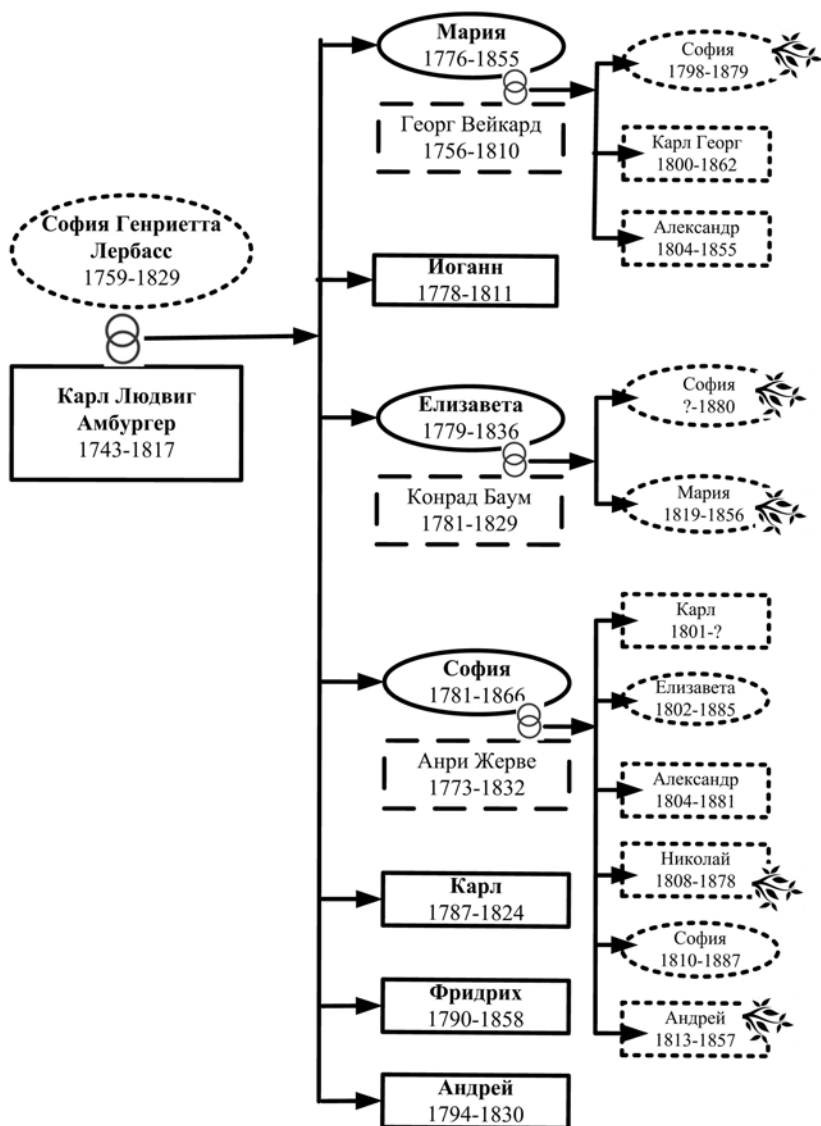

Схема родственных связей Амбургеров (сплошные линии),

Вейкард, Жерве и Баум (штрихи) согласно *Amburger*.

Сопреженные кольца — брак; веточка — наличие потомков

в целях сокращения огромного государственного долга времени правления Екатерины II для вывоза леса из России с 1802 г. стали использовать военно-морские фрегаты²⁹. Поэтому последовавший после Тильзитского мира запрет на торговлю с Британией был чрезвычайно тяжел для русской экономики. Континентальная блокада, продолжавшаяся с 1808 по 1812 г., отличалась особой строгостью в 1809 и 1810 гг., но затем русские власти, начавшие тайную подготовку к войне с Францией, стали менее последовательно соблюдать ее условия. Резкое ухудшение дел компании К. Л. Амбургера в 1810 г. было связано не только с континентальной блокадой, но и резко выросшими таможенными тарифами, введенными согласно программе оздоровления финансов России, предложенной М. М. Сперанским³⁰ (1772–1839). Пошатнувшиеся торговые дела К. Л. Амбургера в Петербурге (порте, ориентированном на торговлю с Британией) вынудили его перенести деятельность в Ригу (более связанную с европейскими, а не британскими портами и принимавшую во время блокады основную массу так называемых нейтральных судов, а также ставшую центром нелегальной торговли по поддельным документам и продажи конфискованного товара)³¹.

В 1810 г., подолгу живя в Риге, Карл Людвиг стал пайщиком коммерческой компании своего зятя Баума и посылал старшего сына Иоганна в Великобританию для оформления нелегального фрахта. Все это К. Л. Амбургер делал для спасения собственного торгового дома и поддержания достойной жизни своей семьи и семьи своей овдовевшей старшей дочери Марии. Карл Людвиг Амбургер взялся и за выполнение «государственного заказа»: он в Риге возглавил контору, проводившую аукционные торги конфискованных грузов. По согласованию с Коммерц-коллегией на товары были установлены минимальные цены; расчеты по торгам шли не только деньгами, но и векселями, и риск надежности векселя лежал полностью на аукционистах. Риск был Амбургером недооценен, у него на руках к 1816 г. остались векселя почти на 40 тыс. руб., выплату которых он пытался отсрочить на 12 лет. Министерство согласовало отсрочку на 6 лет (к 1822 г.), но император не одобрил эти условия, хотя аукционный комитет, возглав-

ляемый К. Л. Амбургером, принес в казну на 2 млн руб. больше, чем предполагали минимальные установленные цены³².

3 января 1807 г. в России был введен закон «О дарованных купечеству новых выгодах...» Нет единого мнения о том, сумели ли введенные новшества (новые правила функционирования торговых купеческих товариществ и торговых домов; отмена социальных ограничений внутри таких объединений; включение предпринимательства и торговли, наряду с гражданской и военной службой, в допустимые для дворянина занятия; отмена льгот и преференций иностранцам, занятых торговлей и производством; новые правила функционирования купеческих гильдий; перераспределение фискальных доходов между центром и местами) компенсировать вред от континентальной блокады. Для бизнеса К. Л. Амбургера блокада стала фатальной; дела его младшего брата, Ф. В. Амбургера, также сильно пошатнулись. В это время прекратили свое существование и куда более сильные компании; к примеру «Беломорская сельдяная компания» с участием государственного капитала и частного капитала канцлера Н. П. Румянцева (1754–1826), созданная в 1803 г. для рыболовства, кораблестроения и импорта рыбы в Европу силами собственного флота³³, обанкротилась в 1813 г., не возвратив огромные суммы кредитов и объявив, что ее «разорили англичане»³⁴.

По-видимому, К. Л. Амбургер был активным и волевым человеком: несколько раз в попытках развернуть ситуацию в свою пользу он обращался с прошениями на высочайшее имя. Так случилось, к примеру, в 1811 г., когда русское правительство, желая стимулировать отечественную сахарную промышленность, неожиданно запретило ввоз рафинированного сахара, а тростниковый сырец обложило 50%-ной пошлиной. На беду Амбургера три судна, на которых находился закупленный им сахар-сырец, из-за ранней зимы смогли появиться в Риге уже после ввода высокой пошлины; развернуть корабли он не мог, так как на них находились и товары других владельцев. Прошение К. Л. Амбургера на высочайшее имя с просьбой разрешить выгрузить товар в Риге, оплатить прежнюю пошлину и вывезти сахар через сухопутную границу для продажи в Европе было поддержано министром финансов Д. А. Гурьевым

(1758–1825). Император тоже посчитал справедливым удовлетворить прошение, но Государственный совет не одобрил такое исключение³⁵.

Активный предприниматель, Карл Людвиг Амбургер пытался диверсифицировать свои риски и организовал ткацкую мануфактуру, для которой в 1804 г. ввез из Европы оборудование³⁶. В 1807 г. он арендовал пустующее после закрытия казенного фаянсового производства помещение в Красном Селе и запустил ленточное производство³⁷. На его фабрике работали ткачами поначалу семеро, потом — дюжина подростков из близлежащих деревень с оплатой в 3–6 руб. в месяц при 14-часовом рабочем дне и 6-дневной неделе. В 1810 г. фабрика начала выпуск шелкового бархата, на ней работали уже двадцать ткачей и управлял производством, кроме нанятого приказчика, старший сын К. Л. Амбургера Иоганн³⁸.

Об известности и уважении, которым пользовался К. Л. Амбургер в столице, свидетельствует его избрание в немецкую часть церковного совета петербургской реформатской общины³⁹. О его профессиональном авторитете говорит его участие (по просьбе кредиторов обанкротившегося купца М. Г. Трозина) в оценке имущества последнего на Матисовом острове (обширный участок земли с садом, пристанью и пивоваренным, водочным и сахарным заводами). С проведенной оценкой банкрот не согласился, обвинил оценщиков в занижении стоимости имущества⁴⁰, что привело к многолетним судебным разбирательствам с необходимостью внесения значительного (100 тыс. руб.) денежного залога самим К. Л. Амбургером⁴¹.

По-видимому, семья Амбургеров была очень дружной и сплоченной: две дочери, Мария и София, вышедшие замуж еще во времена финансового благополучия отца, не теряли связи с родительским домом; средняя дочь, Елизавета, по мнению близких, пожертвовала собой при выборе мужа (Конрада Баума (1781–1829), бывшего сотрудника ее отца, затем ставшего самостоятельным предпринимателем⁴²), так как хотела поддержать уже пошатнувшееся финансовое благополучие родителей⁴³. Особую тревогу семейства Амбургеров, большинство детей которого родились здоровыми и благополучно выросли, вызывали хилость, болезни

и смерти младенцев Елизаветы Баум, что Амбургеры дружно относили к вине ее супруга⁴⁴.

Братья Андрея Амбургера

Европейские и турецкие войны конца XVIII в. сделали Лондон начала XIX в. мировой финансовой и торговой столицей, так как там нашли пристанище многочисленные немецкие и греческие компании⁴⁵. Часто бывали там и русские купцы. В конце 1811 г. 33-летний Иоганн Амбургер неожиданно скончался в Лондоне⁴⁶ (но похоронен был на семейном участке Волковского кладбища). Через шесть лет обанкротился⁴⁷ и вскоре скончался в Петербурге Карл Людвиг Амбургер.

По завещанию отца ленточная фабрика досталась его третьему сыну, Фридриху Амбургеру⁴⁸. Он родился под удары пушек Русско-шведской войны, и его марбургская бабушка напороочила «Резвому» (Friterig на гессенском диалекте) быть военным⁴⁹. И точно, в 1815 г. Фридрих Амбургер вышел из купеческого сословия на военную службу и на момент кончины отца был прапорщиком Изюмского (по другому источнику — Сумского) гусарского полка. Он был первым из многочисленных потомков эмигрировавших в Россию братьев-купцов Амбургеров, кто вступил в русскую государственную службу. Чуть позднее его примеру последовал и младший брат Андрей, а потом и многочисленные внуки купца Фридриха Вильгельма, которые стали учителями, врачами, учеными и чиновниками, работавшими в России. Служил Федор Карлович Амбургер (так в формулярах назван Фридрих) в штабе 1-й армии, потом в Риге (в администрации маркиза Паулуччи), участвовал в Польской кампании 1830–1831 гг.; уже подполковником служил в Оренбургском крае, по состоянию здоровья ненадолго выходил в отставку. В 1841 г. Ф. К. Амбургер полковником вернулся служить на Кавказскую линию и участвовал в карательных экспедициях против горских народов. В 1853 г. он стал генерал-майором и получил более спокойное назначение комендантом Ереванской крепости. Фридрих Амбургер (как и все сыновья купца Карла Людвига) остался холостяком; возможно, отголоском романтической истории 1819 г. во Владимире является его попытка получить личное дво-

ряństwo по выслуге; но неверно оформленное дело не было утверждено в Сенате и более не возобновлялось. Скончался генерал-майор Амбургер в Ереване в 1859 г.⁵⁰ и, по-видимому, связи со старшими сестрами не поддерживал.

Второму сыну Карла Людвиг Амбургера, Карлу Карловичу Амбургеру, служившему на петербургской бирже⁵¹, не хватало времени (или способностей) вести дела Красносельской ленточной фабрики. Он даже не сумел услужить благоволившему к его семье М. М. Сперанскому, поручившему ему в 1819 г. продажу своего петербургского дома⁵². В 1820 г. М. М. Сперанский из Тобольска передал старшей дочери купца К. Л. Амбургера Марии Карловне 5 тыс. руб. для покрытия долгов Карла Карловича (без отдачи)⁵³. В 1823 г. из-за невыплаты оброчных платежей начался процесс банкротства Красносельской фабрики. Вдова Карла Людвига пробовала остановить процесс, но ей это не удалось⁵⁴.

Несмотря на все эти неприятности и неудачи, в родительском доме Андрея Амбургера царила веселая и бодрая атмосфера, о чем с оттенком зависти писал один из частых его гостей (М. М. Сперанский), соболезнуя смерти главы семейства: «Бедная Софья Ивановна! Мне давно казалось (и у меня были какие-то предчувствия), что все сие семейство *<неразб.>*. много видело в жизни своей радостей или, лучше сказать, слишком удачно умело из всего делать себе радости; к ним счастье так пристало <...>; а кого любит Бог, того и наказует. Впрочем, я твердо уверен, что наказание не будет тяжко: ибо они переносят его с покорностью и терпением»⁵⁵.

Появление имени первейшего деятеля Александровского и Николаевского царствований рядом с именем вдовы купца-банкрота кажется удивительным; тем не менее судьба устроила так, что семьи двух дочерей К. Л. Амбургера (Марии и Софии) стали близки Сперанскому в важнейший период его жизни. И краткое описание этих обстоятельств не будет отклонением от рассказа о жизни Андрея Карловича Амбургера, ибо не только объясняет появление высокого покровительства, но и характеризует его родительскую семью, семью людей деятельных, ответственных, честных и совестливых, семью, на короткое время оказавшуюся не только экономически благополучной, но и приближенной к «высшим сферам».

Высокое покровительство

Сближение сословий, недолго наблюдавшееся в России в первые годы Александровского царствования, объясняют не только приходом в Россию европейской моды на сочинения Ж.-Ж. Руссо, но и активным желанием правящих кругов страны преодолеть экономический и финансовый кризисы, в которые погрузилась Россия по окончании века Екатерины Великой. Инструментами исправления положения полагали реформирование финансов и стимулирование промышленности. Первые годы царствования императора Александра I отмечены не только попытками тотального реформирования, но и «демократизацией» поведения императора и его нового двора. Многолетняя интимная переписка императора с ректором Харьковского университета В. Н. Каразиным (1773–1842) и ректором Дерптского университета Г. Ф. Парротом (1767–1852) вызывает недоумение исследователей⁵⁶ и указывает на высочайшую потребность в сентиментальной дружбе. Дополняет эту картину и свидетельство летописца семьи Амбургеров о происходивших до 1812 г. чаепитиях Александра I с дамами и девицами из немецкого купечества⁵⁷. Одна из этих чаевниц (жена купца Иоганна Машмейера) стала потом крестной матерью Андрея Амбургера; ее дочь во втором браке с Карлом Фридрихом Амбургером (1782–1827) стала невесткой дяди Андрея Карловича.

В конце 1798 г. М. М. Сперанский женился на Элизабет Стивенс (1781–1799), мать которой служила гувернанткой⁵⁸ в доме графа А. П. Шувалова (1742–1789). Элизабет была близкой подругой сестер Амбургер (Марии и Софии), вышедших замуж примерно в это же время. На руках Марии Карловны, ставшей в 1797 г. женой домашнего врача графа А. П. Шувалова Георга Николауса (Егора Николаевича) Вейкарда (1756–1810), и скончалась Элизабет Сперанская два месяца спустя после рождения дочери Елизаветы⁵⁹.

Этнический немец, доктор медицины с дипломом Парижского университета Г. Н. Вейкард последовал с семьей графа А. П. Шувалова из Европы в Россию и не покинул этот дом и после кончины графа Андрея Петровича. Вероятно, знакомство Амбургеров с Вейкардом произошло или в частном доме, или у Шуваловых, но не

в церковном собрании, так как Вейкард был католиком. (В современной литературе врача Егора Николаевича Вейкарда часто путают с его братом, Мельхиором Адамом Вейкардом (1742–1803), приехавшим в Россию по вызову брата и вскоре покинувшим Петербург. Последний из упомянутых Вейкардов оставил интересные записки о своем пребывании в России и сиятельных пациентах⁶⁰.) По роду своей многообразной деятельности, особенно активизировавшейся после 1782 г. (крупнейший откупщик, владелец мануфактур, управляющий государственной шпалерной мануфактурой и несколькими банками, пропагандист вексельного обращения), граф А. П. Шувалов и сам водил знакомство с дельцами и купцами⁶¹. После кончины графа его сыновья продолжали бывать на вечерах в доме К. Л. Амбурге⁶².

В 1810 г. (апогей карьеры Сперанского) Мария Карловна Вейкард овдовела, оставшись с дочерью (почти ровесницей дочери Сперанского) и двумя сыновьями на руках (см. схему). Ее родители приняли заботу о них на себя. Словно затем, чтобы на долгие годы связать Вейкардов и Сперанских, судьба устроила так, что на глазах у Марии Карловны произошло необъяснимое падение Сперанского: 17 марта 1812 г. с обеда у М. К. Вейкард Сперанского срочно вызвали во дворец; затем без каких-либо разбирательств в сопровождении полицейского в ту же ночь он был отправлен в ссылку сначала в Нижний Новгород, а потом в Пермь. Наутро после прерванного обеда обеспокоенная Мария Карловна отправилась к Сперанскому на квартиру и застала его растерянную дочку-подростка и погрузку в сани всех бумаг из кабинета бывшего Государственного секретаря. С этого момента Мария Вейкард начала опекать Е. М. Сперанскую, забрала Елизавету к себе в дом, воспитывала и учила вместе со своими детьми, часто писала опальному Сперанскому, привозила дочь к отцу «на побывку» в места его ссылок, следила, чтобы Елизавета регулярными письмами поддерживала отца. Английские бабушка и тетя Елизаветы Михайловны до 1816 г. жили в России, но девочка часто и подолгу жила в семье Вейкардов: современник (немецкий купец) был совершенно очарован двумя крошками (Софией Вейкард и Елизаветой Сперанской), бойко болтавших по-русски и затруднявшихся в немецком⁶³.

Сохранившиеся письма Сперанского к дочери⁶⁴ передают ответ домашней атмосферы дома Марии Карловны, после 1817 г. ставшего и главным домом для вдовы и сыновей купца К. Л. Амбургера. Книги и ученье были в доме буквально идолами; особое внимание уделялось изучению языков; дочь Сперанского продолжала совершенствовать свой английский, осваивать который начала с бабушкой и тетей еще до ареста отца; в доме Вейкардов она изучила французский, итальянский (эти два языка знали ее бабушка и мать⁶⁵) и немецкий. Не очень загруженный работой в Пензе, в 1818 г. Сперанский улучшил свой немецкий по методу, предложенной Марией Карловной, заключавшейся в чтении Библии. Он с улыбкой писал дочери, чтобы она передала своей опекунше, что он уже готов читать ее немецкие письма: «...она может теперь исполнить свое желание писать ко мне по-немецки и даже немецкими буквами <...>; я научился разбирать сии безобразные козюльки»⁶⁶. Так же шутило он предостерегал дочь от изучения турецкого и татарского: «ты меня замучишь, если мне везде за тобою следовать должно»⁶⁷. (Эта шутка относится к декабрю 1818 г., то есть ко времени, когда брат Марии Карловны Вейкард, Андрей Карлович Амбургер, уже третий месяц жил в Тифлисе, готовясь к отъезду в Персию. По-видимому, он занимался восточными языками, о чем сообщил сестре и возбудил интерес способной к языкам Е. М. Сперанской.) Складывается с духом немецкой традиции и сданный в октябре 1819 г. дочерью Сперанского экзамен на домашнюю учительницу⁶⁸. (Мария Карловна, так много потерявшая со своим ранним вдовством, пыталась вооружить Елизавету Сперанскую перед неизвестной будущностью, ведь образованным бессемейным лютеранкам школьное преподавание давало кусок хлеба.)

Взаимная привязанность Марии Вейкард и Елизаветы Сперанской сыграли ключевую роль в судьбе не только детей самой Марии Карловны, но и ее младших братьев. Сперанский называл Марию Карловну «маменькой» своей дочери⁶⁹ и долгие годы помогал материально ее семье (куда входили и ее братья Амбургеры) и протезировал им по службе. Сперанский не только утешал Марию Карловну в 1817 г.: «Дети найдут себе путь трудами»⁷⁰, но делал и вдове К. Л. Амбургера (Софье Ивановне), и его уже взрослым

детям (Марии и Карлу) ценные подарки, платил их долги⁷¹. Но не только деньгами пытался поддержать Сперанский совершенно обедневшую семью К. Л. Амбургера: в его письмах разбросаны тонкие психологические замечания о поведении двух сыновей-подростков Марии Карловны⁷², росших в женском окружении. (Тут проявилась не только наблюдательность, но и практический опыт преподавания Сперанским точных и гуманитарных наук в семинарии.)

Мало того, в мае 1819 г. Сперанский взял к себе на службу в канцелярию генерал-губернатора Сибири⁷³ старшего сына Марии Карловны, Егора Егоровича (Георгия Георгиевича, при крещении — Карла Георга) Вейкарда (1800–1862). Возможно, решение лично опекать молодого человека было вызвано не только желанием отблагодарить Марию Карловну, но и беспокоившей Сперанского взаимной симпатией Егора Егоровича и Елизаветы Михайловны. Симпатия эта отразилась не только в сплетнях, возникших позднее на фоне очень неблагоприятной семейной жизни Елизаветы Сперанской (отец просватал ее за племянника своего первого патрона — князя В. П. Кочубея (1768–1834)), но и зафиксированной в семейных хрониках Амбургов⁷⁴. После трехлетней службы со Сперанским в Сибири в 1819–1821 гг. Егор Вейкард за год окончил Московскую школу колонновожатых. (Обучающиеся в ней в зависимости от уровня математической подготовки, выясненной при поступлении, распределялись по пяти классам; организация очень интенсивной учебы позволяла пройти экстернат и освоить все теоретические дисциплины за год⁷⁵. Затем следовали практические летние занятия по геодезии и картографии и выпуск с чином офицера по квартирмейстерской части.) В 1823 г. Егор Вейкард отправился служить в штаб 2-й армии в Тульчине⁷⁶. Тогда же по просьбе дочери, уже ожидавшей появления первенца в имении своего мужа, Сперанский вновь хлопотал о переводе Е. Е. Вейкарда в Петербург; это ему удалось, но он предупредил дочь: «Между нами, он много мне стоит — но, по крайней мере, есть большая надежда, что он впоследствии оправдает и учение, и издержки. <...> Таким образом, все долги мои уплачиваются и скоро ничего на мне не будет, кроме наличных издержек, кои я всегда рад нести, если к тому случай

и возможность»⁷⁷. Благодаря протекции Сперанского Егор Вейкард служил в гвардейских полках Петербурга. Он участвовал в турецкой кампании 1828–1829 гг.⁷⁸, но в сорок лет (капитаном) вышел в отставку и поступил на службу (титулярным советником) в Департамент внешней торговли Министерства финансов, а затем 15 лет (до своей кончины) служил в Петербургской таможне, явив, таким образом, «генетическую» склонность к занятиям своего деда, Карла Людвига Амбургера, а не к государственной службе.

Но остановиться только на имени Сперанского при обсуждении покровителей Андрея Амбургера недостаточно: тут, возможно, действовал и муж другой сестры Андрея Карловича — Софии Карловны Жерве (см. схему). Поводом к высылке Сперанского в марте 1812 г. послужило с запозданием открытое превышение им своих полномочий в деле передачи информации от подкупленного оберкамергера Ш. М. Талейрана (1754–1838). В 1807–1810 гг.(!) Талейран через секретаря русского посольства в Париже К. В. Нессельроде (1780–1862) продавал важные сведения Александру I. Расшифрованные донесения в Петербурге попадали к императору; он их просматривал, и по его указаниям Сперанский составлял уже новое, искаженное донесение, которое вместо оригинала доставлялось министру иностранных дел графу Румянцову⁷⁹. Вдумчивый Сперанский не ограничивался составлением ложных депеш для русского министра и ответных депеш агенту в Париж; он через чиновника МИДа Андрея Андреевича (Анри) Жерве (1773–1832)⁸⁰ знакомился и с расшифрованными парижскими оригиналами⁸¹.

Жерве был давним другом Сперанского, вхож в круг графа А. П. Шувалова. В 1801 г. он женился на Софье Карловне Амбургер⁸². Узнав об аресте криптографа, Жерве сообщил императору о своей вине и полной невиновности шифровальщика, за что был прощен, но удален из секретного отдела. Позднее он перешел на службу в Министерство финансов, где исполнял деликатные поручения по займам и платежам. Сперанский был крестным отцом у троих старших детей Жерве⁸³ (см. схему). Жерве курировал банковские счета уже опального Сперанского, обеспечивавших существование его дочери во время его ссылки⁸⁴, и даже отправлял ему обозы с домашними вещами⁸⁵. Для понимания того, как мог уже находив-

шийся в опале Сперанский ходатайствовать в МИДе об Андрее Амбургере, следует указать, что рекомендовал в статс-секретари по иностранным делам мелкого чиновника К. В. Нессельроде императору Александру именно Сперанский⁸⁶, и будущий министр иностранных дел и канцлер этого не забывал.

Английская исследовательница Э. Харден высказала догадку⁸⁷, что протекцию Андрею Амбургеру для поступления на службу в МИД мог оказать не только сохранивший связи с министром Нессельроде М. М. Сперанский (в эти годы бывший пензенским гражданским губернатором на полуопадном положении), но и зять Андрея Карловича — А. А. Жерве. О верности этого предположения говорят строки письма М. М. Сперанского дочери, посланного из Пензы в Петербург в конце октября 1818 г., из которого следует, что семья Амбургов отъезд Андрея Карловича в Персию не одобряла, а на просьбу дочери посодействовать карьере Андрея в столице прежде всесильный сановник отвечал: «К сожалению, никак и ни в чем не могу я пособить. Да и как пособить отсюда?!»⁸⁸

Андрей Карлович Амбургер

Младший сын купца К. Л. Амбургера, Андрей Карлович, родился в Петербурге; в 1794 г. он окончил, как и все дети этой семьи, Петришуле. Вслед за братом Фридрихом, сделавшим это в 1815 г., он в 1816 г. пожелал «избрать другую жизнь» (таково было официальное обозначение выхода из купеческого сословия). И если избрание военной карьеры было выгодно купеческому обществу, так как снижало рекрутскую повинность с гильдии⁸⁹, то уход в «статские» потребовал изрядной гибкости. В ноябре 1816 г. Андрей Амбургер подал прошение министру внутренних дел о желании служить в Департаменте мануфактур и внутренней торговли, «где я могу быть полезен по приобретенным мною опытам в торговле и в фабричных производствах при родительском моем доме и по знанию четырех языков, как-то: российского, немецкого, французского и английского»⁹⁰. Прошение было удовлетворено; в январе 1817 г. московское купеческое собрание «отпустило» Андрея Амбургера; в ноябре 1817 г., уже после кончины отца, Андрей Карлович, служивший в вышеуказанном департаменте «канцеляристом

на своем содержании» по прошению был уволен с хорошим аттестатом, который дал ему возможность поступить на службу в МИД. Необходимо напомнить, что и в конце века в социальном составе сотрудников МИДа преобладали дворяне, а отнюдь не купцы.

Возможно, несмотря на выход из купеческого сословия, ликвидация дел умершего отца в Европе заставила Андрея Карловича Амбургера весной 1817 г. съездить за границу. Иначе трудно объяснить хранящийся в архиве Сперанского странноватый иностранный паспорт купца (без указания гильдии) Андрея (без указания отчества) Амбургера для проезда через Гамбург в Ганновер⁹¹. Нам не известны (кроме А. К. Амбургера) купцы с таким именем, жившие в то время в Москве, Петербурге или Архангельске. Трудно судить о причинах, побудивших младших сыновей купца Амбургера расстаться с семейной профессией. Безусловно, перипетии многолетнего сползания к банкротству неустанно трудящегося отца и смерть за морем старшего брата могли отпугнуть молодых людей от рискованной деятельности; в то время как вступление даже на низжайшую ступеньку государственной службы при известном прилежании открывало менее туманные перспективы. Можно лишь констатировать, что Андрей Амбургер не только решительно порвал с карьерой коммерсанта, но и не афишировал полученные в семье профессиональные навыки. В 1828 г. Грибоедов просил Ф. В. Булгарина (1789–1859) выслать в Персию ему и «моему Амбургеру» пособия по ведению бухгалтерских книг⁹². Амбургеру эти пособия были совершенно не нужны, так как подростки купеческих семей знакомились с двойной бухгалтерией в домашних стенах методом показа.

Насколько осознанным был выбор Андреем Амбургером Закавказья, сегодня решить невозможно. Однако следует учитывать, что эти земли в предыдущее столетие были предметом военного и религиозного вмешательства России, Турции и Персии и именно XIX в. поставил перед Россией задачу «цивилизованного» (дипломатического, торгового и культурного) освоения этого региона. Первым русским послом (чрезвычайным) в Персии был генерал А. П. Ермолов (1777–1861) в 1817 г.; следующим, в 1827 г., прибыл А. М. Обресков (1789–1885) с особым поручением для подписания

мирного договора. И наконец, в 1828 г. первым русским полномочным министром в Персии (то есть послом, имеющим право принимать самостоятельные решения в рамках данной общей инструкции) стал А. С. Грибоедов (1790–1829). В десятилетие «между Ермоловым и Грибоедовым» русские в Персии имели единственное постоянное представительство, расположенное в Тавризе (столице персидской провинции Азербайджан и управляемой наследным принцем 'Аббас-мирзой (1789–1833). Поверенным в делах, возглавлявшим в 1818–1825 гг. это представительство, был человек скорее случайный, чем подготовленный к дипломатической работе — Семен Иванович Мазарович (1779–1852). По гражданству венецианец с Балкан, с 1807 г. он служил врачом в русском экспедиционном корпусе на Средиземном море⁹³, затем в Дунайской армии П. В. Чичагова (1767–1849), а в 1813–1816 гг. пребывал в отпуске в Петербурге. В 1817 г. как врач сопровождал посольство генерала Ермолова в Персию⁹⁴ и настолько пришелся Ермолову по душе, что он счел возможным поручить ему важнейший участок дипломатической работы в Закавказье⁹⁵. Мазаровичу были приданы два чиновника; ими, тоже скорее случайно, оказались А. С. Грибоедов и А. К. Амбургер. Первый искал новое поле деятельности после потрясения, вызванного участием в четверной дуэли⁹⁶; второму, только что вышедшему из купеческого сословия, особенно выбирать не приходилось. Хотя возможно, что услышанные в родительском доме рассуждения о перспективах черноморской торговли (через Одессу и Таганрог) и выгодах торговли на Востоке могли повлиять на выбор Андрея Амбургера.

В 1817 г. в Персии существовала только британская миссия, дислоцированная в Тавризе. Наследному принцу 'Аббас-мирзе, занимавшемуся введением европейских технологий и институций в Персии, была поручена и внешняя политика. Несмотря на это, в столице государства (Тегеране, местопребывании шаха) существовал министр иностранных дел, и подобное «двоение» изрядно затрудняло работу дипломатов. Центрами русско-персидской торговли в начале XIX в. были Астрахань, Тавриз и Гилань; впрочем, к 1820-м годам почти вся эта торговля сосредоточилась в руках персиян. Важными задачами русского представительства, помимо

политических вопросов, были вывод на родину пленных и беглых соотечественников, активизация торговли и открытие консульств. Последнее вызывало большие затруднения. Почти год (1825) проживший в Тегеране опытный дипломат Я. К. Ваценко (1765–1827<?>1831) считал, что только активизацией русской торговли можно «перебить» английское политическое влияние⁹⁷.

В сентябре–октябре 1818 г. Андрей Карлович Амбургер, получив назначение канцеляристом в русское представительство в Персии⁹⁸, вместе с А. С. Грибоедовым (секретарем представительства) с казенной подорожной отправился на Кавказ. С. И. Мазарович уже ожидал их в Тифлисе. Грибоедов и Амбургер неплохо ладили во время долгого и утомительного пути, и Грибоедов подшучивал слегка: «Вообще везде на станциях остановки; к счастью, мой товарищ — особа прегорячая, бич на зрителей, хороший малый; я уже уверил его, что быть немцем очень глупая роль на сем свете, и он уже подписывается Амбургеv, а не _р_ и вместе со мною немцев ругает наповал, а мне это с руки»⁹⁹. Гениальные писатели заставляют жизнь следовать своим текстам, даже шутливым. Домашний врач графа А. П. Шувалова Вейкард получил от него в подарок имение Маврино на Петергофской дороге (современное положение — на пересечении проспекта Ветеранов и улицы партизана Германа). После его кончины хозяйкой Маврино стала его вдова, Мария Карловна, урожденная Амбургер. После ее смерти в 1855 г. имение перешло к ее дочери, Софье Егоровне Поггенполь, а затем и к внучке, Марии Николаевне Фанстиль. Деревенька при усадьбе с начала XIX в. звалась Амбильеровка. Маврино стало любимой летней резиденцией не только Марии Вейкард и ее потомков, но и семьи ее сестры, Софии Жерве. Именно в Маврино оба семейства благополучно пережили холерную эпидемию 1831 г. Придуманная Грибоедовым фамилия «Амбургеv» реализовалась в топониме «Амбильеровка».

В октябре 1818 г., сразу по приезде в Тифлис, Андрею Амбургеv пришлось стать секундантом Грибоедова при возобновлении прерванной ранением одного из дуэлянтов четверной дуэли. Секундант противника Грибоедова А. И. Якубовича (1792–1845) Н. Н. Муравьев-Карский (1794–1866) был участником персидского

посольства генерала Ермолова и опытным «восточником». Он поведал об этой дуэли: «Секундант его маленький человек; не знаю, кто он такой. <...> Вечеру Грибоедов с секундантом и Якубовичем пришли ко мне, дабы устроить поединок как должно. Грибоедова секундант предлагает им сперва мириться, говоря, что первый долг секундантов состоит в том, чтобы помирить их. Я отвечал ему, что я в сие дело не мешаюсь, что меня призвали тогда, как уже положено было драться, следственно, Якубович сам знает, обижена ли его честь. И мы начали улаживать; но тот вывел меня в другую комнату и просил меня опять стараться о примирении их, говоря, что он познакомился в Москве с матерью Грибоедова, которая просила его стараться, сколько возможно, остановить сей поединок, который она предвидела, и, следственно, что долг заставлял его сие делать. <...> Я предлагал драться у Якубовича на квартире, с шестью шагами между барьерами и с одним шагом назад для каждого; но секундант Грибоедова на то не согласился, говоря, что Якубович, может, приметался уже стрелять в своей комнате. Я согласился сделать все дело в поле; но для того надобно было достать бичку, лошадей, уговорить лекаря. Амбургер, секундант Грибоедова, взялся достать бичку у братьев Мазаровичей и нанять лошадей. Он побежал к ним <...> Все опять у меня собрались, отужинали, были веселы, дружны, разговаривали, смеялись, так что ничего на поединок похожего не было»¹⁰⁰.

Несмотря на то что Амбургер показался Н. Н. Муравьеву «маленьким», позднее он не раз ссылался на его мнения в своих «Записках». Так, 31 мая 1819 г. он передает негодование Андрея Карловича по поводу торговой активности на персидских базарах братьев поверенного в делах С. И. Мазаровича, скупавших товары для перепродажи в России. Не ускользнуло от внимания канцеляриста Амбургера и сладко-льстивое общение Мазаровича с наследным принцем 'Аббас-мирзой, вплоть до целования руки принца. (Несколькими годами позднее льстивость Мазаровича привела к потере уважения со стороны персиян, и Ермолов констатировал их «оскорбительное отношение» к русскому поверенному¹⁰¹.) Наверное, Амбургер обсуждал это, и пересуды дошли до ушей Мазаровича, и он, хотя и был человеком добродушным, своему

канцеляристу благоволить перестал. Мало того, свое отношение к Амбургеру он не скрывал от остальных сотрудников русского представительства. Когда в начале 1826 г., во время очередного отпус­ка Мазаровича, в русскую миссию в Тавризе обратился находящийся на персидской службе французский офицер-топограф Б. Семино с предложением о продаже секретной информации, переводчик русской миссии И. Х. Шаумбург (1801–1853) послал секретное о том донесение отпус­книку Мазаровичу¹⁰², а не доложил об этом предложении замещавшему его Амбургеру, ссылаясь на «известный характер» последнего.

В конце января 1819 г. А. К. Амбургер (еще актуариус), А. С. Грибоедов (пока еще секретарь) и С. И. Мазарович (поверенный в делах) отправились из Тифлиса через Ереван (еще персидский город) и Тавриз в Тегеран для представления наследному принцу и шаху¹⁰³. В июне по традиции шах и его двор от летней жары перебирались в Султанцию, и все дипломаты, бывшие в то время в Тегеране, сопровождали их. Из Тегерана Андрей Амбургер писал своей сестре Марии Вейкард в Петербург, а в июне 1819 г. его письмо было переслано генерал-губернатору Сибири М. М. Сперанскому, на что он отозвался: «...письмо рыцаря солнца из Тегерана читано в Тобольске! Это весьма интересно. Сей молодой человек, кажется, видит вещи с истинной их точки зрения»¹⁰⁴. (Уместно заметить, что весьма критически всех судивший Н. Н. Муравьев-Карсский, «специалист» по Востоку, выразился почти так же: «Мы с ним долго говорили о Персии, о которой он весьма здраво судит»¹⁰⁵.) К сожалению, частные письма А. К. Амбургера не сохранились, и какими своими соображениями он делился, можно только предполагать. Сперанского, как известно, интересовал вопрос переселения христиан из мусульманских стран в Россию¹⁰⁶, а также развитие торговых связей с Востоком.

Русские дипломаты долго находились в Султанции, и в конце августа 1819 г. все вернулись в Тавриз. Безденежье, видимо, было перманентным состоянием дипломатов-восточников: брат М. М. Сперанского, зная его участие в детях Карла Леопольда Амбургера, в конце 1819 г. сообщил из Георгиевска в Иркутск о том, что одолжил Андрею Карловичу 500 руб.¹⁰⁷ А чуть позднее и по-

веренный Мазарович, узнав, что его сотрудники (Грибоедов и Амбургер) сильно задолжали, просил у Ермолова для них денежную награду, которая позволила бы расплатиться с долгами, в которые «они принуждены были войти по причине больших доселе частых переездов Персидской миссии нашей, при коей оба чиновника сии находились»¹⁰⁸. Деньги чиновники получили только в 1822 г.; из выданных каждому 300 червонцев¹⁰⁹ было удержано по 10 % на инвалидный капитал¹¹⁰.

Почти сразу по приезде на Кавказ Андрей Амбургер стал болеть (предположительно, малярией). Когда группу русских солдат-перебежчиков и пленных А. С. Грибоедов осенью 1819 г. выводил из Тавриза, Амбургер ездил с дипломатической почтой в Тифлис и там задержался для лечения. Даже в октябре 1819 г. (сезон лета комаров уже окончился) Грибоедов с тревогой отмечал плохое состояние лечившегося в Тифлисе Амбургера: «Поистине я нахожу его больным; свойство железистых вод не оказалось настолько действенным, чтобы улучшить его здоровье»¹¹¹. В конце 1819 — начале 1820 г. А. К. Амбургер ездил в Петербург с дипломатической почтой¹¹².

Здоровье Амбургера было таково, что и в 1820 г. за него из Иркутска Сперанский «хлопотал усердно» перед вице-канцлером Нессельроде: он просил отозвать Андрея Амбургера в Петербург из-за «абсолютно разрушенного здоровья»¹¹³. Еще одно рекомендательное письмо для Нессельроде тогда же было отправлено самому Андрею Карловичу¹¹⁴. В столице, где А. К. Амбургер задержался до осени 1821 г., Сперанский продолжил хлопоты: Михаил Михайлович «принял его как старого приятеля, начал за него хлопотать и надеялся успеть»¹¹⁵. Он действительно «успел»: в 1823 г. поверенный Мазарович собрался в отпуск и хотел закрыть таврическое представительство, не желая передавать Амбургеру исполнение своих обязанностей. Мазарович даже поведал о планируемом закрытии русского представительства приехавшему накануне в Тавриз английскому врачу Дж. Макнейлу (1795–1883). Он уверял служившего до того в Индии доктора-хирурга, что персы так плохо обращаются с русскими дипломатами, что русское представительство закроют и дипломатические сношения с Персией будут

происходить через генерала Ермолова¹¹⁶. В это время сильно очарованный своим выдвиженцем Мазаровичем Ермолов писал министру Нессельроде: «Амбургер весьма молод и не имеет ни способности, ни опытности отправлять его должность <...> Амбургера, гораздо полезнейшего в другом месте, думаю я, гораздо лучше было бы занять другую должность, отозвать отсюда...»¹¹⁷ Однако Амбургера не отозвали (решение Ермолова не одобрили в центральном аппарате МИДа¹¹⁸), и весну и лето 1823 г. (пока поверенный Мазарович был в отпуске) секретарь Амбургер посылал весьма содержательные донесения Ермолову¹¹⁹. В 1825 г., когда неважно справлявшийся с дипломатическими поручениями Мазарович настойчиво просил перевода из Персии, Ермолов вновь не рекомендовал Амбургера на должность консула: «Амбургер, секретарь миссии, слишком молод, дабы занять место Мазаровича и в понятии персиян не будет иметь приличествующей важности, которая производит великое на них впечатление»¹²⁰.

Возможно, по примеру Грибоедова, а возможно, сойдясь с ним в том убеждении, что дипломат-восточник должен знать язык страны пребывания (что не было обязательным в те времена), Амбургер сразу взялся за изучение персидского и сделал быстрые успехи: уже в 1822 г. в служебных бумагах его называют «секретарем и переводчиком»¹²¹. Доказательством того, что уже в 1823 г. он хорошо освоил язык, служит следующее. Заглянув в бумаги, лежащие открытыми при очередном приеме у шаха, Амбургер усмотрел в них важные сведения, немедленно сообщенные начальству¹²². Причем персидский язык не был лишь рабочим инструментом Амбургера; чтение персидских текстов были его любимым досугом. С какой радостью и азартом рапортовал Амбургер, найдя в «Гулистане» поэта Саади (1213–1293) употребление некоего суффикса, которое объяснило темный топоним, предмет спора сторон при размежевании русско-персидской границы: «Если бы переводчики наши получше знали язык персидский, то поверенный в делах мог бы иметь лучший успех при переговорах»¹²³. Не избежал Амбургер и общего для служащих на Востоке русских чиновников того времени увлечения коллекционированием. Предметом его собирательства были древние цилиндрические печати; после его смерти сестра

продала его коллекцию в собрание Эрмитажа, и составлявшие ее предметы были охарактеризованы как «весьма редкие»¹²⁴.

1822 г. продвинул Амбургера не только по службе (после перехода Грибоедова в Главную квартиру Кавказского корпуса в канцелярию генерала Ермолова пост секретаря посланника в Тавризе с годовым окладом 600 червонных перешел к Амбургеру, до того получавшим вдвое меньше), но и по социальной лестнице: он получил чин девятого класса (титулярного советника)¹²⁵.

В 1825 г. Амбургер исполнял обязанности консула (поверенный в делах Мазарович вновь был в отпуске). Консулом Амбургер стал в непростое время (с июля 1825 г. русские агенты доносили о желании персидского наследного принца начать войну)¹²⁶, и, по-видимому, консул отстаивал интересы страны последовательно и активно. Узнав о декабрьском восстании и восшествии на престол «другого брата» от 'Аббас-мирзы, имевшего в Петербурге хороших агентов, Амбургер хотя внутренне был растерян, но вида не подал и объяснил принцу, что это было сделано по договоренности братьев в государственных интересах¹²⁷. В другой раз, оскорбившись чем-то в обращении с ним персиян, Амбургер покинул Тавриз и был возвращен с дороги ханами, посланными с извинениями ему вдогонку¹²⁸. Сохранились несколько толковых рапортов Амбургера не только генералу Ермолову, но и командующему Кавказской линией Вельяминову. Причем по рапортам видно, что с генералом А. А. Вельяминовым (1785–1838), славившимся своей жесткостью и эксцентричностью, Амбургер нашел хорошее взаимопонимание, так как позволял себе свободно иронизировать над промахами коллег¹²⁹.

В 1826 г. консул Амбургер встречал в Тегеране посольство князя А. С. Меншикова (1787–1869), присутствовал при сложных переговорах посла с наследным принцем и шахом. Переговоры окончились неудачей: шах желал поддерживать мир с Россией, но и сохранить лицо, получив некоторую денежную компенсацию за провинции, завоеванные Россией в предыдущую войну; а советники наследного принца убеждали 'Аббас-мирзу в готовности мусульманской части населения этих отошедших к России провинций поднять антирусское восстание. Имя консула Амбургера попало на

страницы европейских газет, так как именно ему принц 'Аббас-мирза объявил о начале военных действий и высылке из Персии и консульства, и посольства¹³⁰.

Известие о начале новой Русско-персидской войны шло до Лондона почти два месяца; почти такое же время членов русского посольства и консула Амбургера задерживали в палатках на гласисе перед Эриванской крепостью (совр. Ереван, Армения). Только находчивость и решительность князя Меншикова (а также содействие британских дипломатов) позволили его миссии благополучно вернуться в Россию. Русские дипломаты и их сопровождение испытали не только ограничение свободы, но и всяческие притеснения и поборы: их понуждали самим не только арендовать, но и покупать лошадей, оплачивать воду и провизию, требовали взятки¹³¹. Князь Меншиков был состоятельным человеком и, кроме казенных сумм, взял с собой немалые собственные. Перерасход (2200 червонцев) составил более четверти полученной миссией на расходы суммы¹³². Меншикову удалось дать знать англичанам, английский посол потребовал их освобождения у шаха. Также за немалое вознаграждение Меншикову удалось тайно отправить на русскую границу нескольких агентов с письмами и получить ответные записки с планом побега¹³³. В его посольстве было немало заболевших малярией. Несмотря на предложение английских дипломатов оставить больных в Ереване на попечении доктора Макнейла, князь вывез всех неспособных двигаться людей в плетушках, навьюченных на лошадей¹³⁴. В Джалал-Оглу посольство, ненадолго оторвавшееся от своего персидского сопровождения, уже встречали русские казаки, направленные туда генералом Ермоловым.

Знания, толковость и усердие Амбургера стал ценить и генерал Ермолов. В 1826 г. он писал в МИД: «...благоразумное поведение Амбургера и, принимая в уважение вообще ревностную и усердную его службу, я обязанностью почитаю всепокорнейше просить в. с., обратив на чиновника сего благосклонное ваше внимание, исходатайствовать ему чин коллежского асессора, которого он по долговременному служению при Персидской миссии совершенно заслуживает»¹³⁵. (Коллежский асессор, чин 8-го класса Табели; в те годы давал права получения личного дворянства.) Надо признать, что

Андрей Амбургер оправдал все хлопоты Сперанского. В 1828 г. Грибоедов с удовольствием процитировал Андрею Карловичу отзыв о его работе из МИДа (по-видимому, К. К. Родофиникина (1760–1838)): «...боюсь безвременным предписанием помешать его действиям, по всем до меня дошедшим слухам, весьма успешным и соразмерным его испытанным способностям и усердию»¹³⁶. Министр Нессельроде накануне Тегеранской катастрофы вторил: «...приобретенные Вами познания местностей и опытность в делах»¹³⁷.

Годы службы не укротили независимого нрава А. К. Амбургера: он стал известен всем петербургским творцам восточной политики, так как поделился своим наблюдением за ходом переговоров князя Меншикова и Фатх-‘Али шаха (1771–1834). Посланный на Кавказ после начала Персидской войны генерал И. Ф. Паскевич (1782–1856) доносил: «Исправляющий должность российского поверенного в делах при персидском дворе г. Амбургер, разговаривая о причинах нынешней войны, сказал мне, что он находился при свидании шаха с князем Меншиковым и слышал, как шах говорил, что он всем собравшимся к нему муллам обещал ничего русским не уступать, и потому не может ничего нам отдать без соответствующего за то вознаграждения. Я отвечал г. Амбургеру: “Удивляюсь, что князь Меншиков шаху ничего не предложил; ибо в манифесте объявления войны сказано, что он имел повеление сделать даже некоторые уступки в Талышском ханстве”. На сие г. Амбургер мне объявил, что он присутствовал на всех конференциях, кроме двух; но ничего не было о сем говорено; князь Меншиков не предлагал никакой уступки, а только настаивал, чтобы приняты были предложения, изъясненные в бумагах Ермолова. При сем г. Амбургер заметил, что хотя он и не был на двух конференциях, но на последней находился, на которой все пункты были повторены; об уступках наших ни слова не было упомянуто. Г. Амбургер думает, что если бы предложены были с нашей стороны какие-либо уступки, то и война не возгорелась бы»¹³⁸. (Неосуществленные уступки и вознаграждения следовали из неопределенности Гюлистанского договора, который фиксировал занятие русскими нескольких персидских областей, а размежевание отодвигал на будущее и обозначения новых границ не содержал. Генерал Ермолов решительно отверг возможность

«возврата» каких-либо из занятых земель и не принимал доводов персиян о денежной компенсации за их занятие. Петербургское руководство в то время в этом вопросе придерживалось более гибкой позиции¹³⁹.) Такая неговорчивость Меншикова показалась настолько неуместной генералу Паскевичу, что он рекомендовал министру Нессельроде выслушать мнение Амбургера «на некоторые трудности в разгадке истинных причин нынешней войны»¹⁴⁰ (подчеркивание в цитате принадлежит Паскевичу. — И. М.).

Зная о близости генерала И. И. Дибича (1785–1831) с императором, Паскевич еще раз, еще более четко, указал¹⁴¹ генералу на мнение консула: «Амбургер говорит, что во все время наши поверенные у персидского Двора действовали против инструкций. <...> Генерал Ермолов... всегда задирали персидское правительство. В Петербург же писал, что оне готовятся к войне. <...> Амбургер весьма настоятельно упрашивал, чтобы генерал-адъютант Меншиков сделал некоторые уступки. Он не знал, что ему позволено некоторые уступки сделать в Талашинском ханстве. Меншиков ему с сердцем отвечал, что не может этого сделать. Он все воображал, что они никогда не осмелятся войну начать: и когда она уже была объявлена, он все говорил, что остановятся на Араксе, — он видел все войска, как шахские, так и Аббас-мирзы, то верно видел, что их до 60 тыс. было. Он начал весьма трусливо вести себя так, что *мих-мандару* или приставу переплатил или передал на 4 тыс. червонных...»¹⁴²

Здесь стоит еще раз подчеркнуть слишком независимое для русского мелкого чиновника того времени поведение Андрея Амбургера. Его стычки с Мазаровичем из-за слишком угодливого поведения с персами, как и его «донос» на Меншикова за слишком вялое исполнение дипломатического поручения, не были действиями пройдохи, наслаждающегося конфликтами или извлекавшего из них личную пользу. У Андрея Амбургера было развито чувство собственного достоинства и отсутствовал страх перед начальствующими; очевидно, он служил не конкретному лицу, а государственному интересу. (Герой Грибоедовского «Горя от ума» Чацкий: «Вольнее всякий дышит / <...> Кто путешествует, в деревне кто живет... / <...> Кто служит делу, а не лицам».) Доказательство

тому — история с недоплаченным по вине МИДа жалованьем «Персидскому посту», куда с 25 апреля 1828 г. входили как члены тегеранской миссии Грибоедова, так и Тавризского консульства. По приказу из МИДа Государственное казначейство выплатило Персидскому посту жалованье не с даты высочайшего приказа о штатном расписании и финансировании, а с даты выписки паспортов Грибоедову и сотрудникам его миссии, то есть со 2 июня 1828 г. (вместо 25 апреля)¹⁴³. Грибоедова это возмущало, но он стерпел. Терпел некоторое время и Амбургер, не желая осложнять положение полномочного министра. Но вскоре Амбургер, заручившись поддержкой генерала Паскевича, добился выплаты недоплаченного ему жалованья из экстраординарных сумм, чем вызвал негодование в министерстве. Велеречивый Нессельроде не удержался от упрека: «Я... получил от Его Величества подтверждение меры, которую Вы приняли, чтобы этому служащему перечислили остаток его жалованья. Хотя это и отклоняется от устава, тем не менее есть истина, имеющая в моих глазах безграничный вес, а именно то, что положение, которое маршал Паскевич считает необходимым, должно быть одобрено. Таким образом, г-н Амбургер будет получать всю свою зарплату за семестр и он будет обязан исключительно Вашему Превосходительству»¹⁴⁴.

Успех в Русско-персидской войне, начавшейся в марте 1826 г., довольно быстро перешел к России, и, надо отдать должное, император и правительство заранее озаботились подготовкой мирного договора: уже в мае 1827 г. из Петербурга на Кавказ прибыл дипломат А. М. Обресков (1789–1885), только спустя восемь месяцев подписавший вместе с Паскевичем Туркманчайский мирный договор. Но длительное пребывание столичного дипломата оказалось очень полезным: он имел время вникнуть в ситуацию на месте и согласиться не только со стратегической целью договора (окончить Персидскую войну, обозначить четкие границы с этой страной и заинтересовать персидское правительство в сохранении мира до начала планируемой Россией войны с Турцией), но и непривычной для европейского дипломата тактикой заключения этого договора. А. С. Грибоедов (вместе с А. К. Амбургером и Н. Д. Киселевым (1802–1869) известны как «редакторы» Туркманчайского дого-

вора¹⁴⁵. Безусловно, Грибоедову принадлежит лидерство в этой тройке; пожалованные ему награды и последовавшее назначение полномочным министром явились результатом честного доклада Паскевича о перипетиях переговоров: «...отличных дарованиях и ревности к службе <...>, оказанных в особенности при первых переговорах...»¹⁴⁶ Но, безусловно, поддержка Грибоедова двумя его со-редакторами (Киселев, как и Амбургер, участвовал в неудавшемся посольстве Меншикова 1826 г.), имевшими богатый опыт общения с персиянами и знание их культуры, помогла настоять на некоторых «ориентальных» его особенностях: выплате части контрибуции до подписания договора в календарных рамках перемирия; выводе оккупационных соединений по мере уплаты контрибуции, прева-лировании социальных и политических определений над религи-озными и национальными. Как известно, подписанный 10 февраля 1828 г. Туркманчайский договор привез в Петербург А. С. Грибоедов; но с согласованными его статьями в столицу в начале февраля Паскевич отправил Амбургера, и, довольный предварительным результатом, министр Нессельроде не смог удержаться от похвал вестнику: «В моих беседах с ним я убедился, что он прекрасно использовал время своего пребывания в Персии и что он приобрел столь же обширные, сколь и точные представления об этой стране»¹⁴⁷.

О том, что А. К. Амбургер выполнял и огромную техническую работу при мирных переговорах, а потом и во время приема контрибуции, свидетельствует один из графических листов художника В. И. Мошкова (1792–1839), посвященный Персидской кампании, — «Заклучение мира в Туркманчае». На нем в нижнем левом углу изображен сидящий за маленьким столиком Амбургер, ведущий протокол. Легко недооценить важность работы переводчика и редактора выработанных в результате переговоров документов. Для доказательства этой важности можно привести историю, которая случилась с переводом текста предыдущего, Гюлистанского русско-персидского мирного договора. Туда вследствие недосмотра вкрался пункт, который обязывал возвращать пленных и перебежчиков только с их согласия, тогда как российская сторона разумела забрать всех пленных и лишь перебежчиков — с их согласия. С огорчением

генерал Ермолов сообщил, что не вывел ни одного пленного из-за того, что «...пронырством и хитростью бывшего послом *мирзы* Абу-л-Хасан хана статья сия получила совсем другой смысл»¹⁴⁸.

После назначения Грибоедова полномочным министром изменилось и служебное положение А. К. Амбургера: в Тавризе было учреждено Генеральное консульство (вместо консульства), и Амбургер был назначен туда генеральным консулом с вдвое бóльшим окладом (1200 золотых червонных)¹⁴⁹. Жалованье предшественника Амбургера в Тавризе в ранге поверенного Мазаровича составляло 658 червонцев в год¹⁵⁰. Жалованье следующего после Амбургера генерального консула составляло 600 червонных в год¹⁵¹. Были «удвоенный» оклад Амбургера признанием его высокого профессионализма или исполнением им двойных обязанностей (консула и комиссара по приему персидского контрибуционного золота), неизвестно. Грибоедов обращался к нему с очень дружелюбными французскими письмами (официальный язык дипломатов того времени), где разъяснял ему особенность его временного двойного подчинения (и МИДу, и Паскевичу), обещал повышение жалованья, рекомендовал ему секретарей¹⁵². В это время, кроме обычной консульской работы, Андрей Амбургер и его сотрудники принимали золото восьмого контрибуционного *курура туманов*, и Амбургер являлся «временным комиссаром при наследном принце» по приему золота¹⁵³. (Десять *куруров* (последнее означает 500 тыс.) *туманов* составлял весь объем контрибуции. Ко времени уничтожения посольства Грибоедова были почти выплачены восемь *куруров*; два оставшихся были прощены после гибели миссии. По курсу, закрепленному ст. 6 Туркманчайского договора, 10 *куруров туманов* равнялись 2 млн руб. серебром.)

Знанием Амбургера всех тавризских чиновников пользовался генерал Паскевич; например, торопя персиян с выделением представителя для размежевания границ, он просил Амбургера оказать влияние для поручения этого «человеку благомыслящему»¹⁵⁴.

Хлопоча об Амбургере перед начальством, Грибоедов дал ему не просто хорошую, но очень теплую характеристику¹⁵⁵, а в письме в Петербург — очень лестную: «Амбургер, по частным слухам, действует очень умно и усердно»¹⁵⁶. Направляя в Персию после

гибели Грибоедова нового посла, в своих ему инструкциях министр Нессельроде упомянул, чтобы тот предоставил «...всю распорядительную и судебную части генеральному консулу»¹⁵⁷.

Мы не располагаем частной перепиской А. К. Амбургера, но и чтение его служебных рапортов дает представление о нем как о человеке проницательном и волевом. В них он неизменно четок и конкретен. Особенно виден уровень консула Амбургера при сопоставлении его суждений с узким кругозором и отсутствием инициативы сменившего посла Грибоедова генерал-майора Н. А. Долгорукова (1792–1847). Последний по любому поводу спрашивал указаний Паскевича¹⁵⁸ и явил свою проницательность, обосновав выбор месторасположения консульства величиной издержек на проезд курьеров¹⁵⁹.

Перед приездом миссии Грибоедова в Персию в 1828 г. Амбургер в своих донесениях обнажил сложности текущего момента, которые позднее привели к трагической гибели посольства. Амбургер указал на «охлаждение» наследного принца к русским и систематическое нарушение Туркманчайского договора (переманивание в Персию мусульманского населения отошедшего к России Талышского ханства). Андрей Карлович указал и на растущее число беглых русских солдат: «Беглые солдаты со всех точек, занимаемых нашими войсками, находят в Тавризе готовый приют, и никакие убеждения не могут привести к возвращению оных, как того требует мирный договор, в Туркманчае заключенный»¹⁶⁰. Возмущенный буквально толпами беглецов в русской форме, наводнивших Тавриз, Амбургер превысил свои полномочия и пригрозил наследному принцу, что в ответ на его «гостеприимство» знатные персидские пленные будут задержаны в России¹⁶¹. И хотя часто инициативы Амбургера генерал Паскевич пресекал, но эту одобрил, информировал о ней Петербург и письменно подтвердил 'Аббас-мирзе слова консула¹⁶².

И, наконец, почти в каждом своем донесении того периода Амбургер упоминал русских пленных и рабов: «Я употребил сильнейшие настояния касательно выдачи пленных, но до сих пор безуспешно. Персияне не повинуются предписаниям начальства и скрывают пленных, им доставшихся в продолжении последней

войны <...> может быть, потому что сам наследник и прочие принцы к тому подают пример»¹⁶³. Получив для передачи шаху русское уведомление-напоминание об обязательности возвращения пленных, Амбургер был так обрадован, что допустил несколько приятельскую интонацию при обращении к начальству: «Прошу в. с. принять изъявление живейшей благодарности за ваше, ко мне присланное, письмо к шаху касательно пленных. Вы вообразить не можете, какие низкие поступки себе позволяют персияне, чтобы удержать оных. Я только мог получить трех, и тех они оспаривают. 'Аббас-мирза себя ведет хуже всех в сем деле. Так как теперь остаются молодые женщины и мальчики, сие дело соделывается тем затруднительнее. В Казвине есть армянская деревня, населенная эриванскими армянами; я постараюсь вывести из оной всех жителей»¹⁶⁴. Иронизируя, подобно всем дипломатам того времени, над нравами персидского двора, А. К. Амбургер тем не менее с присущей ему горячностью защищал персиян, содействовавших оккупационной русской армии и подвергнутым за это репрессиям после вывода войск. (Таковую защиту обещал им Туркманчайский договор.) Генерал Паскевич по-военному прагматично относился к этой теме и просил консула умерить пыл в этом вопросе.

Андрей Амбургер 8 февраля 1829 г. первым на русском языке составил донесение о гибели посольства Грибоедова. Хотя он располагал только информацией, сообщенной ему накануне персиянами, Амбургер в своем изложении, основанном на опыте и знании ситуации, расставил свои приоритеты в указании причин к нападению: «Кажется, что духовенство Тегеранское было главною причиною возмущения, соделавшего нашего министра жертвою ожесточенной черни, ибо в главной мечети провозглашали сбор правоверных...»¹⁶⁵ Консул Амбургер составил ноту протеста (ее отвез в Тегеран вместе с британской нотой лейтенант охраны британского представительства Рональд Макдональд (1800–1848)¹⁶⁶. В ней Амбургер настаивал, «чтобы тела министра и чиновников, павших жертвою кровопийц, были высланы в Тифлис»¹⁶⁷. Подобно многим, служившим на Кавказе, узнав о гибели посольства, Амбургер посчитал неизбежными ответные военные действия России и, не дожидаясь приказа и подав ноту протеста, покинул Тавриз.

Согласно семейной хронике Амбургеров, из Тавриза они выехали втроем: Н. А. Грибоедова (1812–1857), русский консул и его жена¹⁶⁸. Это единственное из обнаруженных нами упоминаний о возможной подруге А. К. Амбургера. С одной стороны, маловероятно, что Амбургер один взялся бы сопровождать по весенней горной дороге юную вдову Грибоедова, находившуюся в последнем триместре беременности, так что явление спутницы, которой Андрей Амбургер доверял, кажется более чем вероятным; с другой стороны, известно, что Амбургер скончался холостым. Консул А. К. Амбургер прибыл в ближайший к Тавризу русский пограничный город (Нахичевань) и остался там¹⁶⁹. Далее до Тифлиса Н. А. Грибоедову сопровождал ее брат.

В Нахичевани Амбургер повстречал командированного из Тифлиса бывшего поэта и чиновника В. Н. Григорьева (1803–1876), который 50 лет спустя оставил несколько строк об этом знакомстве. Наиб Нахичеванской провинции, перешедший в русскую службу из персидской, Эхсан-хан (1789—1846) старался развлечь консула Амбургера, приглашал на верховые прогулки, устраивал соколиные охоты. Но тщетно: Амбургер плохо себя чувствовал, был подавлен. Предчувствие не обмануло его: за самовольную ноту протеста персиянам и отъезд из Тавриза Амбургер получил выговор и от Паскевича, и от министра Нессельроде. Генерал Паскевич в своих предписаниях консулу от 23 февраля и 6 марта 1829 г. приказывал ему не покидать Тавриз, чтобы на месте следить за персами и англичанами, не терять связи с информаторами из Тегерана¹⁷⁰. (Русские власти не меньше персидских стремились избежать возобновления военных действий, так как вели военные действия с Турцией.) По свидетельству Григорьева, Амбургера опечалило официальное русское сообщение, что в смерти Грибоедова персидское правительство невиновно¹⁷¹.

Несмотря на понукания начальства, А. К. Амбургер оставался в Нахичевани до прибытия туда гроба с телом Грибоедова (1 мая 1829 г.). Он подготовил все атрибуты и организовал церемонии (военные и церковные) встречи останков погибшего, сопровождал траурную процессию до Тифлисского чумного карантина и только потом вернулся в Тавриз. Все издержки по изготовлению гроба

и балдахина Амбургер взял на свой счет¹⁷². Очевидно, его проницательность подсказала, что гибель посла будут замалчивать, и он старался таким образом почтить коллегу-героя. Но не только официальные почести перечислил консул Амбургер в своем донесении; он упомянул об искреннем оплакивании гроба женщинами-армянками. «Приятно и трогательно было видеть живое участие, которое все принимали в несчастной кончине покойного Грибоедова, и это ясно доказывает, что кто хотя только один раз с ним повстречался, уже не мог забыть его. Долго еще толпы народа с печальным лицом стояли на высотах, окружающих город, и весьма медленно рассыпались»¹⁷³. Амбургер присутствовал при перенесении останков погибшего в новый гроб и с горечью констатировал, что тело неузнаваемо из-за быстрого тления, вызванного многочисленными ранами от камней и холодного оружия. Поэтому гроб, которому предстояло еще ожидание в чумных карантинах, был засмолен. (Грибоедов был похоронен в Тифлисе 18 июля 1829 г. Сообщение было опубликовано в тифлисской газете 19 июля¹⁷⁴, а в центральной прессе¹⁷⁵ — только в феврале 1830 г.)

В конце весны 1830 г. в Персию, как и в Закавказье и Поволжье, из Индии пришла холера. Заболеваемость была очень высокой: не только Аббас-мирза и его двор, но почти все английские дипломаты покинули Тавриз. Оставшийся в городе британский поверенный в делах Джон Макдональд (1782–1830) умер почти одновременно с проболевшим несколько часов русским консулом Андреем Амбургером в июне 1830 г.¹⁷⁶ Много лет, как и Грибоедов, Амбургер страдал от малярии, но умер в эпидемию холеры. Неопытный, нерешительный и недалекий посол Н. А. Долгоруков все-таки успел оценить его: «Мы потеряли чиновника, весьма сведущего по своей части и которого по совершенному знанию его здешнего края и любви к оному, 12-летним пребыванием приобретенным, весьма трудно будет заменить»¹⁷⁷. После смерти консула А. К. Амбургера продажа оставшегося после него имущества и лошадей не покрывала его долгов, представленных к взысканию¹⁷⁸. Посол Н. А. Долгоруков сообщил об этом в Петербург и получил высочайше одобренное распоряжение: «Из остаточных сумм по консульству нашему в Персии и миссии в текущем и будущем 1831 г. отчислить

1600 черв. на уплату долгов Амбургера; взамен же взять в казенное ведомство навсегда дом того Амбургера, на казенной земле построенный»¹⁷⁹.

Недоумение вызывают последние строки: консул Амбургер не был игроком, гулякой или торговцем. Откуда возникли долги у 35-летнего чиновника? Следует напомнить, что МИД в то время держал своих дипломатов-восточников в «черном теле». В декабре 1828 г. принадлежавшие российскому консульству в Тавризе помещения были так малы и убоги, что А. С. Грибоедов, отправляясь в свою последнюю командировку в Тегеран, поместил жену не в квартире консульства, а в доме британского посланника. И это не было желанием устроить ее в семейном доме, просто русское консульство располагало отвратительными помещениями. Чрезвычайно осторожный И. С. Мальцов назвал их «плохие каморки»¹⁸⁰; сам Грибоедов формулировал так: «Мой дом переполнен; кроме моих людей в них живут пленники, которых мне удалось отыскать, и их родственники, приехавшие за ними. <...> все мои люди, исключая меня и генерального консула, то есть секретари, переводчики и 10 казаков... вынуждены квартировать в лачугах, из которых были выселены их владельцы, что, разумеется, не способствует поддержанию хорошего отношения к нам со стороны местных жителей»¹⁸¹. Грибоедов просил разрешения использовать 0,6 % контрибуционного курура туманов (3 тыс. туманов, или примерно 12 тыс. серебряных рублей) для покупки помещений для консульства в Тавризе и 7 тыс. туманов — для посольства в Тегеране; но разрешения он не получил. Ему пришлось истратить 900 дукатов на ремонт и меблировку комнат, снятых в Тавризе. Наверное, став генеральным консулом и получив удвоение жалованья (1200 дукатов в год), А. К. Амбургер рассудил, что может позволить себе благоустроенный дом на русской земле, влез для этого в долги и неожиданно скончался. Те немногие часы, что длилась болезнь консула Амбургера, помощь ему оказывали два врача английской миссии¹⁸², так как в русской миссии ни врача, ни фельдшера не было.

Место умершего консула Амбургера заступил оставшийся в живых секретарь посольства Грибоедова И. С. Мальцов (1807–1880), который очень не хотел этого назначения из-за отчаянного страха

перед персиянами. Три месяца он пересиливал себя, пока до Тавриза из Молдавии добирался новый генеральный консул¹⁸³.

Среди потомков братьев-купцов Амбургеров, эмигрировавших в Россию в конце XVIII в., было несколько дипломатов-восточников. Первым был герой нашего рассказа, Андрей Карлович, сын купца Карла Людвига; вторым — внук купца Фридриха Вильгельма, Карл Людвиг (Карл Федорович) Амбургер (1815–1879)¹⁸⁴. Он получил основательное специальное образование в Учебном отделении восточных языков при Азиатском департаменте МИДа (окончил не позднее 1832 г.¹⁸⁵), работал переводчиком в консульствах Салоник (с 1912 г. Греция), Константинополя (с 1930 г. — Стамбул), Эрзерума и Бейрута (с 1920 г. Ливия). Его карьера прервалась на десять лет в 33-хлетнем возрасте из-за пристрастия к алкоголю. Выйдя в отставку, он вернулся в Петербург и работал корректором в типографии ИАН, так как знал, кроме восточных, несколько живых и мертвых языков. Только очень удачный брак, заключенный с дальней родственницей, излечил его и вернул на дипломатическую службу. В 1860-е годы он был переводчиком в Трапезунде (совр. Трабзон), потом стал консулом в Галаце (совр. Румыния), где выслужил чин коллежского советника. После отставки с женой и матерью жил в Йене.

Племянник Андрея Карловича Амбургера, Александр Георгиевич Вейкард (1804–1855), хлопотами Сперанского окончил Пажеский корпус и поступил на службу в Азиатский департамент МИДа. Но, в отличие от дяди и троюродного брата, всю карьеру (до выслуги статского советника) жил и работал в Петербурге¹⁸⁶.

Библиография

Архивные источники

*Архив востоковедов Института восточных рукописей
Российской академии наук*

АВ ИВР РАН. Ф. 17. Оп. 1. № 189. Л. 9–9 об.

Отдел рукописей Российской национальной библиотеки

ОР РНБ. Ф. 124 (П. Л. Вакселя). № 111.

ОР РНБ. Ф. 225 (В. Н. Григорьева). № 5. Л. 45–48 об.

ОР РНБ. Ф. 731. (М. М. Сперанского). № 1873.

ОР РНБ. Ф. 731 (М. М. Сперанского). №.1919.

ОР РНБ. Ф.731 (М. М. Сперанского). № 1963.

ОР РНБ. Ф. 731 (М. М. Сперанского). № 1965.

Российский государственный архив Военно-морского флота

РГАВМФ. Ф. 19. Оп. 3. Д. 320. Л. 3–3 об.

РГАВМФ. Ф.19. Оп. 4. Д. 447. Л. 73–77.

РГАВМФ. Ф. 130. Оп. 1. Д. 305. Л. 12.

Российский государственный исторический архив

РГИА. Ф. 13. Оп. 2. Д. 944.

РГИА. Ф. 18. Оп. 9. Д. 151. Л. 1–1 об.

РГИА. Ф. 469. Оп. 8. Д. 106.

РГИА. Ф. 565. Оп. 2. Д. 6614. Л. 1, 6 об., 8.

РГИА. Ф. 565. Оп. 2. Д. 6616. Л. 3, 23, 49^а, 55–56.

РГИА. Ф. 1018. Оп. 2. Д. 150.

РГИА. Ф. 1018. Оп. 2. Д. 135.

РГИА. Ф. 1018. Оп. 2. Д. 202. Л. 3 об., 10.

РГИА. Ф. 1018. Оп. 2. Д. 423.

РГИА. Ф. 1018. Оп. 8. Д. 13.

РГИА. Ф. 1152. Оп. 1. Д. 46.

РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 103. Л. 257–269 об.

РГИА. Ф. 1343. Оп. 25. Д. 166. Л. 4.

РГИА. Ф. 1374. Оп. 1. Д. 877.

*Центральный государственный исторический архив
Санкт-Петербурга*

ЦГИА СПб. Ф. 536. Оп. 2. Д. 34. Л. 550 об. — 551 об.

ЦГИА СПб. Ф. 781. Оп. 2. Д. 1282.

ЦГИА СПб. Ф. 1205. Оп. 11. Д. 1172.

Опубликованные источники

Адресная книга Санктпетербургского биржевого купечества, г.г. иностранных гостей, биржевых маклеров и браковщиков при Санкт-Петербургском порте. СПб., 1844.

Акты, собранные Кавказской археографической комиссией / ред. Ад. Берже. Т. 6, ч. I. Тифлис, 1874.

Акты, собранные Кавказской археографической комиссией / ред. Ад. Берже. Т. 6, ч. II. Тифлис, 1875.

Акты, собранные Кавказской археографической комиссией / ред. Ад. Берже. Т. 7. Тифлис, 1878.

Аллер С. Руководство к отыскиванию жилищ по Санктпетербургу... СПб., 1824.

Бартоломей В. А. Посольство князя Меншикова в Парсию в 1826 г. // Русская старина. 1904. Апр. Т. 118. С. 76–77.

- Басаргин Н. В. Записки. Пг.: Огни, 1917. 294 с.
- [Вейкард М. А.] Из записок доктора Вейкарда // Русская старина. 1886. № 4. С. 229–268.
- Внутренние известия // Тифлиские ведомости. 1829. 19 июля. № 29. С. 1.
- Грибоедов А. С. Полное собрание сочинений: в 3 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. Т. 3.
- И. М.л.ц... [Мальцов И. С.] Письмо к издателю «Северной пчелы» // Северная пчела. 1829. 10 янв. № 5. С. 3–4.
- Муравьев Н. Н. Запись 22 сентября 1818 г.; 31 мая 1821 г. // Из Записок Н. Н. Муравьева-Карсского. URL: http://az.lib.ru/g/griboedow_a_s/text_0060.shtml (дата обращения: 20.02.2024).
- Найденов Н. А. Материалы для истории московского купечества. Т. 4. Приложение 1. М., 1887.
- Найденов Н. А. Материалы для истории московского купечества. Т. 5. (6-я ревизская сказка). М., 1887.
- Письмо Паскевича Дибичу от 10 декабря 1826 г. Ермолов, Дибич и Паскевич // Русская старина. 1872. Т. 5. № 5. С. 708–709.
- Письмо М. М. Сперанского Е. М. Сперанской // Русский архив. 1868. № 7–12. Ст. 1157, 1688, 1726.
- Ф. Б. [Булгарин Ф. В.] Дополнение к статье: Воспоминания о А. С. Грибоедове: Описание последнего долга, отданного ему в Тифлисе // Сын Отечества. 1830. № 2. С. 87–94.
- Фишер К. И. Записки сенатора. М.: Захаров, 2008. 368 с.

Научная литература

- Андреев А. Ю. Переписка императора Александра I и профессора Г. Ф. Паррота (1802–1825) как источник по изучению политических реформ в Российской империи // Вестник ПСТГУ. Сер. 2 «История». 2019. № 89. С. 67–82.
- Андреева И. П., Бессуднова З. А. История минералогической коллекции государственного канцлера Николая Петровича Румянцева // Наука и просвещение. К 250-летию Геологического музея РАН. М.: Наука, 2009. С. 87–104.
- Баддели Дж. Завоевание Кавказа русскими. 1720–1860. М.: Центрполиграф, 2010. 352 с.
- Берже Ад. П. Смерть А. С. Грибоедова // Русская старина. 1872. Т. 6. № 712. С. 168–207.
- Горновский И. А. Сто лет назад // Русский архив. 1904. Кн. 2. № 5–8. С. 538.
- Злотников М. Ф. Континентальная блокада и Россия. М.; Л.: Наука, 1966. 360 с.
- Кизеветтер А. А. Гильдия московского купечества. М.: Гор. тип., 1915. 216 с.
- Кн. Щербатов. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич: его жизнь и деятельность: в 7 т. Т. 2: Август 1826 — октябрь 1827 г. СПб.: Тип. лит. Р. Голике, 1890. 332 с.
- Кобеко Д. Ф. Ученик Вольтера: граф Андрей Петрович Шувалов // Русский архив. 1881. Кн. 3. С. 241–290.
- Лизунов П. В. Санкт-Петербургская биржа и российский рынок ценных бумаг (1703–1917 гг.). СПб.: Блиц, 2004. 576 с.
- Лопатников В. А. Канцлер Румянцов. М.: Мол. гвардия, 2011. 345 с.

Морозан В. В. История банковского дела в России (вторая половина XVIII — первая половина XIX в.). СПб.: Крига, 2004. 400 с.

Османов А. И. Социально-экономическое положение петербургского купечества в последней четверти XVIII — начале XX в.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2006.

Очерк истории Министерства иностранных дел 1802–1902. СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1902. 206 с.

Романов Н. М. Император Александр I. Опыт исторического исследования: в 2 т. СПб.: Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1912. Т. 1. 606 с.

Русский сборник / ред. О. Р. Айрапетов. Т. 6. М.: Модест Колеров, 2009. 384 с.
Светлейший князь Александр Сергеевич Меншиков: крат. биограф. очерк. СПб., 1872. 14 с.

Созинова К. А. «Слезы мои останутся на этой бумаге ...»: письма Елизаветы Стивенса М. М. Сперанскому // Научный диалог. 2020. № 8. С. 412–427.

Столетие С.-Петербургского английского собрания: 1770–1870. Исторический очерк. Воспоминания. Список старшинам. Списки почетным членам и членам. СПб.: Печатня В. И. Головина, 1870. 156 с.

Тархова Н. А. Летопись жизни и творчества Александра Сергеевича Грибоедова. 1790–1829. М.: Минувшее, 2017. 608 с.

Томпстон С. Р. Российская внешняя торговля XIX — начала XX в.: организация и финансирование. М.: РОССПЭН, 2008. 471 с.

Томсинов В. А. Сперанский. М.: Мол. гвардия, 2006. 451 с.

A Medical Diplomatist // British Medical Journal. 1910. Oct. P. 977–979.

Amburger E. Deutsche in Staat, Wirtschaft und Gesellschaft Rußlands: Die Familie Amburger in St. Petersburg 1770–1920 // Veröffentlichungen des Osteuropa-Institutes München Reihe Geschichte. 1986. Bd. 54. S. 11–307.

Borissow C. J. The commerce of St. Petersburg. L., 1819.

F. M. [MacAlister F.] Memoir of the Right Honorable Sir John McNeil and his second Wife Elizabeth Willson. L.: John Murray, 1910. 426 p.

Harden E. J. The murder of Griboedov. New materials // Birmingham Slavonic Monographs. 1979. № 6. P. 1–91.

The Clan MacNeil. N. Y.: The Caledonian Pub. Co, 1923. 227 p.

Интернет-источники

Амбургеры // Энциклопедия Petrischule: [сайт]. URL <http://allpetrischule-spb.org/index.php?title=%D0%90%D0%BC%D0%B1%D1%83%D1%80%D0%B3%D0%B5%D1%80%D1%8B> (дата обращения: 20.02.2024).

Пак Н. Т. Мальцовы // Гусь-Хрустальный: [сайт]. URL: gunotes.narod.ru/people/text_1_1.html (дата обращения: 20.02.2024).

* * *

¹ ОР РНБ. Ф. 731 (М. М. Сперанского). Д. 1963. Л. 177 об.

² Грибоедов — Бегичеву. Письмо от 18 сентября 1818 г. // Грибоедов А. С. Полное собрание сочинений: в 3 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. Т. 3. С. 21. (Далее — ПСС).

³ Erik-Amburger-Datenbank. URL: <https://amburger.ios-regensburg.de/>.

⁴ *Amburger E.* Deutsche in Staat, Wirtschaft und Gesellschaft Rußlands: Die Familie Amburger in St. Petersburg 1770–1920 // Veröffentlichungen des Osteuropa-Institutes München. Reihe Geschichte. Bd. 54. S. 11–307. (Далее — *Amburger*).

⁵ *Borissow C. J.* The commerce of St. Petersburg. L., 1819. P. 36.

⁶ *Злотников М. Ф.* Континентальная блокада и Россия. М.; Л.: Наука, 1966. С. 290–291. (Далее — *Злотников*).

⁷ *Аллер С.* Руководство к отыскиванию жилищ по Санктпетербургу... СПб., 1824. С. 9.

⁸ Адресная книга Санктпетербургского биржевого купечества, г.г. иностранных гостей, биржевых маклеров и браковщиков при Санкт-Петербургском порте. СПб., 1844. С. 96, 121.

⁹ *Османов А. И.* Социально-экономическое положение петербургского купечества в последней четверти XVIII — начале XX в.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2006.

¹⁰ *Лизунов П. В.* Санкт-Петербургская биржа и российский рынок ценных бумаг (1703–1917 гг.). СПб., 2004. С. 42. (Далее — *Лизунов*).

¹¹ *Amburger.* S. 198.

¹² *Найденев Н. А.* Материалы для истории московского купечества. Т. 4. Приложение 1. М., 1887. Т. 4. С. 449. (Далее — *Найденев*. Т. 4).

¹³ *Amburger.* S. 46.

¹⁴ *Лизунов.* С. 62.

¹⁵ Публикации объявлений об отъезжающих в «Санктпетербургских ведомостях» 3 февраля 1775 г. (С. 8); 4 августа 1775 г. (С. 8); 22 января 1776 г. (С. 20); 20 мая 1776 г. (С. 16); 30 июля 1781 г. (С.15.) и т. д.

¹⁶ *Amburger.* S. 42; *Лизунов.* С. 68.

¹⁷ *Amburger.* S. 49.

¹⁸ *Amburger.* S. 51.

¹⁹ *Найденев*. Т. 4. С. 449; *Найденев Н. А.* Материалы для истории московского купечества. Т. 5 (6-я ревизская сказка). М., 1887. С. 224. (Далее — *Найденев*. Т. 5); ЦГИА. Ф. 781. Оп. 2. Д. 1282.

²⁰ *Горновский И. А.* Сто лет назад // Русский архив. 1904. Кн. 2. № 5–8. С. 538.

²¹ ЦГИА СПб. Ф. 1205. Оп. 11. Д. 1172.

²² *Найденев*. Т. 4. С. 4.

²³ Столетие С.-Петербургского английского собрания: 1770–1870. СПб., 1870. С. 17 (2-й паг.).

²⁴ *Amburger.* S. 242.

²⁵ Петербургский некрополь. Т. 1: (А–Г). СПб., 1912. С. 51.

²⁶ *Amburger.* S. 47.

²⁷ *Amburger.* S. 65.

²⁸ *Amburger.* S. 123, 124.

²⁹ *Лопатников В. А.* Канцлер Румянцов. М.: Мол. гвардия. 2011. С. 91. (Далее — *Лопатников*).

³⁰ *Лопатников.* С. 142.

³¹ *Злотников.* С. 172.

- ³² РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 103. Л. 257–269 об.
- ³³ Андреева И. П., Бессуднова З. А. История минералогической коллекции государственного канцлера Николая Петровича Румянцова // Наука и просвещение. К 250-летию Геологического музея РАН. М.: Наука, 2009. С. 87–104.
- ³⁴ Морозан В. В. История банковского дела в России (вторая половина XVIII — первая половина XIX в.). СПб.: Крига, 2004. С. 274. (Далее — Морозан).
- ³⁵ РГИА. Ф. 1152. Оп. 1. Д. 46.
- ³⁶ РГИА. Ф. 13. Оп. 2. Д. 944.
- ³⁷ ЦГИА СПб. Ф. 1205. Оп. 11. Д. 1172.
- ³⁸ Там же. Л. 34–36 об.
- ³⁹ Amburger. S. 51.
- ⁴⁰ РГИА. Ф. 1374. Оп. 1. Д. 877.
- ⁴¹ Amburger. S. 51.
- ⁴² Amburger. S. 216.
- ⁴³ ОР РНБ. Ф. 731 (М. М. Сперанского). № 1963. Л. 364.
- ⁴⁴ Там же. Л. 127–129, 350.
- ⁴⁵ Томпстон С. Р. Российская внешняя торговля XIX — начала XX в.: организация и финансирование. М.: РОССПЭН, 2008. С. 13.
- ⁴⁶ Died // Evening Mail. 1811. 25 Nov. P. 2.
- ⁴⁷ Амбургеры // Энциклопедия Petrischule. URL: <http://allpetrischule-spb.org/index.php?title=%D0%90%D0%BC%D0%B1%D1%83%D1%80%D0%B3%D0%B5%D1%80%D1%8B>.
- ⁴⁸ ЦГИА СПб. Ф. 1205. Оп. 1. Д. 1172. Л. 37.
- ⁴⁹ Amburger. S. 83.
- ⁵⁰ Amburger. S. 83–84.
- ⁵¹ ЦГИА СПб. Ф. 1205. Оп. 1. Д. 1172. Л. 79–79 об.
- ⁵² ОР РНБ. Ф. 731 (М. М. Сперанского). № 1963. Л. 146–147.
- ⁵³ Там же. Л. 332 об.
- ⁵⁴ Там же. Л. 87.
- ⁵⁵ Там же. Л. 73.
- ⁵⁶ Андреев А. Ю. Переписка императора Александра I и профессора Г. Ф. Паррота (1802–1825) как источник по изучению политических реформ в Российской империи // Вестник ПСТГУ. Сер. 2 «История». 2019. № 89. С. 67–82.
- ⁵⁷ Amburger. S. 98–99, 123–125.
- ⁵⁸ Созинова К. А. «Слезы мои останутся на этой бумаге...»: письма Елизаветы Стивенс М. М. Сперанскому // Научный диалог. 2020. № 8. С. 412–427. (Далее — Созинова).
- ⁵⁹ Томсинов В. А. Сперанский. М.: Мол. гвардия, 2006. С. 93.
- ⁶⁰ [Вейкард М. А.] Из Записок доктора Вейкарда // Русская старина. 1886. № 4. С. 229–268.
- ⁶¹ Кобеко Д. Ф. Ученик Вольтера: граф Андрей Петрович Шувалов // Русский архив. 1881. Кн. 3. С. 241–290.
- ⁶² Amburger. S. 72.
- ⁶³ Amburger. S. 123–124.
- ⁶⁴ ОР РНБ. Ф. 731 (М. М. Сперанского). № 1963; № 1965.

- ⁶⁵ Созинова.
- ⁶⁶ ОР РНБ. Ф. 731 (М. М. Сперанского). № 1963. Л. 132.
- ⁶⁷ Там же. Л. 112 об.
- ⁶⁸ Там же. Л. 189.
- ⁶⁹ Там же. Л. 140.
- ⁷⁰ Письмо М. М. Сперанского Е. М. Сперанской от 28 мая 1817 г. // Русский архив. 1868. № 7–12. Ст. 1157.
- ⁷¹ ОР РНБ. Ф. 731 (М. М. Сперанского). № 1963. Л. 33 об., 133–135, 164 об., 192–194 об., 211–212, 227–228, 332 об.
- ⁷² Там же. Л. 89 об., 223.
- ⁷³ ОР РНБ. Ф. 731 (М. М. Сперанского). № 1963. Л. 174–175 об., 189–189 об., 349–350.
- ⁷⁴ *Amburger*. S. 80.
- ⁷⁵ Басаргин Н. В. Записки. Пг.: Огни, 1917. С. 247.
- ⁷⁶ *Amburger*. S. 269.
- ⁷⁷ ОР РНБ. Ф. 731. (М. М. Сперанского). № 1965. Л. 106.
- ⁷⁸ ЦГИА СПб. Ф. 536. Оп. 2. Д. 34. Л. 550 об. — 551 об.
- ⁷⁹ Лопатников. С. 187.
- ⁸⁰ Русский сборник / ред. О. Р. Айрапетов. Т. 6. М.: Модест Колеров, 2009. С. 50.
- ⁸¹ Романов Н. М. Император Александр I. Опыт исторического исследования. СПб., 1912. Т. 1. С. 99–104. (Далее — Романов).
- ⁸² *Amburger*. S. 74.
- ⁸³ ОР РНБ. Ф. 731 (М. М. Сперанского). Д. 1873. Л. 2.
- ⁸⁴ ОР РНБ. Ф. 731 (М. М. Сперанского). Д. 1963. Л. 152–157 об.
- ⁸⁵ Там же. Л. 26–35.
- ⁸⁶ Романов. С. 106.
- ⁸⁷ *Harden E. J.* The murder of Griboedov. New materials // Birmingham Slavonic Monographs. 1979. № 6. P. 1–91.
- ⁸⁸ ОР РНБ. Ф. 731 (М. М. Сперанского). № 1963. Л. 84–84 об.
- ⁸⁹ Кизеветтер А. А. Гильдия московского купечества. М., 1915. С. 139–141.
- ⁹⁰ РГИА. Ф. 18. Оп. 9. Д. 151. Л. 1–1 об.
- ⁹¹ ОР РНБ. Ф. 124 (П. Л. Вакселя). № 111.
- ⁹² Грибоедов — Булгарину. Письмо от 12 июня 1828 г. // ПСС. С. 148.
- ⁹³ РГИА. Ф. 1343. Оп. 25. Д. 166. Л. 3 об., 7–8; РГАВМФ. Ф. 130. Оп. 1. Д. 305.
- ⁹⁴ РГИА. Ф. 1343. Оп. 25. Д. 166. Л. 4.
- ⁹⁵ Очерк истории Министерства иностранных дел. 1802–1902. СПб., 1902. С. 21–22 (2-й паг).
- ⁹⁶ Грибоедов — Бегичеву. Письмо от 15 апреля 1818 г. // ПСС. С. 15–16.
- ⁹⁷ Рапорт с.с. Ваценко ген. Ермолову от 30 мая 1825. // Акты. Т. 6, ч. II. Тифлис, 1875. С. 314.
- ⁹⁸ Отношение гр. Нессельроде к ген. Ермолову от 16 июля 1818г. // Акты. Т. 6, ч. II. Тифлис, 1875. С. 193.
- ⁹⁹ Грибоедов — С. Н. Бегичеву. Письмо от 18 сент. 1818 г. // ПСС. С. 20.
- ¹⁰⁰ [Муравьев Н. Н.] Запись 22 сентября 1818 г. // Из Записок Н. Н. Муравьева-Карсского. URL: http://az.lib.ru/g/griboedow_a_s/text_0060.shtml.

¹⁰¹ Отношение ген. Ермолова гр. Нессельроде от 10 апреля 1825. // Акты. Т. 6, ч. II. Тифлис, 1875. С. 312.

¹⁰² РГАВМФ. Ф. 19. Оп. 3. Д. 320. Л. 3–3 об.

¹⁰³ *Тархова Н. А.* Летопись жизни и творчества Александра Сергеевича Грибоедова. 1790–1829. М., 2017. С. 115–123.

¹⁰⁴ Письмо М. М. Сперанского Е. М. Сперанской от 25 июля 1819 г. // Русский архив. 1868. № 7–12. Ст. 1688.

¹⁰⁵ [Муравьев Н. Н.] Запись 31 мая 1821 г. // Из записок Н. Н. Муравьева-Карсского. URL: http://az.lib.ru/g/griboedow_a_s/text_0060.shtml.

¹⁰⁶ ОР РНБ. Ф. 731 (М. М. Сперанского). № 1963.

¹⁰⁷ Письмо М. М. Сперанского Е. М. Сперанской от 25 июля 1819 г. // Русский архив. 1868. № 7–12. Ст. 1726.

¹⁰⁸ РГИА. Ф. 565. Оп. 2. Д. 6614. Л. 6 об.

¹⁰⁹ Здесь под червонцем (монета из золота) подразумеваются голландские дукаты, тайно производимые на Санкт-Петербургском монетном дворе вплоть до 1868 г. для выплаты жалованья воевавшим и служившим на Востоке и Польше. В конце 1820-х годов 1 дукат соответствовал 2,85–3,2 рублям серебром, или 10–12 рублям ассигнациями.

¹¹⁰ РГИА. Ф. 565. Оп. 2. Д. 6614. Л. 6 об.

¹¹¹ Грибоедов Родофиникину. Письмо от 6 окт. 1819 г. // ПСС. С. 41.

¹¹² ОР РНБ. Ф. 731 (М. М. Сперанского). № 1963. Л. 235–236 об.

¹¹³ ОР РНБ. Ф. 731 (М. М. Сперанского). № 1919. Л. 7 об.

¹¹⁴ ОР РНБ. Ф. 731 (М. М. Сперанского). № 1963. Л. 289 об.

¹¹⁵ ОР РНБ. Ф. 731 (М. М. Сперанского). № 1965. Л. 1 об.

¹¹⁶ *F. M. [MacAlister F.]* Memoir of the Right Honorable Sir John McNeil and his second Wife Elizabeth Willson. L., 1910. P. 53. (Далее — *F. M.*).

¹¹⁷ Отношение ген. Ермолова к гр. Нессельроде от 8 июля 1822 г. // Акты. Т. 6, ч. II. Тифлис, 1875. С. 268.

¹¹⁸ Там же. С. 267–268.

¹¹⁹ Донесение тит. сов. Амбургера ген. Ермолову от 5 августа 1823 г. // Акты. Т. 6, ч. II. Тифлис, 1875. С. 282–284.

¹²⁰ Отношение ген. Ермолова гр. Нессельроде от 10 апреля 1825 г. // Акты. Т. 6, ч. II. Тифлис, 1875. С. 312.

¹²¹ РГИА. Ф. 565. Оп. 2. Д. 6614. Л. 1.

¹²² Предписание ген. Ермолова кн. Мадатову от 31 марта 1823 г. // Акты. Т. 6, ч. II. Тифлис, 1875. С. 275.

¹²³ Отношение тит. сов. Амбургера к ген.-л. Вельяминову от 29 янв. 1826 г. из Тавриза // Акты. Т. 6, ч. II. Тифлис, 1875. С. 333–334.

¹²⁴ РГИА. Ф. 469. Оп. 8. Д. 106.

¹²⁵ РГИА. Ф. 565. Оп. 2. Д. 6614. Л. 8.

¹²⁶ Рапорт подполковника Старкова кн. Мадатову от 10 июля 1825 г. // Акты. Т. 6, ч. I. Тифлис, 1874. С. 832.

¹²⁷ Донесение титулярного советника Амбургера ген.-л. Вельяминову от 9 февраля 1826 г. // Акты. Т. 6, ч. II. Тифлис, 1875. С. 337.

¹²⁸ Рапорт подполковника Старкова кн. Мадатову от 10 июля 1825 г. // Акты. Т. 6, ч. I. Тифлис, 1874. С. 832.

¹²⁹ Донесение титулярного советника Амбургера к ген.-л. Вельяминову от 29 января 1826 г. // Акты. Т. 6, ч. II. Тифлис, 1875. С. 333–334.

¹³⁰ Persia // Globe. 1826. 26 Sept. P. 1–2.

¹³¹ РГАВМФ. Ф. 19. Оп. 4. Д. 447. Л. 73–77.

¹³² Там же. Л. 62–64.

¹³³ Там же. Л. 77.

¹³⁴ *Бартоломей В. А.* Посольство князя Меншикова в Персию в 1826 г. // Русская старина. 1904. Апр. Т. 118. С. 76–77.

¹³⁵ Отношение генерала Ермолова графу Нессельроде от 24 февраля 1826 г. // Акты. Т. 6, ч. II. Тифлис, 1875. С. 337.

¹³⁶ Грибоедов Амбургеру. Письмо от 18 июля 1828 г. // ПСС. С. 152.

¹³⁷ РГИА. Ф. 1018. Оп. 2. Д. 202. Л. 3 об.

¹³⁸ Письмо Паскевича — Дибичу от 10 дек. 1826 г. Ермолов, Дибич и Паскевич // Русская старина. 1872. Т. 5. № 5. С. 708–709.

¹³⁹ Кн. Щербатов. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич: его жизнь и деятельность. Т. 2. СПб., 1890. С. 18–23.

¹⁴⁰ РГИА. Ф. 1018. Оп. 2. Д. 423.

¹⁴¹ Неизвестно, была ли отправлена эта депеша; в указанном архивном деле текст носит название «Замечания с пометами кн. И. Ф. Паскевича, направленные гр. Дибичу» и датирован январем 1827 г.

¹⁴² РГИА. Ф. 1018. Оп. 2. Д. 135.

¹⁴³ РГИА. Ф. 565. Оп. 2. Д. 6616. Л. 23, 55–56.

¹⁴⁴ РГИА. Ф. 1018. Оп. 8. Д. 13.

¹⁴⁵ Комментарий редактора // ПСС. С. 543–546.

¹⁴⁶ Отношение гр. Нессельроде к ген. Паскевичу от 20 декабря 1827 г. // Акты. Т. 7. Тифлис, 1878. С. 579.

¹⁴⁷ РГИА. Ф. 1018. Оп. 2. Д. 150.

¹⁴⁸ Отношение ген. Ермолова гр. Нессельроде от 12 апреля 1818 г. // Акты. Т. 6, ч. II. Тифлис, 1875. С. 186–189.

¹⁴⁹ РГИА. Ф. 565. Оп. 2. Д. 6616. Л. 3.

¹⁵⁰ Там же. Л. 4.

¹⁵¹ Там же. Л. 49^a–49^a об.

¹⁵² Письма Грибоедова Амбургеру от 18 июля, 25 июля, 7 августа 1828 г. // ПСС. С. 152–158.

¹⁵³ РГИА. Ф. 565. Оп. 2. Д. 6616. Л. 56.

¹⁵⁴ Отношение гр. Паскевича к гр. Нессельроде от 1 июня 1828 г. // Акты. Т. 7. Тифлис, 1878. С. 632.

¹⁵⁵ Грибоедов — Паскевичу. Письмо от 12 ноября 1828 г. // ПСС. С. 281–282.

¹⁵⁶ Грибоедов — Родофиникину. Письмо от 10 июля 1828 г. // ПСС. С. 211.

¹⁵⁷ Инструкция гр. Нессельроде ген.-м. кн. Долгорукову от 5 апр. 1829 г. // Акты. Т. 7. Тифлис, 1878. С. 693–695.

¹⁵⁸ Рапорт кн. Долгорукова гр. Паскевичу от 30 мая 1829 г. // Акты. Т. 7. Тифлис, 1878. С. 724–725.

¹⁵⁹ Отношение кн. Долгорукова к т. с. Родофиникину от 22 мая 1830 г. // Акты. Т. 7. Тифлис, 1878. С. 725.

¹⁶⁰ Донесение н. с. Амбургера гр. Паскевичу от 27 июля 1828 г. // Акты. Т. 7. Тифлис, 1878. С. 467.

¹⁶¹ Рапорт к. а. Амбургера гр. Паскевичу от 15 мая 1828 г. // Акты. Т. 7. Тифлис, 1878. С. 625.

¹⁶² Письмо гр. Паскевича к 'Аббас-мирзе от 29 мая 1828 г. // Акты. Т. 7. Тифлис, 1878. С. 630.

¹⁶³ Рапорт к. а. Амбургера гр. Паскевичу от 15 мая 1828 г. // Акты. Т. 7. Тифлис, 1878. С. 625.

¹⁶⁴ Рапорт н. с. Амбургера гр. Паскевичу от 16 июня 1828 г. // Акты. Т. 7. Тифлис, 1878. С. 637.

¹⁶⁵ Рапорт н. с. Амбургера ген. Паскевичу от 8 февр. 1829 г. // Акты. Т. 7. Тифлис, 1878. С. 671.

¹⁶⁶ *Harden E. J. The murder of Griboedov. New materials* // Birmingham Slavonic Monographs. 1979. № 6. Р. 1–91.

¹⁶⁷ Рапорт н. с. Амбургера ген. Паскевичу от 8 февраля 1829 г. // Акты. Т. 7. Тифлис, 1878. С. 671.

¹⁶⁸ *Amburger. S. 94.*

¹⁶⁹ Предписание гр. Паскевича н. с. Амбургеру от 6 марта 1829 г. // Акты. Т. 7. Тифлис, 1878. С. 676.

¹⁷⁰ Предписания гр. Паскевича н. с. Амбургеру от 29 февр. И 5 марта 1829 г. // Акты. Т. 7. Тифлис, 1878. С. 674–677.

¹⁷¹ РО РНБ. Ф. 225 (В. Н. Григорьева). № 5. Л. 45–48 об.

¹⁷² Рапорт н. с. Амбургера гр. Паскевичу от 16 апреля 1829 г. // Акты. Т. 7. Тифлис, 1878. С. 695–696.

¹⁷³ Донесение н. с. Амбургера гр. Паскевичу от 4 мая 1829 г. // Акты. Т. 7. Тифлис, 1878. С. 697–698.

¹⁷⁴ Внутренние известия // Тифлиссие ведомости. 1829. 19 июля. № 29. С. 1.

¹⁷⁵ Дополнение к статье: Воспоминания о А. С. Грибоедове: Описание последнего долга, отданного ему в Тифлисе // Сын Отечества. 1830. № 2. С. 87–94.

¹⁷⁶ *F. M. P. 134.*

¹⁷⁷ Рапорт кн. Долгорукова гр. Паскевичу от 20 июня 1830 г. // Акты. Т. 7. Тифлис, 1878. С. 725.

¹⁷⁸ Там же.

¹⁷⁹ Отношение гр. Нессельроде к гр. Паскевичу от 16 декабря 1830 г. // Акты. Т. 7. Тифлис, 1878. С. 732.

¹⁸⁰ *И. М.л.и...* [Мальцов И. С.] Письмо к издателю «Северной пчелы» // Северная пчела. 1829. № 5. С. 3–4.

¹⁸¹ Грибоедов — Нессельроде. Письмо от 23 октября 1828 г. // ПСС. С. 365.

¹⁸² Рапорт кн. Долгорукова гр. Паскевичу от 20 июня 1830 г. // Акты. Т. 7. Тифлис, 1878. С. 725.

¹⁸³ РГИА. Ф. 565. Оп. 2. Д. 6616. Л. 49^а.

¹⁸⁴ *Amburger. S. 55, 66, 128, 137, 138.*

¹⁸⁵ АВ ИВР РАН. Ф. 17. Оп. 1. № 189. Л. 9–9 об.

¹⁸⁶ *Amburger. S. 269.*

О. В. Иодко

**ГЕОЛОГ, МИНЕРАЛОГ, АКАДЕМИК
герман вильгельм абих (1806–1886)**

Герман Вильгельм Абих (1806–1886), геолог, минералог, путешественник, один из основоположников геологического изучения Кавказа, изучал жизнь ледников, закономерности вулканических процессов. В 1842 г. был приглашен на должность профессора Дерптского университета. В 1844 и 1845 гг. совершил восхождения на Арарат для выяснения причин произошедшего в 1840 г. у подножия горы разрушительного землетрясения. В 1847 г. переведен в Главное горное управление с пребыванием при наместнике кавказском. Большую часть времени в России провел в путешествиях по Кавказу и Северной Персии для изучения строения почвы, минеральных ресурсов и физической географии, собирая материал для составления геологической карты и подробного геологического описания этого региона. Академик (1853), почетный академик (1866) Петербургской академии наук. В 1876 г. переехал в Вену, где занимался изданием своих последних трудов.

Ключевые слова: Академия наук, восхождения, вулканы, геология, горы, минералы.

O. V. Iodko

**GEOLOGIST, MINERALOGIST, ACADEMICIAN
HERMANN WILHELM ABICH (1806–1886)**

Hermann Wilhelm Abich (1806–1886), geologist, mineralogist, traveler, one of the founders of the geological study of the Caucasus, studied the life of glaciers and the patterns of volcanic processes. In 1842 he was invited to the position of professor at the University of Dorpat. In 1844 and 1845 climbed Mount Ararat to find out the causes of the devastating earthquake that occurred in 1840 at the foot of the mountain. In 1847 he was transferred to the Main Mining Administration with a stay under the governor of the Caucasus. He spent most of his time in Russia traveling around the Caucasus and Northern Persia to study soil structure, mineral resources and physical geography, collecting material to compile a geological map and a detailed geological description of this region. Academician (1853), honorary academician (1866) of the St. Petersburg Academy of Sciences. In 1876 he moved to Vienna, where he published his latest works.

Keywords: Academy of Sciences, climbing, geology, minerals, mountains, volcanoes.

Портрет Г. В. Абиха
(СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-А. Д. 55. Л. 1)

Одним из богатейших и наиболее интересных в геологическом отношении регионов Земли является Кавказ. Его изучению отдал силы и талант Отто Вильгельм Герман Абих (в России Герман Вильгельмович, Васильевич). Работы его, по свидетельству специалистов, до сих пор не утратили актуальности.

О жизни Абиха, к сожалению, сказано очень мало, исправить это попытался ученый геолог и палеонтолог В. В. Богачев¹: «Хорошей биографии Абиха я не встречал в западно-европейской литературе: даже в журнале “Neues Jahrbuch und Zentralblatt für Mineralogie, Geologie und Palaeontologie” за годы 1886–1888 я не нашел хотя бы некролога, а в других (русских) изданиях его биография отличается сухостью и краткостью, — все же я делаю попытку свести эти материалы»². Статья В. В. Богачева в основном содержит профессиональный анализ работ Абиха и крупницы сведений о жизни ученого. Предлагаемая статья является попыткой допол-

нить эти сведения на основании материалов Санкт-Петербургского филиала Архива РАН.

Абих родился в Берлине 11 декабря (н. ст.) 1806 г.³ в зажиточной семье с традициями. Его дед, Рудольф Абих, был заведующим соляными промыслами в Брауншвейге; ими семья владела и впоследствии. По-видимому, молодого Абиха прочили продолжателем семейного дела. Дедом со стороны матери был известный химик Мартин Генрих Клапрот⁴, а дядей — востоковед и путешественник Генрих Юлий Клапрот⁵. Тот и другой имели отношение к Петербургской академии наук. Но не это определило жизненный выбор Абиха. По окончании гимназии он поступил в Берлинский университет, где начал изучать право, затем перешел в Гейдельбергский, оставил его, вернулся в Берлинский и там уже всецело преданся изучению геологии, минералогии и неорганической химии. В то время в Берлинском университете преподавали такие корифеи, как Гегель⁶, Гумбольдт⁷, географ Карл Риттер⁸ и геолог и путешественник Леопольд фон Бух⁹, развивавший свою теорию вулканического происхождения гор. Абих стал его любимым учеником и, получив в 1831 г. степень доктора философии за диссертацию «О шпинели»¹⁰ (*De Spinello. Dissertatio inangularis chemicaquam ad consequendos ab amplissimo Universitatis Berolinensis philosophorum ordine summos in philosophia honores die XXVII. M. August. A. MDCCCXXXI. Berolini, 1831*), занялся изучением вулканов.

С 1833 г. Абих находился в Южной Италии и Сицилии, где три года обследовал вулканы Везувий, Этну и Стромболи. «Барон Каульбарс¹¹ пишет: “Не могу не припомнить эпизода из его жизни, характеризующего его настойчивость и преданность делу: оставленный жожаками, которые не дерзали следовать за ним, он ловко воспользовался удачным направлением ветра и периодичностью извержений вулкана Стромболи, повторявшихся каждые 6 минут, чтобы, перебегая в промежутках от одного отверстия к другому, вовремя проникнуть в самый кратер вулкана, чтобы на месте и в непосредственной близости изучить многие явления, до того времени остававшиеся загадочными”»¹². Результатом этих наблюдений явилась монография под заглавием “*Über die Natur und den Zusammenhang der vulkanischen Bildungen*” (Braunschweig, 1841) («О природе и связи

между вулканическими образованиями»). Работа произвела впечатление в ученом мире, и Абиxа пригласили в Дерптский университет, где он с 7 апреля 1842 г. по 8 сентября 1847 г.¹³ преподавал на физическом факультете естественную историю и минералогию.

11 января 1844 г. он был откомандирован в Закавказский край «для исследования тех мест по части геогнозии», проще говоря, ему было поручено выяснить причины землетрясения, произошедшего в июле 1840 г. страшные разрушения на северном склоне Арарата, тогда пострадали монастырь Св. Якова и селение Аргури, которые в 1829 г. служили базой для успешного восхождения на гору И. Я. Ф. В. Паррота¹⁴ и Хачатура Абовяна¹⁵. Но Арарат считался давно потухшим вулканом, поэтому потребовалась оценка ситуации экспертом. Абиx предпринял две попытки восхождения на Арарат, в 1844 и 1845 гг., его впечатления были опубликованы в русском переводе в газете «Кавказ» и перепечатаны под названием «Восхождение на Арарат» в «Санкт-Петербургских ведомостях»¹⁶.

Группа восходителей состояла из топографа Бичугина, переводчика Петроса Шарояна, богемца Карла Ценка, бывших жителей разрушенного селения Аргури, армян Онана Мартиросова и Симона Саркисова и четырех казаков 12-го Донского полка, добровольно вызвавшихся сопровождать экспедицию¹⁷. В первый раз погодные условия не благоприятствовали, и попытку пришлось повторить. Абиx пишет: «Приготовляясь покинуть холм, на котором я находился, я приказал вырыть на 3 фута в снег, становившийся в глубине все более мелкозернистым, жердь в 5 футов 8 дюймов и крепкою медною проволокою прикрепил к наружному концу ее хорошо закупоренную бутылку, в которой положена бумага со следующей записью: “MDCCCXLIV dira tempestate bis repulse. MDCCCXLV Deo juvante feliciter reversi”¹⁸, а равно и с означением имен всех лиц, участвовавших в восхождении. Другая бутылка была наполнена снегом, и ее как святыню взяли мы с собою»¹⁹.

Увиденное привело Абиxа к выводу о тесной взаимосвязи происшедшего с химическими процессами, постоянно идущими в толще горы. Он пишет: «Нисхождение к тому месту, где мы провели прошедшую ночь, по прежнему нашему пути, имело для меня особенную прелесть как по обширности видов, развертывавшихся

перед нашими глазами, так и по занимательности свойств самого грунта, по которому шла наша дорога. В высшей степени замечательно то, что и здесь, вблизи от вершины, обнаруживаются явления, стоящие в тесной связи с минералогическими свойствами пород внутреннего ядра горы, которые так ясно видны в разрушенных массах, покрывающих долину Св. Якова после несчастного происшествия 1840 г., стершего Аргури с лица земли. А именно это то, что породы порфира, составляющие основу горы, проникнуты в значительном количестве маленькими кристаллами пирита, состоящего, как известно, из серы и железа. От совокупного действия воздуха и сырости минерал этот теряет свою твердость и превращается в легко разлагаемую соль (железистый купорос); по этой причине самые скалы, проникнутые им, рыхлеют и отчасти рассыпаются глинообразной землею, отчасти же делаются ноздреватыми и изменяют свой первоначальный темный цвет на красно-желтый и белый <...> Особенный, сернистый запах, сопровождающий обычно подобные разложения, был и здесь сильно распространен в воздухе, в области поблекших и разрушенных горных пород. Но всего важнее то, что как этот сернистый металл, так и сырость снега заключают в себе зародыши силы, коими природа медленно, но постоянно разрушает внутреннее ядро Арарата»²⁰.

Выполнив поручение, Абих готов был вернуться в Дерптский университет, но и Кавказ был ему интересен, и он показал себя нужным там человеком. Уже 5 августа 1847 г. он был перемещен в Главное горное управление «с оставлением при наместнике кавказском до окончания производимых геогностических исследований, вследствие чего в день получения упомянутого высочайшего приказа уволен от Дерптского университета»²¹. 23 июня 1850 г. по окончании работ на Кавказе он приехал в Петербург, где представил собиравшиеся им в течение 6 лет материалы для полного геогностического описания Кавказа и подготовки его к изданию²².

С 1 июля 1850 г. ему поручено составление систематического каталога собранных минеральных коллекций и приведение в порядок физико-геологических описаний карт разрезов и рисунков в Музее Института корпуса горных инженеров²³. 16 августа того же года его командировали в Германию и Англию для совещания с известными

учеными о геологии Кавказа. По возвращении из-за границы он был 20 июля 1851 г. командирован через Тулу, Киев и Крым на Кавказ для завершения начатых геологических изысканий²⁴. С отчетом о выполненной работе он выступил на заседании Академии наук и по представлению академиков Купфера²⁵, Ленца²⁶, Якоби²⁷, Фрицше²⁸ и Гельмерена²⁹ был избран ординарным академиком (11-ю голосами против трех Физико-математическим отделением и 22-я голосами против трех Общим собранием АН)³⁰. Довольствия ему было положено в год по Академии — 1429 руб. 60 коп. и по Корпусу горных инженеров — 1429 руб. 60 коп., итого — 2859 руб. 20 коп.³¹

С этого времени начинается его «оседлая» работа в Академии: присутствие на заседаниях, рассмотрение представленных работ, командировки. Так, в июне 1854 г. его командировуют для выяснения причин земляного провала в Тульской казенной лесной даче³². 7 мая 1857 г. высочайшим приказом по Гражданскому ведомству его направляют за границу на четыре месяца «по особо возложенному на него поручению»³³. А уже в мае 1858 г. снова командировуют в распоряжение наместника кавказского на два года «для продолжения геологических исследований Закавказского края»³⁴. В рамках уже этой командировки в январе 1859 г. он принимает участие в работе Комитета по делу об устройстве Арагвского канала, проектировавшегося для обводнения Караязской степи³⁵. Абиxу предстояло проанализировать состав воды реки Арагви и почвы степи и сделать вывод, не повредят ли здоровью людей растворенные в воде вещества.

Однако столь долгие отлучки от академических дел стали беспокоить коллег по Академии. 28 января 1865 г. президент Академии Ф. П. Литке³⁶ пишет барону Николаи³⁷: «При всей пользе для науки от пребывания там сего ученого нельзя не сознаться, что столь продолжительное отсутствие г. Абиxа из Петербурга сопряжено также и со значительными неудобствами для Академии, которая через то лишена его содействия при обсуждении в заседаниях разных предлагаемых ей вопросов, и при малом вообще личном составе Академии и при крайне ограниченном числе в ней представителей по отдельным отраслям наук, означенное обстоятельство имеет весьма ощутительные последствия для хода дел в Академии. Кроме того, я полагаю, что и для обработки собранных наблюдений,

равно как и для издания их в свет, пребывание Абиха в Петербурге было бы полезно»³⁸.

Вопрос этот улаживался почти год, и на заседании Общего собрания 3 декабря 1865 г. была оглашена информация: в заседании Физико-математического отделения 30 ноября было объявлено, что Абих письмом от 8 ноября из Тифлиса сообщил, «что обязанности, принятые им на себя в отношении горного ведомства по составлению геологической карты Кавказа и подробному геологическому описанию этой страны, принуждают его остаться на Кавказе долее, чем он предполагал, и даже на весьма продолжительное время. Так как это обстоятельство лишает его возможности присутствовать в заседаниях Академии и нести обязанности члена Конференции наравне с другими академиками, проживающими в Петербурге, то он решается отказать от звания действительного члена Академии и просит об увольнении его от службы по оной»³⁹. Одновременно было зачитано представление, подписанное академиками Якоби, Гельмерсеном, Фрицше и Веселовским⁴⁰, о том, что решение Абиха остаться на Кавказе говорит о том, что его научная деятельность не прекращается, а обещает послужить к обогащению науки, и Академии было бы полезно сохранить с ним постоянные отношения, а для этого его необходимо избрать в почетные члены. Постановили провести баллотирование после того, как будет утверждено увольнение Абиха из академиков. Приказом по Министерству народного просвещения от 22 декабря 1865 г. Абих был уволен⁴¹, а баллотирование в почетные члены произошло 14 января 1866 г. Он был избран 26-ю голосами против трех⁴². Теперь он был совершенно свободен — согласно уставу, Академия не возлагала никаких обязанностей на почетных членов, принимала к рассмотрению их труды, признанные достойными печатала в «Записках»⁴³, а также позволяла присутствие на публичных и общих собраниях наряду с действительными членами⁴⁴.

После ухода из академиков до самого отъезда из России Абих жил в Тифлисе под покровительством наместника кавказского и принимал деятельное участие в работе местных научных учреждений. За годы службы в России он получил чины коллежского, статского и действительного статского советника (1852, 1853, 1859 гг.)⁴⁵, был награжден орденами Св. Владимира IV степени и Св. Анны II сте-

пени (1847, 1856)⁴⁶, а в 1851 г. прусским королем ему был пожалован орден Красного орла III степени⁴⁷. В 1876 г., прослужив в России 35 лет, с пенсией «полного оклада» он переехал в Вену, где занимался изданием своих трудов. Судьба отвела ему еще десять лет жизни. «Осенью 1885 года он почувствовал себя серьезно больным и начал лечиться. Подагрические явления мучили его. К болезни присоединился ряд тяжелых переживаний (смерть сестры), подорвавших его силы. В конце июня 1886 г. обнаружилось острое заболевание; врачи определили воспаление слепой кишки. Консультация проф. Бильрота⁴⁸ несколько запоздала, и Г. В. Абих скончался через час после осмотра его врачами — 13/VII 1886 г. (Эти последние данные заимствованы из письма его вдовы к акад. Н. И. Кокшарову⁴⁹)»⁵⁰.

Скончался он, как сказано в траурном извещении его вдовы, Аделаиды Абих, урожденной фон Гесс: «1 июля 1886 года, в час полудни, после непродолжительной болезни на 80-м году жизни, в истинной вере в Спасителя. Земная оболочка его в понедельник, 5 июля, в половине третьего будет доставлена, из траурного дома, I Museumstrasse, 8, в евангелическую церковь реформатского исповедания, Dorotheegrasse, 16, где в три часа будет торжественно освящена, а оттуда перевезена в Готу для кремации»⁵¹. Пепел по завещанию был захоронен на могиле матери в Кобленце.

Самая обширная библиография трудов Абиха дана в Биографическом словаре профессоров и преподавателей Императорского Юрьевского, бывшего Дерптского университета за сто лет его существования (1802–1902) в статье «Абих» Ф. Ю. Левинсон-Лессинга⁵². Все работы на немецком, французском языках и в русском переводе были изданы в Берлине, Париже, Брауншвейге, Санкт-Петербурге и Москве (в периодических изданиях Академии наук и научных обществ), Тифлисе, Вене⁵³. В 1896 г. вдова издала письма Абиха к ней и родителям, охватывающие кавказский период его жизни (*Aus kaukasischen Ländern. Reisebriefe von Hermann Abich / Herausgegeben von desseb Witwe. Wien, 1896*).

1 марта 1888 г. в Академию наук обратился барон Н. В. Каульбарс с информацией о том, что «по смерти Абиха остались 37 дневников, заключающих богатый материал по геологии Кавказа, собранный им во время долголетнего пребывания покойного в этой

стране. Дневники написаны четким почерком покойного: академик имел привычку все свои замечания тут же в пути записывать в книгу, причем для большего уяснения написанного делал массу самых интересных и отчетливых рисунков. Еще в Вене профессора Эдуард Зюсс⁵⁴, Неймайер⁵⁵ и другие, имевшие случай видеть и ознакомиться с содержанием названных дневников, высказывали, что этот важный научный клад было бы необходимо публиковать в том виде, как покойный Абих его оставил, с тем чтобы сделать его доступным для специалистов, будущих исследователей Кавказа <...> Уезжая за границу вдова покойного передала мне дневники с целью совместно с профессорами Ленцом, Мушкетовым⁵⁶ и Карпинским⁵⁷ определить стоимость предполагаемого издания»⁵⁸.

4 марта 1888 г. А. П. Карпинский в письме к неперемемному секретарю АН К. С. Веселовскому сообщает: «Ввиду того что исследования Абиха производились на счет Горного ведомства, я прежде всего обратился за справками о денежных средствах на издание в Горный департамент. После предварительного согласия директора департамента вышеизложенное было представлено на благоусмотрение министра Государственных имуществ, который изъявил полное согласие на издание дневников покойного Абиха на средства Горного департамента»⁵⁹. Результат переговоров был сообщен барону Каульбарсу письмом от 6 марта. Однако в библиографиях этот труд отыскать не удалось.

Архив Абиха невелик — 7 единиц в СПбФ АРАН и 14 — в рукописном отделе РНБ. Печальную запись находим в одном из безымянных некрологов: «Заметим, что массу крайне ценного для науки материала истребил пожар, имевший место в 1859 г. в квартире Германа Вильгельмовича в С.-Петербурге»⁶⁰. Где именно это случилось, установить, к сожалению, не удалось, но то, что это было съемное жилье, подтверждает запись в формулярном списке об ассигновании ему 342 руб. 87 коп. квартирных денег, там же указано, что он «иностранец, не присягнувший на подданство»⁶¹.

Корректный и сдержанный, Абих вполне по-человечески переживал неудачи: «Спутник по восхождению на вершину Арарата горный инж[енер] В. В. Соколов рассказывает: “Я никогда не забуду того выражения горя, которое отразилось на лице Г. В. Абиха,

когда он при одном из восхождений его на Арарат, поскользнувшись, упал и разбил несомый на плече барометр. Г. В. Абих бросился на землю и в отчаянии рвал на себе волосы”»⁶².

Портрет Абиха в преклонном возрасте оставила в воспоминаниях Е. А. Толмачева-Карпинская⁶³: «Знакомство с ним — если можно так выразиться, ибо он был старше меня почти на 70 лет, — оставило глубокий след, и образ Абиха сохранился в моей памяти таким живым, словно он еще недавно был в нашей квартире в Горном институте, где в то время мой отец был еще молодым профессором <...> Внешним своим видом Абих не походил ни на кого из известных мне лиц, в том числе и представителей ученого мира: крупная, видная фигура в длинном коричневом сюртуке, с воротничками, какие я и до того и после видела только на старинных гравюрах, “старомодная прическа”. Вероятно, этот внешний облик был уже “старомодным” и в те годы, когда я видела Абиха, потому что “длинный коричневый сюртук” мне встретился недавно в описании Александра Гумбольдта, задолго до того уже умершего учителя Абиха»⁶⁴.

Именем Абиха названы минерал и несколько видов ископаемых моллюсков; в Музее землеведения МГУ установлен его бронзовый бюст.

Библиография

Архивные источники

Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук

СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 139.

СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 141.

СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1853). Д. 6.

СПбФ АРАН, Ф. 2. Оп. 1 (1888). Д. 1.

СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 17. Д. 18.

СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 5. Д. 30.

СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 5. Д. 38.

СПбФ АРАН. Ф. 265. Оп. 8. Д. 1.

СПбФ АРАН. Ф. 1057. Оп. 1. Д. 5.

СПбФ АРАН. Р. V. Оп. 1-А. Д. 9.

Опубликованные источники

Абих Г. В. Восхождение на Арарат // Санкт-Петербургские ведомости. 1846. 20 марта. № 65; 22 марта. № 67.

Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Юрьевского, бывшего Дерптского университета за сто лет его существования (1802–1902) / под ред. проф. Г. В. Левицкого. Т. 1. Юрьев: Тип. К. Маттисена, 1902. 664 с.

Богачев В. В. Герман-Вильгельм (Герман Васильевич) Абиx. 11/XII 1806–13/VII 1886. «Отец кавказской геологии» // Труды Геологического института Азербайджанского филиала АН СССР. Баку, 1939. Т. XII/63. С. 7–20.

Некролог Абиxа // Русский курьер. 1886. 4 июля. № 181. С. 2.

Российская академия наук. Персональный состав. Кн. 1: 1724–1917. М.: Наука, 2009. 562 с.

Уставы Российской академии наук. 1724–2009. М.: Наука, 2009. 367 с.

* * *

¹ Богачев Владимир Владимирович (1881–1965), геолог и палеонтолог, доктор геолого-минералогических наук (1937), заслуженный деятель науки Азербайджанской ССР (1936). Профессор Азербайджанского политехнического института, Азербайджанского и Ростовского государственных университетов. Во время немецкой оккупации остался в Ростове-на-Дону и продолжал преподавать в Ростовском университете, а также принял участие в реструктуризации Музея истории донского казачества в Новочеркасске. В 1943 г. был арестован НКВД. Некоторое время находился в саратовской тюрьме вместе с академиком Н. И. Вавиловым, затем был осужден на 10 лет заключения с последующим поражением в правах на 5 лет. С 1944 по 1946 г. работал в Москве в спецлаборатории, в последующие семь лет — в научно-исследовательской. С 1960 г. жил в Баку, где работал в Азербайджанском научно-исследовательском институте по добыче нефти.

² Богачев В. В. Герман-Вильгельм (Герман Васильевич) Абиx. 11/XII 1806–13/VII 1886. «Отец кавказской геологии» // Труды Геологического института Азербайджанского филиала АН СССР. Баку, 1939. Т. XII/63. С. 7.

³ Российская академия наук. Персональный состав. Кн. 1: 1724–1917. М., 2009. С. 62.

⁴ Клапрот Мартин Генрих (1743–1817), немецкий химик, минералог, первооткрыватель трех химических элементов: циркония, урана и титана. Первый профессор химии Берлинского университета. Составитель (вместе с К. Ф. Вольфом) девятитомного Химического словаря. Член Прусской академии наук (1788), Лондонского королевского общества (1795), иностранный член Парижской академии наук (1804), иностранный почетный член Петербургской академии наук (1805). Его имя носит кратер на Луне. Отец востоковеда Юлиуса Клапрота.

⁵ Клапрот Генрих Юлиус (1783–1835), немецкий востоковед, путешественник, полиглот. Иностраннный член Петербургской академии наук (1805–1812, формально: 1817). С 1815 г. жил и занимался научной работой в Париже при финансовой поддержке прусского короля. Один из учредителей Азиатского общества (Société asiatique). Автор книги «Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807–1808 гг.». Выступал с критикой методики прочтения египетских иероглифов, предложенной Ф. Шампольоном. Сын химика Мартина Клапрота.

⁶ Гегель Георг Вильгельм Фридрих (1770–1831), немецкий философ-идеалист, рассматривавший природу и материю вторичной относительно духа и сознания, один из основоположников современной западной философии.

⁷ Гумбольдт Александр (Фридрих Вильгельм Генрих Александр, 1769–1859), немецкий географ, натуралист, путешественник, ученый-энциклопедист, один из основателей географии как самостоятельной науки.

⁸ Риттер Карл фон (1779–1859), немецкий географ, профессор Берлинского университета (1825–1859), один из основоположников современной географической науки. Автор 19-томного труда “Die Erdkunde im Verhältniss zur Natur und zur Geschichte des Menschen” («География в связи с природой и историей человечества»), написанного в 1816–1859 гг., член Прусской академии наук (1822), член-корреспондент Азиатского общества (1828), иностранный почетный член Петербургской академии наук (1835) и Американской академии искусств и наук (1849).

⁹ Бух Христиан Леопольд, фон (1774–1853), немецкий геолог, один из первых полевых геологов и основателей стратиграфии. Член Прусской академии наук (1806), иностранный член Лондонского королевского общества (1828), Парижской академии наук (1840; член-корреспондент с 1815 г.), иностранный почетный член Императорской Санкт-Петербургской академии наук (1832).

¹⁰ Минерал, смесь оксида магния с алюминием, кристаллы имеют остроконечную форму, что нашло отражение в его названии. Сияние и разнообразие оттенков способствовали востребованности его в ювелирном деле.

¹¹ Каульбарс Николай Васильевич, барон (1842–1905), российский военный писатель и картограф, генерал от инфантерии, участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг., военный атташе в Вене (1881–1886), член Императорского Русского географического общества.

¹² Цит. по: Богачев В. В. Указ. соч. С. 8.

¹³ Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Юрьевского, бывшего Дерптского университета за сто лет его существования (1802–1902) / под ред. проф. Г. В. Левицкого. Юрьев, 1902. С. 468.

¹⁴ Паррот Иоганн Якоб Фридрих Вильгельм (1791–1841), естествоиспытатель, врач, ректор Дерптского университета, первооткрыватель на Арарат.

¹⁵ Абовян Хачатур Аветикович (1809–1848), армянский писатель, просветитель, педагог, этнограф, создатель нового армянского языка и литературы, автор романа «Раны Армении», посвященного борьбе армян с персами во время войны 1826–1828 гг. Учился в Эчмиадзине, преподавал в Санаинском монастыре, с 1828 г. переводчик и секретарь католикоса армян. В 1829 г. сопровождал физика И. Я. Ф. В. Паррота в восхождении на Арарат; при поддержке последнего поступил в Дерптский университет, по окончании учебы возвратился на родину и посвятил себя педагогической деятельности.

¹⁶ Абих Г. В. Восхождение на Арарат // Санкт-Петербургские ведомости. 1846. 20 марта. № 65. С. 289; 22 марта. № 67. С. 297.

¹⁷ Абих Г. В. Восхождение на Арарат // Санкт-Петербургские ведомости. 1846. 20 марта. № 65. С. 289.

¹⁸ «В 1844 г. меня дважды отбрасывала страшная буря. 1845 г. с божьей помощью я благополучно вернулся».

¹⁹ Абих Г. В. Восхождение на Арарат // Санкт-Петербургские ведомости. 1846. 22 марта. № 67. С. 297.

²⁰ Там же.

²¹ СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 5. Д. 30. Л. 106 об. — 107.

²² Там же. Л. 107 об. — 108.

²³ Там же. Л. 107 об. — 108 об.

²⁴ Там же. Л. 109 об. — 110.

²⁵ Купфер Адольф Яковлевич (Адольф Теодор, 1799–1865), химик, минералог, физик, академик ИАН по минералогии (1828), по физике (1841). Основатель Депо образцовых мер и весов и Главной физической обсерватории России.

²⁶ Ленц Эмилий Христианович (Генрих Фридрих Эмиль, 1804–1865), физик, электротехник, участник кругосветного плавания О. Коцебу (1823–1826), первого восхождения на Эльбрус (1829); в круг его интересов входили также проблемы механики, геофизики, океанографии. Профессор и ректор Санкт-Петербургского университета (1863–1865), академик (1830). Действительный член Русского географического общества (1845).

²⁷ Якоби Борис Семенович (Мориц Герман, 1801–1874), физик, специалист в области электротехники и гальваноластики, академик ИАН по Физико-математическому отделению — по технологии и прикладной химии (1847), по физике (1865).

²⁸ Фрицше Юлий Федорович (Карл Юлий, 1808–1871), химик, ботаник, академик ИАН (1852).

²⁹ СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 17. Д. 18. Л. 1–2 об., 3–5 об. (перевод).

³⁰ СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 17. Д. 18. Л. 8, 12.

³¹ СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 5. Д. 30. Л. 106 об.

³² Там же. Л. 111 об. — 113.

³³ Там же. Л. 112 об., 113. Цель командировки определить не удалось.

³⁴ Там же. Л. 111 об., 113 об., 114.

³⁵ СПбФ АРАН. Ф. 1057. Оп. 1. Д. 5. Л. 1–3 об. Караязская степь — равнина на левом берегу Куры, на западе Азербайджана.

³⁶ Литке Федор Петрович (1797–1882), русский мореплаватель, географ, исследователь Арктики, генерал-адъютант, адмирал, президент ИАН в 1864–1882 гг.

³⁷ Николаи Леонтий Павлович, барон (Людвиг Эрнст, Фридрих, 1820–1891), русский генерал, участник Кавказской войны, в 1857–1860 гг. состоял при главнокомандующем Кавказской армией и принимал участие в походе, закончившемся пленением Шамиля 28 января 1860 г., произведен в генерал-лейтенанты с назначением начальником Кавказской гренадерской дивизии, в 1868 г. вышел в отставку. В том же году стал монахом ордена Картезианцев под именем брата Жан-Луи, принял обет молчания и поселился в монастыре Гранд-Шартрез близ Гренобля, во Франции, где и умер.

³⁸ СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1853). Д. 6. Л. 83–83 об.

³⁹ Протокол ОС № 11 от 3 декабря 1865 г., § 179; СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 139. Л. 49 об.

⁴⁰ Веселовский Константин Степанович (1819–1901), экономист, статистик, академик (1859), непреременный секретарь Императорской Академии наук (1857–1890).

⁴¹ СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1853). Д. 6. Л. 92.

⁴² Протокол ОС № 1 от 8 января 1866 г., § 18; СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 141. Л. 6 об.

⁴³ Записки Императорской Академии наук — журнал, выходивший в Санкт-Петербурге в 1862–1895 гг., в нем публиковались труды крупнейших ученых, выдержки из академических протоколов и отчетов, сведения о персональном составе Академии.

⁴⁴ Устав Санкт-Петербургской академии 1836 г. // Уставы Российской академии наук. 1724–2009. М., 2009. С. 130, 131.

⁴⁵ СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 5. Д. 30. Л. 110 об. — 111 об., 113 об. — 114.

⁴⁶ Там же. Л. 106 об. — 108, 112 об. — 113.

⁴⁷ Там же. Л. 108 об. — 110.

⁴⁸ Бильрот Христиан Альберт Теодор (1829–1894), немецкий хирург, один из основоположников абдоминальной хирургии, обследовал Н. И. Пирогова, оперировал Н. А. Некрасова; скрипач и пианист, автор книги «Кто такой музыкально одаренный человек?», друг Йоханнеса Брамса.

⁴⁹ Кокшаров Николай Иванович (1818–1892), минералог, кристаллограф, академик (1866).

⁵⁰ Богачев В. В. Указ. соч. С. 10.

⁵¹ СПбФ АРАН. Р. V. Оп. 1-А. Д. 9. Л. 14.

⁵² Левинсон-Лессинг Франц Юльевич (1861–1939), геолог, петрограф, организатор науки, академик АН СССР (1925), председатель Азербайджанского и Армянского филиалов АН СССР (1933–1937), Армянского филиала АН СССР (1935–1937), заслуженный деятель науки Армянской ССР.

⁵³ Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Юрьевского, бывшего Дерптского университета... С. 208–213.

⁵⁴ Зюсс Эдуард (1831–1914), австрийский геолог и общественный деятель, автор гипотезы о существовании суперконтинента Гондваны и океана Тетис. В 1880-х годах он впервые употребил термин «Евразия» по отношению к крупнейшему на Земле материку.

⁵⁵ Неймайер Георг (1826–1909), немецкий гидрограф и физикогеограф.

⁵⁶ Мушкетов Иван Васильевич (1850–1902), геолог, профессор Горного института Екатерины II, член Императорского Русского географического общества. Исследователь Средней Азии, Урала, Кавказа, Прибайкалья в Восточной Сибири. Разработал первую научно обоснованную схему геологического строения Средней Азии. За исследование нагорной части Туркестанского края удостоен золотой Константиновской медали Русского географического общества (1880).

⁵⁷ Карпинский Александр Петрович (1847–1936), геолог, палеонтолог, горный инженер, профессор, директор Геологического комитета, академик и первый выборный президент РАН — АН СССР (1917–1936).

⁵⁸ СПбФ АРАН, Ф. 2. Оп. 1 (1888). Д. 1. Л. 66–66 об.

⁵⁹ Там же. Л. 69–69 об.

⁶⁰ Русский курьер. 1886. 4 июля. № 181. Л. 2.

⁶¹ СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 5. Д. 38. Л. 133 об.

⁶² Цит. по: Богачев В. В. Указ. соч. С. 8.

⁶³ Толмачева-Карпинская Евгения Александровна (1874–1963), училась на историко-филологическом факультете Санкт-Петербургского женского педагогического института (1890–1893), изучала палеонтологию в Мюнхенском университете (1899–1903), владела двенадцатью европейскими языками; историк науки, библиограф, переводчик и редактор геологической литературы, дочь и референт президента АН СССР А. П. Карпинского.

⁶⁴ СПбФ АРАН. Ф. 265. Оп. 8. Д. 1. Л. 2.

Н. Г. Кузьмина

Р. К. ШНЕЙДЕР — ОСНОВАТЕЛЬ ПЕРВОГО ПОЛИГРАФИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА В РОССИИ

В статье описывается деятельность Рудольфа Шнейдера в Санкт-Петербурге на типографской ниве. Р. К. Шнейдер был владельцем типографии, в которой выходили книги как на немецком, так и на русском языке, в том числе произведения Ф. М. Достоевского. Р. К. Шнейдер был первым типографом, который задумал и осуществил издание первого в России «Типографического журнала» для специалистов типографского дела. Журналы для типографов издавались с первой половины XIX в. во многих крупных городах Европы: Париже, Берлине, Вене и др. В городе на Неве было много немецких предпринимателей, поэтому журнал первое время выходил параллельно на немецком и русском языках. Р. К. Шнейдер — создатель первой частной школы для типографских учеников, которые работали в его типографии. Его деятельность оставила заметный след в типографской истории Санкт-Петербурга.

Ключевые слова: Р. К. Шнейдер, типография, книжный магазин, журнал, школа.

N. G. Kuzmina

R. K. SCHNEIDER IS THE FOUNDER OF THE FIRST PRINTING MAGAZINE IN RUSSIA

The article describes the activities of Rudolf. K. Schneider in St. Petersburg in the printing field. R. K. Schneider was the owner of a printing house, which published books in both German and Russian, including the works of F. M. R. K. Schneider was the first typographer who conceived and carried out the publication of Russia's first "Typographic Magazine" for typographic specialists. Magazines for printers have been published since the first half of the XIX century in many major European cities: Paris, Berlin, Vienna, etc. There were many German entrepreneurs in the city on the Neva, so the magazine was published in parallel in German and Russian for the first time. R. K. Schneider is the creator of the first private school for typographic students who worked in his printing house. His activity has left a noticeable mark in the printing history of St. Petersburg.

Keywords: R. K. Schneider, printing house, bookstore, magazine, school.

Вводная часть

Во второй половине XIX в. активно развивались все производства и промышленность. Полиграфическая промышленность в то время называлась «графические искусства». В число предприятий «графического искусства» входили типографии, литографии, металлографии, фотоцинкографии, словолитни, фотографии и тому подобные заведения. Из Германии, известной своей высококласной полиграфической промышленностью, в Россию приезжали специалисты высокого класса, среди которых были О. И. Леман, М. О. Вольф, Г. Гоппе, А. Маркс. Одним из первопроходцев в деле издания как специальной литературы, так и периодического органа «графических искусств» был Р. К. Шнейдер.

В этой статье автор впервые вводит в научный оборот новые данные о выдающемся типографе, выпуске первых профессиональных учебных пособий «Библиотека графических искусств» и первого специального «Типографического журнала» для работников типографской отрасли, а также о представителях немецкой диаспоры, работавших в печатных заведениях и книжной торговле Санкт-Петербурга второй половины XIX в. В статье поднимаются следующие исследовательские вопросы: каковы исторические обстоятельства работы типографий и установления взаимосвязей между представителями немецкой диаспоры в Санкт-Петербурге? Почему они считали нужным выпускать специальную литературу и каковы были поводы и условия открытия школы для типографских учеников? Исследования выполнены на основе анализа широкого круга источников: купеческих книг, справочников о жителях города, профессиональных журналов, современной литературы о немецких соотечественниках, проживавших в городе на Неве.

Специалист графических искусств

Р. К. Шнейдер

Рудольф Карлович Шнейдер (1834–1884) — владелец типографии, создатель первой частной школы для типографских учеников, основатель первого профессионального периодического издания для специалистов типографского дела (рис. 1). Его деятельность оставила заметный след в истории отечественного книгопечатного

дела. Он родился в Данциге (Гданьск) 12 февраля 1834 г.¹ После окончания церковного городского училища начал трудовую деятельность в типографии. В течение срока ученичества, то есть пяти лет, изучил наборное дело и работал наборщиком в типографиях Германии, Франции, Австро-Венгрии. В 1858 г. 24-летним молодым специалистом переехал в Петербург. Служил в типографии Императорской Академии наук сначала наборщиком, а потом метранпажем² и фактором³. Состоял в купеческом звании со второй половины 1872 г.⁴ В последние годы жизни Р. К. Шнейдер был болен и поэтому часто ездил за границу на лечение. В одну из таких поездок он умер в давосской лечебнице в Швейцарии в 1884 г.

Рис. 1. Р. К. Шнейдер

Взаимоподдержка соотечественников

Связи соотечественников за рубежом, в частности в России и особенно в Санкт-Петербурге, были очень сильны. Не случайно французы, голландцы, немцы даже селились рядом. Так возникали иностранные национальные слободы. Соседям было легче прожить в чужом для них городе. В трудную минуту можно было быстро обратиться за помощью к своему соотечественнику. Многие немцы совместно организовывали предприятия, фирмы, общества. Так произошло и со Шнейдером. Прослужив в типографии Императорской Академии наук около восьми лет, Рудольф Шнейдер решил обзавестись своей типографией. В 1866 г. он открыл на Невском пр., д. 5, собственную типографию для печати изданий как на иностранных, в первую очередь немецком, так и на русском языках. Компаньоном Р. К. Шнейдера был Карл Альбрехт Карлович Ретгер (1831–1884), книгопродавец и издатель⁵. Ретгер был прусским подданным, в купечестве числился с 1863 г., на городской службе

не состоял⁶, а с 1851 г. возглавлял издательскую фирму «Шмицдорф»⁷.

Эта фирма принадлежала некогда Генриху Шмицдорфу (1789, Гамбург — 1845, С.-Петербург), книго- и нотоиздателю, литографу, владельцу книжного магазина и немецкой заемной книжной библиотеки. В ходе Наполеоновских войн Шмицдорф потерял свое состояние в Германии, и в 1819 г. приехал в Петербург, где в 1826 г. купил литографию, а с марта 1827 г. числился владельцем заемной книжной библиотеки (рис. 2). Он издавал литературу различного характера: словари, учебники иностранных языков, фрагменты «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина (на нем. языке), «Географию Русской империи»

Рис. 2. Ярлык книжного магазина
Г. Шмицдорфа

А. фон Ольдекопа (на нем. языке), путеводитель по Санкт-Петербургу К. Шенкенберга и др. Продавал издания, выпущенные в Берлине, Бонне, Вене, Париже. С 1831 г. в связи с болезнью Генрих Шмицдорф отошел от дел, но при смене владельца в названии фирмы сохранилось его имя.

В 1856 г. фирма «Шмицдорф» получила статус придворного поставщика и существовала до 1897 г.⁸ Фирмой под руководством Ретгера было предпринято издание нескольких периодических журналов, например «Russische Revue» и «Русский базар»⁹ (иллюстрированный дамский журнал мод), «Отголоски», издававшийся с 1860-х годов, также Ретгер издавал фотографические снимки с картин лучших художников Императорского Эрмитажа. Скончался в Висбадене¹⁰.

В 1877 г. книжная торговля Шмицдорфа (позже К. А. Ретгера) отметила свой 50-летний юбилей. К знаменательной дате были выпущены каталоги всех изданий как на русском языке, так и на других языках за период с 1827 по 1877 г. и небольшая праздничная брошюра на немецком языке. В этом издании помещен «стихотворный диалог между олицетворениями Календаря, “Обозрения”, издательством и типографскими учениками. В диалоге рассказывается

о том, как небольшая книжная лавочка, заведенная некогда Шмицдорфом в Столярном переулке, переехала сначала на Мещанскую, а потом на Невский и как она мало-помалу преобразовалась в настоящую книжную торговлю»¹¹. В этом рассказе упоминается и о заслугах фирмы, и об усилиях людей. Среди изданий типографии Ретгера и Шнейдера, помимо научно-популярных работ, выходили наукоемкие труды¹².

Заслуги фирмы, действительно, были значительны, особенно если обратить внимание на каталог ее изданий. Достаточно будет упомянуть здесь такие издания, как «Альбом Императорского Эрмитажа. Фотографические снимки с оригинальных картин, изданные с Высочайшего соизволения придворным Его Императорского величества книгопродавцем К. К. Ретгером под фирмою “Шмицдорф”» (в 3 ч. СПб.: Тип. Ретгера и Шнейдера, 1868) (рис. 3). Как отметила ведущий научный сотрудник Государственного Эрмитажа

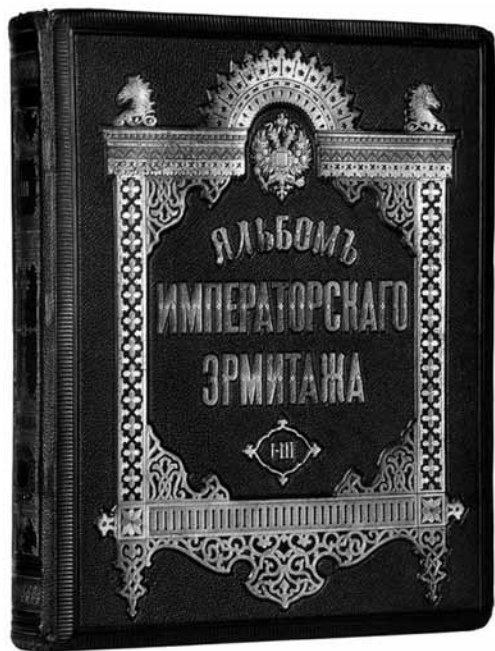

Рис. 3. «Альбом Императорского Эрмитажа»

М. А. Чернышева, «это был первый крупный и успешный опыт фоторепродуцирования эрмитажной живописи, который, кроме того, по своему объему и качеству не имел прецедентов в деле фотографического воспроизведения картин в России. <...> Фотографии более чем 100 эрмитажных картин <...> были изданы Ретгером на отдельных картонных листах в большом формате. Издание было роскошным и дорогим. Снимки можно было приобрести как в коллекциях, так и поштучно. Отдельные листы стоили 1 руб. 80 коп. серебром каждый, выпуски по 3 листа — 5 руб. 40 коп., коллекции по 12 листов — 9 руб. в коленкоре и 11 руб. в кожаном переплете, коллекции по 36 листов — 25 руб. в коленкоре и 28 руб. в коже»¹³. Другим фундаментальным изданием был том «Галерея портретов Дома Романовых» (рис. 4). Издание представляет собой портреты Романовых в виде фотографических снимков с подлинных

Рис. 4. «Галерея портретов Дома Романовых»

картин, находящихся в Императорском Зимнем дворце в Санкт-Петербурге. Портреты изданы с высочайшего соизволения придворным книгопродавцем К. К. Ретгером под фирмой «Шмицдорф». Текст и генеалогические таблицы барона Бернарда Кене. Воспроизведено в оригинальной авторской орфографии издания 1867 г. (издательство «Санкт-Петербург, Придворный книжный магазин Шмицдорфа») (рис. 5). Спустя год, в 1868-м, как отмечает в своем исследовании этого фотографического альбома И. С. Пармузина, «Ретгер дополнил рекламное объявление небольшим текстом, в котором писал о преимуществах фотографических репродукций произведений искусства, сложности их выполнения и ответственности, с которой он относится к этой работе. Также издатель выражал надежду, что любители искусства «окажут поддержку численностью подписок»¹⁴. Великолепное полиграфическое исполнение этих работ делали честь фирме Ретгера и придворному книжному магазину Шмицдорфа.

Соотечественники помогли Р. К. Шнейдеру с жильем. В 1868 г. он остановился в доходном доме одного из них и проживал на Гороховой ул., д. 6, кв. 20¹⁵. Впоследствии Страховое от огня товарищество «Саламандра» купило дом и последовательно перестраивала его¹⁶. С 1860 г. домом владел К. Эд. Пратц¹⁷. Карл Эдуард Христианович (в русской интерпретации — Иванович) Пратц (1805–1885)¹⁸ — основатель 1-й Вспомогательной кассы Общества типографщиков в Санкт-Петербурге, в «которой пробыл директором 16,5 лет»¹⁹, был прусским подданным и владел д. 6 по Гороховой улице в Петербурге, где и проживал в кв. 5²⁰. Так, соотечественники-немцы помогали друг другу в столице России.

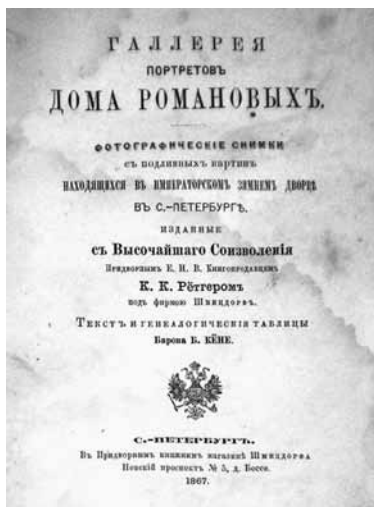

Рис. 5. «Галерея портретов Дома Романовых». Титульный лист

Рис. 6. «Петербургский сборник»

Рис. 7. «Русский вестник»

Карл Эдуард Прац также владел типографией в Санкт-Петербурге. В январе 1846 г. в его типографии был отпечатан «Петербургский сборник» с романом «Бедные люди» Ф. М. Достоевского (рис. 6). В 1856 г. Эд. Пратц вел переговоры с Л. Н. Толстым по поводу издания романов «Детство» и «Отрочество»²¹, закончившиеся весьма удачно. Это одно из первых произведений будущего великого русского писателя было напечатано в типографии Пратца²². В 1867 г. Пратц выпустил «Записки из мертвого дома». «Иллюстрированный альманах» Н. А. Некрасова и И. И. Панаева, запрещенный к печати в 1848 г., всем тиражом вышел из-под станков типографии Эд. Пратца. На протяжении всего своего существования журналы «Время»²³ и «Эпоха» братьев Достоевских печатались у Пратца²⁴. В 1867 г. совместными усилиями Эд. Пратца, Я. Вейденштрауха в издательстве А. Базунова выпустили роман Ф. М. Достоевского в шести частях с эпилогом «Преступление и наказание»²⁵ — первое отдельное издание знакового романа великого русского писателя Федора Михайловича Достоевского (1821–1881). Впервые роман был опубликован в 1866 г. в журнале «Русский вестник» (рис. 7). Эд. Пратц в ка-

честве фактора в течение 30 лет²⁶ управлял типографией, которая находилась на Офицерской ул., д. 26²⁷. Его племянник, Генрих Пратц, сын старшего брата Вильгельма Христиана (1797–1869)²⁸, помогал в школе для типографских учеников.

«Типографический журнал» и «Обзор графических искусств»

Шнейдер основал и издавал на собственные средства первый в России и Петербурге периодический печатный орган, освещающий деятельность графических заведений всей страны, — «Типографический журнал» (нем. “Journal für Buchdruckerkunst”) (рис. 8), который издавался в 1867–1869 гг. в Петербурге два раза в месяц, с 1868–1869 гг. выходил под названием «Типографский журнал».

Шнейдер был не только высокопрофессиональным типографом, но и весьма талантливым организатором. При своей типографии он создал Кружок типографов. В кружке состояли не только владельцы типографий, но и наборщики, печатники, словолитчики — и все они были в основном немецкого происхождения. Они собирались один раз в неделю и обсуждали различные вопросы. На одном из собраний кружка Шнейдер предложил издавать профессиональный журнал. Шнейдер объяснял своим собратям по профессии, что «...почти во всех цивилизованных странах, где графическое искусство процветает, признали первой необходимостью иметь такой орган, в котором бы собиралось и связывалось все, что происходит нового или изменяется в обширной области этого искусства как по части технической, так и по части узаконений для

Рис. 8. «Типографический журнал»

возможности правильного применения их на практике, без чего типографическое искусство как ремесло не может процветать... Нам необходимо иметь журнал на русском языке, в котором мы всегда могли бы иметь перед глазами успехи и изобретения и ознакомиться с усовершенствованиями в области нашего искусства»²⁹. Инициатива Шнейдера была поддержана членами кружка. Около года шла подготовительная работа. 1 июля 1867 г. вышел первый номер «Типографического журнала».

Журнал был рассчитан на владельцев и работников типографий и книгоиздателей. В нем публиковали законы о печати, отчеты о крупнейших судебных процессах по делам печати в Петербурге, материалы об изобретениях и усовершенствованиях в книгопечатном деле, печатали корреспонденции с мест, объявления, прејскуранты и т. п.³⁰ Текст первых нескольких номеров выходил параллельно на русском и немецком языках. Источниками информации служили выходившие в Западной Европе органы печати «Журнал книгопечатания» в Брауншвейге, «Корреспондент» и «Архив»³¹ в Лейпциге, «Премьер» в Париже, «Типографский циркуляр» в Эдинбурге, «Типография» в Мадриде и четыре лондонских журнала. Редакция журнала «сообщала о местных новостях, о развитии хозяйства, а также по мере сил выступала с историческими и литературно-художественными произведениями»³². Редактор стремился давать сведения о новых открытиях по типографскому искусству. Постоянно публиковались различные «извлечения из законов о печати», отчеты о «важнейших процессах», то есть о разорившихся и вновь возникших предприятиях.

Редакция журнала размещала объявления и прејскуранты фирм, торговавших оборудованием и расходными материалами, а также довольно много рекламы, как иностранных производителей типографского оборудования и расходных материалов, так и отечественных. Почти в каждом номере публиковались объявления о новых шрифтах, производимых словолитней О. И. Лемана, много рекламы о мастерских по ремонту и складе импортных принадлежностей для печати Франц Марка и Ко, продаже вальцовой массы, изобретенной И. Лишке, фабрике медных линейек и словолитне И. Гольдберга, чугунно-литейном и механическом

заводе Г. А. Лесснера, предлагавшем типографские станки, машины и принадлежности³³, и др.

В ноябре 1867 г. на первой полосе была опубликована статья петербургского обер-полицмейстера генерал-адъютанта Ф. Ф. Трепова об использовании в типографиях билетов³⁴ для всех работников. Билеты представляли собой прообраз трудовой книжки. В билете записывали фамилию, имя, отчество работника, дату рождения, время поступления на работу и выбытия из типографии.

На страницах журнала много места уделялось обездоленным работникам типографий — ученикам. Несколько статей было посвящено теме устройства молодых рабочих: «Быт учеников», «О грустном положении типографов», «К вопросу об учениках», «К вопросу о реформе быта учеников» и др. Так, в одной из таких статей говорилось: «...необходимо предварительно позаботиться о начале, чтобы производители были дельными и развитыми рабочими, а не машинами, которых стоит только поставить к кассе или тиглю и они пойдут работать безо всякого смысла и нимало не рассуждая»³⁵.

В качестве авторов статей в журнале выступали специалисты в книгопечатном деле. Многие статьи написал сам Р. Шнейдер, а также В. А. Цобербир — владелец типографии, Август Мараренс — сотрудник «Типографского журнала»³⁶, Ф. Н. Муратов — основатель Вспомогательной кассы наборщиков³⁷, Н. Флиге — сотрудник, позже директор типографии товарищества «Общественная польза», соавтор одного из лучших «Руководств для типографчиков»³⁸; Павел Шмидт, один из основателей Школы печатного дела и владелец собственной типолитографии, управляющий типографией товарищества «Общественная польза»³⁹, а также постоянный корреспондент из Риги, сотрудник одной из рижских типографий Ф. Гебель. Журнал стал первенцем отечественной полиграфической периодики. Предшественников у него не было. Это был один из первых отечественных технических отраслевых журналов.

Со второго года существования и до 1868 г. издание называлось «Типографский журнал». Среди подписчиков журнала числились наиболее крупные типографии Санкт-Петербурга, владельцами или управляющими которых были в основном выходцы из Германии:

И. Гольдберг, О. И. Леман, Р. Голике⁴⁰, Ф. Маркс, М. О. Вольф, И. Ф. Шредер⁴² и др. Заинтересовавшись публикациями, русские петербургские типографщики также стали постоянными подписчиками журнала. Среди них — М. Н. Катков, И. И. Глазунов, В. И. Головин, Г. М. Березин, В. Безобразов⁴³ и др. «Типографский журнал» получали подписчики из других городов Российской империи — Москвы, Екатеринбурга, Ярославля, Казани, Рыбинска⁴⁴, а также Риги, Пернова (Пярну), Ревеля (Таллина). Журнал отсылали и за границу: в Лейпциг, Париж, Прагу, Берлин. Каждый подписчик был на счету, из номера в номер публиковались их списки: если в начале 1868 г. количество постоянных подписчиков было 17, то концу 1868 г. числилось уже 209 человек⁴⁵. Однако для рентабельности журнала этого количества было недостаточно. Поэтому журнал в середине следующего, 1869 г. прекратил свое существование.

Несмотря на первую неудачу, издатель не оставил своей затеи и через 10 лет (с 1878 г.) вновь предпринял попытку выпускать отраслевой журнал «Обзор графических искусств» (рис. 9). Шнейдер редактировал его в течение трех лет, но потом его здоровье сильно

пошатнулось, и в 1882 г. он навсегда покинул столицу. Журнал существовал до конца 1885 г.

Главным редактором с 1882 по 1885 г. был Эдуард Гоппе. Новый журнал существенно отличался от своего предшественника и по полноте содержания, и по качеству художественно-технического оформления. В 1883 г. был выпущен специальный номер журнала под названием «Трехсотлетие первого друкаря на Руси Ивана Федорова. 1583–1883»⁴⁶.

Содержание журнала «Обзор графических искусств» было весьма разнообразным. По мысли издате-

Рис. 9. Журнал «Обзор графических искусств»

лей, он должен был восполнить своим появлением недостаток подобного рода специализированной периодики, способствуя тем самым улучшению печатного дела в России и ознакомлению с достижениями других стран в этой области. Здесь публиковались оригинальные и переводные статьи по технике литографии, ксилографии, фотографии и переплетному мастерству, а также разные официальные материалы и распоряжения по делам печати. В журнале затрагивался широкий круг проблем — от набора математических сочинений и производства печатных досок до травления рисунков на камне и производства водяных знаков на бумаге — и даже освещались проблемы специальных болезней типографских работников⁴⁷.

На страницах журнала публиковались очерки о деятельности славянских и российских печатников, типографий и издательских домов, начиная от Швайпольта Фиоля и Ивана Федорова и заканчивая современниками, знаменитыми издателями XIX в. М. О. Вольфом и А. Ф. Марксом. Среди вопросов истории печатного дела нашли освещение издательская деятельность при Петре I, типографские предприятия масонов и многое другое. Особое место на страницах журнала уделялось новым технологиям типографского производства, например фототипическому способу Г. Скамони, фотографическому эмульсионному процессу А. Варнеке, скоропечатным машинам, применявшимся в Европе и т. д. Представлены обзоры всемирных выставок с образцами российского графического искусства.

Отдельного внимания заслуживают объявления и публикации рекламного и коммерческого характера, посвященные продаже оборудования и расходных материалов в области печатного дела. Красиво оформленные рекламные листы крупных фирм — словолитен, заводов по производству типографских и литографских машин. В качестве приложений к некоторым выпускам за 1878 г. помещены образцы издательского искусства, выполненные различными способами и в разных типографиях. В конце первого годового комплекта прилагался большой иллюстрированный каталог типографских украшений, образцов шрифтов и других принадлежностей печатного дела от торгового дома Маврикия Вольфа.

В 1878 г., то есть через десять лет, после завершения издания «Типографского журнала» (1867–1869) Р. К. Шнейдер предпринял выпуск другого журнала «Обзор графических искусств» (1878–1885), посвященного вопросам издательского дела и полиграфической промышленности. Р. К. Шнейдер был редактором-издателем с 1878 по 1881 г., а с 1881 г. (№ 24) — издателем стал Э. Д. Гоппе. На страницах «Обзора графических искусств» Р. К. Шнейдер продолжил тему, начатую им еще в «Типографском журнале», — обучение подрастающего поколения. Шнейдер даже предпринял попытку создания школы печатного дела.

Школа при «Типографском журнале»

В 1868 г. Р. К. Шнейдер организовал частную школу для учеников типографий. Постоянно бывая за границей, видя удачный опыт существования училищ для работников типографского искусства, он предложил коллегам по типографскому искусству создать подобное учебное заведение и в Петербурге. Но на это начинание никто не откликнулся. Не встретив помощников в столь трудном деле учреждения школы, Шнейдер решил самостоятельно создать таковую. В 1868 г. редактор журнала «в собрании типографов и словолитцев от 4 марта сообщил, что предполагавшаяся к открытию школа для учеников открыта им 9 февраля. Уроками русского языка пользуются 8 учеников (заявили желание еще 4), немецкого — 5 учеников»⁴⁸. В этом же году спустя некоторое время Шнейдер напомнил о том, что он «открывает в своей квартире частную школу для учеников»⁴⁹. На страницах журнала Шнейдер неоднократно обращался к содержателям типографий с просьбой оказать ему содействие в этом деле, отправлять в школу учеников, имеющих усердие к занятиям, а также принять участие в преподавании. Но, видимо, все обращения остались без внимания, так как через год, Шнейдер с горечью отметил на страницах своего «Типографского журнала», что «к сожалению, после почти годового существования школа закрылась, хотя в ней было уже около 20 учеников. Трудиться и хлопотать по школе только нам одним было слишком тяжело, со стороны же других наших коллег мы не встретили решительно

никакой поддержки и сочувствия»⁵⁰. Просуществовав всего один год, школа закрылась.

Тем не менее Шнейдер не оставил этой идеи. И через десять лет, в 1879 г., в новом журнале Шнейдера «Обзор графических искусств» был опубликован «Проект школы для типографских, литографских, словолитных и т. п. учеников и такого учреждения, где даже взрослые типографские и т. п. работники могли бы продолжить свое дальнейшее образование»⁵¹. Осуществиться этому проекту было не суждено. Однако Шнейдер, заботясь о повышении образования наборщиков и печатников, не только выпускал журнал, но и принял издание книги по полиграфическому искусству отдельными брошюрами в серии «Библиотека графических искусств».

Библиотека графических искусств

Название серии как прообраз такой библиотеки Р. К. Шнейдер, скорее всего, увидел в пору своей учебы во Франции. По всей видимости, он бывал на площади Сен-Сюльпис, которая была построена во второй половине XVIII в. перед одноименным собором и получила свое название в его честь. Достопримечательностью этой площади является примыкающая к ней Библиотека графических искусств⁵², основанная типографом Эдмоном Мореном⁵³. Позаимствовав название, Р. К. Шнейдер приступил к созданию таковой библиотеки в России.

Задумав познакомить типографский мир с последними достижениями типографского дела, Р. К. Шнейдер первым делом поместил несколько статей о наборном, печатном и словолитном деле, а также о типографском оборудовании на страницах журнала «Обзор графических искусств». В 1879 г. он издал их отдельными брошюрами. Серия «Библиотека графических искусств» состоит из трех томов. Том первый «Скоропечатная машина, ее механизм и приспособление для печатания. Руководство для типографщиков» (рис. 10) предваряет наставление автора: «Здесь мы изложим тот путь, которым мастер может достигнуть полного и разностороннего своего самообразования... касающихся главных частей машины по отношению к ее механизму»⁵⁴. Книга из 112 страниц разделена на две части. В первой представлено 18 глав, последовательно и подробно описывающих

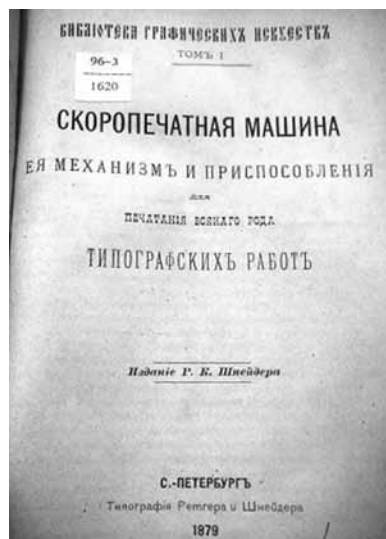

Рис. 10. «Библиотека графических искусств. Скоропечатная машина»

Рис. 11. «Библиотека графических искусств. Справочная книжка для наборщиков»

подготовку всех частей скоропечатной машины к печати, особенности процесса печатания и уход за машиной после печати. Особое внимание автор уделит обработке печатных цилиндров и валиков; загрузке краски в красочный аппарат; подготовке бумаги; спусканию, приправке и приводке печатной формы, а также всем заключительным процессам. В приложении Р. К. Шнейдер представил описание нескольких видов современных ему скоропечатных машин. Читатели этой книги смогли ознакомиться с двойной и четвертной скоропечатными машинами, а также узнали о машинах, печатающих двумя красками, и машине, печатающей бесконечную бумагу (позже ее стали называть ротационной). Эта книга, однако, начатая интересным вступительным словом, не имеет заключения и поэтому выглядит незаконченной. Отсутствие иллюстраций или пояснительных изображений обедняет наглядное восприятие научного текста.

Второй том «Справочная книжка для наборщиков» (рис. 11) содержит 44 страницы. Книжка без вступления состоит из двух частей: в первой расположены схемы спуска полос, которые вызывали у наборщиков наибольшие трудности. Вторая часть представляет собой

справочную и вспомогательную информацию для наборщиков и метранпажей — это таблица сигнатур, знаки календарные, астрономические, медицинские, арифметические и др.; «употребительнейшие»⁵⁵ сокращения в русском языке; таблицы арабских, римских и славянских цифр; «расчетная таблица на 100 тыс. букв без цифр русская, тоже французская, немецкая (фактур), немецкая (антиква), польская»⁵⁶.

Третий том назывался «Словолитное дело» (рис. 12). Автор этой 24-страничной брошюры — О. О. Гербек, владелец словолитни в Москве (рис. 13)⁵⁷. Книга состоит из двух частей: собственно «Словолитное дело» и «Гальванопластика и стереотипия в приложении к словолитному делу». Во второй части рассказывается о применении гальванопластических операций в деле изготовления литер и типографских украшений. Гальванопластика являлась необходимой помощницей в словолитном деле. Как отмечал автор, «многие из новейших шрифтов, украшений и факсимиле получают благодаря ее употреблению, чего без ее помощи по трудности гравировки на стали и ее дороговизне невозможно было бы иметь»⁵⁸. Таким образом, Гербек делился собственным большим опытом в словолитном деле и как владелец одной

Рис. 12. «Библиотека графических искусств. Словолитное дело»

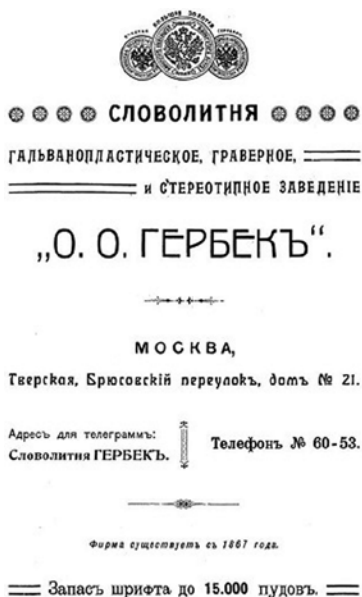

Рис. 13. Реклама словолитни О. Гербека

из крупнейших словолитен России предлагал ознакомиться с передовой на тот период технологией. Книжка представляла собой кладезь полезной информации, проверенной долголетним опытом и завоевавший коммерческий успех в словолитном деле.

Серия «Библиотека графических искусств» внесла значительный вклад в учебную литературу для типографов. В серии вышли только три вышеописанных тома, положивших начало созданию в России учебной литературы не только для работников типографий, но и в дальнейшем для сотрудников издательств, книжной торговли и библиотек.

После отъезда из Санкт-Петербурга на родину в 1882 г. Р. Шнейдер пытался заниматься типографским делом. Так, в 1883 г. в Цюрихе он завел типографию, которой управлял около года. Из-за расстроенного здоровья в 1884 г. он вынужден был ее продать Прейсу⁵⁹. Сам Шнейдер отправился на лечение в Давос и в том же 1884 г. умер. Коллеги, друзья и соотечественники почтили память о нем, собрав по подписке 344 руб., что равнялось 864 франкам, из которых 140 франков 25 сантимов переслали вдове Р. Шнейдера в Дрезден. Оставшуюся сумму отправили в Цюрих Ульриху⁶⁰, который занимался похоронными делами и установкой надгробного памятника. На монументе на немецком языке высечены слова «Неутомимому ревнителю графических искусств, бескорыстному товарищу и испытанному другу — С.-Петербургские друзья и сотоварищи»⁶¹.

Задумывая издавать «Типографический журнал», «Обзор графических искусств» и «Библиотеку графических искусств», Р. Шнейдер мечтал о благосклонности публики и надеялся встретить поддержку задуманного предприятия. Благодаря активным стараниям немецкого типографа как иностранные, так и русские владельцы графических заведений могли пополнять свои знания, обмениваться сообщениями на страницах журнала и приобретать полноценную информацию обо всех сферах типографского дела, ученики типографий получили возможность обучаться по «Библиотеке графических искусств». Несмотря на неудачи и тяготы обучения новых издателей, своими стараниями и делами в передаче европейского опыта петербургским типографам Р. К. Шнейдер внес значительный вклад в развитие издательско-полиграфического дела Санкт-Петербурга и России.

Библиография

Источники и материалы

Венгеров С. А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых: в 6 т. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича; Тип. И. А. Ефрона, 1895. Т. 4. 212 с.

Всеобщая адресная книга С.-Петербурга, с Васильевским островом, Петербургской и Выборгской сторонами и Охтой: в 5 отд-ниях / [И. И. Рынкевич; предисл. Г. Гоппе и Г. Корнфельда]. СПб.: Гоппе и Корнфельд, 1867–1868. 987 с.

Вспомогательная касса наборщиков // Наборщик. 1904. № 24. С. 380.

Гербек О. О. Словолитное дело. СПб.: Р. Шнейдер, 1879. 24 с. (Б-ка графических искусств; Т. 3).

Журналы печатного дела / сост. И. Д. Галактионов. Пг.: Изд. О-ва служащих в печатных заведениях, 1914.

К нашим приложениям // Обзор графических искусств. 1885. Вып. 1. С. 35.

Кузьмина Н. Г. История машиностроительного завода на Выборгской стороне // Немцы в Санкт-Петербурге: Биографический аспект. XVIII–XX в. / отв. ред. Т. А. Шрадер. Вып. 12. СПб.: МАЭ РАН, 2019. С. 233–246.

Морен Эдмонд-Александр // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. СПб.: Семеновская типолитография (И. А. Ефрона), 1898. Т. 19А (38). С. 845.

Некролог К. К. Ретгера // Всеобщий календарь на 1885 г. С. 530.

Новинка в английской типографии // Типографский журнал. 1867. № 3. С. 43.
О типографии Товарищества «Общественная польза» // Наборщик. 1904. № 13. С. 219.

Отчет собранным суммам на сооружение надгробного памятника Рудольфу К. Шнейдеру // Обзор графических искусств. 1884. № 15. С. 115.

Приказ Петербургского обер-полицмейстера Трепова // Типографский журнал. 1867. № 11. С. 47.

Разные известия // Обзор графических искусств. 1878. № 2. С. 14.

Разные известия // Обзор графических искусств. 1884. № 11. С. 87

Разные известия // Типографский журнал. 1868. № 11. С. 76.

Саитов В. И. Петербургский некрополь: в 4 т. / изд. вел. кн. Николай Михайлович. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1912. Т. 3. С. 496.

Самородов Б. С. Начало. Первый полиграфический журнал в России // Полиграфия. 1987. № 3. С. 34.

Серков А. Краткое руководство для наборщиков типографского искусства. 2-е изд., доп. СПб.: тип. т-ва «Обществ. польза», 1861. 76 с.

Скончался К. К. Ретгер // Новое время. 1884. 25 марта. № 2900.

Смесь // Обзор графических искусств. 1879. № 22. С. 130.

Список адресов книгопродавцев в России / изд. Русского общества книгопродавцев в России. СПб., 1892.

Список подписчиков // Типографский журнал. 1868. № 10. С. 40.

Справочная книга о лицах Петроградского купечества и других званий, акционерных и паевых обществах и торговых домах, получивших... сословные свидетельства по 1-й и 2-й гильдиям, промысловые свидетельства 1-го и 2-го разрядов на торговые предприятия, 1–5-го разрядов на промышленные предприя-

тия, 2-го и 3-го разрядов на личные промысловые занятия... в 1867 г. СПб.: Тип. А. Н. Лавров и К°, 1867.

Справочная книга о лицах Петроградского купечества и других званий, акционерных и паевых обществах и торговых домах, получивших... сословные свидетельства по 1-й и 2-й гильдиям, промысловые свидетельства 1-го и 2-го разрядов на торговые предприятия, 1–5-го разрядов на промышленные предприятия, 2-го и 3-го разрядов на личные промысловые занятия... в 1874 г. СПб.: Тип. А. Н. Лавров и К°, 1874.

Тихомиров Б. Н. Петербургские адреса и адресаты Достоевского // *Неизвестный Достоевский*. 2018. № 3. С. 58.

Шнейдер Р. К. Быт учеников // *Типографский журнал*. 1867. № 5. С. 22.

Шнейдер Р. К. Нам нужен журнал // *Типографический журнал*. 1867. № 1. С. 1.

Шнейдер Р. К. Необходимость школы // *Типографский журнал*. 1868. № 11. С. 76.

Шнейдер Р. К. Проект школы для типографских, литографских, словолитных и т. п. учеников // *Обзор графических искусств*. 1879. № 22. С. 130.

Шнейдер Р. К. Скоропечатная машина. СПб.: Изд. К. Р. Шнейдера, 1879. 112 с.

Шнейдер Р. К. Справочная книжка для наборщиков. СПб., 1879. 44 с.

Якимович Ю. Мир печати: словарь-справочник. М.: Дорграф, 2001.

K. Retger // *Russische Revue*. 1884. S. 388

Научная литература

Белов С. В. Ф. М. Достоевский и его окружение: энциклопедический словарь. СПб.: Алетейя; Рос. нац. б-ка, 2001. 1117 с.

Бройтман Л. И. Гороховая улица. СПб.: Крива, 2010. 424 с.

Гринченко Н. А. Деятельность книжной фирмы Г. Шмицдорфа в Петербурге (1860–1880 гг.) // *Исследования и материалы: сб.* 1994. Вып. 68. С. 314–319.

Иванова Н. И. Немецкие предприниматели в Санкт-Петербурге XVIII–XX вв. СПб.: ИОВ РАО, 2002. 366 с.

Книговедение: энциклопедический словарь / редкол.: Н. М. Сикорский (гл. ред.) и др. М.: Сов. энцикл., 1982. 664 с.

Микишатев М. Н. Прогулки по Центральному району. От Дворцовой до Фонтанки. М.; СПб.: Центрполиграф МиМ-Дельта, 2010. 605 с.

Пармузина И. С. К истории фотографической съемки и публикации альбома «Галерея Дома Романовых» // *Фотография в музее: сб. докл. конф., 22–25 мая 2018 г.* СПб.: Гос. музейно-выставочный центр РОСФОТО, 2018. С. 32–37.

Флиге Н., Нипперт Р. Ф. Руководство для типографщиков. СПб.: Обществ. польза, 1874–1880. Ч. 1–2.

Цветков И. В. Краткий очерк истории книгопечатания. К 500-летию И. Гуттенберга. 1400–1900. СПб.: Паровая типолитография И. В. Цветкова, 1900. 64 с.

Чернышева М. А. «Картины Галереи Императорского Эрмитажа» Карла Ретгера: к вопросу ранней фоторепродукции живописи в России // *Вестник С.-Петерб. гос. ун-та культуры и искусств*. 2016. № 4. С. 123–126.

Художественная литература

Достоевский Ф. М. Преступление и наказание: роман в 6 ч. с эпилогом. Изд. испр. СПб.: изд. А. Базунова, Э. Пратца и Я. Вейденштрауха, 1867. Т. 1–2.

Толстой Л. Н. Детство и отрочество. СПб.: тип. Э. Праца, 1856. 307 с.

Толстой Л. Н. Собрание сочинений: в 22 т. Т. 21: Избранные дневники. М.: Худ. лит., 1984.

Электронные ресурсы

<http://virlib.eumet.net> (дата обращения: 09.10.2021).

<http://obook.ru> (дата обращения: 09.10.2021).

<http://genroge.ru> (дата обращения: 09.10.2021).

<http://ru.wikipedia.org> (дата обращения: 09.10.2021).

<https://rusbibliophile.ru> (дата обращения: 07.02.2020).

<http://www.parisinfo.ru> (дата обращения: 11.10.2020).

¹ Самородов Б. С. Начало. Первый полиграфический журнал в России // Полиграфия. 1987. № 3. С. 34.

² Метранпаж (устар.) — мастер наборного цеха, главный верстальщик, в обязанности которого входила верстка и контроль за ней.

³ Фактор (устар.) — управляющий технической частью типографии.

⁴ Справочная книга о лицах Петроградского купечества и других званий, акционерных и паевых обществах и торговых домах, получивших... сословные свидетельства по 1-й и 2-й гильдиям, промысловые свидетельства 1-го и 2-го разрядов на торговые предприятия, 1–5-го разрядов на промышленные предприятия, 2-го и 3-го разрядов на личные промысловые занятия.... в 1874 г. СПб., 1874. С. 596.

⁵ Русский биографический словарь / изд. под наблюдением пред. Имп. Рус. ист. о-ва А. А. Половцова. СПб.: Имп. Рус. ист. о-во, 1896–1918. Т. 1. С. 123.

⁶ Справочная книга о лицах Петроградского купечества и других званий, акционерных и паевых обществах и торговых домах, получивших... сословные свидетельства по 1-й и 2-й гильдиям, промысловые свидетельства 1-го и 2-го разрядов на торговые предприятия, 1–5-го разрядов на промышленные предприятия, 2-го и 3-го разрядов на личные промысловые занятия.... в 1867 г. СПб., 1867. С. 281.

⁷ Скончался К. К. Ретгер // Новое время. 1884. 25 марта. № 2900.

⁸ Гринченко Н. А. Деятельность книжной фирмы Г. Шмицдорфа в Петербурге (1860–1880 гг.) // Исследования и материалы: сб. 1994. Вып. 68. С. 314–319.

⁹ K. Retger // Russische Revue. 1884. S. 388.

¹⁰ Некролог К. К. Ретгера // Всеобщий календарь на 1885 г. С. 530.

¹¹ Разные известия // Обзор графических искусств. 1878. № 2. С. 14.

¹² Гольдман В. Русские бумажные деньги. СПб.: Тип. Ретгера и Шнейдера, 1866. 252 с.; Иллюстрированное описание торжеств бракосочетания государя наследника цесаревича и государыни цесаревны. СПб.: К. К. Ретгер, 1867. 16 с. (Венчались в 1866 г. будущий Александр III и Мария Федоровна); Эрихсен И. А. К вопросу о канализации и ассенизации С.-Петербурга / План предвар. по сему предмету исслед. ... по поруч. подписавшихся сост. д-ра И. А. Эрихсен. СПб.: Тип. Ретгера и Шнейдера, 1874. 54 с.; Конфельд М., Никифоров Н. Обзорение расчета стоимости и годового дохода, ожидаемого с лесной дачи Гадобужей и находящихся там заводов / сост. по данным, доставл. владельцем имения г-м Робертом Преном, инж.-технол. С. Конфельдом и зав. з-дами Н. Никифоровым, служившим основанием

к образованию Акц. т-ва. СПб.: Тип. Ретгера и Шнейдера, 1873. 15 с.; Пель А. В. Классификация предметов фармакогнозии, основанная на химических свойствах действующих составных частей / сост. для чтения лекций в Медико-хирург. акад. маг. фарм. и д-р фил. А. В. Пель, доц. при Медико-хирург. акад. СПб.: Тип. Ретгера и Шнейдера, 1877. 23 с.

¹³ Чернышева М. А. «Картины Галереи Императорского Эрмитажа» Карла Ретгера: к вопросу ранней фоторепродукции живописи в России // Вестник С.-Петерб. гос. ун-та культуры и искусств. 2016. № 4. С. 123–126.

¹⁴ Пармузина И. С. К истории фотографической съемки и публикации альбома «Галерея Дома Романовых» // Фотография в музее: сб. докл. конф., 22–25 мая 2018 г. СПб.: Гос. музейно-выставочный центр РОСФОТО, 2018. С. 32–37.

¹⁵ Всеобщая адресная книга С.-Петербурга, с Васильевским островом, Петербургской и Выборгской сторонами и Охтой: в 5 отд-х / [И. И. Рынкевич; предисл. Г. Гоппе и Г. Корнфельда]. СПб.: Гоппе и Корнфельд, 1867–1868. С. 541.

¹⁶ Микишаев М. Н. Прогулки по Центральному району. От Дворцовой до Фонтанки. М.; СПб.: Центрполиграф; МиМ-Дельта, 2010. С. 123.

¹⁷ Бройтман Л. И. Гороховая улица. СПб.: Круга, 2010. С. 82.

¹⁸ Саитов В. И. Петербургский некрополь: в 4 т. / изд. вел. кн. Николай Михайлович. СПб., 1912. Т. 3. С. 496.

¹⁹ Некрологи // Обзор графических искусств. 1885. Вып. 1. С. 35.

²⁰ Всеобщая адресная книга С.-Петербурга... С. 388.

²¹ Толстой Л. Н. Собр. соч.: в 22 т. Т. 21: Избранные дневники. М.: Худ. лит., 1984. С. 154.

²² Толстой Л. Н. Детство и отрочество. СПб.: Тип. Э. Праца, 1856. 307 с.

²³ Тихомиров Б. Н. Петербургские адреса и адресаты Достоевского // Известный Достоевский. 2018. № 3. С. 58.

²⁴ Белов С. В. Ф. М. Достоевский и его окружение: энцикл. словарь. Т. 2. С. 130.

²⁵ Достоевский Ф. М. Преступление и наказание: роман в 6 ч. с эпилогом. Изд. испр. СПб.: Изд. А. Базунова, Э. Пратца и Я. Вейденштрауха, 1867. Т. 1–2.

²⁶ Некролог // Типографический журнал. 1896. № 2. С. 60.

²⁷ Всеобщая адресная книга С.-Петербурга... С. 211.

²⁸ Саитов В. И. Указ. соч. Т. 3. С. 469.

²⁹ Шнейдер Р. К. Нам нужен журнал // Типографический журнал. 1867. № 1. С. 1.

³⁰ Книговедение: энцикл. слов. / редкол.: Н. М. Сикорский (гл. ред.) и др. М.: Сов. энцикл., 1982. С. 531.

³¹ “Archiv für Buchgewerbe und Gebrauchsgraphik” («Архив полиграфического производства и прикладной графики») — немецкий теоретический и производственно-практический журнал по вопросам полиграфической техники и искусства книги. Издавался в Лейпциге в 1864–1943 гг. один раз в месяц. Спецномера представляли собой объемные (100–200 стр.) монографические сборники. Среди них: «Путеводитель по немецкому искусству книги» (1924. № 1), «Немецкие библиофильские издания» (1924. № 4) и др. Журнал характеризовался высоким уровнем полиграфического исполнения, помещал большое количество приложений, выполненных различными способами печати.

³² Якимович Ю. Мир печати. М.: Дорграф, 2001. С. 52.

³³ См. подробнее: Кузьмина Н. Г. История машиностроительного завода на Выборгской стороне // Немцы в Санкт-Петербурге: Биографический аспект. XVIII–XX в. Вып. 12. СПб.: МАЭ РАН, 2019. С. 233–246.

³⁴ Приказ Петербургского обер-полицмейстера Трепова // Типографский журнал. 1867. № 11. С. 47.

³⁵ Шнейдер Р. К. Быт учеников // Типографский журнал. 1867. № 5. С. 22.

³⁶ Венгеров С. А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых: в 6 т. СПб., 1889–1904.

³⁷ Вспомогательная касса наборщиков // Наборщик. 1904. № 24. С. 380.

³⁸ Флиге Н., Нипперт Р. Ф. Руководство для типографщиков. СПб.: Обществ. польза, 1874–1880. Ч. 1–2.

³⁹ О типографии товарищества «Общественная польза» // Наборщик. 1904. № 13. С. 219.

⁴⁰ Кузьмина Н. Г. История типографии Голике и Вильборга // Немцы в Санкт-Петербурге: Биографический аспект. XVIII–XX в. Вып. 13. СПб.: МАЭ РАН, 2022. С. 183.

⁴¹ Кузьмина Н. Г. Артистическое заведение — типография А. Ф. Маркса // Немцы в Санкт-Петербурге: Биографический аспект. XVIII–XX вв. Вып. 14. СПб.: МАЭ РАН, 2023. С. 110.

⁴² Список подписчиков // Типографский журнал. 1868. № 3. С. 12.

⁴³ Список подписчиков // Типографский журнал. 1868. № 4. С. 16.

⁴⁴ Список подписчиков // Типографский журнал. 1868. № 8. С. 32.

⁴⁵ Список подписчиков // Типографский журнал. 1868. № 10. С. 40.

⁴⁶ Книговедение. С. 378.

⁴⁷ Электронный ресурс: <https://rusbibliophile.ru> (дата обращения: 07.02.2020).

⁴⁸ Шнейдер Р. К. Необходимость школы // Типографский журнал. 1868. № 11. С. 76.

⁴⁹ Типографский журнал. 1868. № 16. С. 68.

⁵⁰ Шнейдер Р. К. Проект школы для типографских, литографских, словолитных и т. п. учеников // Обзор графических искусств. 1879. № 22. С. 130.

⁵¹ Там же. С. 130–131.

⁵² Электронный ресурс: <http://www.parisinfo.ru> (дата обращения: 11.10.2020).

⁵³ Морен Эдмон-Александр (1824–1882) — французский рисовальщик, иллюстратор, гравер и живописец (Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. СПб., 1898. Т. 19А (38). С. 845).

⁵⁴ Шнейдер Р. К. Скоропечатная машина. СПб., 1879. С. 1.

⁵⁵ Шнейдер Р. К. Справочная книжка для наборщиков. СПб., 1879. С. 22.

⁵⁶ Там же. С. 23.

⁵⁷ Гербек Оттон Осипович (1837 — после 1902) — типограф и издатель, владелец типографии и словолитни в Москве.

⁵⁸ Гербек О. О. Словолитное дело. СПб., 1879. С. 18.

⁵⁹ Разные известия // Обзор графических искусств. 1884. № 11. С. 87.

⁶⁰ Отчет собранным суммам на сооружение надгробного памятника Рудольфу К. Шнейдеру // Обзор графических искусств. 1884. № 15. С. 115.

⁶¹ К нашим приложениям // Обзор графических искусств. 1885. № 1. С. 35.

М. Т. Валиев

ФАМИЛЬНАЯ ИСТОРИЯ СЕМЬИ КРАНКЕНГАГЕН

Статья посвящена фамильной истории семьи Кранкенгаген. Раскрываются этимология фамильного имени, история переезда первого представителя семьи в пределы Российской империи, судьбы членов семьи на протяжении трех поколений. Основатель российской ветви Кранкенгаген, Вильгельм Кранкенгаген, за короткое время из простого музыканта оркестра стал профессором Санкт-Петербургской консерватории. Его сын, Фридрих Кранкенгаген, после окончания знаменитой школы К. Мая покинул Россию, но через короткое время вернулся в Санкт-Петербург и занялся типографским делом, издательской деятельностью. Последний представитель семьи Кранкенгаген в России, Бруно Кранкенгаген, успел послужить в советских учреждениях и уехал на родину предков только в 1921 г. Публикация основана на материалах российских архивов, анализе отечественных и зарубежных периодических изданий, справочников и монографий.

Ключевые слова: немецкая диаспора России, фамильная история, музыка, типографское дело, предпринимательство, Кранкенгаген.

М. Т. Valiev

FAMILY HISTORY OF THE KRANKENHAGEN

Family history of the Krankenhagens. Publication reveals the etymology of the family name, the history of the first family representative's move to the Russian Empire, and the fate of three generations of the family. The founder of the Russian branch of the Krankenhagens, Wilhelm Krankenhagen, started as a simple orchestra musician but in a short time became a professor at the St. Petersburg Conservatory. His son, Friedrich Krankenhagen, left Russia after graduating from the famous school of K. May, but soon after returned to St. Petersburg and took up printing and publishing. The last representative of the Krankenhagen family in Russia, Bruno Krankenhagen, left for the homeland of his ancestors only in 1921, until then he served in Soviet institutions. The publication is based on materials from Russian archives, analysis of domestic and foreign periodicals, reference books and monographs.

Keywords: German diaspora in Russia, family history, music, typographical business, entrepreneurship, Krankenhagen.

Статья является результатом многолетней работы по исследованию фамильной истории российского периода семьи Кранкенгаген и основана на архивных и библиографических материалах и изучении периодических изданий. Главными источниками информации являются архивные дела Российского государственного исторического архива (РГИА), Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб), Ленинградского областного государственного архива в городе Выборге (ЛОГAB), коллекция периодических изданий Российской национальной библиотеки (РНБ), зарубежные и отечественные издания. Информация об основных событиях российского периода семьи Кранкенгаген была получена нами в результате изучения метрических книг и евангелических воскресных листков лютеранской общины Санкт-Петербурга (РГИА), справочных материалов по кладбищам и адресных книг столицы империи.

Фамилия «Кранкенгаген» в немецкой транскрипции пишется как *Krankenhagen* и произносится как «Кранкенхаген». Согласно этимологическому словарю Г. Балова, фамилия, начинающаяся со слова «*Kranken-*», необязательно означает «болезненный, слабый телом». Вполне вероятно, что она происходит от нижненемецкого слова «*Kraneke*» — «журавль»¹.

Основатель российской ветви семьи Кранкенгаген — Вильгельм Теодор Фридрих Кранкенгаген (*Wilhelm Theodor Friedrich Krankenhagen*, 18.09.1825, Веймар — 27.06.1895, Баден под Веной, Австрия)² — родился 18 сентября 1825 г. в Веймаре, городе Гете и Шиллера. В венском журнале «Гобой» приведена краткая биография Вильгельма Кранкенгагена, в которой отмечено, что с юного возраста он обращал на себя внимание незаурядными музыкальными способностями. В детстве «брал уроки музыки у городского музыканта. Двадцатилетним молодым человеком покинул родную страну и отправился путешествовать, выступая как музыкант-фаготист в Швейцарии и Франции. В 1847 г. был зачислен в Германии в штат оркестра придворного театра в Касселе («*das Orchester des Hoftheaters in Kassel*»)³.

Не позднее середины 1849 г. Вильгельм женился на Филиппине Амалии Энгер (*Philippine Amalie Enger*, ?–1889), 7 апреля 1850 г.

в семье музыканта родился первенец — Иоганн Фридрих Теодор Кранкенгаген (Krankenhagen Johann Theodor Friedrich Heinrich, 07.04.1850–26.09.1914).

Из личного дела «музыканта Теодора Кранкенгагена», хранящегося в РГИА, следует, что в 1853 г. Вильгельм был приглашен в Россию на место фэготиста Императорских Санкт-Петербургских театров. Вместе с ним на чужбину отправились жена и маленький сын. В деле сохранился рапорт музыкального инспектора Императорских театров Луи Маурера (Louis или Ludwig Maurer, 08.02.1789–13.10.1878) от 7 октября 1853 г. в Контору Императорских Санкт-Петербургских театров: «Честь имею испрашивать разрешения Контору о замещении двух вакантных мест, а именно: на место умершего фэготиста Деслера покорнейше прошу определить иностранца Кранкенгагена с годовым окладом 428 руб. серебром». Через два дня из Дирекции Императорских театров последовал приказ № 1074 от 9 октября 1853 г.: «По рапорту инспектора музыки Маурера, предписываю Конторе: на вакансию умершего музыканта фэготиста Деслера определить в ведомство Театральной Дирекции иностранца Кранкенгагена, с производством ему жалованья по 428 руб. серебром в год, вменить артисту сему в обязанность играть в оркестрах Дирекции на фэготе: везде где приказано будет. Директор Императорских театров действительный тайный советник Гедеонов»⁴.

Еще через два дня, 11 октября 1853 г., из Конторы Санкт-Петербургских театров было направлено письмо за № 3159 в Иностранное отделение Санкт-Петербургской адресной экспедиции: «Контора Императорских С.-Петербургских театров, препровождая при сем вид одного отделения, выданный на жительство Саксен-Веймарскому подданному, уроженцу из Веймара — Теодору Фридриху Вильгельму Кранкенгагену, имеет честь уведомить Иностранное отделение С.-Петербургской адресной экспедиции, что он принят в ведомство Театральной дирекции музыкантом, вследствие чего покорнейше просит оное отделение доставить в оную подлинный паспорт артиста сего, по которому он прибыл в Россию»⁵.

11 января 1854 г. в семействе Кранкенгаген родилась дочь, Ольга Александра Юлия Вильгельмина (Olga Alexandra Julie Wilhelmine

Krankenhausen). Крестили ее в Петрикирхе Санкт-Петербурга 29 мая того же 1854 г. К печали родителей, через год и три месяца, 18 мая 1855 г., Ольга умерла. Отпели ее 21 мая 1855 г. и похоронили на Волковом лютеранском кладбище Санкт-Петербурга⁶.

27 декабря 1856 г. родилась вторая дочь, Евгения Каролина Луиза Эрнестина (Eugenia Carolina Louise Ernestine Krankenhausen), однако семью вновь постигло горе — девочка умерла 19 марта 1861 г.⁷

В разгар Крымской войны, 2 марта 1855 г., скончался император Николай I. Престол перешел к его старшему сыну, Александру II. Однако коронацию Александра II пришлось отложить на полтора года, и она состоялась только через четыре месяца после окончания Крымской войны, 26 августа 1856 г. На коронацию были приглашены послы и посланники иностранных держав, представители дворянства и других сословий империи. Особое внимание уделялось подготовке церемонии и, конечно, музыкальному сопровождению празднеств. Со всех концов Российской империи были приглашены ведущие музыканты и музыкальные коллективы. Дирекция Императорских театров подготовила списки дирижеров и оркестрантов, среди которых упоминается и имя фэготиста Кранкенгагена⁸. Отметим, что среди дирижеров оркестра фигурирует композитор и пианист Константин Николаевич Лядов (06.05.1820–07.12.1871) — отец знаменитого композитора А. К. Лядова (12.05.1855–15.08.1914).

К сожалению, жизнь музыканта была омрачена несколькими долговыми претензиями в его адрес, обнаруженными в двух архивных делах РГИА. В 1855 г. было возбуждено дело «о взыскании с музыканта Кранкенгагена денег, должных им штабс-капитану Василию Витту (42 руб.) и артисту Брауну (25 руб.)»⁹. В 1856 г. по прошению музыканта Мертенса с В. Кранкенгагена взыскивали долг в размере 53 руб.¹⁰ Кажущаяся ничтожность фигурирующих в деле сумм на самом деле не является таковой — напомним, что годовой оклад музыканта Кранкенгагена составлял всего 428 руб., а за 2–3 тыс. руб. можно было приобрести небольшой домик в Санкт-Петербурге. Остается предположить, что материальные проблемы были связаны с обустройством семьи на новом месте и не повлияли на репутацию Вильгельма Кранкенгагена.

7 июня 1860 г. Вильгельм Кранкенгаген дал следующую подписку на двух языках: «Я, нижеподписавшийся, дал сию подписку Конторе Императорских С.-Петербургских театров в том, что обязуюсь изготовить для себя к 1 сентября 1860 г., на свой счет, инструмент, на котором я должен играть в оркестрах Императорских театров, устроенный по вновь утвержденному камертону. На сей предмет имею я получить в счет моего жалованья 100 руб., которые предоставляю Конторе удержать из получаемого мною содержания в продолжение одного года, равными частями по 3 руб. ежемесячно. С.-Петербург. W. Krankenhagen». Как следует из подписи, своим главным именем музыкант считал имя «Вильгельм»¹¹.

В сентябре 1862 г. была основана Санкт-Петербургская консерватория. «В нее целиком перешли преподаватели и ученики бывших “музыкальных классов”. Явилась масса новых учеников, и были приглашены следующие новые преподаватели: фортепиано — профессора Герке, Дрейшок и А. Рубинштейн, к ним адъюнкты — Черни, Петерсен, впоследствии стоявший во главе фортепианной фирмы Беккера и директор Музыкального общества, Фан-Арк и Виллуан, контрабаса — проф. Ферреро, кларнета — проф. Каваллини, флейты — проф. Чиарди, гобоя — проф. Луфт, фагота — проф. Кранкенгаген, валторны, трубы — проф. Метцдорф, арфы — Цабель, органа — Штиль, пения — Галлэри, Каталано и Пиччиоли, теории музыки — Дютш»¹².

Так Вильгельм Кранкенгаген стал профессором Санкт-Петербургской консерватории. Следует отметить, что именно немецким музыкантам, в том числе Кранкенгагену, мы обязаны процветанию петербургской школы фагота во второй половине XIX в. После пионеров Вильгельма Кранкенгагена и Карла Кутшбаха¹³ особенную роль сыграл Юлиус Затценгофер, а затем его преемник в театре и консерватории Фридрих Коттэ¹⁴.

В справке на официальном сайте консерватории приведена следующая информация: «Кранкенгаген (Crankengagen) Теодор Фридрих Вильгельм (Theodor Friedrich Wilhelm) (1813–1880) — фаготист, педагог. Профессор (1862). Музыкальное образование получил в Германии. Солист симфонического оркестра Мариинского театра (1853–1869). В Консерватории: профессор кл. фагота

(1862–1869). Единственный выпускник — Н. И. Барышев»¹⁵. К сожалению, в этой записи допущена ошибка в датах жизни музыканта. Правильные даты — 1825–1895¹⁶.

Из личного дела музыканта видно, что он не терял связи со своей исторической родиной: 10 июня 1863 г. «Музыкант-фаготист Теодор Кранкенгаген покорнейше просит об увольнении его по домашним обстоятельствам в отпуск за границу в гор. Брауншвейг сроком с 1-го июля по 15-е августа 1863 г. с сохранением жалованья»¹⁷.

В 1869 г. Вильгельму Кранкенгагену поступило предложение из Вены занять должность профессора Венской консерватории по классу фагота. В связи с этим, 8 августа 1869 г. в Контору Императорских С.-Петербургских театров поступило прошение от «Перваго фаготиста итальянской оперы»: «По прослужении мною 15 лет в Ведомстве Театральной дирекции я имею честь покорнейше просить Контору Театров об увольнении меня от должности и об исходатайствовании мною следующего по положению Пенсиона»¹⁸ (рис. 1).

Вильгельм Кранкенгаген вместе с семьей покинул Россию и занял предложенное ему место профессора в Венской консерватории. «1 ноября того же 1869 г. он был назначен членом придворного оперного оркестра в Вене, вскоре после этого он вступил в придворную музыкальную капеллу... В 1891 г. он оставил все должности и вышел на пенсию». Можно сказать, что карьера музыканта Кранкенгагена в Австро-Венгерской империи была вполне успешной¹⁹.

Нужно отметить, что в 1889 г. Вильгельм Кранкенгаген овдовел. К этому времени единственный сын Вильгельма, Федор Васильевич Кранкенгаген, уже переехал в Россию, и старость музыканта прошла в одиночестве. Вильгельм Кранкенгаген скончался 27 июня 1895 г. в Бадене под Веной.

Центральной фигурой в российской семейной истории Кранкенгагенов является сын музыканта, Федор Васильевич Кранкенгаген. Отметим, что при рождении он был наречен четырьмя именами: Иоганн Теодор Фридрих Генрих. В пределах Российской империи Федор Васильевич Кранкенгаген наиболее часто употреблял два имени — Федор и Иоганн. По трудно объяснимым причинам иногда

5002. *Дирекция*

В августе 1869

В котором Императорских
С. Петербургских Управ.

фигур

Первого фогатиста
Итальянский оперы
Вильгельма Теодора
Кранкенгагена

Прошам.

По прошению моего 15 числа в прош-
име Управлений Дирекции, я имею
почти покорнейшим прошением Которому Управ.
об увольнении моего от должности и от
исполнительствовании моего супруга по
положению Персонеа Wilhelm Theodor.

Thraa Krahagen

Фогатиста Вильгельма Кранкенгагена, фогатиста
универсальной и итальянской оперы в театре
16го числа прошу на увольнение фогатиста в
Итальянский оперы и итальянской в театре
лишь собою как один из театральных артистов
этого театра.

Августа 1869 года.

У. Д. Унтерштанг Мухом. Лев. Фредерикс

Наказан

Рис. 1. Прошение фогатиста Вильгельма Теодора Кранкенгагена

оба этих имени использовались даже в пределах одного документа. Встречаются Федор Кранкенгаген и Иоганн Кранкенгаген одновременно и в адресных и купеческих книгах Петербурга, и даже в списках выпускников гимназии Карла Мая²⁰. В нашем изложении биографии мы будем придерживаться имени Федор Васильевич Кранкенгаген — как наиболее часто употребляемого.

Осенью 1860 г. родители определили своего десятилетнего сына Федора в первый класс гимназии Карла Мая. На основании записей в адресной книге Санкт-Петербурга мы знаем, что в 1860-х годах семья музыканта по имени «Кранкстагенъ (именно так. — М. В.), Теодоръ Иванов» проживала в кв. 18 дома 15, расположенного на 2-й линии Васильевского острова. Запись об этом находится в отдельном разделе «Музыканты». Следует отметить, что гимназия К. Мая до 1861 г. располагалась по адресу: 1-я линия Васильевского острова, д. 56, а с 1862 г. по адресу: 10-я линия Васильевского острова, д. 13. Оба упомянутых адреса находились в непосредственной близости от места жительства семьи музыканта²¹.

Школа Мая была основана по инициативе немецкой купеческой диаспоры Санкт-Петербурга в 1856 г. Возглавил школу известный педагог Карл Иванович Май (1820–1895), который воплотил в этом учебном заведении самые передовые и гуманные принципы воспитания и обучения. В школе особое внимание уделяли воспитанию учеников. В основу своей педагогической системы Карл Май положил идеи, сформулированные основоположником современной системы педагогики — чешским педагогом-гуманистом Яном Амосом Коменским (1592–1670), главным тезисом которой был девиз «Сперва любить — потом учить»²². Своих учеников, как и свое дело, К. И. Май любил беззаветно²³.

Федор Кранкенгаген относился к числу хронологически первых учеников школы Мая — всего пятый набор гимназии. Среди учеников преобладали сыновья лично известных директору немецких семейств Санкт-Петербурга. Преподавание велось преимущественно на немецком языке (за исключением русского языка и словесности, русской истории и Закона Божьего).

В одно время с Федором в школе К. Мая учились юноши из купеческих семей — будущие купцы и коммерсанты Лебрехт Кар-

лович Бекман (1850–1882)²⁴, Николай Николаевич Бели, Петр Викторович Фетисов (1848–1900) и Александр Робертович Кинг (1851–?)²⁵; будущий банкир Александр Ростовский (1849–?); будущий математик, профессор Павел Иосифович Сомов (1852–1919); будущие педагоги школы К. Мая Оскар Васильевич Цшохер (1849–?)²⁶ и член-корреспондент Санкт-Петербургской академии наук, почетный член Российской академии наук Орест Даниилович Хвольсон (1852–1934)²⁷.

Следует отметить, что в традициях школы К. Мая было сохранение дружеских связей выпускников и после ее окончания. Вполне вероятно, что Федор Кранкенгаген был хорошо знаком и поддерживал контакты с семьями известных российских предпринимателей Бекман, Фетисовых, Кинг. Безусловно, школа повлияла на формирование характера юного Федора Кранкенгагена. Свидетельством сохранения теплых чувств к альма-матер является участие Федора Кранкенгагена в праздновании юбилея школы в 1906 г.

В 1868 г. Федор Кранкенгаген завершил учебу в гимназии К. Мая²⁸, а на следующий год, как уже было сказано выше, семья покинула пределы России и переехала в Вену.

Скорее всего, в Вене Федор получил коммерческое образование и приобрел первый деловой опыт. Однако детство, проведенное в Санкт-Петербурге, обретенные друзья и связи заставили Федора вновь и вновь мысленно возвращаться к снежной России. Не позднее 1879 г. он вернулся в столицу Российской империи. В 1880 г., 16 февраля, в лютеранской церкви при Евангелической женской больнице состоялась свадьба «купца Иоганна Теодора Фридриха Генриха Кранкенгагена 30 лет от роду» с уроженкой Одессы Ольгой Федоровной Вагнер 24,5 лет (Olga Wagner, 14.10.1855–?)²⁹. Сообщение об этом событии было опубликовано в воскресном листке от общин Петрикирхе и Немецкой лютеранской церкви Христа Спасителя при Евангелической женской больнице³⁰.

Ольга Федоровна Вагнер была дочерью одесского доктора медицины и хирургии Фридриха (Федора) Богдановича Вагнера (Friedrich Wilhelm Wagner, 1799/1800, Бреслау/Вроцлав — 15.01.1869, Одесса)³¹ и Валерии Анны Николаевны фон Этлингера (Valerie Anna von Etlinger, 09.12.1812–15.04.1903)³². Вскоре после смерти Фридриха

Богдановича Вагнера в 1869 г. вдова с детьми переселилась в Санкт-Петербург. Скорее всего, здесь и состоялось знакомство Федора Кранкенгагена и Ольги Вагнер.

В 1880 г. 3 декабря, в молодой петербургской семье родился первенец Бруно Вильгельм (Bruno Wilhelm Krankenhagen)³³ — последний представитель семьи Кранкенгаген в России. Крестили его 16 февраля 1881 г. в церкви при Евангелической женской больнице³⁴. Свое имя он получил от своего крестного — фабриканта Бруно Ивановича Гофмарка (Bruno Heinrich Hoffmark, 03.07.1834–27.04.1885)³⁵, мужа маминой сестры, Елизаветы Федоровны Вагнер. Вторым восприемником была бабушка новорожденного, Валерия Анна Вагнер.

В 1882 г., 25 марта, у Кранкенгагенов родилась дочь Валерия (Valerie Krankenhagen), которую крестили дома 6 мая того же года. Восприемников было четверо: сестра матери, Елизавета Федоровна Гофмарк, урожд. Вагнер; «венская» бабушка новорожденной, Филиппина Амалия Кранкенгаген; брат второй бабушки Валерии, доктор медицины и тайный советник Вильгельм Николаевич фон Этлингер (Geheimrath, Dr. Wilhelm Rudolf von Etlinger, 14.03.1819–08.11.1890)³⁶ и Густав Вагнер³⁷. Всего через два года, 13 июля 1884 г., Валерия умерла в имении Александрово в Островском уезде Псковской губернии³⁸.

Еще одна запись наводит на грустные размышления: 22 января 1887 г. на Волковом лютеранском кладбище была погребена Елизавета Кранкенгаген — скорее всего, еще одна дочь Федора Васильевича Кранкенгагена³⁹.

До 1887 г. Федор Васильевич Кранкенгаген упоминается в адресных книгах и документах как петербургский мещанин. В середине 1880-х начинается деловое сотрудничество Федора Васильевича с потомственным почетным гражданином Сергеем Петровичем Голенищевым, который почти на двадцать лет стал его основным компаньоном в бизнесе. В 1887 г. компаньоны приобретают у прусского подданного, временного 2-й гильдии купца Евгения Германовича Тиле торговое заведение, состоящее из типографии, литографии и фабрики конторских книг, помещавшееся в Адмиралтейской части, по Благовещенской улице, д. 3⁴⁰.

Особенный интерес представляет обнаруженная нами в РГИА купчая на приобретение фирмы, текст которой гласит:

«Мы нижеподписавшиеся: Потомственный Почетный Гражданин Сергей Петрович ГОЛЕНИЩЕВ и С.-Петербургский мещанин Иван Васильевич КРАНКЕНГАГЕН (в очередной раз отметим путаницу с именами — Иоганн и Федор. — М. В.) заключили настоящий договор о нижеследующем:

1) 16 сего Февраля 1887 г. нами Голенищевым и Кранкенгагеном приобретено у Прусского подданного, временного 2-й гильдии купца Евгения Германовича Тиле торговое заведение, состоящее из типографии, литографии и фабрики конторских книг и помещающееся Адмиралтейской части, по Благовещенской улице, в доме № 3, по нотариальному договору, совершенному у С.-Петербургского нотариуса Закревского, засвидетельствованному в конторе его 16 Февраля 1887 г. по реестру за № 93 за двадцать шесть тысяч пятьсот рублей на условиях подробно означенных в вышеупомянутом договоре.

<...>

4) Несмотря на неодинаковую долю участия Голенищева и Кранкенгагена в имуществе торгового заведения, дело считается общим и каждый из нас, Голенищев и Кранкенгаген, в одинаковой степени обязаны посвятить весь свой труд и способности на ведение дела в торговом заведении, приобретенном нами у Тиле, ни под каким видом не выходить из дела.

<...>

12) Свои личные дела, отдельные от дел общей фирмы Голенищев и Кранкенгаген обязуются вести таким образом, чтобы ни в чем не нарушать интересов общей фирмы и торгового заведения и отнюдь не доводить его по своим личным делам до каких либо потерь, описей за долги, не имеющие отношения к делам фирмы, продаж части или всего имущества за долги одного из участников настоящего договора и т. п.

<...>

15) Договор сей Голенищев и Кранкенгаген обязуются хранить свято и ненарушимо. Расходы по совершению настоящего договора распределяются между Голенищевым и Крайненгагеном (фамилия в документе написана именно так. — М. В.) поровну».

Этот документ интересен подробным описанием взаимных обязательств компаньонов, благодаря чему мы можем составить впечатление о деловой этике в России начала XX в.

В книге Купеческой управы Санкт-Петербурга на 1888 г. Федор Васильевич Кранкенгаген указан уже как купец 2-й гильдии, проживающий в д. 4 по Вознесенскому проспекту⁴¹. Этот же адрес зафиксирован в 1890 г.⁴²

Следует отметить, что данные на купца Иоганна Кранкенгагена полностью совпадают с информацией о купце Федоре Васильевиче Кранкенгагене, что подтверждает параллельное употребление двух имен Кранкенгагена.

В 1894 г., по данным книги Купеческой управы Санкт-Петербурга, купец 2-й гильдии «Кранкенгагенъ, Иоганнъ, 43 л., вер. лютер.; получ. образов. въ частн. гимн.; въ купеч. съ 1888 г. Жит. Адм. ч. 2 уч., на Благовещенской площ., № 3–5. Сод. типографію въ доме жит. При немъ сынъ Бруно-Вильгельмъ 13 л.»⁴³. В то же время в адресной книге «Весь Петербург на 1894 год» значится: «Кранкенгагенъ, Иоганъ. Благовещенская пл., 5–2 (1005). Кранкенгагенъ, Федоръ Васильевичъ. Благовещенская пл., 5 (1358, 1359)»⁴⁴. Обращаем внимание, что ссылки в круглых скобках соответствуют информации о домовладельцах: (1005) — «Кранкенгаген Иоган. В компании с Голенищевым (Канц. принадл.). Благовещенская пл., 5–3», (1358) — «типолитографии. Кранкенгаген Иоган. Благовещенская, 5–3» и (1359) — «типография “Тиле и Ко”. Благовещенская, 5. Владельцы: Голенищев Сергей Петрович и Кранкенгаген Федор Васильевич»⁴⁵ (рис. 2).

В 1890 г. семья Кранкенгаген проживала в одном здании с типографией на Благовещенской площади, д. 3, — ныне площадь Труда⁴⁶.

В 1897 г. владельцы типолитографии Ф. Кранкенгаген и С. Голенищев озаботились перемещением предприятия из неудобного помещения на Благовещенской площади в новое здание. Именно с этой целью 17 апреля 1898 г. ими был приобретен участок № 17 на Адмиралтейском канале. Сразу после этого был заключен договор с архитектором А. А. Бруни на разработку проекта постройки нового фасадного дома и надворных флигелей. 1899 г. ушел на разработку проекта и согласование проектной документации. Под

КРАНКЕНГАГЕНЪ, Іогаиъ, 48
л., Спб. 2 гильд. купецъ, вѣр.
лютер., образов. получ. въ
частн. гимн.; въ купеч. съ
1888 г. *Жит.* Адмир. ч., 2 уч.,
по Адмир. кан., д. № 17. *Сод.*
велосипедн. магаз. той же ч. и
уч., на Благовѣщ. пл., д. № 5.
См. совладѣльцы «Кранкенга-
генъ и Голенищевъ». При
немъ сынъ Бруно-Вильгельмъ
18 л.
Сосл. свид. 2 гильд. № 4334.
Пром. свид. 2 разр. № 4333.

КРАНКЕНГАГЕНЪ, Іогаиъ, 50
л., Спб. 2 гильд. купецъ, вѣр.
лютер., образов. получ. въ части.
гимн.; сост. въ купеч. съ 1888 г.
Жит. Адм. ч., 2 уч., по Адмир.
кан., д. № 17. *Сод.* велосипедн.
мастор. той же части и уч., на
Благовѣщ. пл., д. № 3—5 и
торг. канцел. принадл. Каз. ч.,
1 уч., на Казанск. ул., д. № 24.
См. совладѣльцы «Кранкенга-
генъ и Голенищевъ». При
немъ сынъ Бруно-Вильгельмъ
30 л.
Сосл. свид. 2 гильд. № 5080.
Пром. свид. 2 разр. № 5079 и про-
мышл. свид. 3 разр. № 646.

Рис. 2. Запись в справочных книгах о лицах петербургского купечества в 1899–1900 гг.

строительство дома и перестройку флигелей в начале 1900 г. потомственный почетный гражданин Сергей Петрович Голенищев и петербургский 2-й гильдии купец Федор Васильевич Кранкенгаген получили кредит в 90 тыс. руб. в Обществе взаимного кредита Уездного земства. И уже в феврале 1900 г. строительство дома ударными темпами было завершено. В июне 1900 г. дом был отделан окончательно, типография «Евгения Тиле Преемники» переехала на Адмиралтейский канал, д. 17⁴⁷. В этот же дом вселилась и семья Кранкенгаген⁴⁸ (рис. 3).

В последние годы XIX в. параллельно с типографским делом Федор Васильевич Кранкенгаген пытался заняться дачным бизнесом. С этой целью 1 декабря 1898 г. он арендовал участок № 7, расположенный между Приморским проспектом (совр. Пляжная улица) и Парковой улицей (см. на карте Сестрорецка 1914 г.). Однако это направление не имело успеха⁴⁹.

В 1900 г. имущество потомственного почетного гражданина Сергея Голенищева и петербургского купца Федора Васильевича Кранкенгагена было оценено в 43 680 руб.⁵⁰

Рис. 3. Форзац титульной страницы журнала «Отдых»

Среди главных направлений деятельности фирмы были изготовление конторских книг, деловых бланков и конвертов; печать акцизных марок для винной продукции; переплетные работы; торговля канцелярскими товарами; производство каучуковых штампов; издание печатной продукции; изготовление и продажа картин для волшебного фонаря⁵¹.

Кроме типографии, в доме на набережной Адмиралтейского канала располагались монограммная мастерская, магазин картин для волшебного фонаря, магазин конторских книг и конвертов и главная контора издательства журнала «Отдых».

Изготовление конторских книг, деловых бланков и конвертов в общей структуре бизнеса было основным и наиболее востребованным направлением: любая фирма нуждалась в бухгалтерских и складских книгах, накладных, сметах, отчетах. Многие из них выполнялись под конкретного заказчика и носили именной характер, как, например, бланки писем типографии «Евгения Тиле преемники», которые, как и вся продукция типографии, отличались высоким качеством печати и дизайна продукции⁵² (рис. 4).

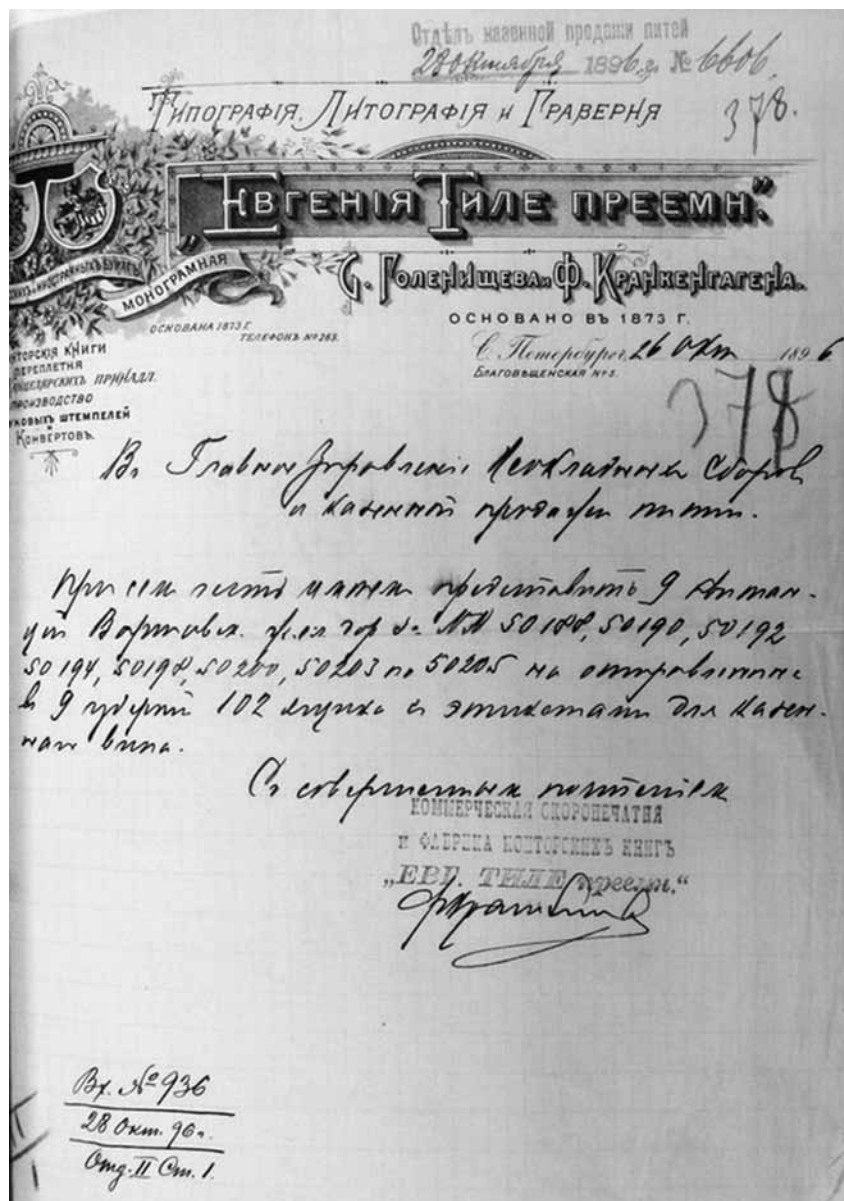

Рис. 4. Образец делового бланка «Евгения Тиле преемники»

Большой объем деятельности фирмы составлял казенный заказ. В течение нескольких лет типография печатала «этикетки на посуду с казенными питьями» (акцизные марки)⁵³.

Заказчиком выступал отдел казенной продажи питей Департамента неокладных сборов Министерства финансов. Борьба за исполнение этого выгодного и объемного заказа проходила в условиях жесткой конкуренции. Это направление деятельности нашло отражение в двух архивных делах, где представлены документы по проведению тендеров⁵⁴.

В направлениях деятельности фирмы упоминается «магазин картин для волшебного фонаря». «Волшебный фонарь» конца XIX — начала XX в. был предшественником современного кинематографа и служил своеобразным окном в мир для многих поколений жителей российских городов. Поколение 1950-х годов еще помнит диапроекторы и диаскопы своего детства — практически это внуки популярного на переломе веков «волшебного фонаря» (на самом деле имевшего к тому времени уже двухвековую историю). Картинки для «волшебного фонаря» переносились на стеклянную основу ручным или печатным образом. К началу XX в. картинки в большинстве своем были цветными и весьма высокого качества. Представляет интерес перечень картин для волшебного фонаря, изданных типографией. Наряду со сказкой «О золотом петушке» есть и серьезный «ликбез» по истории Отечества («Суворов», «Нашествие татар») и даже литературный экскурс в творчество литературного классика Ивана Тургенева. Кстати, в доме на Адмиралтейской набережной картинки не только изготавливались, но и продавались. Скорее всего, действовал и небольшой салон для предварительного просмотра.

Еще одним направлением работы типографии была издательская деятельность, и в первую очередь издание журнала «Отдых» (рис. 5). Художественно-литературный ежемесячный журнал «Отдых» печатался в типографии «Евгения Тиле преемники» в 1899–1903 гг. Журнал упоминается в библиографических справочниках периодических изданий Н. М. Лисовского⁵⁵ и Л. Н. Беляевой⁵⁶. Редактором-издателем журнала являлась Е. Ф. Яковлева-Карич⁵⁷. За образец для журнала были взяты европейские иллюстрированные

Рис. 5. Журнал «Отдых». 1901. Апрель. № 6

издания. Своей задачей издатель ставил воспитание и распространение эстетических начал в русской жизни. Издание содержало огромное количество первоклассных иллюстраций. В журнале принимали участие И. А. Бунин, П. Гнедич, К. Д. Бальмонт, И. Наживин, М. Лохвицкая (Тэффи), Е. Н. Чириков, В. И. Немирович-Данченко, Л. Д. Червинская и др. Оформлением журнала занимались художники Л. Бакст, К. Маковский, И. Репин, С. Соломко, П. Чистяков, Н. Каразин, Е. Зарин.

Следует сказать, что, кроме перечисленных коммерческих направлений, Федор Васильевич Кранкенгаген был учредителем Школы печатного дела и членом Общества распространения коммерческих знаний. Ежегодно в типографию направлялись для обучения до десяти учеников. Кранкенгаген был не только учредителем, но и педагогом школы — вел занятия по профессиональным дисциплинам, проводил практические занятия. Главной целью Школы печатного дела было профессиональное обучение рабочих, решивших посвятить себя книгопечатанию. Школа была открыта на средства содержателей типографий, обязавшихся вносить ежегодно некоторую сумму. Курс обучения был двухлетним. Занятия проходили по вечерам. В школе преподавали Закон Божий, русский язык, историю, арифметику, географию, черчение, чтение печатного и рукописного текстов и технику печатного дела. Учащиеся должны были состоять учениками типографий и быть не моложе 14 лет. Наряду с художественной подготовкой типографский рабочий должен был обладать общими техническими сведениями и знанием тех методов печатания, в основу которых была положена фотография. Печатник и машинист также должны были до некоторой степени быть ознакомлены с техникой способов печатания и теоретическими принципами литографской печати. Учениками школ изучались также правила акцидентного набора. В начале века к нему относили все виды наборов печатной продукции, которая использовалась в деловой и частной жизни для всевозможных целей⁵⁸.

Следует отметить, что Сергей Петрович Голенищев и Федор Васильевич Кранкенгаген были членами Общества для распространения коммерческих знаний, расположенного по адресу: Невский

проспект, д. 88, причем Сергей Петрович занимал высокий пост товарища председателя⁵⁹.

В процессе поисков мы обнаружили в «Справочной книге о лицах С.-Петербургской купеческой управы» и в делах архива РГИА упоминание о том, что в 1901–1902 гг. Федор Васильевич Кранкенгаген содержал велосипедную мастерскую и велосипедный магазин «Триумф»⁶⁰. Это вызвало некоторое удивление из-за «непрофильности» бизнеса. Все прояснилось после обнаружения в «Адресной книге С.-Петербурга за 1896 г.» примечательной записи — оказалось, что компаньон Кранкенгагена, С. П. Голенищев, увлекался велосипедами и был действительным членом Общества велосипедистов-любителей (Литейный, д. 51, манеж графа Шереметева)⁶¹.

К сожалению, надежды компаньонов на успешный и высокодоходный издательский бизнес не оправдались. Значительной проблемой стал непомерно большой объем кредитов, взятых в банках и у частных лиц для строительства дома и приобретения типографского оборудования. В результате критической ситуации с выплатой долгов в конце апреля 1902 г. кредиторы фирмы обратились в С.-Петербургский биржевой комитет с прошением об учреждении администрации по внешнему управлению фирмой «Евгения Тиле преемники». Однако и это радикальное средство не принесло желаемых результатов. Долги нарастали, заказов становилось все меньше, между компаньонами возникли трения⁶².

В связи с тем, что с 1 января 1904 г. платежи по банковской ссуде Тульского коммерческого банка не вносились, дом был выставлен на торги (рис. 6). В торгах приняли участие пять заявителей: купец 1-й гильдии Григорий Григорьевич Елисеев, отставной прапорщик запаса Николай Дмитриевич Зотов, личный почетный гражданин Христиан Михайлович Гутман, ремесленник Евгений Иванович Кривдин и крестьянин Михаил Данилович Бодин⁶³.

По результатам аукциона торги выиграл коллежский секретарь Григорий Григорьевич Елисеев, заплатив за лот 95 200 руб. Отметим, что легендарный владелец торговой империи Григорий Григорьевич Елисеев входил в ближнее окружение Федора Васильевича Кранкенгагена и был одним из самых крупных кредиторов фирмы «Евгения Тиле преемники»⁶⁴.

14.

Дѣло о продажѣ имущества *Госенинцевъ и Франклина* № *23407*
 Р. № 3.
 № *2729*
 Р. № 1.

ЖУРНАЛЪ

ПРАВЛЕНІЯ

С.-ПЕТЕРБУРГСКО-ТУЛЬСКАГО ПОЗЕМЕЛЬНАГО БАНКА.

Засѣданіе *Ноября 23* ^{го} дня 190*4* года.

На производившихся *15 Ноября* 190*4* года въ *посѣщеніи*
Банка въ гор. *С.-Петербургѣ* публичныхъ торгахъ
 на продажу имущества *Потомственныхъ Наслѣдниковъ Гражданина Сергея Петровича Госенинцова и С.-Петербургскаго 2го имѣнія купца Голая Крамленкина, восточнаго въ городѣ С.-Петербургѣ, Адмиралтейской части 2^й участка подъ №№ по кадастрамъ 1846 года 255, 1874 года 291, 1900 года 222 и поместный № 17*

Предсѣдатель Правленія были прочитаны торгующимся правила, наложенныя въ торговомъ листѣ и относящіяся до права, порядка и послѣдствій торга. Явившіеся покупатели, по извѣстному залого въ размѣрѣ, установленномъ § 24 Высочайше утвержденного Устава Банка, были внесены въ торговый листъ.

Вышую цѣну за продаваемое имущество, а именно *девять тысячъ двести 95200* рублей,

предложилъ *Каммерскій Секретарь Григорій Григорьевичъ Емисковъ*.

Рис. 6. Выпись из журнала правления
 Тульского коммерческого банка о назначении торгов

В 1904 г., 5 декабря, в помещении типографии произошел пожар. В заметке, опубликованной в «Петербургском листке» отмечалось, что «...в шестом часу вечера, вспыхнул пожар в доме под № 17 по набережной Адмиралтейского канала, в которой помещается типография под фирмою “Евгений Тиле, преемники”, принадлежащая конкурсному управлению по делам С. П. Голенищева и Ф. В. Кранкенгагена. Загорелось в нижнем этаже надворного флигеля, в помещении литографии, которая по случаю праздника была заперта. От невыясненной причины в литографии начали гореть кипы бумаги, с которых пламя перешло на несколько стоявших поблизости столов с различными принадлежностями литографского производства. Пожар был прекращен прибывшей командою Казанской части. Благодаря тому что во время пожара погибло несколько дорогостоящих литографских камней, убыток достигает довольно значительных размеров. Дом принадлежит гг. И. Кранкенгагену и С. П. Голенищеву и застрахован в 140 тыс. руб. в кампании “Надежда”, обстановка типолитографии застрахована в двух страховых обществах: Первом российском и в “Саламандре”. Общий убыток от пожара еще не приведен в известность»⁶⁵.

В результате банкротства Ф. В. Кранкенгаген и С. П. Голенищев были вынуждены расстаться не только с участком, но и с принадлежавшей им типографией⁶⁶. В 1908 г. типография «Евгения Тиле Преемники» по-прежнему располагалась в доме по адресу: Адмиралтейский канал, д. 17, однако в качестве владельцев в деле ЦГИА СПб были уже указаны рижский цеховой Иван Васильевич Шестаковский и потомственный дворянин Михаил Михайлович Бенеславский⁶⁷.

В 1903 г. семья Кранкенгаген покинула роскошную квартиру, расположенную по набережной Адмиралтейского канала, д. 17, и переехала в гораздо более скромные апартаменты в д. 11. По данным «Адресной книги Петербурга за 1905 г.», Иоганн Кранкенгаген зафиксирован по адресу: Забалканский пр., д. 346⁶⁸, в 1906 г. он переехал на Московский пр., д. 4⁶⁹, и к 1907 г. — на Каменно-островский пр., д. 41⁷⁰. Начиная с 1908 г. по этому адресу Кранкенгаген указан уже как Федор Васильевич Кранкенгаген, а его сын «Бруно-Вильгельмъ Иогановичъ Кранкенгагенъ» зафиксирован по адресу: В. О., 11-я линия, д. 32⁷¹.

Разочаровавшись в типографском деле, Федор Васильевич Кранкенгаген стал членом правления товарищества Санкт-Петербургского вагоностроительного завода. «Товарищество Санкт-Петербургского вагоностроительного завода осуществляло свою деятельность с 1893 г. (Устав Высочайше утвержден 3 июля 1893 г.) Производство Товарищества находилось за Московской заставой между веткой Варшавской железной дороги и Московским (бывшим Забалканским) проспектом недалеко от Триумфальных ворот и изначально выполняло выгодные военные заказы на понтонные мосты, конные обозы, походные кухни и т. п. Вскоре паровозы и вагоны стали основной продукцией предприятия. Первый железнодорожный вагон Санкт-Петербургского вагоностроительного завода был изготовлен уже в 1898 г.»⁷²

Семья Кранкенгагена продолжала менять места жительства и адреса в Петербурге. До 1913 г. Ф. В. Кранкенгаген проживал по адресу: Каменноостровский пр., д. 41. В 1913 г. семья переехала на Большую Конюшенную, д. 5⁷³. Последний раз Ф. В. Кранкенгаген упоминается в адресных книгах Санкт-Петербурга в 1914 г. по адресу: Морская ул., д. 29.

В июле 1914 г. началась Первая мировая война. Антигерманские настроения, исход немецкой диаспоры из России на фоне погромов и обструкций немецкого населения неминуемо сказывались и на коммерции, и на быте, и — очевидно — на здоровье людей. Даже в благополучной немецкой школе К. Мая были попытки бойкота уроков немецкого языка. Федор Васильевич Кранкенгаген скончался через два месяца после начала Первой мировой войны, 26 сентября 1914 г., вполне вероятно, не пережив выпавших на долю немцев несправедливостей.

В траурном объявлении, опубликованном в газете «Новое время», говорилось: «Правление Товарищества Петроградского вагоностроительного завода с глубоким сожалением извещает о кончине своего правителя дел, всеми уважаемого Федора Васильевича Кранкенгагена, последовавшей 26-го сего сентября. Вынос тела из квартиры покойного (Морская, д. 29) для погребения на Смоленском лютеранском кладбище состоится в воскресенье, 28 сентября, в 1 час дня»⁷⁴ (рис. 7).

Рис. 7. Траурное объявление о кончине Ф. В. Кранкенгагена

Могила Кранкенгагена не сохранилась. Скорее всего, она располагалась на участке кладбища, переданном пожарной части, — именно там находилась значительная часть захоронений 1914 г.

Единственный сын Ф. В. Кранкенгагена, Бруно, в 1905 г. в возрасте 24 лет обвенчался в Луге с петербургской мещанкой, девицей Анной Владимировной Ивановой, 29 лет от роду⁷⁵.

В адресных книгах Санкт-Петербурга Бруно Кранкенгаген впервые упомянут в 1913 г. по адресу: Новоисаакиевская ул. (ныне — ул. Якубовича), д. 22⁷⁶. Сведения о нем встречаются в адресных книгах Петербурга вплоть до 1917 г.: 1915 г. (Новоисаакиевская ул., д. 22)⁷⁷, 1916 г. (Офицерская ул., д. 15)⁷⁸ и 1917 г. (там же)⁷⁹. Интересно отметить, что в 1915 г. профессия Бруно была зафиксирована как «корреспондент», но в 1916 и 1917 гг. эта формулировка исчезает.

Бруно не покинул Россию после Октябрьского переворота. Небольшое личное дело Бруно Федоровича Кранкенгагена, в котором отчество было указано, наконец, правильно, было обнаружено нами в ЛОГАВ. Из дела следует, что Бруно Федорович в 1919 г. служил старшим агентом и заведующим хозяйственно-продовольственной части Лесного отделения строительства гидроэлектростанций Морского ведомства Народного комиссариата по морским делам. В 1921 г., 17 сентября, он подал прошение об увольнении на имя начальника лесного отдела Свирского строительства «ввиду срочного отъезда на родину в Германию»⁸⁰ (рис. 8).

К сожалению, наши надежды на положительный результат в поисках потомков семьи Кранкенгаген в Европе не оправдались. Мы нашли несколько носителей этой фамилии в Германии, но все они

примере мы можем проследить все стадии жизни немецкой семьи в России. Приезд музыканта в чужую страну по приглашению, трудности службы, возникшая привязанность к России, многообразная предпринимательская деятельность и, наконец, вынужденный исход — возвращение в Германию. В судьбе одной семьи, как в зеркале, отражается судьба всей немецкой диаспоры России.

Благодарности

В заключение хочу поблагодарить моих верных помощниц — Наталью Борисовну Валиеву и Ирину Леонидовну Лейнонен, без деятельной поддержки которых этот многолетний труд не был бы завершен. Благодарю также компанию ООО «КИНО ТВ» за инициирование и материальную поддержку дополнительного поиска материалов по фамильной истории семьи Кранкенгаген.

Библиография

Источники и материалы

Адресная книга города С.-Петербурга на 1894 г. / сост. под ред. П. О. Яблонского. СПб.: Лештуковская паровая скоропечатня П. О. Яблонского, 1894. 439 с.

Адресная книга города С.-Петербурга на 1898 г. / сост. под ред. П. О. Яблонского. СПб.: Лештуковская паровая скоропечатня П. О. Яблонского, 1898. 1219 с.

Адресная книга города С.-Петербурга на 1896 г. / сост. под ред. П. О. Яблонского. СПб.: Лештуковская паровая скоропечатня П. О. Яблонского, 1896. 518 с.

Весь Петербург на 1905 год: адресная и справочная книга г. С.-Петербурга. СПб.: Изд. А. С. Суворина, 1905. 883 с.

Весь Петербург на 1906 год: адресная и справочная книга г. С.-Петербурга. СПб.: Изд. А. С. Суворина, 1906. 876 с.

Весь Петербург на 1907 год: адресная и справочная книга г. С.-Петербурга. СПб.: Изд. А. С. Суворина, 1907. 936 с.

Весь Петербург на 1908 год: адресная и справочная книга г. С.-Петербурга. СПб.: Изд. А. С. Суворина, 1908. 750 с.

Весь Петербург на 1913 г. адресная и справочная книга г. С.-Петербурга. СПб.: Изд. А. С. Суворина. 1913. 850 с.

Весь Петроград на 1915 год: адресная и справочная книга г. Петрограда. Пг.: Новое время, 1915. 884 с.

Весь Петроград на 1916 год: адресная и справочная книга г. Петрограда. Пг.: Новое время, 1916. 924 с.

Весь Петроград на 1917 год: адресная и справочная книга г. Петрограда. Пг.: Новое время, 1917. 930 с.

Всеобщая адресная книга С.-Петербурга на 1868 г. СПб.: Гоппе и Корнфельд, 1867–1868. 987 с.

Справочная книга о купцах гор. С.-Петербурга 1890. СПб.: Гос. тип., 1890. 797 с.

Справочная книга о купцах гор. С.-Петербурга 1888. СПб.: Тип. Н. А. Лебедева, 1888. 733 с.

Справочная книга о купцах гор. С.-Петербурга 1894. СПб.: Гос. тип., 1894. 815 с.

Справочная книга о лицах С.-Петербургского купечества 1899. СПб.: Гос. тип., 1899. 1065 с.

Справочная книга о лицах С.-Петербургского купечества 1900. СПб.: Гос. тип., 1900. 922 с.

Справочная книга о лицах С.-Петербургской купеческой управы 1901 г. СПб.: Тип. СПб градоначальства, 1901. 844 с.

Российский государственный исторический архив

РГИА. Ф. 24. Оп. 26. Д. 223.

РГИА. Ф. 472. Оп. 9. Д. 85. Л. 72.

РГИА. Ф. 497. Оп. 2. Д. 230.

РГИА. Ф. 497. Оп. 2. Д. 14078.

РГИА. Ф. 497. Оп. 3. Д. 5372.

РГИА. Ф. 497. Оп. 3. Д. 5699.

РГИА. Ф. 575. Оп. 2. Д. 2048.

РГИА. Ф. 575. Оп. 2. Д. 2072. Л. 67.

РГИА. Ф. 596. Оп. 1. Д. 1976.

РГИА. Ф. 596. Оп. 8. Д. 1465.

РГИА. Ф. 828. Оп. 14. Д. 114. Л. 87.

РГИА. Ф. 828. Оп. 14. Д. 169. Л. 312.

РГИА. Ф. 828. Оп. 14. Д. 237. Л. 581.

РГИА. Ф. 828. Оп. 14. Д. 248. Л. 611.

РГИА. Ф. 828. Оп. 14. Д. 252. Л. 596.

РГИА. Ф. 828. Оп. 14. Д. 265. Л. 503.

Центральный государственный исторический архив

Санкт-Петербурга

ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 127. Д. 1632.

ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 9797.

ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 102. Д. 8.

ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 146. Д. 254. Л. 2.

ЦГИА СПб. Ф. 706. Оп. 1. Д. 865.

ЦГИА СПб. Ф. 792. Оп. 1. Д. 4440.

ЦГИА СПб. Ф. 852. Оп. 1. Д. 5301.

ЦГИА СПб. Ф. 1458. Оп. 2. Д. 739.

Ленинградский областной государственный архив

в городе Выборге

ЛОГАН. Ф. Р-4601. Оп. 16. Д. 805.

Литература

Бем В. Г. Волковское лютеранское кладбище Санкт-Петербурга: справочник-путеводитель на нем. и рус. яз. СПб.: Рус.-Балт. информ. центр БЛИЦ, 1998–2005.

Библиография периодических изданий России. 1901–1916 / сост.: Л. Н. Беляева, М. К. Зиновьева, М. М. Никифоров. Л.: Гос. публ. б-ка им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, 1958–1961. Т. 2. 714 с.

Благово Н. В. Школа на Васильевском острове. Ч. 2. СПб.: Наука, 2009. 334 с.

Лисовский Н. М. Библиография русской периодической печати 1703–1900 гг. (материалы для истории рус. журналистики) / сост. и изд. Н. М. Лисовский. Пг.: Тип. АО Типографского дела, 1915. 1067 с.

Пятидесятилетие школы К. И. Мая. СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1907. 201 с.

Саитов В. И. Петербургский некрополь. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1912. Т. 1–4. 746 с.

Чайковский М. Жизнь Петра Ильича Чайковского: в 3 т. Т. 1 (1840–1877). М.: Изд. П. Юргенсона, 1903. 695 с.

Deutsche Musiker in der Stadt an der Newa. Begleitheft zur Ausstellung. Betreuer der Ausstellung: Arina Nemkova, Dr. Larissa Popkova. URL: <chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/http://drb.ru/wp-content/uploads/2021/03/Deutsche-Musiker-in-der-Stadt-an-der-Neva.pdf> (дата обращения: 11.03.2024).

Bahlow H. «Deutsches Namenlexikon. 15 000 Familien- und Vornamen nach Ursprung und Sinn erklärt». Leipzig: Verlag Gondrom, 1988.

Wiener Oboen-journal 70. Ausgabe Juni 2016. 24 S.

Периодические издания

Всемирная иллюстрация: еженедельный иллюстрированный журнал. Т. 53. № 15 (1367).

Новое время. 1914. 27 сент. (10 окт.). № 13845.

Отдых: ежемесячный художественно-литературный журнал. СПб.: Тип. «Евгения Тиле преемн», 1900. Ноябрь. № 1.

Петербургский листок. 1904. 6 дек. № 336.

С.-Петербургский евангелический воскресный листок. 1861. 2 апр. № 14.

С.-Петербургский евангелический воскресный листок. 1880. 10 февр. № 6.

Интернет-источники

А. фон Этлингер. URL: <https://amburger.ios-regensburg.de/index.php?id=16138> (дата обращения: 11.02.2024).

В. Н. фон Этлингер. URL: <https://amburger.ios-regensburg.de/index.php?id=58909> (дата обращения: 11.02.2024).

Валиев М. Т. Хвольсон О. Д. URL: http://www.kmay.ru/sample_pers.phtml?n=3276 (дата обращения: 11.02.2024).

Валиев М. Т. Цшохер О. В. URL: http://www.kmay.ru/sample_pers.phtml?n=3327 (дата обращения: 11.02.2024).

Гофмарк Б. И. URL: <https://amburger.ios-regensburg.de/index.php?id=23945> (дата обращения: 11.02.2024).

Кранкенгаген Теодор. URL: <https://www.conservatory.ru/en/node/3835> (дата обращения: 11.02.2024).

Лейнонен И. Л., Валиев М. Т. Бекман Л. К. URL: http://www.kmay.ru/sample_pers.phtml?n=207 (дата обращения: 11.02.2024).

Лейнонен И. Л., Валиев М. Т. Кинг А. Р. URL: http://www.kmay.ru/sample_pers.phtml?n=1455 (дата обращения: 11.02.2024).

Товарищество Санкт-Петербургского вагоностроительного завода. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Товарищество_Санкт-Петербургского_вагоностроительного_завода (дата обращения: 11.02.2024).

* * *

¹ Bahlow H. Deutsches Namenlexikon. 15 000 Familien- und Vornamen nach Ursprung und Sinn erklärt. Leipzig: Verlag Gondrom, 1988. S. 292. (Д-р Ганс Балов. Немецкий словарь имен. 15 000 фамилий и имен с объяснениями их происхождения и значения. Лейпциг: Изд. Гондром, 1988).

² Далее — Вильгельм Кранкенгаген, кроме цитат первоисточников.

³ Wiener Oboen-Journale 70. Ausgabe Juni 2016. S. 18. (Венский журнал «Гобой». 2016. Июнь. Вып. 70).

⁴ Александр Михайлович Геденов (05.02.1792–27.04.1867) на протяжении четверти века, с 1833 по 1858 г., возглавлял Императорские театры обеих столиц.

⁵ РГИА. Ф. 497. Оп. 2. Д. 230. Личное дело музыканта Теодора Кранкенгагена.

⁶ Бем В. Г. Волковское лютеранское кладбище Санкт-Петербурга: справочник-путеводитель на нем. и рус. яз. СПб.: Рус.-Балт. информ. центр БЛИЦ, 1998–2005.

⁷ РГИА. Ф. 828. Оп. 14. Д. 114. Л. 87; С.-Петербургский евангелический воскресный листок. 1861. 2 апр. № 14 (кончина дочери Евгении).

⁸ РГИА. Ф. 472. Оп. 9. Д. 85. Л. 72.

⁹ РГИА. Ф. 497. Оп. 3. Д. 5372.

¹⁰ РГИА. Ф. 497. Оп. 3. Д. 5699.

¹¹ РГИА. Ф. 497. Оп. 2. Д. 230. Личное дело музыканта Теодора Кранкенгагена.

¹² Чайковский М. Жизнь Петра Ильича Чайковского: в 3 т. Т. 1 (1840–1877). М.: Изд. П. Юргенсона, 1903.

¹³ Карл Кутшбах заступил на пост профессора Консерватории в 1869 г. после отъезда Кранкенгагена в Вену.

¹⁴ Deutsche Musiker in der Stadt an der Newa. Begleitheft zur Ausstellung. Betreuer der Ausstellung: Arina Nemkova, Dr. Larissa Popkova. (Немецкие музыканты в городе на Неве: буклет к выставке / кураторы выставки: Арина Немкова, д-р Лариса Попкова). URL: <chrome-extension://efaidnbmnnnnibpcajpgcglcfindmkaj/http://drb.ru/wp-content/uploads/2021/03/Deutsche-Musiker-in-der-Stadt-an-der-Neva.pdf>.

¹⁵ Кранкенгаген Теодор. URL: <https://www.conservatory.ru/en/node/3835>.

¹⁶ Wiener Oboen-Journal 70. Ausgabe Juni 2016. S. 18.

¹⁷ РГИА. Ф. 497. Оп. 2. Д. 230. Личное дело музыканта Теодора Кранкенгагена.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Wiener Oboen-Journal 70. Ausgabe Juni 2016. S. 18; РГИА. Ф. 497. Оп. 2. Д. 14078. Личное дело музыканта Теодора Кранкенгагена.

²⁰ Пятидесятилетие школы К. И. Мая. СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1907. С. 190.

Кранкенгаген упомянут дважды — под именем Иоганн и под именем Федор Васильевич (мы уверены в том, что это один человек!).

²¹ Всеобщая адресная книга С.-Петербурга на 1868 г. СПб.: Гоппе и Корнфельд, 1867–1868. С. 103.

²² Подробная историческая хроника школы и биография ее основателя изложены в многочисленных трудах.

²³ Всемирная иллюстрация: еженед. ил. журн. Т. 53. № 15 (1367). С. 290.

²⁴ Лейнонен И. Л., Валиев М. Т. Л. К. Бекман. URL: http://www.kmay.ru/sample_pers.phtml?n=207.

²⁵ Лейнонен И. Л., Валиев М. Т. А. Р. Кинг. URL: http://www.kmay.ru/sample_pers.phtml?n=1455.

²⁶ Валиев М. Т. Цшохер О. В. URL: http://www.kmay.ru/sample_pers.phtml?n=3327.

²⁷ Валиев М. Т. Хвольсон О. Д. URL: http://www.kmay.ru/sample_pers.phtml?n=3276.

Биографии большинства одноклассников Федора Кранкенгагена выложены на сайте «Общества друзей школы К. Мая». URL: <http://www.kmay.ru/allpers.phtml?s=1856&f=1918>.

²⁸ Благово Н. В. Школа на Васильевском острове. Ч. 2. СПб.: Наука, 2009.

²⁹ РГИА. Ф. 828. Оп. 14. Д. 237. Л. 581.

С.-Петербургский евангелический воскресный листок. 1880. 10 февр. № 6.

³¹ РГИА. Ф. 828. Оп. 14. Д. 169. Л. 312.

³² В. Н. фон Этлинггер. URL: <https://amburger.ios-regensburg.de/index.php?id=16138>; Саитов В. И. Петербургский некрополь. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1912. Т. 1. С. 361.

³³ РГИА. Ф. 828. Оп. 14. Д. 248. Л. 611.

³⁴ Там же.

³⁵ Б. И. Гофмарк. URL: <https://amburger.ios-regensburg.de/index.php?id=23945>.

³⁶ В. Н. фон Этлинггер. URL: <https://amburger.ios-regensburg.de/index.php?id=58909>.

³⁷ РГИА. Ф. 828. Оп. 14. Д. 252. Л. 596.

³⁸ РГИА. Ф. 828. Оп. 14. Д. 265. Л. 503; РГИА. Ф. 828. Оп. 14. Д. 114. Л. 87.

³⁹ Бем В. Г. Указ. соч.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Справочная книга о купцах гор. С.-Петербурга 1888. СПб.: Тип. Н. А. Лебедева, 1888. С. 678.

⁴² Справочная книга о купцах гор. С.-Петербурга 1890. СПб.: Гос. тип., 1890. С. 361.

⁴³ Справочная книга о купцах гор. С.-Петербурга 1894. СПб.: Гос. тип., 1894. С. 366–367.

⁴⁴ Адресная книга города С.-Петербурга на 1894 г. / сост. под ред. П. О. Яблонского. СПб.: Лештуковская паровая скоропечатня П. О. Яблонского, 1894. С. 195.

⁴⁵ Справочная книга о лицах С.-Петербургского купечества 1899. СПб.: Гос. тип., 1899. С. 405; Справочная книга о лицах С.-Петербургского купечества 1900. СПб.: Гос. тип., 1900. С. 650.

⁴⁶ Справочная книга о купцах гор. С.-Петербурга 1890. СПб.: Гос. тип., 1890. С. 361.

⁴⁷ ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 102. Д. 8. Л. 46.

⁴⁸ Отдых: ежемес. худ.-лит. журн. СПб.: Тип. «Евгения Тиле преемн.», 1900. Ноябрь. № 1.

⁴⁹ Участок № 7 Кранкенгагена, Бальди и др., ул. Пляжная, д. 25. URL: <https://terijoki.spb.ru/photos/index.php?/category/2881>.

⁵⁰ ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 146. Д. 254. Л. 2.

⁵¹ Каталог дешевых картин на стекловидной бумаге для волшебного фонаря к книжкам и брошюрам, разрешенным к чтению в народных аудиториях и школах: Картины производства коммерч. скоропеч. и фабрики конторск. книг Евг. Тиле преемн. (О. Голенищев и Ф. Кранкенгаген). СПб., 1898.

⁵² РГИА. Ф. 575. Оп. 2. Д. 2072. Л. 25; ЦГИА СПб. Ф. 852. Оп. 1. Д. 5301. Л. 26.

⁵³ РГИА. Ф. 575. Оп. 2. Д. 2048.

⁵⁴ РГИА. Ф. 575. Оп. 2. Д. 2048; РГИА. Ф. 575. Оп. 2. Д. 2072; РГИА. Ф. 575. Оп. 2. Д. 2072. Л. 67.

⁵⁵ Лисовский Н. М. Библиография русской периодической печати 1703–1900 гг. (материалы для истории рус. журналистики) / сост. и изд. Н. М. Лисовский. Пг.: Тип. АО Типографского дела, 1915. 1067 с. № 2849.

⁵⁶ Библиография периодических изданий России. 1901–1916 / сост.: Л. Н. Беляева, М. К. Зиновьева, М. М. Никифоров. Л.: Гос. публ. б-ка им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, 1958–1961. Т. 2. С. 545.

⁵⁷ Яковлева-Карич Елизавета Фелициановна (1868–?) — прозаик, драматург, переводчик.

⁵⁸ Адресная книга города С.-Петербурга на 1898 г. / сост. под ред. П. О. Яблонского. СПб.: Лештуковская паровая скоропечатня П. О. Яблонского, 1898. С. 276; ЦГИА СПб. Ф. 792. Оп. 1. Д. 4440; ЦГИА СПб. Ф. 1458. Оп. 2. Д. 739; ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 9797.

⁵⁹ Адресная книга города С.-Петербурга на 1896 г. / сост. под ред. П. О. Яблонского. СПб.: Лештуковская паровая скоропечатня П. О. Яблонского, 1896. №1680–1681.

⁶⁰ Справочная книга о лицах С.-Петербургской купеческой управы 1901 г. СПб.: Тип. СПб. градоначальства, 1901. С. 312; РГИА. Ф. 24. Оп. 26. Д. 223; ЦГИА СПб. Ф. 852. Оп. 1. Д. 5301.

⁶¹ Адресная книга города С.-Петербурга на 1896 г. / сост. под ред. П. О. Яблонского. СПб.: Лештуковская паровая скоропечатня П. О. Яблонского, 1896. № 1697.

⁶² ЦГИА СПб. Ф. 852. Оп. 1. Д. 5301.

⁶³ РГИА. Ф. 596. Оп. 1. Д. 1976. 1904. Петроградско-Тульский поземельный банк. О торгах на продажу имущества потомственного почетного гражданина

С. П. Голенищева и С.-Петербургской 1-й гильдии купца И. Кранкенгагена в городе С.-Петербурге, 2 участка Адмиралтейской части по Адмиралтейскому каналу № 17, уч. 222.

⁶⁴ РГИА. Ф. 596. Оп. 1. Д. 1976. 1904 г.

⁶⁵ Петербургский листок. 1904. 6 дек. № 336.

⁶⁶ РГИА. Ф. 596. Оп. 1. Д. 1976. 1904 г.; РГИА. Ф. 596. Оп. 8. Д. 1465. 1913 г. Л. 42.

⁶⁷ ЦГИА СПб. Ф. 706. Оп. 1. Д. 865. 1908–1914 гг.

⁶⁸ Весь Петербург на 1905 год: адресная и справочная книга г. С.-Петербурга. СПб.: Изд. А. С. Суворина, 1905. С. 328.

⁶⁹ Весь Петербург на 1906 год: адресная и справочная книга г. С.-Петербурга. СПб.: Изд. А. С. Суворина, 1906. С. 341.

⁷⁰ Весь Петербург на 1907 год: адресная и справочная книга г. С.-Петербурга. СПб.: Изд. А. С. Суворина, 1907. С. 361.

⁷¹ Весь Петербург на 1908 год: адресная и справочная книга г. С.-Петербурга. СПб.: Изд. А. С. Суворина, 1908. С. 386.

⁷² Товарищество Санкт-Петербургского вагоностроительного завода. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Товарищество_Санкт-Петербургского_вагоностроительного_завода.

⁷³ Весь Петербург на 1913 год: адресная и справочная книга г. С.-Петербурга. СПб.: Изд. А. С. Суворина, 1913. С. 322.

⁷⁴ Новое время. 1914. 27 сент. (10 окт.). №13845. С. 1.

⁷⁵ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 127. Д. 1632. Л. 99 об. — 100. 1905 г. Метрическая запись о браке Бруно Кранкенгагена.

⁷⁶ Весь Петербург на 1913 год: адресная и справочная книга г. С.-Петербурга. СПб.: Изд. А. С. Суворина, 1913. С. 322.

⁷⁷ Весь Петроград на 1915 год: адресная и справочная книга г. Петрограда. Пг.: Новое время, 1915. С. 334.

⁷⁸ Весь Петроград на 1916 год: адресная и справочная книга г. Петрограда. Пг.: Новое время, 1916. С. 347.

⁷⁹ Весь Петроград на 1917 год: адресная и справочная книга г. Петрограда. Пг.: Новое время, 1917. С. 350.

⁸⁰ ЛОГАВ. Ф. Р-4601. Оп. 16. Д. 805. Л. 8.

Е. В. Смирнова

РАБОТЫ АРХИТЕКТОРОВ НЕМЕЦКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ НА УЧАСТКАХ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ В НАЧАЛЕ XX В.

Статья посвящена работам архитекторов-немцев для благотворительных учреждений в начале XX в. в районе Сестрорецка. Императорским указом благотворительным учреждениям безвозмездно были выделены участки в Сестрорецком Заречье для строительства санаториев и дач. Учреждения имели право располагать участками все время, пока они использовались для нужд благотворительности. Почти на всех здания дач и санаториев были выстроены. Некоторые — в дереве, некоторые более основательно — в кирпиче. Правления учреждений часто привлекали к строительству известных архитекторов, многие из которых были немцами по происхождению. Самым знаменитым было здание основного корпуса санатория гомеопатов. Здание было деревянным и пострадало в первые же годы революционных событий и последующих военных действий в районе реки Сестры, ставшей в декабре 1917 г. границей между Россией и независимой Финляндией. К началу Второй мировой войны ни одно деревянное здание не сохранилось. Два кирпичных здания дошли до наших дней перестроенными внутри и с измененными фасадами.

Ключевые слова: благотворительные учреждения, Сестрорецк, архитектор, дача.

E. V. Smirnova

WORKS OF ARCHITECTS OF GERMAN ORIGIN ON THE SITES OF CHARITABLE INSTITUTIONS IN THE EARLY TWENTIETH CENTURY

The article is devoted to the work of German architects for charitable institutions at the beginning of the twentieth century in the Sestroretsk region. By imperial decree, charitable institutions were allocated free of charge plots in Sestroretsk Zarechye for the construction of sanatoriums and dachas. Institutions had the right to have plots of land as long as they were used for charitable purposes. The buildings of dachas and sanatoriums were built on almost all of them. Some are in wood, some are more solidly in brick. The boards of institutions often attracted famous architects to the construction, many of whom were German by birth. The most famous building was the main building of the homeopathic sanatorium. The building was wooden and was damaged in the very first years of the revolutionary events and subsequent military operations in the area of the Sestra River, which in December 1917 became the border between Russia and independent Finland. By the beginning of World War II, not a single wooden building had survived. Two of the brick buildings have survived to this day, rebuilt inside and with altered facades.

Keywords: charitable institutions, Sestroretsk, architect, dacha.

В конце XIX — начале XX в. в районе Сестрорецка началось интенсивное дачное строительство. Песчаные дюны, прекрасный сосновый лес, Финский залив и озеро Разлив привлекали дачников в эти места. Императорским указом в Сестрорецком Заречье были безвозмездно выделены участки для строительства санаториев и дач¹ (рис. 1).

Рис. 1. План Сестрорецка 1914 г с указанием благотворительных участков (сайт: terijoki.spb.ru)

Немецкие благотворители и благотворительные учреждения Петербурга

Пожалуй, самыми значимыми в конце XIX — начале XX в. были благотворительные учреждения Ведомства императрицы Марии, начало деятельности которого относится к 1796 г. — указу Павла I (ведомством именовалось с 1854 г.). Работы для ведомства выполнял архитектор Герман Давидович Гримм, но достоверных подтверждений о его постройках в Сестрорецком Заречье не встречалось.

Благотворительные учреждения, не входившие в Ведомство императрицы Марии, так или иначе имели покровителями членов императорской семьи. Также многие организации создавали соб-

ственные благотворительные фонды, в рамках работы которых они открывали больницы, санатории, приюты.

Архитекторы-немцы вели строительство на участках трех благотворительных учреждений. Это санаторий и дачи Общества последователей гомеопатии (участки № 13, 16), санаторий и школьная дача Экспедиции заготовления госбумаг (участки № 4, 5) и здания Общества попечения о бесприютных детях (участки № 6, 7, 9).

Но, говоря о деятельности благотворительных учреждений в Сестрорецке, нельзя не отметить представителей немецких фамилий, начинавших и реализовавших по мере сил эту деятельность.

Так, благотворительное Общество школьных дач для санкт-петербургских средних учебных заведений было основано в 1882 г. по инициативе доктора Карла Андреевича Раухфуса. Общество приняла под свое покровительство императрица Мария Федоровна, что, возможно, сыграло немаловажную роль в получении им в 1898 г. участка под Сестрорецком для строительства собственной школьной дачи в память о почившем императоре Александре III.

1 января 1900 г. Ольга Николаевна фон Гартман, вдова Роберта фон Гартмана передала в кассу общества 55 тыс. руб. из выделенных ею на строительство и содержание зимней школьной дачи для мальчиков в память о ее муже 125 тыс.² (рис. 2).

Идея строительства санатория при больнице Общины сестер милосердия Красного Креста принадлежала Ольге Федоровне (Фридриховне) фон Гейден (30.11.1864–12.1917). Ольга Федоровна была заместительницей председателя правления Санкт-Петербургского попечительского комитета о сестрах Красного Креста.

Начало санаторию, известному как санаторий Евгении Владимировны Колачевской, из которого фактически вырос современный детский санаторий «Дюны», тоже было положено графиней Ольгой Федоровной фон Гейден. От нее же поступил первый взнос на строительство санатория в размере 1000 руб.³

Хотелось бы немного остановиться на этом практически забытом имени. Сведений об Ольге фон Гейден крайне мало. Она принадлежала к высшему свету. Отец, Ф. Л. Гейден, — финляндский генерал-губернатор в 1881–1897 гг., мать, Е. Н. Гейден, — известная благотворительница, основательница Общины сестер милосердия

Рис. 2. Зимняя школьная дача. Открытка из коллекции С. В. Ренни
(сайт: terijoki.spb.ru)

Св. Георгия. Один из братьев, Николай Федорович фон Гейден, — генерал от кавалерии, общественный деятель, попечитель сиротского дома Г. Г. Белоградского, инициатор строительства санатория сиротского дома в Сестрорецком Заречье на участке № 21⁴.

С 1902 по 1912 г. Ольга Федоровна Гейден — свитная фрейлина императрицы Марии Федоровны. В 1916 г., согласно данным справочника «Весь Петроград»⁵, она оставалась свитной фрейлиной и, кроме Российского общества Красного Креста и иных благотворительных обществ, была председателем Гатчинского благотворительного общества. Ольга Федоровна была достаточно близка с императрицей Марией Федоровной. Известно, что ее покои в Гатчинском дворце находились в Арсенальном каре. В дневниках Марии Федоровны за 1916 г.⁶ имя Ольги Хейден⁷ встречается довольно часто, указывая на весьма близкое и доверительное общение.

Так, например, 13–26 июля в Польше: «...гуляли в митрополичьем лесу с Игнатьевым, Ольгой Хейден и Долгоруким...» Поездка императрицы в Польшу была, в частности, связана с делами Красного Креста. В именном указателе Ольга Хейден указана как Ольга Александровна Хейден, племянница Ольги Федоровны, но некоторые специалисты считают, что речь идет именно об Ольге Федоровне.

Еще одной знаковой фигурой был Иван Карлович Мердер. По инициативе вдовствующей императрицы Марии Федоровны в 1898 г. было создано Попечительство императрицы Марии Федоровны о глухонемых. С 1900 г. оно вошло в состав Ведомства императрицы Марии. В Заречье попечительству был выделен для строительства дачи участок № 15. За первые девять лет существования попечительства благодаря усилиям И. К. Мердера было сделано для глухонемых больше, чем за все предыдущее время, в частности построена школа попечительства в Заречье.

Работа архитекторов немецкого происхождения

По инициативе нескольких приверженцев гомеопатических методов лечения из высшего света и известнейшего врача-гомеопата того времени Павла Васильевича Соловьева было создано Общество содействия гомеопатии. Оно, в отличие от Общества врачей-гомеопатов⁸, было открытым. Обществом содействия гомеопатии была построена больница в память об императоре Александре II на Лицейской улице (рис. 3) и, как следствие, возникла идея возвести санаторий в Сестрорецке на выделенных обществу участках № 13 и 16.

В начале октября 1903 г. в строительное отделение губернского правления Санкт-Петербурга было подано прошение об утверждении плана главного здания санатория и при нем отдельных домиков-дач. Проект (рис. 4) был выполнен архитектором Адамом Иосифовичем Дитрихом⁹ и утвержден 4 ноября 1903 г. В мае 1904 г. постройка домиков-дач была закончена, и правление общества обратилось в Строительный комитет с просьбой о разрешении на использование дач, извещая, что к постройке главного здания «будет приступлено в течение настоящего строительного сезона».

Рис. 3. Больница Общества содействия гомеопатии. П. В. Соловьев

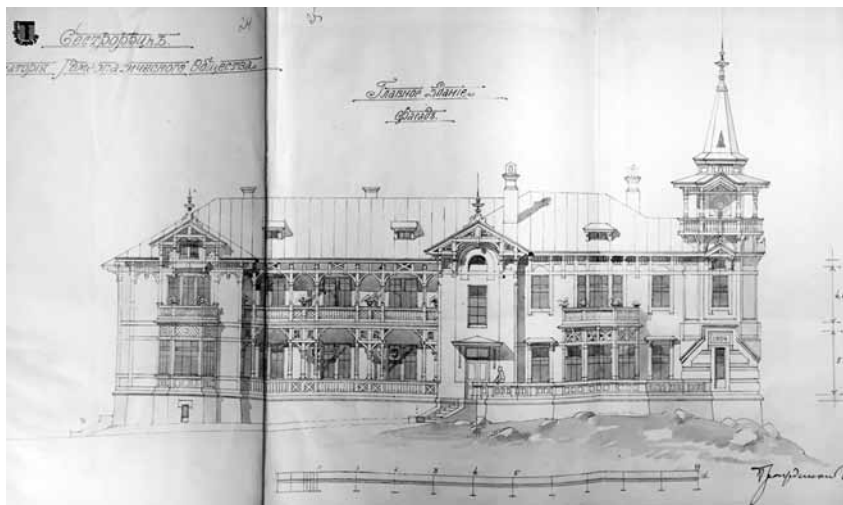

Рис. 4. Проектный чертеж главного здания (ЦГИА. Ф. 256. Оп. 27. Д. 180)

При этом проект главного здания был изменен, то есть Дитрих выполнил два варианта проекта. 17 апреля 1906 г. Строительный комитет был оповещен правлением общества об окончании строи-

тельства. 24 апреля в присутствии доктора П. В. Соловьева, который и возглавил санаторий, был проведен осмотр и составлен акт об отсутствии препятствий к открытию.

Вот что писал журнал «Зодчий» в 1906 г. о санатории Общества последователей гомеопатии: «Все место, слегка гористое, разбито на 10 участков и наибольший из них, вместе с тем самый высокий, отведен под главное здание, устроенное в характере гостиницы, в остальных участках расположены отдельные дачи двух типов — в 5 и 7 комнат с кухнями, людскими, клозетами и стеклянными балконами, при каждой имеются ледник, погреб, колодезь и мусорная яма, кругом разбиты тропинки и цветнички. Домики выстроены с таким расчетом, чтобы можно было по желанию жить круглый год, а именно стены срублены из 6-вершкового леса, сделаны смазки, печи, двойные переплеты и прочее... Главное здание также деревянное. Расположенное на возвышенности, устроено на каменном фундаменте с гранитным цоколем, каменной нижней частью башни и каменной клеткою одной из лестниц (главную). В нем помещается 21 отдельный номер, из которых некоторые могут соединяться по два с прихожей, во всех номерах сделаны балконы. В подвале благодаря ксогоору удалось устроить помещения для служителей, вполне сухие.... На крайнем правом участке устроены службы, а именно прачешная, баня, дворнички и сарай...»¹⁰ (рис. 5).

Архитектор Адам Иосифович Дитрих (1866, Варшава — 1933, Ленинград) (рис. 6) был заведующим строительной частью главного управления землеустройства и земледелия, выпускником Института гражданских инженеров 1891 г., где позднее преподавал. Профессор, статский советник, действительный член Санкт-Петербургского археологического общества, член Санкт-Петербургского общества архитекторов, архитектор Лесного института. Сложно перечислить все сферы деятельности Адама Иосифовича и все его должности, звания и регалии. Похоронен Дитрих на Новодевичьем кладбище в Санкт-Петербурге.

Его брат, И. И. Дитрих, также архитектор, судя по всему, имел участок в Разливе, был жертвователем на постройку церкви св. Великомученика Пантелеимона в Тарховке, его имя присутствует в списках жертвователей¹¹.

Рис. 5. Вид главного здания. Открытка начала XX в. из коллекции С. В. Ренни (сайт: terijoki.spb.ru)

Рис. 6. А. И. Дитрих и подпись на проекте санатория (ЦГИА. Ф. 256. Оп. 27. Д. 180. Л. 43)

Санаторий Экспедиции заготовления госбумаг также был спроектирован немецким архитектором. Густав Густавович фон Голи (1831–1920) был архитектором экспедиции и главным архитектором Министерства иностранных дел. Несмотря на то что он построил в Санкт-Петербурге около 40 домов, в основном на Петроградской стороне, а также работал в Царском Селе, известно о нем немного. В 1882–1888 гг. фон Голи проходил курс обучения в Академии художеств, был женат на до-

чери архитектора И. С. Китнера. Часто работал совместно с архитектором Г. Д. Гриммом. Проект главного здания санатория был утвержден строительным отделением Санкт-Петербургского губернского правления 24 сентября 1910 г., но длительное согласование сметы на строительство замедлило его реализацию. 7 ноября 1912 г. был утвержден проект школьной дачи и ледника, выполненный также Г. Г. фон Голи. 4 сентября 1913 г. была, наконец, утверждена смета на строительство санатория в сумме 82 771 руб. 24 коп.¹²

Планировалось возвести два здания: санаторий для служащих и рабочих и школьную дачу для учеников и учениц технической школы экспедиции. В докладной записке министра финансов Совету министров указывалось, что санаторий, учитывая наличие у экспедиции собственной больницы, даст возможность дополнительного восстановления после лечения. Санаторий предполагался круглогодичный, с постоянным присутствием фельдшера и периодическим посещением больничных врачей, с тремя отделениями: для рабочих — 10 человек, для женщин — 5 и для служащих — 3 человека. Необходимость собственной школьной дачи мотивировалась тем, что для оздоровления малолетних рабочих и учеников технической школы с 1905 г. снималась дача по Петергофской дороге, но к 1909 г. количество учеников увеличилось и отмечалось значительное ухудшение состояния здоровья поступавших в школу. Школьная дача планировалась на 27 человек с поочередным пребыванием девочек и мальчиков, с двумя преподавателями соответственно из учебного персонала школы. Школьная дача — одноэтажное деревянное, крытое железом здание, санаторий — двухэтажное каменное здание с жилым подвальным этажом (рис. 7).

Запланированные санитарно-технические работы впечатляют своим уровнем. Их выполняло газоводопроводное и слесарно-механическое заведение А. И. Мазина. Не вдаваясь в подробное описание, коснусь санитарно-технического оборудования. В текстовой части проекта было подробно указано, каким образом и в соответствии с какими требованиями проект должен быть исполнен: «Умывальников фаянсовых размером 27» с поворотными кранами и никелированными трапами. Ванн чугунно-эмалированных фар-

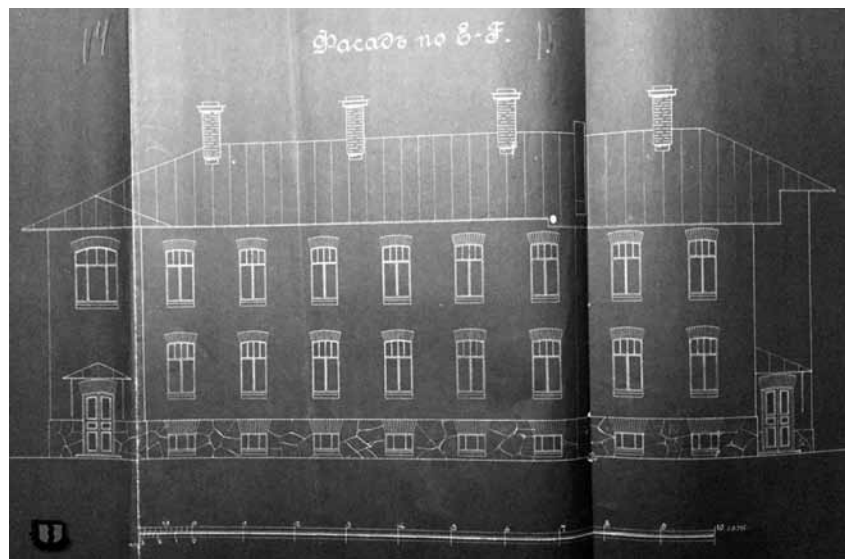

Рис. 7. Проект здания санатория (ЦГИА. Ф. 256. Оп. 29. Д. 371)

форовой эмалью завода Мальцева, с выпусками, переливами, трапами, красно-медными печами, емкостью 9 ведер на чугунных топках, с никелированными батареями, кранов с термометром и душем...»¹³

Среди поставщиков и подрядчиков были кирпичный завод княгини М. В. Вяземской, изразцы поставлял Харламов, доски — Торговый дом «Громов и Ко», медицинское оборудование — Русское общество торговли аптекарскими товарами.

К 1915 г. строительство обоих зданий было закончено, и 15 января 1915 г. из экспедиции Санкт-Петербургскому губернатору было направлено письмо с просьбой распорядиться об осмотре построек как можно скорее, поскольку «в санатории в ближайшем будущем предполагается поместить раненых и выздоравливающих офицеров и нижних чинов». 12 февраля 1915 г. строительная комиссия по акту передала здания санатория и школьной дачи в ведение Экспедиции заготовления государственных бумаг. 30 марта губернатор Санкт-Петербурга граф А. В. Адлерберг подписал свидетельство, разрешающее в здании санатория лазарет (рис. 8).

Рис. 8. Здание санатория. Фото 1930-х годов из коллекции С. В. Ренни (сайт: terijoki.spb.ru)

В справке 1923 г.¹⁴ указывалось: «...в настоящее время большая часть из упомянутых построек в районе участка, а именно: дачи, санатории, как, например, тружеников печатного дела, Экспедиции заготовления государственных бумаг и др., дачи отдыха детей школьного возраста и т. д. представляют собою груды развалин». Однако здание санатория сохранялось и в 1930 г. — оно стало четвертым павильоном костно-туберкулезного детского санатория. И после войны использовалось по назначению. Цело оно и сейчас, но под новой фасадной облицовкой на территории детского реабилитационного учреждения «Дюны». В остальном на сегодняшний день территория участков № 4 и 5 — поросшая соснами прогулочная зона детского санатория «Дюны». Если и сохранились фундаменты зданий, то за 100 лет они совершенно занесены песком...

Архитекторы Роберт Робертович (Роберт Фердинанд Эдуард) Марфельд и Оскар Оскарович Рейхард были авторами проекта дач Общества попечения о бесприютных детях.

30 декабря 1909 г. в строительное отделение Санкт-Петербургского губернского правления от Совета Общества попечения о бес-

Рис. 9. Здание на участке № 7. Архитектор Р. Р. Марфельд.
Фото начала XX в. (сайт: terijoki.spb.ru)

приютных детях имени Ее Императорского Высочества великой княжны Марии Николаевны было подано прошение об утверждении плана строительства дачи на участке № 7. В прошении указывалось, что «постройки производит академик архитектуры, действительный статский советник Р. Р. Марфельд», заместитель председателя Совета общества¹⁵. Общество располагалось в Санкт-Петербурге, на Петербургской стороне, на Ждановской наб., д. 21/8. 13 февраля 1910 г. проект был утвержден. Хочется отметить, что деревянное здание выглядело очень гармонично и вполне подошло бы и для современного строительства. В здании предполагался санаторий на 36 мальчиков и 24 девочки для слабых детей Мариинского приюта общества (рис. 9).

Р. Р. Марфельд (1852–1920) — получил европейское образование: Политехнический институт в Карлсруэ, Строительная академия в Вене, хотя начал студенческий путь в Санкт-Петербургском университете на юридическом факультете. После возвращения

из Европы закончил Академию художеств в Санкт-Петербурге. Он преподавал в Институте гражданских инженеров. Марфельд родился в Кронштадте в семье флотского медика. Известно, что он неоднократно работал для благотворительных учреждений. Так, по его проекту было возведено здание Человеколюбивого общества на ул. Егорова, д. 26. Умер Марфельд в Петрограде больным и нуждающимся.

21 июня 1912 г. в строительное отделение было направлено следующее прошение о начале застройки другого участка на территории Сестрорецка, в плане было возведение еще одного здания приюта на участке № 6¹⁶, где указывалось, что «очистка мусора и люков будет производиться путем вывоза в закрытых фургонах». План строительства двухэтажного каменного здания на участке № 6 по проекту О. О. Рейхарда прилагался. 4 июля 1912 г. земская управа сообщила в строительное отделение, что «с ее стороны препятствий к разрешению двухэтажного каменного дома на участке Сестрорецкой казенной лесной дачи под № 6 не встречается». Протоколом строительного комитета от 12 июля строительство было разрешено. 27 сентября 1912 г. датировано прошение о возведении третьего здания санатория, одноэтажного, деревянного, вновь на участке № 7 по плану О. О. Рейхарда. 15 ноября 1912 г. был утвержден и этот план.

13 мая 1913 г. строительство здания на участке № 6 было завершено (рис. 10), 27 мая подписан акт об осмотре и разрешении использования его «при условии помещения в нем не более 150 человек призреваемых детей». 4 июня губернатор Санкт-Петербурга граф А. В. Адлерберг подписал соответствующее свидетельство. В июле был подписан акт о приемке электрического оборудования здания при условии устранения некоторых недочетов. Таким образом, Обществом попечения о бесприютных детях на участках благотворительных учреждений были возведены три здания. Как планировали использовать участок № 9 — неизвестно. Дом на участке № 6 довольно часто встречается на фотографиях советского времени. В настоящее время его первоначальный вид скрыт новым современным фасадом. Деревянные здания на участке не сохранились, но хорошо просматриваются посадки розы ругозы по границе склона к реке.

Рис. 10. Каменное здание. Архитектор О. О. Рейхард.
Фото начала XX в. (сайт: terijoki.spb.ru)

Общество попечения о бесприютных детях было создано в Санкт-Петербурге в 1898 г. Морицем Ильичем Михельсоном и его дочерью Ольгой Морицевной с целью призрения детей-сирот и детей, которых «родители по своей бедности не в состоянии содержать при себе». Общая ситуация с детьми-сиротами была в столице достаточно непростой. В статье И. В. Черказьяновой приводятся следующие цифры: из 9928 детей, родившихся в Петербурге в 1836 г., 53,4 % были сданы в Воспитательный дом, основанный в 1772 г.¹⁷ Проблема детей-сирот находилась под пристальным вниманием еще императрицы Марии Федоровны, затем — Опекунского совета Ведомства учреждений императрицы Марии. К концу века статистика еще более усугубилась. Общество, основанное М. И. Михельсоном и его дочерью, приняло на себя заботу об определенном контингенте сирот, первоначально это были большей частью малолетние сироты жертв Русско-япон-

ской войны. В 1906 г. в здании по Ждановской ул., д. 8, приобретенном обществом в 1898 г. и перестроенном Р. Р. Марфельдом, был открыт приют великой княжны Марии Николаевны — Мариинский приют. Для слабых детей приюта и предназначался санаторий в Заречье.

Информация об архитекторе Рейхарде Оскаре Оскаровиче крайне скудна. Справочник «Весь Петербург» за 1916 г.¹⁸ сообщает: гражданский инженер, 1-я Рождественская ул., д. 12. архитектор 1-го Российского страхового общества, основанного в 1827 г., Спасо-Троицкой общины и Общества попечения о бесприютных детях. На 1923 г. записи о нем отсутствуют. Его брат, Николай Оскарович, 1882 г. р., был инженером-технологом. В 1938 г. он был расстрелян¹⁹.

Заключение

В этой статье я собрала малоизвестный материал о строительстве лечебно-оздоровительных комплексов для благотворительных учреждений Петербурга начала XX в., возведенных на их же участках в курортной зоне Финского залива — Сестрорецке и Заречье. Здания использовались для патронируемых обществ по прямому назначению — это были как дачи, так и санатории. То, что и авторами проектов, и учредителями этих благотворительных учреждений были немцы, показывает плотность немецких социальных сетей в Петербурге и их значительный вклад в общественную жизнь столицы. Проекты санаториев и дач выполнены в соответствии с техническими и строительными требованиями того времени, а некоторые из них были уникальны, как, например, главное здание санатория гомеопатов, встречающееся на многочисленных открытках начала века. Архитекторы немецкого происхождения, выполнявшие проекты, относились к лучшим представителям архитектурного сообщества. Башенки и купола зданий, возвышающиеся над сосновым лесом, вписывались в пейзаж и оживляли его. К сожалению, ныне от бывшего великолепия ничего не осталось. Лишь, как и прежде, стоит сосновый лес и доносится шум прибоя расположенного рядом Финского залива.

Библиография

Источники

Весь Петроград на 1916 год: адресная и справочная книга г. Петрограда. СПб.: Изд. тов. А. С. Суворина; Новое время, 1916. 924 с.

Дневники императрицы Марии Федоровны (1914–1920, 1923 гг.). М.: Вагирус, 2005. 701 с.

Зодчий: еженедельный архитектурный и художественно-технический журнал. 1906. № 39. Ст. 389.

Ленинградский мартиролог, 1937–1938: книга памяти жертв политических репрессий / отв. ред. А. Я. Разумов; Рос. нац. б-ка. СПб.: Изд-во Рос. нац. б-ки, 2010. Т. 11: 1938 год [Октябрь–ноябрь]. 799 с.

Отчет о постройке церкви во имя Св. Великомученика и целителя Пантелеймона и Св. Александра Преподобного, сооруженной в Тарховской дачной местности, около Сестрорецка. 1906 г. // Сайт terijoki.spb.ru. URL: https://terijoki.spb.ru/trk_vbooks.php (дата обращения: 20.02.2024).

Центральный государственный архив Санкт-Петербурга
ЦГА СПб. Ф. Р-2275. Оп. 9. Д. 289.

*Центральный государственный исторический архив
Санкт-Петербурга*

ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 95. Д. 4.

ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 9394.

ЦГИА СПб. Ф. 202. Оп. 2. Д. 806.

ЦГИА СПб. Ф. 256. Оп. 27. Д. 180.

ЦГИА СПб. Ф. 256. Оп. 29. Д. 226.

ЦГИА СПб. Ф. 256. Оп. 29. Д. 371.

ЦГИА СПб. Ф. 256. Оп. 30. Д. 643.

ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 116. Д. 2555.

ЦГИА СПб. Ф. 1458. Оп. 2. Д. 890.

Научная литература

Черказянова И. В. Рассказ «Питомцы». Правда и вымысел о «Питомническом промысле» петербургских колонистов // Немцы в Санкт-Петербурге: Биографический аспект. XVIII–XX вв. / отв. ред. Т. А. Шрадер. Вып. 12. СПб.: МАЭ РАН, 2019. С. 304–322.

* * *

¹ ЦГИА. Ф. 19. Оп. 95. Д. 4.

² ЦГИА. Ф. 139. Оп. 1. Д. 9394.

³ ЦГИА. Ф. 202. Оп. 2. Д. 806.

⁴ ЦГИА. Ф. 513. Оп. 116. Д. 2555.

⁵ *Весь Петроград на 1916 год: адресная и справочная книга г. Петрограда*. СПб.: Изд. тов. А. С. Суворина; Новое время, 1916. Ст. 611.

⁶ Согласно традиции русскоязычной передачи немецких имен и фамилий, начинающихся с латинского «Н», при помощи транскрипции, имя героини мы пишем с буквы «Г», как и в современных текстах, в то время как в дореволюционном написании зачастую писали через русское «Х». Отчасти поэтому поиск и идентификация персоналий часто затруднены.

⁷ *Дневники императрицы Марии Федоровны (1914–1920, 1923 гг.)*. М.: Вагирус, 2005.

⁸ Общество врачей-гомеопатов было закрытым, его членами могли быть только врачи, практикующие гомеопатию. Членом общества мог стать любой сторонник гомеопатических методов лечения, весьма популярных в то время. Целью общества была не только популяризация гомеопатии, но и материальная поддержка, открытие аптек, амбулаторий, строительство больничных учреждений с привлечением частных средств для этих целей.

⁹ ЦГИА. Ф. 256. Оп. 27. Д. 180.

¹⁰ *Зодчий: еженедельный архитектурный и художественно-технический журнал*. 1906. № 39. Ст. 389.

¹¹ *Отчет о постройке церкви во имя Св. Великомученика и целителя Пантелеймона и Св. Александра Преподобного, сооруженной в Тарховской дачной местности, около Сестрорецка. 1906 г.* // Сайт terijoki.spb.ru. URL: https://terijoki.spb.ru/trk_vbooks.php.

¹² ЦГИА. Ф. 256. Оп. 29. Д. 371.

¹³ ЦГИА. Ф. 1458. Оп. 2. Д. 890.

¹⁴ ЦГА. Ф. Р-2275.9.289.

¹⁵ ЦГИА. Ф. 256. Оп. 29. Д. 226.

¹⁶ ЦГИА. Ф. 256. Оп. 30. Д. 643.

¹⁷ *Черказянова И. В.* Рассказ «Питомцы». Правда и вымысел о «Питомническом промысле» петербургских колонистов // *Немцы в Санкт-Петербурге: Биографический аспект. XVIII–XX вв.* / отв. ред. Т. А. Шрадер. Вып. 12. СПб.: МАЭ РАН, 2019. С. 304–322.

¹⁸ *Весь Петроград на 1916 год...* Ст. 1103.

¹⁹ *Ленинградский мартиролог*. Т. 11. СПб.: Изд-во Рос. нац. биб-ки, 2010.

Л. В. Никонорова, С. В. Шевчук

КАРЛ ФЕРДИНАНДОВИЧ ГЕЙН (1889-1964) — САДОВНИК

*Посвящается 130-летию со дня рождения
Карла Фердинандовича Гейна*

«Всякая травинка да хвалит Господа».

Идея обратиться к биографии Карла Фердинандовича Гейна была продиктована желанием познакомить читателя с вкладом обычных, не имеющих каких-то особых благородных корней немцев в развитие нашей страны. Эти труженики помимо личного служения часто были примером честного и ответственного отношения к делу. Наша статья содержит сведения о жизни Карла Фердинандовича Гейна и его вкладе в становление ленинградского цветоводства. Карл Фердинандович работал на Каменном острове в одном из самых передовых садоводческих предприятий Петербурга — оранжереях представителя династии купцов Елисеевых, в дворцовых оранжереях Гатчины вплоть до революционных событий и установления новой власти, которая больше не нуждалась в цветоводстве и цветоведах. Дальнейшая карьера Гейна связана с филиалом Ботанического сада в Ленинграде, а затем с садоводством на ст. Ланская, а в конце трудового пути — с Петроградским комбинатом треста зеленого строительства Ленсовета в Удельной.

Ключевые слова: Карл Фердинандович Гейн, садовник, Удельнинское садоводство.

L. V. Nikonorova, S. V. Shevchuk

THE GARDENER KARL FERDINANDOVICH HEIN (1889-1964)

The article is dedicated to the biography of Karl Ferdinandovich Hein. The idea was to show a case from the great history of Russian Germans: the fate of a simple German without noble roots, who made his small and honest contribution to the country's prosperity and was a role model for an honest and responsible worker. The article contains information about the life and fate of Karl Hein and about his work at horti- and floricultural companies of Leningrad. Karl Hein worked on Kamenny Island in one of the most advanced horticultural companies in St. Petersburg — the greenhouses of Yeliseev, a man from the famous merchant dynasty, in the palace greenhouses of Gatchina until the revolution of 1917 and the establishment of the new government, which no longer needed floriculture and florists. Hein's further career was linked to the Botanical Garden in Leningrad, and then to horticulture at Lanskaya station. At the end of his labor career, Hein worked at the Petrograd Combine of the Lensovet Green Building Trust in Udelnaya.

Keywords: Karl Ferdinandovich Hein, gardener, Udelnoe horticulture.

*Рис. 1. Карл Фердинандович Гейн. Около 1955 г.
(Из личного архива Л. В. Никоноровой)*

Карл Фердинандович Гейн (рис. 1) принадлежит к плеяде тех видных садоводов, которые свою жизнь связали с жизнью растений, отдав им свою душу и любовь.

Он родился 22 сентября 1889 г. О его детстве мало что известно. Родители рано погибли во время военно-революционной смуты. Мальчик с пяти лет воспитывался у родственников и уже с восьми лет был отдан на обучение известному садоводу Герману Фридриховичу Эйлерсу (1837–1917).

Следует сказать несколько слов об этом садовом заведении и его хозяине. Весьма содержательная информация по этому поводу содержится в публикациях А. В. Медведевой¹ и Е. В. Смирновой². По сведениям этих авторов, это было третье садовое заведение Г. Ф. Эйлерса, располагавшееся на Полюстровском участке по Без-

бородкинскому проспекту (с 1925 г. — Кондратьевский пр.), рядом с военной лабораторией. Основан третий участок был в 1899 г. Общая площадь составляла около 17 га. Постоянных садовых служащих было около 50 человек. Управлял делами главным образом сын Германа Фридриховича, тоже носящий имя Герман.

Современники называли это заведение примером образцового садоводческого предприятия, в котором все было продумано до мельчайших подробностей. В теплицах было предусмотрено водяное отопление. Между теплицами под крышей пролегли рельсовые пути, обеспечивающие удобство в транспорте продукции. В хозяйстве использовали большие холодные хранилища для растений. В теплицах выращивались розы, камелии, лилии, резеда, хризантемы, орхидеи, левкои (по одной теплице на каждую культуру). В открытом грунте выращивали розы и ландыши. Все изменилось после начала Первой мировой войны, когда 30 октября 1914 г. Г. Ф. Эйлерс был лишен званий, привилегий, имущества, магазинов и садовых предприятий. Он так и остался в России, в Петербурге (тогда уже Петрограде). Г. Ф. Эйлерс ушел из жизни 22 июля 1917 г. и был похоронен на Волковском лютеранском кладбище (сейчас его могила в запустении).

Карл Гейн, принятый на работу в садоводческое предприятие Г. Ф. Эйлерса еще подростком, помогал в подсобных работах, учился и познавал науку о жизни растений. Постепенно осваивал нелегкую, но интересную профессию садовода.

В 1913 г. Карл Фердинандович женился на Марианне Яковлевне Озолиной (1891–1973). На судьбе его жены также сказался безжалостный вихрь революционных событий. Она родилась в 1891 г. в Лифляндии. В 1905 г. ее семья переехала на станцию Левашово под Петербургом. Марианна окончила пансион, где готовили девушек для работы гувернантками и горничными. Она владела тремя языками: латышским, эстонским и русским. Работала гувернанткой у влиятельного лица, где, вероятно, и познакомилась со своим будущим мужем.

В 1914 г. в семье родилась старшая дочь — Лора (1914–1999). В это время Карл Фердинандович работал на Каменном острове в одном из передовых садоводческих предприятий Петербурга —

оранжереях представителя династии купцов Елисеевых — Степана Петровича Елисеева (1857–1935).

Устройство этого садоводческого предприятия нашло отражение в историко-архитектурном очерке В. Витязевой³, посвященном Каменному острову (2007). Строительство его оранжерей велось в 1906–1907 гг. по проекту гражданских инженеров Н. А. Троицкого и А. Г. Успенского, а также садового мастера И. А. Енеса. Ажурная металлическая конструкция с остекленными поверхностями была одним из интереснейших сооружений того времени. Для вентиляции в стенах были устроены отверстия, закрывающиеся автоматически. В грунте оранжереи был устроен специальный дренаж для подачи теплого воздуха. Для водоснабжения была построена водокачка.

Каждая оранжерея имела свое назначение. Двухэтажная была разделена на две части, темную и светлую, и предназначалась для зимних работ. Виноградная оранжерея была ориентирована на юг и разделена на три части, в каждой из которых поддерживалась своя температура. Пальмовая оранжерея была заполнена только к 1910 г. В холодной оранжерее содержались холодоустойчивые растения. Боковые оранжереи использовались для выгонки и выращивания черенков. Были и две розовые и одна персиковая оранжереи, парник для земляники.

В разгар революционных событий в 1918 г. в семье Карла Гейна появилась на свет вторая дочь — Эмма (1918–1990). В те годы, когда все рушилось, труд садовода утратил свою востребованность. И в 1919 г. К. Ф. Гейну пришлось искать новое место работы. Оно нашлось в Гатчине, в дворцовых оранжереях. Туда Карл Фердинандович перевез и семью. В Гатчине же в 1921 г. родилась третья дочь — Лидия (1921–1992). Работа в Гатчинских дворцовых оранжереях продолжалась до 1925 г.

Так гатчинский период жизни К. Ф. Гейна представлялся в семейном предании родственникам одного из авторов статьи — Л. В. Никоноровой⁴. Мы попытались более конкретно выяснить перипетии тех давних лет. Любезную помощь в этом оказал профессиональный историк, кандидат наук, сотрудник ГМЗ «Гатчина» Григорий Юрьевич Афанасьев⁵. Он представил ряд сведений

о состоянии дел 20-х годов XX в. в оранжерейном хозяйстве Гатчинского дворцово-паркового комплекса. В частности, сообщил, что после Февральской революции положение дворцовых оранжерей стало двойственным: с одной стороны, доход от их работы перешел городской власти, и был поднят вопрос о переходе их под управление города, с другой — обеспечиваться они продолжали прежними служителями, числившимися за дворцом. В 1917 г. ввиду расширяющегося в стране топливного кризиса обеспечение оранжерей было существенно сокращено, что привело к гибели многих растений и свертыванию культивационной деятельности в оранжереях. На этот момент определено, что главными культурами, разводимыми в гатчинских оранжереях, являются цветочные. По обследованию оранжерейного комплекса, проведенному представителями города и музея в 1921 г., состояние их было признано неблагополучным. В некоторых оранжереях и их отделениях сохранялись садовые культуры (1-я линия, 1-я и 2-я оранжереи: остатки тропических растений, новоголландские декоративные растения, 3-я и 4-я линии — цветочные культуры) практически все оранжереи на четырех линиях требовали ремонта, из них на 1-й и 3-й линии — капитального, остальные — весьма значительного, из 320 оконных оранжерейных рам половина была обнаружена неисправной.

С 14 сентября 1921 г. оранжерейный комплекс бывшего Гатчинского дворцового правления официально был отдан в распоряжение отдела местного хозяйства Троцкого уездного исполкома (УИКа).

В начале 1920-х оранжерейное хозяйство вместе с питомниками передано городским властям для получения доходов в обмен на содержание дворцовых парковых массивов, что, однако, городские власти не выполняли. В 1923 г. музейное управление высказывалось в пользу возврата оранжерей и парков дворцу.

По акту о состоянии и ремонте 25 сентября 1925 г. в составе оранжерейного комплекса насчитывалось «девять хорошо оборудованных оранжерей с тропическими отделениями, каменным двухэтажным жилым корпус и каменной сторожкой и службами», «состояние половины оранжерей неудовлетворительное, требуется капитальный ремонт перекрытий, частичного остекления...»

По обследованию оранжерей 1926 г., происходившему ввиду возникшего несогласия с передачей их дворцу музейными садовыми специалистами, общее состояние характеризовалось как «удовлетворительное, и многие из них годны для содержания промышленных культур», что, однако, требовало значительных ремонтных работ (стекольные, отопительные, потолочные, красильные работы по всему комплексу и отдельным теплицам и оранжереям). Тем не менее описание конкретных действий указывает на прогрессирующий упадок комплекса: на зимний период было решено «консервировать большинство оранжерей ввиду малоценности имеющихся там культур, которые не могут оправдать затрачиваемых на них расходов», а также «оставить на зиму тропическую оранжерею для сохранения декоративных и маточных растений»⁵.

Из этой информации, представленной Г. Ю. Афанасьевым, можно с высокой степенью вероятности предположить, что одним из последствий межведомственного конфликта интересов было увольнение ряда работников, в том числе и К. Ф. Гейна. Но это скорее формальная сторона процесса. В 1920-е годы, как и в последовавшие спустя многие десятилетия не менее турбулентные годы так называемой перестройки, власти не смогли или не захотели понять значение для государства садоводов с высочайшим профессиональным уровнем и важность результатов их работы.

Семья Гейна опять вернулась, теперь уже в Ленинград. На некоторое время Карл Фердинандович нашел работу в филиале Ботанического сада, расположенном в районе Кондратьевского проспекта, недалеко от бывшего садоводства упомянутого Эйлерса. Этот филиал возник на месте бывшего садового заведения Эдуарда Регеля и Якова Кессельринга — так называемого помологического сада и питомников для акклиматизации плодовых и декоративных деревьев, кустарников и многолетних растений. Большая коллекция экзотических растений, оставшаяся там, курировалась Ботаническим садом. В 1927 г. рассматривался вопрос о приведении этой территории в порядок. Однако растения, изначально высаженные на грядках с большой густотой, начали перерастать, и Ботанический сад, который был сконцентрирован в то время на решении более важных и неотложных дел, не смог выделить должного времени

и средств на сохранение коллекции растений, оставшейся от садового заведения Э. Регеля и Я. Кессельринга. В основном эта коллекция была использована для получения научной информации, касающейся зимостойкости и темпов роста.

В этом филиале Ботанического сада Карл Фердинандович Гейн проработал до конца 1928 г., когда там произошел крупный пожар, и он вновь потерял работу. При помощи родителей Марианны, Иакова (?–1940) и Елизаветы (?–1939), семья Карла Фердинандовича арендовала полдома на ст. Левашово (пр. Нахимсона, д. 2) и проживала в нем с 1928 (1929?) до 1950 г.

С 1930 по 1937 г. он работал садоводом на станции Ланская — в те годы там было садовое предприятие, которое разбомбили в самом начале войны.

В феврале 1937 г. Карл Фердинандович поступил на работу в Петроградский комбинат треста зеленого строительства Ленсовета в качестве заведующего садоводством на станции Удельная. Его общий рабочий стаж до этого составлял 32 года 8 месяцев. Трудовую книжку он получит только 10 января 1939 г. В ней указывалось, что у него начальное образование, а по профессии он садовник. На этом месте Карл Фердинандович проработал до выхода на пенсию.

За 22 года руководства Удельнинским садоводством Гейн всегда держал высокую планку своего мастерства и ответственного отношения к делу. В 1939 г. в трудовой книжке появилась запись о том, что его премировали за досрочное выполнение годового плана, а также за проявленную оперативность в борьбе за сохранность продукции от замораживания в условиях суровой зимы и слабого снабжения топливом.

На время его работы пришлось тяжелейшие годы блокады. Для выживания жителей блокадного Ленинграда вместо цветов в садоводстве высаживались зелень и овощи. В 1943 г. Карл Фердинандович получил премию за перевыполнение плана по овощеводству и медаль «За оборону Ленинграда», а в 1946 г. — медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

В послевоенные годы Карл Фердинандович был неоднократно отмечен благодарностями за перевыполнение плана и отличную работу. Так, например, он получил благодарность и премию

в 300 руб. (средняя зарплата по стране в те годы составляла 700 руб.) за рационализаторское предложение в 1951 г. По результатам работы за 1954 г. он стал участником Всесоюзной сельскохозяйственной выставки в 1955 г.

В период сталинских репрессий 1930-х годов нависла угроза и над Карлом Фердинандовичем. По устным сообщениям родственников Л. В. Никаноровой, за К. Ф. Гейном пришел конвой и забрал его, чтобы отвести в тюрьму. Неизвестно, чем бы все могло закончиться, но помог случай. По пути им встретился знакомый милиционер, который часто приходил к Гейну за цветами. Расспросив, что произошло, милиционер не побоялся вступить за Карла Фердинандовича, уверив, что «он такой же революционер, как я», и тем самым спас его от заключения.

В 1950 г. Карл Фердинандович купил участок и начал строительство собственного дома на станции Дачное. В это время он уже был пенсионером, однако не оставил своего любимого занятия садоводством. На своем участке он построил оранжерею с отоплением, которое состояло из печки и теплой кирпичной трубы, проходящей под землей по всей длине оранжереи.

Можно сказать, что на долю Карла Фердинандовича Гейна выпало много трудностей, обусловленных быстро меняющимися драматическими событиями XX в.: оставаясь верным своему делу, он много раз терял работу в связи с переустройством не только учреждений, но и всей страны, ее общественно-политического режима, однако каждый раз реализовывался на новых местах, где проявлял свои знания, опыт и организационные способности. Карл Фердинандович очень любил свою работу: прививал розы, трогательно и нежно обращался с растениями, и они отвечали ему взаимностью. Своим дочерям он с уверенностью говорил, что земля всегда прокормит.

В семейной жизни Карл Фердинандович был строгим и любящим отцом и мужем. Он лично покупал своим детям все необходимое, заботился об их здоровье и обучении. В семье царили мир и лад. Этому способствовала и жена, Марианна Яковлевна. Она была тиха, добра, приветлива и необычайно трудолюбива (с раннего утра уже были испечены теплые пироги, работая в саду, тихо

напевала, в свободное время читала или вязала крючком). Она не позволяла по отношению к себе проявления какой-либо заботы (сама все выполняла по хозяйству, говоря дочерям, что они еще намоются посуды, отказывалась от места в транспорте, будучи уже в преклонном возрасте), мужественно, не сетуя, переносила все невзгоды и болезни. Как и Карл Фердинандович, она была глубоко верующей лютеранкой.

В трудные послевоенные времена Карл Фердинандович помогал старшей дочери, потерявшей в войну мужа и оставшейся с двумя детьми, а также средней дочери и ее семье. С раннего возраста он приучал своих детей к природе, рассказывал много о жизни растений и животных. В садоводстве у него была небольшая собака Сумка, которая неотлучно следовала за своим хозяином; прирученная галка любила сидеть у него на плече и часто сопровождала его в баню и обратно.

Живя на пенсии на даче, Карл Фердинандович любил днем за обедом рассказывать своим внукам интересные истории о лесе, а вечером слушал жену, которая читала Евангелие. Домашним запомнился случай, когда Карл Фердинандович, подняв руку вверх, уверенно сказал: «Будет страшный суд!»

В 1964 г. Карл Фердинандович заболел гипертонической болезнью и скончался 20 июля. Его похоронили на Шуваловском кладбище. У него было три дочери, семь внуков, 11 правнуков и 18 праправнуков.

Ценные воспоминания о Карле Фердинандовиче оставила его коллега по работе — Галина Васильевна Ермоленко. Она встретилась с ним после окончания Техникума зеленого строительства в июле 1955 г. и проработала с К. Ф. Гейном в Удельнинском садоводстве до его ухода на пенсию в 1959 г. Приведем некоторые ее воспоминания⁶.

В послевоенные годы Удельнинское отделение входило в состав Петроградского цветочного комбината. Управление располагалось на проспекте Добролюбова. Карл Фердинандович обычно отправлялся туда решать различные вопросы и с отчетами на трамвае 21-го маршрута (теперь маршрут этого трамвая изменился). Любивший пошутить, входя в трамвай, он громко спрашивал: «А где

мои фрейлины?» «Фрейлинами» он называл женщин-коллег, которые вместе с ним должны были ехать в управление.

Одной из главных черт, которые отличали Карла Фердинандовича, была его способность чувствовать растения. «Там надо полить, там подкормить», — говорил он, как будто слыша их просьбы. А дел было очень много. И ничего нельзя было упустить. Горшечные культуры, среди которых были и экзотические тогда азалии и орхидеи (свои, не голландские). Была также выгонка сиреней, нарциссов, тюльпанов. Одну оранжерею выделили для гвоздик. Был еще участок открытого грунта для выращивания срезки.

Когда выгонялась сирень, Карл Фердинандович вставал даже по ночам, чтобы проверить требуемой для нормального процесса уровень температуры. А ведь тогда приходилось на всем экономить. В применяемых в то время технологиях широко практиковался биоразогрев различных растительных остатков: листвы, отрубей и т. д. Нужен был большой опыт, чтобы управлять этим процессом.

Рассказывая о характере Карла Фердинандовича, Галина Васильевна вспоминала прежде всего, что он был очень добрым и внимательным. Но если требовала ситуация, то ему приходилось и ругаться. Причем делал это мастерски и к месту. Несмотря на своеобразный акцент, он умел хорошо материться по-русски. Провинившиеся понимали, что это за дело и, как правило, не обижались. О том, что думал, говорил прямо. Понапрасну Карл Фердинандович подчиненных и присылаемых строителей не ругал, но, наоборот, старался максимально облегчить их тяжелые послевоенные производственные условия.

У Карла Фердинандовича семья была в Горелово, но сам он жил в том же доме, в Удельной, где с другой стороны располагалась контора отделения. Рано утром, до прихода работников, он приходил протапливать контору, где они отогревались после поездки в холодном трамвае.

О профессиональном мастерстве Гейна говорил тот факт, что он мог без термометра, простым прикосновением руки к обогревательной трубе определить температуру воздуха в оранжерее. А это было важно. Ведь пикировка ставилась прямо над трубой

водяного отопления. Знал по развитию почек, когда надо начинать опрыскивать выгоночную сирень.

Карл Фердинандович был человеком верующим, лютеранином. Он читал Библию, а вот в церковь ходить не мог, так как лютеранские церкви были закрыты. Коллеги считают, что он обладал пророческим даром, например, он сказал, что будет война на Кавказе.

Во время блокады Ленинграда Карл Фердинандович выращивал овощи, вместе с ним в Удельной работала его жена. Только после окончательного снятия блокады вновь появилась возможность выращивать и цветы.

Карла Фердинандовича уважали все — от рабочих до директора Петроградского цветочного комбината Георгия Поликарповича Васильева (рис. 2).

Рис. 2. Георгий Поликарпович Васильев (слева), директор Петроградского садоводства, и Карл Фердинандович Гейн, начальник цеха Удельнинского садоводства, за осмотром цценерарий. Около 1955 г. (Ленинградская область на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке. Л.: Лениздат, 1955. С. 206)

Директора цветочных магазинов, торговавших цветами, дружили с Карлом Фердинандовичем. Часто они приезжали за товаром вместе с машиной и не стеснялись лично участвовать в погрузке цветочной продукции. Сейчас это трудно себе представить. Директора цветочного магазина, расположенного возле Пассажа на Невском проспекте, Карл Фердинандович звал Бариним.

О Карле Фердинандовиче упоминается в публикации, в которой он отмечен как делегат Всесоюзной сельскохозяйственной выставки, прошедшей в 1955 г.⁷

К. Ф. Гейн не только выращивал цветы, но и воспитывал, делился опытом с молодым поколением цветоводов, с теми, кто должен был прийти ему на смену и от кого в дальнейшем напрямую зависел успех в деле выращивания цветочной продукции для ленинградцев (рис. 3).

Рис. 3. Карл Фердинандович Гейн среди работников в производственном помещении Удельнинского садоводства. Вторая половина 1950-х годов.
(Из личного архива Л. В. Никоноровой)

Уходя на пенсию, он передал руководство Удельнинским садоводством своей племяннице (она была дочерью сестры Марианны Яковлевны (жены Карла Фердинандовича) — Ворониной Вере Александровне (1923–1973). Она также была сведущим руководителем и не жалела времени для передачи своего опыта более молодым коллегам. Одним из ее учеников был Валентин Иванович Филимонов.

Филимонов в 1968 г. был принят на должность заместителя начальника Таврического цветочного комбината, а с 1969-го стал там главным агрономом. По долгу службы он бывал в различных садоводствах, входящих в состав объединения. Особенно нравилось Валентину Ивановичу посещать Удельнинское садоводство. Там его привлекали чистота, порядок, домашний уют. Вера Александровна была всегда спокойной, но при этом знающим специалистом. Четыре с половиной года, до отъезда Валентина Ивановича в мае 1973 г. в Китай, продолжалось их рабочее общение, давшее ему большой объем практических знаний. В том же 1973 г. Вера Александровна после болезни ушла из жизни.

В Китае Валентин Иванович трудился садоводом при посольстве СССР. Его способности были должным образом оценены, и его даже просили остаться в Китае, но в 1975 г. он вернулся в Ленинград.

Больше всего Филимонова тянуло к живой практической работе, и в марте 1978 г. он возглавил Удельнинское отделение в качестве управляющего. В первый же год он выправил экономическую ситуацию отделения, и уже в 1978 г. предприятие из традиционно убыточного стало прибыльным. Вскоре был введен новый оранжевый цех в дополнение к уже существовавшему. Внедряя новую горшечную продукцию, Валентин Иванович остановил свой выбор на таких культурах, как азалии и орхидеи, и не ошибся. Удельнинское отделение оставалось рентабельным вплоть до перехода Филимонова на другое место работы в 1996 г. В Удельную приезжали любители растений из всех районов Ленинграда, и порой только здесь они могли приобрести желанные редкости.

Валентин Иванович, став настоящим профессионалом своего дела, в свою очередь, продолжает делиться своим богатым опытом.

В свое время он дал ценные практические рекомендации по агротехнике посадки и дальнейшему культивированию крупнолистных вечнозеленых рододендронов, высаженных возле Центрального дворца творчества юных (Аничков дворец). Благодаря его правильным советам посадки до сих пор радуют своим видом жителей и гостей Петербурга. Он давал ценные советы и начинающим фермерам, взявшимся за нелегкое дело выращивания сложных растений, в том числе роз, предотвратив тем самым возможные ошибки. В настоящее время, работая агрономом-консультантом в древесно-кустарниковом питомнике «Святовит» и высказывая порой нестандартные авторские рекомендации, он повышает навыки работников и учит профессионалов мыслить.

Эстафета мастерства не прерывается. Меняются формы государственного и общественного устройства, могут ликвидироваться не вписавшиеся в новые условия конкретные питомнические хозяйства, но живой опыт садовника, растениевода передается дальше.

Карл Фердинандович Гейн передавал свой опыт наравне с другими представителями старой, дореволюционной садоводческой школы, имевшей в своей основе немецкие корни, тем, кто потом создал славу так называемой ленинградской школы цветоводов. Успех этой школы получил наиболее полное выражение в достижениях Производственного цветочно-питомнического объединения (с 1996 г. — *Сельскохозяйственный производственный кооператив*) «Цветы», которым с 1972 по 2004 г. руководил преданный своему делу, бескомпромиссный Константин Степанович Крепкин.

Отрадно, что в Петербурге благодаря многим бывшим работникам «Цветов», которые передают свой богатый опыт, школа промышленного цветоводства все же сохранилась и развивается. Опыт и знания носителей дореволюционной немецкой школы, в том числе и от таких тружеников, как К. Ф. Гейн, составивших славу российской и петербургской ботаники и растениеводства, передаются непосредственно в деле и наследуются сегодняшними профессионалами.

Благодарности

Хочется высказать слова благодарности тем, кто, не жалея своего времени, помогал в сборе материала для этой статьи, прежде всего Евгении Александровне Богдановой, Валентину Ивановичу Филимонову, Галине Васильевне Ермоленко, Галине Ивановне Скороходовой, Надежде Михайловне Ядыкиной и Григорию Юрьевичу Афанасьеву.

Библиография

Источники

Запись беседы с Ларисой Вениаминовной Никоноровой о семейных преданиях Никоноровых. 2022 г.

Личное сообщение Григория Юрьевича Афанасьева. 2022 г.

Личное сообщение Галины Васильевны Ермоленко. 2022 г.

Ленинградская область на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке. Л.: Лениздат, 1955. 444 с.

Научная литература

Витязева В. А. Каменный остров. Историко-архитектурный очерк. XVIII–XXI вв. М.: Центр-Полиграф; СПб.: МиМ-Дельта, 2007. 362 с.

Медведева А. В. Цветы в судьбе Эйлерса и его поколения // Немцы в Санкт-Петербурге: Биографический аспект. XVIII–XX вв. / отв. ред. Т. А. Шрадер. Вып. 4. СПб.: МАЭ РАН, 2008. С. 184–206.

Смирнова Е. В. Герман Фридрих Эйлерс, Эрнст Эдуард Эндер — садоводы, коллеги, дачники. Судьбы двух поколений // Немцы в Санкт-Петербурге: Биографический аспект. XVIII–XX вв. / отв. ред. Ю. В. Бучатская. Вып. 14. СПб.: МАЭ РАН, 2023. С. 131–151.

* * *

¹ Медведева А. В. Цветы в судьбе Эйлерса и его поколения // Немцы в Санкт-Петербурге: Биографический аспект. XVIII–XX вв. Вып. 4. СПб.: МАЭ РАН, 2008. С. 184–206.

² Смирнова Е. В. Герман Фридрих Эйлерс, Эрнст Эдуард Эндер — садоводы, коллеги, дачники. Судьбы двух поколений // Немцы в Санкт-Петербурге: Биографический аспект. XVIII–XX вв. Вып. 14. СПб.: МАЭ РАН, 2023. С. 131–151.

³ Витязева В. Каменный остров. Историко-архитектурный очерк. XVIII–XXI вв. М.: Центр-Полиграф; СПб.: МиМ-Дельта, 2007. С. 282–284.

⁴ Семейное предание родственников Ларисы Вениаминовны Никоноровой.

⁵ Личное сообщение Григория Юрьевича Афанасьева.

⁶ Личное сообщение Галины Васильевны Ермоленко.

⁷ Ленинградская область на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке. Л., 1955. С. 206.

Е. С. Соболева

**ПЕТЕРБУРГСКИЙ
И СРЕДНЕАЗИАТСКИЙ БОТАНИК
А. И. МИХЕЛЬСОН¹**

В статье раскрываются этапы научной карьеры ботаника Александра Ивановича Михельсона (1876–1968). Молодой садовод-самоучка, он прошел практическое обучение в Ботаническом саду Юрьевского университета (Тарту). Поступив на службу в Императорский ботанический сад в Санкт-Петербурге, работал младшим садовником, препаратором, экскурсоводом, трудился в оранжереях с тропическими растениями, работал с систематическим участком живых растений на открытом воздухе, разобрал туркестанский гербарий А. Регеля. В 1908 г. А. И. Михельсон отправился с главным ботаником сада В. И. Липским на о-в Цейлон, где собирал для Ботанического сада растения (живые и гербарий), семена, плоды, древесные обрубки и т. д. С 1909 по 1914 г. А. И. Михельсон работал и в гербарии сада, и в ботаническом музее, принимал участие в почвенно-ботанических экспедициях Переселенческого управления в Центральную Азию в качестве помощника ботаника, а затем и ботаником. Как аптечный фельдшер занимался поисками лекарственных растений для армии. В октябре 1919 г. А. И. Михельсон переехал в Туркмению, где заведовал Музеем живой защиты пескоборьбы Среднеазиатской железной дороги, работал в Ашхабадском краеведческом музее, создавал отдел тропических и субтропических растений в Ботаническом саду Туркменского филиала АН СССР. Много лет А. И. Михельсон посвятил исследованию флоры высших растений Средней Азии и Казахстана, особенно Туркменистана. Опыт и знания А. И. Михельсона послужили для подготовки флористов и геоботаников в Туркменистане.

Ключевые слова: Александр Иванович Михельсон, Владимир Ипполитович Липский, Ботанический сад, коллекции, ботаника, экспедиции, Туркестан, Цейлон.

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках проекта № 23-28-00962 «Полиморфизм российских научных экспедиций накануне Первой мировой войны: историко-этнографическое наследие отечественных естественно-научных экспедиций в Южную Азию и Южную Америку».

E. S. Soboleva

**ST. PETERSBURG AND CENTRAL ASIAN BOTANIST
ALEXANDER I. MICHELSON**

The article reveals the stages of scientific career of the botanist Alexander Ivanovich Michelson (1876–1968). A young self-taught gardener, he completed practical training at the Botanical Garden of the Yuryev University (Tartu). Having entered the service at the Imperial Botanical Garden in St. Petersburg, he worked as a junior gardener, preparer, guide, worked in greenhouses with tropical plants and with a systematic plot of living plants in the open air, and sorted out A. Regel's Turkestan herbarium. In 1908 A. I. Michelson went with V. I. Lipsky, the chief botanist, on the island of Ceylon, where he collected plants (live and herbarium), seeds, fruits, wood chips, various products, etc. for the Botanical Garden. From 1909 to 1914 A. I. Michelson worked both in the Botanical Garden Herbarium and in the Botanical Museum, took part in Soil-Botanical expeditions of the Resettlement Department to Central Asia as an assistant botanist, and then as a botanist. As an army pharmacy assistant, he searched for medicinal plants. In October 1919 A. I. Michelson moved to Turkmenistan, where he headed the Museum of Living Sand Fighting Defense of the Central Asian Railway, worked at the Ashgabat Museum of Local Lore, and created a department of tropical and subtropical plants in the Botanical Garden of the Turkmen Branch of the USSR Academy of Sciences. For most of his life, A. I. Michelson devoted himself to the study of the flora of higher plants of Central Asia and Kazakhstan, especially Turkmenistan. Experience and knowledge of A. I. Michelson served to train florists and geobotanists in Turkmenistan.

Keywords: Alexander Ivanovich Michelson, Vladimir Ippolitovich Lipsky, Botanical Garden, collections, botany, expeditions, Turkestan, Ceylon.

Михельсон Александр Иванович. 1913 г.
(СПбФ АРАН. Ф. 303. Оп. 1. Д. 61. Л. 1 об.)

В начале XX в. развернулись широкомасштабные полевые работы, в которых были активно задействованы российские исследователи. Отечественные ботаники, зоологи, геологи, этнографы и др., работая по специальности в разных районах мира, по возможности собирали материалы и по смежным научным дисциплинам. Полиморфизм задач и итогов ученых экспедиций представляет собой обычное для того времени явление, которое пока, к сожалению, не получило достаточного освещения в научной литературе.

В 1909 г. Совет Императорского Санкт-Петербургского ботанического сада передал в академический Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (далее — МАЭ) ценные этнографические экспонаты из Японии, Индии, с о-ва Цейлон. Согласно печатным этикеткам при предметах, цейлонская часть — коллекция МАЭ № 1367 — была собрана главным ботаником сада Владимиром Ипполитовичем Липским (1863–1937) в 1908 г. Эта поездка на о-в Цейлон стала важной вехой в работе как этого известного ученого, так и его помощника А. И. Михельсона.

Ботаник В. И. Липский, выпускник Киевского университета, с 1887 г. практически ежегодно отправлялся в экспедиции для изучения растительности малоисследованных тогда районов Закаспия, Предкавказья, Северного Кавказа, Центральной Азии, Крыма, Бессарабии. С 1893 по 1917 г. он работал в Императорском Санкт-Петербургском ботаническом саду, в 1894–1902 гг. служил в Департаменте земледелия. При поддержке Императорского Русского географического общества (далее — ИРГО) он исследовал высокогорную растительность и области оледенения на территориях современных Таджикистана, Узбекистана, Киргизии, Казахстана, Туркмении. В 1900 г. Императорский ботанический сад командировал В. И. Липского в Предбайкалье и Забайкалье, и тот проехал через Монголию и Маньчжурию во Владивосток, изучил эндемичную растительность¹.

Энергичный ботаник пешком исходил осваиваемые районы. И с зарубежным растительным миром он также предпочитал знакомиться на практике. В 1890 и 1891 гг. В. И. Липский ездил с этой целью в Турцию, Грецию, Италию, Австрию от Киевского общества естествоиспытателей². Впоследствии Императорский ботанический

сад неоднократно командировал В. И. Липского за границу для ознакомления с организацией ботанических садов и музеев, а также с устройством лучших и главнейших гербариев в различных государствах³. В 1900, 1902 и 1905 гг.⁴ он познакомился в Западной Европе с главными гербариями и ботаническими учреждениями, имеющими своей целью систематику растений, ботаническую географию и флору⁵, в 1907 г. — в США⁶, в 1908 г. — на о-ве Цейлон⁷, в 1913 г. — в Корее и Японии, в 1916 г. — в Греции⁸. Департамент земледелия командировал его в Бразилию, Уругвай и Аргентину на Всемирную выставку 1910 г. и научные конгрессы, происходившие в Буэнос-Айресе в связи с национальными праздниками по случаю столетия Аргентины⁹. Оттуда Липский привез полный ассортимент недавно собранных семян, а плоды *Opuntia anacantha* Spegazz (без шипов), высаженные около Чарджуя (ныне — Туркменабад), прижились, став хорошим кормом для скота¹⁰. Повсюду В. И. Липский занимался сравнительным изучением растительности, близкой к кавказской и среднеазиатской, особо интересовался переднеазиатскими и гималайскими растениями, хранящимися в зарубежных гербариях¹¹.

В 1906 г. правительственным указом разрешалось переселение безземельных крестьян за Урал. Аграрная реформа П. А. Столыпина активизировала переселенческое движение на Восток. Переселенческое управление в 1906–1918 гг. организовывало почвенно-ботанические экспедиции, целью которых было предварительное изучение растительного покрова районов Азиатской России, чтобы определить пригодность новых районов для развития сельского хозяйства. Руководство почвенно-ботаническими экспедициями являлось одной из важнейших задач Императорского ботанического сада, который входил в состав Главного управления земледелия и землеустройства. Консерватор А. Ф. Флеров, а с 1910 г. главный ботаник сада Б. А. Федченко руководили ботанической частью переселенческих экспедиций. По возвращении из экспедиций ботаники составляли отчеты, которые позднее печатались отдельными изданиями. Все собранные материалы поступали в Гербарий (до 500 тыс. гербарных образцов) и Музей сада. Труд Переселенческого управления стал первой успешной попыткой дать ботаническое описание Азиатской России¹².

Обычно В. И. Липский путешествовал один, поскольку на поездки выделялись весьма скромные денежные суммы. Но с собой надо было брать лошадей, палатку, громоздкое ботаническое оборудование, несколько пудов багажа и провизии, поэтому на местах приходилось нанимать проводников. По возвращении В. И. Липский всегда ходатайствовал о достойном вознаграждении местных жителей, оказавших содействие экспедиции¹³.

Впервые В. И. Липский взял с собой помощника в поездку на о-в Цейлон в 1908 г. Эта командировка оказалась этапным шагом пути в науке для В. И. Липского как для ботаника и географа, а также повлияла на карьеру молодого садовника А. И. Михельсона (1876–1968). В последующий период А. И. Михельсон сопровождал В. И. Липского в нескольких экспедициях в Центральную Азию, а затем переехал в Туркмению и жил там до конца своих дней. А. И. Михельсон вошел в историю изучения флоры и растительности Центральной Азии и Туркменистана как один из первых исследователей. Он внес заметный вклад в развитие Ботанического сада Академии наук Туркменской ССР.

Александр Иванович Михельсон — уроженец Лифляндской губернии. Он родился 29 сентября / 12 октября 1876 г. в г. Дерпте — Юрьеве (ныне — Тарту, Эстония)¹⁴. Поступил в двухклассное училище, затем учился в частной гимназии, которую не окончил из-за недостатка средств, уйдя из пятого класса. Со школьной скамьи у него проявилась любовь к растительности и в связи с этим к гербаризации, с юности он изучал садоводство практически.

В 1896 г. А. И. Михельсон поступил садовником в Ботанический сад Юрьевского университета. В 1897 г. он переехал в Санкт-Петербург. В 1898 г. поступил на службу в Императорский ботанический сад, работал садовником в помологическом саду Э. Регеля и Кессельринга. С мая 1899 г. был практикантом в ботаническом саду. Он работал в оранжереях с тропическими растениями, потом — с систематическим участком живых растений на открытом воздухе.

С ноября 1899 г. по март 1906 г. А. И. Михельсон находился на военной службе в Царстве Польском. Он окончил военно-фельдшерскую школу и получил специальность аптечного фельдшера.

В период военной службы в Варшавском генерал-губернаторстве, в Плоцкой и Люблинской губерниях (1901–1904), он занимался в свободное время гербариями местной флоры в уездах Холмский, Праснышинский, Цехановский¹⁵. На театре военных действий на Дальнем Востоке вплоть до демобилизации собирал в Маньчжурии растения для Императорского ботанического сада¹⁶.

Весной 1906 г. А. И. Михельсон вернулся на работу в Ботанический сад в Санкт-Петербурге. В 1907 г. главный ботаник Б. А. Федченко предложил ему заниматься разборкой в гербарии дублетов и консервацией растений.

В 1908 г. А. М. Михельсон получил предложение от В. И. Липского, главного ботаника сада, отправиться с ним на о-в Цейлон. Михельсону предстояло собирать для Императорского ботанического сада растения (живые и гербарий), семена, плоды, древесные обрубки, разные изделия и т. д.¹⁷ Эта невероятная поездка состоялась скорее случайно. Вот как объяснил ситуацию В. И. Липский 20 февраля 1908 г. в письме путешественнику П. К. Козлову, находившемуся в Монголо-Сычуаньской экспедиции: «В Ботаническом саду время командировок. <...> Я дважды стремился попасть в Среднюю Азию, дабы между прочим осмотреть результаты страшного октябрьского землетрясения в горах. ИРГО не дал мне средств. Я обратился в Бухару: и там не выгорело. Тогда я подал вчера в Сад заявление о своем желании поехать на о. Цейлон посмотреть тамошний Ботанический сад и познакомиться с тропической природой.

Обычная вещь: просишься поработать для своей родины — не пускают, просишься за границу — пустят с удовольствием. Так и тут: на о. Цейлон пустили, хотя насчет финансов обстоит жидко. Таким образом, возможно, что мы с тобой будем хотя и далекими, но близкими (ближайшими) соседями. Сообщаю пока тебе в общих чертах, может быть, потом сообщу подробнее. На всякий случай, пиши мне: Colombo (Ceylon), Russian Consulate, W. H. Lipsky»¹⁸.

Отпущенных средств не хватало даже на проезд одного человека. Но В. И. Липский добился, чтобы на поездку А. И. Михельсона выделил небольшое пособие Зоологический музей. Поэтому краткий отчет о сборе зоологических коллекций на Цейлоне был опубли-

ликован в разделе «Мелкие известия» в «Ежегоднике Зоологического музея Академии наук» за 1909 г.¹⁹ Ученые воспользовались привилегией бесплатного проезда на судах Добровольного флота²⁰. Пароход «Владимир» вышел из Одессы 6 мая 1908 г. и на обратном пути забрал экспедицию с о-ва Цейлон 20 июля 1908 г. Первые экспонаты были собраны уже 18 мая на коралловом острове Перим в Красном море во время угольной стоянки.

Жизнь на Цейлоне оказалась весьма недешевой. Ботаникам пришлось шить новые тропические костюмы из хаки и белой материи. Железнодорожные тарифы были высоки, а ездить 3-м классом европейцам не полагалось. К счастью, агент Добровольного флота К. Т. Чокров уступил весь нижний этаж своего дома в Коломбо под лабораторию для коллекций. Огромное удобство для путешественников представляли *resthouses* — британские казенные гостиницы. Одна из таких гостиниц находилась у самого Ботанического сада Перадения в центре Цейлона, две комнаты отводились для бесплатного проживания ботаников; полный пансион (трехразовое питание) на двоих стоил 5 руб. в день — прожив там полтора месяца, небогатые россияне заметно отощали.

«Первые две недели были сплошные дожди. Сушить было бы затруднительно. Тем не менее наш суконный способ оказался пригоден и тут. Теплота (но не жара) + влага делают сушку очень трудной, кроме того, термиты»²¹. Так называемый русский способ сушки в солдатском сукне был проверен еще в Маньчжурии, и путешественники взяли запас сукна с собой на Цейлон. Это позволило двум ботаникам собрать огромный тропический гербарий (647 номеров, в том числе привезти листья крупных пальм до 8 м длиной), 154 вида плодов и семян в сухом состоянии и 81 вид в формалине, образцы почв, дендрологические коллекции и пр. и даже довести до Императорского ботанического сада часть живых растений в бамбуковых горшках²².

Основную часть кропотливой коллекторской работы выполнил А. И. Михельсон. В. И. Липский встречался с директорами и сотрудниками ботанических садов, решал научные и административные задачи. Он успел объехать и осмотреть ботанические сады в разных частях Цейлона, составил их детальное описание (как всегда,

включенное в его отчет, опубликованный в виде отдельной книги), добыл необходимые образцы. Логистику и сроки работы экспедиции ему приходилось уточнять телеграммами, которые отправлялись А. И. Михельсону из разных пунктов на острове²³.

Плоды удавалось сохранять в банках с формалином, завязывая пробку пузырем и заливая щели парафином. Некоторые объекты одновременно собирались в коллекции и клались в спирт (дублеты). Сюда попали мелкие объекты, неудобные для засушивания (муравьи, кокцидии и т. п.). Термитов отвадили, поливая их массовые скопления испорченным спиртом. Влажность мешала сбору насекомых (бабочек), поскольку в коробках они портились, издавали запах — приходилось прибегать к искусственному высушиванию. Комнату закрывать было нельзя: все отсыревало и покрывалось плесенью — обувь, одежда, бумага, коллекции. Поэтому по очереди кто-нибудь из ботаников оставался дома и наблюдал за просушиванием.

Без помощи местного населения обойтись было невозможно, особенно при собирании змей и рыб, и каждую услугу надо было оплачивать. По возможности собирали змей, ящериц, рыб. «Змей на Цейлоне масса, и все туземцы отлично знают их и умеют отличать ядовитых, знают их привычки и т. д. <...> Сингалы стреляли нам летучих лисиц, так как оружия мы с собой не имели. <...> Нет оружия, поэтому в коллекции отсутствуют птицы»²⁴.

Юг острова (Галле) оказался интересной базой исследований для альголога и зоолога, интересующегося кораллами; там, у кораллового рифа, были сосредоточены разные кораллы, моллюски, водоросли, крабы, мелкие оригинальные рыбешки.

В целом, несмотря на неблагоприятное «зимнее» (муссон) время, сборы были довольно удачны, удалось наполнить всю выданную экспедиции посуду. Все сборы были зарегистрированы: везде имелись точные и подробные ярлыки. Таковые имелись и у приобретенных В. И. Липским этнографических экспонатов (образцы плетения и керамики), пополнивших МАЭ и Ботанический музей.

Разнообразные зоологические коллекции полностью поступили в академический Зоологический музей. В. И. Липский подчеркивал,

что «огромное большинство сборов сделано моим помощником А. И. Михельсоном и должны носить его имя»²⁵.

Удачное путешествие в тропики вдохновило В. И. Липского на расширение сферы исследований. Он предлагал и П. К. Козлову обратить внимание на Индию. Англо-русское соглашение 1907 г. делало возможным отправку русских научных экспедиций в Тибет и Южную Азию. 21 сентября 1908 г. Липский прямо советовал П. К. Козлову вернуться через Индию: «Это тебе будет стоить дешевле (и скорее), ибо Добровольный флот повезет даром»²⁶. Действительно, Правление Добровольного флота предоставляло участникам академических экспедиций бесплатный билет и провоз багажа, а платить надо было только за стол (питание). В. И. Липский и А. И. Михельсон привезли в Россию с о-ва Цейлона более 60 пудов груза; провоз их только от Одессы в Санкт-Петербург стоил 148 руб.²⁷

С горечью В. И. Липский констатировал, что Британская империя обслуживается множеством садов, плантаций, ботанических и опытных станций, в то время как в Туркестане, по пространству равном нескольким европейским государствам, нет ни одного ботанического сада. А для подробного ботанического описания России нужны разные станции — и научного, и прикладного практического характера²⁸. «Отчеты о ботанических исследованиях в Сибири и Туркестане» Переселенческого управления стали первой попыткой заполнить эти лакуны.

По возвращении в Россию и В. И. Липский, и А. М. Михельсон ежегодно отправлялись в Туркестан в составе экспедиций Переселенческого управления.

С 1906 по 1909 г. А. И. Михельсон работал в Императорском ботаническом саду младшим садовником, препаратором и экскурсоводом. В эти же годы он разбирал гербарий А. Регеля, собранный в Туркестане²⁹.

С 1908 г. А. И. Михельсон занимался, кроме гербария, разборкой накопившихся в музее сада коллекций и монтировкой их. Под наблюдением ботаника Б. А. Федченко он составил перечень засушенных растений, предлагаемых в обмен Императорским Санкт-Петербургским ботаническим садом в 1908 г.³⁰

С 1909 по 1914 г. А. И. Михельсон работал по совместительству в гербарии сада и ботаническом музее. В летний период он принимал участие в почвенно-ботанических экспедициях Переселенческого управления в Центральную Азию в качестве помощника ботаника, а затем и ботаника.

В 1909 г. Переселенческим управлением были организованы три почвенно-ботанические экспедиции в Туркестан с целью более широкого и всестороннего ознакомления с местами, отведенными для колонизационных целей. В. И. Липский был назначен ботаником в исследовательскую партию агронома Е. Н. Кодряна для изучения Копальского уезда Семиреченской области и предложил А. И. Михельсону так называемую должность помощника ботаника. С весны 1909 г. до отправления в Семиречье А. И. Михельсон «ботанизировал в пределах Закаспийской области»³¹, собирал весеннюю флору³². Летом они с В. И. Липским совершили путешествие в Джунгарский Алатау³³. По плану А. И. Михельсон должен был вернуться со всеми коллекциями в Верный³⁴ на двух подводах, собирая по дороге дополнительные коллекции; потом, закончив кампанию, ему предстояло двинуться в Ташкент и Санкт-Петербург³⁵. 1 августа 1909 г. В. И. Липский сообщал из экспедиции П. К. Козлову: «Мой спутник и помощник возится в данное время с упаковкой ящиков и растениями. Жаль, что он не достался тебе. Работник — прекрасный. Он ездил со мной в прошлом году на Цейлон, а в этом сюда в Джунгарский Алатау. Уложимся, запакуем коллекции (кстати, по секрету — прекрасно!) и двинем в разные стороны: я на восток, а он на запад, в Верный и Ташкент»³⁶.

Весной 1910 г. А. И. Михельсон экскурсировал по Закаспийской области, собирал гербарный материал в Закаспийской и Ферганской областях для Ботанического сада³⁷. Затем в экспедиции Переселенческого управления он изучал растительность Пржевальского и Джаркентского уездов Семиреченской области. Материалы легли в основу составленного им очерка растительности указанного региона³⁸.

В 1911 г. В. И. Липский отправился в Самарканд и Ферганскую область. А. И. Михельсон вновь съездил в Закаспийскую область в свою вторую ботаническую экскурсию, но с половины лета он

состоял в качестве помощника у В. И. Липского в его экспедиции в горную часть Самаркандской области.

Зимой 1912 г. А. И. Михельсон разбирал и этикетировал в Петербургском ботаническом саду дублетные гербарии из Мексики, Бразилии, с Пиренейского полуострова и из Арктики. Ранней весной 1912 г. А. И. Михельсон съездил в четвертую свою поездку в Закаспийскую область в качестве помощника ботаника Закаспийской почвенно-ботанической экспедиции В. И. Липского. С ними работал командированный Переселенческим управлением почвовед Д. П. Драницын³⁹. А. И. Михельсон совершил поездки сначала в Закаспий, а затем в Самаркандскую область (в верховья р. Зеравшан и на Зеравшанский, Гиссарский и Туркестанский хребты).

В. И. Липский высоко ценил профессиональные и личные качества А. И. Михельсона — трудолюбие, высокую работоспособность, терпение, выдержку, а главное — увлеченность ботаникой и природой Центральной Азии. Своему другу П. К. Козлову, задумавшему новую экспедицию, В. И. Липский неоднократно рекомендовал взять в качестве коллектора А. И. Михельсона. 29 февраля 1911 г. он писал: «От семьи в Житомире я двинул в Туркестан, чтобы поговорить с Михельсоном, мои помощником. Хотя у тебя почему-то теоретически сложилось предубеждение против него. <...> Это замечательный коллектор и работник (конечно, лучше Ла⁴⁰). Я его поймал наконец здесь в Чарджуе. На год он бы поехал, но на 2½ (он только что женился и еще не кончил своей командировки от Сада) ему невозможно, тем более что с следующего года предстоит преобразование... Так не удалось мне достать тебе тех лучших коллекторов, которых хотелось... Что же делать? Поздно мы спохватились»⁴¹.

В. И. Липский оценивал работу своего ученика и спутника следующим образом: «А. И. Михельсон прославился своими прекрасными коллекциями, которые считаются лучшими в гербарии Ботанического сада. Они сразу выделяются прекрасным, вдумчивым сбором, массой экземпляров, полностью: собрано все, что характеризует растение, — корни, стебли, разные листья, цветы, плоды, прошлогодние остатки, луковицы и т. д. Не менее хороши его превосходные коллекции для музея»⁴².

В начале 1913 г. А. И. Михельсон подбирал материалы для издаваемого Императорским ботаническим садом «Гербария флоры Туркестана» (вып. 1–4). Затем с марта по август 1913 г. принимал участие в экспедиции Б. А. Федченко в Самаркандскую область и Горную Бухару. Итогом стал краткий очерк весенней растительности Самаркандской области⁴³.

В зимний период 1913/14 г. А. И. Михельсон занимался разборкой и инсерацией⁴⁴ музейных образцов с острова Ява, поступивших в музей Императорского ботанического сада от университетской экспедиции доктора О. И. Вальтера⁴⁵.

В марте-апреле 1914 г. А. И. Михельсон участвовал в Почвенной экспедиции С. С. Неуструева в Джизакский и Ходжентский уезды Самаркандской области. А в мае-июне 1914 г. он экскурсировал по Астрабадской провинции — собирал материалы для флоры Ирана.

С августа 1914 г. по октябрь 1918 г. А. И. Михельсон находился в действующей армии в Пруссии и Восточной Галиции. Здесь он попутно собрал 600 листов гербария. Собранные А. И. Михельсоном растения хранятся в гербарии Ботанического института им. В. Л. Комарова РАН⁴⁶.

В 1916 г. Управление эвакуационных и санитарных частей командировало В. И. Липского в Сыр-Дарьинскую, Самаркандскую и Ферганскую области для изучения флоры в целях ее технического и лекарственного использования, в 1917 г. — на Черноморское побережье. Оттуда В. И. Липский не вернулся в Петроград, а уехал на Украину, где принял участие в создании Украинской академии наук⁴⁷.

С конца 1918 г. по конец 1919 г. А. И. Михельсон вновь работал в Ботаническом саду в гербарии и музее Петроградского ботанического сада, занимался лекарственными растениями, а также принимал участие в изучении торфяников Петроградской губернии.

В конце 1919 г. А. И. Михельсон эвакуировался в Саратовскую губ., где работал помощником лесничего Кузнецкого лесничества, а затем таксатором и прорабом по лесозаготовкам Кузнецкого участка треста «Пензолес»⁴⁸.

После поездки в тропический Цейлон В. И. Липский раздраженно отметил: «Смехотворный вопрос о том — зачем нам эти

азиатские пустыни, должен быть оставлен: пустыня лишь там, где нет людской энергии и здоровой трезвой мысли»⁴⁹. Эта мысль была воспринята его сотоварищами, в том числе А. И. Михельсоном.

В октябре 1919 г. А. И. Михельсон переехал в Туркмению. Там он сначала заведовал Музеем живой защиты пескоборьбы Среднеазиатской железной дороги. Одновременно он работал в Ашхабадском краеведческом музее в отделе ботаники и минерального сырья. Кроме того, в течение двух лет заведовал петрографическими коллекциями геологической базы⁵⁰.

В. И. Липский в 1922–1927 гг. был избран президентом Всеукраинской академии наук. Он разрабатывал планы ботанических садов в Киеве и Одессе, проекты реорганизации заповедника Аскания-Нова. Выйдя в отставку, в 1935 и 1936 гг. он совершил две поездки в Узбекистан и Таджикистан, посетил Самарканд, Душанбе, Гиссарский хребет, встретился с местными ботаниками⁵¹.

Научные интересы А. И. Михельсона формировались под влиянием В. И. Липского и Б. А. Федченко. Работая с этими выдающимися специалистами, он овладевал методами ботанических исследований, увлекся Центральной Азией. Коллеги отмечали, что характерной чертой его работы являлась тщательная обработка флористических сборов. Собранные им материалы отвечают самым высоким научным требованиям. В свою очередь, А. И. Михельсон оказал большую помощь многим местным флористам и геоботаникам, особенно до того, как в Туркменистане были созданы академические учреждения. При изучении растительности песчаных пустынь значительное влияние на А. И. Михельсона оказал ученый лесовод В. А. Палецкий.

В 1929–1935 гг. А. И. Михельсон избирался членом ученого совета Туркменского ботанического сада. В 1930 г. в составе экспедиции Всесоюзного института растениеводства А. И. Михельсон изучал растительность возвышенности Бадхыз. В 1931–1932 гг. вместе с В. В. Дубянским он исследовал заросли гигантских злаков в долине Аму-Дарьи, оценивал возможность использования их в качестве бумажного сырья⁵².

После ликвидации Музея живой защиты в 1937 г. А. И. Михельсон некоторое время работал старшим инженером по живой

защите Ашхабадской железной дороги⁵³. В октябре 1937 г. он поступил в Туркменский ботанический сад, в котором работал младшим научным сотрудником по разделу цветочных и оранжерейных растений.

В феврале 1941 г. А. И. Михельсон вернулся на работу на Ашхабадскую железную дорогу для восстановления Музея живой природы в пос. Фараб⁵⁴. Работая в музее, он в 1943–1944 гг. выделил и отобрал для Ботанико-растениеводческого института Туркменского филиала АН СССР гербарий в количестве 10,5 тыс. листов, среди которых значительная часть собрана им самим⁵⁵.

В ноябре 1944 г. А. И. Михельсон переехал в Ашхабад и вновь поступил на службу в Ботанический сад Туркменского филиала АН СССР. До февраля 1964 г. он руководил там отделом тропических и субтропических растений. За эти годы при его участии в Ботаническом саду Туркменской ССР значительно пополнился видовой состав растений закрытого грунта различного географического происхождения.

В феврале 1964 г. А. И. Михельсон вышел на пенсию, но остался верен своему любимому делу. Он продолжал экскурсии по сбору растений и семян растений дикой флоры в окрестностях Ашхабада и в пески восточной части Туркменистана, в Копетдаг. Проводил он и сборы растений в окрестностях Луганска, по Северному Донцу, а также в Восточном Казахстане в районе Усть-Каменогорска. Растения, собранные в последние годы жизни, он передал соответствующим академическим гербариям (ныне — Институт ботаники Академии наук Туркменистана, Институт ботаники им. Н. Г. Холодного НАН Украины), а также в Луганский и Усть-Каменогорский педагогические институты⁵⁶.

Так получилось, что большую часть своей жизни А. И. Михельсон посвятил исследованию флоры высших растений Средней Азии и Казахстана, особенно Туркменистана. Его сборы в этой части страны являются наиболее полными по числу видов. Именем Михельсона названы десять видов покрытосеменных растений:

- *Convolvulus michelsonii* V. Petrov;
- *Crocus michelsoni* B. Fedtsch;
- *Jurinea michelsonii* Iljin;

- *Limonium michelsonii* Lincz;
- *Oxytropis michelsonii* B. Fedysch;
- *Salix michelsonii* Görz;
- *Silene michelsonii* Preobr;
- *Asperula michelsonii* V. Krecz;
- *Astragalus michelsonii* Gontsch;
- *Astragalus michelsonii* B. Fedtsch⁵⁷.

Труды А. И. Михельсона были отмечены медалями «За трудовую доблесть», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», почетной грамотой Президиума Верховного совета Туркменской ССР, малой серебряной медалью Выставки достижений народного хозяйства СССР, медалью Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. Отделение биологических наук Академии наук Туркменской ССР в «Известиях АН» поздравило его с 80-летием⁵⁸ и 90-летием⁵⁹. Александр Иванович Михельсон скончался 28 мая 1968 г. «Ботанический журнал» поместил очерк его памяти в разделе «Потери науки»⁶⁰.

Академические естественно-научные экспедиции в начале XX в. выработали и апробировали формы и методы полевой собирательской работы, и эту методику успешно применяли и осваивали ученые как в России, так и за рубежом. Работа петербургских ботаников имела следствием освоение и быстрое экономические развитие южных и восточных регионов.

Библиография

Источники

Архив Русского географического общества

Архив РГО. Ф. 1 (1896). Оп. 1. Д. 16. 68 л. Дело ИРГО о командировании действительного члена В. И. Липского в Туркестанский край и пр. местности для физико-географических исследований. 31 марта 1896 г.

Архив РГО. Ф. 18. Оп. 3. Д. 379. Липский Владимир Ипполитович, Киев, Академия УАН. Бывший главный ботаник Петербургского ботанического сада. Письма П. К. Козлову с 12.X.1898 по 6.II.1935 г.

Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук

СПбФ АРАН. Ф. 303. Оп. 1. Д. 61. 4 л. Михельсон А. И. Автобиография и список работ. Автограф, дополненный В. И. Липским. 1913 г.

СПбФ АРАН. Ф. 303. Оп. 1. Д. 100. 100 л. Дневниковые записки, списки растений, расписки, счета, почтовые квитанции и др. документы научной поездки В. И. Липского на о. Цейлон. Подлинник. На англ., араб., нем. и рус. яз. 1908 г.

СПбФ АРАН. Ф. 303. Оп. 1. Д. 107. 76 л. Фотографии — Семиреченское Алатау.

Литература

Барбарич А. И. Володимир Іполітович Липський. Київ: Академія наук України, 1958. 40 с.

Блиновский К. В. А. И. Михельсон (К 80-летию со дня рождения) // Известия АН Туркменской ССР. Ашхабад, 1957. № 1. С. 130–131.

Добринова Т. М., Кушнин О. Г. Владимир Ипполитович Липский, 1863–1937. Биобиблиографический указатель. Одесса: ОГНБ, 1981. 44 с.

Доброчаева Д. Н., Мокрицкий Г. П. Владимир Ипполитович Липский. Киев: Наукова думка, 1991. 214 с.

Липский В. И. Главнейшие гербарии и ботанические учреждения Западной Европы. Отчет по заграничной командировке 1900 г. С чертежами и планами. СПб.: Типолит. «Герольд», 1901. 123 с. Прилож. к XVIII т. (Тр. СПб. Бот. сада. Acta Horti Petropol.).

Липский В. И. Ботанические учреждения и сады в Южной Европе и Северной Африке. СПб.: Типолит. «Герольд», 1903. 128 с. + карты, ил.

Липский В. И. Ботанические сады Мадрида, Лиссабона и Кью (с планом и рисунками). СПб.: Типолит. «Герольд», 1906. 267 с. (Приложение к «Трудам Императорского ботанического сада», т. XXIV).

Липский В. И. Поездка на о. Цейлон в 1908 // Ежегодник Зоологического музея Академии наук. 1909. Т. XIV. Мелкие известия. С. XXXIV–XXXVIII.

Липский В. И. О путешествии в Южную Америку // Известия С.-Петербург. ботанического сада. СПб., 1910. Т. 10. С. 192–193.

Липский В. И. Цейлон и его ботанические сады В. И. Липского, главного ботаника Императорского ботанического сада. СПб.: Изд. Департамента земледелия Г.У.З. и З., 1911. 282 с.

Липский В. И. Исторический очерк С.-Петербургского ботанического сада (1713–1913). Ч. 1. СПб.: Тип. «Герольд», 1913. 412 с.

Липский В. И. Императорский С.-Петербургский ботанический сад за 200 лет его существования (1713–1913). Ч. 3. Пг.: Тип. «Герольд», 1913–1915. С. 315–366.

Липский В. И. Северная Америка и ее ботанические сады. Ч. 1. Пг.: Департамент земледелия ГУЗиЗ, 1915. 180 с.

Липский В. И. Путешествие в Джунгарский Алатау // Труды главного ботанического сада. Л., 1924. Т. 37. 129 с.

Михельсон А. И. Очерк растительности части Пржевальского и Джаркентского уездов (Семиреченской области) // Труды почвенно-ботанических экспедиций по исследованию колонизационных районов Азиатской России. Ч. 1: Ботанические исследования 1910 г. Вып. 4. СПб., 1913. 78 с. + 2 табл. + карта маршрутов А. И. Михельсона.

Михельсон А. И. Краткий очерк весенней растительности Самаркандской области // Предварительный очерк о ботанических исследованиях в Сибири и Туркестане в 1913 г. Пг., 1914. С. 428–446 + карта маршрутов А. И. Михельсона.

Михельсон А. И. Минеральные богатства Туркменской республики // Туркменский государственный музей. Ашхабад, 1929. Приложение 2, с. 43–49.

Михельсон А. И. Оранжерейные растения Ашхабадского ботанического сада Академии наук Туркменской ССР, 1959 г. // Труды Туркменского ботанического сада. Ашхабад, 1962. Вып. 4. С. 181–191.

Михельсон А. И., Михельсон О. А. К истории музея пескоукрепления (1898–1948 гг.) // Проблема освоения пустыни. 1968. № 3. С. 94–96.

Мурадов К. М., Давыдова Р. А., Михельсон О. А. Памяти Александра Ивановича Михельсона (12.X.1876–28.V.1968) = [Alexandr Ivanovich Michelson (october 12, 1876 — may 28, 1968)] / Ботан. сад АН Туркменской ССР, Усть-Каменогорский гос. пед. ин-т // Ботан. журн. / АН СССР, Всесоюз. ботан. о-во. Л., 1969. С. 1429–1431.

Никитин В. В., Мурадов К. М. Александр Иванович Михельсон (К 90-летию со дня рождения) // Известия АН Туркменской ССР. Сер. биолог. наук. Ашхабад, 1966. № 5. С. 95–96.

Перечень засушенных растений, предлагаемых в обмен Санкт-Петербургским ботаническим садом в 1908 г. / составлен А. И. Михельсоном под наблюдением Б. А. Федченко. СПб., 1908. 64 с.

Соболева Е. С. В. В. Радлов и система транспортировки в МАЭ (конец XIX — начало XX в.) // Primus inter parus (к 175-летию со дня рождения В. В. Радлова) / сост. и отв. ред. П. А. Матвеева, Е. А. Резван. СПб.: МАЭ РАН, 2015. С. 155–184.

Фотоматериалы Переселенческого управления. URL: <https://www.binran.ru/structure/museum/kollektsi/immigr.php> (дата обращения: 20.02.2024).

* * *

¹ Барбарич А. И. Володимир Іполітович Липський. Київ: Академія наук України, 1958. С. 8.

² Доброчаева Д. Н., Мокрицкий Г. П. Владимир Ипполитович Липский. Киев: Наукова думка, 1991. С. 30, 32.

³ Липский В. И. Главнейшие гербарии и ботанические учреждения Западной Европы. Отчет по заграничной командировке 1900 г. С чертежами и планами. СПб.: Типолит. «Герольд», 1901. С. 1.

⁴ Липский В. И. Ботанические учреждения и сады в Южной Европе и Северной Африке. СПб.: Типолит. «Герольд», 1903. С. 1.

⁵ Липский В. И. Ботанические сады Мадрида, Лиссабона и Кью (с планом и рисунками). СПб.: Типолит. «Герольд», 1906. 267 с.

⁶ Липский В. И. Северная Америка и ее ботанические сады. Ч. 1. Пг.: Департамент земледелия ГУЗиЗ, 1915. 180 с.

⁷ Липский В. И. Цейлон и его ботанические сады В. И. Липского, главного ботаника Императорского ботанического сада. СПб.: Изд. Департамента земледелия Г.У.З. и З., 1911. 282 с.

⁸ Добринова Т. М., Кушнир О. Г. Владимир Ипполитович Липский, 1863–1937. Биобиблиографический указатель. Одесса: ОГНБ, 1981. С. 5.

⁹ Липский В. И. О путешествии в Южную Америку // Известия СПб ботанического сада. 1910. Т. 10. С. 192–193.

¹⁰ Барбарич А. И. Указ. соч. С. 27.

¹¹ Липский В. И. Ботанические сады Мадрида, Лиссабона и Кью... С. 78.

¹² Фотоматериалы Переселенческого управления. URL: <https://www.binran.ru/structure/museum/kollekti/immigr.php>.

¹³ Архив РГО. Ф. 1 (1896). Оп. 1. Д. 16. Л. 19–19 об.

¹⁴ СПбФ АРАН. Ф. 303. Оп. 1. Д. 61. Л. 2.

¹⁵ Праснышский и Цехановский уезды Плоцкой губернии.

¹⁶ СПбФ АРАН. Ф. 303. Оп. 1. Д. 61. Л. 2.

¹⁷ Липский В. И. Цейлон и его ботанические сады В. И. Липского... С. 1.

¹⁸ Архив РГО. Ф. 18. Оп. 3. Д. 379. Л. 23 об. — 24.

¹⁹ Липский В. И. Поездка на о. Цейлон в 1908 // Ежегодник Зоологического музея Академии наук. 1909. Т. XIV. Мелкие известия. С. XXXIV–XXXVIII.

²⁰ Соболева Е. С. В. Радлов и система транспортировки в МАЭ (конец XIX — начало XX в.) // *Primus inter parus* (к 175-летию со дня рождения В. В. Радлова) / сост. и отв. ред. П. А. Матвеева, Е. А. Резван. СПб.: МАЭ РАН, 2015. С. 155–184.

²¹ Архив РГО. Ф. 18. Оп. 3. Д. 379. Л. 22 об.

²² Липский В. И. Цейлон и его ботанические сады... С. 214.

²³ СПбФ АРАН. Ф. 303. Оп. 1. Д. 100. Л. 51–53.

²⁴ Липский В. И. Поездка на о. Цейлон в 1908... С. XXXV.

²⁵ Там же. С. XXXVII.

²⁶ Архив РГО. Ф. 18. Оп. 3. Д. 379. Л. 22 об.

²⁷ Там же.

²⁸ Липский В. И. Цейлон и его ботанические сады... С. 242.

²⁹ Мурадов К. М., Давыдова Р. А., Михельсон О. А. Памяти Александра Ивановича Михельсона (12.X.1876–28.V.1968) = [Alexandr Ivanovich Michelson (october 12, 1876 — may 28, 1968)] // Ботан. журн. Л., 1969. С. 1429.

³⁰ Перечень засушенных растений, предлагаемых в обмен СПб. ботаническим садом в 1908 г. / составлен А. И. Михельсоном под наблюдением Б. А. Федченко. СПб., 1908. 64 с.

³¹ СПбФ АРАН. Ф. 303. Оп. 1. Д. 61. Л. 2.

³² Липский В. И. Путешествие в Джунгарский Алатау // Труды Главного ботанического сада. Л., 1924. Т. 37. С. IV.

³³ СПбФ АРАН. Ф. 303. Оп. 1. Д. 107.

³⁴ Город Верный (1867–1921), ныне — Алматы.

³⁵ Липский В. И. Путешествие в Джунгарский Алатау... С. 118.

³⁶ Архив РГО. Ф. 18. Оп. 3. Д. 379. Л. 21 об.

³⁷ СПбФ АРАН. Ф. 303. Оп. 1. Д. 61. Л. 3.

³⁸ Михельсон А. И. Очерк растительности части Пржевальского и Джаркентского уездов (Семиреченской области) // Труды почвенно-ботанических экспедиций по исследованию колонизационных районов Азиатской России. Ч. 2: Ботани-

ческие исследования 1910 г. Вып. 4. СПб., 1913. 78 с. + 2 табл. + карта маршрутов А. И. Михельсона.

³⁹ Барбарич А. И. Указ. соч. С. 22.

⁴⁰ Ла — китаец, проводник В. И. Липского в экспедиции в Среднюю Азию.

⁴¹ Архив РГО. Ф. 18. Оп. 3. Д. 379. Л. 11.

⁴² Липский В. И. Императорский С.-Петербургский ботанический сад за 200 лет его существования (1713–1913). Ч. 3. Пг.: Тип. «Герольд», 1913–1915. С. 315–366.

⁴³ Михельсон А. И. Краткий очерк весенней растительности Самаркандской области // Предварительный очерк о ботанических исследованиях в Сибири и Туркестане в 1913 г. Пг., 1914. С. 428–446 + карта маршрутов А. И. Михельсона.

⁴⁴ Процедура помещения гербарных материалов на постоянное хранение. Этим занимаются сотрудники гербариев без участия авторов гербарных сборов.

⁴⁵ Оскар Антонович Вальтер (1884–1941) участвовал в экспедициях по изучению флоры тропических лесов на острове Ява и на Японских островах (1910).

⁴⁶ Блиновский К. В. А. И. Михельсон (К 80-летию со дня рождения) // Известия АН Туркменской ССР. Ашхабад, 1957. № 1. С. 130.

⁴⁷ Доброчаева Д. Н., Мокрицкий Г. П. Указ. соч. С. 82.

⁴⁸ Блиновский К. В. Указ. соч. С. 130.

⁴⁹ Липский В. И. Цейлон и его ботанические сады... С. 244.

⁵⁰ Михельсон А. И. Минеральные богатства Туркменской республики // Туркменский государственный музей. Ашхабад. 1929. Приложение 2. С. 43–49.

⁵¹ Доброчаева Д. Н., Мокрицкий Г. П. Указ. соч. С. 82.

⁵² Мурадов К. М., Давыдова Р. А., Михельсон О. А. Указ. соч. С. 1430.

⁵³ Михельсон А. И., Михельсон О. А. К истории музея пескоукрепления (1898–1948 гг.) // Проблема освоения пустыни. 1968. № 3. С. 94–96.

⁵⁴ Ныне — город Фарап в Лебапском велаяте Туркменистана.

⁵⁵ Блиновский К. В. Указ. соч. С. 131.

⁵⁶ Мурадов К. М., Давыдова Р. А., Михельсон О. А. Указ. соч. С. 1430.

⁵⁷ Там же. С. 1431.

⁵⁸ Блиновский К. В. Указ. соч.

⁵⁹ Никитин В. В., Мурадов К. М. Александр Иванович Михельсон (К 90-летию со дня рождения) // Известия АН Туркменской ССР. Сер. биол. наук. Ашхабад, 1966. № 5. С. 95–96.

⁶⁰ Мурадов К. М., Давыдова Р. А., Михельсон О. А. Указ. соч.

**Ленинградские немцы
XX в.: национальная
политика СССР,
репрессии и память**

Е. В. Лебедева

**«ИНСТИНКТЫ КОЛОНИСТОВ ГРУБО-КУЛАЧЕСКИЕ»:
НЕМЕЦКИЕ КОЛОНИИ ПОД ПЕТРОГРАДОМ
И СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ В ПЕРИОД ВОЕННОГО
КОММУНИЗМА (1918–1921)**

В статье на основе анализа документов региональных и местных советских и партийных органов из фондов Центрального государственного архива Санкт-Петербурга (ЦГА СПб) и Центрального государственного архива историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб) освещаются особенности реализации политики военного коммунизма в немецких колониях Петроградского региона, обусловленные исторически сложившимися чертами их хозяйственной и социальной жизни, рассматриваются способы организованного и стихийного противодействия этой политике со стороны колонистского сообщества, дается оценка ее влияния на внутреннюю жизнь колоний, на хозяйство колонистов и их отношение к советской власти.

Ключевые слова: военный коммунизм, немецкие колонии, советская власть, Петроград, Северо-Запад, крестьянство, продразверстка, трудовая повинность, волостные советы.

E. V. Lebedeva

**“THE INSTINCTS OF THE COLONISTS ARE ROUGHLY KULAK”:
GERMAN COLONIES NEAR PETROGRAD AND SOVIET POWER
DURING THE PERIOD OF WAR COMMUNISM (1918–1921)**

The article, based on the analysis of documents of regional and local Soviet and party bodies from the funds of the Central State Archive of St. Petersburg and the Central State Archive of Historical and Political Documents, highlights the features of the implementation of the policy of war communism in the German colonies of the Petrograd region, conditioned by the historically established features of their economic and social life, ways of organized and spontaneous opposition to this policy on the part of the colonist community are considered, its influence on the internal life of the colonies, on the economy of the colonists and on their attitude to Soviet power is assessed.

Keywords: Soviet Russia, War communism, German colonies, Soviet power, Petrograd, peasantry, prodrazverstka, labor service.

В статье анализируются особенности реализации политики военного коммунизма в немецких колониях Петроградского региона, обусловленные исторически сложившимися чертами их хозяйственной и социальной жизни. Некоторые аспекты данной темы были рассмотрены в публикациях Т. А. Шрадер, В. Н. Шайдурова и В. А. Ломанова¹. Она представляет интерес не только с точки зрения изучения истории немецкого населения Северо-Запада и других регионов России², но и как составная часть исследований, посвященных политике военного коммунизма в целом, взаимоотношениям советской власти и крестьянства, а также истории Петрограда в первые послереволюционные годы³.

Как произошла смена местной власти в немецких волостях и почему в 1918 г. колонисты не воспользовались возможностью покинуть Советскую Россию? Как строилось взаимодействие колоний с местными и городскими органами управления и какую роль в нем играло Центральное общество немецких колонистов Петроградской губернии? В какой степени оказалась возможна реализация в колониях основных мер военного коммунизма — продразверстки и всеобщей трудовой повинности — и какими способами колонисты пытались противодействовать этим мерам? Что способствовало формированию у власти и части городских жителей образа колонистов как «кулаков» и «спекулянтов»? Какое влияние политика военного коммунизма оказала на внутреннюю жизнь колоний, на хозяйство колонистов и их отношение к советской власти?

Наиболее значимыми источниками, помогающими получить ответы на поставленные вопросы, являются касающиеся жизни немецких колоний документы региональных и местных советских и партийных органов, хранящиеся в фондах Центрального государственного архива Санкт-Петербурга (ЦГА СПб) и Центрального государственного архива историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). Особое место среди них занимают отложившиеся в фонде Ленинградского губземуправления материалы Части по эксплуатации немецких колоний в составе более чем трех сотен документов⁴, включающие как ведомственную переписку с различными инстанциями, так и обращения самих колонистов.

* * *

Ко времени установления советской власти на территории Петроградской губернии существовало более 30 немецких селений, по-прежнему в обиходе и официальных документах именовавшихся колониями. Большинство из них были дочерними, то есть основанными на приобретенной в собственность земле выходцами из старейших колоний, образованных в 1760-е и 1810-е годы переселенцами из германских земель⁵. Ряд колоний являлись центрами самостоятельных волостей, большая же их часть входила в состав русских волостей⁶.

На протяжении 1918 г. в немецких волостях были сформированы волостные советы рабочих и крестьянских депутатов и их исполнительные комитеты, в крупных колониях — сельские советы, более мелкие немецкие селения вошли в состав русских сельсоветов. Характер перехода власти к советам в каждой конкретной волости зависел от соотношения сил между разными группами населения, что можно проиллюстрировать рядом примеров.

В крупнейшей из немецких волостей — Новосаратовской — была реализована распространенная в то время практика направления в деревню для организации советов революционно настроенных рабочих — выходцев из соответствующей местности. Новосаратовский волисполком возглавил петроградский рабочий-печатник И. Брейнер, семья которого происходила из этой колонии и вернулась туда после революции⁷, а заместителем председателя стал член РКП(б) А. Венедиктов. Изученные на данный момент документы не содержат свидетельств об открытых выступлениях против смены власти, однако эта смена не могла не вызвать недовольства сформировавшейся за полтора века существования колонии сельской элиты — наиболее обеспеченных землевладельцев («домохозяев»), поколение за поколением державших в своих руках местное самоуправление. О наличии в колонии группы активных противников новой власти свидетельствует «список нежелательных элементов», составленный членами волостного совета по приказу Комитета обороны Петроградского укрепрайона при наступлении на Петроград армии Юденича осенью 1919 г. В него были включены 20 глав хозяйств, которые «более всего в данном районе не могут

примириться с советской властью»⁸. На заседании новосаратовской партийной ячейки говорилось, что ее членам «приходится зорко следить за населением, враждебно настроенным к социальному строительству жизни»⁹.

Совет депутатов Московско-Среднерогатской волости с центром в колонии Средняя Рогатка также возглавили назначенцы, не принадлежавшие к числу колонистов — тт. Траутман и Кузнецов¹⁰. Их двухлетнее пребывание на руководящих должностях окончилось отдачей под суд на основании жалоб колонистов. Траутману вменялись в вину продажа лошадей, предназначенных для передачи беднейшим крестьянам, «составление бумаг, не отвечающих действительности», и грубое обращение с жителями волости. Кузнецов же, согласно показаниям свидетелей, будучи подвержен пьянству, позволял себе и бить их ногой, чем, по заключению следствия, «подрывал престиж советской власти»¹¹.

Наиболее острая ситуация сложилась в образованной в феврале 1918 г. Овцынской волости с центром в колонии Овцыно, где развернулась борьба за представительство в волостном совете между разными социальными и национальными группами, требовавшая вмешательства вышестоящих органов власти. При создании волости в Овцыно был сформирован волостной комитет (позже переименованный в совет), в состав которого вошли наиболее зажиточные «домохозяева» (немцы и финны)¹². Против «оказавшегося в руках кулаков» совета выступили батраки, а также рабочие располагавшихся на территории волости кирпичных заводов (преимущественно русские). По их мнению, совет был образован в интересах «кучки богатых колонистов», которые «направляли все свои усилия к увеличению собственного благосостояния, оставляя в стороне чуждые им интересы бедноты»¹³. В июле 1918 г. Военно-революционным комитетом Усть-Ижоры в Овцынской волости было объявлено военное положение, волостной совет был распущен «ввиду сильной агитации членов совета и местных кулаков против советской власти», его председатель арестован, а «товарищам крестьянам» было предписано «подчиниться постановлению о перевыборе совета»¹⁴. Впрочем, это не привело к нормализации ситуации в колонии. По свидетельству бедняков, для спасения

своего совета «овцынские кулаки и богатеи» не останавливались ни перед чем, вплоть до командировок уполномоченных лиц к германскому и шведскому консулам. В результате и новые выборы прошли под контролем той же «кучки колонистов», на них явились «только свои люди», и совет «снова заблистал во всем своем буржуазном великолепии»¹⁵. Не видя иного способа решить проблему, местная группа сочувствующих РКП(б) под руководством председателя заводского комитета кирпичных заводов Е. Агитова решила «захватить власть революционным путем» и получила на это «принципиальное разрешение по телефону» от Шлиссельбургского военно-революционного комитета. Однако раньше, чем этот план был исполнен, прибывшим в волость уполномоченным Петросовета овцынский совет был повторно распущен. В сентябре 1918 г. власть перешла в руки Овцынского Временного революционного комитета, которому был подчинен вновь избранный совет, признанный наконец «удовлетворяющим требованиям конституции»¹⁶.

В новом составе совета определяли политику сторонники советской власти. Поэтому именно к исполкому Овцынской волости, как «образцовой в революционном порядке», власти Шлиссельбургского уезда обратились в ноябре 1918 г. за содействием в финансировании деятельности продовольственного отряда, добывавшего хлеб для Шлиссельбурга в Пензенской губернии. «Наши продотряды голодают, — сообщалось в телеграмме председателя Шлиссельбургского исполкома, — если в два дня не соберем 200 000 руб., придется бросить работу по закупке хлеба. Обложите контрибуцией кулаков, немедленно везите нам деньги»¹⁷. Во исполнение данного указания Овцынскими ревкомом и исполкомом была наложена контрибуция на «кулаков»-колонистов под предлогом штрафа за «тайную продажу» картофеля. За защитой овцынские колонисты обратились в Германское консульство в Петрограде. Консульством было направлено срочное обращение в Союз коммун Северной области (региональный орган власти на Северо-Западе России в 1918–1919 гг.), в котором сообщалось, что «колонисты германского происхождения деревни Овцыно» обложены контрибуцией, от которой освобождены крестьяне соседних русских деревень, а также указывалось, что наложение местными советами штрафов не

предусмотрено законом, и выдвигалось требование «устранить допущенную несправедливость»¹⁸. Заступничество консульства дало результаты: Союз коммун Северной области признал действия овцынского волостного совета незаконными, подтвердив, что на основании конституции местные советы не располагали правом наложения контрибуций и штрафов¹⁹.

Тот факт, что колонисты считали себя вправе обратиться в консульство и получили помощь, был связан с условиями Брестского мирного договора между Советской Россией и Германией, заключенного в марте 1918 г. Согласно дополнительным условиям договора, Германский рейх брал под свое покровительство проживавших в России колонистов немецкого происхождения, а принадлежавшие им земли объявлялись экстерриториальными владениями. Кроме того, у колонистов появлялась возможность «репатриироваться» на территорию Рейха. В Петрограде действовало Имперское представительство по репатриации и переселению (*Reichsstelle für deutsche Rückwanderung und Auswanderung*). Жителям немецких колоний Петроградской и Новгородской губерний было предложено переехать на занятую Германией в ходе Первой мировой войны территорию Лифляндии. В случае положительного решения они должны были получить документы как подданные Рейха и отправиться к новому месту жительства на присланных за ними в расположенные на берегу Невы Новосаратовку и Овцыно пароходах. Летом 1918 г. представители от петроградских и новгородских колоний ездили в Ригу для переговоров с местными немецкими землевладельцами и осмотра земель, предлагавшихся для их поселения. Однако переговоры не привели к соглашению, поскольку балтийские бароны были заинтересованы в постепенном выкупе земли и отработках, тогда как колонисты желали сразу же приобрести земли в собственность²⁰. После поражения Германии в Первой мировой войне в ноябре 1918 г. вопрос о репатриации уже не стоял.

Таким образом, при принятии решения о переселении колонисты руководствовались прежде всего экономическими соображениями. На тот момент происходившие в стране перемены не были восприняты ими как достаточное основание для того, чтобы оперативно воспользоваться возможностью покинуть Советскую

Россию, как это сделала большая часть городских немцев. В первый год после революции вмешательство государства в экономическую жизнь немецких колоний еще не выразилось в полной мере, хотя этот год был отмечен наиболее жестокими проявлениями насилия новой власти в отношении крестьянства страны в целом, связанными с выбранными ею методами разрешения охватившего страну продовольственного кризиса, причиной которого было объявлено противодействие со стороны сельской буржуазии, укрывающей запасы хлеба.

* * *

К весне 1918 г. Петроград, как и Москва, оказался отрезанным от хлебных регионов страны. В этих условиях важнейшее значение приобрело снабжение города продуктами местного производства, и прежде всего — картофелем. Торговля картофелем на столичном рынке к тому времени уже более столетия находилась в руках немецких колонистов, первыми приступивших к его возделыванию и являвшихся его основными производителями в регионе. Производство колонистами сельскохозяйственной продукции в объемах, значительно превышающих таковые у других категорий крестьянства, было обусловлено прежде всего принятой в немецких селениях подворной формой землевладения. При основании колоний в них законом был введен принцип майората, согласно которому предоставленные переселенцам российскими властями семейные наделы площадью 30–35 десятин в нераздельном виде передавались по наследству одному из сыновей. Отсутствие земельных переделов побуждало колонистов вкладывать силы и средства в повышение урожайности своих участков, а также толкало их к приобретению дополнительных земель и основанию дочерних колоний, где в основном также сохранялся майорат. Несмотря на произошедшие за полтора столетия изменения и частичное дробление семейных наделов, ко времени революции значительная доля земель в колониях оставалась в руках средних и крупных хозяйств, основанных на применении наемной рабочей силы и имевших ярко выраженный рыночный характер, что отличало немецкую деревню от русской, где существовала передельная община, а основная часть хозяйств не выходила за пределы самообеспечения. В общественном мнении

колонисты традиционно воспринимались как наиболее зажиточная часть крестьянства. При этом упускалось из виду наличие многочисленной группы безземельных и малоземельных жителей колоний, работавших батраками у «домохозяев» или находившихся за работок на городских предприятиях.

В тяжелые месяцы весны и лета 1918 г. в петроградской прессе сформировался и поддерживался образ колониста, наживавшегося на бедствии голодающих горожан. В 1918 г. картофель, в отличие от хлеба, не относился к числу продовольственных товаров, на торговлю которыми была введена государственная монополия. Как и другие крестьяне, колонисты не желали продавать продукты своего труда за быстро обесценивавшиеся деньги, что вызывало негативную реакцию властей и городских жителей. В апреле 1918 г. газета «Петроградский голос» в заметке под названием «Колонисты-мародеры» сообщала: «Стрельнинские колонисты, имеющие большие запасы картофеля, ни по какой цене не продают его за кредитные деньги, но зато охотно обменивают картофель на серебряные и золотые вещи, оценивая их по действительной стоимости веса металла, а картофель по 60 руб. за пуд»²¹. 12 мая 1918 г. вышло постановление петроградских властей о разрешении свободного ввоза в город картофеля и других продовольственных продуктов. О событиях ближайшего выходного дня газета «Петербургский листок» рассказала в заметке «За “картошкой”». «Тысячи изголодавшихся обывателей, — пишет корреспондент, — кинулись на вокзалы, чтобы в ближайших пригородах приобрести продукты, а главное, картофель, ввоз которого неограничен». Однако в селениях по линии Балтийской железной дороги крестьяне наотрез отказались продавать картофель за деньги, соглашаясь только обменивать его на вещи — обувь, одежду, белье. «По линии на Ораниенбаум, — продолжает автор, — искали картофеля в Стрельне у колонистов, но и тут встретилось препятствие: многие колонисты уклонялись от продажи, ссылаясь на то, что им надо сначала спеться и установить одинаковую цену»²².

После введения запрета на свободную торговлю картофелем немецкие колонии отказывались взаимодействовать с петроградским Комитетом по продовольствию, через который должны были

производиться его закупка и распределение. Газета «Петербургский листок» сообщала: «Свободная торговля картофелем на петроградском рынке ныне совсем прекращена, но прошлогодний урожай его остается нераспроданным окрестными колонистами. Последние, как единственные производители картофеля для Петрограда, говорят, что они решили весною более не производить у себя посадки, так как им негде его сбывать. А с продовольственным комитетом они не хотят иметь никакого дела, ибо они веками привыкли сбывать свой продукт непосредственно в руки обывателей»²³. Очевидно, что такая позиция колонистов не могла быть приемлемой для властей, перед которыми стояла задача встроить колонии в государственную систему распределения продовольствия.

* * *

К началу 1919 г., с введением продразверстки, оформились основные составляющие политики военного коммунизма, включавшей в себя в том числе запрет на частную торговлю и применение наемного труда в сельском хозяйстве, централизованное распределение продуктов и предметов потребления, всеобщую трудовую повинность.

В мае 1919 г. постановлением Народного комиссариата земледелия немецкие колонии в окрестностях Петрограда были переданы на правах приписанных к городу совхозов в ведение отдела по сельскому хозяйству Петроградского совета коммунального хозяйства (Совкомхоза)²⁴. Цель этой меры состояла в том, чтобы контролировать сельскохозяйственное производство в колониях, способствовать его расширению и обеспечивать выполнение колонистами поставок картофеля в город по твердым ценам в соответствии с заданными планами. Все полученные из колоний по продразверстке «излишки» должны были поступать в распоряжение Петроградского единого потребительского общества (Петрокоммуны), занимавшегося централизованным распределением продуктов питания и товаров между различными предприятиями и организациями.

Для реализации перечисленных задач в составе отдела по сельскому хозяйству Совкомхоза был сформирован отдельный орган —

Часть по эксплуатации немецких колоний (переименованная позже в Подотдел немецких колоний). Непосредственное руководство сельскохозяйственной жизнью немецких селений и контроль выполнения ими продразверстки должны были осуществлять направлявшиеся в них Совкомхозом «заведующие колониями». Колонистам, в свою очередь, предписывалось избрать уполномоченных, «которые, являясь связующим звеном между колонией и ее заведующим, в то же время помогали бы последнему в его работе по колонии»²⁵. На деле отношения жителей колоний с заведующими порой характеризовались как «враждебные»²⁶. Волостные и уездные советы также вступали с ними в конфликты, поскольку видели в лице представителей Совкомхоза конкурентов в осуществлении власти на местах. Члены местного совета Среднерогатской волости пытались вообще не допустить заведующего в колонию, заявив в Петроградский уездный исполком о «вторжении» на ее территорию «представителей Совкомхоза в лице тов. Савельева, который является якобы заведующим в немецкой колонии в Средней Рогатке», на что получили предписание арестовывать и препровождать в исполком всех лиц, не имеющих его разрешения «на то или иное действие» в волости²⁷. Стремясь урегулировать конфликты между заведующими колониями и местными советами, в июле 1920 г. президиум Петроградского губисполкома принял решение о четком разграничении полномочий между ними, оговорив, что заведующим не предоставляется «никаких административных прав по отношению к колонии», и признав возможной их работу «как наблюдающих за правильной обработкой земли, поднятием производительности и увеличением посевной площади»²⁸. Тем не менее уже после этого постановления высказывали свое недовольство «двоевластием» члены местного совета Новосаратовки, указывая на то, что командирование в колонии чиновников из Петрограда ведет к «полному разложению крестьянства», поскольку «массы не знают, кому подчиняться и кого слушать»²⁹.

Однако основным посредником во взаимодействии жителей колоний с государственными органами в период военного коммунизма являлись не местные советы, а Центральное общество немецких колонистов Петроградской губернии (ЦОНК). Оно было

создано в 1919 г. прежде всего с той целью, чтобы городские власти и Петрокоммуна «в интересах планомерного снабжения Петрограда картофелем и другими производимыми колонистами продуктами» имели дело с организацией, а не с отдельными производителями³⁰. Вступившие на добровольной основе в общество колонии выразили согласие сдавать государству продукцию по твердым ценам, которые должны были устанавливаться при участии правления общества применительно к реальным условиям хозяйствования в колониях. Таким образом, предполагалось наличие экономической заинтересованности колонистов во взаимодействии с продовольственными организациями и договорных отношений представлявшего их коллективного органа с городской властью. Правление общества располагалось в Петрограде по адресу: Гороховая ул., д. 41. Его председателем был избран житель Ново-Александровской колонии Христиан Людвиг.

Само Центральное общество колонистов позиционировало себя как «организация, стоящая на страже общих интересов»³¹. Сохранившиеся в фонде Губземуправления обращения руководства общества в различные инстанции представляют собой грамотно и аргументированно составленные документы, порой с намеренным использованием присущих советским чиновникам языковых формул. Избегая конфронтации во взаимоотношениях с властью, пытаясь использовать противоречия между отдельными государственными органами, оно нередко добивалось решения проблем, с которыми обращались жители колоний. В отличие от сельских и волостных советов с их классовым подходом, Центральное общество не являлось частью советского государственного аппарата и защищало интересы колонистов независимо от их имущественного положения и отношения к власти, наиболее полно выражая позицию всего колонистского сообщества.

* * *

Как на практике функционировала сформированная система взаимодействия власти с колонистами и в какой степени она способствовала выполнению задачи по снабжению Петрограда продовольствием?

Документы Части по эксплуатации немецких колоний позволяют составить представление о том, каким образом было организовано выполнение их жителями продразверстки — то есть изъятие «излишков» картофеля и другой продукции и передача их городу. Согласно инструкции Коллегии по реализации урожая в конце лета в каждом хозяйстве в присутствии заведующих колониями и членов местного совета делалась «пробная копка», по результатам которой можно было судить о предстоящем урожае с одной десятины земли и, соответственно, со всего отведенного под картофель земельного участка. Из рассчитанного таким образом количества пудов картофеля вычиталась установленная законодательством «продовольственная норма» на человека, умноженная на число «едоков» в семье. Также в хозяйстве должен был оставаться семенной картофель для посадки на следующий год. Остальное считалось «излишком». После сбора урожая весь «излишек» подлежал перевозке на организованный в каждой колонии охраняемый «ссыпной пункт», откуда картофель транспортировался в Петроград. Из колоний, лежащих по берегу Невы, перевозка в город осуществлялась баржами, но часть картофеля распределялась на месте. Заведующий Новосаратовской колонией, к примеру, докладывал в сентябре 1920 г., что с 24 по 28 число только из «верхней» половины селения им была организована погрузка 4922 пудов 22 фунтов (около 80 т) картофеля на баржу, присланную Петрокоммуну. От нее же были командированы продовольственный агент и грузчики. На ссыпном пункте и на барже картофель выдавался рабочим и служащим по норме³². Продовольственный агент Петрокоммуны в своем докладе так описывает этот процесс: «я занимался выкачкой картофеля, а тов. Трепова и Ф. Ад. Бич принимали, квитанции о приемке выдавал я»³³. Основная часть «выкачанного» таким образом в колониях картофеля распределялась между предприятиями Петрограда.

Несмотря на передачу колоний в ведение города, на их запасы пытались претендовать и несогласные с этим решением власти Петроградской губернии. В мае 1920 г. Центральное общество колонистов сообщало заведующему Совкомхоза Л. Михайлову, что губернские продовольственные органы «приступили к усиленно-

му отобранию» семенных запасов у колонистов. По их поручению волостной совет в Овцыно требовал передачи в его распоряжение овса, а Новосаратовский совет — картофеля в Веселом Поселке, Уткиной Заводи и Новосаратовке, заставляя при этом писать расписки, что он был отдан добровольно³⁴. По ходатайству правления общества изъятие запасов было прекращено. Помимо этого, продовольственным комиссарам Петроградского, Петергофского, Детскосельского и Шлиссельбургского уездов был запрещен самовольный вывоз продуктов из колоний под угрозой революционного трибунала и конфискации изъятых³⁵.

Власти стремились к максимально точному учету урожая в каждом хозяйстве и недопущению приписок. Так, руководство Части по эксплуатации немецких колоний сообщало заведующему Ново-Александровской колонии Плевалову, что в полученной из этого селения ведомости у Елизаветы Фогельгезанг вместо реальных трех едоков указаны восемь, на основании чего и была рассчитана «едовая норма» картофеля. А между тем проживавший у нее в доме Адам Ульрих не являлся членом ее семьи и отдельно сажал картофель в Новосаратовке, откуда вывозил с разрешения Совкомхоза 45 пудов для своего потребления. В связи с этим семье Фогельгезанг было оставлено «то, что полагается по норме для трех едоков»³⁶.

В качестве наказания за неполную сдачу «излишков» производилась конфискация всего картофеля, кроме «едовой нормы». К примеру, занимавшийся вывозом картофеля из Новосаратовки осенью 1920 г. уполномоченный по семенному фонду Л. Гурков доносил своему руководству: «Когда же было установлено, что часть колонистов своих излишков добровольно не сдают, я предложил заведующему колонией немедленно приступить к принудительному отбору у них картофеля, лишая их личного семенного, оставляя лишь едовую норму». И хотя, по словам чиновника, членами Новосаратовского волостного исполкома были высказаны возражения по этому поводу, «эти неподтвержденные заявления» не могли быть приняты им в расчет³⁷. Аналогичное предписание получил тогда же заведующий колонией Веселый Поселок от Части по эксплуатации немецких колоний: «Хозяев, отказывающихся выставить указанные в учетной ведомости излишки, привлечь к ответственности,

а весь наличный запас картофеля изъять из погребов их... оставить только лишь едовую норму с начислением 15 % на гниль»³⁸.

Доля «излишков» в составе совокупного урожая различалась от колонии к колонии. По подсчетам Т. А. Шрадер, сделанным на основе данных учетных ведомостей за 1919–1920 гг., в Ижорской колонии она составляла около 25 % всего собранного в колонии картофеля, в Смольной и Каменке — около 40 %, в Уткиной Заводи и Янино — около 45 %, в Новосаратовской — около 50 %, в Стрельнинской — около 60 %³⁹ (при этом данные ведомостей об урожаях могли не вполне соответствовать действительности).

Разница в доле «излишков» между хозяйствами внутри каждой колонии определялась числом «едоков» в хозяйстве и его продуктивностью, зависевшей от размера земельного надела, обеспеченности рабочими руками, инвентарем и скотом. Как правило, эта разница была более выражена в материнских колониях, где уровень имущественного расслоения был выше, чем в дочерних. В материнской колонии Новосаратовке, по данным проведенного в 1920 г. обследования колонистских дворов, около половины из 203 учтенных в ведомости хозяйств имели не более 3 дес. земли, при этом крайние группы представляли 32 хозяйства (15 % от общего числа), имевшие менее 1 дес., и 15 хозяйств (7,5 %), имевшие более 9 дес. земли⁴⁰. Инвентарем хозяйства были обеспечены более равномерно, однако полный набор передовых на то время сельскохозяйственных орудий имелся только в нескольких из них⁴¹. В то же время, к примеру, в дочерней колонии Гражданка большая часть хозяев имели наделы от 5 до 10 дес., в Ново-Александровской — от 7 до 9 дес., в Малой колонии — от 6 до 9 дес. земли⁴².

Соответственно, различались и абсолютные объемы сдававшейся хозяйствами по продразверстке продукции. Так, по данным ведомости за 1920 г. материнской Колпинской (Ижорской) колонии, у 91 хозяйства было изъято в общей сложности около 8 тыс. пудов (131 т) только семенного картофеля. При этом две трети этого объема внесли 32 хозяйства (35 % от общего числа), сдавшие по 100 и более пудов. Вклад крупных хозяйств выглядит еще более значительным, если указать, что четверть всех поставок семенного картофеля этой колонии обеспечили 8 хозяйств, внесших по

200 и более пудов. Максимальная величина изъятого «излишка» составила 327,5 пуда, или 5,4 т (хозяйство Федора Шмидта из д. 122) минимальная — 6 пудов, или 98,3 кг (хозяйство Петра Муса из д. 104), средняя для всей колонии — около 90 пудов, или 1,5 т⁴³.

О величине изымавшихся «излишков» в дочерней колонии Веселый Поселок, где, по оценке членов волостного совета, было «одно лишь кулацкое население»⁴⁴, а по данным ведомости, 7 хозяйств из 26 имели наделы от 9 до 18 дес.⁴⁵, дает представление расчет, сделанный для хозяйства Карла Шмидта. По результатам «пробной копки» на участке Шмидта урожай картофеля должен был составить 867 пудов (14,2 т). Из них на пропитание семьи по «потребительской норме» предполагалось оставить 92 пуда, на семена — 150 пудов и «на рабочие руки» — 25 пудов, что в совокупности составляло 30 % урожая. Таким образом, 70 % собранного картофеля (600 пудов, или 9,6 т) составлял «излишек», подлежащий сдаче государству (при этом Шмидт «не выставил ни одного пуда излишка», пока заведующий колонией Казаков, имея на руках распоряжение за подписью председателя Губземотдела, сам не вывез из его хозяйства в общий погреб 435 пудов картофеля)⁴⁶.

Поскольку основная доля поставок по продразверстке приходилась на крупные хозяйства, ранее в наибольшей степени вовлеченные в рыночные отношения, власти вопреки провозглашавшимся принципам уравнительности не стремились к сокращению землепользования таких хозяйств и следили за тем, чтобы активно пошедший после революции процесс раздела семейных участков не приводил к их чрезмерному дроблению. «Имущим» в первую очередь предоставляли посадочный материал⁴⁷ и выделяли его дополнительные объемы «на расширение»⁴⁸. Шли им навстречу и при обеспечении необходимым инвентарем. Так, поддержав заявление овцынского колониста А. Брауна о передаче в аренду веялки, заведующий колонией обосновал это тем, что «братья Браун имеют хозяйство в 15 дес. и могут дать порядочное количество семенного материала»⁴⁹. Судя по выделению вышеупомянутому Карлу Шмидту из Веселого Поселка нормы картофеля «на рабочие руки», подразумевалась и возможность использования «производящими» хозяйствами наемного труда.

Однако усилия, направленные на сохранение и расширение объема посадок картофеля, не могли принести значительных результатов в ситуации, когда основная доля произведенной продукции должна была сдаваться государству по убыточным ценам. В нарушение условия о согласовании «твердой цены» с представителями колонистов, эта цена была в директивном порядке установлена Народным комиссариатом продовольствия на год вперед без возможности пересмотра. Более того, в 1919 г. в немецких колониях твердая цена за пуд картофеля (50 руб.) была в два раза ниже той, по которой его сдавали государству огородники в черте Петрограда (104 руб.), поскольку к колониям применялся порядок расчета, принятый для селений Петроградской губернии. Центральное общество колонистов и Совкомхоз неоднократно предпринимали совместные попытки добиться применения к колониям городских правил расчета твердой цены (хотя и она не являлась экономически оправданной), но все они отвергались Наркоматом продовольствия⁵⁰. Ситуацию усугубляло то, что даже начисленные по заниженным расценкам суммы поступали в колонии с многомесячным опозданием, когда вследствие высокой инфляции они успевали обесцениться. Так, о колонии Овцыно сообщалось летом 1920 г., что ею до сих пор не были получены деньги за «излишки», сданные осенью 1919 г.⁵¹

Естественным следствием этого положения являлось стремление колонистов, как и всего крестьянства в целом, к сокращению посадок, занижению показателей урожая и сокрытию «излишков», что вело к срыву планов выполнения продразверстки.

По свидетельству Части по эксплуатации немецких колоний, одним из немногих немецких селений, сдавших запланированный объем картофеля за 1919 г. (80 тыс. пудов, или 1,3 тыс. т) и не сокративших посадки на 1920 г., являлось Овцыно⁵². Об увеличении посадок в 1920 г. отчитался заведующий колонией Средняя Рогатка⁵³. Судя по отчетным ведомостям, выполнила задание за 1920 г. и Стрельнинская колония, однако, по мнению ее заведующего Прижимова, представленные данные не вызывали доверия, поскольку при их проверке обнаружилась «огромная путаница»⁵⁴. В части хозяйств указанные в ведомости «излишки» были ниже

предполагавшихся по результатам «пробной копки», у других же указанный «излишек» был больше всего планировавшегося урожая. На основании этого заведующий делает заключение, что «пробная копка не была проведена официально... вся работа протекала неясно-приблизительно, и откуда брались цифры вывода, не видно». Причины такой ситуации Прижимов видит в «неумелом» либо «в самом халатном» отношении или же в том, что дело велось «в личных интересах с корыстной целью»⁵⁵.

С наибольшими же проблемами при выполнении продразверстки власти столкнулись в Новосаратовской колонии. В 1919 г. здесь планировалось изъять 100 тыс. пудов картофеля (более 1,6 тыс. т), однако план был выполнен лишь на 17 % — то есть сдано 17 тыс. пудов (278,4 т). В следующем году план был понижен на треть, но и при этом выполнен менее чем наполовину — вместо 65 тыс. пудов сдано 28 тыс. пудов (458,6 т)⁵⁶. «Инстинкты колонистов грубо-кулаческие», — писал в своем заключении о положении в Новосаратовке заведующий Частью по эксплуатации немецких колоний А. Калайда, предлагая наказать колонию наложением контрибуции и сменить состав волостного совета, не стремившегося, по мнению властей, активно выступать против настроений большинства⁵⁷. Противодействие жителей Новосаратовки продразверстке власти рассматривали как часть их общего негативного отношения к «начинаниям руководящего центра» и как проявление «до сих пор еще не исчезнувшей в колонии жажды к спекуляции и наживе»⁵⁸.

* * *

Под спекуляцией понималась продажа колонистами картофеля и другой продукции в городе по рыночным ценам вместо сдачи государству по твердой цене. Согласно декрету Совета народных комиссаров от 22 июля 1918 г. «О спекуляции», за скупку и сбыт монопольных продуктов грозило лишение свободы на срок не менее 10 лет, а за незаконную продажу нормированных продуктов питания по ценам выше твердых — не менее 5 лет. Тем не менее на протяжении всего периода военного коммунизма в Петрограде, как и в других городах, параллельно с государственной системой распределения активно функционировал отчасти нелегальный рынок

продовольствия, обеспечивавший значительную долю потребностей городских жителей в продуктах питания⁵⁹. Представление о рыночных ценах на картофель и их динамике в 1918–1919 гг. дают следующие цифры: в августе 1918 г. фунт (400 г) картофеля стоил 3 руб. 50 коп., в январе 1919 г. — 7 руб. 60 коп., в апреле 1919 г., по разным данным, от 11–13 руб. до 17 руб., а к ноябрю подорожал еще в два раза⁶⁰. Таким образом, «твердая цена», установленная для колоний на картофель урожая 1919 г. (50 руб. за пуд, то есть 1,25 руб. за фунт), к концу этого года составляла не более 5 % от рыночной.

Колонисты являлись активными участниками городского рынка продовольствия, несмотря на наличие строгого запрета на самостоятельный вывоз продуктов и фуража из колоний и принимавшиеся властями меры по его предотвращению. К числу таких мер относились вооруженная охрана «ссыпных пунктов» и погребов с изъятым по подраэверстке картофелем, а также установка заградительных отрядов на выездах из колоний. Так, часть по эксплуатации немецких колоний обращалась в октябре 1920 г. в Совет Невского района с просьбой ввиду временного отсутствия заведующего Ново-Александровской колонией «сделать срочное распоряжение о постановке заградительных отрядов по обе стороны колонии», поскольку имеется «возможность злоупотребления с картофелем со стороны колонистов»⁶¹. Заведующий Средне-рогатской колонией Сурин также просил «снестись о заградотряде с Невским районом во избежание спекуляции»⁶².

Полный запрет на вывоз касался не только крупных партий продовольствия и прочих ресурсов в город, но и их перемещения между колониями, нарушая сложившиеся между ними хозяйственные связи и обмен. К примеру, жители Ижорской колонии имели мало сенокосных угодий и традиционно покупали сено в других немецких селениях. Теперь для получения разрешения на приобретение сена у жителей Овцыно и Новосаратовки «из оставленной им нормы» потребовалось проведение общего собрания и согласование решения с Частью по эксплуатации немецких колоний⁶³. Разрешение требовалось и на перевозку личных продовольственных запасов колонистов. Многие из них обрабатывали участки, находившиеся в других колониях, и вынуждены были обращаться

в Совкомхоз по поводу вывоза урожая, как, например, житель колонии Ново-Шувалово А. Штро, просивший позволения забрать выращенный им на земле колониста Герлемана из Новосаратовки 81 пуд картофеля и скошенные там же 200 пудов сена⁶⁴.

Наряду с заведующими колониями и местными советами, борьбу со спекуляцией видел своей задачей и просоветский «актив» немецких селений — члены партийных ячеек и созданных в рамках политики военного коммунизма комитетов деревенской бедноты. К примеру, члены новосаратовской ячейки РКП(б) на заседании в июле 1919 г., констатируя, что население колонии «заражено спекуляцией», приняли решение объявить, что «тот, кто будет пойман на спекуляции, будет посажен в тюрьму без замены штрафом»⁶⁵, а в апреле 1920 г. выступили с предложением к волисполкому направлять уличенных в спекуляции в первых рядах на выполнение трудовой повинности, «не исключая женского персонала» (при этом в документах есть свидетельства о перепродаже продовольствия самими членами ячейки и их окружением)⁶⁶.

Овцынская ячейка РКП(б) также настаивала на принятии «самых крутых мер» к кулакам. Одной из основных причин описанного выше конфликта в Овцыно летом 1918 г. был вопрос о продовольствии, поскольку «спекуляция на голодном желудке бедняка росла с невероятной быстротой»⁶⁷. Но двукратная смена состава совета не помогла его решению, и весной 1919 г. овцынские коммунисты вновь поднимали проблему «прогрессирующего развития спекуляции» в колонии⁶⁸. В качестве метода борьбы с «кулаками-спекулянтами» применялся классовый подход при выполнении производившихся в колонии реквизиций. Так, получив осенью 1919 г. предписание отправить в Петроград 100 пудов овса, овцынский совет дал указание изъять весь этот объем фуража у девяти домохозяев (в список вошли Ф. Х. и Г. Х. Финк, Я. М., Ф. М. и Ш. Я. Далингер, Ф. Я. Бич, А. И. Рейх, Я. Ф. Брейнер и В. С. Лангинен)⁶⁹.

Конкретные меры по борьбе со «спекулянтами» предпринимал и Новосаратовский комитет бедноты. Один из эпизодов такой борьбы получил отражение в составленном в декабре 1918 г. протоколе задержания группы колонистов, уличенных в систематической «спекуляции» картофелем. Как явствует из протокола, эти

жители колонии, уклонившись от призыва в армию, «ради того, чтобы остаться на учете», устроились на работу в Продовольственной управе и «каждый раз, когда едут в город, берут с собой картофель для продажи по чрезвычайно высокой цене» (7 руб. 50 коп. за фунт). «Мы решили, во что бы то ни стало, отнять у них картофель, потому что очень много вывезут», — пишут члены комбеда. Устроив засаду на выезде из колонии, они задержали 12 человек, каждый из которых пытался вывезти от 2 до 18 пудов картофеля (всего 73 пуда, или около 1,2 т). При этом все задержанные «говорили угрозы» членам комбеда и ругали их «матерными словами», в том числе Федор Штерн, у которого не стали отбирать имевшиеся при нем 20 фунтов (8 кг) картофеля⁷⁰.

В случае применения к жителям колоний жестких мер под предлогом борьбы со спекуляцией в их защиту выступало Центральное общество колонистов. Так, когда зимой 1920 г. Петрокоммунной было сделано распоряжение об изъятии семенного картофеля у всех хозяйств колонии Янино в наказание за продажу картофеля на рынке несколькими колонистами, правление общества обратилось в Тройку по реализации урожая с просьбой отменить данное решение, ссылаясь на интересы жителей как колонии, так и города. В своем обращении оно указывало, что, «только находясь в руках колонистов, людей долголетнего опыта и практики, отбираемый ныне картофель будет способствовать своему назначению», и высказывало опасение, что несправедливое решение Петрокоммуны «может быть началом выхода данной колонии, а за ней и других из состава общества», что повлечет за собой негативные последствия для продовольственного снабжения Петрограда⁷¹.

Несмотря на то что из-за сокрытия части продовольствия планы по продразверстке выполнялись колонистами не в полном объеме, на состоявшемся в конце 1919 г. совещании представителей Губпродкома, отдела по сельскому хозяйству, Коллегии по реализации урожая и Петрокоммуны констатировалось, что «значение немецких колоний в отношении снабжения Петрограда и северных армий в текущем году было чрезвычайно велико»⁷². Вместе с тем участники совещания указывали, что площадь посадок картофеля в колониях в 1919 г. сократилась на 50 % по сравнению с 1918 г.,

и высказывали опасение, что сохранение низких закупочных цен «может совсем убить производство колоний в будущем году»⁷³. В 1920 г. сокращение площади под картофелем в колониях продолжилось. В частности, данные по крупнейшей из них — Новосаратовской — свидетельствуют о том, что по итогам 1920 г. эта площадь составляла около трети от уровня 1917 г. (125,6 дес. вместо 357 дес.)⁷⁴.

* * *

Еще одним важнейшим видом продукции, изымавшимся по разверстке в колониях, являлся фураж (сено и солома). Он был необходим везде, где использовались лошади в качестве тягловой силы и средства передвижения, — на предприятиях, в городском хозяйстве, военных частях. Государственные совхозы, созданные на базе национализированных помещичьих имений, также зачастую были не в состоянии самостоятельно обеспечить себя кормом для скота. Порой немецкая колония являлась единственным на весь район источником фуража, на получение которого претендовало множество бедствующих учреждений и предприятий, как, например, небольшая колония Каменка в Парголово-мском районе. Правление Парголово-мской райкоммуны в январе 1921 г. обращалось в Часть по эксплуатации немецких колоний с просьбой срочно сделать распоряжение об изъятии 2000 пудов (32,8 т) «излишков» соломы из колонии Каменка, обосновывая это тем, что «острая нужда в фураже в нашем районе может послужить причиной падежа скота»⁷⁵. В других обращениях говорилось о необходимости взять из Каменки 500 пудов соломы для совхоза «Лахта» и 1000 пудов для фермы бывшего имения «Каменка», а также для Горского совхоза, где «ни сена, ни соломы совершенно нет и скот обречен на уничтожение»⁷⁶.

Из Веселого Поселка поставлялись сено и солома для городских конюшен, отсюда же рассчитывала получить 1500 пудов соломы колония «Третий Интернационал» Петроградского отдела соцобеспечения и 400 пудов — Организация молочниц Василеостровского района, указывавшая, что от этой поставки зависит выполнение ею молочной повинности. Правление Колпинской райкоммуны просило разрешить вывезти весь излишек соломы из колонии Овцыно, совхоз в Рябово желал получить сено из Новосаратовской колонии,

Петербургское трудовое общество сельского хозяйства — из колонии Гражданка, а из Малой колонии поставлялся фураж для конного обоза Транспортной части⁷⁷.

Ждали поставок из колоний многочисленные промышленные предприятия — Путиловский, Сестрорецкий оружейный и Ижорский заводы, Петроградские ниточно-трикотажные фабрики, Усть-Ижорская верфь, Невская фабрика, Завод резиновой промышленности⁷⁸. По линии военного ведомства изымался фураж из Новосаратовской колонии для Петроградского пехотного полка и Петроградских пехотных командных курсов, из Ново-Александровской — для Военкомпета⁷⁹, из Овцыно — для гарнизона Шлиссельбургской крепости⁸⁰. В период действия в Петроградской губернии военного положения, помимо поставок по разверстке, происходили дополнительные реквизиции фуража в колониях. Так, осенью 1919 г. овцынский волостной совет приказывал всем домохозяевам ежедневно подвозить к баржам на Неве не менее трех возов сена для действующей армии, угрожая, что не исполнившие приказ «будут считаться противниками советской власти и понесут соответствующее наказание»⁸¹. Помимо вывоза сена и соломы, заготовленных колонистами, властями выдавались разрешения предприятиям и военным частям на производство самостоятельных покосов на землях немецких селений⁸². Следствием всех этих мер был недостаток фуража в колониях, что, в свою очередь, являлось одной из причин сокращения поголовья скота в колонистских хозяйствах.

* * *

Помимо изъятия произведенной продукции, значительный экономический урон колониям наносили принудительные работы в рамках всеобщей трудовой повинности, лишавшие хозяйства части рабочих рук и лошадей. Наиболее распространенной формой выполнения трудовой повинности были трудовые мобилизации. Трудовой мобилизации подлежали мужчины от 18 до 50 лет и женщины от 18 до 45 лет. Очередную мобилизацию объявляла Петроградская губернская комиссия по всеобщей трудовой повинности, регистрация мобилизованных и «разбивка на смены работ» должна была происходить в местном военном комиссариате. Непосред-

ственную ответственность за выполнение трудовой повинности несли комитеты по труду местных советов. Как указывалось в оповещении Новосаратовского волкомтруда о мобилизации в октябре 1920 г., «все уклонившиеся от явки и лица, их укрывающие, рассматриваются как дезертиры труда, приравняются к дезертирам фронта и подвергаются суровой ответственности на основании законов военного времени»⁸³. В похожем духе оповещала о трудовой мобилизации в октябре 1919 г. овцынская «ревтрояка». Не явившихся на нее угрожали отправить в принудительном порядке на окопные работы⁸⁴. Помимо угроз, партийный и советский актив пытался воздействовать на колонистов собственным примером. «На этих днях будет производиться трудовая повинность всех граждан, — говорилось на собрании новосаратовской ячейки РКП(б) в апреле 1920 г., — а мы как партийные должны дать пример нашему кулацкому населению и без всяких отлагательств пойти на трудовую повинность сразу же по получении повестки от Исполкома»⁸⁵. Сами местные советы также могли мобилизовать жителей колоний для выполнения конкретных работ.

Основным видом трудовой повинности для колонистов, как и для крестьянства страны в целом, являлась гужевая (или «подводная») повинность: работы по перевозке грузов для армии, промышленности или городского хозяйства на своем гужевом транспорте. В качестве примера того, как была организована отправка на работы, можно привести объявление Овцынского волисполкома, гласившее, что 22 октября 1919 г. жители колонии должны явиться к 6 часам утра на сборный пункт с лошадьми, запряженными в большие телеги, имея при себе запасы фуража и продовольствия на три дня. На время мобилизации в колонии надлежало оставить 10 лошадей, каждая из которых должна была «обслуживать» 10 дворов⁸⁶. Колонисты занимались перевозками грузов для Петрокоммуны, а также работали на очистке города в Петроградском отделе благоустройства. Лошади и возчики из разных колоний направлялись «для работ по транспорту» в распоряжение армейских подразделений: из Новосаратовки — 7-й армии, из Овцыно — 55-й стрелковой дивизии, из Уткиной Заводи — транспортного отдела Петроградского укрепрайона,

из Гражданки — 3-й военно-инженерной дистанции⁸⁷. Центральному обществу колонистов приходилось прикладывать большие усилия, добиваясь возвращения в колонии мобилизованных лошадей на период сельскохозяйственных работ, однако эти усилия не всегда давали результаты⁸⁸. Острая нехватка рабочего скота побуждала общество просить Совкомхоз о мобилизации на посевную в колонии частных лошадей из Петрограда⁸⁹. Попытки Центрального общества добиться освобождения колонистов от гужевой повинности не приносили успеха⁹⁰.

Гужевая повинность была связана с исполнением еще одного распространенного вида принудительных работ — дровяной повинности, то есть работы в лесу по заготовке и перевозке топлива. Случалось, что в колонию приходили наряды на одновременное выполнение нескольких видов трудовой повинности. Так, в октябре 1920 г. в сельский совет Веселого Поселка пришло отношение Комитета по труду о привлечении рабочей силы на заготовку леса. Однако, как сообщал заведующий колонией казаков, часть лошадей в это время работала на очистке города в отделе благоустройства, другая состояла в транспорте Петрокоммуны, а их хозяева были арестованы. При этом требовались еще подводы для перевозки изъятого по продразверстке картофеля на ожидавшую погрузку баржу Петрокоммуны⁹¹.

Во время действия военного положения работники с подводами мобилизовывались на строительство оборонных сооружений. При этом предписывалось организовывать «волостные отряды» из мужского населения, физически способного к земляным работам, «преимущественно из кулацкого элемента»⁹².

У колонистов, на всем протяжении жизни в России сохранявших личную свободу, не знавших в прошлом присущей крепостному праву барщины и никогда не привлекавшихся к принудительному труду, трудовая повинность не могла не вызвать сопротивления, проявлявшегося, впрочем, преимущественно в форме невыхода на работы. При этом применение к немецким крестьянам насилия не могло являться решением проблемы, чего не понимали сталкивавшиеся с саботажем чиновники из Петрограда. Ярким примером такого непонимания служит поданный в ноябре

1920 г. своему руководству рапорт уполномоченного по семенному фонду Л. Гуркова о попытке привлечь колонистов Новосаратовки к перевозке в общие погреба изъятого им в колонии картофеля. Прибыв в колонию, он попросил волостной совет «организовать мобилизацию рабочей силы». Волисполком предоставил ему список мобилизованных в составе 7 мужчин и 20 женщин. «Объявленная волисполкомом мобилизация, — пишет Гурков, — на граждан произвела небольшое впечатление, и часть на работу не вышла... Я предложил волисполкому арестовать всех не явившихся с привлечением их на принудительные работы». Однако, по словам чиновника, ни один человек не был арестован, а заместитель председателя волисполкома А. Венедиктов так объяснил ему это решение: «Ведь Вы ссыплете картофель, товарищ, и уедете, а нам здесь нужно будет работать и дальше»⁹³. «Невольно задаешь себе вопрос, — недоумевает Гурков, — неужели же волисполком из нежелания обострять отношения с местным населением, не может наказать провинившегося, да еще мобилизованного гражданина и тем самым заставить других быть более исполнительными? ...В какие же условия работы я поставлен? Не имея возможности организовать необходимую рабочую силу, я в то же время не могу наказать колониста?..»⁹⁴

Более жесткий конфликт колонистов с властями по поводу трудовой мобилизации произошел в колонии Овцыно. Летом 1920 г. Шлиссельбургским уездным исполкомом было издано распоряжение о направлении 30 женщин на кирпичные заводы. Часть мобилизованных сразу отказалась выйти на работы, другие покинули завод, отработав несколько дней под угрозой ареста. Шлиссельбургским исполкомом на всю колонию был наложен штраф в размере 500 тыс. руб. за систематическое уклонение ее жителей от трудовой повинности, которое «разлагающе действовало» на других мобилизованных и «подрывало авторитет» исполкома⁹⁵. Однако вносить деньги в уплату штрафа колонисты также отказались. В наказание были арестованы и отправлены в качестве заложников в Шлиссельбургскую крепость «наиболее достойные» из жителей Овцыно, включая «уполномоченных» колонии — Г. Х. Финк, Я. И. Ро, П. Ф. Бич, М. А. Иккерт, И. М. и П. М. Лангинен. Цен-

тральное общество колонистов обратилось к председателю Совкомхоза Л. Михайлову с просьбой принять меры к освобождению задержанных и отмене штрафа, подчеркнув, что распоряжение было получено в разгар полевых работ, тогда как «согласно правительственным заданиям необходимо все силы употребить на достижение наиболее благоприятных результатов сельскохозяйственной кампании»⁹⁶. Инцидент в Овцыно дал повод правлению общества в очередной раз затронуть вопрос о трудовой мобилизации в более широком контексте. Отмечая, что назначение женщин и девушек на трудовую повинность в последнее время начинает практиковаться почти во всех колониях, правление общества предлагало рассмотреть вопрос о полном освобождении жителей колоний от «принудительных работ», поскольку в качестве трудовой повинности может рассматриваться сама их работа на полях в пользу государства⁹⁷.

В конфликте между жителями Овцыно и уездными органами власти руководство Совкомхоза, видевшее основную задачу колоний в снабжении города продовольствием, встало на сторону колонистов. В обращении, направленном им в президиум исполкома Петроградского совета, подчеркивалось «большое значение, которое имеет для голодного Петрограда... такая производящая колония, сдающая исправно свои крупные излишки городу». Указывая, что примененные санкции «подрывают авторитет Петрограда, для которого ведутся сейчас работы в Овцыно», Совкомхоз просил Петросовет предписать Шлиссельбургскому исполкому в срочном порядке освободить заложников и снять наложенную контрибуцию⁹⁸.

Вместе с тем колонистов и в дальнейшем продолжали привлекать к трудовой повинности. Последняя трудовая мобилизация в немецких селениях в эпоху военного коммунизма была связана с событием, послужившим поводом к ее завершению, — восстанием в Кронштадте. В дни «мятежа» жители ряда колоний работали в охране на Лахтинской дороге, возчики с подводами направлялись в распоряжение красноармейских частей, а затем — на лед Финского залива для «ликвидации последствий» подавленного выступления⁹⁹.

* * *

Изучение взаимодействия с колонистами органов новой власти — местных советов и Части по эксплуатации немецких колоний — показывает, что обеспечение выполнения жителями колоний продразверстки и трудовой повинности достигалось преимущественно насильственными методами. В то же время зависимость от поставок в Петроград продовольствия из колоний, бывших в силу исторически сложившихся обстоятельств монополистами в производстве картофеля в регионе, побуждала власть в определенных случаях идти на компромиссы, а отчасти и на нарушение принципов политики военного коммунизма, о чем свидетельствует курс на сохранение и воспроизводство крупных («производящих») хозяйств, на долю которых приходился основной объем сдававшейся государству продукции.

Организованную защиту интересов жителей колоний перед властью осуществляло Центральное общество немецких колонистов, объединявшее все немецкие селения региона. Стихийными формами противодействия мерам военного коммунизма являлись укрытие части продовольствия и невыход на принудительные работы.

В ситуации экономического кризиса послереволюционных лет немецкие колонии играли важную роль в снабжении Петрограда не только за счет поставок картофеля и фуража в рамках продразверстки, но и за счет нелегальной рыночной торговли, участие в которой обуславливало восприятие колонистов властью и частью городского населения как «кулаков» и «спекулянтов».

Вместе с тем основным экономическим итогом политики военного коммунизма и ответом немецких крестьян на действия власти стало резкое (по некоторым данным — трехкратное) сокращение производства картофеля в колониях в течение 1918–1920 гг.

Важнейшим социальным последствием этой политики явилось формирование негативного отношения к советской власти у большей части населения немецких колоний. В докладе Немецкого подотдела при Наркомнаце о положении петроградских колоний, составленном в 1921 г., говорилось о восприятии их жителями советской власти «не как власти рабочих и крестьян, но как власти

русских» и появлении у них «шовинистического чувства»¹⁰⁰. Об этом же шла речь в середине 1920-х годов в одном из отчетов в партийные органы, где указывалось, что колонистов до сих пор мучает воспоминание о «революционном времени», когда «реквизировали только у немцев, и эти же русские брали это». Отношение колонистов к советской власти и русскому населению, обусловленное имевшей место несправедливостью, характеризуется в отчете такими словами, как «неудовольствие», «антагонизм» и «ненависть»¹⁰¹. Это отношение несколько сгладилось на фоне экономических успехов последних лет НЭПа, однако драматические события последующих исторических периодов оставили еще более тяжелый след в памяти переживших их жителей немецких колоний.

Библиография

Источники

Центральный государственный архив Санкт-Петербурга

- ЦГА СПб. Ф. 142. Оп. 2. Д. 100.
- ЦГА СПб. Ф. 142. Оп. 2. Д. 239.
- ЦГА СПб. Ф. 469. Оп. 2. Д. 14 А.
- ЦГА СПб. Ф. 551. Оп. 1. Д. 8.
- ЦГА СПб. Ф. 793. Оп. 1. Д. 38.
- ЦГА СПб. Ф. 793. Оп. 1. Д. 68.
- ЦГА СПб. Ф. 2004. Оп. 1-1. Д. 730.
- ЦГА СПб. Ф. 2004. Оп. 1-1. Д. 746.
- ЦГА СПб. Ф. 5225. Оп. 1. Д. 929.
- ЦГА СПб. Ф. 7081. Оп. 1. Д. 12.
- ЦГА СПб. Ф. 7081. Оп. 1. Д. 22.
- ЦГА СПб. Ф. 7081. Оп. 1. Д. 29.

Центральный государственный архив

историко-политических документов Санкт-Петербурга

- ЦГАИПД СПб. Ф. 5. Оп. 1. Д. 735.
- ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 1. Д. 11476.
- ЦГАИПД СПб. Ф. 522. Оп. 1. Д. 116.
- ЦГАИПД СПб. Ф. 9346. Оп. 1. Д. 1.
- ЦГАИПД СПб. Ф. 9346. Оп. 1. Д. 3.
- ЦГАИПД СПб. Ф. 9346. Оп. 1. Д. 11.
- ЦГАИПД СПб. Ф. 9346. Оп. 1. Д. 12.
- ЦГАИПД СПб. Ф. 9346. Оп. 1. Д. 19.

Научная литература

Бахмутская Е.В. Образование немецких колоний в Санкт-Петербургской губернии (вторая половина XVIII — начало XX в.) // Немцы в России: Петербургские немцы: сб. науч. ст. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. С. 233–245.

Бондарев С. В. Рыночная торговля в Петрограде в 1917–1921 гг.: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2015. 221 с.

Вибе П. П. Немецкие колонии Сибири в условиях социальных трансформаций конца XIX — первой трети XX в. Омск: Наука, 2011. 320 с.

Герман А. А. Немецкая автономия на Волге. 1918–1941 гг. М.: МСНК-пресс, 2007. 576 с.

Давыдов А. Ю. Нелегальное снабжение российского населения и власть. 1917–1921 гг. СПб.: Наука, 2002. 344 с.

За «картошкой» // Петербургский листок. 1918. 14 мая. С. 4.

Иголкин А. А. Военный коммунизм: политика против экономики // Гражданская война в России 1917–1922: очерки экономической и политической истории. М.: Изд-во Ипполитова, 2004. С. 186–249.

Кабанов В. В. Крестьянское хозяйство в условиях военного коммунизма. М., 1988. 303 с.

Колонисты-мародеры // Петроградский голос. 1918. 27 апр. С. 4.

К сокращению производства овощей // Петербургский листок. 1918. 10 апр. С. 4.

Лебедева Е. В. Разные роли в общей драме: судьбы семей Брейнер и Шторц в контексте истории Новосаратовской немецкой колонии (1910-е — 1940-е гг.) // Немцы в Санкт-Петербурге: Биографический аспект. XVIII–XX вв. / отв. ред. Ю. В. Бучатская. Вып. 13. СПб.: МАЭ РАН, 2022. С. 313–336.

Павлюченков С. А. Военный коммунизм в России: власть и массы. М.: Русское книгоиздательское товарищество — История, 1997. 272 с.

Петроград на переломе эпох. Город и его жители в годы революции и Гражданской войны / под ред. В. А. Шишкина. СПб.: Русская тройка — СПб, 2013. 542 с.

Федорук Н. С. Страницы истории немецких колоний в Новгородской губернии в XIX — первой половине XX в. // Немецкие колонии Новгородской губернии в первое десятилетие советской власти (1918–1927 гг.): сб. документов. СПб.: Нестор-История, 2017. С. 10–39.

Федорук Н. С. Хозяйственная деятельность и повседневная жизнь немецких поселенцев на Новгородской земле. 1821–1941 гг. // Немецкие колонии Новгородского и Чудовского районов Ленинградской области (1927–1941 гг.): сб. документов. СПб.: Нестор-История, 2019. С. 9–73.

Фефелов С. В. Диктатура большевиков и крестьянство в 1918–1921 гг.: у истоков тоталитаризма (На материалах Централ. Черноземья России): дис. ... д-ра ист. наук. Орел, 2000. 478 с.

Ходяков М. В. «Горячешный и триумфальный город». Петроград: от «военного коммунизма» к НЭПу: документы и материалы / [сост. и авт. предисл. М. В. Ходяков]. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2000. 397 с.

Шайдунов В. Н., Ломанов В. А. Немецкие колонисты Северо-Запада России в условиях послереволюционной действительности (1918–1922 годы) // Научный диалог. 2023. Т. 12. № 6. С. 488–503.

Шрадер Т. А. Социально-экономическое положение немецких колонистов Петроградской губернии (Ленинградской области) в 1920–1930-е гг. // Немцы России в контексте отечественной истории: общие проблемы и региональные особенности: материалы междунар. науч. конф., Москва, 17–20 сентября 1998 г. М.: Готика, 1999. С. 156–173.

Koch E. Die deutschen Kolonien Nordrusslands: Eine siedlungswirtschaftsgeographische und kulturhistorische Untersuchung. Würzburg, 1931. 102 S.

* * *

¹ Шрадер Т. А. Социально-экономическое положение немецких колонистов Петроградской губернии (Ленинградской области) в 1920–1930-е гг. // Немцы России в контексте отечественной истории: общие проблемы и региональные особенности: материалы междунар. науч. конф., Москва, 17–20 сентября 1998 г. М.: Готика, 1999. С. 156–173; Шайдунов В. Н., Ломанов В. А. Немецкие колонисты Северо-Запада России в условиях послереволюционной действительности (1918–1922 годы) // Научный диалог. 2023. Т. 12. № 6. С. 488–503.

² История немецких колоний северо-западного региона в описываемый период нашла свое отражение в публикации документов Государственного архива Новгородской области и в обобщающих статьях Н. С. Федорук: Федорук Н. С. Страницы истории немецких колоний в Новгородской губернии в XIX — первой половине XX в. // Немецкие колонии Новгородской губернии в первое десятилетие советской власти (1918–1927 гг.): сб. документов. СПб.: Нестор-История, 2017. С. 10–39; Федорук Н. С. Хозяйственная деятельность и повседневная жизнь немецких поселенцев на Новгородской земле. 1821–1941 гг. // Немецкие колонии Новгородского и Чудовского районов Ленинградской области (1927–1941 гг.): сб. документов. СПб.: Нестор-История, 2019. С. 9–73.

О реализации политики военного коммунизма в других регионах расселения немецких колонистов см., например: Вибе П. П. Немецкие колонии Сибири в условиях социальных трансформаций конца XIX — первой трети XX в. Омск: Наука, 2011. 320 с.; Герман А. А. Немецкая автономия на Волге. 1918–1941 гг. М.: МСНК-пресс, 2007. 576 с.; и др.

³ См., например: Павлюченков С. А. Военный коммунизм в России: власть и массы. М.: Русское книгоиздательское товарищество — История, 1997. 272 с.; Иголкин А. А. Военный коммунизм: политика против экономики // Гражданская война в России 1917–1922: очерки экономической и политической истории. М.: Изд-во Ипполитова, 2004. С. 186–249; Кабанов В. В. Крестьянское хозяйство в условиях военного коммунизма. М., 1988. 303 с.; Фефелов С. В. Диктатура большевиков и крестьянство в 1918–1921 гг.: у истоков тоталитаризма (На материалах Централ. Черноземья России): дис. ... д-ра ист. наук. Орел, 2000. 478 с.; Петроград на переломе эпох. Город и его жители в годы революции и Гражданской войны / под ред. В. А. Шишкина. СПб., 2013; Ходяков М. В. «Горячешный и триумфальный город».

Петроград: от «военного коммунизма» к нэпу: документы и материалы / [сост. и авт. предисл. М. В. Ходяков]. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2000. 397 с.; *Бондарев С. В.* Рыночная торговля в Петрограде в 1917–1921 гг.: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2015; и др.

⁴ ЦГА СПб. Ф. 2004. Оп. 1-1. Д. 730.

⁵ Подробнее об основании колоний см.: *Бахмутская (Лебедева) Е. В.* Образование немецких колоний в Санкт-Петербургской губернии (вторая половина XVIII — начало XX в.) // Немцы в России: Петербургские немцы: сб. науч. ст. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. С. 233–245.

⁶ Географические рамки статьи не включают Ямбургские колонии, находившиеся в юго-западной части Петроградской губернии.

⁷ Подробнее о судьбе И. Брейнера см.: *Лебедева Е. В.* Разные роли в общей драме: судьбы семей Брейнер и Шторц в контексте истории Новосаратовской немецкой колонии (1910-е — 1940-е гг.) // Немцы в Санкт-Петербурге: Биографический аспект. XVIII–XX вв. Вып. 13. СПб.: МАЭ РАН, 2022. С. 313–336.

⁸ ЦГАИПД СПб. Ф. 9346. Оп. 1. Д. 3. Л. 15 об.

В список вошли: Штерн Я. Я. (д. 228), Герлеман П. Я. (д. 226), Бич Ф. А. (д. 224), Бич И. А. (д. 188), Биллер Х. Ф. (д. 5), Бич Г. А. (д. 66), Биллер П. Ф. (д. 148), Ульрих Ф. Б. (д. 158 б), Адамсон А. И. (д. 178 а), Вализер Ф. Ф. (д. 182), Грауле А. А. (д. 116), Требс Я. Я. (д. 12).

⁹ ЦГАИПД СПб. Ф. 9346. Оп. 1. Д. 3. Л. 9.

¹⁰ ЦГА СПб. Ф. 551. Оп. 1. Д. 8. Л. 13.

¹¹ Там же. Л. 16–17.

¹² Дочерняя колония Овцыно была образована путем покупки немецкими колонистами части земель одноименной финской деревни.

¹³ ЦГАИПД СПб. Ф. 522. Оп. 1. Д. 116. Л. 15.

¹⁴ ЦГА СПб. Ф. 142. Оп. 2. Д. 100. Л. 1, 7.

¹⁵ ЦГАИПД СПб. Ф. 522. Оп. 1. Д. 116. Л. 15.

¹⁶ Там же. Л. 3.

¹⁷ ЦГА СПб. Ф. 142. Оп. 2. Д. 239. Л. 5.

¹⁸ Там же. Л. 2.

¹⁹ Там же. Л. 3.

²⁰ *Koch E.* Die deutschen Kolonien Nordrusslands: Eine siedlungswirtschaftsgeographische und kulturhistorische Untersuchung. Würzburg, 1931. S. 14.

²¹ Колонисты-мародеры // Петроградский голос. 1918. 27 апр. С. 4.

²² За «картошкой» // Петербургский листок. 1918. 14 мая. С. 4.

²³ К сокращению производства овощей // Петербургский листок. 1918. 10 апр. С. 4.

²⁴ ЦГА СПб. Ф. 2004. Оп. 1-1. Д. 730. Л. 15.

²⁵ Там же. Л. 373.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же. Ф. 551. Оп. 1. Д. 8. Л. 12.

²⁸ Там же. Ф. 2004. Оп. 1-1. Д. 730. Л. 413.

²⁹ ЦГАИПД СПб. Ф. 9346. Оп. 1. Д. 19. Л. 9 об.

- ³⁰ ЦГА СПб. Ф. 2004. Оп. 1-1. Д. 730. Л. 3.
- ³¹ Там же.
- ³² ЦГА СПб. Ф. 2004. Оп. 1-1. Д. 730. Л. 338.
- ³³ Там же. Л. 286.
- ³⁴ Там же. Л. 344.
- ³⁵ Там же. Л. 380.
- ³⁶ Там же. Л. 305.
- ³⁷ Там же. Л. 279 об.
- ³⁸ Там же. Л. 322.
- ³⁹ *Шрадер Т. А.* Указ. соч. С. 159.
- ⁴⁰ ЦГА СПб. Ф. 2004. Оп. 1-1. Д. 746. Л. 7–12.
- ⁴¹ По сведениям за 1920 г., в Новосаратовке на 199 хозяйств приходилось 4 молотилки, 12 жнеек, 13 веялок и 36 косилок. Полный набор инвентаря имелся лишь в хозяйствах С. Х. Бича (д. 240), Ф. Ф. Керна (д. 152), Я. Ф. Гаммершмидта (д. 238), П. Герлемана (д. 226) и Я. Я. Штерна (д. 228). Большая часть колонистов имела по два плуга, две бороны и одному пропашнику. Из крупного скота в большинстве хозяйств имелись одна лошадь и одна-две коровы. См.: ЦГА СПб. Ф. 7081. Оп. 1. Д. 22. Л. 64–71, 55.
- ⁴² Там же. Л. 36–37, 30–30 об., 29–29 об.
- ⁴³ ЦГА СПб. Ф. 2004. Оп. 1-1. Д. 730. Л. 339 об. — 340 об.
- ⁴⁴ ЦГАИПД СПб. Ф. 9346. Оп. 1. Д. 1. Л. 8 об.
- ⁴⁵ ЦГА СПб. Ф. 2004. Оп. 1-1. Д. 746. Л. 32–33.
- ⁴⁶ Там же. Д. 730. Л. 262.
- ⁴⁷ По свидетельству членов ячейки РКП(б) Новосаратовки, при распределении семян их в первую очередь получали «под видом увеличения площади посадок» кулаки как «производители». См.: ЦГАИПД СПб. Ф. 9346. Оп. 1. Д. 11. Л. 23 об.
- ⁴⁸ ЦГА СПб. Ф. 2004. Оп. 1-1. Д. 730. Л. 183.
- ⁴⁹ Там же. Л. 7.
- ⁵⁰ Там же. Л. 11–13.
- ⁵¹ Там же. Л. 348.
- ⁵² Там же.
- ⁵³ Там же. Л. 27.
- ⁵⁴ Там же. Л. 266.
- ⁵⁵ Там же. Л. 267–267 об.
- ⁵⁶ Там же. Л. 280 об.
- ⁵⁷ Там же.
- ⁵⁸ Там же.
- ⁵⁹ См., например: *Давыдов А. Ю.* Нелегальное снабжение российского населения и власть. 1917–1921 гг. СПб.: Наука, 2002. 344 с.; *Бондарев С. В.* Рыночная торговля в Петрограде в 1917–1921 гг.: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2015. 221 с.
- ⁶⁰ *Бондарев С. В.* Указ. соч. С. 101, 103.
- ⁶¹ ЦГА СПб. Ф. 2004. Оп. 1-1. Д. 730. Л. 312.
- ⁶² Там же. Л. 326.
- ⁶³ Там же. Л. 32, 121, 312, 313.

- ⁶⁴ Там же. Л. 317.
- ⁶⁵ ЦГАИПД СПб. Ф. 9346. Оп. 1. Д. 3. Л. 11.
- ⁶⁶ ЦГАИПД СПб. Ф. 9346. Оп. 1. Д. 1. Л. 26 об.; Д. 12. Л. 8–10.
- ⁶⁷ Там же. Ф. 522. Оп. 1. Д. 116. Л. 15.
- ⁶⁸ Там же. Ф. 522. Оп. 1. Д. 116. Л. 8.
- ⁶⁹ ЦГА СПб. Ф. 793. Оп. 1. Д. 68. Л. 33.
- ⁷⁰ ЦГАИПД. Ф. 5. Оп. 1. Д. 735. Л. 20–20 об.
- ⁷¹ ЦГА СПб. Ф. 2004. Оп. 1-1. Д. 730. Л. 3 об.
- ⁷² Там же. Л. 15.
- ⁷³ Там же.
- ⁷⁴ ЦГА СПб. Ф. 7081. Оп. 1. Д. 12. Л. 12.
- ⁷⁵ ЦГА СПб. Ф. 2004. Оп. 1-1. Д. 730. Л. 251–253.
- ⁷⁶ Там же. Л. 255, 243, 252.
- ⁷⁷ Там же. Л. 116, 247, 250, 258, 307, 316, 325.
- ⁷⁸ Там же. Л. 117, 124, 274, 290, 326.
- ⁷⁹ Там же. Л. 267, 289, 303.
- ⁸⁰ Там же. Ф. 793. Оп. 1. Д. 68. Л. 39.
- ⁸¹ Там же. Л. 55.
- ⁸² Там же. Ф. 2004. Оп. 1-1. Д. 730. Л. 103, 218, 331, 379.
- ⁸³ Там же. Л. 319.
- ⁸⁴ Там же. Ф. 793. Оп. 1. Д. 68. Л. 41.
- ⁸⁵ ЦГАИПД СПб. Ф. 9346. Оп. 1. Д. 1. Л. 26 об.
- ⁸⁶ ЦГА СПб. Ф. 793. Оп. 1. Д. 68. Л. 14, 22.
- ⁸⁷ Там же. Ф. 2004. Оп. 1-1. Д. 730. Л. 48, 47, 62, 95, 97.
- ⁸⁸ Там же. Л. 49, 50, 51, 62, 75, 343.
- ⁸⁹ Там же. Л. 40.
- ⁹⁰ Там же. Л. 4.
- ⁹¹ Там же. Л. 320.
- ⁹² Там же. Ф. 793. Оп. 1. Д. 38. Л. 22.
- ⁹³ Там же. Ф. 2004. Оп. 1-1. Д. 730. Л. 279 об.
- ⁹⁴ Там же. Л. 280.
- ⁹⁵ Там же. Л. 352.
- ⁹⁶ Там же. Л. 347.
- ⁹⁷ Там же. Л. 347 об.
- ⁹⁸ Там же. Л. 348.
- ⁹⁹ Там же. Ф. 469. Оп. 2. Д. 14А; Ф. 7081. Оп. 1. Д. 29. Л. 5.
- ¹⁰⁰ Там же. Ф. 5225. Оп. 1. Д. 929. Л. 12.
- ¹⁰¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 1. Д. 11476. Л. 4.

И. В. Черказьянова

ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ЛЕНИНГРАДСКИХ НЕМЦЕВ НАКАНУНЕ И В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В статье рассматривается проблема этнической идентичности немецкого населения Ленинграда и Ленинградской области (в границах 1927–1944 гг.) и восприятия советских немцев в обществе в период Великой Отечественной войны. До революции этничность определялась двумя параметрами: родной язык и вероисповедание. Аккультурация национальных меньшинств, проживавших в Петербурге, шла естественным путем на протяжении XIX в. В советский период вероисповедание утратило свою роль для определения принадлежности к этносу, а родным языком все чаще становился русский. Введение паспортов в 1932 г. позволило на некоторое время самостоятельно выбирать национальность, что закреплялось в пятом параграфе анкеты. Одна часть немецкого городского населения регистрировала себя русскими по самоощущению, другая записывалась русскими как в более удобную и безопасную национальность. Эта практика была запрещена в 1938 г. Тема имеет особую практическую значимость при определении немцев — участников обороны Ленинграда и их дальнейшей судьбы после 1942 г. Отзыв немцев с фронтов по национальному признаку в 1941 — начале 1942 г. объяснялся недоверием к немецкому населению. Вместе с тем регистрировались случаи, когда призывные органы нарушали закон и записывали немцев русскими, так как мобилизационные ресурсы для армии сократились уже к началу 1942 г. Этническая идентичность немцев становилась инструментом дискриминационной политики.

Ключевые слова: ленинградские немцы, этническая идентичность, паспортная система, Ленинград (Петербург), Ленинградская область, Великая Отечественная война.

I. V. Cherkazianova

ETHNIC IDENTITY OF LENINGRAD GERMANS ON THE EVE AND DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

The article deals with the problem of ethnic identity of the German population of Leningrad and the Leningrad region (within the borders of 1927–1944) and the perception of Soviet Germans during the Great Patriotic War. Before the revolution, ethnicity was determined by two parameters: native language and religion. The acculturation of national minorities living in St. Petersburg followed a natural path throughout the XIX century. During the Soviet period, religion lost its role in determining belonging to an ethnic group, and Russian became increasingly the native language. The introduction of passports in 1932 allowed for some time to choose their own nationality, which was fixed in the fifth paragraph of the questionnaire. Russian Russians were

registered by part of the German urban population according to their sense of self, some of them were registered by Russians as a more convenient and safe nationality. This practice was banned in 1938. The topic has a special practical significance in determining the Germans — participants in the defense of Leningrad and their future fate after 1942. The withdrawal of Germans from the fronts on a national basis in 1941 — early 1942 was explained by distrust of the German population. At the same time, cases are recorded when conscription authorities violated the law and recorded Germans as Russians, since mobilization resources for the army had already been reduced by the beginning of 1942. The ethnic identity of the Germans became an instrument of discriminatory policy.

Keywords: Leningrad Germans, Ethnic identity, passport system, Leningrad (Petersburg), Leningrad Region, Great Patriotic War.

Вопрос этнической идентичности жителей Петербурга был и остается актуальным, поскольку город динамично развивается с момента основания, а активная этническая, социальная, трудовая миграция (до революции главным образом «деревня–город») заставляет постоянно обращаться к статистике народонаселения города для лучшего понимания планов и особенностей развития. Выделение истории этносов помогает лучше понять судьбы представителей различных народов, проживавших в Петербурге, и одновременно обогащает историю многонационального города.

Мы задались целью выяснить степень участия советских немцев в обороне Ленинграда и, по возможности, число ленинградских немцев-красноармейцев, воевавших на фронте. Для этого использовались открытые источники, главным стал портал Министерства обороны РФ «Память народа»¹. Материалы портала дают возможность ознакомиться с подлинными документами о войне, узнать о судьбах отдельных людей. Не будем останавливаться на характеристике доступных документов. Отметим лишь, что с их помощью в нашу базу данных удалось включить сведения о 1134 ленинградских немцах — участниках войны. На основании этой базы мы анализируем тему идентичности немцев накануне и в период Великой Отечественной войны. Цифры не окончательные, исследование продолжается.

Немецкое население Петербурга в зеркале городских и всеобщих переписей населения в XIX — первой трети XX в.

Городские переписи Петербурга XIX — начала XX в. (1869, 1881, 1890, 1900, 1910 гг.) и Первая всероссийская перепись населения 1897 г. дают довольно ясную картину о состоянии многонационального, и в частности немецкого, населения столицы до революции. В 1897 г. зафиксировано проживание в столице представителей 60 языков². Статистику народонаселения в советский период дают переписи 1918, 1920, 1926 и 1939 гг. Предметом нашего исследования являются «ленинградские немцы» — немецкое население Ленинграда и Ленинградской области в период 1920-х годов — начала Великой Отечественной войны. Особенности развития страны и общества в 1930-е годы значительно повлияли на постижение немцами самих себя и их восприятие обществом, определение их этнической идентичности усложняется.

В основу идентичности во всех перечисленных переписях до 1917 г. был положен родной язык, дополненный сведениями о вероисповедании. Но даже эти два показателя не позволяли выделить немцев «в чистом виде», поскольку на немецком языке говорили, кроме немцев, австрийцы и швейцарцы, а к «остальным германским языкам» относились шведы, норвежцы, датчане, англичане. К протестантам всех видов и католикам принадлежали также многие народы, да и часть немцев за долгие годы проживания в России перешла в православие. Поэтому реконструкция численности немцев в Петербурге в дореволюционный период представляет собой непростой процесс. Огромную работу по изучению этнического состава населения Петербурга провели наши предшественники, ученые Петербурга, отметим лишь основные работы А. И. Копанева³, Н. В. Юхневой⁴, Т. М. Смирновой⁵. Большой интерес представляет коллективный сборник статей о Петербурге и губернии, изданный в 1989 г.⁶

На протяжении XIX и в начале XX в. немцы были второй по численности группой в структуре населения города. По итогам переписи 1890 г. доля немцев с родным немецким языком состав-

ляла 4,58 % от всего учтенного городского населения. Эта перепись зафиксировала, по сравнению с переписью 1881 г., значительное уменьшение числа тех, кто считал себя немцем, евреем, финном. За десятилетие численность горожан с родным русским языком увеличилась на 12,8 %, а носителей немецкого языка (43 798 чел.) стало на 11,8 % меньше⁷, то есть наблюдаются динамичная аккультурация и ассимиляция нерусского населения. В 1910 г. немцы переместились на третью позицию, уступив свое место полякам.

Демографический провал 1918–1920 гг. был беспримерным в масштабе европейской истории, по крайней мере, с момента проведения систематических переписей населения. Обезлюдела Москва, но еще большая убыль населения зафиксирована в Петрограде. По данным городского Статистического бюро, население столицы (в границах градоначальства) в 1917 г., до начала революционных событий, составляло 2440 тыс. человек. Перепись 28 августа 1920 г. показала резкое снижение численности населения Петрограда — до 706 800 чел., то есть оно сократилось на 71 %⁸. В 1920 г. число немцев по сравнению с 1910 г. снизилось с 46 931 до 11 167 человек⁹. В немалой степени это было связано с оттоком немецких капиталов после революции. Некоторое увеличение популяции городских немцев наблюдалось в 1923 г. (12 587 чел.) за счет переселения поволжских немцев из районов, охваченных голодом, колонистов из окрестностей Петрограда.

Согласно данным Всесоюзной переписи населения 17 декабря 1926 г., в Ленинграде (в границах 1923 г.) проживало 16 916 немцев, в губернии — 8297¹⁰. В местах дислокации немецких колоний соответственно отмечалось увеличение численности немецкого населения. Это Детскосельский район (414 чел.), Колпинский (3669), Парголово (1450), Урицкий (2558), то есть в довоенный период сохранялось компактное проживание сельских немцев в местах их первоначального поселения в середине XVIII — начале XIX в., что создавало предпосылки для сохранения у бывших колонистов немецкой идентичности.

С 1927-го по 1944 г. в состав Ленинградской области входили территории современных Новгородской и Псковской областей, поэтому в контексте исследуемой проблемы мы берем во внимание

новгородских и псковских немцев. Согласно переписи 1926 г., в Новгородском округе проживало 3494 немца, в Псковском — 700¹¹.

Идентичность немецкой этнической группы в 1920–1930-е годы как исследовательская проблема

Тема нашего исследования имеет два основных аспекта: с одной стороны, это самоидентичность ленинградских немцев и их соответствующее поведение в обществе, с другой — практика определения исследователем идентичности немецкой этнической группы в определенный период. С проблемой идентичности ленинградских немцев мы вплотную столкнулись при подготовке списка участников Великой Отечественной войны — защитников Ленинграда¹².

Как отмечалось ранее, уже дореволюционные переписи фиксировали процесс аккультурации или ассимиляции нерусских народов, проживавших в Петербурге. В различных сословиях процесс шел по-разному, особенно активно размывание национальной идентичности происходило в дворянских и других более образованных кругах и замедлялось в местах компактного проживания ремесленников в городской черте или крестьян в пригородах. Перешедший в православие (по закону в смешанных браках ребенок получал вероисповедание матери) автоматически воспринимался русским, хотя при этом человек мог сохранять свой родной язык.

При разработке принципов переписи 1926 г. ученые приняли активное участие в формировании понятия «народность», о которой обыватели либо вообще не имели представления, либо оно было весьма расплывчатым. Традиционно человек относил себя к русским, если был православным, или, например, к немцам, если был протестантом. К переписи был представлен список национальностей и разработаны приемы их определения. При опросе сначала выясняли принадлежность родителей к племени, народности; затем задавались вопросы о вероисповедании и родном языке самого респондента в детстве и сейчас, в конце все это сопоставлялось с официальным списком национальностей.

В дальнейшем из-за проводимой дискриминационной политики в отношении группы этносов эволюционный процесс их аккультурации приобрел другие оттенки — аккультурация стала условием

социального выживания. Как отмечает Т. М. Смирнова, появилась такая форма ассимиляции, как латентная (скрытая) этничность, о которой вспоминали лишь в кругу «своих»: «Большая часть представителей национальных меньшинств сознательно изменила свою культурную ориентацию и национальную идентификацию на более престижную или безопасную. Этот процесс приобретал и характер этнокультурной мимикрии — сознательного сокрытия собственных форм культуры <...> Доминирующим большинством часто отвергались и полностью ассимилировавшиеся, не сохранившие даже национального самосознания, представители национальных меньшинств»¹³.

Формальным прикрытием такой «мимикрии» мог быть выбор национальности при получении паспорта. До 1932 г. в стране вообще не существовало внутренних паспортов, при их введении, по положению о паспортах 1932 г., графа «национальность» заполнялась со слов владельца документа. Каждый мог указать ту национальность, к которой он относился, согласно его представлениям. Такая ситуация продолжалась несколько лет, на это не обращали внимания ни сами граждане, ни органы милиции¹⁴. Однако к середине 1930-х ситуация стала меняться, особенно в отношении немцев и других западных меньшинств («инонационалов»), которых стали воспринимать как потенциальную угрозу для Советской страны, окруженной враждебными государствами. Секретные постановления о преследовании советских немцев появились вскоре после прихода Гитлера к власти, а «Немецкая линия НКВД» стала первой национальной операцией в 1937 г. во время Большого террора. В такой ситуации для органов НКВД нужна была четкость в вопросе этнической принадлежности.

Секретным циркуляром НКВД СССР от 2 апреля 1938 г. и разъясняющим указанием отдела актов гражданского состояния НКВД СССР от 29 апреля 1938 г. менялся порядок определения национальности при получении паспорта — запись производилась в соответствии с национальным происхождением родителей регистрирующегося. Новый порядок был внесен в инструкцию по применению Положения о паспортах лишь в 1940 г., хотя новый подход к оформлению стали применять сразу после выхода доку-

ментов в 1938 г. Тем не менее и в более позднее время появлялись записи в паспортах, которые противоречат логике регламентирующих документов. На портале «Память народа» нам попалась весьма красноречивая запись о красноармейце Владимире Эдуардовиче Лоренце (1926) из Москвы, уроженце Гатчины: «Рядовой. Из рабочих. Беспартийный. Русский по паспорту (родители — латыши)»¹⁵. Запись сделана в Химкинском военкомате в феврале 1945 г., но паспорт молодой человек получал в 16 лет, то есть в 1941 или 1942 г. Поэтому возникают вопросы к обстоятельствам появления записи в паспорте о принадлежности к русским.

Изменения в паспортной системе 1938 г. публично не разъяснялись, так как документ был секретным, поэтому записи вызывали недовольство у тех граждан, которые собирались выбрать этническую принадлежность на свое усмотрение и считали, что им присвоили «неправильную» национальность. «Неправильной» в то время могла быть любая национальность, кроме русской, или, в крайнем случае, титульной национальности в республиках.

Изменения во внутренней и международной политике СССР в 1930-е годы проецировались на настроения общества, в частности, в отношении к немцам.

По данным Всесоюзной переписи населения 17 января 1939 г., в Ленинграде проживало 10 104 немца, в Ленинградской области — 12 766¹⁶. По сравнению с 1926 г. численность городских немцев сократилась почти на 7 тыс., а сельское население несколько увеличилось. Чем объяснить столь существенную убыль? Среди прочих причин сокращения численности немцев, которые могли бы составить самостоятельное исследование, безусловно, были политические репрессии (расстрелы, высылка), но также и смена идентичности как стратегия выживания в это сложное время.

К началу Великой Отечественной войны среди немецкого населения можно выделить несколько групп. К первой группе относились немцы, не утратившие своей идентичности, сохранившие язык, родовую фамилию, традиции и обычаи, как правило, ими были жители немецких поселений под Ленинградом и Новгородом, а также выходцы из поволжских, южных колоний. Вторую группу составляли немцы маргинального типа, имевшие паспорта с созна-

тельно выбранной ими национальной принадлежностью, отличной от реальной, или с записанной национальностью по происхождению родителей, но несогласные с «неправильной» записью. К третьей группе можно отнести людей из числа бывших дворян, военных, чиновников, наиболее образованных слоев, полностью утративших немецкую идентичность, но имевших немецкие корни и фамилии.

Особенности определения этничности ленинградских немцев в годы Великой Отечественной войны

С началом Великой Отечественной войны принадлежность к немцам и финнам стала опасной — она была маркером, который определял их судьбу на многие десятилетия. На основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г. началось массовое выселение (депортация) советских немцев с мест их проживания. В Ленинграде и области этой дискриминационной мере подверглись немцы и финны.

Депортация немецкого населения с территории Ленинградской области проходила поэтапно. В конце августа 1941 г. выселение проводилось на основании приказа командующего Северным фронтом и начальника УНКВД Ленинградской области № 0055/20262 «О выселении из Ленинграда и области социально опасных лиц» от 21 августа 1941 г. и постановления Военного совета (ВС) Ленинградского фронта № 196/сс «Об обязательной эвакуации немецкого и финского населения из пригородных районов гор. Ленинграда» от 26 августа 1941 г. Массовое выселение немцев проведено в марте 1942 г. на основании постановления ВС Ленинградского фронта № 00713 «О выселении из Ленинграда в административном порядке социально опасного элемента» от 9 марта 1942 г. и постановления ВС Ленинградского фронта № 00714а «Об обязательной эвакуации финского и немецкого населения из пригородных районов области и города Ленинграда» от 20 марта 1942 г. По оценкам исследователей, из блокадного кольца было выселено более 11 тыс. немцев. Немцы современной Новгородской области были направлены в Коми АССР и Молотовскую (совр. Пермская) область. Однако открытым остается вопрос о судьбе еще нескольких тысяч немцев,

учтенных переписью 1939 г. Остались ли они в городе, погибли в блокаду, «растворились» с русскими фамилиями?

Проблема идентичности немцев в военный период имеет несколько аспектов: самоидентичность немцев, их восприятие военными органами и собственно исследовательский аспект, то есть опыт нашего поиска механизмов, к которым прибегали власти при определении этнической принадлежности немцев, а также наши попытки определить этничность бойцов в тех случаях, когда в документах она не указана.

Жители бывших немецких колоний, как правило, оставались немцами на протяжении всего периода их проживания близ Петербурга. Идентичность даже при переселении в город быстро не менялась. Городские немцы накануне войны чаще всего уже не ощущали себя немцами. Приведем один из примеров из истории блокадного Ленинграда, связанный с темой идентичности немцев и их военной судьбы. Мы располагаем копией дневника ученицы ленинградской школы Нелли Георгиевны Турнгер (1925–1988), который она вела в 1941–1942 гг. Родители Нелли были немцами. Отец, репрессированный в конце 1930-х годов, был выпущен из тюрьмы в 1939 г. Но вскоре после освобождения скончался, похоронен на Смоленском лютеранском кладбище. Нелли с мамой пережили первую блокадную зиму, все остальные родственники умерли. Осенью 1941 г. Нелли получила паспорт. Об этом запись от 8 ноября: «Суббота. После школы пошла за паспортом. Опять неприятность, из-за которой я очень расстроилась. Написали, что я немка. Но какая же я немка? Разве я похожа на немку? Застала тревога. Сидела в милиции. Наконец выдали паспорт». В этом эпизоде отметим два важных момента: строгое действие паспортного режима в условиях блокадного города и утрата самоидентичности немцев, усиленная блокадными страданиями. Документ девушке выдали на основании новой инструкции 1940 г. — ее записали немкой на законных основаниях — по принадлежности обоих родителей. При таком пограничном состоянии между немецким происхождением и отсутствием немецкой самоидентичности, как у этой девушки, можно было получить паспорт в 1932–1938 гг. и записаться русской. Но в 1941 г. обстоятельства изменились. 3 августа 1942 г. мать

с дочерью были выселены по национальному признаку в Алтайский край, откуда обе попали в трудармию: Нелли оказалась на нефтяных промыслах в Куйбышевской области, ее мать — под Новосибирском.

Как уже говорилось ранее, мы опираемся на сформированную нами базу данных немцев — участников обороны Ленинграда. При внесении в список нами учитывались немцы, родившиеся и/или проживавшие в Ленинграде и Ленинградской области к началу Великой Отечественной войны. Для обоснования идентичности персонажей использовались географический, временной и национальный факторы. Если в документах не было прямого указания на этническую принадлежность, вопрос представлял определенную трудность, особую сложность вызывало определение принадлежности к немцам у горожан в силу их большей ассимиляции.

В документах портала «Память народа» национальность встречается редко, но имеется ряд документов, в которых принадлежность к этносу отмечалась практически всегда. Так, национальность указывалась в наградных листах, списках репатриантов. Если национальной принадлежности репатриантов можно доверять (их проверку проводили в фильтрационных пунктах НКВД), то в представлениях на награды у людей с немецкими фамилиями всегда указано, что они русские, и это порой вызывает сомнения. Так ли это на самом деле или это выбор этничности кандидатов на награждение военными органами — выяснить с помощью доступных документов практически невозможно. Указание на принадлежность к немцам можно обнаружить в списках команд, выбывающих в запасные полки или отправляемых в тыл, когда начался отзыв немцев из армии по национальному признаку. По «пятому пункту» (в паспорте) шла мобилизация в трудовые лагеря (трудармия). Сведения в анкетах о владении «другими языками, кроме русского», у лиц с немецким происхождением встречаются крайне редко, это единичные случаи. Поэтому данный нюанс нами не рассматривается.

Некоторые факты наталкивают на предположение о том, что в военных условиях призывные органы манипулировали графой «Национальность» в угоду обстоятельствам. Так, к середине декабря

1941 г., когда мобилизационные ресурсы города были полностью исчерпаны, горвоенкомат докладывал ВС Ленинградского фронта: «В остатке ресурсов, состоящих на общем учете, — военнообязанные, которые не могут быть призваны по следующим причинам: националы и годные к нестроевой службе»¹⁷. Военный отдел горкома партии уточнял, что по состоянию с 15 декабря 1941 г. по 13 марта 1942 г. ресурсы военнообязанных города составляли 146 234 человека, в том числе 2046 националов¹⁸. Но, видимо, острая нужда в кадрах подталкивала работников военкоматов закрывать глаза на истинное происхождение мобилизуемых «националов» — их записывали русскими. Так, удивительные трансформации произошли с К. Г. Эргардтом (Кузьминым), призванным 9 января 1942 г. Парголовским РВК Ленинградской области: немец по отцу, финн по матери, в военных документах он значится русским. Красноармейская книжка была выдана 25 января 1942 г., именно в ней он записан русским. Н. Н. Рунге (1920), потомок прибалтийских дворян, в регистрационной карточке Волховского военно-пересыльного пункта (ВПП) указан русским, но после выяснения того, что его отец родился в Риге, а мать — в Либаве, в том же ВПП его внесли в список выбывающих в Котлас в распоряжение НКВД, но уже как немца¹⁹. Немцем был Герман Геккель (1911), а его младший брат Георгий (1915), печатник, служивший во фронтовой газете, записан русским. Последний факт мог быть отголоском паспортной системы, когда в 1932–1938 гг. граждане вольно выбирали национальность. Или же по идеологическим причинам Геккель-младший как необходимый для дела специалист мог быть записан русским, поскольку немец в то время не мог работать во фронтовой газете.

Подавляющая часть советских немцев находилась в действующей армии лишь в первые месяцы войны. С осени 1941 г. из-за недоверия к советским гражданам немецкой национальности начался их отзыв из воинских частей фронта и тыла и отправка в трудовую армию. Основанием для отзыва послужила директива НКО СССР № 35105 от 8 сентября 1941 г. за подписью И. В. Сталина. Бойцы отзывались во внутренние военные округа, как правило на Урал, для дальнейшего направления их в строительные батальоны.

Непростое положение на фронтах, а также общая демографическая ситуация в стране, сложившиеся к началу 1942 г., требовали изыскивать дополнительные людские ресурсы для комплектования действующей армии. Мы уже приводили пример мобилизации немца в блокадном Ленинграде (случай не единственный). Еще одним из источников пополнения армии стали бойцы рабочих колонн (трудармии). Весной 1942 г. в соответствии с постановлениями Государственного комитета обороны (ГКО) от 21 марта и 3 апреля 1942 г. прошла реорганизация строительных рабочих колонн, в результате которой некоторые немцы вернулись на фронт. При возвращении в армию немцев вносили в списки уже как русских. Такие факты встречаются, например, в документах военкоматов Кемеровской области и Башкирии.

Важным подспорьем для определения этничности бойцов служит картотека военнопленных в финских лагерях, размещенная на портале «Память народа», так как каждая анкета содержит графу о национальности. Определение этничности пленного велось уже при первом допросе с опорой на сведения о родителях военнослужащего. В карточках немцы обозначены несколькими терминами, так как выделялись немцы вообще и региональные группы немецкого населения СССР: «немец» (*saksalainen*), «русский немец» (*venäjän saksalainen*), «немец Поволжья» (*volgan saksalainen*), «украинский немец» (*ukrainen/ukraina saksalainen*), «белорусский немец» (*valko-venäl. saksalainen*), «немецкий колонист» (*saksal. kolonisti*), «наполовину немец» (*puoli saksall.*). По национальному признаку советские немцы передавались из финских лагерей в лагеря германских союзников (шталаг 303, 309, 322), располагавшиеся на севере Финляндии, позже в Норвегии. Разделение пленных по национальностям сохранялось и в германских лагерях. Так, поволжский немец Ладнер Андрей (1920), попавший в финский плен под Ленинградом, в анкете финского лагеря указан как поволжский немец (*volgan saksalainen*), в германском шталаге 309 — «*Deutschrusse*» (русский немец).

О скрупулезности финской лагерной бюрократии при сортировке по национальному признаку свидетельствуют, например, факты выявления военнослужащих такой категории, как «наполовину-немец» — красноармейцев, родившихся в смешанных бра-

ках. Факт устанавливался по девичьей фамилии матери-немки либо по фамилии отца, если боец был записан на фамилию русской матери (В. В. Гончаров, Л. А. Гришко, Г. М. Гузов, Э. А. Колибрин, И. В. Мезин и др.). При дальнейших перемещениях пленных эту группу неизменно относили к немцам. Эти примеры демонстрируют этническую «мимикрию» среди части нерусского меньшинства довоенного периода, когда родители настойчиво рекомендовали молодым людям выбрать «безопасную» национальность и фамилию. Забегая вперед, скажем о дальнейшей трансформации этнического самосознания уже упоминавшегося Эргардта. Женившись после войны на русской женщине, он взял фамилию супруги.

В тех случаях, когда документально не подтверждена национальность человека, на помощь приходят некоторые исследовательские приемы и косвенные сведения, позволяющие установить с большой степенью вероятности этническое происхождение красноармейца. Для ленинградских немцев маркерами являются: место рождения (известны все немецкие колонии под Петербургом и Новгородом), определенный набор фамилий, бытовавших у петербургских колонистов, захоронения родственников на Смоленском лютеранском кладбище во время блокады (погребение по конфессиональному признаку еще соблюдалось в первые месяцы войны). Общая судьба людей с «немецкими» фамилиями (выселение из блокадного Ленинграда, отзыв из действующей армии и призыв в трудармию) также служит косвенным указателем на этническое происхождение.

Дополнительными источниками при выявлении этнической принадлежности служат картотеки трудармейцев и репрессированных, которые не входят в материалы портала «Память народа». В частности, неоценимую помощь в исследованиях личных историй оказывает база данных «Ленинградский мартиролог» (в бумажном и электронном²⁰ виде) — это «расстрельные списки» политзаключенных, в которых указана национальность осужденного. Довольно часто члены одной семьи оказывались и в числе расстрелянных, и среди депортированных, и призванных в армию, и погибших в годы блокады. Поэтому в нашем исследовании мы предлагаем способ определения этничности человека с использованием набора косвенных данных: личные сведения, адрес проживания, известные

факты семейной истории репрессированного члена семьи и мобилизованного в армию. Такой подход позволяет с большой долей вероятности определить этническое происхождение бойца.

Объединенная электронная база данных о трудармейцах Урала (Богословлаг, Тагиллаг, Челябинг, Усольлаг, Коми АССР), размещенная на сайте Международного союза немецкой культуры²¹, а также книги памяти по этим и другим лагерям дополняют сведения о красноармейцах — ленинградских немцах. База построена на основе лагерных картотек, анкета имеет обязательную графу «Национальность».

В некоторых эпизодах родовая («немецкая») фамилия или место рождения (немецкая колония) не совпадали с нашими предположениями о принадлежности бойца к немцам. Чаще всего это относится к городским немцам. Эти имена все же внесены в составленную нами общую базу данных, поскольку считаем, что перед нами — потомки немцев, записавшиеся в русские по политическим соображениями («политическое русофильство») или «наполовину-немцы», так как детей в смешанных браках еще до революции по матери записывали православными. В советское время к этому добавлялся страх быть немцем, поэтому вместо немцев появлялись русские или эстонцы, латыши. В качестве примера можно привести историю фамилии бойца Ю. Р. Шау (1922). Понадобилось провести микроисследование, чтобы доказать, что он потомок немецкого архитектора Л. А. Шауфельбергера, а его фамилия — это литературный псевдоним его отца, немца Р. Ю. Шауфельбергера.

Наш опыт показывает, что принадлежность к немцам в годы Великой Отечественной войны стала не просто опасным маркером, который предопределял судьбу всех советских немцев в тот период. Она превратилась в инструмент определенных манипуляций властных органов при мобилизации в действующую армию и отзыве с фронтов немцев-красноармейцев. Сформированный нами список немцев, сражавшихся на Ленинградском фронте, говорит об устойчивой гражданской идентичности немецкого населения накануне войны, однако этническая идентичность формировалась под сильным давлением политической ситуации.

Библиография

Источники

Возвращенные имена. Книги памяти России. URL: <http://vizs.nlr.ru> (дата обращения: 20.02.2024).

Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 9: РСФСР. М.: ЦСУ СССР, 1929. VI, 228 с.

Всесоюзная перепись населения 1939 г.: Основные итоги / под ред. Ю. А. Полякова. М.: Наука, 1992. 256 с.

Красная Москва. 1917–1920: [сб. Стат. отдела Моск. совета раб., к. и кр. деп.]. М., 1920. 380 с., ил.

Ленинград в осаде: сб. документов о героической обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. 1941–1944 / отв. ред. А. Р. Дзенискевич. СПб.: Лики России, 1995. 640 с.

Ленинград и Ленинградская губерния. Краеведческий справочник / под ред. и с предисл. Е. Я. Голанта. Л.: Изд-во Книж. отдела ГУБОНО, 1925. 164 с., 1 карта.

Ленинградские немцы и их потомки — участники Великой Отечественной войны / сост. И. В. Черказьянова. URL: <http://drb.ru/kultura-pamjati/leningradskie-nemcy-i-ih-potomki-uchastniki-velikoj-otechestvennoj-vojny/> (дата обращения: 20.02.2024).

Память народа. 1941–1945. URL: pamyat-naroda.ru (дата обращения: 20.02.2024).

Первая всеобщая перепись населения Российской империи. 1897 г. Т. 37: Город С.-Петербург / под ред. [и с предисл.] Н. А. Тройницкого. Тетр. 1. [СПб.], 1901. 35 с., 2 л. цв. карт.

Перепись населения 17/XII 1926 г. по области: [стат. сводки]. [Л.]: Ленгорисполком, [б. г.]. 33 с.

С.-Петербург по переписи 15 декабря 1890 г.: [в 4 ч.] / под ред. Ю. Э. Янсона. Ч. 1: Население. Вып. 1. СПб., 1891. 74 с.

Gedenkbuch: электронная книга памяти российских немцев. URL: <https://gedenkbuch.rusdeutsch.ru> (дата обращения: 20.02.2024).

Научная литература

Байбурин А. К. Советский паспорт: история — структура — практики. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в СПб., 2017. 488 с.

Болдовский К. А. Ленинград в декабре 1941 года // Новейшая история России. 2019. Т. 9, № 1. С. 70–79.

Копанев А. И. Население Петербурга в первой половине XIX в. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. 155 с.

Петербург и губерния. Историко-этнографические исследования / сост. и отв. ред. Н. В. Юхнева. Л.: Наука, 1989. 168 с.

Смирнова Т. М. Национальность — питерские. Национальные меньшинства Петербурга и Ленинградской области в XX веке. СПб.: Сударыня, 2002. 584 с.

Юхнева Н. В. Этнический состав и этносоциальная структура населения Петербурга. Вторая половина XIX — начало XX века. Статистический анализ. Л.: Наука, 1984. 224 с.

* * *

- ¹ Память народа. 1941–1945. URL: pamyat-naroda.ru.
- ² Первая всеобщая перепись населения Российской империи. 1897 г. Т. 37: Город С.-Петербург. Тетр. 1. [СПб.], 1901. С. XXII.
- ³ *Копанев А. И.* Население Петербурга в первой половине XIX в. М.; Л., 1957.
- ⁴ *Юхнева Н. В.* Этнический состав и этносоциальная структура населения Петербурга. Вторая половина XIX — начало XX века. Статистический анализ. Л., 1984.
- ⁵ *Смирнова Т. М.* Национальность — питерские. Национальные меньшинства Петербурга и Ленинградской области в XX веке. СПб., 2002.
- ⁶ Петербург и губерния. Историко-этнографические исследования / сост. и отв. ред. Н. В. Юхнева. Л., 1989.
- ⁷ С.-Петербург по переписи 15 декабря 1890 года. Ч. 1: Население. Вып. 1. СПб., 1891. С. 18–19.
- ⁸ Красная Москва. 1917–1920. М., 1920. С. 54.
- ⁹ Ленинград и Ленинградская губерния: краеведческий справочник. Л., 1925. С. 38.
- ¹⁰ Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. 9: РСФСР. М., 1929. С. 65.
- ¹¹ Перепись населения 17/XII 1926 г. по области: [статистические сводки]. [Л., б. г.]. С. 28–29.
- ¹² Список опубликован в мае 2023 г. на сайте Русско-немецкого центра встреч Санкт-Петербурга. URL: <http://drb.ru/kultura-pamjati/leningradskie-nemcy-i-ih-potomki-uchastniki-velikoj-otechestvennoj-vojny/>.
- ¹³ *Смирнова Т. М.* Указ. соч. С. 46.
- ¹⁴ Подробнее см.: *Байбурин А. К.* Советский паспорт: история — структура — практики. СПб., 2017. С. 293–294.
- ¹⁵ Память народа. 1941–1945. URL: pamyat-naroda.ru. Оригинал см.: Архив ВК Московской обл. Отдел по гг. Химки, Долгопрудный, Лобня и Химкинскому р-ну. Д. 11 004 305. Л. 38.
- ¹⁶ Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги. М., 1992. С. 63.
- ¹⁷ *Болдовский К. А.* Ленинград в декабре 1941 года // Новейшая история России. 2019. Т. 9, № 1. С. 75.
- ¹⁸ Докладная записка военного отдела ГК ВКП(б) А. А. Жданову о работе отдела с 15 декабря 1941 г. по 13 марта 1942 г. // Ленинград в осаде: сб. док. о героической обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. 1941–1944. СПб., 1995. С. 77–78.
- ¹⁹ Память народа. Подлинник см.: ЦАМО. Ф. Волховский ВПП. Оп. 530 772. Д. 43 414; Ф. 8312. Оп. 301962. Д. 6.
- ²⁰ Возвращенные имена. Книги памяти России. URL: <http://vizz.nlr.ru>.
- ²¹ Gedenkbuch: электронная книга памяти российских немцев. URL: <https://gedenkbuch.rusdeutsch.ru>.

Н. И. Иванова

**НЕМЦЫ И АВСТРИЙЦЫ
НА ЛЕНМЯСОКОМБИНАТЕ им. С. М. КИРОВА.
ИЗ СЕРИИ «ИСЧЕЗНУВШИЕ МУЗЕИ»**

В 1980-е годы я работала над проектом «Свод памятников Ленинградской области» и выявила ряд ранее существовавших, но не сохранившихся музеев, которые назвала «исчезнувшие музеи». О введенном в строй предприятии мясной промышленности в Ленинграде в 1930-е годы средства массовой информации писали как о «первенце пятилетки» советского периода. На Ленмясокомбинате работали немцы и швед из Ленинграда, немцы из колонии Средняя Рогатка и Республики немцев Поволжья, австрийские политэмигранты-шутцбундовцы. Их вызывали в отдел найма и увольнения (ОНУ), где они заполняли анкеты, указывая данные о национальности, годе рождения, знании немецкого языка, социальном положении, образовании, первоначальной специальности, наличии собственности и родственников за границей СССР. Сведения анкет и различные справки дают представление об историческом периоде, в котором жили эти люди. Люди, которые по национальному признаку находились под пристальным вниманием сотрудников не только ОНУ, но и НКВД. В запросах указывалось на необходимость обнаружить порочащее человека, чтобы затем уволить его «без объяснения причин». Все проводимые в 30-е годы XX столетия и особенно с началом Второй мировой войны мероприятия в отношении «подозрительных» по национальному признаку людей позволяли в дальнейшем расстреливать или депортировать их на Север, в Казахстан и др.

Ключевые слова: «Свод памятников Ленинградской области», исчезнувшие музеи, Ленмясокомбинат, российские немцы, Средняя Рогатка, австрийцы в Ленинграде.

N. I. Ivanova

**GERMANS AND AUSTRIANS AT THE KIROV MEAT PLANT
IN LENINGRAD. FROM THE SERIES “MISSING MUSEUMS”**

In the 1980s I worked on the project “List of Monuments of the Leningrad Region” and identified a number of previously existing but not preserved museums, which I called “disappearing museums” or “missing museums”. In the 1930s, the mass media wrote about the meat industry in Leningrad as the “Firstborn of the Five-Year Plan” of the Soviet period. Germans from Leningrad, the colony Srednyaya Rogatka, Germans from the Volga German Republic, Austrian political immigrants (supporters of “Republikanischer Schutzbund”) worked at the Meat Plant. They were summoned to the Recruitment and Dismissal Office, where they filled out questionnaires about their nationality, year of birth, knowledge of German, social status, education, original speciality, property and relatives abroad. Information from questionnaires and various references give an

insight into the historical period in which these people lived. On the basis of nationality, these people were not only under the close scrutiny of Recruitment and Dismissal officers, but also of the People's Commissariat of Internal Affairs (NKVD). The NKVD wrote enquiries to Recruitment and Dismissal officers and demanded to discover information defaming an employee so that they could then dismiss him "without explanation". All the measures taken against people suspicious on ethnic grounds in the 1930s and then with the outbreak of World War II allowed the NKVD to later execute or deport them to the North, Kazakhstan etc.

Keyword: "List of Monuments of the Leningrad Region", missing museums, Meat Plant of Leningrad, Russian Germans, Srednyaya Rogatka, Austrians in Leningrad.

Название в заглавии статьи — «Из серии "Исчезнувшие музеи"» — авторское. Выбор этой темы неслучаен. В 80-е годы прошлого столетия я являлась руководителем проекта «Свод памятников Ленинградской области», выполнявшегося по заказу Фонда культуры, областного ГИОП и других организаций отделом историко-культурных исследований Петербургского (Ленинградского) филиала Московского НИИ архитектуры и градостроительства (ЛенНИИТАГ). На протяжении почти десятилетия производились натурные обследования населенных пунктов Ленобласти с выполнением исторических и археологических справок, фотофиксации, обмеров и планов выявленных объектов культуры, геодезических съемок. Это касалось как конгломераций в целом, так и отдельных жилых, промышленных, административных и культовых зданий. В связи с прекратившимся финансированием проект был закрыт.

В процессе изучения архивных источников и исторических справок в рамках этого проекта удалось выявить некогда существовавшие, но утраченные музеи, располагавшиеся в различных помещениях. Тогда же возникла идея исследования «исчезнувших» музеев и их экспонатов. Так, к примеру, участник войны с Наполеоном I, российский военачальник П. Х. Витгенштейн (1768–1843)¹ купил на деньги, собранные петербургским купечеством в знак благодарности за спасение столицы, усадьбу под Петербургом. Она носила название «Дружноселье». Его старший сын, Л. П. Витгенштейн (1799–1866), в память о рано умершей жене, Стефании Радзивилл (1809–1832), в 1832 г. построил на территории имения костел-усыпальницу по проекту А. Брюллова. В составленной в 1990-е годы исторической справке А. В. Краско указала на музей

и установленные вокруг костела пушки, отбитые П. Витгенштейном при защите Санкт-Петербурга от наполеоновских войск. При проведении экскурсии по Дружноселью, Наталья Силичева уточнила: «Внутри лучше не заходить: опасно. Рядом с костелом находятся маленькие павильоны — в одном, по некоторым сведениям, была православная часовня. В другом — часть музея семьи Витгенштейн, посвященного войне 1812 г. Вполне вероятно, что оба павильона когда-то соединялись деревянным строением, в котором также располагалась музейная экспозиция»². Музей в Дружноселье прекратил свое существование еще в советское время. Судьба экспонатов неизвестна. Это лишь один пример утраченного исторического наследия Ленинградской области.

К началу XX в. в России существовало 500 государственных и частных музеев в 140 городах. Не все они были официально зарегистрированы. Музеи до 1917 г. могли размещаться в учебных заведениях, административных зданиях, на промышленных предприятиях. К сожалению, и в самом Санкт-Петербурге, культурной столице и городе музеев, существовал целый ряд исчезнувших к настоящему времени хранилищ. Судьба находившихся в них артефактов, архивов, книжных коллекций, рукописей различна: одним удалось сохраниться, другие погибли безвозвратно. О первом частном литературном музее Ф. Ф. Фидлера, хорошо известном интеллигенции Петербурга, мною уже был опубликован материал³. Часть коллекции после смерти владельца 24 февраля 1917 г. дочь продала, судьба иных неизвестна. В настоящее время коллекция рассредоточена по разным хранилищам, материалы находятся в том числе в Пушкинском Доме в Петербурге, РГАЛИ в Москве.

В советское время на промышленных предприятиях существовали музеи трудовой славы. Размещавшиеся на территории заводов музеи постигла судьба промышленных предприятий, прекративших свое существование в конце XX — начале XXI в. Так произошло, например, с основанным немцами заводом «Красный треугольник» и музеем в нем. Исчез мясокомбинат им. С. М. Кирова (современное название «Самсон») и его музей⁴.

О введенном в строй предприятии мясной промышленности газеты в 1930-х годах писали как о «первенце пятилетки» советско-

го периода. В настоящее время стоящие перед входом быки, выполненные скульптором В. Демут-Малиновским (рис. 1), и памятник С. М. Кирову с поднятой в приветствии рукой (рис. 2), находящийся на его территории, — все, что осталось от когда-то знаменитого мясокомбината, носившего имя политического деятеля. Исчез музей трудовой славы комбината, из которого после банкротства завода и его закрытия материалы, касающиеся немцев, австрийцев и одного шведа, передали в музей «Немцы в Петербурге и окрестностях». В статье я хочу рассказать о части материалов уже исчезнувшего музея мясокомбината.

Работать на мясокомбинат (в 1930-е годы он назывался Заводом технических фабрикатов) устраивались жители Ленинграда, в частности речь идет о двух «городских» немцах и одном шведе, немцах-колонистах одной из старейших колоний Петербурга — Средней Рогатки. Сюда из г. Энгельса направили на обучение нескольких немцев АССР НП (Республики немцев Поволжья). Можно предположить, что самостоятельно прибыли в Ленинград и устроились на мясокомбинат два немца из Киевской и Гродненской областей. Здесь же работали политические эмигранты-шущбундовцы из Австрии, прибывшие в Москву по линии МОПР.

Рис. 1. Бык перед входом на
Ленмясокомбинат.
Скульптор В. Демут-Малиновский

Рис. 2. Памятник С. М. Кирову
на территории бывшего
Ленмясокомбината

По указанию районного отдела НКВД (об этом свидетельствуют данные, указанные в анкете К. К. Хоека, — см. ниже) немцы, австрийцы и швед вызывались в ОНУ (отдел найма и увольнения — так в то время назывался отдел кадров) мясокомбината. Вызов и анкетирование проводились начиная с 26 декабря 1936 г.

Далее приводятся материалы анкет ОНУ (орфография оригинала сохранена).

Бок Егор Петрович родился в Средней Рогатке (д. 26) в 1907 г. в семье крестьян-середняков. В анкете указывалось, что он «немец», «знает немецкий язык».

Рис. 3. Бок Екатерина Адамовна

Бок Екатерина Адамовна (до замужества — **Даувальтер**) (рис. 3) родилась в 1890 г. в Средней Рогатке. Закончила пять классов школы. Была замужем за Бок Яковом Андреевичем. Поступила на мясокомбинат 28 сентября 1934 г. рабочей цеха первичной переработки скота. Была уволена по сокращению штата 29 июня 1937 г. с выходным пособием. До этого времени 5 июня 1937 г. заполняла анкету в ОНУ. В анкете особо отмечалось, что Екатерина Адамовна имела сестру, **Менг Мар-**

гариту Адамовну, 1889 г. р. Маргарита Адамовна Менг проживала в Средней Рогатке, д. 127. Она была выслана в 1935 г. без суда «за агитацию против советской власти в Среднюю Азию, ст. Сыр-Дарья, совхоз Пахта-Арал, отделение им. 1 мая, база № 18, барак № 3, комната № 6». Ее муж, **Менг Федор Федорович**, также был выслан в том же году на Север СССР. Е. А. Бок переписывалась с сестрой, что было также отмечено в анкете. Что знаменательно, указывалось, что выселение М. А. Менг проводилось «без суда». Имея таких родственников, Е. А. Бок уже заносилась в списки «подозрительных лиц».

Даувальтер Христина (Хрестина) Федоровна родилась в 1903 г. в семье крестьян в Петербурге, в колонии Средняя Рогатка. Проживала в собственном доме 73 в Большой колонии. Семья имела, помимо дома хозяйстройки (конюшню и сарай), в которых содержали двух лошадей и корову. Христина Федоровна окончила четыре класса сельхозшколы, поступила на мясокомбинат 5 октября 1934 г. рабочей убойного цеха по переработке скота. Была уволена за прогул 19 октября 1937 г. Увольнению предшествовало заполнение в отделе кадров анкеты, где она написала, что сестра мужа, Менг Маргарита Адамовна, «лишена избирательных прав и выслана с мужем в Среднюю Азию в 1935 г.». Х. Ф. Даувальтер указала в анкете: «за что высланы, не знаю». На анкете помечено красным карандашом, что Христина Федоровна — «немка», «читает, пишет и говорит на немецком языке». Мне удалось установить, что и Христина (Хрестина) Федоровна Даувальтер была депортирована. В июне 1942 г. ее отправили в Тюменскую область, по приговору оставлена на спецпоселении в Сургутском р-не Тюменской обл. Снята со спецучета 30 января 1956 г. Реабилитирована 9 июня 2004 г. Реабилитирующий орган: ИЦ ГУВД Тюменской обл.⁵

По имеющимся данным, первой из немцев-колонистов поступила на Ленмясокомбинат 9 января 1932 г. М. Е. Шмидт. **Шмидт Мария Егоровна** родилась в 1901 г. в Средней Рогатке в семье крестьян-середняков. Семье принадлежали дом по Московскому шоссе, № 6, сарай, две десятины земли. Они держали лошадь и корову. У Марии Егоровны было трое детей. М. Е. Шмидт работала сначала чернорабочей, затем курьером общего отдела. Проходила анкетирование 26 декабря 1936 г., в этой анкете красным карандашом подчеркнули «немка», кроме русского, «знает, читает и пишет на немецком языке». «Уволена по личному желанию 10 ноября 1937 г.»

Штерн Мария Христиановна родилась в 1892 г. в Средней Рогатке, жила в Малой колонии, д. 19. В анкете инспектор ОНУ указал, что она «из кулаков», семья имела дом, двадцать пять десятин земли, держали десять коров, пятнадцать лошадей и домашнюю птицу. Сестра Марии Христиановны **Екатерина Шау** была коммунисткой и работала в Ленинграде на Тамбовском складе. М. Х. Штерн закончила три класса, работала на заводе им. Менделеева, 20 июля

1936 г. поступила на мясокомбинат уборщицей хозяйственного отдела. Ее дочь, **Христина Александровна**, также работала на мясокомбинате курьером транспортного отдела. Уволена «с комбината 19 сентября 1937 г. по сокращению штата».

Эйдемиллер Адам Андреевич родился в 1913 г. в Средней Рогатке в семье крестьян-середняков. Родители работали в совхозе им. Тельмана. Семья имела дом с хозпостройкой. В семье было четыре сына. Адам Андреевич окончил три класса школы. 3 декабря 1939 г. поступил на мясокомбинат. В анкете имеется нестыковка данных, так как указывалось, что он 1 декабря 1939 г. был вызван в отдел кадров, где заполнял анкету. При этом на работу еще не был принят. В анкете написано: «Получил выговор за самовольное пользование продукцией комбината, 1 килограмм 800 граммов мяса. 15 августа 1940 г. был задержан охраной за хищение продукции. Приказ № 59 от 11 марта 1940 г. Был уволен 31 августа 1940 г. и осужден на 1 год». Брат Адама Андреевича, **Эйдемиллер Андрей Андреевич** (1911 г. р.), также работал на мясокомбинате.

Помимо вызова А. А. Эйдемиллера в ОНУ мясокомбината, делались запросы в организации, где он прежде работал. На ленинградский завод № 47⁶ направили запрос за № 18067 от 1 июля 1940 г. на Адама Андреевича Эйдемиллера. В нем указывалось: «ОНУ Ленинградского мясокомбината им. С. М. Кирова просит выслать всестороннюю характеристику, и если имеется, то и компрометирующий материал на гр-на Эйдемиллер Адама Андреевича рожд. 1913 г., уроженец Ленинградской обл., Слуцкого р-на Средне-Рогатского с/с, д. Б. Колония, д. 28, работал у Вас с 1934 г. по 1937 г. в должности слесаря. В настоящее время работает на Ленмясокомбинате в качестве рабочего сырьевого цеха. С ответом прошу не задержать. Подпись — начальник ОНУ Ленмясокомбината им. С. М. Кирова, руководитель группы ОНУ». Сельсоветом в мясокомбинат была также представлена характеристика на А. А. Эйдемиллера, в которой указывалось, что «он является рабочим, владеющим домом, усадебной землей 0,25 га, под судом не находился». Сообщалось также, что до революции «родители были крестьянами-середняками, избирательных прав не лишался, ни сам, ни его родственники у белых не служили». 16 июля 1940 г. был получен ответ из отдела найма и уволь-

нения завода № 47. В нем говорилось, что А. А. Эйдемиллер работал на нем «в качестве подручного слесаря с 22 мая 1937 г. по 20 мая 1938 г., был уволен по сокращению штата». Отдельно указывалось, что «компрометирующими материалами на Эйдемиллер не располагает». По имеющимся справкам с 24 декабря 1934 г. по 27 октября 1936 г. он работал слесарем на 3-м Госавторемонтном заводе, «оттуда уволили за прогул» (см. приложение).

Эйдемиллер Иван Михайлович родился в 1918 г. в Петрограде, в Средней Рогатке Слуцкого района в семье крестьян-бедняков. Его отец — **Михаил Александрович Эйдемиллер**, мать — **Елизавета Ивановна Бок**. В семье, помимо Ивана, было два брата (**Петр**, 1927 г. р., и **Александр**, 1916 г. р.) и две сестры (**Мария**, 1920 г. р., и **Христиния**, 1922 г. р.). Семье принадлежали дом (№ 103), амбар, сарай, рига и две десятины земли. Держали лошадь. Отец умер в 1927 г., мать работала в колхозе им. Тельмана на Средней Рогатке. Иван Михайлович Эйдемиллер окончил четыре класса школы. Он поступил на мясокомбинат 7 октября 1937 г. и работал столяром и подсобником в убойном цехе. Играл в духовом оркестре комбината. Уволен 1 апреля 1938 г.

Эйдемиллер Екатерина Андреевна (рис. 4) родилась в 1923 г. в Средней Рогатке, Большая колония, д. 49. Происходила из семьи крестьян. В семье было три сына и две дочери. Семья имела дом, сарай, конюшню. Держали лошадь и корову. Екатерина Андреевна окончила шесть классов и 3 октября 1939 г. поступила на мясокомбинат курьером. 12 декабря 1940 г. она была уволена. Сохранилось заявление, написанное 16-летней Катей на имя директора завода с просьбой принять ее курьером. В нем она указала, что «окончила шесть классов, живет с родителями в колонии Средняя Рогатка, д. 49». 10 апреля 1941 г. на нее написана характеристика, подписанная директором предприятия. В характеристике указывалось время ее работы на Заводе технических фабрикатов (мясокомбинате) в должности курьера — с 5 октября 1939 г. по 10 декабря 1940 г. «С работой справлялась, замечаний не имела. В общественной жизни завода не участвовала» (см. приложение). Причина ее увольнения не называлась.

Эйдемиллер Екатерина Петровна (рис. 5) родилась в 1898 г. в Средней Рогатке в семье крестьян. Проживала в Средней Рогатке, д. 68. Ее отец — **Эйдемиллер Петр Егорович**. В семье было три сына

(**Петр, Александр, Федор**) и три дочери (**Екатерина, Шарлотта, Софья**). Семья имела дом, сарай, конюшню, 10 гектаров земли (правильно: 10 десятин — Н. И.). 22 ноября 1934 г. Екатерина Петровна поступила на мясокомбинат навешивальщицей колбасного цеха. 5 мая 1937 г. заполняла анкету в отделе кадров. В анкете подчеркивалось: «выговор за 1 час опоздания на работу 10 февраля 1936 г., приказ № 104», а также «свободно читает и пишет по-немецки».

Эйдемиллер Иван Иванович (рис. 6) родился в семье крестьян в 1920 г. в Средней Рогатке, проживал в Большой колонии. Семья имела дом, хозпостройки, держали лошадь и корову. Родители работали в совхозе им. Тельмана. Иван Иванович окончил пять классов. 10 января 1938 г. поступил на мясокомбинат слесарем гаража Транспортной конторы. Анкету заполнял 3 января 1938 г., в анкете указано «совчистку не проходил⁷. Уволен по ст. 47 КЗОТа 1 февраля 1940 г., приказ № 38 от 15 февраля 1940 г.».

Эйдемиллер Мария Федоровна, мать **Адама Андреевича** и **Андрея Андреевича Эйдемиллеров** (данных анкеты нет).

Эйдемиллер Петр Петрович (рис. 7) родился в 1897 г. в Средней Рогатке, Большая колония, д. 7, кв. 1, в семье крестьян. Его отец — **Эйдемиллер Петр Егорович**. Семья имела дом, хозпостройку, десять десятин земли, держала корову и двух лошадей. В семье было четверо сыновей (**Федор, Александр, Николай**) и дочь (**Екатерина**, рабочая мясокомбината). Петр Петрович окончил пять классов, был музыкантом. В 1912–1914 гг. находился в 145-м пехотном Новочеркасском полку (хоровой музыкант), в 1919–1921 гг. — в 121-м полку Красной армии. Был женат на **Эйдемиллер Екатерине Петровне**. Поступил на мясокомбинат 1 декабря 1934 г. дровосеком копильного цеха. 16 мая 1937 г. был вызван в отдел кадров, где заполнял анкету. В анкете указано: «совчистку не проходил». Был уволен 25 июня 1937 г. за прогул.

Эйдемиллер Федор Адамович (данных анкеты нет).

Эйдемиллер Эдуард Александрович (рис. 8) родился в 1914 г. в семье рабочих. Отец — **Эйдемиллер Александр Федорович**. Проживает в Ленинграде, Подольская ул., д. 9, кв. 4. В семье было три брата и три сестры. Эдуард Александрович учился в ФЗУ, был членом ВЛКСМ. 3 января 1935 г. поступил на мясокомбинат электромонте-

Рис. 4. Эйдемиллер
Екатерина Андреевна

Рис. 5. Эйдемиллер
Екатерина Петровна

Рис. 6. Эйдемиллер
Иван Иванович

Рис. 7. Эйдемиллер
Петр Петрович

Рис. 8. Эйдемиллер
Эдуард Александрович

ром на ТЭЦ. 7 января 1937 г. был вызван в отдел кадров для заполнения анкеты. В анкете он указал: «Меня хорошо знает Климов Л. Н. — мастер ТЭЦ мясокомбината, и Киманев И. К. — мастер ТЭЦ мясокомбината». Подчеркнуто инспектором ОНУ: «1. В послужном списке сказано, что в 1930–1935 гг. работал на “Электротоме”, ул. Халтурина, д. 2, и уволен по сокращению штатов. 2. Отмечено 2 выговора за непосещение занятий техминимума (10 мая 1936 г. и 31 декабря 1936 г.)». На документе сделана отметка об увольнении 1 апреля 1937 г. «без объяснения причин».

Из ленинградских немцев на Ленмясокомбинате с 5 марта 1937 г. по 4 октября 1937 г. в должности юрисконсульта юридической части

работал **Альфред Оскарович Цшохер**⁸. В выписке из его личного дела указывалось, что Цшохер родился в 1883 г. в Ленинграде (Петербурге), из мещан, немец, подданный СССР. Учился в Университете Мюнхена (Германия), с 1912 г. в Университете Петербурга. А. О. Цшохер вызывался в отдел по найму 5 июля 1937 г., где и заполнялась анкета. В анкете подчеркнуто «1. Был кандидатом ВКП(б) с 1920–1921 гг. в г. Витебске, выбыл, так как, будучи загружен работой по специальности, не смог работать по партийной линии. Никаких разногласий с партией не имел. 2. Один из братьев, Максимилиан Оскарович, находится в г. Архангельске, профессор Лесотехнического института⁹. 3. Знает немецкий и французский языки».

Мясокомбинатом г. Энгельса (рис. 9, 10) в Ленинград 31 января 1937 г. были направлены немцы из АССР НП¹⁰ на обучение по специальностям шприцовщика, обвальщика колбасного цеха¹¹. Поволжские немцы являлись потомками колонистов, проживали в различных населенных пунктах: деревне Красный Яр, Красноярский кантон¹², селах Орловское¹³, Маркштадтский кантон, и Най-Франк (Ней-Франк), Саратовский край¹⁴.

Среди немцев АССР немцев Поволжья на Ленинградском мясокомбинате работали и отмечены в документах ОНУ (данные полностью соответствуют источнику. — Н. И.) следующие люди.

Гроо Андрей Соломонович (рис. 11). Обвальщик колбасного цеха. 1909 г. р., немец. Из крестьян, д. Красный Яр, Красноярский кантон Немецкой республики Поволжья. Немец, подданный СССР, кузнец. Направлен Энгельским мясокомбинатом для обучения обвальщиком. 31 января 1937 г. — 15 июня 1937 г., уволен ввиду окончания обучения.

Мне удалось определить, что отцом Андрея Соломоновича являлся Соломон Андреевич Гроо (1873–?). **Гроо Соломон Андреевич**, 1873 г. р. Место рождения: АССР немцев Поволжья, Маркштадтский р-н (кантон), с. Красный Яр. Пол: мужчина. Профессия / место работы: колхозник. Место проживания: АССР немцев Поволжья, Маркштадтский кантон, с. Красный Яр. Где и кем арестован: НКВД АССР НП. Мера пресечения: НКВД АССР НП. Дата ареста: 24 ноября 1934 г. Обвинение: за а/с (антисоветскую) агитацию. Осуждение: 25 февраля 1935 г. Осудивший орган: УНКВД

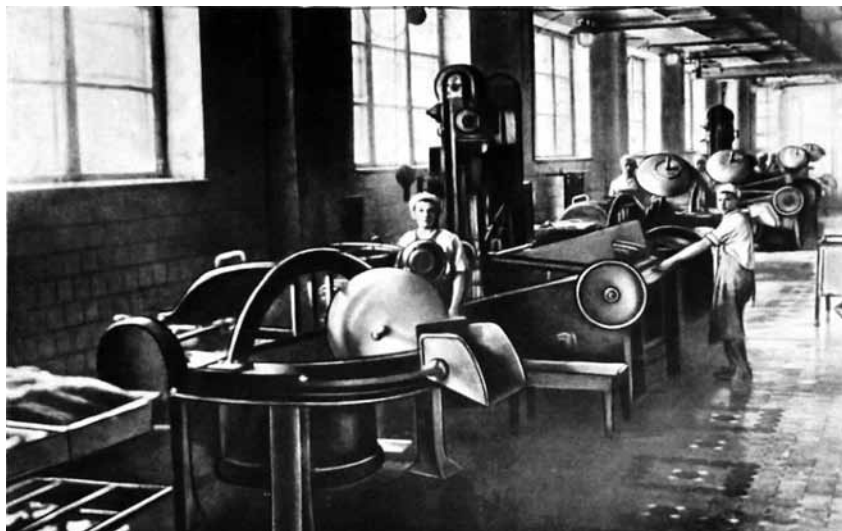

Рис. 9. Мясокомбинат в пос. Приволжский (г. Энгельс). Фото 1930-х годов

Рис. 10. Мясокомбинат в г. Энгельсе. Современная фотография

Рис. 11. Гроо Андрей
Соломонович

Рис. 12. Гоф Райнгольд
(Райнгалд) Андреевич

Рис. 13. Фогель
Андрей Николаевич

АССР НП. Приговор: дело прекращено за недостаточностью улик. Архивное дело: ОФ-4440¹⁵.

Гоф Райнгалд Андреевич (рис. 12). Анкета заполнялась 27 января 1937 г. Курсант-шприцовщик колбасного завода. 1917 г. р., немец, подданный СССР. Место рождения: Саратовский край, с. Ней-Франк. Из рабочих, имел дом, корову. Профессия — колбасник. 4 класса, б/п, «совистку не проходил». Из г. Энгельса. В семье еще восемь человек братьев и сестер. Живет в Америке сестра.

На основании «Книги памяти советских немцев — узников Богословлага» удалось установить и другие данные о Р. А. Гоф: Гоф Райнгольд Андреевич (1907?). Место рождения: Саратовская обл., Балашовский (пр.: Ней-Вальтерский) р-н, с. Ней-Франк. Пол: мужчина. Национальность: немец. Гражданство (подданство): СССР. Социальное происхождение: крестьянин. Приговор: мобилизация в трудармию. Место отбывания: Богословлаг. Мобилизован: 22.01.1942. Выбыл (дата, причина): 13.10.1945, в Базстрой¹⁶.

Фогель Андрей Николаевич (рис. 13). Шприцовщик колбасного завода. 1915 г. р., немец, подданный СССР. АССР Немцев Поволжья, с. Орловское, Маркштадского кантона. Из крестьян, семья имела дом, двор, сарай, одну лошадь, две коровы. Чернорабочий, 1-й класс, б/п, курсант мясокомбината г. Энгельса. В 1935–1936 гг. работал чернорабочим АССР немцев Поволжья, совхоз «НКВД» — уход по ликвидации. В 1921 г. после смерти родителей жил в приюте. Имел одну сестру и пятерых братьев. С 1926 по

1931 г. работал у зажиточного крестьянина в г. Маркштадт. Работал с 31 января 1937 г. по 15 июля 1937 г., уволен ввиду окончания обучения в Ленмясокомбинате.

Франц Андрей Андреевич. Свинораздельщик колбасного цеха. 1912 г. р., АССР немцев Поволжья, с. Красный Яр Красноярского сельсовета. Из крестьян, немец, подданный СССР. Семья имела избу, конюшню, 10 га земли. Окончил четыре класса. Знает немецкий и русский языки. «Совчистку не проходил». Командирован из Энгельсского мясокомбината на учебу на ЛМК в Ленинград с 25 октября по 20 января 1937 г. На ЛМК работал с 31 января 1937 г. по 15 июля 1937 г. (по окончании срока обучения). Анкета заполнялась 27 января 1937 г.

Юнкер Захар Иванович, шприцовщик колбасного цеха. Анкету заполнял 27 января 1937 г. На ЛМК работал с 31 января 1937 г. по 17 июля 1937 г., уволен по окончании срока обучения, работник Энгельсского мясокомбината. Родился в 1916 г., АССР немцев Поволжья, с. Герцогское Мариентальского р-на¹⁷, немец, из крестьян, [семья имела] избу, сарай, конюшню. Окончил четыре класса сельской школы, владеет русским и немецким языками, б/п, «совчистку не проходил». Семья состоит из 12 человек (отец, мать, четыре брата, пять сестер).

Помимо поволжских немцев, на мясокомбинате работали немцы В. Х. Эшнер из д. Гульск-Николаевка Новоград-Волынского р-на Киевской обл. и Г. Г. Глогер из местечка Михайлово Гродненской губ., Польша. Можно предположить, что они самостоятельно прибыли в Ленинград и устроились на мясокомбинат. Раньше всех в ОНУ 21 мая 1937 г. в ОНУ вызывали Г. Г. Глогера.

Эшнер Виктор Христианович, 1906 г. р., немец, Киевская обл., д. Гульск-Николаевка Новоград-Волынского р-на, подданный СССР, из крестьян. Монтер, имеет шесть классов, знает немецкий язык, б/п. Поступление в ЛМК: 1 июня 1935 г. — 25 июня 1941 г., уволен ввиду ухода в РККА. На обложке дела надпись красным карандашом: ОНУ «Надо срочно снимать. Предложить т. Киселеву в 2-дневный срок подготовить замену. 25.X.37». Подчеркнуто: «немец», «знает немецкий язык». Зять (муж сестры Эльбель Иосиф Юзефович) уехал от сестры в Австрию к отцу и матери, работает

слесарем. Оставил в Житомире жену и дочь. Связи с заграницей родственников также играли отрицательную роль. Несмотря на запись в анкете о мобилизации в РККА, указано, что «надо срочно снимать».

Глогер Густав Густавович, мешальщик колбасного цеха, 1891 г. р., родился в местечке Михайлово быв. Гродненской губернии, сейчас Польша¹⁸, из рабочих. Колбасник, немец, подданный СССР. Образование четыре класса, б/п, немецким владеет свободно. «Совчистку не проходил». Дополнительно указывалось: «Последний чин в старой армии — 8-й Кавказский военный железнодорожный отряд, г. Корокомыш, резал скот для армии с 1915 по 1917 г.». На ЛМК работал с 20 августа 1934 г. по 26 марта 1937 г. и с 22 мая 1937 г. по 1 октября 1937 г. Имел брата и трех сестер в Польше, где работают — неизвестно, остались на родине во время отхода Гродненской губернии к Польше. Анкета заполнялась 21 мая 1937 г.

Видимо, отметка в анкетах немцев-колонистов Средней Рогатки о знании немецкого языка имела целью утверждение их возможной связи с гитлеровскими войсками в начале Великой Отечественной войны. Это в дальнейшем указывалось в издаваемых в СССР постановлениях и служило основанием для депортации или расстрела.

На Ленмясокомбинате работали шуцбундовцы-политэмигранты. Республиканский шуцбунд (Republikanischer Schutzbund, Союз обороны) являлся военизированной организацией Социал-демократической партии Австрии. Шуцбунд функционировал в стране в 1923–1936 гг. В 1927 г. проходили столкновения между шуцбундовцами и государственными войсками. 12 февраля 1934 г. в знак протеста против обысков в Линце шуцбундовцы и боевики левых организаций подняли восстание в Линце, Вене и других австрийских городах. Оно было подавлено регулярными войсками. Многие члены Шуцбунда вынуждены были эмигрировать, в том числе в СССР¹⁹.

Австрийские шуцбундовцы, работавшие на Ленмясокомбинате, оказались в числе переправленных Международной организацией помощи борцам революции (МОПР) в СССР. «20 марта 1934 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение о готовности Советского Сою-

за принять всех шуцбундовцев, не подозреваемых в шпионаже». Они должны были прибыть из Праги, где находился сборный пункт. «29 марта советский полпред в Праге С. С. Александровский получил разрешение выдать 300 въездных виз». Австрийцев предполагалось трудоустроить в Москве, Ленинграде, Ростове-на-Дону. Первый поезд с 302 мужчинами, четырьмя женщинами и пятью детьми прибыл в Москву 25 апреля, следующий в июне — с 230 чел. К некоторым мужчинам затем прибыли жены и дети, другие, обосновавшись в Советском Союзе, женились на русских. Австрийцами занималась специальная комиссия под руководством секретаря ЦК ВКП(б) А. А. Жданова. В общей сложности было перевезено около 800 человек. Шуцбундовцам «обещали постоянные квартиры, минимальную зарплату в 250 руб. Трудоустройство должно было учитывать их пожелания, предоставлялась возможность переквалификации... Каждый из них по приезду получал разовое пособие в 500 руб., одежду, обувь и постельное белье... При оплате жилья им полагалась 50-процентная скидка. После трудоустройства шуцбундовцы получали обед в столовой для ударников или инженеров»²⁰.

В анкетах шуцбундовцев указывалось, что в СССР политэмигранты проживали с 1934 г. Так, А. А. Целенак жил с 3 июня 1934 г., Флассак Э. Г. — с 1 июня 1934 г., К. К. Хайк — с 24 апреля 1934 г.

Приведем выписки из анкет ОНУ шуцбундовцев-политэмигрантов.

Робль Генрих Рудольфович (рис. 14). Свинообвальщик, политэмигрант. 1913 г. р., австриец, г. Линц, подданный Австрии. Восемь классов, русский и австрийский языки. Жена — Орлова Анна Федоровна. В Австрии остались мать, два брата, сестра. Работал у хозяина мясником. 12 февраля 1934 г. по 8 мая 1934 г. был арестован в Линце за восстание против фашизма. Бежал из-под ареста в Чехословакию. Через МОПР переправлен в СССР в г. Москву, потом направлен на работу в Ленинград на 2-й колбасный завод. Хороший стахановец, норму выполняет на 125 %, добросовестный, в антисоветских настроениях не замечен. На ЛМК 28 августа 1934 г. — 23 августа 1941 г., уход в РККА. В сохранившейся трудовой книжке Робля, оформленной 10 июня 1940 г. и составленной на Ленинградском мясокомбинате им. С. М. Кирова, указано, что стаж работы

Рис. 14. Робль
Генрих Рудольфович

по найму, со слов Робля, составлял шесть лет. 28 августа 1934 г. он был зачислен обвальщиком в консервный завод. 3 февраля 1935 г. переведен в колбасный завод № 1 обвальщиком, 23 августа 1941 г. уволен по ст. 47 Д КЗОТ. Подписал пом. директора по кадрам Савченко. Здесь же указан номер приказа — № 206 от 27 декабря 1941 г.

Мне удалось выяснить, что Г. Р. Робль во время Великой Отечественной войны умер в Ленинграде в 1943 г. «Робль Генрих Рудольфович, 1914 г. р. Дата смерти: октябрь 1943. Место захоронения: неизвестно»²¹.

Целенак Альберт Альбертович. Свинообвальщик, политэмигрант. Адрес в Ленинграде: Международный пр., д. 92, кв. 19. 1910 г. р., австриец, г. Вена, мясник. В Вене есть мать, сестра, брат. Состоял в Социалистической партии II Интернационала в Австрии с 1924 по 1934 г., выбыл в связи с выездом в СССР. Был арестован в г. Вене в 1932 г., просидел под арестом 48 часов за пропаганду. Освобожден после выкупа Социалистической партией. 1935–1937 гг. работал на ЛМК. В 1937 г. начальник технического и лабораторного контроля Милованцев пишет о Целенаке как о добросовестном работнике, но в общественной жизни участия не принимает. В цехе характеризуется как стахановец, работает на 200 %. Еще один документ сообщает: Целенак Альберт Альбертович — австрийский подданный, поступил на комбинат 22 мая 1934 г., без договора. 1910 г. р., женат. В СССР проживает с 24 апреля 1934 г. Подписи: пом. директора по найму и увольнению (Путрайм), зам. начальника ОНУ (Каган). Дата: 3 апреля 1937 г.

Митергубер Иосиф Иосифович, австрийский подданный, поступил на комбинат 14 февраля 1934 г. как шуцбундовец, без договора. 1905 г. р. Женат (жена находится на его иждивении). В СССР проживает с 3 июня 1934 г.

Флассак Эрнст Германович, австрийский подданный, поступил на комбинат 8 сентября 1934 г., без договора. 1915 г. р. Женат (жена работает весовщицей на комбинате). В СССР проживает с 1 июня 1934 г.

Хайк Карл Карлович, австрийский подданный, поступил на комбинат 22 мая 1934 г., без договора. 1910 г. р, женат. В СССР проживает с 24 апреля 1934 г.

Хоек Карл Карлович. Разборщик мяса колбасного цеха, политэмигрант. 1908 г. р., австриец, г. Вена, подданный Австрии. Слесарь, восемь классов и три года техникума. В анкете, заполненной 8 августа 1937 г., К. К. Хоек указал: «В 1934 г. я бежал как политический (шуцбундовец) в Чехословакию. Потом был отправлен в СССР. Принял участие в 1927 г. в Вене в восстании, был пропагандистом на заводах Вены, сборщиком проф. и партвзносов. За коммунистическую пропаганду в Вене в 1922 г. получил 6 месяцев условно, отсидел потом 1 месяц в тюрьме». В анкете особо отмечены скандалы Хоека в доме, избиение жены, буйные выходы на работе и дома, антисоветские выкрики и хулиганство. Указано также, что врач запрещает Хоеку работать с ножами, так как он страдает эпилепсией и неврозами. ОНУ ЛМК решает уволить Хоека К. К. с помощью указаний РО НКВД: «Работал на ЛМК 19 марта 1935 г. — 20 октября 1937 г., уволен за прогул».

Под пристальным вниманием ОНУ, кроме немцев и австрийцев, находился работавший на мясокомбинате швед А. Туландер. **Туландер Александр Иванович** — шведский подданный, поступил на комбинат в 1934 г., работает без договора. 1886 г. р. Женат, имеет на иждивении сына. На анкете как особая отметка записано: «*Примечание:* Туландер А. И., уроженец г. Ленинграда, проживает все время в Ленинграде за исключением выезда за границу с 1907 по 1908 г. и с 1915 по 1916 г.».

Все работавшие на Ленмясокомбинате немцы, австрийцы и швед оказались вовлечены в исторические события СССР. Во второй половине 1920-х годов в Советском Союзе обострились экономические и внешнеполитические проблемы. Этим были вызваны и проводимые «чистки», что также отмечалось при анкетировании немцев Ленмясокомбината, например в анкетах Р. А. Гофа, А. А. Франца, З. И. Юнкера, И. И. Эйдемиллера, П. П. Эйдемиллера, Г. Г. Глогера указывалось: «совистку не проходил». Так называемые «чистки» проводились при «нагнетании идеологической обстановки и формировании образа врага, как внутреннего, так и внешнего, который якобы активно воздействовал на процессы, происходившие в стране»²².

Российские немцы были назначены одними из первых на роль внутренних врагов. В анкетных данных вызываемых в отдел найма и увольнения мясокомбината указывались родственники, которые ранее были депортированы в различные районы страны. Обвинения немцам предъявлялись и ранее 1937 г., о чем свидетельствуют записи в деле Е. А. Бок. Ее родственница, М. А. Менг, была выслана в 1935 г. без суда «за агитацию против советской власти в Среднюю Азию, а ее муж, Ф. Ф. Менг, в том же году выслан на Север СССР». Что симптоматично, указывалось, что депортацию проводили «без суда». Показателен в этом отношении и арест 24 ноября 1934 г. НКВД жителя с. Красный Яр АССР немцев Поволжья С. А. Гроо: ему предъявили обвинение за антисоветскую агитацию, но в 1935 г. еще было возможно прекращение дела «за недостаточностью улик».

Согласно присланной на мясокомбинат инструкции РО НКВД, инспектор ОНУ опрашивал приглашенных и заносил данные в документы. Помимо национальности (немец, австриец, швед), указывались год рождения, знание немецкого или иного иностранного языка, социальное положение, образование, первоначальная специальность, наличие собственности и родственников за границей СССР. По разным причинам («по сокращению штатов», «по личному желанию») увольнение проводилось начиная с 19 сентября 1937 г. В основном аргументом становилась ссылка на ст. 47 КЗОТа, по которой назывались причины увольнения: «за прогул», «за опоздание». Данная статья применялась ко всем видам нарушения трудовой дисциплины: прогулы, систематическое опоздание на работу, грубость начальству, невыполнение его указаний. В отдельных случаях указывалось на увольнение «по личному желанию», так, например, сказано в деле М. Е. Шмидт. В деле Е. А. Бок было указано, что она была уволена по сокращению штата 29 июня 1937 г. и даже с выходным пособием.

Все эти мероприятия (вызов в ОНУ, заполнение анкет, увольнение) были связаны с изданием 25 июля 1937 г. оперативного приказа НКВД СССР № 00439 «Об операциях по репрессированию германских подданных, подозревавшихся в шпионаже против СССР». Аресты начались 29 июля 1937 г. и касались в первую очередь занятых на оборонных заводах и в сфере транспорта. С осени

1937 г. эта операция постепенно распространилась на некоторые категории этнических немцев и других советских граждан, обвиняемых в «связях с Германией и шпионаже в ее пользу». По «немецкой операции» в течение 1937–1938 гг. репрессированы 55 005 человек, из которых 41 898 — расстреляны»²³.

Проанализировав работы И. В. Черказьяновой «Ленинградские немцы. Судьба военных поколений»²⁴ и Н. И. Ивановой «Путеводитель по немецким колониям Санкт-Петербурга и окрестностей»²⁵, с большой долей вероятности можно сделать вывод, что именно мужчины по возрастному цензу — 1877–1901 годов рождения — были арестованы и приговаривались к расстрелу. Смертная казнь, отмененная в начале 1920 г., в середине того же года была возобновлена. 17 января 1920 г. ВЦИК и СНК РСФСР приняли постановление «Об отмене применения высшей меры наказания (расстрела)». Но уже 20 мая того же года применение смертной казни восстановили²⁶. Существовал «количественный лимит» на репрессии. Как указывают В. Бердинских и В. Веремьев в своей книге «Краткая история ГУЛАГа», 30–31 июля 1937 г. был издан и утвержден оперативный приказ НКВД СССР № 447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других анти-советских элементов». В соответствии с ним устанавливались «количественные «лимиты по 1 (расстрел) и 2 (заключение в лагерь) для каждого региона СССР». Тройки выносили приговоры без участия арестованных и адвокатов и не подлежали обжалованию. Расстрелы приводились в исполнение «с обязательным полным сохранением в тайне времени и места проведения»²⁷. Рассматривая материалы по колонии Средняя Рогатка, можно отметить также, что расстреливали арестованных 17 февраля, 15 марта, 28 июня, 9 июля 1938 г. В дальнейшем, при ужесточении террора, особенно после начала Второй мировой войны, арестовывались и ранее депортированные немцы. По постановлению Военного совета Ленинградского фронта № 00714 от 20 марта 1941 г. люди из немецких колоний Ленинградской области были депортированы. Мне удалось установить также, что жители колонии Средняя Рогатка, в том числе и работавшие на Ленмясокомбинате, были выселены в Тюменскую, Свердловскую, Мурманскую области, Республику Саха

(Якутия). Приговоры касались не только взрослого населения, но и детей, выселявшихся вместе с родителями²⁸.

Для проводимых в 1937–1938 гг. НКВД «операций по национальной линии» подводилась база — «массовые репрессивные акции, осуществлявшиеся органами Народного комиссариата внутренних дел СССР в ходе Большого террора в отношении национальных меньшинств и групп населения, признанных контрреволюционными, ... имели целью уничтожение потенциальной “шпионско-диверсионной” базы для “пятой колонны” в преддверии возможного вступления Советского Союза в широкомасштабную войну»²⁹.

Районный отдел НКВД направил определенные инструкции для анкетирования «подозрительных» сотрудников. Немцы, австрийцы-шуббундовцы и швед были вызваны в отдел найма и увольнения. В инструкциях органы НКВД указывали на необходимость обнаружить порочащие человека сведения, прежде чем уволить его «без объяснения причин».

С началом Великой Отечественной войны 26 августа 1941 г. СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняло постановление № 2056-933 «О переселении немцев из Республики немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской областей». Около 480 тыс. этнических немцев было решено выселить в Сибирь и Казахстан (рис. 15). Проведение переселения возлагалось на НКВД с привлечением иных ведомств. 27 августа приказ был доведен непосредственно до исполнителей. Вопрос выселения рассматривался в период с 26 августа по 12 сентября 1941 г. пять раз. 30 августа Указ Президиума Верховного Совета СССР № 21-160 от 28 августа 1941 г. «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья» был опубликован в газетах. Необходимость такого шага объяснялась следующим: «По данным, полученным военными властями, среди немецкого населения, проживающего в районах Поволжья, имеются тысячи и десятки тысяч диверсантов и шпионов, которые по сигналу, полученному из Германии, должны произвести взрывы в районах, населенных немцами Поволжья. О наличии такого большого количества диверсантов и шпионов среди немцев, проживающих в районах Поволжья, советским властям никто не сообщал, следовательно, немецкое население районов Поволжья

Рис. 15. Депортация немцев Поволжья

скрывает в своей среде врагов советского народа и советской власти... Для расселения выделены изобилующие пахотной землей районы Новосибирской и Омской областей, Алтайского края, Казахстана и другие соседние местности»³⁰.

Помимо районов Поволжья депортация затронула и другие территории СССР: «С августа 1941 г. по июнь 1942 г. общее число депортированных немцев составило 1 209 430 чел., включая Московскую, Тульскую и др. области, а также Грузию, Армению, Северный Кавказ. Число высланных немцев более значительно и не поддается точной оценке, так как десятки тысяч солдат и офицеров из частей Красной армии были отправлены в трудармию — в Воркуту, Котлас, Кемерово, Челябинск и др. отдаленные области»³¹. Так, по приговору после ареста в трудармию отправили Р. А. Гофа (см. выше). Из немецких колоний молодые колонисты — мужчины, женщины и женщины с детьми — также направлялись в трудовые лагеря (трудармию). В частности, жители колонии Средняя Рогатка в марте 1942 г. были депортированы в Якутию, в апреле, июне, июле 1942 г. — в Тюменскую обл. После снятия с учета они оставались на спецпоселении до 1956 г.

В трудармию или рабочие колонны НКВД обычно призывались работоспособные мужчины от 15 до 55 лет, женщины от 16 до

45 лет. Отбор производился на сборных пунктах Наркомата обороны, подчинявшихся НКВД, в соответствии со строго секретными распоряжениями ГКО. Люди работали на строительстве «железных дорог, предприятий цветной и черной металлургии, угле- и нефтедобыче, на лесоповале»³².

Наблюдения «за подозрительными иностранцами» были установлены и за политическими эмигрантами-шугбундовцами. Не все они могли влиться в новую для них жизнь. Часть их покинула СССР еще до начала Второй мировой войны. Как указывает историк Коминтерна А. Ю. Ватлин, «своего пика поток желающих вернуться на родину достиг к лету 1935 г., об этом регулярно сообщалось органами НКВД высшему руководству страны. 31 августа 1935 г. политбюро приняло решение не препятствовать “возвращенцам” и в то же время признало ситуацию крайне тревожной. ...до 1941 г. в Австрию вернулось 220 шугбундовцев, то есть около четверти эмигрантского коллектива, разбросанного по крупнейшим городам Советского Союза». По его же данным, в СССР в годы Большого террора они наравне с советскими гражданами подвергались репрессиям со стороны органов Госбезопасности. Всего было арестовано 220 шугбундовцев, около 30 из них расстреляны. НКВД добивалась «выполнения невиданных лимитов на аресты, спущенных с самого верха»³³.

Лишь после смерти Сталина был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР 27 марта 1953 г. «Об амнистии заключенных ИТЛ МВД СССР». Однако осужденные «за контрреволюционные преступления» не подлежали амнистии. 13 декабря 1955 г. был принят указ «О снятии ограничений в правовом положении с немцев и членов их семей, находящихся на спецпоселении»³⁴.

Сведения анкет немцев, австрийцев и шведа, справки Ленмясокомбината дают представление не только о личных судьбах, но и об историческом периоде, в котором жили люди, находившиеся лишь на основании своего происхождения («по национальному признаку») под пристальным вниманием сотрудников отделов кадров предприятий (ОНУ) и НКВД. По отношению к ним применялись репрессивные меры, особенно это касалось «внутренних врагов» в период Второй мировой войны. Не все из них были реабилитированы в период 1989–2004 гг.

С. С. Р.

Карточка Комитетом Внутренних
«ГЛАВНИССО»

Ленинградский Исполнительный Комитет
«ЛЕНЫМСОКОМБИНАТ»
и. с. М. КИРОВА

ОТДЕЛ НАДЗОР И УДОБЛЕНИЙ

1/10 1940 г.

Почтовый адрес:
Ленинград и/о «ЛЕНЫМСОКОМБИНАТ»
Телефонный адрес:
«Ленгосплан», Ленинград-177
Телефоны: 3-66-01 и 3-62-88
Инженерный 5-00-27, 5-00-21-12
Добавочные 177

Т. Пилипенко
составитель

16/III 40

Прим № 1

На подлежит оглашению.

Ленинград
Завод № 47.

ОНУ Ленинградского Мясокомбината им. С. М. КИРОВА просит
выслать всестороннюю характеристику, и если имеется компрометирующий материал на гр-на Обедининцев Владимира Владимировича,
рожд. 1918 г., уроженца Ленинградской об. Суздальского уезда Боровицкой волости Рыжовского р-на
д. Ю. Колесова д. 28 работал у Вас с ————— 1937 г.
в должности Слесаря

В настоящее время работает на Ленымскокомбинате в качестве работы слесарей или
С ответом прошу не задерживать.

Нач. ОНУ Ленымскокомбината им. С. М. Кирова [подпись]
Руководителя группы ОНУ

Тем. «Лен. Цирк.» под. 102. Т-р. 1000

<h1 style="text-align: center;">ХАРАКТЕРИСТИКА</h1> <p style="text-align: center;">(заполняется РБШОМ-Горсоветом над Сельсоветом)</p>	
Фамилия	Имя
Отчество	Год рождения
<p>1. Его основное название (район, сельсовет, поселок, город, улица и пр.).</p> <p>2. Натуральное название</p> <p>3. Есть ли под этим и в чем, кому название</p> <p>4. Почему: развитие до развития и после развития</p> <p>5. Не было ли и не осталось ли от его или развития названия или прозв</p> <p>6. Скажи ли он сам или кто из родственников у себя или в семье</p> <p>7. Как он те границы</p> <p>8. Нет ли на границе развития, которую поддерживают сами.</p> <p>9. Есть ли под этим либо другой характеризующий его общественно-политический статус</p>	<p>1938 г.г.</p> <p>дом культуры у садов. 1938 г.г.</p> <p>Нет.</p> <p>Культурно-массовые организации</p> <p>Нет.</p> <p>Нет.</p> <p>Нет.</p> <p>Самостоятельно нет.</p> <p>Председатель РБШОМ</p> <p>Секретарь</p>

Характеристика сельсовета на А. А. Эйдемиллера

ОМУ Ред. прокуратуре.

Одген Карина и Каринский, зав. №47 отбавлен, что
пр-и Инженер Олег Инженер, в 1933,
работал у нас в качестве издательского
с 22/2-1937г. по 10/1-1938г. и ушел с завода
по сокращению штата. Кампроинтерпретант
Матриархал на Инженер не расщепляет.
По истечении у нас Сирасан, с 24/2-84
по 24/2-1936г. Инженер работал сирасан
на 3-м Тас. Инженер работал, по тогда
ушел

ОМУ Ред. прокуратуре.

Одген Карина и Каринский, зав. №47 отбавлен, что
пр-и Инженер Олег Инженер, в 1933,
работал у нас в качестве издательского
с 22/2-1937г. по 10/1-1938г. и ушел с завода
по сокращению штата. Кампроинтерпретант
Матриархал на Инженер не расщепляет.
По истечении у нас Сирасан, с 24/2-84
по 24/2-1936г. Инженер работал сирасан
на 3-м Тас. Инженер работал, по тогда
ушел

Ответ на запрос № 18067 от ОНУ завода № 47

Иван

№Х-108
ОКП-ООР

Не подписать! Оглашение
Подписать! Ассурты

Г Л А В Н Ы Е

ЛЕНИНГРАДСКИЙ МЯСНОЙ КОМБИНАТ — ЛЕНИНСОЮЗКОМБИНАТ
ИМЕНИ С. М. КИРОВА

г. Ленинград, Ср. Рогатки, Мясокомбинат шоссе—Отдел №15 в Ушалях, тел. № _____

Иск. № _____ Ист. № _____

Ч. Ку. окон. работ. Букутово Бико района Лен. обл.

Отдел №15 в Ушалях Ленинского Комбината им. С. М. КИРОВА просит на обороте сего в своем распоряжении передать следующие сведения по гражданам:

Будылинский

Будылинский пол. № _____ рождения _____ района _____

1913 г.р., с/милитаризованного окла. *Букутово*

Будылинский *Б. Б. Колосов*, 28 лет, арестован.

По месту жительства или сведения гр-н *Будылинский Артем Андреевич*

проживающий на родном до 1937 заключенный Ямал, о 1934

работавший по найму. В настоящее время раб. в мясной

фабрике у тов. Андрея Будылина, там же проживающий

3 брата и 1 мать Марию Федоровну

Указанный гр-н (гр-ки) работает по специальности Машиноводом. На основании существующих постановлений Правительства, просьба подробно изложить требования следствия.

ПРИМЕЧАНИЕ: Просьба принять меры к установкам района, сельсовета, а также к проверке записок по назначению, не ограничиваясь отсылкой, так как в связи с частыми территориальными изменениями мы не в состоянии иногда назвать точный адрес.

Моя подпись: *по Ивану*
в Ушалях *[подпись]*

номер Т-6-38 -

на бл. формата ТП 104мм

Ответ на запрос Слуцкого районного исполнительного комитета

Характеристика
 Эйдемиллер Екатерина Андреевна
 1923 г. рождения поступила в 3-й
 мех. цех фабрики 5/X-1939 г. 4
 работала по 10/XII-1940 г.
 в должности курьера.
 В работе справлялась, замечаний
 не имела. В общественной жизни
 завода не участвовала.
 М. Бондарь
 Нач. 3-го цеха (Вагранов)
 11/XI-41
 Эйдемиллер Катин (пакет)

Характеристика на Е. А. Эйдемиллер. 10 апреля 1941 г.

Начальнику завода технического цеха
 тов. Петрову Н. И.
 От Эйдемиллер Екатерины Андреевны
 Заявление
 Прошу вас принять меня курьером
 в Ваш завод.
 Лет от роду было 16.
 окончила шесть классов.
 службу с родителями в колхозе
 на Средней - Вятке до 1939.
 Прошу не отказать.
 Эйдемиллер Екатерина
 11/39

Курьером принята
 с 10.04.41
 19.04.41
 11/39

Внуч
 Курьером
 принята
 11/39

Заявление о приеме на работу Е. А. Эйдемиллер

Библиография

Источники и материалы

Анкетные данные ОНУ, справки Завода технических фабрикатов (Ленмяско-комбината им. С. М. Кирова).

Фотографии. Ф. 1. Немецкие колонии, Средняя Рогатка (собрание музея «Немцы в Санкт-Петербурге и окрестностях»).

Научная литература

Бердинских В. А., Веремьев В. И. Краткая история ГУЛАГа. М.: Ломоносовъ, 2019. 448 с.

Валиев М. Т. Семья Цшохеров — ученики школы Карла Мая // Немцы в Санкт-Петербурге: Биографический аспект. XVIII–XX вв. / отв. ред. Т. А. Шрадер. Вып. 10. СПб.: МАЭ РАН, 2017. С. 327–348.

Ватлин А. Ю. «Мы имеем дело с очень хорошим человеческим материалом». Австрийские шугбундовцы в СССР // Исторический журнал: научные исследования. 2014. № 2 (20). С. 196–209. URL: [https://docviewer.yandex.ru/view/0/?page=1&* = YzRhOGEyNTAma2V5bm89MCJ9&lang=ru](https://docviewer.yandex.ru/view/0/?page=1&*=YzRhOGEyNTAma2V5bm89MCJ9&lang=ru) (дата обращения: 03.11.2023).

Иванова Н. И. 3 Ф или Ф в кубе // Немцы в Санкт-Петербурге: Биографический аспект. XVIII–XX вв. / отв. ред. Т. А. Шрадер. Вып. 11. СПб.: МАЭ РАН, 2018. С. 168–173.

Иванова Н. И. Путеводитель по немецким колониям Санкт-Петербурга и окрестностей. СПб.: Нестор-История, 2015. 366 с.

Киселева Е. Л. Чистки государственных учреждений в 1929–1932 гг. как советский метод борьбы с бюрократией // Вестник РУДН. Сер. «История России». 2009. № 4. С. 60–74.

Савин А. Национальные операции НКВД СССР // Энциклопедия изгнаний. Депортация, принудительное выселение и этническая чистка в Европе в XX веке // редкол.: Д. Брандес, Х. Зундхауссен, Ш. Требст; отв. ред. Д. Мешков. М.: РОССПЕН, 2013. С. 317–320.

Черказьянова И. В. Ленинградские немцы. Судьба военных поколений 1941–1955. СПб.: Нестор-История, 2011. 399 с.

Электронные информационные ресурсы

Витгенштейн Петр Христианович // Википедия: [сайт]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Витгенштейн_Петр_Христианович (дата обращения: 25.10.2023).

Герцог // Geschichte der Wolgadeutschen: [сайт]. URL: <https://lexikon.wolgadeutsche.net/article/483> (дата обращения: 03.11.2023).

Гоф Райнгольд Андреевич // Википедия: [сайт]. URL: [https://ru.openlist.wiki/Гоф_Райнгольд_Андреевич_\(1907\)](https://ru.openlist.wiki/Гоф_Райнгольд_Андреевич_(1907)) (дата обращения: 02.06.2023).

Гульск // Википедия: [сайт]. URL: <https://ru.wikipedia.org/ГУЛЬСК> (дата обращения: 08.12.2023).

Дувальтер Христина Федоровна // Википедия: [сайт]. URL: [https://ru.openlist.wiki/Дувальтер_Христина_Федоровна_\(1905\)](https://ru.openlist.wiki/Дувальтер_Христина_Федоровна_(1905)) (дата обращения: 25.10.2023).

Жертвы политического террора: [сайт]. URL: <https://lists.memo.ru/> (дата обращения: 25.10.2023).

Книга памяти Саратовской обл. Подготовительные материалы // Жертвы политического террора: [сайт]. URL: <https://ru.openlist.wiki/> Категория: Книга_памяти_Саратовской_обл._-_подготовительные_материалы (дата обращения: 08.12.2022).

Красный Яр // Википедия: [сайт]. URL: https://ru.wikipedia.org/Красный_Яр (дата обращения: 08.12.2023).

Михайлово-Незабудка // Академик: [сайт]. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/68158 (дата обращения: 03.11.2023).

Музей истории САФУ (ЦИКНА), Центр сохранения историко-культурного наследия Арктики // Арктик-фонд САФУ: [сайт]. URL: https://library.narfu.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=55 (дата обращения: 08.11.2023).

Пищевая промышленность // Архивы Санкт-Петербурга: [сайт]. URL: <https://spbarchives.ru/infres/-/archive/cga/guide/127> (дата обращения: 01.12.2023).

ПО «Стрела»: [сайт]. URL: <https://orgstrela.ru/about/istoriya> (дата обращения: 02.11.2023).

По следам погибшей цивилизации. Красный Яр, Подстёпное и Старицкое // Туристер: [сайт]. URL: https://www.tourister.ru/responses/id_35732 (дата обращения: 21.11.2023).

Поволжские немцы // Wolgadeutsche: [сайт]. URL: <http://wolgadeutsche.ru/centr.tv/catalog/item719.html> (дата обращения: 08.12.2023).

Робль Генрих Рудольфович // Возвращенные имена. Книги памяти России: [сайт]. (Блокада, т. 25). URL: <https://visz.nlr.ru/blockade/show/1417585> (дата обращения: 02.06.2023).

Тюменева Т. Необычный старинный костел-каплицу можно увидеть в поселке Сиверский // Российская газета. 2023. 31 мая. URL: <https://rg.ru/2023/05/31/reg-szfo/siverskaia-dachnaia-mestnost.html> (дата обращения: 26.10.2023).

* * *

¹ Витгенштейн (Сайн-Витгенштейн) Петр (Людвиг Адольф Петер) Христианович (1768–1843), генерал-фельдмаршал. В Отечественной войне 1812 г. командир корпуса, охранявшего подступы к столице Российской империи — Санкт-Петербургу. В 1813 г. — главнокомандующий русской армией в Заграничных походах русской армии. В начале Русско-турецкой войны 1828–1829 гг. — главнокомандующий русской армией (Витгенштейн Петр Христианович // Википедия: [сайт]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Витгенштейн_Петр_Христианович).

² Тюменева Т. Необычный старинный костел-каплицу можно увидеть в поселке Сиверский // Российская газета. 2023. 31 мая. URL: <https://rg.ru/2023/05/31/reg-szfo/siverskaia-dachnaia-mestnost.html>.

³ Иванова Н. И. 3 Ф или Ф в кубе // Немцы в Санкт-Петербурге: Биографический аспект. XVIII–XX вв. Вып. 11. СПб.: МАЭ РАН, 2018. С. 168–173.

⁴ Постановлением Наркомата снабжения СССР от 2 августа 1931 г. учреждено Управление строительства мясокомбината Ленинградского отделения Всесоюзного проектного строительного треста «Мясохладстрой». 5 ноября 1931 г. произведена

закладка комбината. Опытная эксплуатация комбината началась в 1933 г., в декабре 1934 г. ему было присвоено имя С. М. Кирова, принят в эксплуатацию по акту от 24 июня 1935 г. В состав комбината вошли заводы — первичной переработки скота, 1-й колбасный, медицинских препаратов, холодильник. В 1934–1954 гг. комбинат находился в ведении Главного управления мясной промышленности союзных наркоматов (с 1946 г. министерств) снабжения (1934), пищевой промышленности (1934–1939), мясной и молочной промышленности (1939–1953), легкой и пищевой промышленности (1953), промышленности продовольственных товаров (1953–1954), промышленности мясных и молочных продуктов (1954–1957). В 1957–1965 гг. комбинат подчинялся Управлению мясной и молочной промышленности Ленсовнархоза, с января 1966 г. — Ленинградскому управлению мясной промышленности Министерства мясной и молочной промышленности РСФСР. В состав мясокомбината с 1969 г. входили мясоперерабатывающие заводы Ленинградской области (Волховский, Выборгский, Лодейнопольский, Лужский, Сланцевский, Тихвинский), Красносельская фабрика. В 1944 г. комбинат был награжден орденом Трудового Красного Знамени. Приказом министерства от 26 января 1970 г. комбинат реорганизован в Ленинградское производственное объединение предприятий мясной промышленности им. С. М. Кирова, которое 23 ноября 1992 г. было реорганизовано в АООТ (с 14 мая 1996 г. — АОЗТ, с 7 июня 1996 г. — ОАО) «Самсон» (Пищевая промышленность // Архивы Санкт-Петербурга: [сайт]. URL: <https://spbarchives.ru/infres/-/archive/cga/guide/127>).

⁵ Источники данных: БД «Жертвы политического террора в СССР»; ИЦ ГУВД Тюменской обл. (Дувальтер Хрестина Федоровна // Википедия: [сайт]. URL: https://ru.openlist.wiki/Дувальтер_Хрестина_Федоровна (1905)).

⁶ Ленинградский (авиационный) завод № 47. В 1925 г. на территории корпусного аэродрома Ленинградского военного округа была создана ремонтно-авиационная мастерская (РАМ-3) по ремонту самолетов и моторов. 1 июня 1928 г. РАМ-3 преобразуется в авиаремонтный завод № 47. С тех пор эта дата, 1 июня 1928 г., стала днем рождения завода № 47. В первые месяцы Великой Отечественной войны в связи с угрозой блокады г. Ленинграда началась срочная эвакуация завода № 47 в г. Чкалов (сейчас — г. Оренбург). В составе шести эшелонов в глубокий тыл было переправлено оборудование, материалы, детали, 3608 работников завода вместе с семьями (ПО «Стрела»: [сайт]. URL: <https://orgstrela.ru/about/istoriya>).

⁷ Киселева Е. Л. Чистки государственных учреждений в 1929–1932 гг. как советский метод борьбы с бюрократией // Вестник РУДН. Сер. «История России». 2009. № 4. С. 60–74.

⁸ Цшохер Альфред (Иоганес Отто Альфред) Оскарович родился 7 марта 1883 г. в Петербурге в семье О. В. Цшохера, преподавателя математики и коммерческих наук гимназии К. Мая, и Аманды Ясковской. В 1901 г. зачислен на физико-математический факультет Санкт-Петербургского университета, в 1902 г. перевелся на факультет восточных языков. В 1906–1908 гг. учился в Мюнхене. В 1908–1911 гг. — на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета. С началом Первой мировой войны мобилизован, в 1915–1917 гг. — секретарь Военно-промышленного комитета. В 1918 г. — музыкальный отдел Наркомпроса, уполномо-

ченный по музыкальным делам в Витебске; в 1924–1932 гг. — адвокат. С 1932 г. в Ленинграде. В 1942 г. умер в Ленинграде, похоронен на Пискаревском кладбище (*Валиев М. Т.* *Семья Цшохеров — ученики школы Карла Мая // Немцы в Санкт-Петербурге: Биографический аспект. XVIII–XX вв. / отв. ред. Т. А. Шрадер. Вып. 10. СПб.: МАЭ РАН, 2017. С. 327–348).*

⁹Цшохер Максимилиан Оскарович родился 18 мая 1887 г. в Петербурге в семье О. В. Цшохера, преподавателя математики и коммерческих наук гимназии К. Мая, и Аманды Ясковской. Брат Альфреда Цшохера. Профессор, ботаник, зав. кафедрой ботаники АЛТИ. Место проживания: г. Архангельск. Дата ареста: 4 января 1942 г. Обвинение «в антисоветской пораженческой агитации, контрреволюционной клевете на положение трудящихся в СССР и внешнюю политику Советского Союза, восхваление фашизма». Приговор: 10 лет ИТЛ. Реабилитация: апрель 1989 г. (Музей истории САФУ (ЦИКНА), Центр сохранения историко-культурного наследия Арктики // Арктик-фонд САФУ: [сайт]. URL: https://library.narf.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=55).

¹⁰В 1924 г. постановлением советского правительства была создана Автономная Республика немцев Поволжья. К началу 1940 г. немецкое население составляло 366,7 тыс. чел. Немцы в СССР проживали также в районе Саратова, Сталинграда, Воронежа, Москвы, Ленинграда, Крыма и Северного Кавказа. Всего в РФ насчитывалось 862,5 тыс., на Украине — 392,7 тыс., в Казахстане — 92,7 тыс., в Азербайджане — 23,1 тыс., в Грузии — 20,5 тыс. (*Бердинских В. А., Веремьев В. И.* *Краткая история ГУЛАГа. М.: Ломоносовъ, 2019. С. 159).*

¹¹16 июля 1931 г. СНК СССР вынес решение о строительстве мясокомбината в г. Покровске (19 октября 1931 г. переименован в Энгельс). 16 августа 1932 г. состоялась закладка первых корпусов в пос. Приволжский (быв. село Куккус), расположенном южнее г. Энгельса. В 1936 г. мясокомбинат вошел в строй. В 1941 г. после начала Великой Отечественной войны монтаж основного оборудования прекратили, корпус передали оборонному заводу им. С. Орджоникидзе № 213, эвакуированному из Москвы. Комбинат обеспечивал фронт и население мясными консервами, колбасными изделиями, пищевыми концентратами. Цех медицинских препаратов освоил производство лекарств. 31 декабря 1992 г. мясокомбинат «Энгельсский» был переименован в АООТ «Мясокомбинат Покровский» (приказ № 48 от 2 марта 1993 г.). 22 марта 1996 г. АООТ мясокомбинат «Покровский» был перерегистрирован как ОАО мясокомбинат «Покровский». На основании протокола общего собрания акционеров от 7 июля 1999 г. переименован в ОАО «Энгельсский мясокомбинат», в начале 2000 г. началась процедура банкротства и деятельность предприятия была прекращена (По следам погибшей цивилизации. Красный Яр, Подстёпное и Старицкое // Туристер: [сайт]. URL: https://www.tourister.ru/responses/id_35732).

¹²Красный Яр // Википедия: [сайт]. URL: https://ru.wikipedia.org/Красный_Яр.

¹³Гульск (укр. Гульськ) — центр Гульского сельского совета, в состав которого другие населенные пункты не входят. Село известно с 1577 г. Расположено по берегам реки Случ, в 11 км от районного центра, в 4 км от железнодорожной станции Новоград-Волинский-II (Гульск // Википедия: [сайт]. URL: <https://ru.wikipedia.org/ГУЛЬСК>).

¹⁴ Кантон Най-Франк, Ней-Франк / Neu-Frank (также Франк, Франкер-Хутор / Franker-Chutor, Ново-Франк, Хутор Крестовского Буерака, Медведицко-Крестовый Буерак, Крестовско-Медведицкий Буерак) находится в 115 км к юго-западу от Саратова. До 1917 г. — Саратовская губ., Аткарский у., Колокольцовская/Медведицкая вол. После 1917 г. вошло в состав Франкского (Медведицко-Крестово-Буеракского) кантона Республики немцев Поволжья. В советский период — АССР НП, Франкский (Медведицко-Крестово-Буеракский) к-н / Медведицкий (Франкский) р-н, с 1927 г. — Саратовская обл., Ней-Вальтерский/Баландинский р-н. В 1942 г. переименован в с. Красноармейское Свердловского р-на. Сейчас — с. Красноармейское Калининского района Саратовской области (Поволжские немцы // Wolgadeutsche: [сайт]. URL: <http://wolgadeutsche.rucentr.tv/catalog/item719.html>).

¹⁵ 28 августа 1941 г. был издан Указ Президиума ВС СССР о переселении немцев, проживавших в районах Поволжья, в Казахстан, Сибирь. По материалам БД «Жертвы политического террора в СССР», «Книга памяти Саратовской обл. Подготовительные материалы» фамилия «Гроо» была распространенной в дер. Красный Яр. Часть немцев была расстреляна (г. Энгельс, 1937–1938), другая депортирована в Сибирь, Казахстан. Часть из депортированных расстреляна (Омск, 1942), часть — оставлена на поселение (Томская обл.), в ИТЛ, трудармии (Книга памяти Саратовской обл. Подготовительные материалы // Жертвы политического террора: [сайт]. URL: https://ru.openlist.wiki/Категория:Книга_памяти_Саратовской_обл._подготовительные_материалы).

¹⁶ Книга памяти советских немцев. Свердловская обл. Богословлаг. Открытый список (Гоф Райнгольд Андреевич // Википедия: [сайт]. URL: [https://ru.openlist.wiki/Гоф_Райнгольд_Андреевич_\(1907\)](https://ru.openlist.wiki/Гоф_Райнгольд_Андреевич_(1907))).

¹⁷ Село Герцогское (Герцог) основано 14 июля 1766 г. 32 семействами выходцами из Баварии. Наименование «Герцог» получила по фамилии первого старосты. Жители — католики. Колония относилась сначала к католическому приходу Мариенталь, затем Роледер, а с 1904 г. — Герцог. В 1927–1941 гг. село Герцогское (Герцог) входило в Мариентальский кантон АССР НП. Являлось административным центром Герцогского сельского совета. В 1926 г. в Герцогский сельсовет входили с. Герцог и Лесная сторожка. После депортации немцев в 1941 г. с. Герцог в составе Мариентальского (с 19 мая 1942 г. — Советского) района отошло к Саратовской области; 5 июня 1942 г. переименовано в село Суслы. В настоящее время не существует (Герцог // Geschichte der Wolgadeutschen: [сайт]. URL: <https://lexikon.wolgadeutsche.net/article/483>).

¹⁸ Колония Михайлово (Михайлово-Незабудка) Гродненской губ. Дворов — 238, жителей — 2208 чел. Лютеранская церковь, еврейский молитвенный дом, 2 школы, 10 лавок, 3 корчмы. Винокуренный завод, 33 суконных фабрики (Михайлово-Незабудка // Академик: [сайт]. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/68158).

¹⁹ Поволжские немцы // Wolgadeutsche: [сайт].

²⁰ Ватлин А. Ю. «Мы имеем дело с очень хорошим человеческим материалом». Австрийские шувбундовцы в СССР // Исторический журнал: научные исследова-

ния. 2014. № 2 (20). С. 196–209. URL: https://docviewer.yandex.ru/view/0/?page=1&*=YzRhOGFyNTAma2V5bm89MCJ9&lang=ru.

²¹ Робль Генрих Рудольфович // Возвращенные имена. Книги памяти России: [сайт]. (Блокада, т. 25). URL: <https://vizz.nlr.ru/blockade/show/1417585>.

²² Киселева Е. Л. Указ. соч.

²³ Бердинских В. А., Веремьев В. И. Указ. соч. С. 84.

²⁴ Черказьянова И. В. Ленинградские немцы. Судьба военных поколений 1941–1955. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 71–393.

²⁵ Иванова Н. И. Путеводитель по немецким колониям Санкт-Петербурга и окрестностей. СПб.: Нестор-История, 2015. С. 261–265.

²⁶ Бердинских В. А., Веремьев В. И. Указ. соч. С. 367.

²⁷ Там же. С. 85.

²⁸ Жертвы политического террора: [сайт]. URL: <https://lists.memo.ru/>.

²⁹ Савин А. Национальные операции НКВД СССР // Энциклопедия изгнаний. Депортация, принудительное выселение и этническая чистка в Европе в XX веке / редкол. Д. Брандес, Х. Зундхауссен, Ш. Требст; отв. ред. Д. Мешков. М.: РОССПЕН, 2013. С. 317.

³⁰ Бердинских В. А., Веремьев В. И. Указ. соч. С. 160–161.

³¹ Там же. С. 164–165.

³² Там же. С. 165.

³³ Ватлин А. Ю. Указ. соч.

³⁴ Бердинских В. А., Веремьев В. И. Указ. соч. С. 395, 397.

Е. Т. Захарова

**«ПАМЯТЬ — ЕДИНСТВЕННОЕ ОРУЖИЕ МЕРТВЫХ».
ВЫДЕРЖКИ ИЗ ДНЕВНИКА М. И. ГЕССЕ**

В 2018 г. силами инициативной группы сотрудников Института экспериментальной медицины (ИЭМ) были изучены в архиве ИЭМ личные и в архиве ФСБ — следственные дела репрессированных во времена Большого террора (1937–1938) сотрудников института. Одной из сотрудниц была Маргарита Ивановна Гессе, доктор медицинских наук (1935), ученица знаменитого академика Н. Н. Аничкова, внесшая большой вклад в учение его школы об атеросклерозе, немка по происхождению и супруга выдающегося трансфузиолога Эрика Романовича Гессе. Оба были репрессированы. В фокусе статьи находится дневник М. И. Гессе, в котором в непривычном для этого жанра эго-документов через цитаты и изречения знаменитых поэтов и литераторов запечатлены чувства и мысли автора, оказавшейся внутри сталинских репрессий и тяжело переживавшей разлуку с супругом. Таким образом, отдельные судьбы советских немцев оказываются частью мирового культурного контекста.

Ключевые слова: репрессии 1930-х годов, Маргарита Ивановна Гессе, Институт экспериментальной медицины, российские немцы.

E. T. Zakharova

**“MEMORY IS THE ONLY WEAPON OF THE DEAD”.
EXTRACTS FROM THE DIARY OF M. I. HESSE**

In 2018, an initiative group of employees of the Institute of Experimental Medicine (IEM) studied in the IEM archive the personal files and in the archive of Russian Federal Security Service the investigative files of the Institute's employees repressed during the Great Terror (1937–1938). One of the employees of the Institute was Margarita Ivanovna Hesse, Doctor of Medical Sciences (1935), a student of the famous academician Nikolay Anichkov, who made a great contribution to the teachings of his school about atherosclerosis, a German by origin and the wife of the outstanding transfusiologist Eric Hesse. Both were repressed. The focus of this article is the diary of Margarita Hesse, in which the feelings and thoughts of the author, who found herself inside the Stalinist repressions and suffered the separation from her husband, are captured through quotations and sayings of famous poets and writers, in an unusual way for this genre of ego-documents. In this way, the individual fates of Soviet Germans become part of the world cultural context.

Keywords: Stalinist repressions of the 1930s, Margarita Ivanovna Hesse, Institute of Experimental Medicine, Russian Germans.

В 2018 г. силами инициативной группы сотрудников Института экспериментальной медицины (ИЭМ) были изучены в архиве ИЭМ личные и в архиве ФСБ — следственные дела репрессированных во времена Большого террора (1937–1938) сотрудников института. На пожертвования сотрудников в том же году были установлены памятник сотрудникам ИЭМ — жертвам террора на мемориальном кладбище в Левашово и памятная мемориальная доска в актовом зале института, на которой выбиты имена 46 сотрудников, из которых 24 были расстреляны, 4 умерли в лагерях и 18 выжили в тюрьмах, лагерях и ссылках¹. Среди выживших был врач-патологоанатом М. И. Гессе².

Рис. 1. Маргарита Ивановна Гессе, урожденная Кох (14.10.1886, Раквере — 26.09.1953, Екатеринбург)

Маргарита Ивановна Гессе (рис. 1), урожденная Кох (14.10.1886, Раквере — 26.09.1953, Свердловск), сотрудница Ленинградского ИЭМ (1921–1937), доктор медицинских наук (1935), ученица знаменитого академика Н. Н. Аничкова, внесшая большой вклад в учение его школы об атеросклерозе, была арестована 13 октября 1937 г. по «делу о шпионской организации микробиологов», руководителем которой якобы был ее муж, врач и выдающийся трансфузиолог, репрессированный **Эрик Романович Гессе** (1883, Выборг — 1938, Левашово)³.

В 1958–1959 гг. супруги Гессе, прибалтийские немцы, «за отсутствием состава преступления» были посмертно реабилитированы (учтены в Ленинградском мартирологе, т. 10–12)⁴.

Эрик Романович Гессе (рис. 2) родился 28 июля 1883 г. в Выборге, в имении Монрепо (Великое княжество Финляндское Российской империи), в семье главного пастора петербургской лютеранской церкви Анненкирхе Роберта Эммануила Гессе (1835–1887). Младшему Эрику было четыре года, когда умер его отец, оставив сиротами пятерых детей. Р. Э. Гессе похоронен на Смоленском лютеранском кладбище Петербурга, а его родители — мать, урожденная баронесса Ungern-Steinberg A. S. Hesse (1801–1883), и отец, суперинтендант, оберпастор G. E. Hesse (1796–1882), — на эстонском острове Сааремаа. Мать Эрика, Елизавета Робертовна Шиманн (1842–1932), начальница евангелического общества, обладала суровым и твердым характером, и, несмотря на вдовство, сумела всем детям дать хорошее образование⁵.

Рис. 2. Эрик Романович Гессе (28.07.1883, Выборг, Монрепо — 26.11.1938, Лен. обл., Левашово)

Немец по национальности, дворянского сословия, Эрик Романович получил блестящее образование: окончив гимназию Анненшуле (1902), он поступил в Императорский Дерптский университет (ныне — Тарту, Эстония), через год перешел в Императорскую Военную-медицинскую академию, продолжив образование в двух старейших европейских университетах — Кенигсбергском и Тюбингенском (1907). В 1918 г. он уже главврач и заведующий хирургическим отделением больницы Свято-Троицкой общины сестер милосердия и одновременно — заведующий отделением нейрохирургии Психоневрологического института В. М. Бехтерева. Начав применять переливание крови для лечения больных (1921), Эрик Романович в 1931 г. организовал первую в Ленинграде станцию переливания крови, преобразованную им в Ленинградский научно-исследовательский институт переливания крови (ЛИПК), директо-

ром которого он стал в 1934 г. В ЛИПК были выработаны основные положения для организации донорства в СССР. Будучи прекрасным хирургом (известна операция Гессе), Эрик Романович одним из первых обратился к хирургии вегетативной нервной системы, а в 1937 г. стал одним из авторов первого советского трехтомного руководства «Частная хирургия», по которому учились все хирурги нашей страны. Арестован 14 августа 1937 г., осужден приговором военного трибунала от 15 июля 1938 г., расстрелян 26 ноября 1938 г.

Его жену, Маргариту Ивановну Гессе, арестовали как социально опасный элемент (СОЭ) и осудили на пять лет заключения в исправительно-трудовом лагере (ИТЛ) в Казахстане (1937–1942), где после отбытия срока она должна была находиться на поселении под надзором органов НКВД как лицо немецкой национальности. Только в 1946 г. Маргарита Ивановна смогла выехать в Березовск, находившийся в 12 км от Свердловска (ныне — Екатеринбург), куда после войны переехала ее дочь, **Мария Эриковна Тафф** (1917, Петроград — 1987, Минск), эвакуированная с семьей в Казахстан во время ленинградской блокады. С 1947 г. и до самой смерти Маргарита Ивановна работала в Свердловске заведующей патологоанатомическим отделением НИИ Охраны Материнства и Детства и, по совместительству, прозектором Центральной клинической больницы.

Находясь на поселении в Казахстане, а позднее проживая в Березовске и Свердловске, она вела дневник, в который записывала тексты из прочитанных книг, созвучные ее мыслям и чувствам. С дневником Маргариты Ивановны Гессе мы смогли ознакомиться уже после публикации монографии «Маргарита Ивановна и Эрик Романович Гессе»⁶, архивный материал и фотографии к которой были предоставлены семьей правнучки Гессе, **Дарьи Решетняк**. Дневник хранился у ее матери, внучки Гессе, урожденной Тафф, **Татьяны Александровны Решетняк** (1947, Свердловск — 2014, Минск), преподавателя физики в минской гимназии № 2, и был любезно доставлен из Минска отцом Дарьи, **Виктором Ивановичем Решетняком**. По словам Виктора Ивановича, Мария Эриковна в трудные минуты жизни не раз обращалась к дневнику матери и очень его берегла.

Своеобразие дневника Маргариты Ивановны в том, что он не структурирован, как принято в обычном смысле: в дневнике почти нет дат и запечатленных событий. Это выписки из книг, отражавшие собственные переживания Маргариты Ивановны и оказавшиеся подлинным документом человека, пережившего репрессии. Быть откровенной было опасно — в любой момент могли прийти из органов с обыском и изъять записи, которые могли стать причиной нового ареста.

«Здесь не бывает следствия, нет никакой возможности доказать свою невиновность. Никакой защиты. Ничего. Сегодня — один, завтра — другой. Каждый может стать жертвой этой системы» — выписывала она из книги «В третьей империи. В баракке концлагеря» Клауса Гинрияса, или: *«Утечет еще немало воды прежде, чем правосудие сольется со справедливостью»* — из книги В. Гюго «Человек, который смеется» [здесь и далее курсив и выделение текста жирным шрифтом мои. — Е. З.].

Тексты Маргарита Ивановна записывала главным образом по-немецки (приведены в переводе Ильи и Майи Надельсон). Возможно, часть немецких книг дочь Гессе сумела переправить из Ленинграда на новое местожительство, а, быть может, ряд иностранных книг Маргарита Ивановна могла найти и в библиотеках Свердловска. Думается, что немецкие стихи Гейне, в большом количестве цитируемые в дневнике, она знала наизусть, так как происходила из высококультурной дворянской семьи прибалтийских немцев.

Цитаты в дневнике приведены на немецком, французском, английском, шведском и русском языках, которыми владела автор дневника, дочь эстонского потомственного почетного гражданина, агронома *Ивана Андреевича Коха*, и «домохозяйки дворянского происхождения» *Софьи Людвиговны Икскуль*, представительницы эстляндского баронского рода начала XIII в., в седьмом колене рода которой был граф *Бурхард Христов фон Мюнних* (1683–1767), непобедимый российский генерал-фельдмаршал немецкого происхождения, инженер и государственный деятель, сподвижник Петра I (1721–1725).

Не дожив до реабилитации, Маргарита Ивановна так и не узнала о расстрельной судьбе мужа, о котором в дневнике написала

пронзительными словами писателя А. Дж. Кронины (Цитадель): **«Мне ничего не надо, только бы мы были вместе!»** и словами Йогана Штраусса, которые записала 30 августа 1948 г.: **“I shall remember you every day of my life”** («Я буду помнить о тебе всю жизнь»).

Совсем немного записей в дневнике от первого лица, почти все по-немецки: несколько текстов, три авторских стихотворения с инициалами **М. К.** (урожденная **Маргарита Кох**) и слова своего коллеги, знаменитого ленинградского патологоанатома **Владимира Георгиевича Гаршина** (1887–1956) о гордости: **«Гордость — хорошая вещь, М. Ив. [Маргарита Ивановна. — Е. З.], только вот не тепло от нее».**

Вспоминая в ссылке эти слова Гаршина, Маргарита Ивановна отвечала ему текстом из «Комментариев к биографии Лермонтова» А. И. Герцена: **«Надо обладать беспредельной гордостью, чтобы высоко держать голову, имея цепи на руках и ногах!»**

* * *

М. К. (по-немецки):

Временами пессимизм кажется мне единственным реальным мировоззрением.

***Всегда будь готов к худшему в жизни:** к тому, что отражают самые тяжелые лихорадочные фантазии в бессонные ночи. Тогда удары судьбы редко превзойдут твои ожидания, и ты даже можешь быть приятно удивлен.*

* * *

М. К. (по-немецки):

*Он должен был <...> наконец, понять — не было никакой справедливости. <...> **За один день он был сделан врагом народа, и даже самые близкие друзья не осмеливались замолвить за него слово.***

Из воспоминаний родственников Гессе известно, что **Ромен Роллан** (1866–1944), французский писатель, нобелевский лауреат по литературе (1915), драматург и общественный деятель, обращался к руководству СССР с просьбой об освобождении Эрика Романовича, но безуспешно.

* * *

М. К.

14/VIII 40 г. «Успеть к тебе пред тем, как умереть!»

Для 9/22. Апрель 1940 г. (создано весной 1938 г.)

An Erich — Эриху (рис. 3)

(перевод с немецкого И. А. Колесниковой. 2023 г.)

Мой взор навек хранит твой образ светлый,
Он так знаком, что не могла бы я
Портрет тот приуменьшить ни на йоту.
Стремлюсь к тебе и так люблю тебя.

Все отнято, чем раньше обладал ты,
Что создавал трудами день за днем:
Дом, сад, семья, работа. И вымыслом ужасным
Ты без вины грехом обременен.

Добычей став, ты с грубым ликованьем
Был вырван из среды, где призван жить.
Я помню, как сегодня, миг прощанья
И верую, ты сможешь победить.

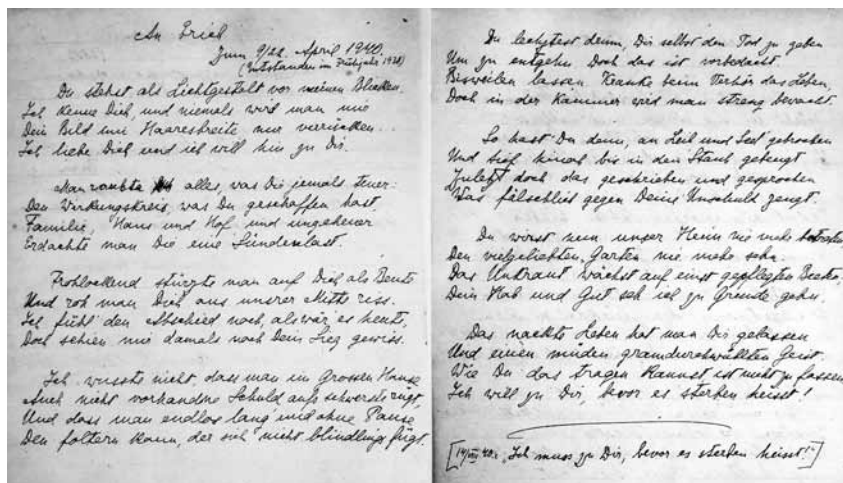

Рис. 3. Страницы Дневника М. И. Гессе. Стихотворение «К Эриху», 1938 г.

Не знала я: есть Дом Большой, где судят
Безвинных за отсутствие вины,
Где бесконечно, непрерывно будут
Под пыткой люди, что не сломлены.

Ты мысленно пути для смерти просишь,
Как воли. Однако всё предрешено.
Да, смерть случиться может на допросе,
Но в камере надзор усилен всё равно.

Надломлен дух и стонет плоть от боли,
Достоинство и честь повержены во прах.
Признание и подпись в протоколе
Звучат как лжесвидетельство в устах.

Родного не увидишь вновь порога
И не войдешь в наш садик, столь любимый.
На клумбах сорняков там нынче много,
Зачахло всё, что было так хранимо.

Наедине с тоскою беспросветной
Скорбящий дух не устает терпеть.
Мне не понять, как ты выносишь это.
Хочу к тебе, пред тем как умереть.

* * *

М. К.

Traum und Wirklichkeit — Грезы и реальность

(перевод с немецкого И. А. Колесниковой. 2023 г. Эпиграф взят из стихотворения Г. Гейне «Фрау Зорге», процитированного в дневнике).

Случается, снова мне снится
То полное счастья житье,
И станет отраднее биться
Изнывшее сердце мое...

*Живу средь прекрасных видений,
Лишь стоит глаза мне прикрыть.
В лесу, под тенистою сенью
Темницу стремлюсь позабыть.*

*В кругу самых близких, любимых
Счастливое время лети.
Но вот поутру семь пробило,
Очнулась я вновь взаперти.*

*Вижу, мальчики наши мужают
И проводят в трудах свои дни.
Прямо, честно по жизни шагают.
Верю, счастливы будут они.*

*В грезах вижу сельскую местность
И Эрих с Душеном там.
Много мирных связующих нитей
Протянулось оттуда к нам.*

*Труд нелегкий на ниве апрельской
Продолжаем, все силы собрав,
Подкрепляясь трапезой сельской,
С ароматом весенних трав.*

*Усердно работая вместе,
Мы грядок возделаем ряд.
Как счастлив отец и как весел,
Когда созерцает свой сад.*

*Под рукой его, знающей дело,
Все ростки и побеги выросли.
С огромной любовью возделал
Отец свой кусочек земли.*

*Смех отца беззаботно струится,
Вижу образ любимый, но вдруг
Заставляет от грез пробудиться
Злая сила, что правит вокруг.*

*Во снах представляется часто,
Что грезы мои наяву.
Проснувшись, горюю о счастье,
Что нам никогда не вернуть.*

*Взираю на прожитый опыт
Не в силах понять, что со мной.
В душе потрясенье и ропот,
Реальность как ужас ночной.*

* * *

М. К.

Stumme Qual — Безмолвное страдание

(перевод с немецкого И. А. Колесниковой. 2023 г. Эпиграф взят из стихотворения Г. Гейне «Тайна», процитированного в дневнике).

На дне души в мученьях скрыта
Кровавой тайны немота.

*Труд жизни моей уничтожен.
Семьи лишена я и кровя.
Угасла во мне жажда жизни,
Как знать, возродится ли снова.*

*Снести во стократ тяжелее
То зло, что не в силах простить.
У друга свободу украли
И волю сумели сломить.*

*Хотя разрывается сердце,
От тайных страданий болит,
Я буду в искусном притворстве
Всегда беззаботна на вид.*

*Источником силы, опорой
Должна я для многих служить.
А, значит, немое страданье
Должна я в душе схоронить.*

* * *

Поражает удивительное попадание некоторых книжных текстов дневника в судьбу самих супругов Гессе, как, например, вот этот, про «библиотеку». Зная из воспоминаний В. И. Решетняка о судьбе огромной научной библиотеки Э. Р. Гессе, казалось, что Маргарита Ивановна скрыла собственный текст под фамилией немецкого писателя Вилли Бределя. Однако поиск в Интернете по ключевым словам показал совпадение текста в дневнике с текстом автора.

Бредель («Испытание»):

«Он сознался?

— Нет. Но так утверждают другие обвиняемые.

— Как же можно, чтобы они давали такие показания?

— Ну что ты спрашиваешь? Ведь **известно, как их допрашивают.**

— Удалось ли тебе спасти часть книг?

— Нет, они все взяли... **Они унесли все книги... Он так гордился своей библиотекой! И они все унесли, все унесли!»**

Предметом гордости профессора Гессе, директора и научного руководителя Ленинградского института переливания крови (1932–1937), была большая научная библиотека, которой могли пользоваться все сотрудники созданного им института. После его ареста библиотека была изъята органами НКВД. По свидетельству дочери Гессе, М. Э. Тафф, занимавшейся реабилитацией родителей, за конфискованную огромную научную библиотеку отца она получила в Ленинграде компенсацию, на которую смогла купить два пальто и диван.

* * *

Войнич («Овод»):

«Судить штатского человека тайным военным судом — несправедливо и незаконно».

Муж Маргариты Ивановны, **врач и ученый, Эрик Романович Гессе, был осужден приговором военного трибунала** в закрытом судебном заседании без участия обвинения, защиты и вызова свидетелей по ст. 17-58-9 УК РСФСР к высшей мере наказания, расстрелу, с конфискацией имущества. Обвинение: по заданию

Рис. 4. Памятник Э. Р. Гессе и его племянникам на мемориальном кладбище в Левашово (Лен. обл., Горское шоссе, 143), поставленный внучкой Ф. К. Гессе, Ириной Генриховной Щегловой, в 2019 г.

фашистов заражал кровь, предназначенную для переливания. Реабилитирован посмертно 18 февраля 1959 г.⁷

В 2019 г. родственница Гессе, **Ирина Генриховна Щеглова**, на немецкой площадке мемориального кладбища в Левашово установила кенотаф Эрику Романовичу и его петербургским племянникам, **Фридриху Карловичу Гессе (1894–1938)**, **Герберту Карловичу Гессе (1888–1938)** и **Леонгарду Карловичу Гессе (1890–1937)**, расстрелянным по спискам «немецких шпионов» (рис. 4). Ирина Генриховна, внучка Фридриха Карловича Гессе, предоставила поколенную роспись семейного древа Гессе, составленную сыном Эрика Романовича, **Романом Эриковичем Гессе (1908–1998)**, по которой отцы Эрика Романовича и **Германа Гессе (1877–1962)**, нобелевского лауреата по литературе (1946), являлись двоюродными братьями⁸.

* * *

Герхард Пол Аптон Синклер («Человек и работа»):

«Нашли основания, чтобы его арестовать. Но правда остается, даже в кандалах, правдой».

* * *

Ромен Роллан («Жизнь Микеланджело»):

«Время от времени я впадаю в великую печаль, как случается с теми, кто живет вдалеке от родного дома» (Письмо Микеланджело от 19/VIII, 1497. Рим).

Известно, что, тоскуя по Ленинграду, Маргарита Ивановна в начале 50-х нелегально приезжала в любимый город повидать друзей⁹. За это она могла получить 25 лет концлагеря, имея ограничение проживания в крупных городах.

* * *

Виктор Гюго («Человек, который смеется»):

«Луи Бонапарт назначал таких судей, что перед ними каждый чувствовал себя в положении человека, на которого напали разбойники».

«Строить догадки относительно людей, которых уже нет и которых мы любили, — значит подвергать себя пытке. Какие бы предположения ни делать, о чем бы ни думать, все причиняет острую невыразимую боль».

* * *

Оскар Уайльд («Тюремная исповедь»):

«Я прошел через все возможные виды страдания. Порою скорбь мне кажется единственной правдой».

«Мне <...> это кажется случившемся, я не скажу даже вчера, а сегодня. Страдание есть один чрезвычайно продолжительный миг...»

* * *

Будучи человеком высокой культуры, Маргарита Ивановна рассматривала свою судьбу через призму мировой литературы. В дневнике, служившем для осмысления произошедшего и преодоления

одиночества, она находила единомышленников в лице выдающихся писателей и поэтов, которыми для нее стали Фейхтвангер и Гейне, Ромен Роллан и Виктор Гюго, Бальзак и Мопассан, Горький и Тарле, Маяковский и Лермонтов, Оскар Уайльд и Войнич, Герцен и Чернышевский, Брехт, Анна Зегерс и многие другие. Ее собственные страдания и переживаемые события уже происходили в истории человечества и были описаны в литературе. И в этом смысле дневник — это уникальный документ человека, для которого выписанные тексты были не просто словами, а реальной жизнью. Можно только удивляться душе автора, попавшей в смертельный вихрь, уносивший миллионы, которая смогла пережить эти страдания, остаться милосердной, сострадательной к людям и не потерять веру в будущее. Об этом говорят выписанные ею слова из текстов **Н. Г. Чернышевского**: *«Высочайший патриотизм — страстное, беспредельное желание блага родине»* и **Гюго**: *«Будущее принадлежит книге, а не мечу»*.

С разрешения и одобрения родственников семьи Гессе мы публикуем выдержки из дневника Маргариты Ивановны под инициалами М. К. (Маргарита Кох), сгруппированные нами по смыслу текстов на подзаголовки: «О страдании», «О творчестве», «О гордости», «О справедливости» и т. п.

Маргарита Ивановна Гессе
Дневник М. К. (1938–1948).
Избранное

Сначала страдал я жестоко
И думал — не вынести никак;
И все-таки — вынес. Но только
Меня ты не спрашивай — как?

Генрих Гейне

(стихотворение на немецком
из дневника М. И. Гессе)

«...такая рана никогда не заживает!»

Кауфман (из дневника М. И. Гессе)

О страдании

«Много лет избегал он этих воспоминаний. А если все-таки что-нибудь всплывало в памяти — он вздрагивал, словно от укола. Теперь он дал всему этому неспешно пройти перед своим внутренним взором. И находил в себе только изумление: оказывается, уже не больно, думал он, оказывается, мне все равно. **Сколько ужасного должно было произойти за это время, раз это уже не причиняет боли!**»

Anna Seghers (Анна Зегерс. На немецком).

Das siebte Kreuz [Седьмой крест. Сборник рассказов. 1939]

* * *

«Я мертв для всех чувств, кроме тоски и отчаяния».

«Мне <...> это кажется случившемся, я не скажу даже вчера, а сегодня. **Страдание есть один чрезвычайно продолжительный миг.** Мы не можем разделить его на части. Мы можем лишь запомнить его оттенки и вести летопись их возвращения. Для нас само время не движется вперед. Оно вращается. И кажется, что оно кружится вокруг одного центра страдания».

«Скорбь — это рана, сочащаяся кровью, если ее касается иная рука, кроме руки любви, и даже в этом случае она должна вновь источать кровь, хотя и не в мучениях.

Где горе — там место свято. Порою скорбь кажется мне единственной правдой».

Оскар Уайльд. De profundis (Тюремная исповедь)

[Письма из Рэдингской тюрьмы]

* * *

«Титаническая душа Бетховена слилась с душою Кристофа, преисполнила музыкой его чело, принявшее, казалось, колоссальные размеры. Как стихия пронеслась она по земле, и, как в природе, в нем самом бушуют бури. Бури ярости! Бури скорби! О, какой скорби! <...> Но что для него скорбь? Для него, такого сильного! <...> Страдать! Еще, еще страдать! <...> Ах, как хорошо быть сильным! Как хорошо страдать, когда ты сильнее страдания!»

«...не следует слишком много страдать. Бывает такое слишком, которое ожесточает душу».

Ромен Роллан. Жан Кристоф

[перевод Л. С. Соколовой. 1937 г. Роман «Жан-Кристоф» (1904–1912), состоящий из 10 книг. Жан-Кристоф Крафт — гениальный музыкант, чья судьба отчасти повторяет судьбу Бетховена].

* * *

«...страдания только сильных делают сильнее, слабого же еще слабее. <...> Многих изгнание сузило, но лучшим оно дало широту, гибкость, понимание существенного, великого».

Лион Фейхтвангер. Изгнание

* * *

Что я живу? Но скорбь — наставник мудрых;
Скорбь — знание. И тот, кто им богаче,
Тот должен был в страданиях постигнуть,
Что древо знания — не древо жизни.

Lord Byron. Manfred

[поэма Байрона «Манфред». На немецком. В переводе Ивана Бунина:

Не странно ли, что я еще имею
Подобие и облик человека].

* * *

Сначала страдал я жестоко
 И думал — не вынести никак;
 И все-таки — вынес... Но только
 Меня ты не спрашивай — как?

Heinrich Heine. Buch der Lieder. Lieder 8

(Книга песен. Песня 8)

[из сборника Гейне «Лорелея». В переводе с немецкого П. Вейнберга]

* * *

Одиноко я страдаю
 Под покровом тьмы ночной.
 Смех и радость мне несносны,
 Как и самый свет дневной.

Одиноко я рыдаю
 В непробудной тишине,
 Но тоски, меня грызущей
 Не залить слезами мне.

Heinrich Heine. Poetische Nachlese. Lieder

(Генрих Гейне. Поэтическое прочтение песни. На немецком) [пер. Д. Д. Минаев (1835–1889). Оригинал: нем. Minneklage («Einsam klag ich meine Leiden...»), опублик. в 1822 г. Полное собрание сочинений Генриха Гейне / под ред. и с биограф. очерком П. Вейнберга. 2-е изд. СПб.: Издание А. Ф. Маркса, 1904. Т. 6. С. 6–7].

* * *

«Маяковский начал свой литературный путь, ошеломленный, потрясенный неимоверностью человеческого несчастья и страдания».

О Маяковском. Бачелис [Илья Израилевич Бачелис (1902–1951), советский журналист, кинодраматург, корреспондент «Комсомольской правды» (1928–1938) по вопросам литературы и искусства. Лауреат Сталинской премии второй степени (1948) за сценарий фильма «Москва — столица СССР»].

* * *

(1823 г. Предложение брака с Ульрикой отклонено.)

«Если бы Гете в это время умер, — пишет Эмиль Людвиг, — он умер бы побежденным. К счастью, он выжил, и в ледяной стене своей скорби он вырубил себе лестницу, чтобы подняться по ней до таких высот, каких никогда еще не достигал...»

(Гете не ответил Бетховену на письмо.)

Гете и Бетховен [Ромен Роллан. Музыканты прошлых дней. Музыканты наших дней. Издатель: Художественная литература, 1935]

* * *

«У меня одно желание: спать, спать глубоким сном, чтобы для меня перестало существовать всякое ощущение человеческих горестей».

**Вагнер к Листу, 5/VI 1855 г.
[Ромен Роллан. Музыканты прошлых дней. Музыканты наших дней]**

* * *

«Решительно нет никакого соотношения между идеей страдания и существом, корчащимся в муках и истекающем кровью! И еще большая пропасть лежит между мыслью о смерти и конвульсиями человека, изнемогающего в последней борьбе».

Ромен Роллан. Жан Кристоф. Утро
(после смерти Жан-Мишеля)

О чувствах

«Всего больше те люди шутят, у которых сердце ноет».

Максим Горький. Мать

* * *

«День был светлый. <...> был виден ослепительно сверкающий снег на крышах, искрились серебряные чепчики на столбах забора и скворешнике. <...> в клетках, пронизанных солнцем, играли мои птицы; щебетали веселые ручные чижи, скрипели снегири, зали-

вался щегол. Но веселый серебряный и звонкий этот день не радовал, был не нужен, и все было не нужно».

М. Горький. Детство

* * *

«Если кто, смеясь, говорит о своем большом горе, это значит — он плачет».

Тэффи [Н. А. Тэффи. Ностальгия. 1920 г.]

* * *

(в 60 лет Гете сказал Римеру — 24/VII 1809 г.):

«Только тот, кто отдавался своей чувствительности, может сделаться самым твердым и холодным. Ему нужно одеться в плотную броню, чтобы защититься от грубых прикосновений. И как часто эта броня бывает ему тяжела!»

«Подавление чувствительности у Гете есть проявление инстинкта самозащиты, чудовищное принуждение которого скрывает иногда в себе душевную тревогу».

Гете и Бетховен

[Ромен Роллан. Музыканты прошлых дней.

Музыканты наших дней]

* * *

«Горе вытравило все человеческие чувства у этого человека».

Бальзак. Гобсек

* * *

«Горе стирает с лица искусственную краску».

Фейхтвангер. Еврей Зюс

* * *

«Единственное, что было важно для него, как и для всякого способного чувствовать существа, — это избавиться от невыносимых мук. Но прекратятся ли они потому, что что-то изменится, или <...> умрет сама способность чувствовать — это вопрос второстепенный».

«Чувствовать или не чувствовать боль — зависит от усилия его воли; он не хочет ее чувствовать, он заставит ее утихнуть».

Войнич. Овод

[роман английской писательницы Этель Лилиан Войнич (1864–1960) «Овод» рисует образ пламенного революционера, борца за освобождение Италии от австрийского господства. Книга впервые увидела свет в Нью-Йорке (1897), а затем в Лондоне. Почти два года после завершения работы над «Оводом» автор не могла найти издателя, но после публикации был оглушительный успех, особенно в России].

* * *

«С отчаянием в душе, но с виду холодный и методичный, давал он свои уроки...»

«Он [Кристоф] не знал еще, что *искренность* есть такой же редкий дар, как ум и красота, и что несправедливо требовать ее ото всех».

«*Ревность* действительно привязывает, но только порочные сердца, чистые же она навсегда отталкивает».

Ромен Роллан. Жан Кристоф. Юность (Отрочество)

* * *

М а р с е л и н а. ...Ревность...

Ф и г а р о. ...это неразумное дитя гордости или же припадок буйного помешательства.

Baumarchais. La folle journée ou le mariage de Figaro (Бомарше. Женидьба Фигаро) [На французском. Действие 4, явление 13].

* * *

«Действительно, похоже есть трогательные случаи у летчиков, берущие за душу, когда товарищи с невыразимыми усилиями, на грани нервного надрыва, пытаются казаться — как ни в чем не бывало; подхватывают висельный юмор других, смеясь безысходно вместе с ними этим мужским смехом на краю перекошенного лица смерти».

Alfred Kantorowics. Die vergessene Brigade

(Забытая бригада. На немецком)

[Альфред Канторович (1899–1979), немецкий антифашист и публицист. «Испанский военный дневник». 1948, Восточный Берлин, «Spanisches Tagebuch» II].

* * *

«Мне все здесь противно. Но я стараюсь не думать об этом... Я замуровываю себя».

Ромен Роллан. Жан Кристоф. Сердце Парижа

О творчестве

«И он узнал, наконец, радость творчества. В душе его вспыхнул свет, озаряющий все, все, что есть, что было и что будет. Нет иной радости, кроме радости творчества. Все радости жизни — это радости творчества: любовь, гений, работа — языки пламени, вырвавшиеся из единого горнила. Творить в недрах тела или в недрах духа — это выйти из темницы одиночества и ринуться в ураган жизни. *Творить — значит победить смерть*».

Ромен Роллан. Жан Кристоф. Мятёж [Бунт]

* * *

«Для великих достижений в искусстве — писал Ибсен — одного таланта недостаточно. Необходимо еще другое и большее, чем талант: страсти, страдания, наполняющие жизнь и сообщающие ей смысл. Без этого не может быть творчества, разве только — сочинительство».

Ромен Роллан. Жан Кристоф. Сердце Парижа

* * *

«Писать хорошие стихи — не хитрое дело, хорошую прозу писать куда труднее. “Проза отнимала у меня всегда гораздо больше времени, чем стихи”, — говорил Лессинг, а Ницше сказал: “Над страницей прозы надо работать, как над статуей”».

Lion Feuchtwanger. Exil (Изгнание. На немецком)
[Первая публикация в 1940 г.]

* * *

«Высшая и единственная форма жизни для художника — это способность выражать себя».

«Не широта, а напряженность переживаний — истинная цель современного искусства».

Оскар Уайльд. [Тюремная исповедь]

* * *

«<...> он хотел быть всем — инженером, подмастерьем, камнетесом; он хотел все делать сам: воздвигать дворцы, церкви, все один. Это была жизнь каторжника. Он не давал себе даже времени на то, чтобы поесть или выспаться. <...> Но на что употреблял он свое богатство? Он жил бедняком, прикованным к своей работе, как лошадь, к жернову. Чудовищный труд, на который он себя обрек на протяжении девяноста лет своей жизни, без единого дня отдыха, без единого дня настоящей жизни, даже не послужил ему для того, чтобы довести до конца хотя бы один из его великих замыслов. <...> Микеланджело, дойдя до конца своих дней, с горечью созерцал свою жизнь, прожитую напрасно, свои бесполезные усилия, свои произведения, недоконченные, уничтоженные, незавершенные».

Ромен Роллан. Микеланджело

* * *

«Чье-то могучее дыхание обновляло мое дыханье, наполняло меня радостью и скорбью, равно благотворными: ибо те и другие дышали силой, а сила всегда есть радость».

**Вагнер-Листу по поводу исполнения
«Зигфрида» в концерте**

[Ромен Роллан. Музыканты прошлых дней.
Музыканты наших дней].

* * *

«Где, когда, какой великий выбирал путь, чтобы протоптанней и легче?»

Маяковский

[Отрывок из стихотворения, написанного на смерть Есенина: «В этой жизни помереть не трудно. Сделать жизнь значительно трудней» (1926:

Это время —
трудновато для пера,
но скажите
вы,
калеки и калекши,

где,
 когда,
 какой великий выбирал
 путь,
 чтобы протоптанней
 и легче?]

* * *

«Гете — музыкант в поэзии, как Бетховен — поэт в музыке...
 Гете и Бетховен императоры Мировой Души».

Гете и Бетховен

[Ромен Роллан. Музыканты прошлых дней. Музыканты наших дней]

* * *

Ссылка и гонения не сломили Лермонтова. Он пел бурю в своих стихах:

*А он мятежный просит бури,
 Как будто в буре есть покой!*

И Лермонтов и Некрасов могли вслед за Ювеналом сказать о своем творчестве: **«Негодование рождает стих»** [*негодование порождает стих*, то есть заставляет выступить в качестве сатирика поэта. Вошедшее в поговорку выражение это представляет цитату из Ювенала (Satur. I)]

* * *

(Вагнер) «Я совсем одинок». «Я часто думаю о смерти. Пока я работаю, я могу создавать себе иллюзию, но как только я начинаю создавать, иллюзия рассеивается, и тогда я бываю невыразимо несчастен. Вот она, прекрасная жизнь художника! Как бы охотно отдал я ее за одну неделю настоящей жизни!»

«Я не понимаю, как человеку, действительно счастливому, может прийти в голову заниматься искусством».

Ромен Роллан [Музыканты наших дней]

О Боге

«К Богу как к источнику силы, подобно растениям к солнцу, тянутся слабые и ослабевшие в борьбе за жизнь. Но тот, кто носит в себе и солнце, и жизнь, тому не нужно искать ее вовне!»

Ромен Роллан. Жан-Кристоф. Юность

* * *

«Единственное, что извиняет всевышнего, — это то, что он не существует».

Виноградов. Три цвета времени
(Александр Тургенев в 1828 г. брату в Англию)

О достоинстве

«Не дано богами человеку, — процитировал в ответ Теренций одного греческого трагика, — лучшего пути показать свое достоинство, чем путь терпения».

Lion Feuchtwanger. Der falsche Nero
(Варрон говорит с Марцией)
[Лион Фейхтвангер. Лже-Нерон. Роман издан в 1936 г. голландским издательством Querido Verlag в Амстердаме. Язык оригинала — немецкий].

* * *

«Дидерих убедился, что все здесь — обращение, особый жаргон, муштра — сводится к одному: вышибить, насколько возможно, чувство собственного достоинства из человека. <...> Всех и каждого круто и неуклонно низводили до положения тли, ничтожной частицы, теста, которое месит чья-то гигантская воля. Безумием и гибелью было бы возмутиться даже в самой сокровенной глубине сердца».

Heinrich Mann. Der Untertan (Верноподданный. На немецком)
[В романе Генриха Манна (1871–1950) «Верноподданный» (1914) дана широкая картина жизни кайзеровской Германии начала XX в.].

О жизни и смерти

«Если все потеряно и нет надежды, жизнь — это позор, а смерть — долг».

Вольтер (по-немецки)

* * *

«...стариковское дело — дело трудное. Мир вокруг тебя меняется, и если ты сам не меняешься тоже, то места тебе нет».

«И в день, когда моя сила угаснет, когда у меня не будет больше моих глаз, моих мясистых ноздрей и глотки под ними, куда спускаешь вино и где так хорошо подвешен мой неутомимый язык, когда у меня не будет больше моих рук, ловкости моих пальцев и моей свежей мощи, когда я буду очень стар, бескровен и бестолков <...> в этот день, Брюньон, меня уже не будет».

Ромен Роллан. Кола Брюньон

* * *

Жизнь — это работа, ремесло, которому приходится учиться. Если человек познал жизнь, потому что прошел через ее горести, его нервная система крепнет и приобретает определенную гибкость, позволяющую ему управлять своей чувствительностью. Тогда он превращает свои нервы в стальную пружину, и она, сгибаясь, не ломается. Если пищеварение хорошее, то человек, обработанный таким образом, должен жить столь же долго, как знаменитые ливанские кедры».

Бальзак. Гобсек

* * *

Временами пессимизм кажется мне единственным реальным мировоззрением.

Всегда будь готов к худшему в жизни: к тому, что отражают самые тяжелые лихорадочные фантазии в бессонные ночи. Тогда удары судьбы редко превзойдут твои ожидания, и ты даже можешь быть приятно удивлен.

М. К. (на немецком)

* * *

«Смерти он не боялся. <...> В своей посмертной вечной славе он был вполне уверен. Свою изумительную жизнь он объяснял больше всего совсем особыми, исключительными условиями, совпадение которых может встретиться раз в тысячелетие. “Какой роман моя жизнь!” — сказал он однажды Лас Казу на острове св. Елены».

«И в памяти человечества навсегда остался гигантский образ, который в психологии одних перекликался с образами Атиллы, Тамерлана и Чингисхана, в душе других — с именами Александра Македонского и Юлия Цезаря, но который по мере роста исторических исследований все более и более выясняется в неповторимом своеобразии и поразительной индивидуальной сложности».

Тарле. Наполеон

* * *

«...Время идет. Ты удивишься, как быстро оно проходит».

Thornton Wilder. The Bridge of San Luis Rey

(Тортон Уайлдер. Мост святого Людовика. На английском)

* * *

«В жизни нужно уметь идти напролом, и тот, кто чувствует страх и обладает слишком большим мягкосердечием, должен оставаться внизу и позволять плевать себе на голову».

Фейхтвангер. Еврей Зюс

* * *

«Микеланджело строго осудил своего племянника Лионардо за то, что тот отпраздновал рождение своего сына <...> Устраивать подобный праздник только из-за того, что кто-то появился на свет, значит быть лишенным здравого смысла. Радость надо приберечь ко дню, когда умирает человек, хорошо проживший свою жизнь».

Ромен Роллан. Микеланджело

* * *

«Но из этих двух смертей (Вагнер и Берлиоз) — насколько печальнее смерть художника, который не верит и у которого вместе с тем не хватает силы и стоицизма, чтобы не верить, который <...> замыкается в неприступное молчание, над которым не склоняется

в последнюю минуту лицо любимого существа, которому даже не дано утешения верить в свое творчество, спокойно взглянуть на исполненный труд, окинуть гордым взором пройденную дорогу, доверчиво отдохнуть на воспоминаниях о прекрасной героической жизни, который повторяет перед смертью зловещие слова Шекспира, открывающие и заключающие “Мемуары”:

Life's but a walking shadow... [Жизнь — всего лишь блуждающая тень...].

Вагнер к Листу, 5/VI 1855 г.

[Ромен Роллан. Музыканты прошлых дней.

Музыканты наших дней]

* * *

«Я только что случайно перечел жизнь Пигмалиона у Плутарха. Но жизнь — вещь совершенно неслыханная и редкая — кончается счастливо, и это исключительный случай в истории. Отрадно думать, что такая жизнь возможна. Это вызвало во мне глубокое волнение».

Вагнер писал Мальвиде фон Мейзенбуг

[Ромен Роллан. Музыканты наших дней. *Malwida von Meysenbug* (1816–1903) — немецкая писательница, номинант первой Нобелевской премии по литературе 1901 г.].

* * *

«...but it is better to die like men than live like slaves» (Лучше умереть, чем жить подобно рабам).

«Lieber tot als in der Knechtsebaft leben» (Лучше умереть, чем жить в рабстве).

Walter Scott. Ivanhoe (Вальтер Скотт. Айвенго).

[написано дважды — на английском и немецком языках]

* * *

«Будущее принадлежит Вольтеру, а не Крупну. Будущее принадлежит книге, а не мечу. Будущее принадлежит жизни, а не смерти».

Виктор Гюго. Человек, который смеется

[Исторический роман, написанный в 1860-х годах. Действие происходит в Англии конца XVII — начала XVIII в.]

* * *

«И вот, милый друг, все было кончено для меня. Я увидел оборотную сторону жизни, ее изнанку; и с того самого дня лучшая ее сторона перестала существовать для меня. <...> Но с тех пор я потерял всякий вкус к жизни, ничего не хочу, никого не люблю...»

Guy de Maupassant (Ги де Мопассан. На французском)
[Сборник новелл Miss Harriet/Мисс Гарриет 1884. Garçon, un bock! <...> Гарсон, кружку пива! С. 266. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 3. МП «Аурика», 1994. Перевод А. Полляк]

* * *

«Робеспьер: “Да, ты прав. Я не из тех счастливых, что живут изо дня в день, не страдая постоянно ни от предвидения будущего, ни от воспоминаний о прошлом... И, однако, Симон, сила вещей приведет нас, быть может, к цели, о которой мы и не помышляем”».

Romain Rolland. Robespierre (на немецком)
[Ромэн Роллан. Робеспьер. Пьеса 1938 г. посвящена событиям Великой французской революции 1789–1794 гг. *«Я не старался их идеализировать. Я не пытался утаить их ошибки и заблуждения. Меня самого захватила могучая волна, которая увлекла их за собой. Я видел то, что было искреннего в этих людях, губивших друг друга, я видел грозную судьбу революций. Так было не только в те времена. Так бывало и во все времена. И по мере сил я попытался это показать»*].

* * *

«Вся жизнь есть непрерывное чередование тяжелой действительности со скоропроходящими сновидениями и грезами о счастье» (в программе 4-й симфонии)».

[Создание Четвертой симфонии подробно описывалось Чайковским в письмах к Н. Ф. Мекк, которую он ей и посвятил с надписью на первой странице партитуры: «Моему лучшему другу». Композитор работал над симфонией после тяжелого душевного кризиса, вызванного неудачной женитьбой. О первой части он пишет: «Это фатум, это та роковая сила, которая мешает порыву к счастью дойти до цели, которая ревниво стережет, чтобы благополучие и покой не были безоблачны, которая как Дамоклов меч

висит над головой и неуклонно, постоянно отравляет душу... Итак, **вся жизнь есть непрерывное чередование тяжелой действительности со скоропроходящими сновидениями и грезами о счастье...** Пристани нет. Плыви по этому морю, пока оно не охватит и не погрузит тебя в глубину свою»].

О любви

«Так трудно убедить себя в смерти людей, которых мы так глубоко любили. Но они не мертвы — они живут в нас, в нашей душе. Только теперь, когда я больше не живу среди живых и, следовательно, вся суэта в моей душе исчезает, я могу говорить об этом без предвзятости».

Heinrich Heine. Memoiren (Гейне. Воспоминания)

* * *

«Мне ничего не надо, только бы мы были вместе».

Кронин. Цитадель

* * *

«Строить догадки относительно людей, которых уже нет и которых мы любим, значит, подвергать себя пытке. Какие бы предположения он ни делал, о чем бы он ни думал, все причиняло ему острую, невыразимую боль...»

Виктор Гюго. Человек, который смеется
[исторический роман, написанный в 1860-х годах. Главный герой романа — Гуинплен, ещё мальчиком умышленно изуродованный компрачикосами. Действие происходит в Англии конца XVII — начала XVIII в.]

* * *

«Каждый человек, перед которым стоит возможность несчастья, спешит обратиться к внутренней опоре, скрытой в его душе. Эта непоколебимая опора для одного — его идея, для другого — его вера, для третьего — его любовь к семье. А у иных ничего нет. У них нет непоколебимой опоры, внешняя жизнь со всеми своими ужасами может на них обрушиться и задавить».

Анна Зегерс

* * *

«...как, по-видимому, ни печально потерять в начале своей жизни тех, кого любишь, все же это менее ужасно, чем утратить их позднее, когда источники жизни уже иссякли».

Ромен Роллан. Жан-Кристоф. Антуанетта

* * *

«Он попросту привязан к ней, она нужна ему. Лишись он возможности говорить с ней о своих делах, приятных и неприятных, эти дела потеряли бы для него всякий интерес. Исчезни она из его жизни, эта жизнь потеряла бы всякий смысл».

Lion Feuchtwanger. Exil (Изгнание. На немецком)
Wiesener in Gedanken an Lea (Визенер в мыслях о Лео)
[первая публикация в 1940 г.]

* * *

(Горио): «...Жизнь моя в моих дочерях. Если им весело, если они счастливы, нарядно одеты, если они ходят по коврам, то не все ли равно, из какого сукна сшита моя одежда и где мне приходится спать. Мне не холодно, если им тепло, мне никогда не бывает скучно, если они смеются».

Бальзак. Человеческая комедия. Отец Горио

* * *

Г р а ф. ...Наши жены думают, что если они нас любят, то это уже все, так любят (в том случае, если действительно любят) и до того предупредительны, так всегда услужливы, неизменно и при любых обстоятельствах, что в один прекрасный вечер, к вящему своему изумлению, вместо того чтобы вновь ощутить блаженство, начинаешь испытывать пресыщение. <...> В самом деле, Сюзон, мне часто приходило в голову, что если мы ищем на стороне нового наслаждения, которого не находим у себя дома, то это потому, что наши жены не владеют в достаточной мере искусством поддерживать в нас влечение, любить всякий раз по-новому, оживлять, если можно так выразиться, прелесть обладания прелестью разнообразия.

Baumarchais. La folle journée ou le mariage de Figaro
(Бомарше. Безумный день или женитьба Фигаро.
На французском) [действие 5, явление 7]

* * *

«Он требовал больше, чем жизнь, он требовал счастья».

Анатолий Франс

* * *

Александр Блок

*Я знал ее еще тогда,
В те баснословные года.*

Тютчев

Прошли года, но ты — все та же:
Строга, прекрасна и ясна;
Лишь волосы немного глаже,
И в них сверкает седина.

А я — склонен над грудой книжной,
Высокий сгорбленный старик, —
С одною думой непостижной
Смотрю на твой спокойный лик.

Да. Нас года не изменили.
Живем и дышим, как тогда.
И, вспоминая, сохранили
Те, баснословные года...

Их светлый пепел — в длинной урне,
Наш светлый дух — в лазурной мгле,
И все чудесней и лазурней —
Дышать прошедшим на земле.

* * *

«I shall remember you every day of my life» (Я буду помнить о тебе каждый день своей жизни).

Йоган Штраусс. 30/VIII 1948 г.

О мужестве

«...у меня в тот раз было сломано, кажется, все, что только можно сломать, кроме разве шеи.

— И вашего мужества, - мягко вставила Джемма.

Он покачал головой.

— Нет, мужество мое кое-как было подклеено потом вместе со всем прочим, что от меня осталось. Но тогда оно было раздавлено, как чайная чашка. Мое мужество пришло к концу, и я оказался все-таки трусом.

— Но ведь есть предел всякому терпению!

— Да, и человек, который достигает этого предела, боится, что в следующий раз он наступит раньше».

«В результате я попал в настоящий ад, реальный, и это меня излечило от веры в воображаемый».

«...Мертвым лучше оказаться мертвецами. Бывает прошлое, которое трудно забыть».

Войнич. Овод

* * *

«Да, Йёста, с мужеством в сердце и улыбкой на устах должен ты переносить все испытания, иначе какой же ты мужчина? Горюй сколько хочешь, если ты потерял любимую; пусть угрызения совести рвут и терзают твою душу, — но покажи себя мужчиной и вермландцем! Пусть взор твой светится радостью, пусть в словах твоих звучат мужество и бодрость!»

Selma Lagerlöf (Сельма Лагерлёф). Gösta Berling
(Сага о Йёсте Берлинге)

[швед. *Gösta Berlings saga*, первый роман Сельмы Лагерлёф (1858–1940), вышедший в 1891 г. Знаменитая сказка Лагерлёф «Чудесное путешествие Нильса Хольгерссона по Швеции» (1906–1907) задумывалась как учебная, чтобы в увлекательной форме рассказать детям о Швеции, ее географии, истории, легендах и культурных традициях. Благодаря способности сопереживать Нильс возвращается из путешествия настоящим человеком. Книга получила признание не только в Швеции, но и во всем мире. В 1907 г. Лагерлёф была избрана почетным доктором Уппсальского университета, в 1914 г. первой из женщин вошла в состав Шведской академии. В 1909 г. писательнице была вручена Нобелевская премия по литературе «как дань высокому идеализму, яркому воображению и духовному проникновению, которые отличают все ее произведения»].

О гордости

«Нужен был другой закал, чтобы вынести воздух этой мрачной эпохи; нужно было с детства привыкнуть к этому резкому и непрерывному холодному ветру; <...> надо было с самого нежного детства приобрести навык скрывать все, что волнует душу, и не растерять того, что хоронилось в ее недрах, — наоборот, надо было даже вызреть в немом гневе всему, что ложилось на сердце. Надо было уметь ненавидеть из любви, презирать из-за гуманности; **надо было обладать беспредельною гордостью, чтобы высоко держать голову, имея цепи на руках и ногах**».

Герцен (Комментарий к биографии Лермонтова)

О тюрьме

«Алчущая тоска снедает меня, как бы изнемогая от собственной ненасытности. Человек, побывавший в тюремной камере восемнадцать месяцев, видит вещи и людей в их действительном свете. И зрелище это обращает человека в камень».

«С известной точки зрения в день своего освобождения, я знаю, я только перейду из одной тюрьмы в другую».

«...жизнь в тюрьме заставляет видеть людей и вещи, как они есть в действительности. Поэтому-то она обращает человека в камень. Там, за тюремными стенами, люди введены в заблуждение иллюзиями вечно движущейся жизни».

«Я пробыл в тюрьме около двух лет. Из глубины души моей меня охватило дикое отчаяние, я узнал подавляющее горе, один вид которого должен был вызвать жалость; ужасное и бессильное бешенство; горечь и презрение; скорбь с громкими рыданиями; страдание, не находившее слов; горе, ставшее немым. Я прошел через все возможные виды страдания».

Оскар Уайльд (Тюремная исповедь)

* * *

«...Нашли основания, чтобы его арестовать. Но правда остается, даже в кандалах, правдой».

Герхард Пол Аптон Синклер (Человек и работа)

* * *

«...Он ужасно изменился. Если бы Анна могла посетить своего возлюбленного, она не узнала бы его. Когда-то одухотворенное лицо его осунулось и приобрело выражение тупой безучастности. **В редкие минуты вспоминал он о том, что когда-то его воодушевляли высокие идеи, что он писал труды, заслужившие одобрение лучших знатоков.**»

Клаус Гинрихс. В третьей империи. (В бараке концлагеря)

[пер. с нем. Дм. Уманского. 1941]

* * *

М. К.: Воспоминания Лидии Михайловны (из разговора, стоя у окна на лестнице):

«...лучше рак пищевода, чем еще раз попасть туда!»

О терроре

«Во всех этих случаях действовала вполне планомерная политика Наполеона, которой он держался всегда: ни одной бесцельной жестокости — и совсем беспощадный массовый террор, реки крови, горы трупов, если это политически целесообразно».

«Ко всей традиционной фразеологии об освобождении народов, о братских республиках и т. д. он относился с самым откровенным презрением».

«Наполеон органически не выносил чего-либо, даже отдаленно похожего на свободу печати».

«...новый правитель <...> решительно предпочитает скорее покарать десять невинных, чем пощадить или упустить из рук одного виновного».

«Чрезвычайно характерно, что он выделил все касавшееся непосредственно обороны создаваемого им здания самодержавной монархии от внутренних врагов, в особое большое министерство, совершенно независимое от министерства внутренних дел, и <...> непосредственно подчиненное первому консулу. Это было министерство полиции, поставленное им в смысле власти, и в смысле денежных средств так, как оно никогда не было поставлено при директории».

«Наполеон очень часто говорил слова, выражавшие крепко сидевшую в нем мысль: **“Есть два рычага, которыми можно двигать людей, — страх и личный интерес”**».

«Восстановлена так называемая “гражданская смерть” для осужденных на каторжные работы и присужденных к другим наказаниям, хотя эта важная прибавка к судебной каре была изменена при революции».

«...остался в полной силе закон Ле-Шателье (1791), приравнивающий даже самые мирные стачки, даже простой уход с работы по сговору с товарищами — к преступлениям наказуемым в порядке уголовного преследования».

«Но без насилия и железной решимости ничто в истории не делается».

«В Конвенте отлично понимали, что военная комиссия в том виде, как она была организована в прериае, является вовсе не судом, а формальным придатком к гильотине, на которую правительство посылает всех, кого находит нужным. Когда впоследствии зашла речь об уничтожении этой комиссии, докладчик подчеркнул, что подобного учреждения не существовало даже в разгар террора при Робеспьере и что в интересах доброй исторической славы Конвента поскорее ее прикрыть».

«8 прериаля прошел декрет о высылке из Парижа в течение 24 часов жен всех арестованных или объявленных вне закона членов Конвента».

«Все говорившие (в Конвенте), особенно Фрерон, конечно пересыпали свои речи враждебными выходками против обвиняемых, выражая уверенность в их полной виновности, но все-таки указывали на **необходимость обыкновенного трибунала, дающего подсудимым хоть некоторые гарантии, а не военного, где нет защиты, ни вообще ничего, кроме произвола военных судей**».

«Люди, даже очень далекие по своим убеждениям от погибших монтаньяров, но сохранившие способность беспристрастности суждения, возмущались происходившим. Член Конвента Кассани писал в частном письме, “что <...> образование этой комиссии всегда будет рассматриваться, как произвольный, жестокий и тиранический акт”. Но эти слова современника увидели свет только

больше столетия спустя. Нечего было и думать о том, чтобы публично выступать с подобными заявлениями тотчас после 29 пре-риала (казнь депутатов).

День и обстоятельства их гибели стали вспоминать лишь спустя десятки лет. Вокруг их кинжала и их гильотины надолго воцарилось безмолвие».

Тарле. Наполеон

[Книга академика Евгения Викторовича Тарле неоднократно переиздавалась в нашей стране и за рубежом. Первая публикация — 1936 г.].

* * *

«...долгое послушание при деспотизме основывается не на превосходстве деспота, а на терпеливой лени. То есть для нас легче терпеть, чем настойчиво улучшать... Это может означать: достаточно сильны, чтобы вынести трагедии».

Die französische Revolution und Deutschland

(Французская революция и Германия)

* * *

«Лень и глупость, и страх из их смеси, являются источниками самого большого бесчинства, которое вызывает злобу и высокомерие. **Там, где нет рабов, не может возникнуть тиран**».

Johann Gotfried Senme. Apokryphen (1806–1807)

(Апокрифы. На немецком)

* * *

«В истории общества бывают периоды времени, когда правящие классы не могут оставаться у власти иначе как путем нарушения своих собственных законов. Мы также находим такие примеры в истории нашей страны. Но мы также видим — рано или поздно — что народ революционно покончит с этой диктатурой».

Der Deputierte Billouel («Im Prozess gegen

die französischen kommunistischen Abgeordneten»)

[Депутат Билуэль в иске против депутатов Французской коммунистической партии].

* * *

«Есть такого рода злодеяния, которые необходимо засвидетельствовать, чтобы иметь право утверждать, что они действительно совершены. Я отправился на место бойни».

«В таком подавленном состоянии духа, человек <...> желает только одного: какого-нибудь конца. Смерть других наводила на вас такой ужас, что наша собственная смерть казалась нам завидной участью. Но если бы, по крайней мере, возможно было, умирая, принести какую-нибудь пользу! На ум приходят умершие, вызвавшие взрыв негодования и ряд восстаний. Остается одно стремление — сделаться полезным трупом».

Victor Hugo. История одного преступления

* * *

«...Вот как это здесь делается! Ходят, ищут, припоминают. Здесь, очевидно, не бывает следствия, нет никакой возможности доказать свою невиновность. Никакой защиты. Ничего. Сегодня — один, завтра — другой. Каждый может стать жертвой этой системы».

«Что говорить людям, которые заранее решили ложь принимать за правду?»

«Никто не осмелился пойти наперекор этим людям, раз партийные круги уже сказали в этом деле свое слово».

«Только подневольный труд огромной человеческой массы, которую можно держать на экваториальном уровне негритянских племен, позволил осуществить гигантский строительный план».

«И это ты называешь достойным делом? Это ты называешь социализмом?»

Клаус Гинрихс. В третьей империи (В бараке концлагеря)

[пер. с нем. Дм. Уманского. 1941]

* * *

«Такое великое дело, как построение социалистического общества, нельзя осуществить без насилия. По крайней мере до тех пор, пока не вырастет новое поколение, с новым строем мышления и новыми формами жизни, необходимо сохранять диктатуру».

Лион Фейхтвангер. Изгнание

* * *

«Может быть, можно было даже рассматривать как счастье для него, что он (бежавший, убитый), мгновенной смертью избавлен был от необходимости жить еще некоторое время. Он избавлен был от преследований, что ожидало его по возвращении в деревню, и от палочных ударов, наказания для всякого, кто хоть на минуту мог вообразить, что он — не животное, не безжизненный кусок дерева и не камень; наказание для всякого, кто в момент безумия верил, будто есть справедливость в стране...»

Мультиатули. Макс Хавелар

[роман 1860 г. Язык написания: голландский. *Макс Хавелаар* — вымышленный персонаж, придуманный нидерландским писателем Эдуардом Доувесом Деккером, выступающим под псевдонимом Мультиатули].

* * *

«Ему надо забыть! Забыть! Надо, чтобы ничто никогда не напоминало!»

«Его душит просто и отчаянно от сознания своего бессилия [мысль о собственном бессилии приводила его в бешенство]. Выбраться бы отсюда! Выбраться! Это его единственная мысль. Другие, по-видимому, могут переносить такую жизнь, а он не может, он не рожден мучеником».

«Он сознался?

— Нет. Но так утверждают другие обвиняемые.

— Как же можно, чтобы они давали такие показания?

— Ну что ты спрашиваешь? Ведь известно, как их допрашивают. [Каждую ночь. Они уже не узнавали даже друг друга, так их отделили...]

— Удалось ли тебе спасти хоть часть книг?

— Нет, они все взяли. <...> Они унесли все книги. <...> Он так гордился своей библиотекой! [Сколько прекрасных часов было связано с этими книгами! Он собирал их долгие годы.] И они все унесли, все унесли!»

Бредель. Die Prufung (Экзамен. 1934). **Испытание** [Гослитиздат, 1935. Часть «Концентрационный лагерь». **Вилли Бредель** (1901–1964), немецкий писатель и общественный деятель,

антифашист. В 1933 г. после прихода нацистов к власти был подвергнут «защитному аресту» и на 13 месяцев помещен в концлагерь Фульсбюттель. После освобождения в 1934 г. эмигрировал в Чехословакию, а в 1935 г. — в Советский Союз. В 1937 г. участвовал в Гражданской войне в Испании, в 1938 г. — во Франции (боец Сопротивления), в 1939 г. жил в Москве. Во время Второй мировой войны призывал солдат вермахта сдаваться в плен (Сталинград). После окончания войны вернулся в Германию, жил в ГДР].

О правосудии

Подлых видишь ты людей,
Но молчи, смиряйся.
С теми, кто тебя сильнее,
Лучше не сражайся.

«...кто же не знает, что мир права и договорных отношений — лишь фикция; нелепо поэтому делать вид, что слабого может защитить его право. Исходить из должного, вместо того чтобы исходить из реального, это не что иное, как лицемерное самоутешение. Волк — так уж оно есть — не пасется рядом с ягненок, а съедает его, и закрывать на это глаза — бессмысленно.

Лион Фейхтвангер. Изгнание

* * *

«Луи Бонапарт назначал таких судей, что перед ними каждый чувствовал себя в положении человека, на которого напали разбойники в лесу».

Тарле. Наполеон

* * *

«Он (Урс) никогда не улыбался, но он смеялся порой даже долго, горьким смехом. Улыбка — это скрытое примирение, тогда как смех часто означает протест».

(богословский суд)

«(Урс): ...прощай медицина. И в глубине души прибавил: “Отныне пускай людидохнут как им угодно, меня это больше не касается”. <...> Он вышел из зала медленно, с видом ни в чем не повин-

ного человека, но едва очутившись на улице, бросился бежать, как преступник. Представители правосудия при близком с ними знакомстве производят столь странное и мрачное впечатление, что, даже будучи оправданным, человек спешит скрыться от них по-дальше».

«Можно быть храбрым ввиду какой угодно опасности и растеряться перед лицом правосудия. Почему? Потому что человеческое правосудие — потемки, а судьи бродят в нем ощупью».

Victor Hugo. Человек, который смеется

* * *

«...Как же хотят уважения к законам в честных людях, когда правители все беззаконное себе позволяют? <...> **самый верный хранитель общественного порядка есть не полиция, не шпионство, а нравственное правительство**».

Виноградов. Три цвета времени

(Александр Тургенев в 1828 г. брату в Англию)

* * *

«Английский закон не признает понятия права. С одной стороны, принципы гуманности, с другой — жестокие карательные меры. Правда, философы протестуют против такого порядка вещей, но **утечет еще немало воды, прежде чем правосудие сольется со справедливостью**».

Виктор Гюго. Человек, который смеется

[исторический роман, написанный в 1860-х годах. Действие происходит в Англии конца XVII — начала XVIII в.].

О справедливости

М. К. (на немецком):

Его глубокий пессимизм и нежелание жить было концептуально. Он должен был испытать это на себе и, наконец, понять — не было никакой справедливости. Не только благосостояние, вся судьба отдельного взятого человека в конечном итоге зависела от произвола некоторых злодеев и карьеристов. По милости или немилости одного из этих негодяев он мог получить самые высокие почести

или быть полностью уничтоженным, он сам и все его близкие. Здесь ни должность, которую занимал этот человек, ни его общественно полезная деятельность или признанная добросовестность не имеют значения. За один день он был сделан врагом народа, и даже самые близкие друзья не осмеливались замолвить за него слово.

* * *

«Это уже много, если мы поняли, что свобода и справедливость являются высшими духовными ценностями — без этого все мышление становится бесполезным и неправильным».

Heinrich Mann. Zu Ludwig Renns 50. Geburtstag
(К 50-летию Людвиг Ренна. На немецком)

* * *

«Г-жа Зеннер. Разве в мире нет больше справедливости?»

«Ахсельбрайтц (ударяя себя в грудь). Справедливость здесь, внутри у каждого порядочного человека. Но она не может проявить себя, пока страх преобладает. Если же он начнет терять силу, снова появятся справедливость и люди без лжи и обмана».

Adam Scharrer (Адам Шаррер).
Die Zänners — Schauspiel in 5 Akten (на немецком)
[Зеннеры — театральное действие в 5 актах]

* * *

«Несправедливость неиссякаема: искореняя одну несправедливость, так легко породить другую... И, наконец, что такое несправедливость? <...> Несправедливость так многообразна, что каждая эпоха выбирает свою — одну, против которой ведет войну, и другую, которую поддерживает и утверждает... И не справедливостью, не новизной и не глубиной своей идеи волновало рабочее движение интеллигентную буржуазию, хотя рабочие и уверяли себя, что именно в этом ее сила, в своей жизненности».

Ромен Роллан. Жан Кристоф. Неопалимая купина

* * *

«...ему приходилось повторять себе излюбленные мысли: что несправедливость и несчастье в мире — постоянны, что теория прогресса — самообман».

Thornton Wilder. The Bridge of San Luis Rey

(Тортон Уайлдер. Мост святого Людовика.

В переводе с английского)

О правах человека

«В статье 10 “Права человека и гражданские права”, которая была провозглашена 26 августа 1789 г., говорится: “Никто не может подвергаться преследованиям за его мнение”.

А в статье 1 говорится, что “свободный обмен мыслями и мнениями является одним из самых драгоценных прав человека. Поэтому каждый гражданин может свободно говорить, писать и печатать”.

Но ничего из этого не осталось сегодня».

Robertson. 24/V 1940. Brief aus Paris — Die Welt, Nr. 22

(Письмо из Парижа — Мир, № 22)

О власти

«Власть, — мечтательно говорил он, — это нечто более хитроумное. Власть — это идея, которая, вылетев из головы, становится деянием, побеждает тупую действительность. Подавляющее большинство людей мирится с существующими фактами. Они говорят: раз это так, — значит, так и должно быть. Это великая косность, великий порок людей. Меня само существование факта еще не примиряет с ним. Почему все должно быть так, как оно есть? Нерон умер? Факт этот глупый, бессмысленный, он нарушает разумный порядок. Он противоречит моему восприятию мира. Я этого факта не признаю. Я восстаю против этой нелепой действительности, объявляю ей войну. Я воскрешаю Нерона. Восток — это одно, говорят они, а Рим — это другое, у них нет общего пути, и поэтому нужно отказаться либо от Востока, либо от Запада. Я не отказываюсь ни от того, ни от другого. Мне это даже не пришло бы в голову.

Я не подчиняюсь такой плоской логике. Не подчиняться глупой, бездушной действительности, не ограничивать себя ею, поставить на карту всего себя в борьбе с этой действительностью и с роком — вот это по-римски. Поставить то, что должно было быть, против того, что есть, и игру эту выиграть — вот единственная форма власти, которой стоит добиваться».

Лион Фейхтвангер. Лже-Нерон

* * *

«...но ведь так трудно удержаться, чтобы не злоупотреблять своей властью, раз чувствуешь ее над человеком».

Ромен Роллан. Жан Кристоф. Мятеж

О войне

«Если богатство и культура создают столько же поводов для войны, как бедность и варварство, если безумие и злоба людей неисцелимы, остается сделать одно доброе дело. Мудрый человек должен собрать достаточное количество динамита, чтобы взорвать нашу планету. Когда она разлетится вдребезги по мировому пространству, то минимальное улучшение все-таки произойдет в мире, и это доставит некоторое удовлетворение мировой совести, которой, впрочем, не существует».

Анатоль Франс. Остров пингинов

* * *

«Если дошло до битвы — подавай победу, чего бы это ни стоило; а кто кроме этой единственной цели будет думать о чем-нибудь другом, например о своей гуманной репутации, тот погиб».

«Война большими массами, война с большими резервами... война с действительным использованием громадных материальных средств и людских формирований тыла — все это выявилось при Наполеоне в полной мере».

Тарле. Наполеон

О глупости

«...люди еще глупее, чем думает самый закоренелый скептик».

Der falsche Nero [Лион Фейхтвангер. Лже-Нерон.

Роман издан в 1936 г. Язык оригинала немецкий]

* * *

«Долголетней практикой я убедился, что если какая-нибудь нелепость стала рутиной, то чем эта нелепость абсурднее, тем труднее ее уничтожить».

Академик А. Н. Крылов. Мои воспоминания

О дружбе

«Вообще, почти вначале дружба рождается из потребности поговорить с другим о самом себе. Но в то же время дружба требует и самопожертвования — нужно терпеливо слушать излияния другого».

Ромен Роллан Жан Кристоф. Юность

(Из отношений старика Эйлера к дедушке)

* * *

«Если бы после моего освобождения у кого-нибудь из моих друзей было торжество, и он на него не пригласил бы меня, я бы не обратил на это внимания. <...> Но если бы после моего освобождения у кого-нибудь из моих друзей было горе, и он не позволил бы мне разделить его, мне было бы чрезвычайно горько».

Оскар Уайльд (Тюремная исповедь)

* * *

«Моцарт был превосходным другом, каким могут быть только бедняки, как сам он говорил: “Самые лучшие и верные друзья — это бедняки; богатые не имеют понятия о дружбе”» (7/VII 1778 г.)

«Друг, — говорил он еще, — я называю другом лишь того, кто — в каком бы он положении ни находился — день и ночь думает о благе своего друга и прилагает все усилия, чтобы сделать его счастливым» (18/XII 1778 г.).

Ромен Роллан

(Музыканты прошлых лет. Музыканты наших дней)

Об одиночестве

«...великая душа никогда не бывает одинокой, как бы судьба ее не лишала друзей, она всегда создает их себе, потому что излучает из себя любовь, которой полна, и что в то время, когда он считал себя обреченным на вечное одиночество, он был богаче любовью, чем величайшие счастливыцы в мире».

Ромен Роллан. Жан-Кристоф. Ярмарка на площади

* * *

«Все было кончено. <...> В жизни каждого человека бывает свой конец мира. Это называется отчаянием. <...> Гуинплен как раз дошел до такого состояния. На него нахлынуло облако дыма и поглотило его. Оно застилало ему глаза, проникло в мозг. Оно ослепило, оно пьянило его. Потом дым рассеялся, но вместе с ним растаяла и его жизнь. Очнувшись от этого сновидения, он очутился в одиночестве. Все исчезло. Все ушло. Все потеряно. Ночь. Небытие. Вот это открывалось его глазам. Он остался один. А одиночество синоним смерти».

Виктор Гюго. Человек, который смеется

* * *

«Великие мысли и великие чувства по своему существу одиноки».

Оскар Уайльд. Тюремная исповедь

О работе

«И бесследно погибает тяжкий труд людей, ничем разрешается напряженная, порою мучительная работа».

Максим Горький. Хозяин

* * *

«Она примирилась с тем фактом, что не имеет никакого значения — двигается ее работа или нет, — достаточно просто работать. Она — сиделка, ухаживающая за больными, которым не выздороветь; она — священник, без устали творящий службу у алтаря, к которому никто не приходит».

Thornton Wilder. The Bridge of San Luis Rey (Торнтон Уайлдер.

Мост святого Людовика. В переводе с английского)

* * *

«...я тут бессильна. <...> это потому, что моя жизнь разбита. У меня нет энергии взяться теперь за что-нибудь настоящее. Я го-жусь только на ученическую работу».

Войнич. Овод

* * *

«И с энергией, которая полна решимости преодолеть все препятствия, <...> Филд немедленно приступает к работе, решив с этого момента вложить в это дело все от него зависящее. Это важнейший запал, благодаря которому мысль приобретает взрывную силу реальности. Новая, чудесная, электрическая сила соединилась с другим сильнеешим динамическим элементом жизни — человеческой волей».

Stephan Zweig. Das erste Wort über dem Ozean

[Стефан Цвейг. Первое слово из-за океана. Рассказ. 1927 г. Цикл «Звездные часы человечества». Язык написания: немецкий]

* * *

«Конечно, человеку нужно есть, чтобы жить. Но есть, не означает жить. Настоящая движущая сила человечества — это потребность выразить себя. <...> Прирожденный наездник выражает себя в верховой езде. Принадлежит ли ему лошадь, бесконечно безразлично. Он хочет скакать. Другой хочет делать столы. Он счастлив, держа в руках любимый материал, дерево, удалиться в мастерскую со своими инструментами.

<...> Тот, кто ничего не хочет, кто работает только ради денег, определенно является бедным человеком, даже если он эти деньги получает. Ему не хватает главного. Он ничто и потому не хочет ничего создавать.

Есть люди, которые не понимают знамений времени и упадут под колесо истории. Люди, которые живут только исходя из своих обязанностей и сосредоточены на высоких целях, эти хорошие люди очень ошибаются».

Berthold Brecht (Бертольд Брехт). Dreigroschenroman
(Трехгрошовая опера. На немецком)

* * *

«...Эндрью, возвращаясь домой от больного, спрашивал себя, почему они с Кристин остались в Эберло после смерти их ребенка. Ответ был прост: из-за его исследований. Работа эта захватила его, поглотила его...»

Кронин. Цитадель

[А. Дж. Кронин. Роман впервые опубликован в 1937 г. на английском]

О мудрости

«Негры в Сенегале твердо уверяют, что обезьяны такие же люди, как и мы, но мудрее, воздерживаясь от разговоров».

Heinrich Heine. Memoiren (Воспоминания)

Стихи

Heinrich Heine's [Sämmtliche Werke: Bd. Dichtungen (3. Theil. Atta Troll; Deutschland; Zeitgedichte. Hoffman und Campe, 1865)]. ([Полное собрание сочинений: т. Печати (3-я часть. Атта Тролль; Германия; современные стихи. Хоффман и Кампе, 1865 г.)].

Wir seufzen nicht, das Aug ist trocken,
Wir lächeln oft, wir lachen gar!
In keinem Blick, in keiner Miene
Wird das *Geheimnis* offenbar.

Mit seinen stummen Qualen liegt es
In unsrer Seele blut'gem Grund;
Wird es auch laut im wilden Herzen,
Krampfhaft verschlossen bleibt der Mund.

Frag du den Säugling in der Wiege,
Frag du die Todten in dem Grab,
Vielleicht dass diese dir entdecken,
Was ich dir stets verschwiegen hab.

Генрих Гейне (из автобиографии). *Geheimnis* (Тайна) [перевод с немецкого В. Ключевой. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 2. Стихотворения и поэмы (1957). С. 107. ГИХЛ, Москва].

Мы не вздыхаем и не плачем,
Мы даже можем хохотать,
И ни в одном лице и взоре
Сокрытой тайны не узнать.

*На дне души в мученьях скрыта
Кровавой тайны немота.*

Хоть дико кличет наше сердце,
Но плотно сомкнуты уста.

Спроси ребенка в колыбели,
Спроси жильца немых могил,
Они, быть может, и откроют,
Что от тебя я утаил.

* * *

Lord Byron. Manfred (Поэма «Манфред». На немецком. В переводе Ивана Бунина)

[Не странно ли, что я еще имею
Подобие и облик человека],

Что я живу? Но скорбь — наставник мудрых;
Скорбь — знание. И тот, кто им богаче,
Тот должен был в страданиях постигнуть,
Что древо знания — не древо жизни.

* * *

Heinrich Heine (Neue Gedichte — Новые стихи). **Seraphine**
(Серафина. 1844 г. — в составе «Новых стихотворений». На немецком)

То, что похоронено однажды,
Не может вернуться.

* * *

Heinrich Heine. In der Fremde (На чужбине. На немецком)

[оригинал: нем. *Ramsgate («O, des liebenswürdigen Dichters...»)*. Полное собрание сочинений Генриха Гейне / под ред. и с биограф. очерком П. Вейнберга. 2-е изд. СПб.: Издание А. Ф. Маркса, 1904. Т. 6. С. 15–16. Ремсгет — порт и морской курорт под Лондоном, где летом 1827 г. Гейне провел две недели].

[...За сотни верст, в чужой стране
Живу и дни влачу уныло].

Что пользы северу, коль ах!
На юге солнце чудно греет.
От поцелуев на словах
Ведь тощий дух не потолстеет.

* * *

Heinrich Heine (Чтение стихов. На немецком). **Zur Notiz** (К сведению)

[перевод П. И. Вейнберга (1831–1908). Оригинал: нем. *Zur Notiz («Die Philister, die Beschränkten...»)*. Перевод опубл.: 1880 г. Полное собрание сочинений Генриха Гейне / под ред. и с биограф. очерком П. Вейнберга. 2-е изд. СПб.: Издание А. Ф. Маркса, 1904. Т. 6. С. 66–67].

Филистеров — народ
Тупой, узколобый, тяжелый,
Не след никогда задевать,
Хотя бы и шуткой веселой!

Но те, у которых в душе
Есть много и шири, и света,
Под шуткой откроют всегда
Слова и любви, и привета.

* * *

Heinrich Heine. Buch der Lieder. Lieder 8 (Книга песен. Песня 8)
[Из сборника «Лорелея». В переводе с немецкого П. Вейнберга]

Сначала страдал я жестоко
И думал — не вынести никак;
И все-таки — вынес... Но только
Меня ты не спрашивай — как?

* * *

Heinrich Heine. Fresko-Sonette au Christian Sette
(Сонеты Фреске от Кристиана Сетте. На немецком)

1. Погибнет дуб, хоть он сильнее стебля,
Меж тем тростник, безвольно стан колебля,
Под бурями лишь клонится слегка.

2. Да, я смеюсь!
Когда судьба, нарушив наш покой,
Игрушки счастья пестрые сломала
И в грязь швырнула, черни на потеху,
Когда нам сердце грубою рукой
Разбила, разорвала, растерзала —
Тогда черед язвительному смеху.

* * *

Heinrich Heine. Lyrisches Intermezzo (Лирическая интерлюдия.
На немецком)

[Это вольный первый перевод М. Ю. Лермонтова стихотворения
Г. Гейне “Ein Fichtenbaum steht einsam” («Сосна стоит одиноко») из
цикла «Лирическое интермеццо», входящего в «Книгу песен»].

На холодной и голой вершине
Стоит одиноко сосна.
И дремлет, качаясь, и снегом сыпучим
Одета как ризой она.

Ей снится прекрасная пальма
В далекой восточной земле,
Растущая тихо и грустно
На жаркой песчаной скале.

[Окончательная редакция создана Лермонтовым вскоре после первой — весной 1841 г., перед отъездом на Кавказ. «Накануне отъезда своего на Кавказ, — вспоминал П. П. Вяземский, — Лермонтов по моей просьбе перевел шесть стихов Гейне: “Сосна и пальма”. Немецкого Гейне нам принесла С. Н. Карамзина. Он наскоро, в недоделанных стихах, набросал на клочке бумаги свой перевод. Я подарил его тогда же княгине Юсуповой. Вероятно, это первый набросок, который сделал Лермонтов, уезжая на Кавказ в 1841 г., и который ныне хранится в императорской Публичной библиотеке» (Воспоминания, с. 264). В обеих редакциях изменен смысл стихотворения Гейне: любовную тему — судьба влюбленных, осужденных на вечную разлуку (сосна в немецком языке — слово мужского рода), — Лермонтов заменил темой одиночества.]

* * *

Heinrich Heine. Poetische Nachlese. Lieder

(Поэтическое прочтение песни. На немецком)

[пер. Д. Д. Минаев (1835–1889). Оригинал: нем. *Minneklage* («*Einsam klag ich meine Leiden...*»), опубли. в 1822 г. Полное собрание сочинений Генриха Гейне / под ред. и с биограф. очерком П. Вейнберга. 2-е изд. СПб.: Издание А. Ф. Маркса, 1904. Т. 6. С. 6–7].

Одиноко я страдаю
Под покровом тьмы ночной.
Смех и радость мне несомны,
Как и самый свет дневной.

Одиноко я рыдаю
В непробудной тишине,
Но тоски меня грызущей
Не залить слезами мне.

[А когда-то, в годы детства,
Я резвился, как дитя,
Не испытывал печали
И на жизнь смотрел, шутя.]

Мне весь мир казался садом,
И рвался я в этот сад,
Где жасмин, фиалки, розы
Льют свой тонкий аромат...]

* * *

Heinrich Heine. Frau Sorge (Госпожа Забота. На немецком)
[*Ах, были счастливые годы...* Из Гейне (1851). В переводе
Н. Некрасова (1821–1878)].

Ах, были счастливые годы!
Жил шумно и весело я,
Имел я большие доходы —
Со мной пировали друзья;

Я с ними последним делился,
И не было дружбы нежней,
Но мой кошелек истощился —
И нет моих милых друзей!

Теперь у постели больного,
Как зимняя вьюга шумит,
В ночной своей кофте, сурово
Старуха-Забота сидит.

Скрипя, раздирает мне ухо
Ее табакерка порой;
Как страшно кивает старуха
Седую своей головой!

*Случается, снова мне снится
То полное счастья житье,*

*И станет отраднее биться
Изнывшее сердце мое...*

Вдруг скрип, раздирающий ухо —
И мигом исчезла мечта.
Сморкается громко старуха,
Зевает и крестит уста!

* * *

Heinrich Heine. Dich fesselt mein Gedankenbann (Тебя пленяет моя мысль. На немецком)

[*Своими думами тебя я оковал...* Г. Гейне (1797–1856) в переводе А. Н. Гилярова (1856–1938). Оригинал: нем. “*Dich fesselt mein Gedankenbann...*”, 1862. Полное собрание сочинений Генриха Гейне / под ред. и с биограф. очерком П. Вейнберга. 2-е изд. СПб.: Издание А. Ф. Маркса, 1904. Т. 6. С. 46–47].

Своими думами тебя я оковал,
И всё, что думал я, и всё, о чем мечтал,
Должна ты думать, ты должна мечтать —
От духа моего тебе не убежать.

Он веет на тебя всей страстью огневой;
Куда ты ни идешь — он следом за тобой.
И днем, и ночью, и на тихом ложе сна
Лобзаниям его ты отдана.

Умру я и тебя покину навсегда;
Зато мой дух тебя не кинет никогда.
Я знаю это... Словно домовой,
Он будет жить в твоём сердечке, ангел мой!

Устрой там тепленькое гнездышко ему,
Мой друг, блажному духу моему.
Хотя б в Японию бежала ты, в Китай —
И там даст знать себя несчастный негодяй.

Он будет ведь всегда в твоём сердечке жить,
И будешь ты всегда его с собой носить,
И думать станешь то, чем я свой ум питал.
Своими думами тебя я оковал!

* * *

Heinrich Heine. Es kommt der Tod (Наступает смерть. На немецком)

[*Смерть подошла! Теперь, теперь скажу я смело...* Г. Гейне, в переводе П. И. Вейнберга (1831–1908). Оригинал: нем. “*Es kommt der Tod — jetzt will ich sagen...*” Перевод опубл.: 1870 г. Полное собрание сочинений Генриха Гейне / под ред. и с биограф. очерком П. Вейнберга. 2-е изд. СПб.: Издание А. Ф. Маркса, 1904. Т. 6. С. 48].

*Смерть подошла! Теперь скажу я смело
То, что из гордости таил внутри себя:
Лишь для тебя во мне, Мария, для тебя
И билось сердце, и горело!*

Мой гроб готов. Идут в могилу опускать
Там отдых, наконец, найду я...
Но ты, Мария, обо мне, тоскуя
И плача, будешь вспоминать.

И даже, может быть, не раз заломил руки...
Утешься, друг, всему, что честно и умно,
И благородно — знать лишь муки
И жалко гибнуть суждено!

* * *

Heinrich Heine. Im Oktober 1849 (В октябре 1849. На немецком)
[в переводе Вильгельма Левика (1906–1982). Из этого стихотворения Маргарита Ивановна привела всего две строчки: «*Пред властью грубых, темных сил обречены падению герои*». Приводим стихотворение целиком].

Умчалась буря — тишь да гладь.
Германия, большой ребенок,
Готова елку вновь справлять
И радуется празднику спросонок.

Семейным счастьем мы живем,
От беса — то, что манит выше!
Мир воротился в отчий дом,
Как ласточка под сень знакомой крыши.

Все спит в лесу и на реке,
Залитой лунными лучами.
Но что там? Выстрел вдалеке —
Быть может, друг расстрелян палачами!

Быть может, одолевший враг
Всадил безумцу пулю в тело.
Увы, не все умны, как Флакк, —
Он уцелел, бежав от битвы смело!

Вновь треск... Не в честь ли Гете пир?
Иль, новым пламенем согрета,
Вернулась Зоннтаг в шумный мир
И славит лиру дряхлую ракета?

А Лист? О милый Франц, он жив!
Он не заколот в бойне дикой,
Не пал среди венгерских нив,
Пронзенный царской иль кроатской пикой.

Пусть кровью изошла страна,
Пускай раздавлена свобода —
Что ж, дело Франца сторона,
И шпагу он не вынет из комода.

Он жив, наш Франц! Когда-нибудь
Он сможет прежнюю отвагой

*В кругу своих внучат хвастнуть:
«Таков я был, так сделал выпад шпагой».*

*О, как моя вскипает кровь
При слове «Венгрия». Мне тесен
Немецкий мой камзол, и вновь
Я слышу трубы, зов знакомых песен.*

*Опять звучит в душе моей,
Как шум далекого потока,
Песнь о героях прошлых дней,
О Нибелунгах, павших жертвой рока.*

*Седая быль повторена,
Как будто вспять вернулись годы.
Пусть изменились имена —
В сердцах героев тот же дух свободы.*

*Им так же гибель рок судил:
Хоть стяги реют в гордом строе, —
**Пред властью грубых, темных сил
Обречены падению герои.***

*С быком вступил в союз медведь,
Ты пал, мадьяр, в неравном споре,
Но верь мне — лучше умереть,
Чем дни влачить, подобно нам, в позоре.*

*И ведь хозяева твои —
Вполне пристойная скотина,
А мы — рабы осла, свиньи,
В вонючем псе признали господина!*

*Лай, хрюканье — спасенья нет,
И что ни день — смердит сильнее.
Но не волнуйся так, поэт, —
Ты нездоров, и помолчать — вернее.*

* * *

Heinrich Heine. Der Scheidende (Умирающий)

Erstorben ist in meiner Brust
 Jedwede weltlich eitle Lust,
 Schier ist mir auch erstorben drin
 Der Haß des Schlechten, sogar der Sinn
 Für eigne wie für fremde Not —
 Und in mir lebt nur noch der Tod!

Der Vorgang faelt, das Stueck ist aus
 Und gaehrend wandelt jetzt nach Haus.
 Mein liebes deutsches Publicum,
 Die guten Leuten sind nicht dumm,
 Das speist jetzt ganz vergnuegt zu Nacht,
 Und trinkt sein Schoeppchen singt und lacht —

Er haette Recht, der edle Heros,
 Der weiland sprach im Buch Homeros:
 Der kleinste lebendige Philister
 Zu Stukkert am Neckar, viel gluecklich ist er
 Als ich, der Pelide, der tote Held,
 Der Schatten Fuerst in der Unterwelt.

Генрих Гейне. Умирающий

[перевод с немецкого Петра Вейнберга]

Убито все в груди моей:
 И к благам суетным стремленье,
 И ненависть, и отвращенье
 К тому, что зло и гадко; ей

Уж нынче стали даже чужды
 Моя нужда, чужие нужды;
 Всё, всё лежит в могильном сне —
 И только смерть живет во мне!

Спектакль окончен весь. Завесу
Спустили, и, прослушав пьесу,
Любезный немец — зритель мой,
Идет, зеваючи, домой.

О! милые друзья не глупы:
На их столах дымятся супы,
И сядут ужинать они
Среди веселой болтовни.

Ах, древний витязь благородный,
Ах, как ты был глубоко прав,
Из уст Гомера провещав:
Филистер, никуда не годный,

Но света белого жилец,
Счастливей в городишке скромном,
Чем я, Пелид, герой-мертвец,
Владыка в царстве ада темном.

* * *

М. К.

Stumme Qual (Безмолвное страдание)

Vernichtet ist all meine Arbeit,
Man nahm mir Familie und Haus,
Man löschte in uns wohl für immer
Die Tatkraft und Lebenslust aus.

Doch was noch weit schwerer zu tragen,
Und was ich euch nimmer verzeih —
Ihr stahl meinem Freunde die Freiheit
Und bracht seinen Willen entzwei.

Nun schmerzt mir das Herz und will bersten
Vor mühsam verhaltener Pein.
Mein sorgloses äusseres Wesen
Ist nichts als erzwungener Schein.

Doch weil ich dank diesem für viele
Die Stütze und Kraftquelle bin,
So wird es hier niemand erfahren
Was in meiner Seele tief drin.

(подстрочник с немецкого Ильи Надельсона)

Уничтожен весь мой труд
Забрали у меня семью и дом
Уничтожили, наверно, навсегда
Мою силу и жажду жизни.

Но что намного тяжелее,
И что никогда не прощу —
Вы украли свободу у моего друга
И сломали его волю.

Теперь болит мое сердце и разрывается
От тайных страданий.
Моя внешняя беззаботность —
Не что иное, как вынужденная игра.

Но поскольку я благодаря этому,
Являюсь опорой и источником силы для многих,
Никто не узнает здесь,
Что творится в глубине моей души.

* * *

М. К.

14/VIII 40 г. «К тебе пред тем, как умереть!»

Апрель 1940 г. (Создано весной 1938 г.)

An Erich — Эриху

Du stehst als Lichtgestalt vor meinen Blicken.
Ich kenne Dich, und niemals wird man mir
Dein Bild um Haaresbreite nur verrücken.
Ich liebe Dich und ich will nur zu Dir.

Man raubte alles, was Dir jemals teuer:
Den Wirkungskreis, was Du geschaffen hast,
Familie, Haus und Hof und ungeheuer
Erdachte man Dir eine Sündenlast.

Frohlockend stürzte man auf Dich als Beute
und roh man Dich aus unsrer Mitte riss.
Ich fühl' den Abschied noch, als wär' es heute,
Doch schien mir damals noch Dein Sieg gewiss.

Ich wusste nicht, dass man im Grossen Hause
Auch nicht vorhandne Schuld aufs schwerste rügt,
Und dass man endlos lang und ohne Pause
Den foltern kann, der sich nicht blindlings fügt.

Du lechztest drum, Dir selbst den Tod zu geben
Um zu entgehn. Doch das ist vorbedacht.
Bisweilen lassen Kranke beim Verhör das Leben,
Doch in der Kammer wird man streng bewacht.

So hast Du dann, an Leib und Seel' gebrochen
Und Dich hinab bis in den Staub gebeugt
Zuletzt doch das geschrieben und gesprochen
Was fälschlich gegen Deine Unschuld zeugt.

Du wirst kein unser Heim nie mehr betreten,
Den vielgeliebten Garten nie mehr sehn.
Das Unkraut wächst auf einst gepflegten Beeten;
Dein Hab und Gut seh ich zu Grunde gehn.

Das nackte Leben hat man Dir gelassen
Und einen müden gramdurchwühlten Geist.
Wie Du das tragen kannst, ist nicht zu fassen.
Ich will zu Dir, bevor es sterben heisst!

(подстрочник с немецкого Ильи Надельсона)

Ты как фигура из света перед моим взором.
Я знаю тебя и никогда
Не истончится твой образ.
Я люблю тебя и хочу к тебе.

У тебя украли все, что было тебе дорого:
Сферу деятельности, что ты создал,
Семью, дом и сад, и ужасный
Грех возложили на тебя.

С ликованием они обрушились на тебя как на добычу
И жестоко вырвали из нашей среды.
Я еще чувствую это прощание, как будто это было сегодня.
В то время, однако, никакая победа не казалась мне возможной.

Я не знала, что в Большом Доме
Даже несуществующая вина — тяжелейшая.
И бесконечно долго и беспрерывно
Могут пытаться тех, кто не подчиняется слепо.

Ты размышляешь, как убить себя,
Чтобы освободиться. Но это предусмотрено.
Иногда больные умирают на допросах.
Но в камерах тщательная охрана.

И вот ты, сломленный физически и душевно,
Глубоко униженный
В конце все же подписал и подтвердил
То, что ложно свидетельствует против твоей невинности.

Ты никогда не войдешь в наш дом снова,
Больше никогда не увидишь любимый сад.
Сорняки растут на ухоженных грядках.
Я вижу, как гибнет всё, что ты имел.

Забрали все, оставив лишь
Усталый, пронизанный горем ум.
Как ты выносишь это — непонятно.
Хочу к тебе пред тем, как умереть

* * *

М. К.

Traum und Wirklichkeit — Мечта и реальность

Ich leb in den herrlichsten Träumen
Sobald ich die Augen nur schliess'.
Im Wald unter schattigen Bäumen
Vergess ich mein dumpfes Verliess.

Umgeben von all meinen Lieben
Verbring ich die Zeit voller Glück.
Jedoch alle Morgen Schlag sieben
Muss ich in den Kerker zurück.

Ich seh' unsre Jungen aufstreben.
Es freut mich, sie glücklich zu sehn.
Sie arbeiten viel aber gehen
Geachtet und aufrecht durchs Leben.

Oft bin ich daheim auf dem Lande
Auch Erich und Duschen sind dort.

Uns knüpfen unzählige Bande
Zu jenen so friedlichen Ort.

Die mühsame Vorfrühlingsarbeit
Erledigen wir ohne Hass.
Uns stärkt eine ländliche Mahlzeit
Auf duftiger Wiese die Rast.

Dann schaffen wir tatkräftig weiter.
Der Abhang wird heute bebaut.
Der Vater ist glücklich und heiter
Wenn er seinen Garten beschaut.

Er kennt alle Knospen und Triebe
Und pflegt sie mit eigener Hand.
Es steckt so unendlich viel LiebeIm selbst kultivierten Stück Land.

Ich hör' noch sein sorgloses Lachen
Und sehe die liebe Gestalt
Da muss ich schon wieder erwachen —
Mich zwingt eine rauhe Gewalt.

Es will mir bisweilen so scheinen,
Dass jenes die Wirklichkeit sei.
Doch wenn ich erwach' könnt' ich weinen:
Mein Glück ist für immer vorbei.

Mein wirklich reales Erleben
Begreife und fasse ich kaum.
Es lässt meine Seele erbeben
Und scheint mir ein grässlicher Traum.

(подстрочник с немецкого Ильи Надельсона)

Я живу в самых прекрасных снах,
Стоит мне просто закрыть глаза.
В лесу под тенистыми деревьями
Забываю свое унылое подземелье.

В окружении всех моих любимых
Я провожу время, полное счастья.
Однако каждое утро ровно в семь
Я должна вернуться в темницу обратно.

Я вижу, как растут наши мальчики.
Они много работают и идут
Уважаемыми и честными по жизни.
Я рада видеть их счастливыми.

Я часто вижу себя дома на даче.
Эрих и Душен тоже там.
Нас связывают бесчисленные нити
С этим, таким мирным местом.

Трудную работу ранней весной
Мы делаем без спешки.
Сельская еда и отдых на ароматном лугу придают сил.

Потом мы активно работаем дальше.
Склон будет возделан сегодня.
Отец счастлив и весел,
Когда он смотрит на свой сад.

Он знает все почки и побеги,
И ухаживает за ними своими руками.
Там бесконечно много вложено любви
В свой участок земли.

Я до сих пор слышу его беззаботный смех
И вижу любимый образ.

Но должна проснуться снова,
Принужденная суровой силой.

Мне иногда кажется — это реальность.
Но когда я просыпаюсь,
Хочется заплакать —
Мое счастье ушло навсегда.

Мой реальный опыт
Я едва могу понять.
Это сотрясает мою душу
И кажется страшным сном.

Эпилог

«Оканчиваю свой рассказ: “Больше не было тогда и не было потом”».

Леди Гамильтон

* * *

В 2022 г. в связи с 90-летием Российского научно-исследовательского института гематологии и трансфузиологии ФМБА России, являющегося преемником ЛИПК, созданного Э. Р. Гессе, и в связи со 140-летием со дня его рождения была начата работа по установке памятной доски Эрику Романовичу на фасаде здания по адресу: 2-я Советская ул., д. 16, одобренная Комитетом по культуре при Правительстве Санкт-Петербурга.

Поразительно: в дни страшной Ленинградской блокады для фронта было заготовлено 144 т донорской крови. И в этом — огромная заслуга Э. Р. Гессе, организатора профессионального донорства, создавшего службу крови в Ленинграде и городах Северо-Запада, где по его инициативе с 1931 по 1935 г. было открыто более 40 региональных станций переливания крови.

Прошло более 60 лет после реабилитации ученого. К сожалению, сегодня многие гематологи не знают выдающегося трансфузиолога Эрика Романовича Гессе, имя которого по праву составляет гор-

дость российской науки и медицины. Мемориальная доска профессору Эрику Романовичу Гессе на фасаде здания созданного им института явится признанием его вклада в развитие отечественной трансфузиологии и службы крови.

Библиография

Источники

Гессе Эрик Романович // Великая Россия. СПб., 2015. Т. 15. С. 103–104.

Ленинградский мартиролог 1937–1938. Книга памяти жертв политических репрессий: в 13 т. / гл. ред. А. Я. Разумов. СПб.: РНБ, 2014. Т. 10. С. 594–595, 701.

Ленинградский мартиролог 1937–1938. Книга памяти жертв политических репрессий: в 13 т. / гл. ред. А. Я. Разумов. СПб.: РНБ, 2014. Т. 11. С. 7, 122, 785, ил. 42.

Ленинградский мартиролог 1937–1938. Книга памяти жертв политических репрессий: в 13 т. / гл. ред. А. Я. Разумов. СПб.: РНБ, 2014. Т. 12. С. 77.

Научная литература

Алексеева Н. Н., Солдатенков В. Е., Четкин А. В., Захарова Е. Т. Эрик Романович Гессе — один из организаторов отечественной службы крови (к 100-летию первого переливания крови в России с учетом групповой принадлежности) // Трансфузиология. 2019. № 3. Т. 20. С. 143–149.

Вербловская И. С., Захарова Е. Т., Парфенова Н. С., Алексеева Н. Н. Доктор Гессе // Звезда. 2020. № 2. С. 162–173.

Гессе Маргарита Ивановна // Женщины-ученые Института экспериментальной медицины. 2022. С. 287–296.

Грекова Т. И. Э. Р. Гессе. Неизвестные страницы биографии ученого // Немцы в России: российско-немецкий диалог. По материалам международного семинара «Немцы в России: русско-немецкие научные и культурные связи». 2001. С. 124–137.

Захарова Е. Т., Колмаков Н. Н., Соколов А. В. Открытие мемориальной доски в память о репрессированных сотрудниках института экспериментальной медицины // Медицинский академический журнал. 2018. Т. 18. № 4. С. 73–91.

Захарова Е. Т., Парфенова Н. С., Алексеева Н. Н. Маргарита Ивановна и Эрик Романович Гессе. СПб.: ред.-изд. группа ИЭМ, 2019. 86 с.

Литманович К. Ю. Эрик Романович Гессе — выдающийся хирург и трансфузиолог, основатель Научно-исследовательского института переливания крови // Вестник службы крови России. 1998. № 4. С. 3–5.

Седов В. М. Гессе Эрик Романович (1883–1938). Галерея отечественных хирургов // Вестник хирургии. 2014. Т. 173. № 3. С. 9–10.

* * *

¹ Захарова Е. Т., Колмаков Н. Н., Соколов А. В. Открытие мемориальной доски в память о репрессированных сотрудниках института экспериментальной медицины // Медицинский академический журнал. 2018. Т. 18. № 4. С. 73–91.

² Гессе Маргарита Ивановна // Женщины-ученые Института экспериментальной медицины. 2022. С. 287–296.

³ Литманович К. Ю. Эрик Романович Гессе — выдающийся хирург и трансфузиолог, основатель Научно-исследовательского института переливания крови // Вестник службы крови России. 1998. № 4. С. 3–5; Грекова Т. И. Э. Р. Гессе. Незвестные страницы биографии ученого // Немцы в России: российско-немецкий диалог. По материалам международного семинара «Немцы в России: русско-немецкие научные и культурные связи». 2001. С. 124–137; Седов В. М. Гессе Эрик Романович (1883–1938). Галерея отечественных хирургов // Вестник хирургии. 2014. Т. 173. № 3. С. 9–10; Гессе Эрик Романович // Великая Россия. СПб., 2015. Т. 15. С. 103–104; Алексеева Н. Н., Солдатенков В. Е., Чечеткин А. В., Захарова Е. Т. Эрик Романович Гессе — один из организаторов отечественной службы крови (к 100-летию первого переливания крови в России с учетом групповой принадлежности) // Трансфузиология. 2019. № 3. Т. 20. С. 143–149; Вербловская И. С., Захарова Е. Т., Парфенова Н. С., Алексеева Н. Н. Доктор Гессе // Звезда. 2020. № 2. С. 162–173.

⁴ Ленинградский мартиролог 1937–1938. Книга памяти жертв политических репрессий: в 13 т. / гл. ред. А. Я. Разумов. СПб.: РНБ, 2014. Т. 10. С. 594–595, 701; Т. 11. С. 7, 122, 785, ил. 42; Т. 12. С. 77.

⁵ Захарова Е. Т., Парфенова Н. С., Алексеева Н. Н. Маргарита Ивановна и Эрик Романович Гессе. СПб.: ред.-изд. группа ИЭМ, 2019. 86 с.

⁶ Там же.

⁷ Ленинградский мартиролог 1937–1938. Т. 10–12.

⁸ Захарова Е. Т., Парфенова Н. С., Алексеева Н. Н. Указ. соч. С. 37, 45.

⁹ Там же. С. 62.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АВ ИВР РАН — Архив востоковедов Института восточных рукописей Российской академии наук
- АН СССР — Академия наук Союза Советских Социалистических Республик
- Архив РГО — Архив Русского географического общества
- АССР НП — Автономная Социалистическая Советская Республика немцев Поволжья
- ВКП(б) — Всесоюзная коммунистическая партия большевиков
- ВЛКСМ — Всесоюзный ленинский коммунистический союз молодежи
- ВЦИК — Всероссийский центральный исполнительный комитет
- ГАЯО — Государственный архив Ярославской области
- ГИОП — Государственная инспекция по охране памятников истории и культуры
- ГКО — Государственный комитет обороны
- ИАН — Императорская Академия наук
- ИРГО — Императорское Русское географическое общество
- ИТЛ МВД — Исправительно-трудовой лагерь Министерства внутренних дел
- ИЭМ — Институт экспериментальной медицины
- ЛО — Ленинградская область
- ЛОГАВ — Ленинградский областной государственный архив в городе Выборге
- МАЭ РАН — Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук
- МОПР — Международная организация помощи борцам революции (коммунистическая благотворительная организация)

- НАГр. — Национальный архив Грузии
НКВД — Народный комиссариат внутренних дел
ОР РНБ — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки
РАН — Российская академия наук
РГАВМФ — Российский государственный архив Военно-морского флота
РГАДА — Российский государственный архив древних актов
РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства
РГИА — Российский государственный исторический архив
РККА — Рабоче-крестьянская Красная армия
РО ИРЛИ — Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук
РСФСР — Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
СНК — Совет народных комиссаров
СПбФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук
ФЗУ — Школа фабрично-заводского ученичества
ФСБ — Федеральная служба безопасности
ЦГА СПб — Центральный государственный архив Санкт-Петербурга
ЦГАИПД — Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга
ЦГИА СПб — Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга
ЕАА — Eesti Ajalooarhiiv (Исторический архив Эстонии)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Валиев Мурат Тимурович, инженер, генеалог, независимый исследователь, руководитель проекта «Общество друзей школы Карла Мая»: www.kmay.ru (Санкт-Петербург).

Valiev Murat T., Engineer, Genealogist, Independent Researcher, Project Head of “Society of Karl May School Friends”: www.kmay.ru (St. Petersburg).

E-mail: mvaliev@mail.ru

Головнин Петр Андреевич, директор ассоциации «Русско-японский центр по науке и культуре» (Санкт-Петербург).

Golovnin Peter A., Director of Association “Russian-Japanese Centre of Science and Culture” (St. Petersburg).

E-mail: peter-15g@mail.ru

Захарова Елена Тихоновна, кандидат биологических наук, старший научный сотрудник, Институт экспериментальной медицины (Санкт-Петербург).

Zakharova Elena T., PhD (Biology), Senior Researcher, Institute of Experimental Medicine (St. Petersburg).

E-mail: et_zakharova@mail.ru

Иванова Наталья Ивановна, руководитель музея «Немцы в Санкт-Петербурге и окрестностях», Немецкой секции Ассоциации исследователей Санкт-Петербурга (Санкт-Петербург).

Ivanova Natalia I., Museum Germanys in St. Petersburg, Germanys Sektion of the Reseaarches Assotiation (St. Petersburg).

E-mail: naiviv@mail.ru

Иодко Ольга Владимировна, старший научный сотрудник Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук (Санкт-Петербург).

Iodko Olga V., Senior Researcher, St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg).

E-mail: o_akbar@bk.ru

Кузьмина Нина Георгиевна, Российский творческий союз работников культуры (Санкт-Петербург).

Kuzmina Nina G., Russian Creative Union of Cultural Workers (St. Petersburg).
E-mail: yasnova1966@yandex.ru

Лебедева (Бахмутская) Елена Вячеславовна, кандидат исторических наук, доцент, член Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев (Санкт-Петербург).

Lebedeva (Bachmutskaya) Elena V., PhD (History), Associate Professor, Member of the International Association of Researchers of the History and Culture of Russian Germans (St. Petersburg).

E-mail: elen7@bk.ru

Лейерман Сергей Анатольевич, выпускник Ленинградского университета (1983), Санкт-Петербургского института религиоведения и церковных искусств (2004), независимый исследователь (Санкт-Петербург).

Leyerman Sergei A., a Graduate of Leningrad University (1983), Graduate of the St. Petersburg Institute of Religious Studies and Church Arts (2004), Independent Researcher (St. Petersburg).

E-mail: Leyermansergey@gmail.com

Лейнонен Ирина Леонидовна, генеалог, независимый исследователь, член Общества друзей школы Карла Мая (Лауша, Германия)

Leinonen Irina L., Genealogist, Independent Researcher, Member of Society of Karl May School Friends (Lausha, Germany).

E-mail: irleinonen@mail.ru

Лисицына Анна Сергеевна, независимый исследователь, переводчик, член РОО «Институт Петербурга» (Санкт-Петербург).

Lisitsyna Anna S., Independent Researcher, Translator, Member of "Saint Petersburg Institute" Regional Studies Society (St. Petersburg).

E-mail: foxy9760@yandex.ru

Могилевич Ирина Михайловна, кандидат химических наук, старший научный сотрудник «Лаборатории Пелин», волонтер музея Второй Санкт-Петербургской гимназии (Санкт-Петербург).

Mogilevich Irina M., Candidate of Chemical Sciences, Senior Researcher at Pelin Laboratories LLC, Volunteer of the Museum of the Second St. Petersburg Gymnasium (St. Petersburg).

E-mail: mmmogilevich@mail.ru

Никонорова Лариса Вениаминовна, независимый исследователь (Санкт-Петербург).

Nikonorova Larisa V., Independent Researcher (St. Petersburg).

Сафонов Михаил Михайлович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН (Санкт-Петербург).

Safonov Mikhail M., PhD (History), Senior Researcher, St. Petersburg Institute of History of Russian Academy of Sciences (St. Petersburg).

E-mail: m.safonov@list.ru

Смирнова Елена Валентиновна, садовод, независимый исследователь, автор статей для сайта terijoki.spb.ru (Санкт-Петербург).

Smirnova Elena V., Gardener, Independent Researcher, Author of Articles, Site terijoki.spb.ru (St. Petersburg).

E-mail: lena9109833@yandex.ru

Соболева Елена Станиславовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела этнографии народов Южной и Юго-Западной Азии, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Санкт-Петербург).

Soboleva Elena S., PhD (History), Senior Researcher, Department of South and South-West Asia, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of Russian Academy of Sciences (St. Petersburg).

E-mail: soboleva@kunstkamera.ru

Черказьянова Ирина Васильевна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина (Санкт-Петербург).

Cherkazyanova Irina V., Dr. Sci. (History), Chief Researcher of the Leningrad State University named after A. S. Pushkin (St. Petersburg).

E-mail: cherk@inbox.ru

Шевчук Сергей Валерьевич, ведущий агроном Ботанического института, отдел «Ботанический сад» (Санкт-Петербург).

Shevchuk Sergey V., Leading Agronomist, Botanical Institute, Botanical Garden Department (St. Petersburg).

E-mail: shevchuksv62@rambler.ru

СОДЕРЖАНИЕ

К ЧИТАТЕЛЮ (Ю. В. Бучатская)	3
------------------------------------	---

Духовная и культурная жизнь немецкого Петербурга

<i>С. А. Лейерман</i> НЕМЕЦКАЯ МИСТИКА В РОССИИ	9
--	---

<i>А. С. Лисицына</i> КАМИЛЛ БЕРТОЛЬДИ (1825–1914) — ПАСТОР, РЕДАКТОР, ИЗДАТЕЛЬ	60
---	----

<i>И. Л. Лейнонен, М. Т. Валиев</i> СЕМЕЙНЫЕ ПРЕДАНИЯ И РЕАЛИИ — СТРАНИЦЫ ФАМИЛЬНОЙ ИСТОРИИ ПЕТЕРБУРГСКОГО ПОЭТА, ХУДОЖНИКА И КРАЕВЕДА РОБЕРТА ЛЕЙНОНЕНА	87
---	----

Немцы в высшем сословии Петербурга

<i>М. М. Сафонов</i> «АВТОБИОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАПИСКА» ЕКАТЕРИНЫ II	113
---	-----

<i>П. А. Головнин</i> КНЯЗЬЯ ГОГЕНЛОЭ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ	141
---	-----

Немецкие профессионалы на службе Петербургу и России

<i>И. М. Могилевич</i> «РЫЦАРЬ СОЛНЦА» — АНДРЕЙ КАРЛОВИЧ АМБУРГЕР	161
--	-----

<i>О. В. Иодко</i> ГЕОЛОГ, МИНЕРАЛОГ, АКАДЕМИК ГЕРМАН ВИЛЬГЕЛЬМ АБИХ (1806–1886)	206
--	-----

<i>Н. Г. Кузьмина</i> Р. К. ШНЕЙДЕР — ОСНОВАТЕЛЬ ПЕРВОГО ПОЛИГРАФИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА В РОССИИ	220
--	-----

<i>М. Т. Валиев</i> ФАМИЛЬНАЯ ИСТОРИЯ СЕМЬИ КРАНКЕНГАГЕН	243
---	-----

<i>Е. В. Смирнова</i> РАБОТЫ АРХИТЕКТОРОВ НЕМЕЦКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ НА УЧАСТКАХ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ В НАЧАЛЕ XX в.	274
<i>Л. В. Никонорова, С. В. Шевчук</i> КАРЛ ФЕРДИНАНДОВИЧ ГЕЙН (1889–1964) — САДОВНИК	291
<i>Е. С. Соболева</i> ПЕТЕРБУРГСКИЙ И СРЕДНЕАЗИАТСКИЙ БОТАНИК А. И. МИХЕЛЬСОН	306

**Ленинградские немцы XX в.:
национальная политика СССР, репрессии и память**

<i>Е. В. Лебедева</i> «ИНСТИНКТЫ КОЛОНИСТОВ ГРУБО-КУЛАЧЕСКИЕ»: НЕМЕЦКИЕ КОЛОНИИ ПОД ПЕТРОГРАДОМ И СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ В ПЕРИОД ВОЕННОГО КОММУНИЗМА (1918–1921)	327
<i>И. В. Черказьянова</i> ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ЛЕНИНГРАДСКИХ НЕМЦЕВ НАКАНУНЕ И В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ ...	360
<i>Н. И. Иванова</i> НЕМЦЫ И АВСТРИЙЦЫ НА ЛЕНМЯСОКОМБИНАТЕ им. С. М. КИРОВА. ИЗ СЕРИИ «ИСЧЕЗНУВШИЕ МУЗЕИ»	376
<i>Е. Т. Захарова</i> «ПАМЯТЬ — ЕДИНСТВЕННОЕ ОРУЖИЕ МЕРТВЫХ». ВЫДЕРЖКИ ИЗ ДНЕВНИКА М. И. ГЕССЕ	408
Список сокращений	475
Сведения об авторах	477

CONTENTS

TO THE READER (<i>Yu. V. Buchatskaya</i>)	3
---	---

Spiritual and cultural life of German St. Petersburg

<i>S. A. Leyerman</i> GERMAN MYSTICISM IN RUSSIA	9
<i>A. S. Lisitsyna</i> PASTOR, EDITOR AND PUBLISHER CAMILLO BERTOLDY (1825–1914)	60
<i>I. L. Leinonen, M. T. Valiev</i> FAMILY LEGENDS AND REALITIES — PAGES OF THE FAMILY HISTORY OF THE ST. PETERSBURG POET, ARTIST AND LOCAL HISTORIAN ROBERT LEINONEN	87

Germans in the Upper Class of St. Petersburg

<i>M. M. Safonov</i> “THE AUTOBIOGRAPHICAL NOTE” OF CATHERINE II	113
<i>P. A. Golovnin</i> HOHENLOHE’S PRINCE IN SANKT-PETERSBURG	141

German Professionals in the Service of St. Petersburg and Russia

<i>I. M. Mogilevich</i> “KNIGHT OF THE SUN” — ANDREY KARLOVICH AMBURGER	161
<i>O. V. Iodko</i> GEOLOGIST, MINERALOGIST, ACADEMICIAN HERMANN-WILHELM ABICH (1806–1886)	206
<i>N. G. Kuzmina</i> R. K. SCHNEIDER IS THE FOUNDER OF THE FIRST PRINTING MAGAZINE IN RUSSIA	220
<i>M. T. Valiev</i> FAMILY HISTORY OF THE KRANKENHAGEN	243

E. V. Smirnova

WORKS OF ARCHITECTS OF GERMAN ORIGIN ON THE SITES
OF CHARITABLE INSTITUTIONS IN THE EARLY TWENTIETH
CENTURY 274

L. V. Nikonorova, S. V. Shevchuk

THE GARDENER KARL FERDINANDOVICH HEIN (1889–1964) 291

E. S. Soboleva

ST. PETERSBURG AND CENTRAL ASIAN BOTANIST
ALEXANDER I. MICHELSON 306

**Leningrad Germans of the XX Century:
National Politics of the USSR, Repression and Memory**

E. V. Lebedeva

“THE INSTINCTS OF THE COLONISTS ARE ROUGHLY KULAK”:
GERMAN COLONIES NEAR PETROGRAD AND SOVIET POWER
DURING THE PERIOD OF WAR COMMUNISM (1918–1921) 327

I. V. Cherkazianova

ETHNIC IDENTITY OF LENINGRAD GERMANS ON THE EVE
AND DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR 360

N. I. Ivanova

GERMANS AND AUSTRIANS AT THE KIROV MEAT PLANT
IN LENINGRAD. FROM THE SERIES “MISSING MUSEUMS” 376

E. T. Zakharova

“MEMORY IS THE ONLY WEAPON OF THE DEAD”.
EXTRACTS FROM THE DIARY OF M. I. HESSE 408

List of abbreviations 475

Information about authors 477

Научное издание

**Немцы в Санкт-Петербурге
XVIII–XX вв.**

Выпуск 15

Редактор *Т. В. Никифорова*
Корректор *Е. З. Чикадзе*
Компьютерный макет *Н. И. Пашковской*

Подписано в печать 30.04.2024.
Формат 60×84/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Гарнитура Minion Pro. Усл. печ. л. 28. Уч.-изд. л. 30.
Тираж 300 экз. Заказ № 000.

МАЭ РАН
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 3

Отпечатано в ООО «Издательство “Лема”»
199004, Санкт-Петербург, 1-я линия Васильевского острова, 28
izd_lemma@mail.ru

ISBN 978-5-88431-424-5

